

Ашвагхоша

**Жизнь
Будды**

Калидаса

Драмы

Перевод
К. Бальмонта

Москва
«Художественная
литература»
1990

ББК 84. 5Ид
А98

Автор введения,
вступительной статьи
и очерков

Г. БОНГАРД-ЛЕВИН

Научная редакция
Г. БОНГАРД-ЛЕВИНА

Оформление художника

А. БРАНТМАНА

А **4703020600-227** **171-90**
028(01)-90
ISBN 5-280-01241-6

© Введение, вступ. статья, очерки
и комментарии, оформление. Из-
дательство «Художественная ли-
тература», 1990 г.

ВВЕДЕНИЕ

Замысел этой книги возник несколько лет назад в Индии. Я находился там в научной командировке и работал в библиотеках и хранилищах древних санскритских рукописей. В Индии в это время продавалась написанная мною вместе с А. А. Вигасиным книга «Образ Индии» (М., Прогресс, 1984, на английском языке). Она посвящена истории изучения Индии в России и СССР. Познакомившись с книгой, работники Национальной литературной Академии в Дели показали мне письмо, направленное в 1966 г. Президенту Академии и Премьер-министру Индийской республики Джавахарлалу Неру дочерью русского поэта Константина Дмитриевича Бальмонта — Ниной Константиновной Бруни-Бальмонт и копию ответа Дж. Неру. Письмо из Москвы сопровождало лекции Бальмонта о Калидасе, которые впервые готовились тогда к публикации. Мне были, конечно, известны великолепные переводы К. Бальмонта драм Калидасы и поэмы Ашвагхоши «Жизнь Будды», но я никогда не представлял себе, насколько тесно было связано с Индией и ее культурой творчество известного поэта-символиста. Впоследствии я узнал, что Н. К. Бруни-Бальмонт живет в Москве. Нина Константиновна — дочь поэта и жена художника Л. А. Бруни (сделавшего, как известно, посмертный рисунок А. Блока на следующий день после кончины поэта) — ввела меня в мало известный тогда мне мир бальмонтовских стихов и переводов, рассказала об архивных фондах, где хранятся неопубликованные рукописи и письма отца и его друзей. Многие уникальные материалы были переданы ею в архивы.

Именно тогда меня заинтересовала история переводов, выполненных Бальмонтом, памятников древнеиндийской литературы; я стремился отыскать все новые свидетельства его увлечения культурой Индии и буквально засел в архивах Москвы и Ленинграда, знакомясь с документами, в частности с перепиской Бальмонта с деятелями русской науки, литературы, искусства. Позднее я получил возможность поработать в Национальной библиотеке в Париже. Там я познакомился с записными книжками поэта и его письмами, сборниками стихов, отсутствующими в наших библиотеках. Любопытные, неизвестные ранее, факты открылись при знакомстве с архивом издательства М. и С. Сабашниковых, где издавались переводы Бальмонта индийской классики. Новые свидетельства о путешествиях поэта и его литературной деятельности удалось отыскать в фондах крупнейшего русского этнографа и антрополога Д. Н. Анучина, выдающегося индолога, академика С. Ф. Ольденбурга, режиссера А. Я. Таирова — постановщика «Сакунталы» Калидасы в Камерном театре, в архивах друзей Бальмонта, с которыми он переписывался во время своего второго путешествия, в том числе в Индию и на Цейлон.

Теперь мы значительно полнее знаем об индийской тематике в творчестве Бальмонта, можем увидеть, как готовились переводы Ашвагхоши и Калидасы.

Сейчас, когда публикация готова, следует сказать несколько слов о структуре книги. Она содержит перевод Бальмонта поэмы Ашвагхоши «Жизнь Будды» (по китайской версии), трех драм Калидасы, а также статьи об Ашвагхоше и Калидасе. В очерках на основе архивных материалов рассказывается о ходе работы Бальмонта над переводами и подготовкой изданий 1913, 1915 и 1916 гг. Примечания поясняют индийские реалии, мифологические образы, названия, имена. Во вступительной статье освещается еще не разработанная в литературоведении и индологии тема — «Индийская культура в творчестве К. Д. Бальмонта».

Хочется поблагодарить всех, кто помогал мне в работе. Это прежде всего Нина Константиновна Бруни-Бальмонт, сумевшая сохранить письма отца и многие его бумаги после отъезда Бальмонта в Париж в 1920 г. Я признателен также сотрудникам ЦГАЛИ, архива АН СССР, рукописных фондов Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Пушкинского дома (Ленинград), Государственной Публичной библиотеки (Ленинград), Рус-

ского зала Национальной библиотеки в Париже, Французского Института славистики. Выражаю благодарность д. фил. н. В. Г. Эрману, вместе с которым были составлены примечания к драмам Калидасы, и к. и. н. В. К. Шохину, подготовившему примечания к поэме Ашвагхоши.

Я прекрасно осознаю, что эта публикация — только одна из глав той будущей книги о творчестве К. Бальмонта, которая, надеюсь, когда-нибудь появится.

Уже после того, как рукопись была сдана в издательство, Нины Константиновны Бруни-Бальмонт не стало. Посвящаю эту книгу ее памяти.

Г. Бонгард-Левин

ИНДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ К. Д. БАЛЬМОНТА

*«Свет мой, Индия, святыня,
деваственная мать».*

Литературное наследие известного русского поэта-символиста Константина Дмитриевича Бальмонта (1867—1942) огромно. Ему принадлежат десятки сборников стихов и прозы. Одаренный лингвистическими способностями, он владел многими языками. По свидетельству современников, Бальмонт знал более десяти европейских языков, изучал восточные, в том числе санскрит и китайский. Известностью пользовались его переводы классиков английской, испанской, польской литературы — Шелли, Э. По, Кальдерона, Ю. Словацкого. Ему принадлежат первые переводы на русский язык бессмертной поэмы Ш. Руставели и «Слова о полку Игореве», армянских, литовских, болгарских и даже средневековых японских поэтов. Творческие интересы поэта были необычайно разносторонни: Бальмонт увлекался культурой майя, культовой поэзией Древнего Египта, мифами Полинезии и Океании, преданиями об Озирисе и иранском Ахурамазде, переводил гимны индийским божествам огня и ветра — Агни и Вайю, спутникам богов Марутам, богине мудрости и красноречия Сарасвати. В конце XIX — начале XX в. Бальмонт считался одним из самых популярных в России поэтов; по образному выражению В. Брюсова, в это время он «нераздельно царил над русской поэзией».

Его никогда не покидала страсть к путешествиям, поэт стремился к познанию разных стран, чужих культур, таинственных обычаев; увлеченно занимался этнографией (прежде всего фольклористикой), интересовался антропологией. Острую любознательность он пронес через долгую, во многом трагическую жизнь.

Казалось, он выполнил это желание, объездив не только Европу, но побывав в Северной Америке, Северной и Южной Африке, Австралии, Полинезии, Тасмании, Южной и Юго-Восточной Азии, Китае и Японии. Он говорил о себе как о «всемирном госте», «странствующем поэте». Марина Цветаева образно назвала его «плавающим островом». По ее словам, «Бальмонт — тоска Руси по заморью»¹. Заморье стало источником его поэтического вдохновения, глубокого проникновения в культуру далеких стран и народов, в том числе — Востока.

Заметное место в творчестве Бальмонта занимала Индия, ее древняя цивилизация. Об этом говорят стихи поэта, его переводы памятников индийской мысли, переписка². К сожалению, большинство свидетельств об этой стороне творчества Бальмонта оставалось неизвестным, его эпистолярное наследие было практически не исследовано*. Изучение архивных материалов показывает увлеченность поэта Индией, увлеченность, которая не покидала его с ранней юности в России до последних трагических дней в предместье захваченного фашистами Парижа.

С письменными памятниками индийской культуры Бальмонт впервые ознакомился, очевидно, еще в 1897 г., когда в Оксфорде читал лекции по русской литературе. В архиве Оксфордского университета сохранились списки ученых, которые посещали лекции русского поэта³. Среди них был и Макс Мюллер (1823—1900) — выдающийся санскритолог, блестящий знаток литературы и религии Древней Индии, организатор всемирно известной серии «Священные книги Востока». Во время приезда Бальмонта Макс Мюллер был уже на пенсии, но оставался почетным профессором сравнительной филологии, продолжал индологические исследования, возглавлял проект по изданию переводов памятников индийской словесности. Встречи с одним из корифеев мировой индологии не могли не оказать влияния на молодого поэта. Судя по его архиву, Бальмонт внимательно изучал труды М. Мюллера, прежде всего по ранневедийской **

* Большинство приводимых в книге писем публикуется впервые. Сохранена их орфография и пунктуация, а также стиливые особенности авторов.

** В е д ы — древние священные книги индийцев.

литературе, в частности перевод его ведийских гимнов (Оксфорд, 1891): к «священным книгам Востока» он вновь обратился позднее в связи с работой над переводом «Жизни Будды» Ашвагхоши (условно I—II вв.).

Находясь в Англии, Бальмонт увлекся теософией. Он с упоением прочитал книгу Е. Блаватской «Голос Молчания» («The Voice of the Silence»), в которой был широко использован индийский материал (упанишады *, «Бхагавадгита» **, буддийские тексты и т. д.). В большинстве случаев, однако, Блаватская пользовалась не оригинальными текстами, а, к сожалению, брала материалы из вторых и третьих рук. Позднее, в «Путевых письмах издалека близкой» (сб. «Змеиные цветы», М., 1910) Бальмонт, обращаясь к жене, писал: «Ты помнишь, как однажды, в первое наше путешествие, мы блуждали около Charing-Cross — отеля, в Лондоне, и случайно остановились у Теософского магазина? Я, помню, купил тогда «The Voice of the Silence» Блаватской и взял каталог теософских книг. Эти две маленькие книжечки, из которых вторая была добрым путеводителем, сыграли большую роль в моей жизни. Прекрасная, как драгоценный камень, книжка «The Voice of the Silence» была утренней звездой моего внутреннего расцвета. Она ввела меня в новый мир. А по этому, некрасивому на вид, каталогу я приобрел целый ряд драгоценных книг, с которыми я провел столько радостных и просветленных часов за последние годы».

Экземпляр книги он послал в Москву Брюсову. Их переписка тех лет касается и вопросов теософского учения. Поклонник античной философии, Брюсов не разделял теософских увлечений своего друга. «Вы заблуждаетесь,— писал он,— индийской мудрости нет... Элины более правы, чем мантры ***. Можно сказать «майя», можно говорить «заблуждение Я». но нельзя не мыслить себя свободным, нельзя не чувствовать себя свободным, нельзя ни человеку, ни ангелу, ни даже сверхчеловеку» (апрель 1898 г.). Полемика поэтов возникла, очевидно, после написания Бальмонтом стихотворения

* У п а н и ш а д ы — собрание религиозно-философских текстов, примыкающих к ведам.

** «Б х а г а в а д г и т а» — поэма, часть древнеиндийского эпоса «Махабхарата», религиозно-философское сочинение, особо почитаемое индуистами.

*** М а н т р а — священное заклинание.

«Майя» (условно — иллюзия). Вот некоторые строки этого стихотворения:

В темной пещере задумчивый йоги,
Маг-заклинатель, бледней мудреца,
Что-то шептал, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.
Мантру читал он, святое моление;
Только прочел — и пред ним, как во сне,
Стали качаться, носиться виденья,
Стали кружиться в ночной тишине...
Бешено мчаться и люди и боги...
«Майя! О, Майя! Лучистый обман!
Жизнь — для незнающих, призрак — для йоги,
Майя — бездушный немой океан...»

Тем не менее Бальмонт и в тот период, и в последующие несколько лет был поглощен идеями Блаватской — эта «утренняя заря внутреннего расцвета» не покидала его, но он стремился самостоятельно понять и оценить концепции индийских религиозных и религиозно-философских школ. После первого пребывания в Оксфорде Бальмонт издает сборник «Тишина. Лирические поэмы» (СПб., 1898), где к разделу «Мертвые корабли» в качестве эпиграфа взяты строки из книги Блаватской ¹. «Майя», как и другие стихотворения, навеянные индийской религией и философией (прежде всего упанишадами), вошла затем в сборник «Лирика мыслей и символика настроений. Книга раздумий» (СПб., 1899). В следующей книге — «Горящие здания. Лирика современной души» (М., 1900) — стихи на индийские сюжеты («Индийский мотив», «Индийский мудрец», «Паук») составили уже особый цикл — «Индийские травы». Раздел открывается двумя эпиграфами: «Tat twam asi» — «То есть ты. Основоположение индийской мудрости» и «Познавший сущность стал выше печали. Шри-Шанкара Ачария». Первый эпиграф отражает основную концепцию упанишад, второй — слова Шанкары, создателя учения веданты. Это упанишадовское изречение было популярно в России, под таким названием опубликовал свое стихотворение Вячеслав Иванов, посвятив его известной теософке А. В. Гольштейн ². Упанишадами и ведантой увлекались и другие поэты, особенно А. Белый (об этом он сам рассказывает в своих книгах) ³.

Обращение к упанишадам и веданте отражало не только влияние теософского учения Е. Блаватской, но

свидетельствовало о знакомстве в России с индийскими религиозно-философскими учениями. Отрывки из упанишад в переводе В. Джонстон появились уже в конце XIX в.⁷, тогда же она посвятила специальную публикацию Шанкаре⁸.

Влияние идей Е. Блаватской заметно и в ряде последующих произведений Бальмонта. В статье «Кальдероновская драма личности» (1904) поэт приводит отрывки из «Голоса Молчания» (в своем переводе). После первого приезда в Оксфорд Бальмонт еще не раз посещал этот университетский центр и серьезно занимался изучением индийской культуры. В одном из писем (Оксфорд, 10.VIII. 1902) он писал Брюсову: «Я пребываю в Индии», просил его прислать книги по Индии, в частности «Камасутру»^{*}.

В сборнике «Будем как Солнце» (М., 1903), который был высоко оценен А. Блоком и В. Брюсовым, Бальмонт так объяснил причину своей увлеченности Индией:

Я полюбил индийцев потому,
Что в их словах — бесчисленные зданья,
Они растут из яркого страданья,
Пронзая глубь веков, меняя тьму.

Это стихотворение входило в цикл, посвященный Д. С. Мережковскому — автору популярных тогда стихотворений «Нирвана» и «Будда». И возможно, оно было ответом известному поэту, одному из корифеев символизма начала века.

В сборнике статей «Горные вершины» (М., 1904) Бальмонт признавался, что большое влияние на него имели не только работы Е. Блаватской, но и труды известного английского мистика У. Блейка, которого поэт называл «праотцем современных символистов». Параллели символизму Бальмонт находил в ряде индийских религиозно-философских концепций, прежде всего в упанишадах. «Этот закон для всех поэтов-символистов, — писал он, — их путь — строгий путь отвлечений. Этот закон равно является общим для мистиков, и в особенно ярких видоизменениях мы видим его на страницах упанишад» (связь символизма с индийскими системами, включая учение упанишад, еще более настойчиво подчеркивал А. Белый).

^{*} «Камасутра» — древнеиндийский трактат об искусстве любви.

Уже в это время Бальмонт грезит посещением Индии. В июне 1903 г. он пишет Брюсову: «Весь теперь в мечтах о следующем. К январю я кончаю Шелли, Эдгара По и третий том Кальдерона⁹. Затем в течение многих месяцев читаю миллионы книг об Индии, Китае и Японии. Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие — в Константинополь, вероятно Персия, Индия, часть Китая, Япония. На обратном пути — Америка. Путешествие год. Если бы Вы захотели поехать вместе со мной, это была бы сказка фей. Поедьте. Подумайте, что за счастье, если мы вместе увидим пустыню, и берега Ганга, и священные города Индии, и Сфинкса, и Пирамиды, и лиловые закаты Токио, и всё, и всё»^{*}.

В начале января 1904 г. он записывает в своем дневнике: «Я отдаюсь мировому, и Мир входит в меня. Мне близки и звезды и герои. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в древнем Риме, где-то в вечной Индии»¹⁰.

Свидание с Индией состоялось позже — почти через десять лет, но ее мир, природа, города и храмы, герои и боги все чаще появляются на страницах его книг.

В сборнике «Литургия красоты» (М., 1905) поэт уже живет в стране, которую мечтает посетить. Он переносится в Индию, чтобы слагать стихи «меж дважды рожденных», очутиться в святых местах, познакомиться с древними обычаями и памятниками искусства.

Под Гималаями, чьи выси — в блесках Рая,
Я понял яркость дум, среди долинной мглы,
Горела в темноте моя душа живая,
И людям я светил, костры им зажигая,
И Агни светлому слагал свои хвалы.

Поэт слышит суровый вой Рудра-Шивы^{**} — «красного вопрея Небес», видит лукавую улыбку «Соблазнитель-Мары»^{***}. Его влечет к «зеленым пещерам Эллы», он вторит «заветам Готамы»^{****}.

^{*} Здесь и далее в письмах, дневниках, статьях и переводах сохранены орфография и синтаксис К. Бальмонта. Оставлено также его написание индийских имен, географических названий и реалий.

^{**} Рудра («Свирепый») — одно из имен Шивы.

^{***} Мара — по буддийской традиции, соперник Будды.

^{****} Готама (Гаутама) — род, из которого происходил Будда; отсюда Будда-Гаутама.

Снова я в Индии...
В Индии древней, в отчизне святой,
Данной для всех, опьяненных мечтой,
В цельной, навек непреложной.

Индия становится для него страной Мысли и Мечты, символом священных земных обителей, всеобъемлющей, всепонимающей. «Я думаю, что индийская мудрость включает в себя все оттенки доступной человеку мудрости, многогранность Индийского Ума неисчерпаема... Индия — законченная в своих очертаниях Страна Мысли, а в Мысли есть и Мечта».

Чтобы глубже проникнуть в тайны индийской мудрости, Бальмонт знакомится с научными и научно-популярными индологическими трудами, работами по религии, философии, мифологии Индии. В «Записных книжках» за август 1904 г. содержится список книг, которые, очевидно, читал или собирался прочитать поэт. Среди них — немало по индийской тематике, в том числе западноевропейские переводы таких памятников индийской культуры, как гимны «Ригведы», «Бхагавадгита», «Законы Ману», книги по индуизму и буддизму.

Бальмонт приступает к переводу гимнов «Ригведы» и сказаний упанишад, основываясь, в частности, на английских переводах Макса Мюллера и Г. Ольденберга. В сборнике «Гимны, песни и замыслы древних» (СПб., 1908) он посвящает Индии раздел, который включает переводы ведийских текстов — знаменитого ригведийского гимна о сотворении мира, гимны к Агни и Марутам, сказания о Начикетасе из «Катха упанишады», где наиболее последовательно изложены основоположения упанишад. «Начикетас, — писал Бальмонт, — так же как и Заратустра *, у самой Смерти исторг слова, которые хочется всегда слушать и которые сочетают смерть с жизнью — светлую перевязью, морскими жемчугами, земными изумрудами и всеозаряющими бриллиантами и сапфирами Неба».

Включая в сборник наряду с древними памятниками Египта, Ассирии, Ирана, Китая, Мексики переводы древнеиндийских текстов, поэт так объяснял свой замысел: «Побывать мечтой на всех мировых полях и ото всех вернуться обогащенным... побывать в древней Индии, между первичных поэтов». Ведь «художник, — по его словам, —

* З а р а т у с т р а (Заратустра) — создатель религии зороастризма.

слышит дальние шепоты, подземные голоса и зовы времен отшедших».

Переводы этих индийских сочинений, как отмечалось, были сделаны с западноевропейских языков. Однако, прибыв в Париж в начале 1906 г. после вынужденной эмиграции, поэт с особым воодушевлением занимается санскритом. Не случайно в одном из первых писем к Брюсову из Парижа он просит выслать ему книги по санскриту.

Индологические интересы Бальмонта расширяются — наряду с ведийской мифологией и религией поэт обращается к памятникам буддийской мысли и индийской драматургии. Уже в это время он читает драму «великого индусского поэта» Шудраки «Глиняная повозка»¹¹, приступает к изучению творчества Калидасы¹², начинает перевод «Жизни Будды» Ашвагхоши. Эта тематика становится предметом многолетних увлечений и занятий.

Во Франции судьба свела Бальмонта с крупными востоковедами, в том числе с выдающимся французским индологом и китаистом Сильвэном Леви (1863—1935), академиком Франции, позднее избранным и членом-корреспондентом Российской Академии наук. С. Леви был автором блестящих работ по индийской литературе, драматургии, религии. В 1890 г. был опубликован капитальный труд С. Леви «Индийский театр», в котором подробно разбиралось творчество Калидасы, Шудраки, других индийских драматургов. Можно предполагать, что интерес Бальмонта к древнеиндийской драматургии был поддержан С. Леви. Позднее поэт и сам приступил к написанию книги под тем же названием. С. Леви был лучшим в мире знатоком творчества поэта и драматурга Ашвагхоши, и, видимо, идея перевода его поэмы «Жизнь Будды» также возникла не без участия французского ученого (подробнее см. с. 263—278).

Популярность Бальмонта — поэта и переводчика была в России исключительно велика. Поэтому, составляя новую серию «Памятники мировой литературы», московский издатель М. В. Сабашников сразу же обратился к своему старинному другу Бальмонту, жившему тогда в Париже, с предложением о сотрудничестве. Это было вполне естественно: еще в 1898—1899 гг., когда впервые возникла идея издания серии шедевров мировой классики, Сабашников дал согласие на издание переводов Бальмонта¹³.

Письмо, посланное Сабашниковым в Париж, до нас не дошло, но в архиве издательства сохранился ответ Бальмонта от 17 мая 1911 г. В этом интереснейшем документе содержится творческие установки поэта, намечается новый этап в его биографии и уже говорится о серьезной работе над переводом поэмы Ашвагхоши:

«...Что касается твоего предложения перевести что-нибудь из Древних писателей, я охотно откликаюсь на этот призыв, но для меня не совсем ясно, кого разумеешь ты под Древними. Если ты говоришь о писателях Греческих и Латинских, я думаю, что никогда не приближусь к ним, ибо Древними их не считаю, а вижу в них вестных, переизвестных, повторностью безнадежно затертых, давно вошедших в Европейскую жизнь и безвозвратно исчерпанных, не превеликих талантов и гениев и несомненных эпигонов, подражателей, продолжателей и повторителей (сознательных или бессознательных, все равно) таких первородных ценностей, как Египет, Халдея, Еврейство и Индия, включим уж в этот четвертый ряд и Китай, и Мексику с Перу, и Персию. Все это несомненно интереснее и первороднее Греков и Римлян. Если бы ты захотел издать что-нибудь из этих областей, я с большим наслаждением мог бы приготовить для тебя разные любопытности, которые не только суть любопытности, но и необходимости...

В данное время я перевожу на Русский язык — стихами — замечательнейшую, считаемую Европейскими специалистами (как, например, Самьюэл Бил) лучшей среди других разночтений, легенду «Жизнь Будды». Это канонически точная и поэтическая прекрасная передача основного предания. Индусский поэт Асвагоша (так называемый «Двенадцатый Буддийский Патриарх»), половины 1-го века Христианской эпохи, изложил предание в стройной форме, другой Индусский поэт, Дгармаракша *, 5-го в. по Р. Хр., уехал в Китай, долго жил там и между прочим перевел на Китайский язык эту поэму Асвагоши, очистив ее от темнот и придав ей более кристальную форму. В этом втором лике она пленительна. Я познакомился с ней года 2—3 тому назад, и много раз мне хотелось перевести оттуда хоть несколько отрывков. В конце концов я решил прибегнуть к советам и помощи специалистов и переведу эту вещь целиком. Около трети всего у меня уже переведено. Если хочешь, я могу тебе

* Правильно — Дхармаракша.

послать для прочтения. Издашь ли ты ее или не издашь, я все равно переведу ее целиком. Но конечно, если ты захочешь ее издать, это будет для меня настоящая радость, для Русского же слова и мышления — думаю — истинная польза. К повествованию этому можно было бы приложить, в виде дополнения, отрывки из других Буддийских книг и поучений и пояснительный очерк.

Я думаю, что Россия быстро идет к полному пересмотру всех основных ценностей, что она уже вполне вступила в пору такого многогранного расследования и сопоставлений и что для возможности осуществить такие умственные параллели, схождения и расхождения завершённым образом надо дать Русскому читателю не создания Эллады и Рима, к которым в наиболее напряженные и трудные минуты внутренней борьбы Русский дух вовсе не устремляется и которыми он не может утолить свою жажду, — а создания, которые расширяют его Я введением в него совершенно новых элементов, обогащают почву, дадут новые пути, новые углы зрения, удивят неожиданностью и через удивление пробудят глаз для более острого зрения. Овеянные веками чужеземные легенды хранят в себе свет для наших дней и истекающего мгновения...»

Поэт, как видно из письма, пользовался английским переводом С. Биля, но он постоянно консультировался с известными французскими индологами и синологами, продолжал изучать научную индологическую литературу; особенно он интересовался трудами выдающихся отечественных ориенталистов И. П. Минаева (1840—1890) и В. П. Васильева (1818—1900). Много помогал Бальмонту С. Леви. Он и его коллеги обсуждали с переводчиком теоретические проблемы буддологии и конкретные текстологические вопросы.

Увлеченного путешественника не покидала мечта посетить родину Ашвагхоши, воочию ознакомиться с памятниками буддийской культуры. В августе 1911 г. Бальмонт сообщал в Москву Ф. Д. Батюшкову, известному литературоведу и критику: «В месяце ноябре сего года я уезжаю в Индию — и далее».

Через два месяца он писал редактору газеты «Русское слово» Ф. И. Благову: «В конце ноября или в самом начале декабря я уезжаю в кругосветное путешествие. Индия, Индо-Китай, Индийский архипелаг, Австралия, Океания, Калифорния, Мексика. Я буду, конечно, излагать в очер-

ках свои путевые впечатления. Причем, заранее сообщая, что они будут чисто-художественными, эти очерки, без обременения их эрудицией... Проезжая по таким странам, как Индия, Индо-Китай и Австралия, призванным сыграть в недалеком будущем — быть может, в нашем Завтра — крупную историческую роль, я буду, конечно, говорить и в очень определенных словах о настоящем состоянии этих стран с точки зрения непосредственного практического интереса».

Вскоре маршрут был уточнен. Чтобы лучше подготовиться к путешествию, поэт изменил и сроки отъезда. «25-го января н. с. я уезжаю в Англию, а оттуда в страны дальние, в Южную Африку и во всяческие южные области, какие доступны для обычного путника на Земном шаре» (из письма к известному русскому писателю А. М. Ремизову (1877—1957), 4. 1. н. с. 1912). Бальмонт настоятельно просит Сабашникова выслать ему книги по буддизму — труды как русских, так и зарубежных индологов; ожидая встречи с живыми традициями и религиями Востока, он консультируется с выдающимся этнографом и антропологом, директором Музея антропологии при Московском университете Д. Н. Анучиным (1843—1923).

«Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Уезжая в дальний путь, обращаюсь к Вам с просьбой. Если бы Вы были добры послать мне что-нибудь из Ваших работ по антропологии и этнографии, я бы Вам был очень благодарен. Охотно поквитался бы с Вами чем-либо из своих книг, если Вам это любопытно. Не укажете ли Вы мне также на какие-либо **вопросники** (подчеркнуто Бальмонтом), приспособленные для собирания фольклорных сведений?»¹⁴ Анучин послал Бальмонту свои труды, помог советами и в свою очередь обратился к поэту с просьбой приобрести в разных странах этнографическую и антропологическую коллекции для университетского музея.

Узнав об готовящемся отъезде, С. Леви направил Бальмонту краткое письмо: «В тот миг, когда Вы покидаете нашу страну, чтобы отправиться в чудесное путешествие, я, предаваясь радостным воспоминаниям, хотел бы передать Вам мои самые искренние пожелания. Позвольте сказать словами Вашего собрата Калидасы: Да будут чисты Ваши пути! И пусть божества Земли и Моря сопутствуют переводчику, вдохновленному многими талантами, и хранят его! То, что я смог прочитать из Вашей

поэмы¹⁵, восхитило меня. В Ваших стихах поет душа Индии» (оригинал по-французски).

1 февраля 1912 г. Константин Бальмонт отправляется в заморское путешествие. Оно длилось почти целый год — поэт вернулся в Париж 30. XII. 1912 г.

Судно взяло курс из Лондона к берегам Южной Африки через Плимут и Канарские острова. Оттуда путь лежал к Австралии, Новой Зеландии, Самоа, Фиджи, Новой Гвинее, Яве, Суматре, Цейлону и — Индии. Во время путешествия Бальмонт продолжает работать над переводом поэмы Ашвагхоши, посылает в Москву Сабашникову готовые главы. Наконец перевод завершен, и в письме из Тасмании от 12. IV он пишет издателю: «Будда сопровождал меня в Атлантике и Индийском океане и в Южной Африке, и мне все кажется сказочным, что он уже окончен».

Много интересных свидетельств о путешествии поэта содержат его письма издателю и Д. Н. Анучину, родственникам и друзьям. Он собирает этнографические и антропологические коллекции, изучает местный фольклор, памятники древней культуры. Прошло пять долгих месяцев, прежде чем Бальмонт достигает «оглушительно яркую и ликующую Яву». Здесь он посещает раннесредневековый буддийский комплекс в Боробудуре — «величайший в мире буддийский храм, в глубине Явы», делает фотографии для будущей книги: «Я привез превосходные фотографии различных буддийских изваяний». Боробудуру он посвящает несколько стихов, вошедших затем в сборник «Белый зодчий» (СПб., 1914). Фотографирует он и на Цейлоне, выполняя данное Сабашникову обещание проиллюстрировать книгу снимками древних буддийских памятников. В изданной Сабашниковым «Жизни Будды» были помещены некоторые снимки, сделанные поэтом на Яве и Цейлоне. После Коломбо Бальмонт отправляется в древнюю столицу «жемчужного Цейлона» — Анурадхапуру. «Анураджапура (в произношении Сингалезском — священный город древнего буддизма (но и современного тоже), схороненный в глубине острова». Письмо послано в Москву на бланке отеля, где он останавливался, — на бумаге изображение известной буддийской святыни — «Тхупарама-ступы». Судя по письмам, поэт изучает легенды о Будде, осматривает грандиозные буддийские ступы, знакомится с уникальными образцами буддийской скульптуры. (В «Жизни Будды» помещена его фотография так называемого Самадхи

Будды, то есть Будды в позе сосредоточения.) Здесь Бальмонт знакомится и с преданием о священном дереве Бодхи. Под ним, по традиции, царевич Сиддхартха достиг «просветления» — стал Буддой. Считалось, что это дерево было принесено из Индии в Анурадхапуру. С волнением пишет Бальмонт о том, что «свежая ветвь такого дерева, именно того, заветного, была 2. 215 лет тому назад отвезена на Цейлон; в Анураджапуре доселе зеленеет дерево, выросшее из этой ветви. Я был под трепетом его листвы». «Оно внушает тому, кто к нему приближается, мысли, отмеченные спокойной мудростью». «Я так рад, что был здесь», — писал он в Москву. На Цейлоне «почувствовалось странное братство с Сингалезами, расовое сходство, большое и таинственное» (из письма Д. Н. Анучину).

После Цейлона Бальмонт направился в Индию. Вначале поэт планировал посетить Калькутту, Бенарес и Бомбей, но затем маршрут был изменен — в Калькутту он решил не ездить, ибо главный замысел был в посещении Бенареса, вблизи которого — в Сарнатхе Будда, как гласит традиция, произнес свою первую проповедь, повернув тем самым «Колесо Учения». Из Коломбо Бальмонт приплывает в небольшой порт на крайнем юге восточного побережья Индии — современный Туттуккуди, затем посещает Танджавур, Кумбаконам (согласно традиции, место рождения Шанкары), Мадрас. Города Южной Индии, по его словам, «последние оплоты живой индусской мысли». И хотя Северная Индия рисуется ему «мертвой», Ганг — «лишь призраком», Бенарес — «исжитым», посещение этих священных мест производит на поэта глубокое впечатление. «Хорошо было быть здесь, поля, тишина, птицы нетревожимые, белки, бегающие в двух шагах, похожие на призраки люди в одеждах, в которых были боги 2.000 лет тому назад, священное кладбище — пусть кладбище, но священное — и я, отрицающий все это, но невольно любящий все это» (письмо из Бенареса 1 декабря 1912 г. в Москву). Вместе с письмом он посылает в Москву «листки дерева Бодхи (Bodhi), одного из тех, среди которых 2500 лет тому назад бродил царевич Гаутама, сделавшийся Буддой».

В Бенаресе Бальмонт пишет несколько стихотворений, в том числе «К звездам», «Пение» *. Священный

* На хранящихся в архивах оригиналах проставлены даты и название города — Бенарес.

берег Ганга — место паломничества — вдохновляет его на строки, ставшие затем широко известными.

С вершин небес упал на Землю Ганг.
И браманы в нем черпают отвагу
Читать миры, смотря умом во влагу...
Мечта звенит. Священный вьется дым.
Как хорошо быть в ладе с Мировым.

(«Индия») ¹⁷

Из Бенареса путь лежит к Агре, Дели, Бомбею. Судя по письмам, Бальмонт продолжает знакомиться с памятниками (в частности, посещает остров Элефанта близ Бомбея), дополняет коллекцию, которую по возвращении из экспедиции подарит Музею антропологии при Московском университете. Коллекция и сейчас хранится в Институте антропологии МГУ. «Как бывшему Московскому студенту,— писал он Д. Н. Анучину,— хотя недолголетнему,— мне приятно их просто подарить Вам». «Этнография, Антропология, География, Естествознание, за последние годы, стали моей страстью» (письмо из Парижа от 8. II. 1913). Вскоре Бальмонт был избран членом Общества Любителей Этнографии.

Посещение Цейлона и Индии, ознакомление с религиями и мифологией индуизма и буддизма, древними памятниками искусства стало заметной вехой в творческой биографии поэта. «Я был совершенно счастлив,— говорил Бальмонт М. Цветаевой,— два месяца я был в старой Индии» ¹⁷. И это было счастьем поэта, в которого Индия вдохнула новые творческие замыслы, счастьем, обогатившим его познанием культуры великой страны.

Во время путешествия и сразу же по завершении им было написано немало стихотворений, которые были включены в сборники «Белый зодчий» (1914) и «Ясень» (1916). Уже из Парижа (20. I. 1913) поэт писал в Петербург Ф. Д. Батюшкову: «И вот год обернулся. Я видел моря и океаны. Я видел Южную Африку, Тасманию, Австралию, Новую Зеландию, Тонга, Самоа, Фиджи, Новую Гвинею, чудеса яванского моря, Индию и Цейлон, нашу братскую, несчастную и великую Индию». Ту же мысль о великой, угнетенной Индии излагает он в письмах к Д. Н. Анучину: «Щемящая боль от нее дрожала в душе все время. Трижды несчастная страна, безвозвратно пригнетенная». Поэт говорит и об англичанах, которые «преступно истребили все интересное и своеобразное

в своих колониях». К этой теме Бальмонт возвращался и позднее в сборнике «Где мой Дом» (Прага, 1924) и в стихотворении 1928 г. «Англы». Он с возмущением говорит о жестокости, грабеже и насилии колонизаторов ¹⁸.

По окончании путешествия Бальмонт готовит к изданию перевод поэмы Ашвагхоши, пишет новые стихи об Индии («Сарасвати», «Танец искр» и т. д.). Судя по его письмам к Сабашникову, он работает над индийскими коллекциями в музее Гимé (музей Восточного искусства), консультируется с французскими востоковедами, ведет переговоры с С. Леви о предисловии к переводу «Жизни Будды», подбирает иллюстрации к будущему изданию, знакомится с А. Фуше — «лучшим французским знатоком буддизма», получает от него фотографии буддийских памятников, читает его книгу о буддийской иконографии и другую научную индологическую литературу. «До поездки, — записывает Бальмонт, — я мысленно путешествовал по странам через книги, что и продолжаю делать и теперь».

Знакомит он Сабашникова и со своими новыми планами переводов индийской классики. «Из Индийской словесности, — если ты уже не договорился с кем-либо, — пожалуйста, оставь для меня передачу на Русском Языке драмы Судраки * «Васантасэна» и священной книги «Бхагават-Гита» (письмо от 22. II. 1913).

В начале мая 1913 г. поэт сумел вернуться в Россию, в Москву. На вопрос встречавших его репортеров о цели его длительного кругосветного путешествия он ответил: «Я видел древнейшие буддийские храмы в Индии. В Индии мне удалось сделать большую работу — перевести русскими стихами древнюю санскритскую поэму «Жизнь Будды» поэта Асвагоши».

В июле 1913 г. он предлагает издателю перевод «образцовой индусской драмы — Калидасы или Судраки», — в августе уведомляет Сабашникова, что ждет текст «Васантасэны», чтобы приступить к переводу; в сентябре сообщает: «Текст «Васантасэны» Судраки я наконец получил недавно. Я, верно, останусь в России еще с месяц. А по прибытии в Париж безотлагательно примусь за подробное изучение и сличение текста, и первые действия надеюсь доставить тебе по истечении этого срока» ¹⁹. Такковы были намерения поэта. Но, очевидно, новая встреча с С. Леви в Париже изменила его планы.

* На санскрите имя драматурга Шудрака.

Русского поэта полностью захватила драматургия Калидасы. Он целиком отдается этому «истинному увлечению», вновь приступает к занятию санскритом и обращается с просьбой прислать ему санскритскую грамматику. В письме к Сабашникову в конце 1913 г. он сообщал о своем желании перевести «Сакунталу» * Калидасы, от которой «после более близкого прикосновения к Индии в восторге», о намерении «прочесть в подлиннике с С. Леви или с другим санскритологом не только эту драму, но и другие индусские произведения». Лето 1914 г., по его словам, он «намерен посвятить Сарасвати и Кришне» и перевести «Васантасэну». «Я радуюсь всему, что касается Индии».

Письма передают творческую атмосферу работы, когда поэт, по его собственным словам, «был совершенно упоен Калидасой и индусами». Завершая перевод «Сакунталы», Бальмонт предложил А. Я. Таирову пьесу для постановки, ибо считал «Сакунталу» подлинной жемужиной не только индийской, но и мировой литературы и драматургии.

В конце 1914 г. этой драмой Калидасы открылся Камерный театр, и спектакль стал заметным событием в культурной жизни России. Для окончательной подготовки перевода Бальмонт ненадолго уезжает в Париж, чтобы еще раз посоветоваться со специалистами. Но из-за вспыхнувшей войны ему пришлось задержаться значительно дольше. Он посылает Сабашникову перевод, читает верстки, следит за правильностью набора. И переводит две другие драмы Калидасы — «Малявика и Агнимитра» и «Урваши». Одновременно Бальмонт начинает писать книгу «Индийский театр», видимо, под влиянием С. Леви²⁰. Собираясь в турне по России, он готовит лекцию «Поэзия как волшебство»²¹. В ней широко использованы литературные памятники «священной Индии, где самые мудрые мудрецы».

Еще летом 1914 г., то есть до публикации перевода «Сакунталы» (книга вышла в начале 1915 г.), Бальмонт обратился к Сабашникову с предложением издать специальный том драм Калидасы. Издатель ответил согласием и заключил с поэтом договор. По просьбе Бальмонта, автором предисловия к тому был приглашен выдающийся востоковед — Непременный секретарь Академии наук,

* На санскрите «Шакунтала». В России издавна утвердилась традиция называть драму «Сакунтала».

академик Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — «большой знаток Индии, человек достойный» (письмо поэта от 6. XII. 1914). На запрос издателя Ольденбург ответил только после возвращения из Второй Русской Туркестанской экспедиции в Восточном Туркестане. В 1916 г. том был опубликован с вводной статьей Ольденбурга «Несколько слов о Калидасе и его драмах и о сущности индийской поэзии» (подробнее см. с. 285—298). После подготовки тома Бальмонт не оставляет своих занятий Калидасой: пишет очерки о творчестве индийского драматурга — «Слово о Калидасе» и «Любовь и ревность в творчестве Калидасы», выступает с публичными лекциями об Индии и древнеиндийской словесности в разных городах России (в Москве, Екатеринбурге, Хабаровске и др.). «Моя поездка по России с «Поэзией как волшебство» дала мне внутренне гораздо больше, чем многие-многие тома, прочитанные в моей комнате» (из письма жене, декабрь 1914 г.). Архивные материалы сообщают о «вечерах Бальмонта»: он читает цикл индийских стихов, рассказывает о стране лотоса. Вот некоторые темы его выступлений — «Любовь и смерть в Мировой поэзии», «Лики женщин в поэзии и жизни», «Слово индусов и парсов» *, «Творчество Калидасы», «Женщины Калидасы» и т. д. Этим публичным выступлениям Бальмонт придавал особое значение: «Я хочу бросать свое горячее слово перед толпами, которые загораются от меня... И этой душевной ласки, которая исходит ко мне от слушателей и от меня к ним, мне нужно не меньше, чем того личного счастья, которое у меня есть». Возвращается поэт и к своей юношеской мечте — создать «Театр Юности и Красоты»: пишет об этом статьи, выступает с лекциями в Петербурге и Москве. «Индия мне опять делается все милее и милее».

Круг интересов поэта постоянно расширяется — вскоре он знакомится с гимнами «Атхарваведы». По возвращении во Францию Бальмонт сообщает жене из Сулака (17. IX. 1914): «Эти дни очень был увлечен священными гимнами «Атхарва-Веды». Воспроизвел по-русски «Песнопение Земле»... Тебя удивит этот гимн. В нем столько «Бальмонта». Однако перевод — дословный, и я никогда раньше не читал «Атхарвы-Веды», я знал лишь «Риг-Веду». На следующий день посылает перевод в

* П а р с ы — огнепоклонники, последователи зороастризма.

Москву и просит передать его Иванову-Разумнику²² для издания в «Заветах»...²³

Перевод появился в марте 1915 г. в журнале «Современник»²⁴. Чуть раньше — переводы афоризмов Бхартрихари²⁵. В вводных строках Бальмонт писал: «Бгартригари — один из наиболее ценимых индусских поэтов начала христианской эры. Известный французский санскритолог Сильвэн Леви ставит его по утонченности поэтического восприятия наряду с великолепным Асвагшей, поэма которого «Жизнь Будды» появилась недавно в Москве в издании Сабашниковых. Быть может, было бы вернее ставить его в параллель с создателем утонченных женских образов, драматическим поэтом Калидасой». Научный авторитет С. Леви исключительно велик, но и художественный вкус Бальмонта, особенно в свете современных знаний, вызывает уважение — не являясь профессиональным индологом, талантливый переводчик и поэт, знаток мировой литературы, правильно подметил характерные черты творчества Бхартрихари, связь его с традицией Калидасы.

В мае 1913 г. Бальмонт подружился с выдающимся русским композитором Александром Николаевичем Скрябиным. Их дружба продолжалась вплоть до кончины композитора в 1920 г.²⁶ Их связывала особая увлеченность магией Слова и Звука. Скрябин был поклонником индийской культуры, интересовался древнеиндийскими теориями музыкального и поэтического искусства; с восторгом воспринял он пьесу «Сакунтала» и ее постановку А. Я. Таировым. Бальмонт видел в Скрябине единомышленника в раскрытии таинств Светозвука и мировоззрений разных народов мира. «Эта встреча, — писал Бальмонт, — была ключом души к душе. Откровение, дошедшее с другой планеты...»

В 1917 г. поэт опубликовал небольшую книжечку «Светозвук в Природе и Световая симфония Скрябина», в которой, обращаясь к индийским литературным сочинениям и древнеиндийской мифологии, поддержал идеи Скрябина о Светомузыке. «Все паутинные построения Индийской умственности тонкими лунно-радужными тропинками ведут в Светозвук... В музыкальном творчестве Скрябина жив Восток... Скрябин, не переставши быть Европейцем и Русским, был Индусом, как о нем кто-то сказал. Он угадал Восток». В сочетании драматической традиции Калидасы с гениальными достижениями музыкального искусства Бальмонт видел расцвет «Театра

Юности и Красоты», к созданию которого издавна стремился.

К индийской тематике Бальмонт обращался и после окончательной эмиграции во Францию в 1920 г., но занятия индийской цивилизацией приобрели другой характер и иную направленность: в России, следуя лучшим традициям русской культуры, поэт свои переводы памятников индийской словесности, «индийские» стихи, статьи и лекции обращал к широким слоям читателей. И это находило у них живой отклик, ибо, говоря словами В. Брюсова (1913 г.), «поэзия индусов и священные письмена буддистов до сих пор остаются у нас областями литературы наименее известными; между тем знакомство с ними важно и по высокой художественной ценности индусской поэзии, и по громадному историческому значению буддизма».

В иной обстановке оказался русский поэт в эмиграции. Лишь один его сборник, с частью стихов, написанных после посещения Индии, был переведен на французский язык и издан в Париже в 1923 г.²⁷ Несколько сборников было опубликовано по-русски во Франции²⁸, но поэт имел здесь узкую читательскую аудиторию.

Его статьи и стихотворения, посвященные Индии, лишь изредка появлялись во Франции в периодических изданиях на русском языке, а также в газетах и сборниках, изданных в Праге, Риге, Берлине, Стокгольме.

Свои стихи на индийские темы Бальмонт старался включить в публикации в России, но это были сочинения, уже раньше печатавшиеся в Москве и Петербурге.

К сожалению, большая часть переписки поэта 20—30-х гг. утрачена; в архивах сохранилось лишь несколько писем 1927—1929 гг., в которых встречаются краткие упоминания о занятиях санскритом и о работе над древнеиндийскими сочинениями.

8. I. 1927 (Франция, жене в Москву):

«Жив ли мой суровый друг (Юргис Балтрушайтис.— Г. Б.-Л.) и почему он мне не доставил... два тома Вед?»

30. V. 1928 (Франция, жене в Москву):

«Что за причина, что Юргис доселе не потрудился переслать мне «Веды»... Мне эти книги нужны для работы».

27. VIII. 1929 (Франция, жене в Москву):

«Подтверди, когда и как были отданы Юргису «Веды»?»

6. IX. 1929 (из Литвы, жене в Москву):

«Я соблазнюсь остаться в Литве и на осень и на зиму и овладеть в совершенстве Литовским языком, что, кстати, весьма облегчает изучение санскрита».

В газете «Воля России» [Прага] в 1924 г. он публикует стихотворение «Дыхание Ганга», в 1925 г. в газете «Сегодня» [Рига] — небольшую статью о Тагоре.

В феврале 1928 г. поэт записывает в своем дневнике четверостишие:

О смыслах их жуткой окраски
Пропую сто тысяч стихов
В той Индии древней, где в сказки
Глядится собрание богов.

Ряд публикаций появляется в парижской газете «Последние новости»: в июле 1939 г. — «Бенгальские песни»²⁷, в апреле 1936 г. — цикл из четырех стихотворений «Индийская мысль»²⁸.

Показательно, что уже в ранних сборниках индийская культура соотносилась Бальмонтом со славянской.

Я знаю, что Брама умнее, чем все
бесконечно-именные боги.
Но Брама — Индиец, а я — Славянин.
Совпадают ли наши дороги?
(«Литургия красоты». М., 1905)

Этот вопрос поэт решал своей жизнью; тема сопричастности Индии проходит через все его творчество. Индийская культура воспринимается им как духовно близкая, он осознает нерасторжимую связь с ней.

«Мне явственно кажется, — писал Бальмонт, — что очень давно я уже много раз был и в Стране Мечты, и в Стране Мысли, что я лишь в силу закона сцепления причин и следствий, волею сурового закона Кармы *, попал в холодный сумрак Севера».

Конечно, интерес Бальмонта к Индии отражал традиционное отношение русской общественности к этой стране. Общность историко-культурного наследия Индии и России — постоянная тема в русской науке и культуре. Философией, литературой, религией и культурой Индии

* К а р м а — дословно: действие, поступок, «закон» о связи совершенных поступков с их будущими последствиями.

увлекались и другие символисты. Однако отличие бальмонтовского подхода состояло не только в необычайной широте его интересов, но и в личной сопричастности индийской культуре. В мир Бальмонта индийская тематика вошла настолько тесно, что он даже писал о своем «индийском мышлении». Бальмонт был одним из первых, а в ряде случаев и первым из русских писателей и поэтов, кто познакомил читателей с разными жанрами древнеиндийской словесности: гимнами «Ригведы» и «Атхарваведы», поучениями упанишад, афоризмами поэта-лирика Бхартрихари и, конечно, «Жизнью Будды» Ашвагхоши и драмами великого Калидасы.

Русский читатель впервые узнал о многих шедеврах индийской литературы, и ему дарил их искусный мастер слова, талантливый поэт, человек, стремящийся к пониманию тайн необыкновенной притягательности Индии, веривший в ее великое будущее: «Всеобъемлющая и всепонимающая, всевоспринимающая Индия, которая жила тысячелетия — сонмы веков — и будет жить до скончания наших земных дней».

Бальмонт прожил вне России многие годы, в том числе последние двадцать два во Франции, которую называл своей второй родиной ³¹. Но мысль о России — настоящей родине никогда не покидала его.

Почти во всех своих письмах поэт возвращается к теме России: пишет ли он о переводах Ашвагхоши и Калидасы или делится впечатлениями о посещении Индии и Цейлона. После заморского путешествия, вспоминая «Индию, столь похожую на Россию», Бальмонт говорил: «Я рад, что родился Русским, и никаким иным быть бы не хотел. Люблю Россию. Ничего для меня нет прекраснее и священнее ее». Особенно остро тоска по России стала ощущаться после эмиграции в 1920 г. — «нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться». Позднее он писал жене: «Я больше не хочу жить всегда вне России. Нет, нет. Я вечно и вечно теряю оттого, что я не живу в России. Я теряю, как поэт, я теряю в речи своей, я теряю таинства снежной зимы, которая всегда была моей вдохновительницей». Поэт объездил почти весь мир, познал загадки различных культур, посетил многие страны, столицы и города, но его звала только Россия.

«Только» — так назвал он стихотворение, передающее душевное состояние великого скитальца.

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэдзин,—
Ни Ява, где живет среди руин,
Во Боро-Будур, Светильник Белый мира,—
Ни Бенарес, где грозowego пира
Желает Индра *, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин.—
Ни все места, где пела счастьем лира,—
Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада,—
Мне не поют заветные слова,—
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

Но час свидания с Россией для Бальмонта тогда так и не наступил.

Сейчас происходит новое знакомство с творчеством поэта, переоценка его наследия, и потому вместе с именем Бальмонта звучат такие заветные для него слова, как Индия, Бенарес, Светильник Белый мира, Индра...

Они звучат для всех, кого влечет великая индийская культура.

«Отдельные страны земли,— писал К. Бальмонт,— разьединены природой и людьми. Но есть мировая перекличка от страны к стране. Одна другой дарит свой красивый обычай, или верную мысль, или слово песни, или подвиг, пробуждающий души самые разные, или манит к себе страна страну тем, что есть в ней особенно широкая река, особенно высокая гора, совершенно единственный особенный человек.

Индуcский поэт Калидаса четко сказал:

Великие умы, как горные вершины,
Горят издалека.

И такое дальнее горенье превращает даль в близь, связуя одним восхищением разные страны, разные души».

Почти столетнее путешествие К. Бальмонта в индийскую цивилизацию продолжается.

Г. Бонгард-Левин

* И н д р а — верховный бог, громовержец.

¹ М а р и н а Ц в е т а е в а. Проза. Leichworth, 1969, с. 136.

² Г. М. Бонгард-Левин. Индийская классика в переводах К. Бальмонта (новые архивные материалы). — «Заря надежды». Восточный альманах. Вып. 16. М., 1988, с. 588—606.

³ Этим сообщением я обязан американскому ученому Л. Паттерсону — автору многих работ о К. Бальмонте.

⁴ Эпиграф подписан — «Из индийских изречений».

⁵ В я ч. И в а н о в. Кормчие звезды. Книга лирики. СПб., 1903, с. 266.

⁶ Подробнее см.: А. Б е л ы й. Символизм. Книга статей. М., 1910; он же. На рубеже двух столетий. М. — Л., 1930.

В. В. Д ж о н с т о н. Отрывки из Упанишад. — Вопросы философии и психологии, 1896 кн. 1, с. 1—34.

Вспоминая о своем увлечении в юности идеями упанишад, А. Белый писал: «Мои теософские настроения получают пищу прочтением «Отрывки из Упанишад» в переводе Веры Джонстон... Всё мной прочитано в «Вопросах философии и психологии». Впечатление от «Упанишад» взворотило все бытие» (На рубеже двух столетий, с. 352).

В. В. Д ж о н с т о н. Шри-Шанкара-Ачария, мудрец индийский. — Вопросы философии и психологии, 1897, кн. 6, с. 1—39. Эту статью высоко ценил Л. Н. Толстой (см.: Н. Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М. — Л., 1936, с. 548).

⁷ Речь идет о работе над переводами сочинений этих писателей.

⁸ Записные книжки и дневники поэта хранятся в Национальной библиотеке Франции.

⁹ В России драму Шудраки (условно IV—V вв.) нередко называли Васантасена (по имени главной героини). Впервые часть пролога и первого действия были переведены с санскрита К. Коссовичем: «Васантазена. Древнеиндийская драма Шудраки». Пер. с санскрита и предисловие К. Коссовича. — Москвитянин, 1894, ч. 5, № 17, кн. 1.

¹⁰ Об этом можно судить по упоминанию имен Шудраки и Калидасы в книге «Морское свечение» (СПб. — М., 1910). Бальмонт сравнивал Калидасу с Кальдероном.

¹¹ В течение всей жизни Бальмонт поддерживал дружеские отношения с семьей Сабашниковых (к тому же сестра его жены была замужем за М. В. Сабашниковым). В издательстве вышли его переводы драм Ю. Словацкого (1911), книга стихов, составленных поэтом в 1919 г., — «Солнечная пряжа» (1921). Интерес Сабашниковых к индийской тематике имел и личностную окраску. Один из представителей семьи Сабашниковых — И. М. Сабашников (по специальности медик, ученик И. П. Павлова) — увлекался индийской культурой, был хорошим переводчиком. Еще в 1891 г. он перевел поэму А. Арнольда о жизни и учении Будды «Light of Asia» — «Светило Азии, или Великое отречение». Поэма Э. Арнольда. Пер. с англ. И. Юринского (И. И. — ...ова). СПб., 1891; 2-е изд. — «Светило Азии». Поэма Э. Арнольда. Перевод

с англ. И. М. Сабашникова (И. Юринского). СПб., 1896. В 1917 г. в издательстве Сабашниковых был издан перевод И. М. Сабашникова книги Э. Арнольда под названием — «Свет мира, или Великое утешение». Издательство выпустило выполненные И. М. Сабашниковым стихотворные переводы сочинений Р. Тагора «Гитанджали» и «Садовник» (М., 1919). И. М. Сабашников перевел также отрывки из «Махабхараты» (с английского перевода); был заключен договор, но эти стихотворные переводы изданы не были (сейчас хранятся в архиве Сабашниковых в РО ГБЛ).

¹⁴ С Ануциным (или по крайней мере с его работами) Бальмонт мог познакомиться еще в университете.

¹⁵ Речь, очевидно, идет о переводах поэмы Ашвагхоши, которые уже начал в то время Бальмонт.

¹⁶ «Ясень. Видение древа». М., 1916, с. 78.

¹⁷ М. Цветаева. Слово о Бальмонте. — Избранная проза в 2-х томах, т. 2. New York, 1979, с. 330.

¹⁸ Поскольку эти произведения мало известны у нас, приведем выдержки из них. В сборнике «Где мой Дом» (Очерки. 1920—1923. Прага, 1924) Бальмонт дает перевод стихотворения «Земля смерти» итальянского поэта А. Орвисто, написанного в 1902 г., о голодающей Индии. Вот несколько строк из него:

Владычествовать — глупое желанье —
Вся Индия — безмерное рыданье,
Хор плача, умиранье, море мертвых...
Смотри, британец, посмотри и види!

Кто осквернил запястье из жемчужин,
Цейлон, где люди кротки, как виденье?
Морской разбойник, что зовется Англ,
Пред храмом Будды бойню он построил.
Пойди в страну, чье имя дух — нежнейший лотос,
В страну, чье имя в Вечности есть Мать,
И посмотри, как там Индуса топчет
Торгаш, солдат, неправосудный Англ.
Я знаю их, стяжателей несытных,
Что произносят слово лицемерно,
За словом пряча тяжесть черных дел.

(Стихотворение хранится в фонде Бальмонта в Национальной библиотеке Франции.)

¹⁹ Иногда поэт ошибочно называет автора «Васантасены» Бхаса. В архиве сохранился перевод пролога и 1-го действия «Васантасены».

²⁰ «Я изучаю текст драм для задуманного мною «Индийского театра» (письмо жене от 12. VII. 1914); «мелькают страницы индийских драм. Пленяюсь мыслью безотложно готовить «Индийский театр» (15. VII. 1914); «принимаюсь вплотную за индийский театр» (1. VIII. 1914).

²¹ Лекция была затем издана отдельной книжечкой. — К. Бальмонт. Поэзия как волшебство. М., 1915.

²² Иванов - Разумник Р. В. — Разумник Васильевич Иванов (1878—1945). Известный писатель и литературовед.

²³ Журнал «Заветы», который издавался в 1912—1914 гг

²⁴ К Б а л ь м о н т. Песнопение Земле Атхарва-Веда.— Современник, 1915, № 3, с. 5—13.

²⁵ К Б а л ь м о н т. Индийские афоризмы (из Бгартригари).— Северные записки, 1914, № 10-11, с. 238—241; он же. Индийские цветы (Бгартригари).— Там же, 1915, № 1, с. 85—90.

²⁶ По свидетельству Н. К. Бальмонт-Бруни, поэт в 1916 г даже жил в доме композитора

²⁷ Vision Solaire. Paris, 1923

²⁸ «Дар Земле». Париж, 1921; «Светлый час. Избранные стихи» Париж, 1921, «Северное сияние». Париж, 1931.

²⁹ Пять стихотворений — «Лошадь и слон утонули в реке», «С соперницей в дом приступает погибель»; «Сива дома — сад цветущий», «Половина — тигровая шкура»; «Не уезжай, супруг, мой царь, в чужие страны»

³⁰ «Как плясунья», «Эта дева как охотник», «Заговор от кашля», «Яркий солнечный лик на воде замути». Вот текст последнего стихотворения — своего рода возвращение к Шанкаре почти через сорок лет

Яркий солнечный лик на воде замути,
Закачаешь, в дрожание вгонишь,
Но ни атомом Солнце вверх, на пути,
Ни на миг Огневое не тронешь.
Это Санкара, молвил Индусский мудрец,
Погрузив в музыкальность сравненья,
И запомни, Восточный мудрец — он певец
И его доказательства — пенье.
Потому, чуть с Востока забрезжут огни,
Твоего прикоснутся порога,
Восставая, низинный свой прах отряхни
И хвали Вседержателя Бога!

³¹ На титуле сборника «Дар Земле» (Париж, 1921), который хранится в библиотеке Французского Института славистики, есть автограф поэта — «Моей второй родине, Франции. 4 марта 1926. Париж»

Ашвагхоша

Жизнь Будды

Имя «Асвагоша» означает «Голос коня». И священный напев Асвагоши могуч, как конское ржание в бою, как топот копыт скакуна, мерный и быстрый. И есть предание. Будда однажды проходил, беседуя с учениками, в саду. Соловей увидал его лик, пленился и запел. Будда, растроганный, сказал: «Пусть же, в новом воплощении, он будет человеком». Этот человек, правом своим, участвовал в горячей природе коня и в певучей природе птицы. Он назывался — Асвагоша.

К. Бальмонт

ПРОПОВЕДНИК, ПОЭТ, ДРАМАТУРГ

«Переходил Будда из одной местности в другую, из города в город, из селения в селение и достиг Оленьей рощи близ Варанаши, в которой жили пять аскетов», — так начинается буддийское предание рассказ о первой, Бенаресской проповеди Учителя. «Вступивший на Путь должен избегать двух крайностей. Каковы же они, эти две? Одна — желания, стремление к наслаждению, страсти, она — низменная, недостойная, постыдная, ведет к новому рождению; другая — обращена к самоистязанию и связана с тщетностью, она — скорбная, грубая, бесполезная. Татхагата * избежал этих крайностей и избрал срединный путь. Путь этот дает высшее знание, мудрость и прозрение, ведет к нирване.

Прежде всего следует познать четыре благородные истины. Первая истина о страдании — существование есть страдание; вторая о возникновении страдания — жажда жизни, наслаждения и страсти, третья о прекращении страданий — избавление от жажды жизни, освобождение от страстей и желаний. Четвертая — о пути преодоления жажды жизни и земных страстей — благородный Восьмеричный Путь: помыслы, направленные к истине, высокие стремления, правильная речь, добродетельное поведение, праведный способ существования, усилия, ведущие к истине, верная память, истинное самоуглубление».

Услышав эти слова, пять аскетов поняли глубокий смысл слов Будды и, согласно преданию, стали первыми последователями, приверженцами доктрины. Проповедь в Бенаресе буддисты называют «поворотом колеса Дхармы».

Так началось шествие учения Будды по Индии, а затем и по другим странам Азии, в наше время даже Европы и Америки.

* Т а т х а г а т а — один из эпитетов Будды — «достигший [совершенства]».

Более сорока лет скитался Будда по областям Северо-Восточной Индии, разъясняя смысл своего учения и путь достижения «освобождения», избавления от страданий и новых перерождений.

«Подобно тому как океан имеет лишь один вкус — вкус соли, — говорил он, — так и мое учение имеет лишь один вкус — вкус освобождения». Будда отвечал на вопросы горожан и сельян, зажиточных и бедняков, царей и аскетов, мужчин и женщин, брахманов и ремесленников. Простые и доступные всем изречения Будды содержали этические нормы, житейские советы. Он проповедовал милосердие и незлобливость, рассказывал о своей жизни, прежних страданиях — «оковах бытия», о неминуемости болезней, старости и смерти; подобно врачу, как говорят буддисты, исцелял от суеверий и заблуждений, от затемнения рассудка низкими страстями, от яда алчности и корысти.

Постепенно число монахов, вступивших в сангху — «общину равных», и мирян — верных приверженцев новой доктрины заметно множилось. Мирянам Будда обещал «достижение небесного рая», монахам — возможность подойти к нирване, а наиболее благочестивым из них — архатам — навсегда разорвать «цепь перерождений». В возрасте 80 лет Будда скончался *, оставив своим ученикам завет — оберегать чистоту доктрины, строго следовать пути к «освобождению» и полагаться лишь на самих себя. «Будьте вы сами себе светильниками и на других не полагайтесь. Да будет светильником вам учение, к учению прибегайте и ни к чему другому».

Одни из первых рассказов о мудреце из племени Шакьев — Шакья-муни — содержатся в сутрах канона на языке пали школы Стхавиравадинов (палийское Тхеравадинов) — строгих ревнителей первоначального учения и приверженцев идей Хинаяны — «Малой Колесницы». Условно это учение относят к Южному буддизму, поскольку буддизм этого направления утвердился в южных областях Азии — Шри Ланке, Таиланде, Бирме, Камбодже, Лаосе. В рассказах действуют многие конкретные персонажи, их жизнь разворачивается в обычных земных ситуациях. Сам Будда предстает как лицо историческое — царевичем по имени Сиддхартха из рода Гаутама племенного объединения Шакьев. Согласно традиции, он становится «Просветленным» благодаря своему усердию и духовному подвижничеству.

Биография Учителя в ранних палийских текстах очень

* Буддийские предания относят это событие к VI в. до н. э., большинство современных ученых придерживается иной даты — 483 (486) г. до н. э.

схематична. Сходная картина — в санскритских канонах различных хинаянских школ: целиком эти каноны до нас не дошли и известны лишь в переводах на китайский и тибетский языки. Позднее, в первые века н. э., буддизм претерпевает значительные изменения. В нем развивается новое направление: Махаяна — «Большая Колесница». По этому учению, достичь высшей религиозной цели могут все верующие, а не только монахи.

Качественно меняется и образ Будды. Он предстает наделенным сверхъестественными способностями, божественными чертами и атрибутами, ему начинают поклоняться не как Учителю, но как существу божественному. Согласно Махаяне, исторический Шакья-муни — воплощение некоего сверхъестественного вечного принципа; исторический Учитель буддизма лишь отражение трансцендентного Будды, который явился в мир для проповеднической деятельности. Число будд в Махаяне бесконечно; они, подобно богам, обитают в бесчисленных сферах, не имеют начала и конца жизни, они вечны. В Махаяне получает обоснование идея о «трех телах Будды», трех воплощениях Единого Будды: дхарма-кая («тело дхармы») олицетворяет изначальную и неизменную сущность, самбхога-кая («тело блаженства») — пребывание Будды в сверхъестественных мирах, нирмана-кая («тело преобразования») или рупа-кая («материальное тело») — принятие им облика человека. В историческом основателе буддизма воплотилось, таким образом, одно из проявлений последнего «тела Будды».

Общая канва биографии Учителя остается прежней, но каждый эпизод содержит уже новый смысл: Будда Махаяны — сверхчеловек, не чувствующий ни голода, ни жажды: он обладает даром непорочного зачатия, ибо жена его, родив сына, остается девственницей. Будде приписывается тридцать два особых свойства «Совершенного Существа». Магией он побеждает богов; не убеждением, но чудесной силой обращает в свою веру и т. д.

Будду постоянно окружают боги; словно им, а не людям излагает Учитель суть своей доктрины. Нравственная чистота и истинная праведность — главные условия духовного усовершенствования и «освобождения» — замещаются в Махаяне мистическим созерцанием. Не Будда-учитель и верность его доктрине ведут верующего к «освобождению», а неисчислимые и сострадательные к земным невзгодам бодхисаттвы *. Именно так рисуется жизнь Будды в раннемахаянском произведении

* Согласно раннему буддизму, до рождения Будды Шакья-муни путь бодхисаттв, стремившихся стать Буддой, прошли только двадцать четыре «святых». После Будды его пройдет и будущий будда — Майтрея. По Махаяне, каждый может достигнуть состояния бодхисаттвы.

«Лалитавистара» (русский перевод поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии», основанной на «Лалитавистаре», несколько раз издавался в России).

На рубеже двух эпох в истории древнего буддизма — Хинаяны и Махаяны — было создано одно из самых популярных сочинений в буддийском мире — «Буддачарита» («Жизнь Будды»). Автор его — прославленный поэт и драматург Ашвагхоша (дословно — «Голос коня», «Мелодия, подобная плавному бегу коня»). По сравнению с «Лалитавистарой» «Буддачарита» — именно жизнеописание Учителя, наделенного человеческими чертами; поэма глубоко лирична и музыкальна; жизнь Будды рисуется в ней на фоне судеб людей с их благородными и недостойными поступками, настроениями и страстями. По образному выражению С. Леви, «Буддачарита» — сплошное песнопение. К сожалению, мы мало знаем об авторе «Буддачариты» — талантливом поэте, основателе драматургического искусства Индии. Легенды о жизни Ашвагхоши сохранились лишь в тибетских и китайских сочинениях. Они немногочисленны, но все же позволяют воссоздать образ верно-го приверженца учения Будды. Всего несколько фактов биографии содержат сохранившиеся оригиналы его произведений и более поздние буддийские тексты Северной Индии.

Колофоны его сочинений сообщают о месте рождения — крупном культурном центре Сакета в Северо-Восточной Индии, одном из шести священных городов. Ашвагхоша происходил из брахманского рода, получил традиционное образование; судя по его сочинениям, он прекрасно знал священные ведийские тексты.

Время жизни Ашвагхоши устанавливается весьма приблизительно. Наиболее авторитетные исследователи относят его к первой половине I в. Тексты позднихинаянской школы Сарвастивада связывают Ашвагхошу с известным кушанским царем Канишкой (II в.), при котором была создана огромная империя, охватившая территорию Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Юга Средней Азии. Согласно китайским и тибетским преданиям, Ашвагхоша жил при дворе Канишки и был обращен в буддизм советником царя по имени Паршва. Сарвастивада соотносит с Ашвагхошей III буддийский собор, который проходил в Кашмире в период правления Канишки. Указывается, что Ашвагхоша собрал представителей различных школ, и ими после двенадцати лет обсуждений была создана «Махавибхаша» — огромная энциклопедия доктрины Сарвастивады. Несколько эти сообщения верны, сказать трудно. Следует иметь в виду, что индийская традиция часто связывала с могущественными правителями деятельность прославленных поэтов,

писателей и философов. Например, имя известного махаянского философа Нагарджуны связывается с деканским царем династии Сатаваханов (I—II вв.). К эпохе Чандрагупты II (конец IV в.) относят деятельность таких почитаемых ученых и писателей, живших в разное время, как Калидаса (V в.), лексикограф Амарасинха (V—VI вв.), грамматик Вараручи (I в. до н. э.).

Не избежал этой участи и Ашвагхоша: связь с ним могла лишь прославить любого правителя. Благодаря буддийским источникам, соединившим воедино Ашвагхошу и Канишку, имя великого поэта и драматурга стало известно не только в огромном буддийском мире — от Индии до Японии, но и далеко за его пределами.

Перу Ашвагхоши нередко приписывалось более тридцати буддийских сочинений самого разного жанра. Знаменитый тибетский проповедник буддизма Таранатха (XVII в.) сообщает о двенадцати буддийских текстах Ашвагхоши, в том числе и таких, которые были составлены много позднее времени его жизни. Автором семи или восьми крупных произведений, прежде всего махаянской направленности, считает Ашвагхошу раннебуддийская историография Китая. Следуя этим традиционным взглядам, исследователи соотносили с Ашвагхошей явно большее число произведений, чем могло быть в действительности.

В предисловии к переводу Бальмонта 1913 г. Сильвэн Леви — первый переводчик на европейский язык нескольких песен «Буддачариты» — связывал с Ашвагхошей семь сочинений: музыкальное произведение «Раштрапала» («Покровитель царства»), махаянские тексты «Махаяна Шрадхотпада» («Пробуждение махаянской веры»), «Ваджрасучи» («Алмазная Игла»), сборник поучительных рассказов «Сутра-аламкара» («Украшение проповедей»), поэмы «Саундаранада» («Сундара и Нанда»), драмы «Шарипутрапракарана» («Драматическое сказание о Шарипутре») и «Буддачарита» («Жизнеописание Будды»). По мнению английского буддолога Э. Джонстона, только три последних сочинения безусловно принадлежат Ашвагхоше. Остальные были приписаны ему позднее.

Если тибетские и китайские тексты рисовали Ашвагхошу блестящим поэтом, одаренным музыкантом, умелым полемистом и страстным проповедником буддийского учения, то после археологических раскопок начала XX в. в Центральной Азии открылась новая сторона его творчества — искусство драматурга. В Восточном Туркестане, в Турфане, немецкая экспедиция обнаружила большое число санскритских текстов. Многие

из них до этого были известны лишь по переводам на тибетский, китайский, уйгурский и монгольский языки.

Исследуя турфанские рукописи, известный немецкий ученый Х. Людерс (1911 г.) отождествил несколько фрагментов с драмой «Шарипутрапракарана», автором которой, как показал текстологический анализ, был Ашвагхоша. Хотя сохранилась лишь небольшая часть сочинения, ему свойственны некоторые общие черты раннеиндийских драм: герои Ашвагхоши в зависимости от социального положения говорят на санскрите и разных пракритах («народных наречиях»), проза перемежается стихами. Эти особенности были восприняты более поздними драматургами, в том числе Бхасой и Калидасой. Действует в драме и видушака (веселый друг монаха) — этот персонаж в образе царского шута стал затем одной из центральных фигур в драмах Шудраки и Калидасы. Сюжет драмы — обращение в буддизм двух юношей, Маудгальяны и Шарипутры, самых преданных Будде учеников, — содержится в более ранних палийских текстах.

Благодаря открытию «Шарипутрапракараны» значительно удревнилась история индийской драматургии. Нововведение Ашвагхоши состояло в том, что общие принципы драматического искусства были применены к новому типу драмы — буддийской. Театр Ашвагхоши стал одним из проводников буддийского вероучения.

Полная трагизма поэма о любви Нанды и Сундари сюжетно проста. Нанда, сводный брат Будды, женится на красавице Сундари и, охваченный страстью к молодой супруге, не мыслит пробыть без нее и нескольких минут. Будда объясняет брату, к каким страданиям могут привести его земные наслаждения. Но Нанда непреклонен: его любовь к молодой жене прочна и неколебима. И Будда берет с собой Нанду в небесный рай Индры, где брата окружают божественные девы — необыкновенной красоты апсары. Когда Нанда поддается соблазну и на миг забывает Сундари, Будда возвращает его на землю. Нанда осознает свое душевное бессилие, пытается отрешиться от жажды земных радостей и встать на праведный путь. Будда обращает брата в свою веру, и тот удаляется в лесную обитель, где проводит время в медитации. Впоследствии Нанда вступает в общину и становится проповедником буддийской доктрины.

Лирические образы Нанды и Сундари, история их печальной разлуки, изысканность формы поэмы и богатство языковой палитры сделали сочинение Ашвагхоши одним из любимых литературных произведений индийцев. Именно литературных, поскольку Ашвагхоша впервые построил буддийский проповеднический текст в стиле «кавья» — поэзии. Дальнейшее раз-

вление его нововведение получило в «Буддачарите». Автора «Жизни Будды» в Индии не случайно сравнивают с Вальмики — создателем эпической поэмы «Рамаяна» и с Вьясой — традиционным сказителем «Махабхараты». Ашвагхоша знал эти эпические поэмы и опирался на лучшие традиции поэтического творчества всего предшествующего периода. Поэтому «Буддачариту» нередко называют первым в истории индийской литературы «искусственным эпосом» — эпосом, созданным реальным историческим лицом для пропаганды конкретных религиозных идей.

Многие известные буддийские поэты и писатели следовали традициям Ашвагхоши. В их числе прежде всего Матричета (II в.) и Арьяшюра (VI в.), автор «Джатакамалы» — поэтических сказаний о подвигах Бодхисаттвы. Китайский паломник И Цзин, который посетил Индию в VII в., писал о популярности «Буддачариты»: «Поэму повсеместно читают или поют во всех пяти частях Индии и в странах Южных морей. В немногих словах заключен глубокий смысл и высокие мысли, которые доставляют наслаждение сердцу читателя, и потому он никогда не устает перечитывать и пересказывать поэму».

Санскритский оригинал «Буддачариты» стал известен современной науке лишь в 1883 г., когда английский индолог Э. Коуэл, опираясь на две поздние непальские рукописи, перевел сохранившиеся части «Буддачариты» на английский и издал в серии «Священные книги Востока». Однако дальнейшие открытия показали, что Э. Коуэл опирался на недостаточно авторитетные тексты, содержавшие языковые неточности. К сожалению, многие ошибки Э. Коуэла впоследствии были восприняты специалистами.

В 30-х годах многолетнюю работу по критическому изданию санскритских глав «Буддачариты» и их переводу завершил Э. Джонстон, имя которого уже упоминалось в этом очерке. Он установил, что из сохранившихся глав первоначального санскритского текста «Буддачариты» только четырнадцать (полностью лишь со второй до тринадцатой) принадлежат Ашвагхоше. Эти «песни» охватывают первую часть жизни Сиддхартхи-Будды — от рождения до просветления.

Общее же впечатление о поэме можно составить по тибетским и китайским переводам, которые основывались на санскритском тексте. «Буддачарита» впервые была переведена на китайский буддийским монахом, индийцем Дхармаракшей (или Дхармакшемой) в 414—421 гг. Перевод (точнее, пересказ) включает описание жизни основателя доктрины — от рождения

до нирваны, погребального костра и последующего распределения его праха и священных реликвий. На двести лет позднее был сделан тибетский перевод. Он точнее китайского и много ближе к санскритскому оригиналу. С. Билом на английский была переведена китайская версия Дхармаракши, перевод был издан в 1883 г. в серии «Священные книги Востока». К этому популярному изданию и обратился К. Бальмонт при подготовке русского перевода «Буддачариты».

Выводы Э. Джонстона о том, что Ашвагхоша был автором только трех сочинений — «Шарипутрапракараны», «Саундара-нанды» и «Буддачариты», — пересматривают творческое наследие поэта, драматурга, буддийского проповедника и позволяют приблизиться к разгадке феномена, который связан с именем Ашвагхоши. В самом деле, если он создал такие сочинения, как «Махаяна Шрадхотпада» и «Ваджрасучи», содержащие идеи развитой Махаяны, то почему в его «Буддачарите» почти нет развитых махаянских концепций? Заключение Э. Джонстона о принадлежности Ашвагхоши к одной из «сект» школы Махасангики, то есть непосредственных предшественников или первых предвестников Махаяны, все ставит на свои места. Тогда понятен характер санскритской «Буддачариты» и двух других произведений Ашвагхоши. Элементов махаянской доктрины в них немного, изложение жизни Будды в целом соответствует древнему канону, но качественный переход от Хинаяны к Махаяне уже заметен, например, в трактовке некоторых эпизодов из жизни Будды. Этот переход особо очевиден в переводе, сделанном на китайский Дхармаракшей, который был приверженцем Махаяны. Поэтому в «Жизни Будды», переведенной Бальмонтом с англо-китайской версии, немало фантастического и магического.

Знакомившим русского читателя с «Жизнью Будды» Сабашникову и Бальмонту, по-видимому, не было известно, что встреча России с царевичем Сиддхартхой, ставшим «Просветленным», была уже не первой. За восемь столетий до этого, в XII в., на Руси была популярна «Повесть о Варлааме и Иоасафе, царевиче индийском». Перевод на древнерусский и на другие славянские языки делался с греческой версии, восходящей в конечном итоге к индийской легенде о жизни Будды и именно к «Буддачарите». Имя Иоасаф искаженное индийское «бодхисаттва» (через персидско-арабскую форму Будасф). Иоасаф был даже причислен к лику святых. Повесть пользовалась широкой популярностью. Знал ее Симеон Полоцкий, при Петре устраивались театральные представления, основанные на сюжете «Повести». Позднее к ней обращались поэты В. А. Жуковский и А. Н. Майков. Вряд ли Бальмонт знал и о том, что драма

«Жизнь есть сон» его любимого испанского драматурга Кальдерона, которую поэт перевел на русский в 1902 г., также написана на сюжет «Повести о Варлааме и Иоасафе».

Издание «Буддачариты» в переводе Бальмонта В. Брюсов назвал ценным подарком русской литературе. Но и через три четверти столетия ценность этого труда не уменьшилась. Она даже возросла. Сочинение Ашвагхоши созвучно нам потому, что сегодня можно новыми глазами увидеть величие культурного наследия Индии, почувствовать общечеловеческое значение идей, высказанных почти две тысячи лет назад, понять красоту образов, силу Слова.

Открытие Первой буддийской выставки в Петрограде в 1919 г. академик С. Ф. Ольденбург предварил следующими словами: «Нигде, может быть, на земле люди не искали с такой силою и напряжением ответа на вопросы о жизни и смерти, о цели и смысле жизни, как в далекой от нас Индии, населенной главным образом народами, нам родными, языки и многие обычаи которых во многом близки нам».

Полные высоких мыслей легенды о Будде, поэтические рассказы о его учении, постоянная созвучность человека и природы, описание быта горожан и селян введут вас в подлинную атмосферу древнеиндийской жизни, познакомят с учениями религиозно-философских школ, радостями и страданиями людей далеких эпох. И поэтому для нашей эпохи переиздание «Жизни Будды» — подарок не только русской литературе, но и отечественной культуре в целом.

Приступайте к чтению «Жизнеописания Просветленного», погружайтесь в еще не полностью понятный, загадочный, но притягательный и поучительный мир прошлого. Уверен, что вам еще не раз захочется перечитать поэму.

Г. Бонгард-Левин

ЖИЗНЬ БУДДЫ

ПОЭМА

1. РОЖДЕНИЕ *

Был некто, рода знатного Икшваку,
Что означает — Сахарный Тростник,
Непобедимый, как река, властитель,
Царь Сакья ¹, чистый в умственных дарах
И в нраве — незапятнанности цельной,
Суддхобдана, иначе — Чистый Рис.
Светло любимый всеми существами,
Как мир обласкан новою Луной,
Поистине тот царь был словно Сакра,
Кому все Дэвы неба — сонмы слуг,
Царица же его — богиня Саки.
Сильна, спокойна в мыслях, как Земля,
Чиста по духу, словно водный лотос,
Определить ее — никак нельзя,
Ее же имя, имя-образ, Майя.

Дух снизошел, и в чрево к ней вошел,
Коснувшись той, чей лик — Царица Неба.
Мать, матерь, но свободная от мук,
Свободная от заблуждений Майя.
Не возлюбя шумливости мирской,
Вспомнила она сады Люмбини,
Пленительное место, тихий лес,
Где источают влагу водометы,
Цветут цветы и копят сок плоды.

* Перевод публикуется по изданию: Памятники мировой литературы. Творения Востока. Асвагоша. Жизнь Будды. Перевод К. Бальмонта. М., М. и С. Сабашниковы, 1913.

Исполненная нежных созерцаний,
Почтительно заговорив с царем,
Она просила дать соизволение
Ей там побыть, и царь, уразумев
Действительность такого пожеланья,
Был редкостной заботой смущен.
Всем царственным родным, что находились
В дворце и вне дворца, он повелел
Быть с ней в тени садовой и лесистой,
Ее неукоснительно блюсти.
И вот царица Майя ощутила,
Что час пришел родить ребенка ей.
Спокойно лежа на красивом ложе,
Она ждала с доверьем, а вокруг
Сто тысяч женщин служащих стояло.
Четвертый месяц был и день восьмой,
Спокойный час, приятственное время.

Пока она была среди молитв
И в соблюденьи правил воздержанья,
Родился Бодгисаттва от нее,
Через правый бок, во избавленье мира,
Великим состраданием побужден,
Не причинивши матери мученья.
Как из бедра рожден был Аурва,
Как из руки рожден владыка Притху,
Как царь Мандхатри был из головы,
Какшиват же рожден был из подмышки,
Так Бодгисаттва, в день, как был рожден,
Из правого он появился бока;
Из чрева постепенно исходя,
Лучи по всем струил он направленьям.
Как тот, кто из пространства порожден,
А не через врата вот этой жизни,
Через несчетный ряд круговремен,
Собой осуществляя добродетель,
Он в жизнь самосознательным вошел,
Без тени всеобычного смущенья.
В себе сосредоточен, не стремглав,
Украшен безупречно, выявляясь
Блистательно, он, излучая свет,
Возник из чрева, как восходит Солнце.
Глядели люди, мыслили они,
Как необычен блеск, но созерцанье
Не повредило зренья у них:

Он дал глядеть им, утаив на время
Блистательность лучистого лица,
Как мы порой глядим на Месяц в небе
И видим только мягкий лунный свет.
Однако ж тело у него сияло;
Как Солнце погашает свет свечи,
Златистой красотою Бодгисаттвы
Был изливаем всюду яркий блеск.

Прямой и стройный, в разуме не шаткий,
Сознательно он сделал семь шагов,
И на земле, пока он шел так прямо,
Отпечатлелись ровно те следы,
Как семь блестящих звезд они остались.
Идя, как царь зверей, могучий лев,
Смотря во все четыре направления,
До средоточья правды взор стремя,
Он так сказал, и молвил достоверно:
«Родившись так, родился Будда здесь.
За сим — уж больше новых нет рождений.
Теперь рожден я только этот раз,
Дабы спасти весь мир своим рождением».
И вот из средоточия Небес
Два тока снизошли воды прозрачной,
Один был тепел, холоден другой,
Они ему все тело освежили
И освятили голову его.

И вот он помещен в дворец роскошный,
Его постель — вся в яхонтах она,
Цари Небес, златистыми руками,
Стеблистыми руками, в четырех
Местах, где ножки, ложе закрепили.
Меж тем в пространстве Дэвы, ухватив
Цветистые, как яхонт, балдахины,
Запели песни, хор — зовущий хор,
Чтоб укрепить его в свершеньях правых.
А Нага-раджи, радуясь ему
И к верному склонясь благоговенью,
Навстречу к Бодгисаттве изошли,
Как раньше честь являли прежним Буддам.
Они пред ним рассыпали цветы;
И существа, что в чистые одежды
Всегда одеты в Небе, перед ним
Веселым предавались ликованьям,

Не радостью пристрастной восхитясь,
А потому, что все творенье мира,
Что в океан скорбей погружено,
Снискало верный путь освобожденья².
Сумеру, перевозданная гора,
Что прочный есть устой Земли великой,
Когда явился Бодгисаттва в мир,
Пред этим совершенством содрогнулась.
Весь мир был чрезвычайно сотрясен,
Как бы челнок, гонимый сильным вихрем;
Цветочная утонченная пыль,
Сандала дух и скрытый запах лилий,
Их нежность сокровенная — взнеслись,
И в воздухе возвышенном смешались,
И вместе так на Землю пали вновь.

Луна и Солнце, в правильном теченьи,
Удвоили свой лучезарный блеск,
И свет огня, повсюду загораясь,
В топливе не нуждался, чтоб гореть.
Вода, ключом свежительно-прохладным,
Мерцающая, проступала здесь и там,
И радовались женщины на это,
И пили и купались они.
Во всех возникли радостные мысли,
И сонмы духов, словно облака,
Доподлинностью веры услаждались.
В садах Люмбини, посреди стволов,
В великом изобилии расцветали,
Вне времени, чудесные цветы,
Всю редкостность особую являя.
Разряды же зловолящих существ
Постигли сразу любящее сердце;
Все скорби и недуги меж людей
Без всякого леченья исцелились.
Звериный крик, разнообразный вопль
Притих, и воцарилось молчанье.
Всплеснулася стоячая вода
И потекла речным потоком быстро.
И все ручьи, где слизь и грязь была,
Внезапно стали светлы и прозрачны.
На небе не сгущалось облаков,
И музыка была слышна повсюду.
Все существа, что чувствуют, живя,

Узнали свет вселенского покоя.
Лишь Мара, царь желаний и страстей,
Не радуясь, печалился глубоко
И был один.

Властительный отец,
Столь дивного когда увидел сына,
Хотя уверен был в своей душе,
Однако был подвигнут изумленьем
И изменился в лице, между тем
Как взвешивать значение события,
То радуясь, то сетуя. А мать,
Царица, увидавши, что ребенок
Родился — всем законам естества
Противореча, в робком женском сердце
Сомнительна была, и ум ее
Меж крайностей качался, схвачен страхом:
Не различая в знамениях сих,
Что — радостно, а что, быть может, грустно,
Давала доступ скорби вновь и вновь.
И женщины глубокой Долгой Ночи,
Блжустительницы Ночи Мировой,
Небесного просили указанья,
Молили, чтобы новое дитя
Благословенным в этой жизни было.

В тот час, в священной роще, был Брамин,
Был некоторый верный прорицатель,
С достойным видом, славный, потому,
Что был искусен он и полон знанья.
Увидев знаки, в сердце он своем
Возликовал на дивное событие.
Дабы смущенным не был больше царь,
Ему сказал он голосом правдивым:
«У всех, кто в этом мире порожден,
Желанье есть, чтоб сын родился славный,
И ныне царь, как полная Луна,
Быть в радованьи должен завершеном,
Затем что у него родился сын
Единственный и дивно-несравнимый,
Что будет славой роду своему.
Веселым будь и прогони сомненья,
Все знамения ныне говорят,
Что дому твоему — преуспеянье.
Прекрасно одаренное дитя

С собой несет освобождение мира;
Такое тело, с цветом золотым,
Имеет лишь учитель, данный Небом.
Достигнет просветленности вполне,
Кто наделен приметами такими,
А ежели восхочет быть в мирском,
Всемирным он пребудет самодержцем.
Везде прият властителем Земли,
Монархом будет четырех империй.
Как Солнца свет среди других огней,
Он между всех пребудет превосходным.
Но если будет он искать жилья
Среди пустынь лесных и гор безлюдных,
Но если, сердце мудрости отдав,
Он обратится весь к освобождению,
Вселенную он светом озарит,
Затем что как средь гор монарх — Сумеру,
Иль золото средь ценностей есть царь,
Иль Океан — предел среди потоков,
Или Луна есть первая меж звезд,
Иль Солнце — между всех светил небесных,
Так Совершенный, что родился в мир,
Идущий тем путем, который начат,
Есть самый совершенный меж людей.
Его глаза светлы и, расширяясь,
Все видят больше, больше пред собой;
Их затевают длинные ресницы,
А цвет очей — фиалковый есть цвет,
Раек в глазу — кружок есть светло-синий,
Весь очерк — словно полная Луна:
Такие знаки, без противоречья,
Дают узнать, как бы отбросив тень,
Что состоянье мудрости — здесь полно».
Царь, усомнившись, снова вопрошал,
И снова отвечал рожденный дважды³.
Он изъяснил, что были у других
Царей Земли сыны предназначенья.
Вспомнил Бхригу и Виасу он
И назвал сладкогласного Вальмики
Среди имен, которые горят
В умах людей, как звезды светят в Небе.
«Наполни, царь, восторгом светлым дух,
Как светлый мед златится в полной чаше,
Не позволяй сомненьям говорить».
И радовался царь словам провидца.

В саду же Риши был, что свято жил,
Асита звался он и был искусным
В истолкованьи знаков и примет.
Он молвил, вдохновясь: «О правосудный!
Во имя правых — в прежних жизнях — дел,
Теперь плоды прекрасные явились.
Услышь меня, скажу, зачем я здесь.
Когда я шел сюда дорогой Солнца,
Я слышал, как в пространстве мировом
Вещали Дэвы, что рожден царевич,
Который мудрость явит в полноте.
И сверх сего я видел предвещанья
Чудесные, которые меня
Предстать перед тобою побудили,
Да будет мною узрен Сакья-царь,
Установитель Правого Закона».
Царь повелел младенца принести.
Царевича увидев, на подошвах
Тех детских ног увидев колесо ⁴,
Тысячекратной явлено чертою,
Между бровей увидев белый серп,
Меж пальцев тканевидность волоконца
И, как бывает это у коня,
Сокрытость тех частей, что очень тайны.
Увидев цвет лица и кожи блеск,
Заплакал мудрый и вздохнул глубоко.

Царь, видя слезы Риши, был смущен,
И у него пресеклося дыханье.
Привстав, он с беспокойством спросил:
«Что в сыне есть моем, таком прекрасном,
Что мало от Богов отличен он
И видом обещает совершенство,
Изящен бесподобно и красив,—
О, что в нем есть, что так тебя печалит?
Иль, может быть (да не свершится так!),
Он в жизни краткодневен? Иль он только
Не больше как осенний есть цветок,
Из инея цветок,— дохнешь, и где он?»
Увидевши, что царь так огорчен,
Немедленно ему ответил Риши:
«Да ни на миг не будет царь смущен,
Да помнит, что сказал я, а сомненью
Да никогда не даст он в сердце ход.
Большое все знаменья вещают.

Но, вспомнив про себя, что вот я стар,
Я слезы не сдержал. Конец мой близок.
Твой сын,— всем миром будет он владеть,
Родившись, он закончил круг рождений ⁵,
Придя сюда во имя всех живых.
От царства своего он отречется,
Он от пяти желаний ускользнет ⁶,
Он изберет суровый образ жизни
И истину ухватит, пробудясь.
Засим, во имя всех, в ком пламя жизни,
Преграды он незнания раздробит,
Препоны тьмы незрячей уничтожит
И солнце верной мудрости возжжет.
Всю плоть, что потонула в море скорби,
В пучине безграничной громоздясь,
Недуги все, что пенятся, пузырясь,
Преклонный возраст, порчу, как бурун,
И смерть, как океан, что все объемлет,—
Соединив, он в мудрости челнок,
В свою ладью, все нагрузит бесстрашно
И мир от всех опасностей спасет,
Отбросив мудрым словом ток вскипевший.
Власть размышленья, словно свежий ключ,
Его ученье, словно близкий берег,
Достаточны для всех неожиданных птиц.
В реке широкой есть довольно влаги.
Все существа, что знают страсти зной,
Здесь могут пить, преграды не встречая,
Все те, что знают встречный ветер скорбей,
Все те, что впали в плен пяти желаний,
Обмануты пустынею глухой,
Лежащей меж рождением и смертью,
Без знанья, где же путь, чтоб ускользнуть,—
Для этих в мир родился Бодгисаттва,
Чтоб путь освобожденья показать.
Огонь хотенья, чье горенье — вещи,
Которых жадно жаждешь, больно жжет,—
Он тучке милосердия дал возникнуть,
Быть облачком дал жалости своей,
И дождь Закона ⁷ может погасить их.
Вратами хищной жадности храним,
Оплот тяжелый мрачного безверья,
Сцепивший все живые существа,
Замкнутым был,— и вот врата разъяты.
Щипцами этой мудрости, что есть

Алмазная, противоречья хоти
Он вырывает. Петли бредней всех
Распутав, распустил он сеть незнания,
И кто был связан, вот, он без цепей.
Не сетуй же, о царь, а знай лишь радость.
Что до меня, чрез старость в смерть иду
И не смогу, увы, его услышать.
Хоть мыслью осененный, все же я
Не прикоснусь к ученью Бодгисаттвы,
Мне не дано, я тело износил,
Родиться должен вновь, как высший Дэва,
Но все-таки подвержен бедам трем,
Которые, скорбя, еще узнаю:
Упадок сил, преклонный возраст, смерть».
Узнав причину истой скорби Риши,
Промолвил царь: «Ты мне даешь покой.
Но мысль, что он свое оставит царство,
Покинет дом, та мысль меня гнетет».

Услышав это, Риши обратился
К царю и молвил верные слова:
«Он просветленья полного достигнет».
Так утишив сомнения царя,
Велением своей духовной силы
Поднялся в воздух Риши и исчез.

Суддхódана, услыша все, что слышал,
И видя предвещательность примет,
Проникнут был почтением к дитяти,
И ряд своих забот удвоил он.
Он издал повеление по царству,
Что узники свободны от темниц,
И, согласуясь с волей книг священных,
Распространил на всех свои дары.
Когда дитя прошло чрез завершенность
Десятидневья, зоркий ум отца
Вполне спокоен стал, и возвестил он,
Что будут ныне жертвы всем Богам
И общинам благоговеющим будут
Обильные дары, и всем родным,
И всем, не только властным, но и бедным.
И кто хотел, являлся за скотом,
За деньгами, конями и слонами,
И всяк, в размере нужд, был награжден.
Потом, гаданьем час избрав счастливый,

Дитя переселили во дворец,
Поставив колыбельку на повозку
И дав повозку ту везти слону,
С прекрасно белоснежными клыками,
Сияющему дивной красотой,
Блестящему от разных умашений
И яркому от множества прикрас.
Обняв дитя, царица круг свершила,
Благоговенья духам вознося,
Потом в свою блестящую повозку
Она взошла, а царь сопровождал,
И сонмы слуг и весь народ шли вместе.
Так Сакра, царь Небес, через лазурь
Идет, а вокруг него толпятся Дэвы.
Так Магесвара, полный торжества,
Младенца шестиликого родивши⁶,
Давал даянья щедрою рукой.
Так ныне царь, как был рожден царевич,
Возликовал, с царем же весь народ,
И было в ликовании все царство.

2. ДВОРЕЦ

И вот чертог царя был весел,
И все родные были щедры,
Затем что был рожден царевич
Необычайной красоты.
Слоны, и кони, и повозки,
И драгоценные сосуды
Приумножались каждодневно
Везде, где в них была нужда.
Из недр Земли самоисторгнут,
Являлся блеск сокровищ скрытых,
И самоцветные каменья,
Придя из тьмы, впивали свет.
С вершины снежных гор спускаясь,
Слонов явилось стадо белых,
И вот, хоть были не ручными,
Пришли бесшумными они.
Не укрошенные рукою
Ничьей, но самоподчинившись
И непревзойденно прекрасны,
Явились кони всех мастей.

Их гривы в яхонтах сверкали,
Хвосты их были словно волны,
И рьяно так они скакали,
Как бы примчавшись на крылах.
Коровы, с телом тучно-стройным,
И с шерстью очень чистой в цвете,
И с молоком душисто-свежим,
Пришли, в числе — как облака.
Вражда и зависть уступили,
Давая путь покою мира,
Везде довольство возмогало
И единение сердец.
Был тихий воздух, дождик в меру,
Не слышно было вскриков бури,
Не выжидая часа, стебли
Взросли и дали урожай.
Созрела пятикратность злаков,
С зерном душисто-полнокровным,
У тварей всех родились чада,
Не повредивши их тела.
Все люди, даже те, что мыслью
Не знали Четырех Великих⁹,
Являли светлый блик беззлобья,
Существовали без вражды.
Все люди с женами своими,
Все женщины, что были в мире,
Являли свет души глубинной,
Как люди самых первых дней.
Все Божьи храмы, все часовни,
Сады, ключи, криницы, рощи
В неукоснительное время
Являли всю свою красу.
Был неизвестен голод с жаждой,
Оружье бранное дремало,
Недуги скрылись, и повсюду
Лишь были дружба и любовь,
Взаимно нежа наслаждение,
Без оскверняющих желаний
Все соблюдали справедливость,
И был не слышен звон монет.
И все, кто мог, давали щедро,
Не помышляя о возврате,
Четыре правила свершая,
Желанной Высшим, чистоты.
Как в оно время Ману-раджа

Родил дитя, что называлось
«Блеск Солнца»,— злое прекратилось
И был расцвет во всей стране,—
Так ныне был рожден царевич,
И все приметы возвестили
Благополучие и счастье,
И был Сиддхарттой назван он.
И ныне царственная мать,
Царица Майя, видя сына
Таким отмеченного блеском,
В чрезмерном счастье — умерла.
Вознесена была на Небо.
Праджапати же Гаута́ми,
Дитя подобное увидя,
Ему была как мать сама.
Как в свете Солнце или Месяц
Растут, крепчая понемногу,
Дитя росло в духовной силе,
Росло в телесной красоте.
Струило тело дух сандала,
Неоценимость аромата,
Дышало полностью здоровья,
Блестя в запястьях золотых.
Владыки-данники, узнавши,
Что у царя рожден наследник,
Дары послали: колесницы,
Коней, оленей и быков,
Одежды, ценные сосуды
И много разных украшений,
Но, хоть дары блистали ярко,
Царевич был невозмутим.
Еще был малым очерк тела,
Но сердце в малом было стойко,
И дух, для замыслов созревший,
Не мог быть тронут суетой.
И вот царевич стал учиться,
Но только что ему расскажут,
Уже все знал он без запинки
И превзошел учителей.
Отец, такого сына видя
И чувствуя его решимость
Уйти от всех соблазнов мира,
Стал вопрошать о именах
Тех, кто в его был славен роде
Среди утонченно-красивых,

И первую меж дев приятных,
Средь всех, была Ясодхара.
Она во всем была такая,
Чтобы пленен ей был царевич,
Чтоб это сердце было можно
Ей нежной сетью уловить.
Царевич, столь от всех далекий,
Душой и с виду — чарователь,
И дева, в прелести любезной,
Столь утонченна и нежна,
Всегда тверда и величава
И весела и днем и ночью,
Полна достоинства и чары,
Спокойствия и чистоты, —
Как некий холм, легко взнесенный,
Как белизна осенней тучки,
Тепла — по времени или же
Согласно часу — холодна.
Со свитою поющих женщин,
Чьи слышны голоса согласно
И неприятного нет звука,
Но все забвение дают,
Подобные Гандхарвам Неба,
Они желанными все были
И увлекали нежно сердце
Зовущей очи красотой.
Так, слыша сладкие напевы,
Прекрасный юный Бодгисаттва
Жил во дворце своем высоком,
Где вечно музыка слышна.
А царь-отец, во имя сына,
В свершение Правого Закона,
В своем дворце жил чистой жизнью,
Изгнав из сердца темноту.
Не осквернял себя чрезмерным
Хотеньем, видя в том отраву
И мысли те любя, чрез кои
Покорены сердца людей.
Тех обращая, в ком безверье,
Мир направляя к просветленью,
Хотел всеобщего покоя,
Что нашим детям мы хотим.
Он также был благоговейным,
Пред духами сжигал он жертвы,
И, сжав ладони рук в молитве,

В себя впивал он блеск Луны.
Купался в чистых водах Ганга,
Купая сердце в водах веры,
Стремясь не к малым совершеньям,
Чистосердечно мир любя.
Горя сочувствием к живому
И понимая мудрость духов,
Служа добру, себя явил он
Как мудрый зодчий на Земле.
С самим собою в полном мире,
Являя в членах соразмерность,
Блюдя покой глубокий сердца,
Он совершения свершил.
Меж тем царевич жил в согласьи
С Ясодхарой, своей супругой,
И время шло своим порядком,
Сын Рагула им был рожден.
И мыслил царь: «Мой сын, царевич,
Теперь уже дитя имеет,
Престол наследованьем точным
Вполне надежно укреплен.
И так как сын мой сына любит,
Как я люблю его любовью,
Он не захочет дом оставить,
А будет праведным царем».
Так превосходнейшую карму
Он уготовал лучезарно,
Как Солнце тысячами в мире
Шлет светоносные лучи.
И лишь хотел, чтоб сын, являя
Свои достоинства, был славен,
Чтоб, светлое снискавши имя,
«Рожденный Богом» звался он.

3. ТРЕВОГА

Там, вовне, лежат лужайки,
Брызжет влагой водомет,
Чисты свежие озера,
Разно светятся цветы.
На ветвях дерев, рядами,
Золотистые плоды,
От ветвей глубоки тени,

Стебли — нежный изумруд.
Много там и птиц волшебных,
В играх вьются посреди,
И цветов — четыре рода
На поверхности воды.
Краски — светлы, дух — душистый,
Девы стройные поют,
И царевича пленяют
Струнной музыкой они.
Из чертога слыша пенье,
Он вздыхает о садах,
Хочет он услад садовых,
Быть в смарагдовой тени.
И, лелея эти мысли,
Хочет выйти из дворца, —
Слон в цепях так тяготится,
Хочет воли и пустынь.
Царь, услышав, что царевич
Быть желает во садах,
Повелел их разукрасить
И в порядок привести.
Сделал царскую дорогу
Очень ровной и прямой,
Все убрать с пути, что может
Взор глядевший оскорбить.
Старых, хилых и недужных,
Иль увечных, или тех,
Кто, нуждаясь, непригляден,
Иль чрезмерно воскорбел.
Царь-отец об этом думал,
Чтоб царевич, в этот час,
Сердца юного не ранил,
Огорчение узнав.
Во свершение приказанья
Разукрашены сады,
И царевич приглашен был
Пред отцом-царем предстать.
Сын приблизился с почтеньем,
Тронул царь его чело,
Цвет лица его увидел,
Грусть и радость ощутил.
Но, в своих сдержавшись чувствах,
Их вовне не показал,
Рту его хотелось молвить,
Сердце он свое сдержал.

Вот, в камнях самоцветных
Колесница, а пред ней
Четверня красивых, статных,
Равных в прыткости коней.
Кони выучки хорошей,
Бег их точно предreshен,
Белоснежные, а сбруя
Перевита вся в цветах.
Строен тот, кто в колеснице
Направляет бег коней.
Путь усыпан весь цветами,
По бокам висят ковры.
Деревца, малютки ростом,
Обрамляют царский путь.
На столбах резные вазы,
Разноцветный вьется стяг.
Чуть повеет легкий ветер,
Шевельнется балдахин,
Светлый занавес качнется,
Шелк узорчатый шуршит.
Вдоль дороги много зрящих,
Смотрят зорко их глаза,
Но не груб тот взор, а кроток,
Словно лотос, что склонен.
Вкруг царевича-владыки,
Свита следует за ним,
Словно это — царь созвездья,
Окруженный сонмом звезд.
Всюду шепот заглушенный,
Редок в мире вид такой,
Все сошлись, богатый, бедный
Кто смирен и кто взнесен.
Бросив дом — как только был он,
Не поставив скот в загон,
И монеты не считая,
И дверей не заперев, —
Все пошли к дороге царской,
Башни все полны людей,
Люди в окнах, на балконах,
На валах, среди дерев.
Все тела склонив согласно,
Взоры все стремя в одно,
Все умы в один сливая,
Были зрящие — как круг.
И окружно устремленный,

К одному тянулся ум:
Вид как бы небесной тени
Возникал и проплывал.
Словно лилия, что только
Перед этим расцвела,
На садовые лужайки
Светлоликий устремлен.
Во свершение предвещанья,
Старца Риши слов святых,
Вкруг себя царевич смотрит,
Приготовлены пути.
Влагой политы дороги,
У толпы нарядный вид,
Ткани светлы,— и царевич
Ликованье ощутил.
В колеснице златосветной
Пред толпою он возник,
И народ смотрел на блески
Этой юной красоты.
Между тем Властитель-Дэва,
Из пределов Чистоты,
Снизошел, и близь дороги
Он с внезапностью возник.
Превративши лик свой светлый
В дряхлый облик старика,
Он изношенным явился,
С сердцем, слабым от тягот.
И царевич, видя старца,
Страх тревоги ощутил,
Вопрошает он возницу:
«Это что за человек?
Голова его — седая,
Телом дряхл, в плечах согбен,
Очи тусклы, держит палку,
Ковыляет вдоль пути.
Иль он высох вдруг от зноя?
Иль таким он был рожден?»
И возница, затрудненный,
Не умеет отвечать.
Он бы вовсе не ответил,
Если б Дэва вмиг ему
Не умножил силу духа
И ответ не предрешил:
«Вид его иным был видом,
Пламень жизни в нем иссяк,

В измененном — много скорби,
Мало радости живой.
Дух в нем слаб, бессильны члены,
Это знаки суть того,
Что зовем — «Преклонный возраст».
Был когда-то он дитя,
Грудью матери питался,
Резвым юношей он был,
Пять он чувствовал восторгов ¹⁰,
Но ушел за годом год,
Тело порче подчинилось,
И изношен он теперь».
И взволнованный царевич
Вновь возницу спросил:
«Человек тот — он один ли
Дряхлым возрастом томим,
Или буду я таким же,
Или будут все как он?»
И возница вновь ответил
И промолвил, говоря:
«О царевич, и тобою
Тот наследован удел.
Время тонко истекает,
И пока уходит час,
Лик меняется, — измене
Невозможно помешать.
Что приходит несомненно,
То должно к тебе прийти,
Юность в старость облачая,
Общий примешь ты удел».
Бодгисаттва, что готовил
С давних дней оплот ума,
Зодчим мудрости высокой
Безупречным быть хотел, —
О преклонности печальной
Слыша верные слова,
Так сражен был, что внезапно
Каждый волос дыбом встал.
Как в грозу раскаты грома
Обращают в бегство скот,
Так сражен был Бодгисаттва
И глубоко вздохнул.
С сердцем, сжатым пыткой «Старость»,
Взор застылый устремив,
Думал он о том, как скорбно

Бремя дряхлости узнать.
«Что́ за радость,— так он думал,—
Могут люди извлекать
Из восторгов, что увянут,
Знаки ржавчины прияв?
Как возможно наслаждаться
Тем, что нынче силен, юн,
Но изменишься так быстро
И, исчахнув, будешь стар?
Видя это, как возможно
Не желать — бежать, уйти?»
И вознице Бодгисаттва
Говорит: «Скорей назад!
Что́ сады мне, если старость
Надвигается, грозя,
Если годы этой жизни
Словно ветер, что летит?
Поверни же колесницу,
Во дворец вези меня».
Но, как бы придя к гробницам,
Был и дома скорбен он.

Царь, узнав о грусти сына,
Побудил его друзей
Предпринять прогулку снова,
И велел прибрать сады,
И еще пышней украсить
Всю дорогу повелел.
Но теперь явился Дэва
Как недужный человек.
Он стоял там у дороги,
Безобразен и раздут,
С бормотаньем, весь заплакан,
Руки, ноги — сведены.
И спросил опять царевич:
«Это что за человек?»
Отвечал ему возница,
И ответ гласил: «Больной.
Все четыре естества в нем
В беспорядке сплетены¹¹,
Силы нет, и весь он слабость,
Просит помощи — других».
И царевич, это слыша,
Сразу сердцем грустен стал
И спросил: «Один ли только

Скорбен он, или есть еще?»
И ответ гласил: «Такие
Всюду в мире люди есть,
Кто живет, имея тело,
Должен в жизни ведать боль».
Слыша это, был царевич
Мыслью скорбною смущен:
Так, порой, на ряби водной
Схвачен зыбью лик Луны.
«Кто в печи великой горя
Ввержен в дым и в жгучий жар,
Как он может быть спокойным,
Может ведать тишину?
Горе, горе ослепленным,
Если может вор-болезнь
Каждый миг предстать пред ними
И в веселье бросить тьму».
Вновь золотая колесница
Повернулася назад,
И скорбел он — боль недуга
Видя в зеркале ума.
Как израненный, избитый,
Тот, кто посох должен взять,
В одиночестве, в безлюдьи,
Так он жил в своем дворце.
Царь, узнав, что сын вернулся,
Вопрошает — почему.
И ответ ему был точный:
«Боль недуга увидал».
На блюстителей дороги
Царь посетовал весьма,
Сердце он сдержал, тревожась,
Ничего он не сказал.
Он число поющих женщин
Увеличил во дворце,
Вдвое громче раздавались
Звуки пения теперь.
Эти лики, эти звуки
Чарой быть должны тому,
Кто, лелея наслажденья,
Дом не должен разлюбить.
Днем и ночью, множа чару,
Умножается напев,
Но царевич не внимает,
И не тронут чарой он.

Царь нисходит самолично,
Чтоб сады все осмотреть,
Избирает свиту женщин
С наилучшей красотой.
Тех, что смогут все устроить,
С быстрым вкрадчивым умом
И мужское сердце могут
Нежным взглядом уловить.
Он еще поставил стражей
Вдоль по царскому пути
И убраться велел с дороги
Все, что может ранить взор.
Знаменитому вознице
Убедительно сказал,
Чтоб смотрел он хорошенько,
Надлежащий выбрал путь.

Между тем великий Дэва
Из пречистой высоты,
Снизойдя опять, как прежде,
Лик умершего явил.
Перед взором Бодгисаттвы
Тело четверо несли,
Это видел лишь царевич
И возница, не народ.
«Что несут они? — спросил он.—
Там знамена и цветы,
Свита, полная печали,
Много плакальщиков там».
И возница, знаку свыше
Повинуясь, отвечал
И к царевичу промолвил:
«Это мертвый человек.
Жизнь ушла, и силы тела
Истожились у него,
Ум — без мысли, сердце — камень,
Дух ушел, и он — чурбан.
Нить семейная порвалась,
В белом трауре друзья,
Уж его — не радость видеть,
В яме скрыть его несут».
Имя Смерти услышавши,
Был царевич угнетен,
Сердце сжалось мыслью трудной,
И печально он спросил:

«Он один ли, этот мертвый,
Или в мире есть еще?»
И услышал он, что в мире
То же самое везде.
«Жизнь начавший — жизнь окончит,
Есть начало — есть конец.
Силен, молод — но, имея
Тело, должен умереть».
И царевич, отуманен,
Мыслью скорбною смущен,
Весь пригнулся к колеснице,
Словно принял тяжкий гнет.
Пресекалося дыханье
У него, как он сказал:
«О, безумье заблужденья,
Роковой самообман!
Тело — прах, и, это зная,
Не печалясь, живут,
Сердце бьется — и не хочет
Знать, что все исчезнет здесь».
Он к вознице обратился,
Повернуть велел назад,
Чтоб не тратить больше время,
Не блуждать среди садов.
Как бы мог он, с этим страхом
Смерти, ждущей каждый миг,
С легким сердцем веселиться,
Уезжая вдоль пути!
Но возница помнил слово
Говорившего царя,
И назад боялся ехать,
И вперед помчал коней.
Кони дрогнули, и мчались,
Задыхаясь, ко садам,
И примчались к тихим рощам,
Где журчали ручейки.
Возвышались деревья
В изумрудной красоте,
Звери разные блуждали
По земле среди травы.
И летучие творенья
Пели ласково кругом,
Взор и слух имели радость,
Было дивно во садах.

4. ОТРЕЧЕНИЕ

Вот вступил в сады царевич,— и кругом
Стали женщины являть внушенья чар,
Взоры манят, мысли вольные у них,
Каждой мнится: «Я понравлюсь тем и тем».
С тайным замыслом друг к другу наклонясь,
Бьют в ладоши и ногами движут в лад
Или телом к телу льнут, рука с рукой,
И сливаются совсем друг с другом вплоть.
Или в шутках ищут быстрый дать ответ
И улыбкой на улыбку проблестеть,
Иль задумчивый принять и грустный вид,
Чтоб сочувствием внушить ему любовь.
Но увидели они — царевич хмур,
В теле стройном нет его обычных чар,
И смотрели все, и ждали, вверх смотря,
Как мы ждем, порой, восшествия Луны.
Но напрасно были хитрости их всех,
В Бодгисаттве сердце тронуть им нельзя,
И столпились все они, и сбились в круг,
Озадачены, испуганы, молчат.
Брамапутра был в тот миг там во садах,
Он Удаи звался. Женщинам сказал:
«Вы красивы, но плените ль все хоть раз?
Красота имеет власть, но не навек.
Все же держит-держит мир она в плену
Силой чувственной и тайностью путей,
Все же в мире вашим чарам не идти
Вровень с чарами небесных дивных дев.
Боги, видя их, ушли бы от Богинь,
Духи были бы в соблазны введены,—
Что ж царевич, пусть он даже царь Земли?
Почему бы не проснуться чувствам в нем?
В оно время ведь была же Сундарй,
Ей великий Риши был же сокрушен,
Вовлекла она его в любовь к себе
И принизила хваленость высоты.
Также был еще Висвámитра Брамин,
Прожил он в молитвах десять тысяч лет,
А корабль его был сразу сокрушен,
В день один царицей Неба был пленен.
Если были те Брамины сражены,
Много можете вы, женщины, теперь,
Измышляйте ж сети новые любви,

И запутан царский сын в них будет вмиг.
Слабы женщины, природа такова,
Но мужчинами умеют управлять,
И чего же не сумеют совершить,
Чтобы чувственность желанья в них зажечь?»

Свита женщин, услышав его слова,
Всколыхнулась и ободрилась вполне,—
Услыхавши так касания бича,
Заленившийся проснется сразу конь.
Снова — музыка, веселый разговор,
Зубы белы, брови подняты у них,
Очи смотрят,— взор, горя, идет во взор,—
В легких тканях видны белые тела.
Изгибаясь и жеманно подходя,
Как невеста, что застенчиво идет,
Так идут они с желанием любви,
Женской сдержанности больше нет у них.
Но царевич в сердце был неколебим,
Был безгласен, соблюдая тишину,—
Так стоит, порой, один могучий слон,
Стадо ж все толпится шумно вокруг него.
Так божественный был Сакра в небесах,
Вкруг него же Дэви Неба всей толпой,
Как царевич ныне медлил во садах,
Светлым множеством красавиц окружен.
Но напрасно им одежду поправлять,
Изливая благовонья на тела,
Но напрасно им цветы перевивать
И шептать друг другу тайные слова,—
Вместе, порознь, говорят или молчат,
Для соблазна выгибают ли тела,—
Бодгисаттва, как скала, в себе замкнут
И для грусти и для радости закрыт.
Видя странные старания их всех,
Глубже думает, все глубже мыслит он,
Видит женские он замыслы насквозь,
Начинает понимать всю их тщету.
«И не ведают,— так молча мыслит он,—
И не ведают, как скоро красота
Опадает, как увядший лепесток,
Смята старостью и смертью взята.
В том великая беда, что знанья нет!
Обольщение затеняет их умы.
День и ночь тот обоюдоострый меч

Им грозит,— но вот, не помнят про него.
Старый возраст, и болезнь, и с ними смерть,
Эти чудища возможно ль созерцать
И, глядя на них, смеяться и шутить,
С мертвой петлею на шее — ведать смех?
Человека — человеком ли назвать,
Если внутреннего знания он лишен!
Не из камня ли фигура он тогда,
Не из дерева ли сделанная тень!
Не растет ли так в пустыне стройный ствол,
Есть плоды на нем, и ветви, и листья,
Но спилят его, а призрак от него
И не ведает, что вот последний миг!»

Тут к царевичу Удаи подошел
И, увидевши, что пять желаний спят,
«Магараджа,— так он начал говорить,—
Другом сыну своему велел мне быть.
Говорить мне можно ль дружески с тобой?
Друг — трояк: он, что не нужно, устранил,
В чем действительно нужда есть — достает,
И в превратности он с другом тут как тут.
Про такого — просветленный говорят,
Просветленным другом быть тебе хочу.
В чем же три истока выгоды узреть?
Слушай, верные слова тебе скажу.
Если молодость созрела и свежа
И в расцвете все улады красоты,
Неги женского влиянья не принять,—
Это значит, что бессилен человек.
Иногда лукавство должно допустить,
Подчиниться малым хитростям вполне,
Тем, что в сердце там гнездятся, в глубине,
Как в течениях подводных держат путь.
В наслаждениях коль шалостью ты взят,
То не худо в женском мнении, никак,—
Если в сердце нет желания сейчас,
Все же играм этим нужно уступать.
Сердцу женскому согласие — восторг,
Уступить ему — есть полная краса.
Если ж это отвергает человек,
Он как дерево без листьев и плодов.
Почему ж, однако, нужно уступать?
Чтобы в этом всем удел свой получить,
Раз возьмешь его — конец тревогам всем,

Переменчивость мечты не мучит нас.
Наслаждение — помысл первый есть у всех,
Без него самим Богам не обойтись.
Сакра-бог к жене был Риши привлечен,
Он супругу Гаутамы полюбил.
И Агастия так Риши, что уж был
В долгой ночи воздержанья много лет,
Пожелавши Дэви нежную обнять,
Вспыхнул так, что все заслуги потерял.
Бригаспати, Чандрадэва, и еще,
Парасара, Каваньджара, и еще,
Эти все, и с ними множество других,
Были женскою любовью сражены.
Сколь же больше должен ты медвяность пить,
Преимущества имея все свои,
Знать в пленительных уладах свой удел,
Окруженный всеми теми, кто с тобой».
Слыша то, что говорил Удайи-друг,
Те искусно сочетанные слова,
Этих тонких различений образцы
И примеры, приведенные с умом,—
Так царевич, отвечая, говорил,
Так словами он подробный дал ответ:
«Я за искренность тебя благодарю,
Дай и мне ответить искренно тебе,
И покуда ты внимаешь,— приговор
Пусть помедлит, молча, в сердце у тебя.
Я совсем не безучастен к красоте,
Человеческих восторгов знаю власть,
Но на всем измены вижу я печать,
Оттого в тяжелом сердце эта грусть.
Если б это достоверно длилось так,
Если б старость, смерть, болезнь — не ждали
нас,

Упивался бы любовью и я, —
Не узнал бы пресыщенье и печаль.
Если женщинам ты этим возбранишь
Изменяться или вянуть в красоте,
Пусть в любовных наслаждениях есть и зло,
Все же им держать в неволе ум дано.
Знать же только, что другие где-то там
Заболели, постарели, видят смерть,
Только это знать — и радости уж нет,—
Что же, если это ведать про себя!
Знать, что эти наслаждения спешат,

Ускоряют порчу тел и гнилость их,
И, однако ж, предаваться снам любви,—
Люди в этом превращаются в зверей.
Многих Риши ты приводишь имена,
Что по чувственным дорогам в жизни шли,—
Их примеры умножают скорбь мою,
В том, что сделали, погибель их была.
Ты приводишь имя славного царя,
Что служил свободно всем своим страстям,—
Как они, и он в деяньи том погиб,
Победителем отнюдь он не был в том.
В сеть уклонных слов кого-то уловить,
Улестить кого-то. волю взять его,
Ум мутя, узнать уступчивое «Да»,—
Или замысел тот правильно-красив?
Это значит лишь — обманом соблазнить,
То пути не для меня и не для тех,
Кто достоинство и правду возлюбил,
Ибо истинно неправы те пути.
В этом следовать нельзя мне ни за кем,
Ни с бунтующимся сердцем — уступать.
Старый возраст, и болезнь, и смерть — грядут,
Горе движут к нам и горе громоздят.
Их влияньем все кругом меня полно,
Их присутствие везде, увы, увы!
И вот в этом-то нет друга у меня,
О Удайи, это в мыслях — может встать!
Боль рожденья, старый возраст, смерть,
болезнь,—

Это мучает и это нам грозит,
Очи видят, как все падает кругом,
И, однако ж, сердце следует за всем.
В этом мало что могу я повелеть,
Сердце слабое совсем поглощено,
Вижу старость, вижу бѣлесть, вижу смерть,
Так я не был никогда еще смущен.
Ночь не сплю и мыслю днем,— восторг ли
знать! —
Старость ждет, болезнь придет и смерть
верна,—
Если б не был я печалью омрачен,
Деревянным бы иль каменным я был».

Так царевич, в усложненный свой ответ
Пытки сладостей вводя, их означал

И не видел, что, пока он говорил,
День бледнел и, догорая, угасал.
Звоны музыки и чары унося,
Увидав, что все старанья ни к чему,
Удалилися все женщины, стыдясь,
Возвратилася в столицу их толпа.
И царевич, в той безлюдной тишине,
Увидавши опустелые сады,
Вдруг почувствовал изменчивость вдвойне
И вернулся опечален во дворец.
Царь-отец, спросив о сыне и узнав,
Что от радостей царевич отвращен,
Был такой великой скорбью поражен,
Точно в сердце острый меч его пронзил.
Он немедленно же созвал весь совет,
Вопрошал, и все ответили ему:
«Недостаточно желаний для того,
Чтобы сердце, полонивши, удержать».

5. РАЗЛУКА

И царь увеличил возможности чары,
Влеченья телесных усад.
Ни ночью, ни днем не смолкали напевы,
Царевич от звуков устал.
Ему опостытели нежные звоны,
Он жаждал отсутствия их.
Он думал о старости, боли и смерти,
Как лев был, пронзенный стрелой.
Послал к нему, зоркой заботой тревожим,
Отменных советников царь
И тех из родных, что с молодыми летами
Красу сочетали и ум.
Чтоб, ночью и днем пребывая с грустящим,
Влияли они на него.
Чрез малое время царевичу снова
Возжаждалось выезд свершить.
Опять колесница золотая готова,
Рысистых коней четверня,
И с свитой блестящей друзей благородных
Из пышных он выехал врат.
Как, семенем выращен четырехкратным,

Под Солнцем сияет цветок,
Так в блеске духовном был светел царевич,
В нем юное время — как луч.
Меж тем как из города ехал в сады он,
Ему уготован был путь,
Цветами, плодами сияли деревья,
И сердцем беспечен он был.
Но возле дороги он пахарей видел,
Что шли, проводя борозду,
И черви там вились, — и дрогнуло сердце,
И вновь был пронзен его дух.
О, горестно видеть свершение работы,
Работают люди с трудом,
Тела склонены их, и волосы сбились,
На лицах сочащийся пот.
Запачканы руки и пылью покрыты,
Пригнулись волы под ярмом,
Разъяты их рты, и неровно дыханье,
И свесился набок язык.
Царевич, исполнен огнем сострадания
И с любящим нежным умом,
Был ранен такою пронзающей болью,
Что в пытке своей застонал.
Сойдя с колесницы и севши на землю,
На зрелище боли смотрел,
И в мыслях, сплетясь, протянулись дороги
Рождения и смерти пред ним.
«Увы, — он вскричал, — злополучие миру,
В несведущей он темноте!»
И спутникам он предложил, чтобы каждый,
Где вздумает, там отдыхал.
Сам сел он под тению дерева Джамбу
И мыслям отдался своим.
Он думал о жизни, о смерти, о смене,
О тлене, о дальнем пути.
Так сердце свое закрепив без смущенья
И тучкой пять чувств затянув,
В просвете он внутреннем весь потерявшись,
Изведал первичный восторг¹².
Первичная чистая степень восторга,
Все низкое прочь отошло,
Настало затем совершенство покоя,
Слиянье с Верховным в одно.
Отдельность души от препоны телесной,
Один ясновидящий взор.

Он видел страду и томление мира,
Предельное горе его.
Болезнь разрушает, и в старости — тленье,
И смерть убивает совсем,
И люди не могут для правды проснуться,
И гнет он чужой принимал.
«Я буду искать, — он сказал, — и найду я
Один благородный Закон,
Чтоб встал он на смерть, на болезнь
и на старость,

Людей бы от них защитил».
В спокойном потерянный так созерцаньи,
Он думал, что юность, и мощь,
И жизненность силы, в повторном возврате,
Свершают конечный свой тлен.
О том он без радости мыслил чрезмерной,
Без скорби, без смуты ума,
Без грезы дремотной, без крайней истомы
И без отвращения души.
Он думал об этом в спокойствии мира,
Лучами внутри осиян.
И Дэва из Чистых высот появился,
Как Бхикшу, как нищий, пред ним.
Дошел он до места, где медлил царевич,
Царевич почтительно встал,
Спросил его, кто он, и Дэва ответил,
Отвествуя, молвил: «Шаман¹³.
При мысли о старости, смерти, недуге
Томительно я заскучал,
Оставил свой дом, чтоб искать избавленья,
Но всюду, куда ни взгляну,
Все старость да старость, все смерть и недуги,
Все гибнет, не прочно ничто.
Ищу я блаженства чего-нибудь в мире,
К чему не притронется тлен,
Того, что не вянет, того, что не гибнет,
Начала не знает совсем,
На друга и недруга с равенством смотрит,
Не ждет красоты и богатств, —
Ищу я блаженства — того, кто находит
Покой сам с собою один,
В обители тихой, далеко от мира,
Куда не приходит никто,
Не тронут истоком мирских осквернений, —

Что́ нужно поесть,— попрошу».
И как он стоял пред царевичем,— кверху
Поднявшись, в пространстве исчез.
Царевич, с отрадой, подумав, вспомнил
О Буддах, что были в веках,
И в полном нашел соответствии вид их
С явлением того, кто исчез.
Так все сопоставив в уме, самоцельно,
Он мысли о правде достиг
И как до нее досягнуть. Пребывая
В молитвенной этой тиши,
Он чувства свои подавил, он всем членам
Послушными быть приказал,
И в город направился. В это же время
Вся свита сбежалась к нему,
Помедлить просили его; но, лелея
Те тайные мысли в уме,
Он двигался телом по той же дороге,
А сердцем был в дальних горах:
Привязанный слон так, плененный цепями,
Все в диких пустынях умом.
И в город царевич вошел, и увидел
В людском закрепленных людей.
О детях своих умолял его старец,
Молил молодой о жене,
Другие для братьев чего-то просили,
У каждого просьба была.
Все те, кто был связан родством и семьею,
Стремилась к тому иль тому,
Все бывшие слитыми родственной связью,
Разлуки страшились они.
И сердце царевича радость узнало,
Когда он услышал слова:
«Разлука и слитность». «То добрые звуки,—
Он тихо сказал про себя.—
Они мне вещают, что будет свершен он,
Обет, что я принял душой».
Он думал о счастье «родства, что порвалось»,
В Нирвану он мыслью вошел.
И было все тело его — в светосиле,
Как скалы Горы Золотой,
И плечи его — как слона были плечи,
И голос — как вышний был гром,
Лазурны глаза — как у первого в стаде,
У сильного рогом быка,

И светел был лик — как Луна в полнолуние,
Шаги — были поступью льва.
В дворец так вступил он, и, полный почтения,
Как Сакры-Властителя сын,
Он прямо к отцу подошел и, *склонившись,
Спросил: «Как здоровье царя?»
Затем, изъяснив свой страх, что внушили
И старость, и смерть, и болезнь,
Почтительно он попросил позволения
Уйти и отшельником стать.
«Все в мире, — сказал он, — хоть ныне и слито,
Все в мире к разлуке идет».
И мир он оставить просил разрешения,
Чтоб «истинность воли узнать».
Отец его, слыша о бегстве от мира,
Сердечной был дрожью пронзен, —
Могучий так слон потрясает клыками
И хоботом ствол молодой.
Он встал и, царевича за руки взявши
И слезы роняя, сказал:
«Постой! Говорить тебе так еще рано,
Не время в молельность уйти.
Ты силен и юн, в сердце — полность биения,
В молитвенность с этим идти
И трудно и страшно, смущенья приходят,
Желанья возможно ль пресечь.
Оставить свой дом, истязаниям плоти
Отдаться — нелегкий то путь,
Жить в диких пустынях и в долах безлюдных
Возможет ли сердце твое.
Я знаю, ты любишь молитвенность духа,
И мысль о высоком — в тебе,
Но ты еще сердцем не сможешь смириться,
Ведь годы твои — не мои,
Ты должен принять управление царством,
Мне первому нужно уйти.
Оставить отца и свершение долга, —
В том набожность есть ли, скажи.
Ты должен изгнать эти мысли о том, чтоб
Оставить родимый свой дом,
Свой долг соверши, и составь себе имя,
И после уйди от семьи».
Царевич, почтительность чувства явивши,
Мольбу пред отцом повторил,
Оставить свой замысел он обещался,

Коль бед четырех избежит.
«Коль дашь бесконечную жизнь мне,— сказал
он,—

И старости я избегу,
Болезнь не узнаю и гибель владений,
Тогда не оставлю я дом».
И царь отвечал, и царевичу молвил:
«Нельзя этих слов говорить.
Здесь нет никого, кто бы мог устранить их,
Сказать их явлению: Нет.
Ты вызовешь смех у людей, если будешь
Стремиться до тех четырех.
Не думай же больше, чтоб дом свой оставить,
Усладам предайся опять».
Царевич промолвил: «Коль эти четыре
Исполнить не можешь мольбы,
Тогда отпусти, не удерживай больше,
Дозволь мне оставить мой дом.
Молю, затруднений не ставь на дороге,
В горящем чертоге твой сын,
Ужели ж удерживать будешь в пожаре,
Покуда и он не сгорит?
Кто хочет сомненья спутать, он волен,
Не держат его, а не то
Себя он разрушит, дойдет до разгадки
Иным безвозвратным путем.
Неправой дорогой. А после, за смертью,
Кто сможет его удержать?»
И царь увидал, что решение твердо,
Что тратить напрасно слова.
Он женскую свиту сзывает немедля,
Чтоб сына к усладам увлечь.
Бережь наказал он пути и дороги,
Чтоб он не покинул дворец.
Он также созвал всех советников края,
Дабы рассказали они
Примеры сыновнего сильного чувства,
Царевича тронуть ища.

Царевич же, видя, что царь весь заплакан
И скорбью своей отягчен,
В чертог удалился к себе, и сидел там
И думал в молчании он.
Все женщины, бывшие в пышных палатах,
Придя, окружили его,

И молча смотрели на облик красивый,
Не беглым был взгляд их очей,—
Смотрели, как лани, что в чаще осенней,
Увидя охотника, ждут,
Царевич же стройный, царевич красивый
Застыл, как утес золотой.
В сомненьях танцовщицы медлили, ждали,
Велит ли он петь и играть,
И в сердце их — страхом удержано чувство,
Так медлит олень за кустом.
И день уж бледнел и бледнел постепенно,
Сидел он в вечерней заре,—
И свет от него исходил лучезарно,
Как свет от Сумеру-горы,—
На ложе, блестящем от ценных камней,
И в дымах сандала кругом.
Вокруг же танцовщицы с музыкой были,
И редкостный длился напев,
Но мысли царевича гнали напевность,
Он звуков умом не хотел,
И страстные звуки чертог наполняли,
Но он не слышал их совсем.

Узнав, что царевича время пришло,
Тут Дэва из Чистых высот
Во образе внешнем спустился на Землю,
Чтоб женские чары убить.
И полуодетые призраки эти,
Забывшись в сковавшем их сне,
Являли глазам некрасивые формы,
Их скорчены были тела.
Разбросаны лютни, разметаны члены,
Спина прилепилась к спине;
Другие как будто потопшими были,
А их ожерелья — как цепь;
Одежды их были увиты, как саван,
Или выявлялись комком;
Красивыми были и вот уж увяли,
Как сломанный маковый цвет;
Иные во сне до стены прижимались,
Как будто повешенный лук;
Иные руками цеплялись за окна,
Смотря как раскинутый труп;
Иные свой рот широко раскрывали,
Противно сочилась слюна,

И волосы были всклокочены дико,
Безумия жалостный лик;
Цветочная перевязь порвана, смята,
Растоптанный в прахе лохмоть;
И в страхе иные приподняли лица,
Как в пустоши птица одна,
Царевич сидел, в красоте лучезарной,
И молча на женщин смотрел,
Как юны сейчас они были и нежны,
Как искрист веселый был смех!
Как были прекрасны! И как изменились!
И как неприятен их вид!
Вот женщины нрав. Лишь обманчивый призрак.
Заводят мужские умы.
И молвил себе: «Я проснулся для правды,
Оставлю я тех, в ком обман».
А Дэва из Чистых высот, снизошедши,
Приблизился, дверь отомкнул.
Царевич встал с места и между простертых
Поверженных женщин прошел,
Дойдя с затрудненьем до внутренних горниц,
Возницу он, Чандаку, звал.
«Душа моя жаждет, испить она хочет
От влаги нежнейшей росы.
Седлай же коня мне. Скорее. Желаю
Я в город бессмертный войти.
Я жажду. Решился. И связан я клятвой.
Нет чар в этих женщинах мне.
Врата, что замкнутыми были, разъяты.
В судьбе моей здесь поворот».
И Чандака думал, что, должен ли слушать
Веленье царевича он,
Царю не сказавши об этом и этим
Снискав наказание себе.
Но Дэвы послали духовную силу,
И конь, уж оседлан, стоял,
Скакун превосходный и в сбруе блестящей,
Готовым он в путь выступал.
С высокою гривой, с хвостом словно волны,
С широкой и сильной спиной,
С значительным лбом, с головой как бы птичьей,
С ноздрями как будто клешни,
С дыханьем как будто дыханье дракона,
Во всем благороден он был.
И царственный всадник, трепля его шею

И тела касаясь, сказал:
«Отец мой и царь мой с тобой был повсюду,
И в битве бесстрашным ты был,—
Теперь на тебя я хочу положиться,
С тобою достигнуть туда,
Где жизнь бесконечная током струится,
И биться с оплотом врагов,
С людьми, что в погоню идут за услугой
И ищут богатства себе.
Иду я искать исцеленья от пытки,
И это во имя того,
Во имя свободы твоей и всеобщей,
Да будет достойным твой бег».
Так молвив, вскочил на коня и поехал,
И был он как Солнце зари,
И конь был как облачный столп устремленный,
Бежал, но, бежа, не храпел.
С ним были четыре незримые духа,
И каждый ногам помогал,
Скрывая копыт повторительный топот,
Бесшумным соделавши скок.
Был духами чтим и отец безгреховный,
И сын несравненный его,
Все члены семьи были в равенстве чтимы,
От Дэв благотворным — привет!
Сдержав свои чувства, но память лелея,
Из города выехал он,
Такой незапятнанный, светлый и чистый,
Как лилия, бросив свой ил.
Свой взор на отцовский дворец приподнявши,
Свой замысел он возвестил,
И в записях мира тех слов не хранится,
Но эти слова не прейдут:
«Когда б не избег я рожденья и смерти
Навеки,— я так бы не шел!»
И духи в пространстве, и Дэвы в высотах
Воскликнули: «Так! Это так!»
И духи в пространстве, и Дэвы в высотах,
Светло совершенства храня,
Сиянье свое излучали обильно,
И свет был на длинном пути.
Так всадник и конь, оба сильные сердцем,
Как звезды, пошли и ушли,
Но прежде чем свет воссиял на Востоке,
Уж были они далеко.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧАНДАКИ

И ночь прешла в одно мгновенье,
Вернулось зренье ко всему,
Царевич посмотрел и в чаше
Обитель Риши увидал.
Ключи журчали и звенели
Необычайной чистоты,
И, увидав, что человека
Здесь не боится зверь лесной,
Возликовал царевич сердцем,
Усталый конь свершил свой бег
И вздохнул, остановившись,
И он подумал: «Добрый знак.
Знать, воля свыше одобряет
И указывает это мне».
Сосуд для сбора подаяний
Он в доме Риши увидал.
Увидел и другие вещи,
В порядке полном были все.
Сойдя с коня, его ласкал он
И вскрикнул: «Вот, привез меня!»
И взором глаз любовно-тихих,
Как нетревожимый затон,
Взглянув на Чандаку, он молвил:
«О быстроногий! Ты — как конь,
Как легкокрылая ты птица,
Повсюду следовал за мной,
Пока я ехал,— и сердечно
Благодарить тебя хочу.
Тебя как верного лишь знал я,
Теперь как сильный ты предстал,
А может человек быть верным
И силы в теле не иметь.
А ты теперь и честность сердца,
И тело сильное явил,
И, быстроногий, ты за мною,
Не ждя награды, поспешал.
Тебя держать не буду больше,
Хоть можно много слов сказать,
Соотношение завершилось,
Возьми коня и поезжай.
Что до меня, я в долгой ночи
Неисчислимых перемен
Искал найти вот это место

И наконец его нашел». Сняв с шеи цепь, золотое чудо, Ее он Чандаке вручил. «Она твоя,— сказал,— возьми же, И да утешит скорбь твою». Взяв из тиары ценный камень, Что как звезда на нем сиял, В его протянутую руку Он это солнце положил. Сказал: «О Чандака, возьмешь ты Вот этот камень-самоцвет, И от меня отцу свезешь ты, Как знак сердечнейшей любви. Пред ним почтительно положишь И от меня моли царя, Чтобы привязанности чувство В своем он сердце подавил. Скажи ему, чтобы избежать Треликой горестной беды — Рожденья, старости и смерти,— В лес истязаний я вступил, Не для небесного рожденья, Не оттого, что сердцем сух, Не оттого, что в сердце горечь, Но чтоб стряхнуть тот гнет скорбей. Нагроможденья долгой ночи, Желанья жаждущей любви, Желаю эту свергнуть тяжесть И опрокинуть навсегда. К конечному освобожденью Я так отыскиваю путь,— Освобожусь, и уж не нужно Мне будет больше порывать Семейной связи, и не нужно Мне будет покидать мой дом. О, больше не скорби о сыне! Он в этом выбрал верный путь. Пять возжеланий скорбь рождают, Чрез страсть они приводят скорбь. От предков, от царей победных, Я получил блестящий трон, Но, лишь блюдя благоговейность, Я отказался от него. Ты говоришь, я слишком молод И мудрости искать — не час;

Ты должен знать, что верной веры
Искать — всегда удобный час.
Непостоянство, и превратность,
И смерть — всегда нас стерегут;
И потому я обнимаю
Текущий настоящий день
И знаю, час вполне подходит,
Чтоб веру верную искать.
Но пусть отец, тѣмься, не рвется
За мною в помыслах своих
И пусть не помнит призрак сына
И ту привязанность порвет.
А ты, прошу я, не печалься
О том, что так я говорю,
Но сохрани заветный камень
И весть мою царю снеси».
С почтеньем слову увещанья
Смущенный Чандака внимал,
И, простирая руки, молвил,
И так царевичу сказал:
«Те повеленья, что даешь мне,
Боюсь, прибавят к скорби скорбь,
Что в сердце глубже погрузится,
Как слон, что бьется меж трясин.
Когда порвут внезапно-грубо
Привязу нежную любви,
Как может тот, в ком бьется сердце,
Не тосковать и не скорбеть!
Руда золотая под чеканом
Быть может сломана порой,—
Так как же с сердцем, если сердце
Печали тяжело пригнетут!
Царевич был в дворце сохранен,
Он был как чадо между нянь,—
Как быть ему в лесу дремучем
И истязанья выносить?
Когда коня седлать велел мне,
Я был мучительно смущен,
Но силы Неба мне внушили,
Что должен я послушным быть.
А ты, царевич, так решаясь
Дворец оставить верный свой,
Каким намереньем влеком ты
И чьим покорствуешь словам?
Скорбит народ Капилавасту,

Объята скорбью вся страна,
Отец твой, помнящий про сына,
Ведь он не молод уж теперь,
Его оставить — дурно это.
Коль кто не чтит отца и мать
И дом родимый покидает,—
Одобрить это можно ль нам?
Ты был беспомощным ребенком,
Готами грудь тебе дала
И молоком тебя кормила,—
К ней обращаться ли спиной?
Среди семей достопочтенных,
Где добродетельная мать,
Возможен ли такой поступок
И одобрителен ли он?
Дитя Ясодхары, что будет
От года к году созреть,
Оно так не уйдет из дома
И не покинет мать свою.
Но, если ты семью покинул
И от царя-отца ушел,
Не прогоняй меня отсюда,
Ты мой хозяин, я слуга.
С тобой моим я связан сердцем
Как жар — с кипящею водой,—
Как без тебя могу вернуться,
Тебя оставив меж пустынь?
Как во дворец прийти к царю мне,
Как буду я ответ держать?
Как отвечать мне на упреки
Всех обитателей дворца?
И как описывать тебя мне?
Отшельник телом искажен.
Я полон страха, я робею,
Слов подходящих не найду.
Кто в целом царстве мне поверит?
Коли скажу, что жжет Луна,
Скорей поверят, чем что может
Царевич — жестко поступать.
Утончен сердцем он и нежен,
В нем к людям — жалость и любовь,
А бросить тех, кто был любимым,
Не постоянный в этом дух.
Вернись домой, вернись, молю я,
Свое томление смири».

И слушал Чандаку царевич,
И пожалел его печаль.
Но сердцем был он тверд в решении,
И так ему он отвечал:
«Зачем такая боль разлуки,
Зачем она из-за меня?
Все существа, путем различным,
О постоянстве говоря,
Явить хотят свое влияние,
Чтоб не покинул я родных.
Когда ж умру и стану тенью,
Тогда — как смогут удержать?
Я был во чреве у родимой,
И родила она меня —
И умерла, — вскормить родного
Судьбой ей не было дано.
Одна жива, мертва другая,
Где разность встретится дорог?
Как в чаще леса, на деревьях,
Все птички — по две в темноте,
Придет заря — и разлетелись,
Так все разлуки в мире здесь.
Встают высоко в небе тучки,
Как сонмы островерхих гор,
Но вмиг опять они разъяты, —
Так с человеком человек.
Начально это заблужденье,
Любовь и общность меж людей,
Все, как мечта — за сном, растает,
Не называй же имена.
Коли весенние листочки
Спадают осенью с ветвей,
Здесь часть от целого отходит, —
Так как же в обществе людском?
Меж сочетанных человеков
Еще сильнее явление то.
Оставь же горесть и упреки,
Послушен будь, вернись домой.
Лишь твой возврат — мое спасенье,
Быть может, так вернусь и я.
Узнав, что тверд своим я сердцем,
Не будут думать обо мне.
Но ты слова мои поведай:
«Коли пройду я океан,
Пучину смерти и рожденья,

Тогда опять приду назад.
Но я решился непреклонно,
Коль не найду — чего ищу,
Мой прах развеется по ветру,
Среди безлюдья и пустынь». —
И белый конь, его услыша,
Когда сказал он те слова,
Пал на колени пред высоким,
И ноги он ему лизал,
И плакал грустными очами,
И испускал глубокий вздох, —
Царевич нежною рукою
Его по темени ласкал.
И молвил белому коню он:
«Товарищ верный, не скорби,
Хоть я грущу, скакун мой быстрый,
Так расставаясь с тобой.
Твоя окончилась заслуга,
И доблесть ты явил сполна,
Надолго отдых ты узнаешь
От мук рождения теперь.
И вот сейчас твоя награда,
Каменья ценные возьми
И этот меч, что искры мечет,
И вслед за Чандакой ступай».
Горящий как драконье око,
Царевич вынул острый меч,
И узел он волос им срезал,
В котором яркий яхонт рдел.
Он бросил волосы в пространство,
Они взошли на небосвод
Иплыли там в провалах света,
Как крылья феникса плывут.
И там, где тридесать три бога ¹⁴,
Схватили духи Света их,
И, завладевши волосами,
Они вернулись в небеса.
Свершители благоговений,
Они свершают их вдвойне,
Владея тем венцом лучистым,
Покуда Правый жив Закон.
Царевич царственный подумал:
«Моя краса теперь ушла,
Освободиться только нужно
От этих шелковых одежд».

Узнав, о чем царевич мыслит,
Тут Дэва Чистой высоты
Взял лук, за пояс вставил стрелы
И вмиг охотником предстал.
На нем покров был темноцветный,
И так к царевичу он шел,
Царевич видел цвет покрова,
Смотрел на этот цвет земли
И думал — он подходит к Риши,
Нейдет к охотнику совсем.
Его к себе он подзывает
И мягко говорит ему:
«Как будто бы он не был темным,
Мне приглянулся твой покров,
Дай мне, прошу, твою одежду,
А я в обмен отдам свою».
«Хоть мне нужна моя одежда,
Чтоб дичь не видела меня,—
Тот молвил,— но тебе в угоду,
Отдам ее в промен твоей».
Охотник, взяв наряд роскошный,
Вновь принял свой небесный лик,—
Царевич с Чандакой, то видя,
Мысль редкостную ощутил:
«Покров тот — не покров обычный,
Не человек мирской был в нем».
И был возрадован царевич,
Смотря на этот темный цвет.
Потом, как туча, что нависла
И окружила лик Луны,
На миг застывшим глянув взглядом,
Он в грот отшельника вступил.
Не отрываясь зорким взором,
Печально Чандака глядел,
И вот ушел, исчезло тело,
Его уж больше не видать.
«Мой господин и мой хозяин
Теперь покинул отчий дом,—
Вскричал он горестно,— покинул
Любимых, кровных, и меня.
Он в цвет земли теперь оделся,
Вошел в мучительный он лес».
Воздевши руки, так скорбел он
И в скорби двигаться не мог.
И наконец, руками взявшись

За шею белого коня,
Пошел вперед он, спотыкаясь,
И, медля, все смотрел назад.
И тело шло своей дорогой,
А сердце шло своим путем,
И в мыслях так он забывался
И потуплял свой взор к земле,
И упadaющие веки
Он снова к небу поднимал,
Вставал, упав, и снова падал,
И плакал, и домой так шел.

7. ЛЕС

Когда царевич, с Чандакой расставшись,
В жилище Риши мудрого вступил,
Весь лес он озарил, сияя телом,
Он в Месте Пыток¹⁵ ярко воссиял.
Он одарен был всяким совершенством,
И совершенства отразили свет.
Как царь зверей, могучий лев, когда он
В толпу зверей властительно войдет,
Из их умов обычность мыслей гонит,
И каждый видит подлинно себя,—
Так эти Риши тотчас все собрались,
И, увидав, что чудо между них,
Испытывали радость вместе с страхом,
И, руки сжав, глядели на него,
Кто что держал в руке, не выпуская,
И, вмиг застыв, смотрел перед собой.
Павлины и другие птицы, с криком,
Явили чувство хлопаньем крыла.
Отшельники оленьего устава,
Что всюду за оленями идут
Среди прогалин горных, наблюдая
Согласно с ними образ жизни свой,
Увидевши царевича, смотрели
Блестящими глазами на него.
Один другому говорил, дивясь:
«Один он из восьми Великих Дэв»,
Другие говорили: «Звездный Гений»,
И третьи говорили: «Мара он,
Великий искуситель», и другие
Сказали: «Сурья-Дэва, Солнце-Дух».

Царевич обратил, привет приявши,
К Отшельникам почтительный ответ,
И спросил он старшего меж ними,
Каков есть верной веры правый путь.
И отвечал ему рожденный дважды,
Все трудности устава изъяснил.
Одни едят — не то, что есть в селеньях,
А только то, что в чистой есть воде;
Другие — только ветки молодые,
Плоды, цветы и корни, что в земле;
Одни живут как птицы, и как птицы,
Что словят, то и служит пищей им;
Другие щиплют травы, как олени;
Иные только воздухом живут,
Как змеи; а иные просят пищу
И отдают, остатки лишь едя;
Иные лишь едят двумя зубами,
Пока не будет ран у них во рту;
На голову иные принимают
По капле воду; служат и огнем;
В воде живут иные, словно рыбы;
Отшельники в лесу есть видов всех,
Они идут дорогой истязаний,
Чтобы в конце родиться в Небесах.
Царь человеков, мастер превосходный,
О всех услышав способах тягот
И в них совсем зерна не видя правды,
Отрады в сердце он не ощутил.
Задумавшись, глядел он с состраданьем,
В согласьи с сердцем рот его сказал:
«Поистине, подобные страданья
Прискорбно видеть, — и притом их цель
Людская иль небесная награда.
В возвратности рождений и смертей,
Как много вы выносите мучений,
Как скудно награждение у вас!
С друзьями расставанье, отречение
От положений тех, где был почет.
Ваш внешний лик, разрушенный чрез вас же,
Чрез пытку многократную ваш путь, —
И это все лишь с тем, чтоб вновь — рожденье,
Продленье пятикратного «Хочу»,
Через страданье — ищите страданья,
Рожденье — смерть и вновь с рожденьем —
смерть.

Бояся боли, длите пребыванье
В пучине боли, в море вечных мук,
Бежите одного разряда жизни,
Чтобы другой немедленно создать.
Кто делом восстает на здравый разум,
Тот в сердце как бы корчами стеснен,
Телесное есть лишь причина смерти,
Исходит сила только из ума.
Коль ум из поведенья удалим мы,
Телесное деянье есть лишь гниль,
Так должно упорядочить нам разум,
И тело будет правильно идти.
Есть чистое, то в набожном заслуга,
Вы говорите: если это так,
И звери, что питаются травой,
Знать, в набожном заслугу совершат.
Страдать, вы говорите, есть заслуга
Дальнейшая, когда ты сердцем добр;
Так почему же те, кто не страдает,
Не могут сердца доброго иметь?
И если исступленные все эти,
Живя в воде, лишь чисты потому, —
И тот, кто духом зол, вступая в воду,
Он тоже, значит, будет чист и свят?
Коль праведность — основа чистой жизни,
Такое обиталище есть зло:
Что праведно, должно быть очевидно,
Его не прятать нужно, а являть».
Так о вопросах веры рассуждая,
Заката Солнца дождались они.
Огнепоклонства видел он обряды,
Как чистый пламень в дереве сверлят,
И как его обрядно раздувают
И возлиянья делают из масл,
И слышал, как поют притом молитвы,
А Солнце между тем совсем зашло.
Смысл надлежащий в этом не увидев,
Царевич восхотел от них уйти.
Отшельники же все вокруг собрались
И умоляли, чтоб остался он.
«Пришел сюда из мест ты нечестивых,
В наш лес, где вера правая цветет,
И вот уже уйти от нас желаешь,
Итак, тебя мы просим, подожди».
Все старые отшельники, что были

В одежде из коры и чьи волосы
Лохматы и запутанны торчали,
Просили Бодгисаттву: «Подожди».
Увидя этих возрастом преклонных,
Под деревом Бодгисаттва подождал,
И юные и старые сошлись
И, окружив его, просили так:
«Придя сюда неожиданно, в эти рощи,
Исполненные всяческих прикрас,
Зачем теперь уходишь ты отсюда,
Чтоб совершенство меж пустынь искать?
Как человек, что любит долголетье,
Не хочет тело отпустить свое,
Так мы теперь тебя остаться просим,
И не хотим отсюда отпускать.
И Риши, и Брамины постоянно
Здесь пребывали, набожность блюдя,
Небесные и царственные Риши
Здесь в этих самых медлили лесах.
Места, что возле снежных гор ютятся,
Где каются — кто кровию высок,
Сравниться с этим те места не могут,
Отсюда все взошли на Небеса.
Коль нас ты усмотрел как нерадивых,
В нас видишь не довольно чистоты,
Так мы должны тогда уйти отсюда,
А ты останься и почти сей лес».
И молвил Бодгисаттва, и ответил:
«Ищу пути я правого спастись,
Хочу разрушить все влиянья мира,
У вас же всех — пресильные сердца.
К вам всем исполнен я благожеланья,
Приятная беседа всем мила,
Вас слыша, я окреп в благоговеньи.
И вы ко мне с почтеньем отнеслись.
Но вынужден я ныне удалиться,
И сердце оттого весьма скорбит,
Оставил я своих родных и кровных,
А ныне с вами разлучаться мне.
Боль расставанья с теми, кто содруг твой,
Терзание разлуки — велико,
Не может не скорбеть мой дух при этом,
Как недостатки должен видеть он.
Но вы, терпя страдания, хотите
Отраду знать рожденья в Небесах,—

А я хочу от Трех Миров спастися,
Что ум отверг, отбросить должен я.
Закон, что вы свершаете здесь жизнью,
Наследство прежних есть учителей,—
Я ж накопленья все хочу разрушить,
Закона не такого я ищу.
Подобного Закон мой не допустит.
И потому я медлить не могу,
И в роще мне не должно оставаться,
Чтоб бесполезный продолжать здесь спор».
Отшельники, услыша Бодгисаттву,
Всей правдой полновесные слова,
В основах превосходство разделений,
Почтением исполнились в сердцах.
В то время был там некий Брамачарин,
Который постоянно спал в пыли,
С запутанными был он волосами,
Одет он был в древесную кору,
Глаза его от гноя пожелтели,
Он полностью истязаний проходил,
Тем, что зовется там «высокость носа»,—
Поднявши нос, на Солнце он глядел.
Он к Бодгисаттве с словом обратился:
«Ты, сильный волей, мудростью маяк,
Решивший выйти из границ рожденья
И знающий, что в этом лишь — покой,
Не жаждущий небесных благодатей,
Хотящий плотский лик разбить в веках,
Поистине чудесен ты по виду,
Как ты один такой имеешь ум.
Осуществляя жертвы пред Богами
И умерщвления плоти проходя,
Готовим мы небесное рождение,
Без смерти себялюбного «Хочу».
В том замысел еще себялюбивый,
Предельного ж спасения искать,
То — истинный учитель замышляет,
То — мастер просветленный восхотел.
Тебе — не подходящее здесь место,
Твой путь — на гору Пáндаву идти,
Туда, где жив мудрец великий, Муни,
Арада Рама — имя есть его.
Лишь он увидел цель благоговений,
Закона око, правую мету.
Ступай же в место, где он пребывает,

И слушай, как толкует он Закон.
Научись свершать его веленья
И в сердце возликуешь ты весьма.
Что до меня, твое решение видя
И за покой свой собственный страшась,
Еще однажды должен отпустить я
Учеников, что следуют за мной,
Искать других и голову прямее
Еще держать, глядеть во все глаза,
Смочить свой рот, свои очистить зубы,
Покрывши плечи, лик мой озарить
И сделать мой язык подвижно-гладким.
Амриты так испив, росы живой,
Что ты даешь в кринице лучезарной,
Пучин неисследимых я бегу.
Ничто с тем во вселенной не сравнимо,
Не знали Старцы, Риши,— узрю я».
Услышав это слово, Бодгисаттва
Сообщества Отшельников ушел,
Они же, вокруг него ступая вправо,
Вернулись все на прежние места.

8. СКОРБЬ ВО ДВОРЦЕ

И Чáндака скорбящий
Дорогой вел коня,
И шел, и горько плакал,
Души не облегчить.
С царевичем был ночью,
Отослан он теперь,
Приказано вернуться,
Держать домой свой путь.
Когда вокруг сомкнулась
Ночная темнота,
Он в духе колебался,
Решиться он не мог.
На день восьмой он прибыл
До города, и конь,
Скакун тот благородный,
Отлично поспешал.
Но, быстроту являя,
Вокруг себя смотрел,
Сомнительно искал он:
Царевич, где же он?

И ноги утомились,
Сгибаясь от труда,
И голова и грива
Утратили свой блеск.
Со скорбью в звуке ржання,
Ни ночью он, ни днем
Не захотел напиться
Или травы поесть.
И вот Капилавасту,
Печальная страна,
Весь край — опустошенный,
Как брошенный лежал.
Как будто бы селенье,
Где жителей уж нет,
Иль мир, когда сокрылся
Лик Солнца за горой.
Не били водометы
Прозрачную струей,
Все цветики-цветочки
Появили на стеблях.
Померкли на деревьях
Златистые плоды,
Иссохли и опали,
И вот их больше нет.
Потеряны в печали,
На улицах везде
Мужчины тосковали,
И женщины при них.
Так Чандака, неспешно,
И с ним тот белый конь,
Шли молча, как проходят
Во время похорон.
Царевича не видя,
Лишь Чандаку с конем,
Скорбел народ и плакал,
И голос был в толпе:
«Царевич, сладость мира,
Народа верный друг,—
Куда его ты спрятал,
Где ныне он живет?»
И Чандака, печалась,
Народу отвечал:
«Вослед я за любимым
Пошел, его любя.
Не я его оставил,

Он отослал меня.
Обычные одежды
Все сбросил он с себя,
И, с бритой головою,
Монашеский покров
Надел он, и вошел он
В дающий муку лес».
Услышав, что царевич
Отшельник стал теперь,
Кругом все дивовались,
Изведав странность дум.
И тяжело вздыхали,
И плакали они,
И так один другого,
Дивясь, вопрошал:
«Что целесообразно
Нам ныне предпринять?»
И сразу все вскричали:
«Мы поспешим за ним.
Телесная основа
Ослабнет у кого, —
Весь остов умирает,
И отлетает дух.
Так наша жизнь — царевич,
И наша жизнь ушла, —
Как это пережить нам
И как нам дальше жить?
Сей город, что прекрасен
Среди своих холмов,
Сии леса и рощи
На городских холмах, —
Все прелести лишилось,
И опустело все,
Как будто это мертвый,
И точно это труп».
И, тщетно ожидая,
Что он вернется к ним,
Спешили на распутья
И ждали у дорог.
Не знали, что царевич,
Потерян или жив,
И всячески скорбели,
И стон стоял кругом.
«Смотрите! — говорили, —
Как Чандака идет,

Как медленно идет с ним
И белогривый конь.
Царевич, верно, умер,
Царевича уж нет».
К печали прибавлялась
В сердцах еще печаль.
И Чандака, как пленный,
Влекомый пред царя,
Вошел в дворец — с глазами,
Ослепшими от слез.
Тогда, взглянув на Небо,
Он громко восстал,
Заржал и белогривый,
Услышать — скорбь одна.
Все кони на конюшнях,
Все птицы, звери все,
Услышав это ржанье,
Отвечали ему.
Все думали: «Царевич
Вернулся во дворец».
Царевича не видя,
Сдержали возглас свой.
И женщины, что ждали
Там сзади во дворце,
Услыша эти ржанья
И крик зверей и птиц,—
Болезненные тени,
Приподняли тела,
Без всяких чарований,
Как звездочки во мгле.
Их волосы — все сбиты,
Их лица — желтый цвет,
Иссохли рты и губы,
Нечисты их тела,
Нечисты и немыты,
Нет силы для прикрас,
Разорваны одежды,
Веселья в лицах нет,—
Разбойник так бывает
Запачкан, загрязнен.
Вон Чандака, он плачет,
Вон конь, и он в слезах,
А жданный, а желанный
Сокрылся, не пришел.
И поднялось рыданье,

Вознесся дружный вопль,—
Так плачут об умершем.
Метались они,
Как стадо, потерявших,
В грозу свой путь, быков.
Праджапати Готами,
Услыша о беде,
Без чувств упала наземь,
Как сломанная вся.
Так вихрем сумасшедшим
Крушится вдруг платан
И падает на землю
Всей золотой листвою.
И снова, услышавши,—
Отшельник сын ее,—
Вздыхала безутешно
И думала она:
«Увы, что эти кудри,
Где каждый волос — луч,
И вольный и блестящий
Иль связанный в венец,—
Увы, что эти кудри
Обрезаны теперь,
Нисброшена корона,
Повержена в траву!
Покатые те плечи,
Походка — поступь льва!
Сверкающие очи,
Как у царя быков!
Сияющее тело,
Как золотой отлив!
И этот голос Брамь,
И эта сила-грудь!
Достоинства такие
Имея, ты ушел
И в лес вступил, который
Дает печаль и скорбь.
Для мира что ж осталось,
Когда потерян им
Такой, средь всех единый,
Святой и добрый царь?
Подумать, эти ноги,
Что нежной белизной
И гибкостью подобны
Лилейному цветку,

Ступать по камню будут,
По терниям, шипам!
О, как это возможно
Им будет так ступать?
Воспитан и вскормлен
В сохранности дворца,
Омыт водой душистой,
В тончайшее одет,
Избранность ароматов
Приявши телом всем,—
А ныне в стуже ветра,
В сырой ночной росе!
Он где же зябким утром
Найдет себе покой?
Где отдых он отыщет
В полдневный жаркий зной?
О, цвет среди родимых,
Прибежище для всех,
Отыскиваем всюду
И всеми вознесен,—
Зачем неосторожно
Ты сделал так, что вот
Забрезжит день — и должен
Ты попросить поесть?
На ложе на царевом
Привыкший почивать,
В часы, когда не спал ты,
Лишь знавший блеск услад,—
Как вынесешь пустыню
И горы и леса,
Как будешь возлежать ты
На той траве сырой!»
Так думая о сыне,
Сидела на земле.
И женщины из свиты
Приподняли ее
И слезы осушали
На горестном лице.
Другие же, тоскуя,
Печали предались,
Недвижные от скорби,
Со скованным умом,
Как будто на картине
Сидели так они.

Ясодхара грустила,
Так Чандаку браня:
«Он где ж теперь, он где же,
Кто здесь в уме всегда?
Ушли вы вместе, двое,
При вас был третий, конь,—
Один с конем вернулся
Лишь ты, а где же он?
Все сердце износилось
От боли и тоски,
Тревога в нем и мысли,
Нет отдыха ему.
Обманчивый товарищ!
Неверный человек!
Лихой кователь злого!
Усмешка под слезой!
Изменник ты, изменник,
Как уходил, был с ним
И без него вернулся,
То был коварный план.
Ты только друг по виду,
В душе ты злейший враг!
Являешь свет и нежность,
Затаивая тьму!
И ныне дом весь царский
Так сразу сокрушен,
И царственные эти
Здесь женщины скорбят!
И их печаль безмерна,
Тускнеет красота,
Загрязнены их лица,
Их щеки — путь скорбей!
Когда б царица Майя
Была теперь жива,
На нем одном покоясь,
Как горы на земле,—
Узнавши, что случилось,
Она бы умерла.
Какой удел печальный
И как его снести!»
С конем заговоривши,
Промолвила она:
«И ты, несправедливец!
Как может это быть,
Чтоб, взяв его, увез ты,—

Как вор во тьме ночной,
Жемчужину похитив,
Бежит проворно с ней!
Когда скакал ты в битвах,
Ни стрелы, ни мечи
Тебя не устрашали,
Ни быстрый свист копья!
Теперь же, как преступен
И ветренен твой нрав,
Мою похитил душу,
Ценнейший самоцвет!
О, ты не конь, ты только
Ползучая змея,
И я тебе не верю,
Когда ты так скорбишь!
Теперь ты ржешь печально,
И всюду этот вопль;
Как милого украл ты,
Зачем же ты не ржал?
Когда б тогда заржал ты
И все бы во дворце
Проснулись,— этой скорби
Не знали б мы теперь».
И Чандака, услышав
Те горькие слова,
Вобрал в себя дыханье,
Собой он овладел,
С лица отер он слезы
И, руки сжав, сказал:
«Молю тебя, послушай,
Дай оправдаться мне,
Да не войдем в опалу
Ни я, ни белый конь.
Не порицай, прошу, нас,
Не гневайся на нас,
Вины мы не свершали,
Велели Боги так.
Почтительно хранил я
Веление царя,
Но Боги устремили
Его на путь пустынь,
И ревностно погнали
Они вперед коня.
С дыханием притихшим
Он мчался на крылах,

Едва земли касаясь,
Беззвучно он летел!
Ворота городские
Открылись перед ним!
Пространство было в светах,
Озарено собой!
То Боги совершили.
И что бы значил я?
И что моя есть сила
В сравненьи с силой их?»
Ясодхара, услыша
Правдивые слова,
Почувствовала в сердце
Особенную мысль.
Что Боги совершают,
Свершение есть их,
Того вменить другому
Никак нельзя в вину.
И, гневные упреки
В себе сдержав, она
Дозволила печали
Великой — тлеть и тлеть.
Так на земле простершись,
Невнятно про себя
Слова печальных жалоб
Твердила между слез:
«Две птички были рядом,
Два голубя вдвоем, —
Зачем же разделять их
И как им розно быть!
Ушла моя опора,
Моей поддержки нет!
Молясь, два были вместе,
Разлука между них!
Что слитно, разделилось,
И как мне жить теперь?
И где того искать мне,
Что было столь мое?
В дни оны властелины
Любили с свитой быть,
И с женами искали
Премудрости они.
В их обществе бродили
По долам и лесам,
А ныне он оставил,

Покинул он меня!
Тот, кто приносит жертву,
Устав Браминский чтя,
Он хочет, чтобы с мужем
Жена была одно,—
Вдвоем да совершают
Служение они,
И оба да получают
Награду в должный час.
А ты скупой, царевич,
В служении своем!
Блуждать один пошел ты,
Меня прогнал ты прочь!
Меня когда ревнивой
Ты, что ли, увидал,
Что так оборотился
Ты сердцем на меня?
Тех ищешь, кто тебя уж
Не будет ревновать?
Иль мной ты утомился,
Небесной жаждешь ты?
Но кто прекрасен в личном
Изыществе своем,
Зачем же умерщвления
Отыскивать ему?
Удел со мною общий,
Быть может, презрел ты,
И на меня так сердце
Зачем ты ополчил!
Возьми же на колени
Ты Рагулу к себе!
Увы, красив ты ликом,
Но сердцем ты алмаз!
В тебе весь блеск и гордость,
Весь твой преславный род,—
И тех ты ненавидишь,
Кто сердцем чтит тебя!
О, как же это можно —
Так спину повернуть
К малютке, что едва лишь
Улыбку изучил!
В груди нет больше сердца!
Мой господин бежал!
Ужель меня забудет?
Ужель из камня он?»

Так молвила и смолкла,
Ум помутился в ней.
И дико повторяла
Безумные слова.
И мнилось ей, что видит
Видения она.
В рыданиях лишилась
Всей власти над собой,
Дыханье ослабело,
И наземь пала, в прах.
Так лилия, раскрывшись,
Лежит, изведав град.

Царевича утратив,
И царь-отец скорбел,
Постился, утешенья
Искал он у богов.
Из врат священных вышел,
Молитву совершив,
И вдруг слышал крики,
Рыдания и стон.
И дух его смутился,
Как, если гром гремит,
Под вспышкой молний, стадо
Слонов бежит, стенья.
Он Чандаку увидел
И царского коня,
Узнал, что сын — отшельник,
И наземь пал без чувств.
Сановники немедля,
Блюдя и чтя устав,
К спокойствию взывая,
Приподняли его.
Как только он немного
Собою овладел,
К коню он обратился
И так ему сказал:
«Как часто на тебе я
Легко скакал в бою,
Тебя любил я в битве
И восхвалял всегда!
Но ныне ненавижу,
Гнушаюсь я тобой,
И чувство то сильнее,
Чем вся моя любовь!

Мой сын был превосходен,
А ты его унес
И между гор оставил,
Вернулся ты один!
Возьми ж меня отсюда,
Назад не приноси,
Со мной не возвращайся.
Зачем мне больше жить!
Зачем мне править царством,—
Единый мой восторг
Был сын мой, сын родимый,
Мне без него не жить!
Скорбел о сыне Ману,
Владыка жизнью всех,—
Насколько ж скорбь сильнее
У смертного меня!
Царь Аджа, в оно время,
Так сына миловал,
Что потерялся в мыслях
И вдруг был в Небесах.
Я умереть бессилён!
На долгую я ночь
Так закреплён в печали,
Кругом — большой дворец,
Я думаю о сыне,
Я жажду, я один,
Я как один из духов,
Что пить и есть хотят.
Я пить хочу, и влага
Вот здесь, в моей руке,
Но только наклонюсь я,
Ни капли нет воды.
И все ж не умираю,
И все же я живу!
Скорее же ответь мне,
Скажи мне, где мой сын?
Да не умру от жажды.
И да не буду я
Средь духов тех, чья пытка
Быть в жажде навсегда.
В дни прежние, бывало,
Я силен волей был,
Был тверд, нельзя подвинуть,
Как землю не качнуть.
А сына так лишившись,

Всего лишился я,
Нет больше в сердце воли,
Рассудок раздроблен».
И царственный учитель,
Значительный мудрец,
И главный с ним советник,
Прославленный умом,
Царя увещевали,
И каждый говорил:
«Прошу тебя, опомнись
И к мысли пробудись,
Да судорогой ум твой
Не будет искривлен,
Да скорбь тебя не держит
Сведенным в пытке злой!
Родимый край оставив,
Могучие цари
В дни оны рассевались,
Как бы опавший цвет.
Путь мудрости проходит
Твой сын теперь,— итак,
Зачем же предаваться
Печали и скорбям?
Пророчество Аситы
Припомни в этот час
И то, что вероятно,
Надежным ты сочти.
Твое наследство — радость,
Помысли, царь земли!
А ежели ты будешь
Так напрягать свой дух,
То как же не промолвят,
Твой сумрак увидав:
«Менять владыка может
Сердечный жемчуг свой!»
Пошли же нас немедля,
Нам повелев искать
То место, где царевич,
Чтоб мы нашли его.
Чтоб замыслом искусным
И увещаньем мы
Его поколебали
И стихла б скорбь твоя».
И, радуясь на слово,
Им тотчас царь сказал:

«О, если вы поспешно
Уже теперь бы шли
Так быстро, как голубка
Несется из гнезда,
Со всем проворством птичьим,
Чтоб накормить птенцов!
С единственной мыслью
О сыне, лишь о нем,
Я буду ждать и думать,
Найдете ли его!»
Те двое, лишь услышав
Слова его, пошли,
Принявши повеленья,
Лелейно их неся.
А царь, с своей роднею,
Не торопясь пошел,
Чтоб отдохнуть немного,
И, грустный, все ж дышал.

9. ПОИСКИ

Учитель и советник торопились,
Царь торопил их, скорбь свою сдержав:
Так горячат коня, и конь ретивый,
Почуя хлыст, стремится как поток.
Устали, но с усилием неослабным
Пришли они в дающий пытки лес.
Свой лик тогда согласовавши с должным,
Сложив пять отличительных примет,
Достоинства все видимые знаки,
Они вошли в Браминский тот уют
И почитанье выказали Риши.
Те, в свой черед, просили их присесть.
Они спросили: «Где царевич светлый,
Что сделался отшельником, ища
От старости, и смерти, и болезни
Освобожденья? Мы за ним пришли».
Брамины, отвечая, так сказали:
«Тот юноша — все признаки есть в нем
Великого? Свободно говорил он
О жизни и о смерти и ушел
К Араде, полный путь освобожденья
Желая отыскать». И двое те,
Не смея колебаться в предприятии,

Немедленно отправились в путь.
Прибывши в лес, где жил царевич светлый,
Увидели его, он им предстал
Как внешнего достоинства лишенный,
Но тело изливало яркий свет:
Так Солнце, исходя из черной тучи,
Цвет ворона сияньем золотит.
Учитель края и страны советник,
Придворные с себя одежды сняв,
К отшельнику неспешно приближались,
Среди лесов, почтенье принесли,
Приветствуя его, и он ответил,
Приветствуя, как должно, этих двух.
Затем, его веленью повинуюсь,
Пред ним уселись оба, как в ночи
На небесах сияет белый Месяц,
И две звезды, два близнеца, при нем.
Почтительно они заговорили:
«О сыне мысля, царственный отец
Печалится своим пронзенным сердцем,
Как будто в этом сердце — острие.
Рассеян ум; он бродит одиноко;
Истерзанный, на пыльной спит земле;
И днем и ночью полон размышлений;
Как дождь струятся слезы по щекам;
Тебя искать сюда теперь послал нас.
О, если бы ты слушать захотел!
Благоговейность чтишь — мы это знаем,
Но вот еще не час — в пустыне быть.
Снедает жалость нас, и если только
Благоговеньем движим ты, смягчись;
Не дай печали вовсе захватить нас,
Не оставляя выхода в сердцах.
Потоки рвутся по горам зеленым,
И буря есть, и молния, и зной,—
Не дай же сердца нашего в добычу
Неистовым тем бедам четырех.
Затем что у тоскующего сердца
Четыре эти беды есть вполне:
Смятение и знойная засуха,
Жар страсти и паденье в глубину.
Пойдем и возвратимся в край родимый,
Настанет час — отшельник будешь ты.
Теперь же презирать свой долг семейный
И на отца и мать свою восстать,—

Любовью как назвать мы это можем?
Любовь объятьем осеняет все.
Не требует пустынь благоговейность,
Не надобно отъединений ей,—
Отшельником ты можешь быть и дома,
Мысль, изученье, тщанье — это путь.
Быть с бритой головой, в одежде грязной,
Наедине блуждать среди пустынь,—
Не пробужденье это правой жизни,
А лишь возможность вечный страх питать.
Пусть за руку тебя возьмем мы лучше,
Водою брызнем на главу твою,
Небесной увенчаем диадемой
И под цветной посадим балдахин,
Чтоб все глаза могли тебя увидеть,—
Тогда сможешь дом оставить свой.
Раз очи усладив сияньем верным,
Зайти свободна яркая звезда.
Ануджаса, Ваджрабагу и Друма,
Ватаджана,— цари времен былых,—
С себя свою корону не сложили,
Сияли в самоцветностях они;
Они не отлучались от восторгов,
И пребывали женщины при них,—
Вернись и ты и, долг свой совершая,
Земное чтя, свой скипетр не бросай.
Дозволь нам прекратить рыдания наши
И радостную весть провозгласить,
Отец и мать твоя осушат слезы,
И вновь ты будешь кормчим корабля.
Когда возьмут теленка у коровы,
Она мычит, и стонет, и не спит,—
Так как же мать твоя, что вся забота,
Должна теперь мучительно страдать.
Поистине, ты должен к ней вернуться
И жизнь ее предохранять от зла:
Как птица ты, что потеряла стаю,
Как слон, что в джунглях путь свой потерял,
Единственное чадо молодое,
Защиты не имея никакой,
Не можешь ты не причинять печали,
Не возбуждать заботу: «Что же с ним?»
Рассей же этот сумрак цепенящий,
Как, если затмевается Луна,
Все верные затмение гонят кликом,

Чтоб чудище не съело свет ночной.
Взметенные заставь утихнуть вздохи
И тем, кто ищет влаги, дай ее,
Ее получают — и огонь потушат,
Огонь потухнет — вновь прозреет взор».

Весьма смущен был в духе Бодгисаттва,
Услыша про своих отца и мать,
И, сидя, он предался размышленью
И в должный миг почтительно сказал:
«Отец мой царь, я знаю, обладает
Внимательным и любящим умом,
Но страх рожденья, дряхлости и смерти
Мое повиновенье устранил.
Услышав о его глубокой скорби,
Я тронут возрастанием любви,
Однако ж все, как греза сновиденья,
Проворно обращается в ничто.
Узнайте ж, без возможности отвергнуть:
Не однолик порядок всех вещей.
Природа скорби не необходимо
Есть отношенье сына и отца.
Что создает страдания разлуки,
Влиянье заблужденья это есть,—
Внезапно люди встретятся в дороге,
Лишь миг — и разлучаются они,
И каждый вновь своим путем уходит,—
Так силой совокупности растут
Соотношенья, родственные связи,
Удел отдельный, и разлука вновь.
Кто проследит внимательно ту ложность
Соотношенья связи и родства,
Не должен он печаль в себе лелеять:
Семейная здесь порвана любовь,
В другом же мире вновь той связи ищут,
И грубый — за мгновеньем — вновь разрыв.
Везде куется цепь родства и связи,
Всегда в цепях, всегда разъята цепь.
Кому скорбеть о вечности разлуки?
Зачатый постепенно изменен,
Родится в мире, снова расставање,
Чрез смерть разлука, и рождается вновь.
Все то, что есть во времени, погибнет,
Леса и горы,— что без часа есть?
Во времени вся пятикратность чувства,

И с временем мирское все живет.
Так, если смерть все время заполняет
И всюду застилает путь его,
Сбрось смерть с себя — и времени не будет.
Меня хотите сделать вы царем,
И долг любви так трудно не исполнить,
Но раз — недуг, тогда его врачуй,
Без врачеванья ж как его снесу я
И как снести тот сан тяжелый мне.
В высоком ли иль низком состоянны,
Безумье и незнание везде,
И люди с беззаботностью проходят,
Велениям покорствуя страстей.
Приходит страх, и тело — в вечном страхе,
Вся мысль — о внешнем лишь, и вянет дух,
С благоговеньем — сердце не содружно,
Коли идти за множеством вослед.
Но поведение мудрого — не это,
Весь в яхонтах дворец — но в нем пожар,
Сто вкусных яств средь трапезы обильной,
Но примесь в них — язвящие яды.
Там в лилии, на озере спокойном,
Глянь, много насекомых, несть числа,
И в доме у богатого — злосчастье,
Высок, — но мудрый в нем не будет жить.
Я не дерзаю жить в дворце обширном,
В нем черная склублилася змея.
Я царское достоинство отбросил,
Я от пяти желаний ускользнул,
И, чтоб скорбей подобных мог избегнуть,
Блуждаю я среди пустынных гор.
И я, благоговейность возлюбивший
И в мудрость углубляющий свой путь,
И я оставляю тишь лесов спокойных,
Вернусь домой, вернусь к страстям? О нет.
Великий вождь преславного народа,
Молитвенность всем сердцем возлюбя,
От чести племенной навек ушедши,
Чтобы духовным сделаться вождем,
Отбросив лик свой прежний, — вновь отброшу
Теперешний отшельнический лик
И растопчу свой замысел высокий?
Хотя бы было Небо мне дано,
Не мог бы это я свершить, — ужели ж
К тому меня земной подвигнет дом!

Неведение отверг я, страсть отверг я,—
Так что ж, опять их яствами избрать?
Желать опять — свою блевоту видеть?
Такой позор не мог бы я снести.
Пожар, и дом горит, хозяин вышел,
Из пламени сумел он ускользнуть,—
Войдет ли он опять в свой дом горящий?
Войдет,— так он к ничтожеству причтен,
Ища покоя, все ж стремиться к царству —
Противоречья разные то два:
Спасение и царственность — враждебны,
Покой — движенье, пламя — и вода,
Соединить их вместе — невозможно.
Приманку связи я содвинул прочь,
Прямое применил при этом средство,
Оставил дом,— зачем же я вернусь?»

Советник, мысля, про себя промолвил:
«Царевич мыслит правильно сейчас,
Приятно к добродетели склонен он
И мысль вложил в разумные слова». И, обратясь к царевичу, он молвил:
«Как царственно изволил ты изречь,
Кто хочет в правой вере укрепиться,
Ее он должен правильно искать.
А час твой — он не этот час текущий.
На убыли твой царственный отец,
В преклонности он думает о сыне,
К печали прибавляется печаль.
Ты говоришь: «В освобожденьи — радость.
Возврат есть отречение от себя».
Не в мудрости твоя возникла радость,
И нет в том размышленьи глубины.
Плода ты ищешь, а того не видишь,
Что долг текущий должен быть свершен.
Иные говорят: «Тот свет», «Есть После».
Твердят другие: «После — ничего».
Итак, пока вопрос висит вопросом,
Зачем восторг текущий отвергать?
Коль есть «Тот свет», коль «После» есть,
должны мы
Взять все, что это «После» нам несет.
Коль скажешь ты: «Не существует «После»,
Освобожденья, значит, нет тогда.
Коль скажешь ты, что «После» существует,

Не скажешь ты: «Причины избеги».
Земля тверда, огонь горяч, вода же
Сыра, а ветер движется всегда,—
«Тот свет» — таков же, «После» — в том же
строе,

Отличная природа у него.
Раз говорим о чистом и нечистом,
Нечистое и чистое идет
Из собственной природы той отличной.
Коль скажешь: «Мыслью это устранию»,—
Такая мысль как довод есть безумье.
Основа чувств как чувств предрешена,
Все корни, по природе, изначальноны.
И память и забвение — суть два,
Природа их отчетлива в рисунке.
Преклонный возраст, смерть, болезнь, печаль,—
Кто воинской уловкой их избегнет?
Коль скажешь ты: «Вода зальет огонь»,
Иль: «Воду вскипятив, огонь потухнет»,—
Различность их природ лишь утвердишь,
Природа в строе — создает живое.
Так человек, раз в чреве он зачат,
Весь — руки, ноги, все иные части,
И ум его, и дух его,— растет,
Но кто же он, кто это совершает?
Кто он, кто заостряет цепкий терн?
В самодозоре, то природа снова.
Различные возьми ряды зверей,
Что есть, то есть, им быть такими должно.
Неборорожденных, вновь, коснись существ,
Владычествует ими Самобытный¹⁶,
У них же самоцельных нет путей.
Когда б они могли создать причинно
Рожденье, смерть могли бы проверять.
К чему ж тогда искать освобожденья?
Иные говорят, что это «Я»
Причина есть рожденья, а другие
Твердят, что «Я» — причина смерти есть.
Иные утверждают, что рожденье
Идет из ничего и гибнем мы,
Не выполняя замысла кончиной.
Родится так счастливое дитя,
В семье, что благородна и богата,
Завещанному учится, растет,
Великие Богам приносит жертвы,

И имя знаменитое его
Является как путь освобождения,
В том имени идет к нам ценный клад.
Но, если так, сколь тщетно и бесплодно
Освобождения все ж еще искать.
Ты вольности возжаждал, ты желаешь
Свой замысел высокий совершить,
А твой отец тем временем тоскует,
И ты едва вступил на этот путь, —
Не будет зла, коли домой вернуться.
Царь Амбариша, в оны времена,
В печальном лесе долгое жил время,
Оставивши всю царскую родню,
И вновь пришел, и царствовал он снова.
И Рама, царский сын, родимый край
Покинувши, ушел в глухие горы,
Но, услышав разлучности упрек,
Вернулся и страной разумно правил.
Царь Друма был, ушли отец и сын,
Отшельниками были и блуждали,
В конце концов вернулись назад.
Еще мне говорить ли о Васите?
Атрею называть ли? Эти все
Достойные, отмеченные древле,
Ушли, пришли, как звезды, свет струить,
Светильники прекрасные для мира.
Пустыню гор оставить — и царить
Благоговейно — нет в том преступленья».

Царевич, слыша добрые слова,
Храня в душе свой укрепленный довод,
Слова любя, не расточая слов,
Не споря по примеру школ различных,
Советнику спокойно отвечал:
«Быть и не быть — то трудные понятия,
Вопрос о бытии, небытии —
Напрасен он, сомнительность лишь множит,
Недостоверность шаткого ума.
Наклонности беседовать об этом —
Нет у меня. Я дух свой устремил
На мудрость, чистоту и отречение,
И с этой достоверностью я слит.
Мир полон тщетных знаний и открытий,
Учители, свой совершая долг,
Искусно сочетают паутину.

Но верности основы нет у них,
И с ними не хочу иметь я дела.
Тот отделяет правду ото лжи,
Кто просветлен. Но как родиться может
От этих — правда? Это суть слепцы,
Ведущие слепых. В ночи проходят,
Во тьме густой,— им извлечения нет.
Вопрос о том, что чисто и нечисто,
Вовлек людей в сомненья, и они
Не могут видеть правды. Много лучше
Дорогу чистоты осуществлять,
Идти и ведать самоотречение,
Нечистоты не совершать, идя,
О сказанном издревле размышляя,
Не запершись в предании одном,
В едином не упорствуя, а в ум свой
Все верные слова светло приять,
Чуждаясь тьмы, источника печали.
А что о Раме здесь ты рассказал
И о других, ушедших и пришедших,
Чтоб снова ведать чувственный восторг,—
Дороги их поистине напрасны,
И мудрый им не будет подражать.
Теперь для вас мне разрешите вкратце
Правдивую основу изложить:
Луна и Солнце могут пасть на землю,
Гора Сумеру сокрушится вниз,
Но никогда мой замысел не дрогнет.
Скорее, чем в запретное вступить,
Да буду брошен я в огонь свирепый.
И ежели я право не свершу,
Что сам себе в душе я предназначил,
И ежели на родину вернусь,
Дабы вступить в огонь пяти желаний,—
Да будет то со мной, в чем клялся я».

Так вымолвил царевич и сказал.
И доводы его сияли остро,
Как совершенства солнечных лучей.
Потом он встал и в некоем отдалении
Помедлил. А советник и другой,
Учитель, видя тщетность убеждений
И видя, что напрасны их слова,
Поговорив между собой, решили
Идти в обратный путь, в родимый край,—

Царевича не смея беспокоить,
Присутствием своим обременять,
Решение свое они явили,
Почтительно и грустно вздохнув.
И все ж, неподобающую спешность
Из всех своих движений устранив,
Веление царя осуществляя,
Они спокойно медлили в пути,
И, ежели кого они встречали,
Избравши тех, кто мудрых лик являл,
Они такими мыслями менялись,
В каких для всех ученых радость есть,
И сан высокий свой от всех скрывали,
Потом, прейдя, ускорили свой путь.

10. ЗОВ

Учителя с советником оставив
И отойдя от этих двух,
Пошел, один, царевич по теченью,
И, воды Ганга перейдя,
Держал он путь к Вершине Ястребиной,—
Пятью горами скрытый верх,
Приятственный утес, меж скал — как кровля,
Он, зеленея, был один.
Кусты, деревья и цветы в расцвете,
Ключи, прохладные ручьи,
Приятно охлаждающие потоки,—
На это все он бросил взор.
Потом, пройдя, вступил неторопливо
В пятиутесный город он,
Спокойный, в осияньи мирной славы,
Как некто, кто нисшел с Небес.
Царевича увидя, поселяне,
Его чрезмерную красу,
В младых летах, но в столь великом блеске,
Как бы великого вождя,
Исполнились предивных странных мыслей,
Как бы увидя светлый стяг,
Как бы узрев, внезапно, знамя Индры,
Завесу Йшвары в лучах.
Кто путь переходил, тот шаг замедлил,
Кто сзади был, тот поспешил,
Кто впереди, назад он обернулся

И долго, пристально глядел.
Приметы и особенные знаки
Впивали взорами они,
Глядели, невозможно наглядеться,
И преклонились, подходя,
Сложивши руки, почесть отдавали,
Дивясь и радуясь пред ним.
Все, что имели, щедро предлагали,
Склоняли скромные тела,
Исправив все небрежности движений,
Являли молча свой почет.
И ниже всех склонялись те, кто, в скорби,
Любовью двигнут, мира ждал.
Великие, что к важному стремились,
Мужчины, женщины — равно
Мгновенно на дороге задержались
И, преклонясь, не шли назад.
Затем что белый серп между бровями,
Фиалки глаз его больших,
И тело благородное, как злато,
И волоконцев меж перстов,—
Пусть он отшельник был,— то знаки были,
Что перед ними царь святой,
И стар и мал, ликуя, восклицали:
«Так светел он, что радость нам!»
А в то же время, Бимбисара Раджа,
В дозорной башне поместясь,
Мужчин и женщин видя удивленных,
Что́ это значит, спросил.
И спрошенный, склонив свои колена,
Что́ зрел и слышал, все сказал:
«Из рода Сакья, знатного издревле,
Царевич, полный совершенств,
Небесно-мудрый, не путями мира
Идущий в прохожденьи здесь,
Царь, чтоб царить над восемью краями,
Бездомный, здесь,— и чтут его».
Царь, слыша это, был весьма взволнован
И, радостный почуя страх,
Задержан телом был на том же месте,
Душой же он своей ушел.
Призвав своих советников поспешно
И приближенных, он велел
Идти вслед за царевичем сокрыто,
Следя, что́ сделать надлежит.

Они, веленье это совершая,
Пошли и видели, что он
Вступил с невозмутимым видом в город
И милостыни попросил,
Устав блюдя отшельников великих,
С невозмущаемым умом
И с ясным ликом, не заботясь, сколько,
Велик ли, мал ли дар дадут.
Что получал, в свою 'слагал он чашу
И снова возвращался в лес,
И, это съев, пил от воды проточной
И к Белой восходил Горе.
Зеленые деревья обрамляли
Спокойной тенью горный срыв,
В расщелинах пахучие растенья
Вносили нежные цветы.
Кричали там цветистые павлины,
И, взлетом в воздухе скользя,
Другие птицы радостно сливали
С тем криком пение свое.
Как шелковица в солнечном сиянии,
Светился весь его покров,
Листоподобно складки изливали
Переливающийся свет.
Увидя закрепленный лик покоя,
Вернулись вестники к царю,
И, их подробной повести внимая,
Был царь взволнован глубоко.
Он царскую велел принесть одежду,
Богородный свой венец,
Покров, как бы обрызганный цветами,
И все отличия царя.
Потом, как лев, могучий царь звериный,
Степенно выступил вперед,
Избрав себе из престарелых свиту,
Способных мудро понимать.
Сто тысяч шло народу вслед за ними
К вершине царственной горы,—
Как бы, темнея, туча восходила
До островерхой белизны.
Достоинство узревши Бодгисаттвы,
Покорный воле, каждый жест,
Сидящего увидя на утесе,
Как Месяц в чистых небесах,
Увидя красоту, что вне сравненья,

И чистоту, чей лик един,
Царь испытал то в сердце обращение,
Что может вера порождать.
И, соблюдая знаки почитанья,
С учтивым видом подходя,
Приблизясь, спросил он Бодгисаттву,
Благополучен ли он тут.
Согласно с обстоятельством вопроса,
Дал Бодгисаттва свой ответ,
И в очередь свою царя спросил он,
И царь ответил на вопрос.
Когда ж вопросы эти завершились,
Блюдя достоинство свое,
На ясноликом царь воссел утесе,
На боговидного смотря.
Он видел черт нежнейших умягченность,
Во всем он зрел высокий сан,
Здесь родовая чувствовалась знатность,
Был унаследован удел.
Свои на время подавивши чувства,
Дабы сомненья разрешить,
Царь спросил, как это так случилось,
Что тот, кто солнечно рожден,
Из царственной семьи, благоговенье
Хранившей десять тысяч лет
И даже десять тысяч поколений,—
Как он, такой скопивши клад,
В летах столь юный, в мудрости отличный,
Отшельник ныне, бросив сан,
Царя святого опустил сыновство,
Одеждой грубою покрыв
Красивый вид, достойный умщений
И благовоний,— здесь один,
С рукой, которой нужно б царством править,
Теперь протянутой в мольбе,
Чтоб благостыню, малость скудной пищи,
На место скипетра приять.
«Когда бы ты не царского был рода,—
Так продолжал беседу царь,—
С тобой я разделил бы это царство,
Когда б ты только захотел».
И продолжал: «О, взвесь, тебя прошу я,
Мои правдивые слова:
Желанье власти близко к благородству,
И справедлива гордость та.

Коль нет желанья покорять надменных
И волю наклонять в других,
Отдать тогда оружие сильным нужно,
Рукой воинственных водить.
Но кто ж, когда ему дано наследством
Главою царства мощным быть,
Не возжелает взять бразды правленья
И быть над миром и войной?
Кто — мудрый, знает время для молитвы
И для богатства и усад.
Но если троекратность не блюдет он,
Чтя веру, он богатству чужд.
Кто — в мире, тот печется о богатстве,
А к вере равнодушен он.
Но бедным быть, с пренебреженьем к вере,—
Какой тут может быть восторг?
Когда же троекратностью владеешь,
Разумно пользуясь всем,
Поистине тогда назваться можешь
Владыкой достоверным ты.
Не позволяй же телу, что Судьбою
Щедотно так одарено,
Отвергнуть всю лучистость доброй жертвы
И отказаться от наград.
Мандгари Чакравартин был монархом,
Четыре царства знал мирских,
И с Сакрой разделял престол он царский,
Но править Небом он не мог.
А ты с своею силой мощно-грозной
Две власти можешь ухватить,
Ты можешь править Небом и Землею,
Два света сочетав в один.
На царскую я власть не опираюсь,
Тебя здесь силой не держу,
Но, видя лик красивый измененным,
Узрев отшельника наряд,
Тебя весьма я чту за добродетель,
Но человека жаль в тебе:
Как милостыни, здесь ты просишь пищи,
Тебе даю я всю страну.
Пока ты юн и одержим страстями,
Используй это, усладись,
А в зрелый возраст собери богатство,—
Когда же старость подойдет,
Когда твои способности созреют

И будешь ты как спелый сноп,
Перед тобою время развернется,
Дабы молитвенность блюсти.
Благоговейный жар в молодые лета
Ключи желанья пепелит.
Когда же стар и дух желанья меньше,
Час одиночества искать.
Желать богатства в дни, когда стал старым,
То стыд, и срама мы бежим,
Но в юности, когда подвижно сердце,
Час наслажденья разделять.
Дни юности в товариществе тратить,
Исчерпать светлый разговор.
Когда ж, скопляясь, годы напалзают,
Тогда молитвенность блюсти.
Тогда гасить горящих пять желаний
И в сердце радость умножать,—
Не это ль есть закон царей издревле,
Благоговейности устав?
Не это ли есть путь царей старинных,
Что на драконовой спине,
Лелея в сердце тихость ликованья,
Дошли превыспренних жилищ?
Божественные эти самодержцы,
Сияя личной красотой,
Достойно соблюли благоговейность
И в Небе взяли свой удел».
Так Бимбисара Раджа все исчерпал,
Все убеждения привел,
Но, как гора верховная Сумеру,
Царевич был неколебим.

11. ОТВЕТ

Благопристойно Бимбисара Раджа
И кротко-миротворческою речью
К царевичу ходатайство направил,
И он ответ почтительно держал.
Глубокими, волнующими сердце,
Словами так отвечивал царевич:
«Преславный и всему известный миру,
На разум речь твоя не восстает.
Так говорить велит благоговенье,

Нет в мире обеспеченного места
Для благодати,— когда ж слабеет благодать,
Высокое как имя сохранить!
Достоинство, в котором достоверность,
В связи прямой находится со дружбой,—
Коль верный друг богатства не жалеет,
Сокровищем зовется он тогда.
Но быстро расточается богатство,
В любой стране оно непостоянно,
А что дают кому из милосердия,
Удвоенным вернется этот дар.
Так милосердье друг есть достоверный,
Хоть расточает, нет в том сожаленья,
Ты щедр и добр, как ведомо, и, встретясь,
Беседуем с приятственностью мы.
Рожденья, смерти, старости, болезни
Боюсь,— к свободе путь найти хочу я,
Я устранил семейственные чувства,—
Так как же я могу вернуться в мир,
К пяти желаньям, и не опасаться,
Что ядовитый змей разбужен будет,
И лдяный град посыплется свирепо,
И в лютom буду вновь сожжен огне.
Боюсь многопредметного хотенья,
Водовороты взвихривают сердце,
И пять желаний — шаткие то вoры,
Что заприметят, тотчас нет того.
Сокровища любимые воруют,
И вот они, неверные, как тени,
И вот они скользят, как привиденья,
Действительность становится как сон.
Кто поглядит, на миг он это видит,
Но прочно ум схватить они не могут.
Итак, они — великие препоны,
К спокойствию испорчен ими путь.
Коль радости Небес иметь не стоит,
Что ж о людских нам говорить желаньях,
Любви безумной в них гнездится жажда,
Ты в сладости, пока не истощен:
Так дикий ветер мечет пламя выше,
Пока топливо вовсе не иссякнет,—
Нет более неправого в сем мире,
Как эти пять желаний с царством их.
Всяк, кто уступит мощности хотенья,
Усладой взят, и мертв он для рассудка.

Кто мудр, желаний этих он боится,
Страшится он пути к неправоте.
Так царь, что правит четырьмя морями
И всем, что между них, желает больше;
Так Океан, не знающий предела,
Не ведает, где стать ему, когда.
Струило Небо желтый дождь из злата,
И Манга Чакравартин меж морями
Всем правил, но вздыхал он в возжеланьи
И тридцать три он неба восхотел.
Престол свой разделил с могучим Сакрой
И умер в силу властного хотенья.
Ниаса же чрез умерщвление плоти
Жилищ небесных тридцать три приял.
Но силою хотенья стал он гордым,
Надменничал в блестящей колеснице,
И, развалясь с небрежностью, упал он
В змеиный кладезь, прямо в глубину.
Всемирный царь, кого зовем мы Яма,
По Небесам превыспренним блуждая,
Небесную жену избрал царицей
И встал у Риши злато вымогать,
А Риши в гнев наговор сказали,
Нагромоздив на чару чарованье,
И умер он. Нет в мире постоянства,
Хотя бы для властителя Небес.
Нет края достоверного, хотя бы,
Кто в нем живет, был с сильною рукою.
Но если кто оденется лишь в травы
И ягоды как пищу изберет,
И будет пить лишь из ручьев проточных,
И с волосами длинными, как волны,
Пребудет, как молчальник, без хотений,
В конце свое алканье он убьет.
Узнай, что потакать пяти желаньям,—
То льгота, что заведомый есть недруг
Благоговейных. И тысячерукий
Могучий царь — как победить его?
Погиб от страсти сильный Риши Рама,—
Сын Кшатрии, насколько же я должен
Сильней свои удерживать хотенья?
Лишь полелей одно мгновенье страсть,—
И, как дитя, она растет проворно.
Поэтому, кто мудр, ее не терпит:
Кто захотел бы в пищу взять отраву?

Лаская хоть свою, умножишь скорбь.
Коль страсти нет, коль хоть не понуждает,—
Истоков скорби нет, ни тока боли,
И, ведая всю горечь скорби, мудрый
В истоках скорбь вытаптывает прочь.
Что в мире называют добродетель,
Есть лик иной того же злополучья,
Хотение в пределах не удержишь,
Оплошность — тут, за ней — и вся беда.
Оплошностью нагромождают гибель,
Смерть стережет на этой злой дороге,—
Кто мудр, тот, осмотрительно провидя,
Что все — мечта, не жаждет ничего.
Кто видимого хочет, хочет скорби,
Любовью будет вновь уловлен в сети,
Не видя окончательной свободы,
Пойдет вперед от боли к боли вновь.
Такой в руке кто факел жгучий держит,
Тот руки жжет: кто мудр, того бежит он.
Безумец же, кто в этом усомнится,
Все будет сердце к зною торопить.
Алканье — змеиное то жало,
И ярый гнев — змеиная отрава,
Кто мудр, тот к скорби путь, как кость гнилую,
Отбросит прочь, чтоб зубы сохранить.
Ее ли будет пробовать и трогать?
Сыны земли за то гнилое мясо,
Как стаи птиц, готовы состязаться,—
И царь за тем пройдет через огонь?
Так мы должны смотреть и на богатства:
Мудрец, коли наполнит кладовые,
Не чувствует себя благополучным,
А день и ночь как будто ждет врага.
Как человек проходит с отвращеньем
Близ скотобойни на Восточном рынке
И издали базарный столб заметит,
Так веку страсти мудрый обойдет.
Кто путь свершает морем и горами,
При хлопотах, покоя знает мало,
Кто на верхушку дерева влезает,
Чтоб плод сорвать,— и шею сломит тот.
Так и желанье, с жадничаньем вечным:
Стараются, богатства накопляют,
Придумают мучительные ходы,
Сон громоздят,— и вдруг окончен сон.

Так ямы: есть огонь в них рдеет жарко,
Обманная над ямою поверхность,
Чуть тело проскользнет туда, пылает:
Кто мудр, тот в это пламя не пойдет.
Лик хотя — это мнимое виденье,
Лик страсти — как мясник с ножом кровавым,
Как Каурава, Нанда или Данта,
Сцепляющий и низко-рабский лик.
Кто мудр, тот с этим дела не имеет,
Скорей в огонь он бросится иль в воду
Иль свергнется с обрывного утеса,
Но не пойдет он к хотя в западню.
Искать услад небесных — есть не больше
Как сдвигать в перемещеньи пытку.
Басундара и Сундара, два брата,
Друг с другом жили в ласковой любви,—
Но им затмила хоть алканья разум,
Друг друга, в возжеланьи, умертвили,
И имя их погибло безвозвратно:
Так вот к чему, ведя, приводит хотя.
Ей человек оцеплен и принижен,
В ее цепях он делается подлым,
Она его бодилом жжет и колет,
И длится ночь, избит, изношен он.
Олень в лесу так жаждет возглаголать,
И, речи не найдя, он умирает,
И птица так летит в силоч лукавый,
И рыба так взманилась на крючок.
Подумавши о надобностях жизни,
В них постоянства вовсе не находишь:
Едим мы, чтобы голод успокоить,—
Чтоб жажда нас не жгла, должны мы пить,—
Одежду надеваем мы от ветра
И холода,— чтобы уснуть, ложимся,—
Чтоб двигаться, должны искать повозку,—
Чтоб отдохнуть, должны сиденье взять,—
Чтоб грязными не быть, должны мы мыться,—
Все это делать нам необходимо,—
Нет постоянства в тех пяти желаньях,
Чуть утишишь, вновь нужно утишать.
Как человек, что одержим горячкой,
Прохладного испить желает зелья,—
Алканье утолить томленье хочет,
Безумец постоянство видит в том.
Но постоянства в прекращеньи боли

Не может быть: желая хоть утишить,
Мы вновь хотим и громоздим хотенья,
В превратности такой устоя нет.
Наполниться питьем и вкусной пищей,
Одеться в подходящие одежды,
Не длительные это наслажденья,
Проходит время, скорбь приходит вновь.
Прохладно лето в месячном сияньи,
Зима приходит,— и умножен холод,
Чрез восьмикратность мира все превратно,
Рабам отдайся,— доблесть потерял.
Молитвенность — все делает служебным,
Как правит царь, что царствует высоко;
Благоговейность повторяет скорби,
Подъемля тяжесть, силой счет ведет.
При всяком положеньи нашем в мире,
Вкруг нас не устают скопляться скорби,
Хоть будь царем, но пытка громоздится,
Люби — скорби, один — нет счастья в том.
Хотя б твои — четыре царства были,
Участвовать — в одном ты только можешь,
И в десять тысяч дел когда заглянешь,
Узнаешь десять тысяч ты забот.
Так положи конец своей печали,
Утишь хотенье, воздержись от дела,—
В том есть покой. Услад царя есть много,—
Без царства же есть радостный покой.
Не измышляй же мудрых ухищрений,
Дабы вернуть меня к пяти желаньям:
Что манит сердце — тихая обитель,
Что любо сердцу — это вольный путь.
А ты хотел бы, чтоб запутан был я
В обязанности и соотношенья,
Свершение хотел бы уничтожить
Того, чего я тщательно ищу.
Постылый дом мне страха не внушает,
И не ищу я радостей небесных,
Не жаждет сердце прибыли доступной,
И снял с себя я царский мой венец.
И вопреки тому, как размышляешь,
Предпочитаю более не править:
Избавившись змеиной пасти, заяц
Придет ли вновь, чтоб пожранным быть ей?
Кто факел держит и сжигает пальцы,
Из рук своих не выпустит ли факел?

Кто был слепец и обладает зреньем,
Захочет ли он снова темноты?
Или богач по бедности вздыхает?
Или мудрец невеждою быть хочет?
Коль в этом мире есть такие люди,
Тогда хочу опять в родимый край.
Я избавленья жажду от рожденья,
От старости, от смерти,— и хочу я
Выпрашивать как милостыни пищи
И возжеланья тела обуздать,—
В отъединеньи быть, смилив хотенье,
Избегнуть злых путей грядущей жизни,
Так мир найду я в двух мирах спокойных,
Прошу тебя, ты не жалея меня.
Жалея скорее тех, что правят царством,
Их души вечно пусты, вечно в жажде,
Им в настоящем мире нет покоя,
А после пытку примут как удел.
Ты, что владеешь именем высоким
И почитаньем, властелину должным,
Со мною разделить хотел бы сан свой
И дать мне долю всех своих усад,—
Взамен и я прошу тебя сердечно,
Ты раздели со мной мою награду.
Кто трех разрядов ведает усладу,
Тот в мире носит имя «Господин»,—
Но в том согласованья нет с рассудком,
Затем что эти блага не удержишь.
Где нет рожденья, жизни или смерти,
Кто будет в том,— он истый Господин.
Мне говорят: «Коль молод, будь веселым,
А будешь стар, тогда и будь отшельник».
Но я смотрю, что в старости есть слабость,
Благоговейным быть нет сил тогда.
Есть в юности могущество и твердость,
Есть крепость воли, в сердце есть решимость,—
А смерть как вор с ножом идет за нами,
И любо ей добычу ухватить.
Зачем же будем старости здесь ждать мы?
Непостоянство — мощный есть охотник,
Болезни — стрелы, лук его — есть старость,
Где жизнь и смерть, он мчится за живым.
Охотник не упустит верный случай.
Зачем нам ждать, когда придет к нам старость?
И те, что учат жертвоприношеньям,—

Неведением подвигнуты они.
Достойней — почитания закона
И прекращенье жертвоприношений.
Жизнь разрушать, хотя бы для молений,
В том нет любви, в убийстве правды нет.
Хотя б за эти жертвоприношенья
И длительная нам была награда,
Живое как могли бы умерщвлять мы?
В награде же и длительности нет.
То значило бы — мудро размышляя
И отвлеченно чтя благоговенье,
Пренебрегать благим в своих поступках:
Кто мудр — тот разрушать не будет жизнь.
Кто в этом, их устой — закон превратный,
Кто в этом — ими правит шаткий ветер,
Они как капля, свеянная с травки,
Я — выхода надежного ищу.
Есть Арада, он праведный отшельник,
Слышал, он говорит красноречиво
О том, в чем верный путь освобожденья,
И должен я туда, где он, идти.
Но скорбь должна быть избранной неложно,
Поистине мне жаль тебя оставить,
Отечество твое да будет мирным,
И свыше и тобой защищено.
На это царство да прольется мудрость,
Как красота полуденного Солнца,
Да будешь ты вполне победоносным,
Да сердцем совершенным правишь ты.
Вода и пламень противоположны,
Но пламень причиняет испаренье
И пар в плавучесть облака восходит,
Из облаков струится книзу дождь.
Убийство и очаг несовместимы,
Кто любит мир, убийство ненавидит,
И если так убийцы ненавистны,
Кто в этом, пресеки же их, о царь.
Им повели найти освобожденье,
Как тем, кто пьет и все ж иссох от жажды».
И, сжав ладони, царь явил почтенье,
А в сердце у него горел восторг.
Он молвил: «Что ты ищешь, да найдешь ты,
И плод его да скоро ты получишь,
А как получишь этот плод прекрасный, —
Вернись, прошу, и не отринь меня».

И Бодгисаттва, в сердце мир лелея,
Решив его моление исполнить,
Спокойно отбыл, путь свой продолжая,
Чтоб к Араде-отшельнику прийти.
А царь меж тем и свита за владыкой,
Ладони сжав, пошли немного следом,
И снова в Раджагригу возвратились,
Лелея мысли в помнящих сердцах.

12. ОТШЕЛЬНИК

Сын лучезарного Солнца,
Знатного рода Икшваку,
К тихой направился роще,
Арада Рама там был.
Сын лучезарного Солнца,
Полный почтительным чувством,
Стал перед Муни великим,
Он пред Учителем был.
Спутники тихих молений,
Видя вдали Бодгисаттву,
Радостно песню пропели,
Тихо примолвив: «Привет».
Сжавши ладони с почтеньем,
Как подошел, преклонились,
После обычных вопросов,
Сели по сану они.
Все Брамачарины, видя,
Как был прекрасен царевич,
В качествах тех искупались,
Чистой напились росы.
Руки свои приподнявши,
Так Бодгисаттву спросили:
«Долго ли был ты бездомным
И разлученным с семьей?
Долго ли порваны были
Узы любви, что держат,
Как порывает порою
Цепи окованный слон?
Мудрости лик твой исполнен,
Он просветлен безупречно,
От ядовитого можешь
Ты отвратиться плода.

В древнее время могучий
Царь лучезарно-подобный
Передал царственность сыну,
Бросил увядший венок:
Но не такое с тобою,
Силы молодой ты исполнен,
Все ж не вовлекся в любовь ты
К гордому сану царя.
Воля твоя непреклонна,
Это мы явственно видим,
Правый закон в ней вместится,
Как в надлежащий сосуд.
Воля твоя, закрепившись,
Мудрости будет ладью,
Переплывет она море,
Жизни и смерти моря.
Те, что лишь учатся просто,
Их испытуют — и учат,
Случай же твой особенный,
Ум твой — как воля — готов.
То, что предпринял ты ныне,
Цепь изучений глубоких,
Цель эта зрима тобою,
Ты не отступишь пред ней».
Радостно слушал царевич
Эти слова увещанья.
На обращение это
Радостно он отвечал:
«Без предпочтения эти
И без пристрастия реченья,
Я принимаю советы,
И да свершатся они.
Факел в ночи да взнесу я,
В месте идя вероломном,
Челн да пройдет через море,—
Будь это так и сейчас.
Но, сомневаясь, дерзаю
Высказать эти сомненья,
Как победить, вопрошаю,
Старость, болезни и смерть?»
Арада Рама, услышав,
Что вопрошает царевич,
Сутры и Састры напомнил,
Путь ускользнуть изъяснил.
Молвил: «О юноша славный,

Столь высоко одаренный,
Видный столь явно средь мудрых,
Выслушай, что́ я скажу,—
Речь о скончании смерти.
Пять их — природа, измена,
Старость, рожденье и смерть,—
Пять этих свойств, надлежащих
Всем и всему в этом мире.
Без недостатка — природа
И, по себе, без пятна.
Переплетенье природы
В пять — сочетанье великих ¹⁷,
Пять составных в сочетаньи —
Власть воспритья дают.
Власть воспритья — причина
Той мировой перемены:
Форма, и звук, и порядок,
Вкус и касанье — их пять.
Это предметы суть чувства,
Что называется дхату,
Руки и ноги — дороги,
Их же корнями зовут.
Действия — путь пятикратный,
Пять их — корней для свершенья:
Око, и ухо, и тело,
Нос и язык — путь ума.
Разума корень — двоякий:
Он — вещество и разумность;
Узел природы — причина,
Знающий это есть Я ¹⁸.
Кáпила, Риши, а также
Те, кто их путь соблюдает,
Душу в основе увидя,
Мудрую вольность нашли.
Свойство постигнув рожденья,
Старости дряхлой и смерти,—
Силою мудрости зрящей
Верный сложили устой.
То же, что в противоречьи,—
Так говорят они,— ложно.
Страсть и неведение — путы,
Ход к воплощениям вновь.
Кто о душе усомнился,
Это чрезмерность сомненья.
Не соблюдя различенья,

Вольности путь не найдешь.
Грань воспринять сдвигая,
Только запутаешь душу.
К смуте неверье приводит,
К разностям мыслей и дел.
Цепь о душе размышлений —
«Знаю» и «Я постигаю»,
«Я прихожу», «Ухожу я» —
Это суть пути души.
Разные есть возмечтанья,
«Так это» иль отрицанье,
Недостоверность такая —
То, что зовут «темнота».
Есть и такие, что молвят:
«Видимость — тождество с духом»,
«Внешнее — то же, что разум»,
«Числа орудий — душа».
Здесь различенье не точно,
Это зовут — крюкотворством,
Это суть веши безумья,
Это отметины лжи.
Произношенья молений,
И убивание жертвы,
И очищенье водою,
И очищенье огнем,
С целью конечной свободы,—
Это плоды суть незнания,
Суть достиженья без средства,
Путь, где, идя, не придешь.
Соотношения множить,
Это — прикованность к средству,
Вещь для души брать основой,
Это неволя есть чувств.
Восемь таких умозрений
В смерть и рождение влекут нас.
Пять состояний есть в мире,
Так недоумки твердят:
Тьма, наряду с ней безумье
И сумасшествие также,
Гневная страсть рядом с ними,
Робостью схваченный страх.
Лик сумасшествия — похоть,
Из заблуждения — гневность,
Страсть — из безумной ошибки,
Сердце трепещет, в нем — страх.

Так недоумки глаголют,
Пять означают желаний;
Корень же скорби великой,
То, в чем рождение и смерть,
Жизнь, что кипит пятерично,
Точка начальная вихря,
Водоворот изначальный,—
Явственно вижу,— есть Я.
Силою этой причины
И возникает повторность,
Узел рожденья и смерти
Связан и вяжется ей.
Если мы правильно смотрим
И в различении точны,
Четверократно возможность,
Чтоб из цепей ускользнуть:
Мудрость и свет зажигая,
Борешься с мраком незнания,—
Делая свет очевидным,
Гонишь утайную тьму,—
Эти четыре постигнешь ¹⁹,
Можешь избежать рожденья,
Старости можешь не ведать,
Не проходить через смерть.
Раз победили рождение,
Старость и смерть,— мы достигли
Места конечных свершений,
Где невозбранный покой.
Браманы, эту основу
С чистою жизнью сливая,
Много о ней говорили,
Миру желая добра».·
Это услышав, царевич
Араду вновь вопрошает:
«Молви, как средства зовутся,
В чем невозбранный покой,—
Чистой в чем жизни есть свойство,
Должное время какое
Для совершенья той жизни,—
Это, прошу, изъясни».
Сутрам и Састрам согласно,
Арада молвил подробно:
«Раз обопрешься на мудрость,
В этом и средство твое.
Все ж я беседу продолжу.

Прочь от толпы удаляясь,
В мире живя как отшельник,
О подаянии прося,—
Твердо блюдя благолепность,
В правом живя поведеньи,
Мало желая и зная,
Как воздержанье принять,—
Все принимая как пищу,
Хочешь ли ты иль не хочешь,
В Сутры и Састры вникая,
Мир тишины возлюбя,—
Явственно ведая свойство
Страху и жадных желаний,
Членами правя умело,
Ум в безглагольном смирив,—
Ты содвигаешь печали,
Ты прикасаешься счастью,
Первая это дхиана,
Первый изведен восторг.
Первый восторг получивши
И просветленье познавши,
Внутренним ты размышленьем
Мысли единой служи.
Сорваны путы безумья,
Ум лишь от мысли зависит,
В небе, где Брама, за смертью,
Ты, просветленный, рожден.
Средство свое применяя,
Дальше идешь в просветленьи
И во вторичном восторге,
В небе Абхасвары ты.
Средство свое применяя,
Третьей дхианы доходишь,
Новое примешь рожденье
В небе Субхакристны ты.
Этот восторг оставляя,
Прямо в четвертый восходишь,
Скорби и радости бросив,
К вольности духом идешь.
Здесь ты в четвертой дхиане,
В небе ты Врихата-фаля²⁰,
Это — обширное небо,
Это — вместительный плод.
Все восходя в отвлеченьи,
В мыслях держа внетелесность,

В мудрости шествуя дальше,
Бросишь четвертый восторг.
Твердо продолжив исканье,
Свергнув желание лика,
В теле почувствуешь всюду
Вольность и с ней пустоту.
То ощущение окрепнет,
Усовершенствуясь точно,
И в пустоте развернется
Веденья полный простор.
Тишь изнутри получивши,
«Я» отпадает как помысл,
Жизнь в неведущем примешь,
Мнимость познав вещества.
Твердость зерна раздробивши,
Стебель восходит зеленый,
Птица умчится из клетки,
Мы — из телесных границ.
Выше, чем Браман, взнесенный,
Признаки тела отбросив,
Все ж ты еще существуешь,
Мудрый, свободный, вполне.
Ты вопрошаешь о средствах,
Как ускользнуть в эту вольность?
Раньше я молвил: «Узнает,
Если кто в вере глубок».
Джаигисавья, и Ври́дха,
Джа́нака, мудрые Риши,
Правды ища той дорогой,
Освобождение нашли».
Это услышав, царевич
В духе те мысли проверил
И, достигнув до влияния
Жизней, что были пред тем, —
Снова продолжил беседу,
Так вопрошая и молвя:
«Цепь этих помыслов мудрых
Мыслью своей я вобрал.
То, что ты строишь, есть цельность,
Эти основы глубоки
И далеко достигают,
В этом я нечто узнал.
Знание взяв за причину,
Мы еще все не у цели,
Но, понимая природу,

Все разветвления ее,
Ты говоришь мы свободны,
Вольности мы достигаем,—
В этом законе рожденья
Новый закон есть в зерне.
Душу соделавши чистой,
«Я» возведя в очищение,
Ты говоришь мне, что в этом
Освобождения путь.
Если причину мы встретим
С действием вместе,— в слиянии
Этом возврат есть к рожденью,
К сложным препонам его:
В семени скрытый зародыш
Может огнем и водою,
Может землею и ветром
Видимо быть истреблен,—
Встретя же, силой стечения,
Благоприятность условий,
Он оживет, без причины
Явной, желаньем влеком.
Также и те, что достигли
Той предположенной воли,
В помысле «Я» сохраняя,
Мысль о живых существах,
Все не достигли до цели,
Нет им конечной свободы,
Прошлое тонко влияет,
Сердце — в несчетности лет.
Ты говоришь, что свобода
От ограниченной жизни
С нами, когда мы отбросим
Самую мысль о душе.
Как же распустишь веревки,
Душу связавшие прочно?
Если ты свойствами связан,
Где же тут вольность тогда?
Гуна и гуни — два слова,
Свойство, предмет — два понятия,
Разны они в представлении,
Но по основе — одно.
Если ты скажешь, что можешь,
Свойства предмета отнявши,
Самый предмет не разрушить,
Это же вовсе не так.

Жар от огня ты отнимешь,
Нет и огня вместе с этим,
Плоскость отнявши у тела,
Где же и тело тогда?
Свойства есть плоскость; содвинешь —
Самый предмет исчезает,
Гуна — поверхность предмета,
Гуни без гуны не быть.
Освобождение это,
Речь о котором была здесь,
Не достигает свободы,
Тело, как прежде, в цепях.
Также еще говоришь ты —
Чистое знание есть вольность,
Если есть чистое знание, —
Значит, и знающий есть.
Если есть знающий, — как же
Освободиться он может
От единичного «Знаю»
И от отдельного «Я»?
Если без личности знание,
Значит, тогда познающим
Может чурбан быть и камень,
Тем, кто свершает, — конец.
Что́ мне здесь Арада молвил,
Сердце не сделало сытым,
Мудрости нет здесь вселенской,
Лучшего должен искать»²¹.
Путь свой направил он к Удре,
«Я» было снова в беседе,
«Мысль» и «Не-мысль» обсудили,
Топь безысходной была.
Если возможность возврата
Не устранить от живого,
Освобождения нет здесь,
В цепи — повторно звено.
Удру царевич оставил,
К поискам путь свой направил,
В Гайю пришел он на Гору,
Где умерщвляется плоть.
Было там место, чье имя —
Пыточный Лес Уравильва,
Пять там подвижников, Бхикшу,
Раньше сошлись до него.
Как этих пять он увидел,

Чувства свои обуздавших,
В роще подвижничеств точных
Путь совершающих свой,
Мирных, спокойных, довольных,
Над Найраньджаной-рекою
Место близ них Бодгисаттва
Выбрал и в мысли вступил.
Ведая, сколь он упорно
Сердцем искал избавленья,
Бхикшу ему предложили
Ряд преклоненных услуг.
Знаки вниманья приявши,
Истово занял он место,
Как человек, что намерен
В благоговеньи пребыть.
К средствам прилежно прибег он
Для избежанья болезни,
Путь, чтобы старости минуть,
Путь, чтобы смерть победить.
Сердце свое обратил он
На умерщвление плоти,
На воздержанье от страсти,
Мысли о пище отверг.
Пост соблюдал он, какого
Не соблюсти человеку,
Был в безглагольной он мысли,
Шесть продолжал так годов.
По коноплянному только
Зернышку ел каждодневно,
Тело его исхудало,
Тонкий и бледный он стал.
Все он искал пресеченья
Необозримого моря,
Думал все глубже, как можно
Смерть и рожденье стереть.
Мудрости сеть расчленил,
Делая путь совершенным,
Все же он в этом не видел
Освобожденья еще.
Духом был волен, а телом
Легок, воздушно-утончен,
Имя его воссияло,
Славой он был вознесен,—
В нежной лазури означась,
Серп новолуний так светит,—

Кúмуда, цвет сокровенный,
Так изливает свой дух.
Был господин того места;
Дочери, девы-царевны,
Обе пришли, чтоб увидеть
Этот измученный лик.
Он был иссохший и тонкий,
Словно увядшая ветка,
Круг шестилетья свершился,
Точка замкнула тот круг.
Муку рожденья и смерти
Он созерцал неотступно,
Здесь не увидел он средства
Вызвать взнесенный восторг.
Путь умерщвления плоти
Не был и средством тем прежним:
Там он, под деревом Джамбу,
Час вознесенный узнал.
Это, он думал, есть верный
Путь к просветленью восторга,
Это — дорога иная,
Не умерщвленная плоть.
Должен искать я, скорее,
Силы и мощи телесной,
Должен напитком и яством
Члены свои освежить.
Этим достигши довольства,
Разуму дам отдохнуть я,—
Если мой разум в покое,
В лад я безгласный вступлю.
Лад призовет восхищенье,
Взвезян, увижу я правду,
Силу постигши закона,
Этим распутаю все.
Так, в совершенном покое,
Старость и смерть устраню я;
Пищею жизнь подкрепивши,
Светлый закон я свершу.
Тщательно это продумав,
В водах реки он купался,
Выйти хотел, и не мог он,
Столь истощенным он был.
Ветку к нему наклонивши,
Дух тут помог, небожитель,
Ветки рукой он коснулся,

Из Найраньджаны исшел.
Этой порою близ рощи
Главный пастух находился,
Старшая дочь его также,
Нандою звалась она.
Дэва, один, обратясь к ней,
Рек: «Бодгисаттва в той роще,
С благоговейным даяньем
Тотчас предстань перед ним».
С радостью Нанда Балада
К месту тому устремилась,
Из халцедонов браслеты
Млели на нежных руках.
Снежились те халцедоны,
Платье на ней голубело,
Спорили эти оттенки,
Как в пузыре водяном.
С сердцем простым и невинным,
Шла она быстрой стопою,
Пред Бодгисаттвой склонилась,
Рис благовонный неся.
Чистый тот дар предложила,
И не отверг Бодгисаттва,
Тотчас вкусил,— для нее же
Тотчас награда была.
Только поел, освежился,
Бодхи принять стал способен,
Члены его воссияли,
Сила еще возросла.
Сотни потоков, сливаясь,
Так устремляются в Море,
В яркости так прибывает
Первая четверть Луны.
Это пять Бхикшу, увидя,
Были объяты смущеньем,
Подозревая, что в сердце
Жар у него ослабел.
И, пятерых оставляя,
Был он один, как пошел он
К реву доброго знака,
К древу счастливой судьбы.
Там, под развесистым Бодхи,
Мог довершить он исканья,
Мог он достичь просветленья
В цельной его полноте.

Шел он по ровному месту,
Нежные травы сгибались,
Поступью львиною шел он,
И содрогалась земля.
И, пробудившись при этом,
Радостью был Каля Нага
Двигнут,— глаза открывая
Свету, воскликнул он так:
«В оное время, когда я
Видел, как Будды приходят,
Землетрясение было,
Знаменья то же теперь.
Доблести Муни столь мощны,
Так их величество грозно,
Что и Земля не способна
Выдержать их на себе.
Вот отчего в средоточьи
Долгие гулы проходят,
В Мире как Солнце восходит,
Ярким он блеском залит.
Голубоватые птицы
Мчатся, их вижу пять сотен,
Кружатся в лете направо,
Пересекая простор.
Льет освежающий ветер
Ласковость кротких дыханий,
Все эти дивные знаки
Те же, что в прежние дни.
Знаменья Будд миновавших!
Вижу я в том неоспорно,
Что Бодгисаттва достигнет
Мудрости высшей венца.
Вон от того человека,
Он от косца получает
Чистые гибкие травы,
Их возле древа простер.
Выпрямясь, там он садится,
Ноги скрестил под собою,
Их не небрежно кладет он,
В теле он весь закреплен.
Лик его твердый и четкий,
Как у небесного Наги,
И не покинет он места,
Замысел не довершив».
Так Каля Нага промолвил

Слово свое в подтверждение,
Были небесные Наги
Радости полны живой.
Сдвинули веянье ветра,
Только тихонько он веял,
Стебли травы не дрожали,
Были недвижны листы.
Звери смотрели безгласно,
Взор их исполнен был чуда,
Это все знаменья были,
Что просветленье — придет.

13. МАРА

Сильный Риши, рода Риши,
Твердо сев под деревом Бодхи,
Клятвой клялся — к воле полной
Совершенный путь пробить.
Духи, Наги, Сонмы Неба
Преисполнились восторгом.
Только Мара Дэвараджа,
Враг молитв, один скорбел.
Воин, царь пяти желаний,
Изошренный в деле битвы,
Враг всех ищущих свободы,
Справедливо назван — Злой.
Дочерей имел тот Мара,
Трех красивых и приятных,
Знала каждая, как в сердце
У мужей зажечь любовь.
Имя первой было Рати,
А звалась вторая Прити,
Третьей Тришна было имя,
Дэви высшая в любви.
Имя первой — Любострастье,
А второй — Услада мужа,
Имя третьей — Люборадость,
Три искусницы в любви.
Эти три, к отцу приблизясь,
Вместе все приблизясь к Злому,
Вопросили: «Чем смущен ты,
Чем ты ныне огорчен?»
И, свои смиривши чувства,
Дочерям отец промолвил:

«В мире ныне — мощный Муни,
Клятва — сильный шлем его.
Лук в руке его могучий,
В нем алмаз-стрела есть мудрость,
Овладеть он хочет миром,
Гибель царству моему.
С ним равняться не могу я,
Люди все в него поверят,
На пути его спасенья
Все прибежище найдут.
Будет пуст мой край богатый,
Но, пока закон нарушен,
Человеку нет защиты,
Око мудрости — не зрит.
И пока еще я силен,
Цель его я опрокину,
Я его стропила рину,
Он придет, а дом — пустой».
Взяв свой лук с пятью стрелами,—
С свитой женской и мужскою,—
Он пошел в ту рощу мира,
Чтоб лишить покоя плоть.
Видя, как спокойный Муни
Приготовился безгласно
Пересечь пустыню Моря,
Это Море трех миров,—
Лук он взял рукою левой
И, стрелу качнувши правой,
К Бодгисаттве обращаясь,
Молвил: «Кшатрия! Восстань!
Испугаться будет впору,
Смерть твоя в засаде близкой,
Воплощай свою модельность,
Свой же замысел оставь.
Не ищи освобожденья
Для других, будь милосердным,
Миротворь,— награду примешь,
Путь свершив свой, в Небесах.
Это — торная дорога,
Победители ходили,
Люди знатные, и Риши,
И цари — дорогой той.
Если ж ты сейчас не встанешь,
Осмотрительно подумай,
Свой обет отбрось, не жаждай,

Чтобы взвизгнула стрела.
Помнишь, Аида, внук Сомы,
Чуть стрела его коснулась,
Словно в вихре, сумасшедший,
Тотчас разум потерял.
Помнишь, Вимала, подвижник,
Чуть свистящую услышал,—
Потемнел в своей природе,
Изменился сам в себе.
Что же можешь ты, последыш?
Что ты можешь, запоздалый?
Как стрелы моей избежешь?
Встань немедленно! Прочь скорей!
Гнойный яд в стреле проворной,
Где ударит,— строит козни.
Вот, я целю! Что ж, еще ли
Будешь в лик беды глядеть?
Не боишься? Не трепещешь
Ты стрелы, несущей гибель?»
Так хотел, угрозой, Мара
Бодгисаттву устроить.
Но меж тем у Бодгисаттвы
Сердце двинутое не стало,
В сердце не было сомненья,
Страх над ним не тяготел.
И стрела, скользя, мелькнула,
Впереди ж стояли девы,
Но не видел Бодгисаттва
Ни стрелы, ни этих трех.
Мара был смущен сомненьем
И воскликнул с бормотаньем:
«Дева снежных гор стреляла,
Магесвара ранен был,
Изменить был должен дух свой,
Бодгисаттва ж неподвижен,
На стрелу не смотрит даже,
Ни на трех небесных дев.
Хоть бы искра пробудилась
В нем любовного хотенья!
Нужно воинство собрать мне,
Силой страшной утеснить».
Только Мара так подумал,
Вот уж воинство явилось,
Так внезапно сгромоздилось,
Каждый в облике своем.

И одни держали копья,
У других мечи сверкали,
А иные, вырвав древо,
Помавали тем стволом.
У иных сверкали искры
От алмазных тяжких палиц,
У других иное было,
Лязг доспехов всех родов.
Голова одних свиная,
У других как будто рыба,
Те — коням подобны быстрым,
Те — подобные ослам.
Лик иных был лик змеиный,
Лик быка, и облик тигра,
И подобные дракону,
Львиноголовые скоты.
На одном, иные, теле
Много шей и глав носили,
Глаз один на лицах многих,
Лик один, но много глаз.
С крутобрюхими телами,
А другие точно складка,
Весь живот как провалился,
Ноги тонкие одни.
У иных узлом колени,
Ляжки жирные раздулись,
У иных не ногти — когти,
Закорючены крючком.
Безголовые там были,
Те безгруды, те безлики,
Две ноги, а тел не мало,
Лики пепельней золы.
Грубы вздувшиеся лица,
Так разлезлись, что взирают
Не туда-сюда, а всюду,
Смотрит выпученный глаз.
Рядом с ликом цвета пепла
Лик звезды, всходящей утром,
Те — как пар воспламененный,
Те — ушами — точно слон.
Горб у тех горе подобен,
Те и наги, и мохнаты,
В кожи, в шкуры те одеты,
Ало-белый в лицах цвет.
Те глядят в змеиной коже,

Те — как тигр — готовы прыгнуть,
Те — в бубенчиках и кольцах,
Эти с волосом как винт.
Эти — волосы по телу
Словно плащ распространили,
Те еще — сосут дыханье,
Те еще — крадут тела.
Эти с воплями танцуют,
Эти пляшут, сжавши ноги,
Эти бьют один другого,
Эти вьются колесом.
Эти скачут меж деревьев,
Эти воют, эти лают,
Те — вопят охриплым вопом,
Те пронзительно кричат.
Дрожь идет в Земле великой
От смещения злых шумов,
Окружила древо Бодхи
Та бесовская толпа.
С четырех сторон уродство.
Над собою изогнувшись,
Тело рвут свое на части,
Эти жрут его сполна.
С четырех сторон окрестных
Изрыгают дым и пламя,
Вихри, бури отовсюду,
Сотрясается гора.
Пар, огонь и ветер с пылью
Тьму, как деготь, созидают,
Смоляные дышат мраки,
Все невидимо кругом.
Дэвы, склонные к закону,
Также Наги все и Духи,
Раздражась на войско Мары,
Кровью плакали, смотря.
И великим братством, Боги,
Видя это искушение,
С несмущенными сердцами,
Состраданием горя,
Все пришли, чтобы увидеть
Бодгисаттву, как сидит он
Так светло-невозмутимо,
Окружен толпою бесов.
Несосчитанные злые,
Землю с Небом потрясая,

Ревом звуков злополучных
Наполняли все кругом.
Но безгласный Бодгисаттва
Между них сидел спокойный,
И лицо его сияло,
Прежний блеск не изменив.
Царь зверей, так лев спокоен
Меж зверей, что воют возле
И вокруг рычат, свирепо, —
Непривычно странный вид.
Войско Мары поспешает,
Выявляет крайность силы,
Друг ко другу, друг за другом,
Угрожают погубить.
Взор в него вперяют острый,
Зубы хищные оскалив,
Налетают, словно выюга,
Прыгнут здесь, а там скакнут.
Но безгласный Бодгисаттва
Наблюдает их спокойно,
Как спокойно смотрит взрослый
На играющих детей.
Ярче дьявольское войско
Распалялось силой злобы,
Хватя за камень — не поднимут,
Схватят камень — не швырнуть.
Их летающие копьа,
Стреловидные орудья,
Зацепляются за воздух,
Не хотят спуститься вниз.
Гневный гром и тяжесть ливня,
Град, несущий раздробленье,
Превращались в пятицветный
Нежных лотосов цветок.
Между тем как яд отвратный
И драконова отрава
Обращались в благовонный,
Сладко-свежий ветерок.
И ущерб нанести бессильны,
Те несчетные творенья,
Не коснувшись Бодгисаттвы,
Только ранили себя.
Помогала Маре тетка,
Называлась Мага-Кали,
У нее в руках был череп,

В блюдо выделан был он.
Стоя против Бодгисаттвы,
Похотливостью движений
И приятным этим блюдом
Помышляла искусство.
Так все сонмы воинств Мары,
Каждый в дьявольском обличи,
Закрутились, чтобы бунтом
Бодгисаттву утратить.
Ни один его был даже
Двинут волос в этой битве,
И дружины Мары были
Тяжкой схвачены тоской.
И тогда, незримо, в высях,
Тотчас воинства иные,
Голос стройный умножая,
Возгласили с высоты:
«Вот он! Вот великий Муни!
Дух его не тронут злобой,
И его — порода Мары
Тщетно хочет погубить.
Затемненные, напрасно
Вы упорствуете в грязном,
Откажитесь же от тщетной,
От убийственной мечты.
Он спокоен, тихий Муни,
Он сидит невозмутимый,
Вы не можете Сумеру
Сдунуть с каменных основ.
Может быть, огонь замерзнет,
И вода воспламенится,
И земля, как пух, смягчится,
Он не может ранен быть.
Вам не ранить Бодгисаттву!
Чрез века вспоен страданьем,
Мысли стройно устремивши,
Средства правильно развив,
В чистоте взлелеяв мудрость,
Всех любя и всех жалея,
Он скреплен четверократно,
Тех углов не разделить.
Эти доблести прекрасны
И не могут разорваться,
И сомнительным не сделать
К высшей правде путь его.

Ибо, как должно, бесспорно,
Солнце с тысячью лучами
Потопив в сиянии сумрак,
Мировую тьму зажечь,—
Или, дерево буравя,
Мы зажжем огонь горящий,
Иль, глубоко землю роя,
Мы заставим брызнуть ключ,—
Так и тот, кто непреклонен,
Выбрав правильные средства,
Если так искать он будет,
Неизбежно он найдет.
Темен мир без поученья,
Три язвят его отравы,
Хоть, неведение и злоба,—
В мире плоть он пожалел,
И, жалея всех живущих,
В эти трудности вмещенных,
Радость мудрости искал он,
Чтобы страждущим помочь.
Для чего же злое мыслить
И тому препоны ставить,
Кто задумал — прочь из мира
Скорбь гнетущую изгнать?
То неведение, что всюду,
Родилось от лжеучений,—
Потому-то Бодгисаттва
Привлечет людей к себе.
Ослепить того, кто будет
Вожакom великим мира,
Невозможная затея:
Так, испытанный вожак
Чрез Великую Пустыню,
Вдаль уводит караваны
И, в песках дороги зная,
Никогда не заведет.
Так вся плоть в темноты впала,
Где идут, не знают сами,
Хочет он поднять светильник,—
Для чего ж гасить его?
Плоть застигнута, объята
Морем смерти и рождений,
Строит мудрости челнок он,—
Для чего ж топить его?
Ветвь молебности — терпенье,

Корень — твердость, поведенье
Безупречное — расцветы,
Сердце светлое — цветок,
Мудрость высшая — все древо,
Весь закон есть плод душистый,
Тень его — живым защита,—
Для чего ж срубить его?
Хоть, неведение и злоба,
Это — пыточная дыба,
Это — тяжкие засовы,
На плечах существ ярмо.
Через века он был подвижник,
Чтобы снять с людей оковы,
Он своей достигнет цели,
Сев на крепкий свой престол.
На своем законном троне
Будет он — как были Будды
Давних дней — в себе скрепленный,
Цельно-замкнут, как алмаз.
Если б вся земля дрожала,
Это место будет стойко,
Он на точке утвердился,
Вам его не отворать.
Так умерьте же хотенья
И, прогнав высокомерье,
Приготовьтесь к размышленью,
Чтоб смиренными пребыть».
Слыша в воздухе те звуки,
Бодгисаттву видя твердым,
Страхом был застигнут Мара,
Взлеты замысла прогнал.
И, отвергши ухищренья,
Вновь на Небо путь направил.
Между тем его дружины,
Все рассеяны кругом,
С мест попадали высоких,
Бранной гордости лишились
И оружия, и доспехи
Разметали по лесам.
Так порою вождь жестокий
Поражен в сраженьи насмерть,
И ряды его редеют,—
Войско Мары прочь бежит.
Бодгисаттва успокоен,
Тишина в уме высоком,

Утро, Солнцу путь готова,
Расцветается зарей.
Ослабел туман широкий,
Праху серому подобный,
Звезды с Месяцем бледнеют,
Грани ночи стерты днем.
Между тем с высот струится
Водопад цветов небесных,
Чтобы сваять Бодгисаттве
Нежно-дышащую дань.

14. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Бодгисаттва, Мару победивши,
Твердо ум в покое укрепив,
Вычерпав до капли первоправду,
В созерцанье глубоко вошел.
И в порядке пред его очами
Состоянья разные прошли,
В ведение правое вступил он,
В бодрствование первое вошел.
Вспомнил он свои существованья,
Там рожден и с именем таким,
Все, до настоящего рожденья,
Через сотни, тысячи смертей
Мириады разных воплощений,
Всякие и всюду, без числа.
Всей своей семьи узнав сплетенья,
Жалостью великой схвачен был.
Миновало чувство состраданья,
Видел вновь он все, что здесь живет,
Шесть частей круговращенья жизни ²²,
От рожденья к смерти, нет конца.
Пусто все, и шатко, и неверно,
Как платан, что каждый миг дрожит,
Как мечта, что вспыхнет и погаснет,
И как сон, что встанет и пройдет.
И в середине бодрствования ночи
Глянул он глазами чистых Дэв,
Пред собой увидел все созданья,
Как увидишь в зеркале свой лик:
Всех, кто был рожден и вновь родился,
Чтоб в рожденьи новом умереть,
Благородных, низких, пышных, бедных,

Всех жнецов своих безмерных жатв.
Видел тех, кто правое свершает,
Видел тех, кто в жизни служит злу,
Копящих, как следствие, блаженство,
Громоздящих в житницах беду.
Различил сначала злых в деяньях,
Злое им рожденье быть должно,
Тех узрел, деянья чьи — моленные,
Место их — с людьми и средь Богов.
Те опять в адах родятся нижних,
Видел он всю пропасть пыток их,
Токи пьют расплавленных металлов,
Острые им вилы рвут тела.
Стеснены в котлах с водой кипящей,
Втиснуты в пылающих печах,
Длиннозубым отданы собакам,
Птицам, что выклевывают мозг.
Из огня уходят в лес дремучий,
Где, как бритва, листья режут их,
Лезвия им руки отрезают,
На куски их рубят топоры.
Тело сплошь — зияющая рана,
В членах искривляющихся боль,
Пьют они горчайшие отравы,
Их судьба им не дарует смерть.
Кто восторг свой видел в злых деяньях,
В злейшей видел он печали их,
Здесь — мгновенный проблеск наслажденья,
Долгий мрак зловещей пытки — там.
Смех и шутка при чужих страданиях,
Плач и вопль, когда возмездья час.
О, когда б живые знали точно —
В делании злом всех следствий цепь!
Если б знали, верно б, отвернулись
От своих замысленных путей!
Если б знали, верно б, прочь бежали
От того, что следом — кровь и смерть!
Видел также он плоды рожденья
В лике зверя, всех свершений счет,
Накопленье собственных возвратов,
Смерть — и вновь рожден звериный лик.
Из-за шкуры или из-за мяса
Умереть одним велит удел,
Из-за рога, меха или крыльев
Те же рвут друг друга из вражды.

Раньше — друг, родной, теперь — злой враг,
Когти к горлу, пасти, зуб и клык,
А иные гнутся, тяжело бремя,
Но влачат, бодилами их жгут.
Призраков пытаемых несчетность,
Горла, что иссохли, пить хотят,
Те лететь должны чрез вышний воздух,
Те, не зная смерти, быть в воде,
Видел также он скупцов и жадных,
Ныне — как голодные они,
Их тела крутой горе подобны,
Рты же — как игольное ушко.
Рот всегда для пищи раскрывая,
Поглощают лишь один огонь,
Пьют они отравленное пламя,
Гарь внутри, и больше ничего.
Жадные, обманывать умели,
Облыгали тех, кто был благим,
А теперь голодными родились,
Призрак пищи вечно мучит их.
Все отбросы от людей нечистых
Были бы услудою для них,
Но, едва такую сладость узрят,
Исчезает в воздухе она.
О, когда бы только кто предвидел,
Что его за жадность сердца ждет,
Самую он плоть свою бы отдал,
Лишь бы милосердие оказать!
Снова их рожденными узрел он,
Их тела как сточная труба,
Рождены из чрева лишь для грязи,
Чтобы ведать боль и трепетать.
В жизни — ни одной минуты вольной
От того, что смертный час грозит,
И хоть жизнь — сплошные труд и горе,
Вновь рождаются, новая страда.
Видел тех, что заслужили Небо,
Но сдает их любовь к любви,
Жажда быть любимым вечно мучит,
Вянуть, как без влаги вянет цвет.
Светлые дворцы их опустели,
Дэвы спят во прахе на земле,
Или молча горько-горько плачут,
Вспоминая о былых любовях.
Кто родился, грустен в увяданьи,

Кто, любимый, умер, горе в том:
Так стремятся к радостям небесным
И в борьбе себе готовят боль.
Что же стоят радости такие?
Кто же будет, здраво, жаждать их?
Чтоб добиться их, усилье нужно,
Но они бессильны боль прогнать.
Горе! горе! В этом нет различья!
Дэвы в том обмануты равно!
Чрез века они страданье терпят,
Чрез века с хотеньем бой ведут.
Достоверно ждут отдохновенья,
И опять паденье — их удел.
Пытки их в Аду подстерегают,
Рвут друг друга, точно зверя зверь.
Ищут в жгучей жажде и сгорают,
Ищут: «Где восторги?» — ждет их боль,
В Небесах — мечтают — верный отдых,
Но с рождением в Небе тоже боль.
Раз рожден — страданье непрерывно,
В мире нет приюта от тоски,
Круговратность смерти и рожденья —
Поворот несчетный колеса.
В этих водах бьется все живое,
В этих зыбях плоть не отдохнет.
Чистым зреньем Дэвы так смотрел он,
Пять пределов жизни созерцал
Все, равно, бесплодно и напрасно,
Дрожь листка, на миг пузырь волны.
И вступил он в бодрствование третье ²³,
В глубь познания правды он вошел.
Целый мир созданий созерцал он,
Приносящий боль, водоворот,
Полчища живущих, что стареют,
Тех ряды, к которым смерть идет.
Жажда, жадность, темнота незнания,
Безысходность тесных жмущих пут.
Внутри себя взглянул он и увидел,
Где исход рожденья, смерти ключ.
Он удостоверился, что дряхлость —
Из рожденья, как и смерть есть в нем:
Если человек родился с телом,
Тело унаследует недуг.
Глянул он, откуда же рожденье,
И увидел цепь свершений он,

Что в другом свершались месте, где-то,
Не Всевышний делал те дела.
Не были они самопричинны,
Не было то личным бытие,
Не были они и беспричинны,—
Так звено с звеном он различил.
Кто, сломав бамбук, сустав разнимет,
Все суставы разделить легко:
Так, причину смерти и рожденья
Увидав, он к правде подошел.
Все исходит в мире из цеплянья,
Как, схватив траву, горит огонь;
А идет цеплянье из хотенья,
Хоть из ощущения идет;
Как себе голодный ищет пищи
Иль к колодцу жаждущий спешит,
Есть так в ощущеньи жажда жизни,
От касанья это все идет;
К дереву так деревом коснешься,
И огонь из тренья порожден;
Шесть есть разных входов для касанья,
Их причинность имя есть и лик;
Имя с ликом родились от знанья,
Как зерно идет в росток и в лист,
Знание же из имени и лика,
Эти два сплетаются в одно;
Некая попутная причина
Имя порождает, с ним и лик;
А другой попутною причиной
Имя с ликом к знанию ведут;
Как корабль уходит с человеком,
При сплетеньи суши и воды,
Так из знанья имя вышло с ликом,
Имя с ликом корни создает;
От корней рождается касанье;
От касанья к ощущенью путь;
В ощущеньи кроется хотенье;
И в хотеньи связь цеплянья есть;
Эта связь причина есть деяний;
А они ведут к рожденью вновь;
А в рожденьи скрыты смерть и старость,
В этом всех живых круговорот.
Исто-просветленный, мысля точно,
Он неукоснительно постиг:
Ежели рождение разрушить,

Прекратится старость, с ней и смерть.
Только уничтожь возникновение —
И рожденью вместе с ним конец.
Только уничтожь цеплянье связи —
И возникновенья больше нет.
Уничтожь хотенье — нет цеплянья.
С ощущением — уничтожишь хоть.
Нет касанья — нет и ощущенья.
Шестеричность входов уничтожь,
Нет касанья, входы уничтожишь —
С ними нет имен и ликов нет.
Знания нет — и нет имен и ликов.
Имена и лики уничтожь —
Вместе с ними знание погибает.
Уничтожь неведение, — и с ним
Имена и лики умирают ²⁴.
Так великий Риши завершен,
Он усовершенствован в самбодхи,
В мудрости пределов он достиг.
Так усовершенствовавшись, Будда,
Духом, восьмикратный путь нашел ²⁵,
Миру светоч — правильное зренье,
Верный путь для всех, чтобы ступать.
Так сполна он самость уничтожил, —
Гаснет так огонь, пожрав траву.
То он сделал, что хотел бы видеть
Сделанным свободными людьми.
Первый так прошел урок великий,
Парамарта свершена была.
Он вошел в глубокую Нирвану,
Свет возрос, и темный мрак исчез.
Полный совершенного покоя,
И хранил молчанье, он достиг
До криницы правды бесконечной,
До неисчерпаемых ключей.
Всей блистая мудростью лучистой,
Так великий Риши там сидел,
Между тем в глубоких содроганьях
Сотрясалась мощная Земля.
И опять был мир светло-спокоен,
Дэвы, Наги, Духи собрались,
Музыка небесная возникла,
Правый был закон ей вознесен.
Ветерки прохладные дышали,
Упадал с Небес душистый дождь,

И цветы не дожидались сроков,
И плоды спешили заблистать.
Из пространства, в пышном изобилии,
Молнийные падали цветы,
И других цветов лились гирлянды,
Светлому к ногам свежая дань.
Разные создания друг к другу
Устремлялись, чувствуя любовь,
Страх и ужас вовсе в мире стерлись,
Ненависти не было ни в ком.
Все, что жило в мире, сочеталось
С вольной безупречностью любви,
Дэвы, бросив вышние восторги,
К грешным, облегчая их, сошли,
Пытки было меньше все и меньше,
Возрастала мудрости Луна.
Видя свет, несомый людям Буддой,
Ликовали духи в Небесах,
Из жилищ небесных упали
Приношенья, как цветочный дождь,
Дэвы, Наги, голосом согласным,
Восхваляли доблести его.
Люди, видя эти приношенья,
Слыша также радостный напев,
Исполнялись светлым ликованием,
Отдавались радости вполне.
Только Мара, темный Дэвараджа,
В сердце сжатом чувствовал тоску.

Будда, потерявшись в созерцании,
В сердце ощущая светлый мир,
День ко дню, семь дней смотрел на Бодхи,
На сьятное древо он смотрел.
«Я теперь в покое совершенном,—
Про себя безгласно он сказал,—
Что хотело сердце — получило,
Ускользнул от самого себя».
Обозрело снова око Будды
Все живое, что вступило в мир,
Жалость в нем глубокая возникла,
Он желал им вольной чистоты.
Но, чтобы прийти к освобождению
От слепой и жадной темноты,
Сердце путь прямой должно наметить
И не только внешне замолчать.

Он взглянул назад, и он подумал
Об обете мощном,— и опять
Восхотел закон он проповедать,
Жатву боли в мире осмотрел.
Брама-Дэва, видя эти мысли
И желая свет распространить,
Чтобы плоть от боли отдохнула,
Снизойдя, отшельника узрел.
Проповедник зрим был в нем верховный,—
Он сосредоточенный сидел,
Обладая мудростью и правдой,
С сердцем, ускользнувшим от темнот.
И тогда, исполнившись почтеньем,
Радостно великий Брама встал
И, ладони сжавши перед Буддой,
Так свое ходатайство изрек:
«Как велико в целом мире счастье,
Если с тем, кто темен и не мудр,
Встретится столь любящий учитель,
Озарит смутительную топь!
Гнет страданья жаждет облегченья,
Грусть, что легче, тоже часа ждет.
Царь людей, ты вышел из рождений,
От смертей несчетных ускользнул.
И теперь тебя мы умоляем:
Ты спаси, из этих бездн, других,
Получив блестящую добычу,
Долю дай другим, что здесь живут.
В мире, где наклонны все к корысти
И делиться благом не хотят,
Ты проникнись жалостью сердечной
К тем, другим, кто здесь обременен».
Так сказавши в виде увещанья,
Брама-Дэва к Небу отошел.
Будда же, призыв тот услышавши,
Ликовал и в замысле окреп.
Мысля, что просить он должен пищи,
Каждый из царей, из четырех,
Дар ему принес,— и Совершенный,
Взяв четыре, все их слил в одно.
Тут торговцы мимо проходили,
И небесный дружественный дух
Им сказал: «Здесь есть великий Риши,
Пребывает в горной роще он.
Миру в нем — ристалище заслуги.

Принесите ж светлый дар ему!»
С радостью пошли они немедля
И еду молельно принесли.
Он вкусил и размышлял глубоко:
Кто услышит первый правды речь?
Араду припомнил и Удраку,
Что достойны были знать закон.
Но теперь уж оба были мертвы.
И о тех он вспомнил, пятерых,
Что могли впервые слышать слово,
Проповедь первичную приять.
Восхотев Нирвану проповедать,
Совершенный возвестить покой,
К Бенаресу так он путь направил,
Как пронзает Солнце темноту,—
К граду, где издревле жили Риши,
Он направил свой размерный шаг,—
Царь быков глядит так взором кротким,
Так ступает ровным шагом лев.

15. ВРАЩЕНИЕ КОЛЕСА

Благоговейно молчащий,
Блеском сияя лучистым,
Свет изливая прекрасный
И не сравнимый ни с кем,
Полный достоинства, шел он,
Словно толпой окруженный,
Юного Брамана встретил,
Упага имя его.
Видом великого Бхикшу
Был поражен этот Браман,
Скован почтительным чувством,
Стал он у края пути.
Сжавши ладони, смотрел он,
Был он обрадован в сердце
Зрелищем тем беспримерным
И Совершенному рек:
«Полчища тех, что — повсюду,
Чар никаких не имеют,
Грех их пятнает заразный,
В людях изящества нет.
Сердце великого мира
Всюду охвачено смутей,
Ты лишь один успокоен,

Лик твой как Месяц горит.
Вид твой такой, что как будто
Влаги испил ты бессмертной,
Ты красотою отмечен,
Как человек, что велик.
Мудрости сила могуча,
В этом ты царь полновластный,
Мудрое что-то ты сделал, —
Кто твой владыка? Ты — кто?»
И отвечал Совершенный:
«Я не имею владыки,
Нет и почетного рода,
Нет у меня и побед.
Самонаученный этой
Мудрости, самой глубокой,
Сверхчеловеческих знаний
Сам я душою достиг.
Что подлежит познаванью,
Мир чему должен учиться,
Сам, чрез себя и собою,
Это постиг я вполне.
Это зовется Самбодхи,
Меч этой мудрости острый,
Меч тот разрушил семейство
Всех ненавистных скорбей.
Это главной победой
В мире зовут справедливо.
Весь Бенарес будет слышать,
Как загудит барабан.
Остановиться нельзя уж!
Имени я не имею,
Радости я не желаю,
Голос глаголющий я.
Что́ возвещаю я, — правду,
Что́ я ищу, — лишь свободы,
Освобожденья от пытки
Всех и всего, что живет.
Некогда данную мною
Выполнить клятву хочу я,
Жатва той клятвы созрела,
Ныне я выточил серп.
Пышность, корысть и богатство,
Все это брошено мною.
Имени я не имею,
Имя мне все же дают:

Я Справедливый Владыка,
Также — Великий Учитель.
Глянув на скорби бесстрашно,
Также я — Храбрый Боец.
Также — Благой я Целитель,
Ибо целю я недуги.
Путеводитель Благой я,
Всем указующий путь.
Сумрак ночной разгоняя,
Светит лампада собою,
Самолучистым сияньем,—
Так и лампада моя.
Тени в ней личного чувства
Нет, а одна самосветность.
Дерево древом буравя,
Вызовешь верный огонь.
Ветер в пространстве свободный
Двигается — собственной силой.
Землю вскопаешь глубоко —
Влаги дойдешь ключевой.
Самопричинности в этом
Дышит устав непреклонный,
Все совершенные Муни
Этот устав соблюдают.
В светлых краях Бенареса
Первое будет вращенье,
Тот оборот Правосудья,
Весь кругоход Колеса».
Упага, юноша-Браман,
«О!» воздохнул, удивленный,
И, понижая свой голос,
Странную мудрость хвалил.
Все, что с ним было, припомнил,
Как он пришел к этой встрече,
На поворотах дороги
Он удивленный вставал.
Каждый был шаг ему труден.
Шел Совершенный неспешно,
До Бенареса дошел он,
До превосходной страны.
Два там, в середине, потока,
Реки сливались, мерцая:
Вáрана — имя прохладной,
Имя пленительной — Ганг.
Светлые пажити, рощи,

Много цветов разноцветных,
Много плодов золотистых,
Мирно пасутся стада.
Тихая это обитель,
Нет в ней докучного шума,
Старые Риши там жили,
Чтя невозбранный покой.
Это блестящее место
Сделалось вдвое 'светлее,
Воспринимая сиянье
Вновь воссиявших лучей.
Там пребывал Каундінья,
Дасабалáкасиáпа,
Вáгипа, Áсваджит, Бхáдра,
Плоть истязали они.
Видя, как Будда подходит,
Сидя, они говорили:
«Это идет Гаутама,
Он осквернился мирским.
Путь он суровый оставил,
Ныне же снова нас ищет,—
Мы уж, конечно, не встанем
И не промолвим привет.
И освежений обычных
Мы уж ему не предложим,
Ибо обет он нарушил,
Гостеприимства лишен».
Так согласившись, сидели,
Это решение принявши.
Все подходил Совершенный,
Шел он неспешно — и вот!
Не сознавая движений
И нарушая решение,
Все поднялись они вместе,
Сесть предложили ему.
Снять предложили одежду,
Вымыть и вытереть ноги
И спросили с почтеньем,
Чтó он желает еще.
Так оказавши вниманье
И соблюдая почтенье,
Все же его Гаутамой
Звали они — по семье.
Тут, обращаясь к ним с словом,
Возговорил Совершенный:

«Не называйте, прошу вас,
Именем личным меня.
В том небрежение слепое —
Звать так достигшего правды.
Но, почитают ли, нет ли,
Дух мой спокоен вполне.
Все же прошу вас отречься
От неучтивости этой.
Миру — спасение в Будде,
Имя его — оттого.
Он ко всему, что живое,
С кроткой относится лаской,
Видит детей он в живущих,
Не презирайте ж отца».
Движимый сильной любовью
И состраданием глубоким,
Так говорил он, но горды
Были они в слепоте.
И говорили, что раньше
Он в отречении был правом,
Но, ничего не достигши,
Тело и мысль распустил.
Как же, они спросили,
Мог бы он сделаться Буддой?
Веры ему не давая,
Так сомневались они.
Высшую правду познавший,
Мудрости свет всеохватный,
К ним обратясь, Совершенный
Верный им путь указал.
Те, что, уча, неразумны,
Тело свое умерщвляют,
И неразумны другие,
Кем услаждается плоть.
Это две крайних ошибки,
Два заблуждения великих,
И ни одни, ни другие
К правде пути не нашли.
Будда сказал: «Кто чрезмерно
Плоть истязанием мучит,
Он вызывает страданием
Спутанность мыслей своих.
Мысли больные не могут
Дать даже знания мирского,
Мысли такие не могут

Силу страстей победить.
Кто засвечает лампаду,
Жидкой наполнив водою,
Он не сумеет, конечно,
Сумрак огнем озарить.
Также и тот, кто износит
Тело свое, не сумеет
Ни уничтожить незнания,
Ни просветленность возжечь.
Тот, кто, огонь добывая,
Выберет древо гнилое,
Он ничего не получит,
Даром растратит свой труд.
Если же твердое древо
Деревом твердым буравишь,
Раз ты упорен в усилии,
Вспыхнет блестящий огонь.
Если ты мудрости ищешь
Не умерщвлением плоти
И не усладою чувства,
Жизни найдешь ты закон.
Кто потакает хотеньям,
Как же он будет способен
Сутры и Састры постигнуть,
Как он себя укротит!
Тот, кто, в смятенности трудной,
Ест, что к еде непригодно,
И умножает недуг свой,—
Он — услаждающий плоть.
Если огонь разбросаешь
По травянистой пустыне,
Пламя, раздутое ветром,
Сможет ли кто погасить?
Так и огонь возжеланья,
Так и пыланье хотенья.
Крайности обе отбросив,
Средней дороги держусь.
Всякие скорби окончив,
Все устранив заблужденья,
Я пребываю в покое,
Невозмутимость храня.
Виденье верного зренья
Ярче высокого Солнца,
Беспеременная мудрость
Есть внутрезоркость души.

Правое слово — чертог мой,
Правое дело есть сад мой,
Правая жизнь есть беседка,
Где я могу отдохнуть.
Путь надлежащего средства
В рощи такие приводит.
Правая память — мой город.
Правые мысли — постель.
Ровные это дороги,
Чтоб ускользнуть от рожденья,
Чтобы избавиться смерти,
Вечную боль победить.
Тот, кто из топкого места
Этой уходит дорогой,
Он достигает свершенья,
Мудро дошел до конца.
Он колебаться не будет
В сторону ту и другую,
Меж несосчитанных пыток
Двух перекатных веков.
Три многотрудные мира
Этим путем побеждают,—
Так разорвут паутину
Цепко сплетенных скорбей.
Этот мой путь беспримерный,
Раньше о нем не слыхали,—
Правый закон избавленья
Я, только я, увидал.
Этой дорогой впервые
Я разрушаю хотенье,
Душное полчище хоти,
Старость, и смерть, и недуг.
Все бесполезные цели,
Всякий источник страданья,
Все, что бесплодно, как помысл,
Уничтожается мной.
Есть и такие, что бьются
Против желаний — желая,
Обуреваемы плотью,
Плоти не видят своей.
Эти источник заслуги
Сами себе прекратили.
В малых словах расскажу я
Их затемненный удел.
Как, угашая пожары,

Искру, порой, оставляют,
И, позабытая, тлеет,
Новым пожаром грозя,—
Так в отвлеченьи их мысли
«Я», как зерно, остается,
Скорби великой источник,
Движимый хотью вперед.
Злые последствия дела,
Деланье все пребывает.
Хочешь зерно уничтожить,
Власти ему не давай.
Если земли и воды нет,
Если причин нет согласных,
Лист и росток не родятся,
Стебель не может взрасти.
Все многосложные цепи,
В разности жизней различных,—
Злое ли это рождение,
Дэва ли будет рожден,—
Без окончанья повторы
И возвращаются в круге,
Это — от жаждущей хоти
Сгибы звена ко звену.
От высоты до низины,
От вознесенности к срыву —
Следствие это ущерба
В прежде свершенных делах.
Но уничтожишь зародыш,
Связи не будет сплетенной,
Действие дела исчезнет,
Болям различным конец.
Э т о имея, должны мы
Т о унаследовать также;
Э т о разрушишь, и с этим
Также окончится т о.
Нет ни рожденья, ни смерти,
Старости нет, ни болезни.
Нет ни земли и ни ветра,
Нет ни воды, ни огня.
Нет ни конца, ни начала,
Нет середины, обманов,
Недостовверных учений,—
Верная точка одна.
Это предел окончанья,
Тут завершенность Нирваны.

Восемь дорог настоящих
К мудрости этой ведут.
В способе этом едином
Больше уж нет дополнений.
Мир ослепленный не видит,
Я же мой путь увидал.
Я прекращаю течение
Токов, несущих страданье.
Истин высоких — четыре ²⁶,
Мысля о них, ты спасен.
Это есть з н а н и е скорби,
Это есть — срезать причину,
Во избежанье завязок
В сложных узлах бытия.
Это когда уничтожишь,
Кончено также стремление,
С уничтоженьем смятенья
Восемь открылось путей ²⁷.
Так четверичная правда ²⁸
Очи ума разверзает,
Через меня — избавление,
Высшая мудрость — во мне»,
Члены семьи Каундиньи
Мудростью той напитались,
С ними же Дэвы, их сонмы,
Многие тысячи их.
Сдвинув туман ослепленья,
Чистый Закон увидавши,
Дэвы, а также земные,
Знали, что круг завершен.
Что надлежало, свершилось.
И, ликованьем исполнен,
Он спросил Каундинью,
Голосом львиным сказав:
«Знаешь ли ныне?» И Будде
Вмиг отвечал Каундинья:
«Мощным Учителем данный,
Знаю великий Закон».
И потому его имя
Аньята есть Каундинья,—
Аньята — Знающий значит ²⁹,
Верный устав он познал.
Между пошедших за Буддой
Первым он был в пониманьи.
Только ответ тот раздался,

Грянул ликующий вскрик.
Духи земли восклицали:
«Сделано точным свершеньем!
Видя закон сокровенно,
В день, что отмечен средь дней,
Осуществил Совершенный
Тот оборот во вращеньи,
Что никогда еще не был,—
Ход беспримерный свершен.
И человеки и Боги
Нежность росы получили,
Вот, перед всеми открылись,
Ныне, бессмертья врата.
То колесо — совершенно;
Спицы суть — правда поступков;
Ровный размах созерцанья —
Равный размер их длины;
Твердо-глядящая мудрость —
Есть на ступице насадка;
Скромность и вдумчивость мысли
Суть углубленья в гнезде;
Ось вкреплена здесь надежно;
Правая мысль есть ступица;
То колеса в завершеньи
Правды есть полный закон.
Полная истина ныне
В мире означила путь свой
И никогда не отступит
Перед ученьем другим».
Так в восхищеньи великом
Духи Земли ликовали,
Воздуха духи запели,
Дэвы вступили в тот хор.
Гимн они пели хваленья
До высочайшего Неба.
Дэвы тут Мира тройного,
Слыша, как Риши учил,
Между собой говорили:
«Дальше-прославленный Будда
Движет всем миром могучим,
Миру он точный рычаг!
Ради всего, что живое,
Создал устав он Закона,
Двинул во имя живущих
Светлое он колесо!»

Бурные ветры утихли,
Дымные тучи исчезли,
Дождь устремлялся цветочный
Из просветленных пространств.

16. УЧЕНИКИ

И теперь те пять, что подвизались,
Асваджит, и Вашпа, и другие,
Услышав, что Каундинья ведал,
Услышав, что он узнал Закон,—
С выраженьем кротким и смиренным,
Сжав ладони, преклонились низко
И свою почтительность явили,
Посмотрев Учителю в лицо.
Совершенный, способом премудрым,
Каждого Закон обнять заставил.
И таким путем пять мудрых Бхикшу
Просветлели в собственном уме.
Пять сполна, как первый, так последний,
Лучезарно покорили чувства,—
Так пять звезд сияют в вышнем Небе,
Услужая ласковой Луне.
В это время, в граде Кушинара,
Некто Ясас, родом благородный,
В сне ночном потерянный, внезапно
Пробудился — и глаза раскрыл.
Оком молодым он слуг окинул,
Спали крепко женщины,
Платья в беспорядке, лица смяты,
Отвращеньем сердце сжалось в нем.
Думая о корне всех мучений,
Размышлял он, как безумны люди,
Размышлял, как это сумасбродно —
Припадать к источнику скорбей.
Он надел красивые убранства,
В светлом лике из дому он вышел,
На дороге встал и громко вскрикнул:
«Горе! Бесконечна цепь скорбей!»
Совершенный — путь держал во мраке
И, услышав сетованья эти,
Отвечал: «Приход твой здесь желанен,
Скорби есть — и отдых от скорбей.
Свежести исполненный, прекрасный,

Самый совершенный, то — Нирвана,
Это неподвижность есть покоя,
Вольного от всяческих тревог».
Увещанье Будды услышавши,
Ясас был обрадован глубоко
И почуял — в месте отвращения
Мудрости пробился свежий ключ.
Словно он взошел в затон прохладный.
Подошел туда, где медлил Будда,
Был на нем его покров обычный,
Дух от недостатков волен был.
Силой благодетельного корня,
Что в других рожденьях накопился,
Быстро получил он просветленье,
Тайный свет познания в нем светил.
Он уразумел — Закон услыша:
Так, мгновенно, шелк меняет краски.
Самоозаренье засветилось,
То, что надлежало, свершено.
И, себя в наряде пышном видя,
Устыдился он, — но Совершенный,
Внутреннюю мысль его увидев,
Голосом напевным возвестил:
«Пусть и украшения не сняты,
Сердце покорить способно чувства, —
Раз на все взираешь без пристрастья,
Внешнее не может захватить.
Тело может ведать власяницу,
Мысли же — цепляться за мирское:
Кто в лесу глухом мирского жаждет,
Не подвижник он, а мирянин.
Лик мирской являть способно тело,
Сердцем же к высокому вноситься:
Мирянин ли ты или отшельник,
Все равно, коль победил себя.
Тот, кто носит воинские знаки,
Носит знак победы над врагами,
Так же и отшельником одетый, —
Говорит, что скорбь побеждена».
Он ему сказал: «Приди же с миром,
Будь со мной и будь смиренный Бхикшу».
Сказан зов — и вот! В иной одежде
Он пред ним отшельником стоял.
В оны дни у Ясаса в весельи
Пятьдесят четыре было друга:

Увидав, что друг их стал отшельник,
В верный и они вошли Закон.
Следствие деяний в прежних жизнях,
Совершенный плод они явили:
Так, порой, золу зальешь водою,
Высохнет вода, и жив огонь.
Было шестьдесят теперь их мудрых,
Шестьдесят учеников познавших.
И учил он: «Берега другого
Вы достигли, перейдя поток.
Свершено, что ждало совершенья.
От других примите милосердье,
Через все идя края и страны,
Обращайте всех в своем пути.
В мире, что сжигаем всюду скорбью,
Рассевайте всюду поученья,
Укажите путь идущим слепо,
Светочем да будет жалость вам.
Так же я на гору Гайясиршу
Отйду к великим царским Риши,
К Браманам, которые живут там,
Поучая разному людей.
Там живет и Риши Касиапа,
Почитаем всеми как подвижник,
Обращая тоже очень многих,—
Посещу его и обращаю».
Отбыли те шесть десятков Бхикшу,
Каждый получил предназначенье
Проповедь держать по разным странам,
Следуя наклонности своей.
Но один пошел тот Чтимый миром,
И пришел к горе он Гайясирше
И вступил в молельную долину,
В дол, где Риши Касиапа был.
Касиапа в огненной пещере
Совершал там жертвоприношение,
В пламенном том гроте злой жил Нага,
Он искал покоя по горам.
Чтимый миром, обратить желая
Этого отшельника, промолвил:
«Где бы мог я ночью поместиться?»
Касиапа Будде отвечал:
«Не имею предложить приюта,
Огненную разве ту пещеру,
Где свершаю жертвоприношенья,

Там всегда прохладно по ночам.
Но дракон там злой живет,— и может
Отравлять людей по усмотренью».
Будда отвечал: «Позволь мне только,
На ночь поселюсь в пещере той».
Касиапа делал затрудненья,
Чтимый миром все просил упорно,
И ответил Будде Касиапа:
«Спорить никогда я не люблю.
Лишь имею страх и опасенья,—
Но как хочешь, так и сделать можешь».
Тотчас Будда в грот вступил огнистый
И в глубоком размышленьи сел.
Увидавши Будду, злой тот Нага
Изрыгнул свирепый яд огнистый
И наполнил грот горячим паром,
Но коснуться Будды пар не мог.
Он сидел там неприкосновенный,
А огонь перегорал в пещере,—
Так до Неба Брамь пламень вьется,
Брама же сидит невозмутим.
Злой тот Нага, увидавши Будду,
Видя лик, сияющий покоем,
Прекратил отравленные вихри,
Сердцем стих и преклонил главу.
Касиапа, увидавши ночью,
Как горит огонь во тьме, пылая,
Воздохнул: «О, горе, в том пожаре
Этот светлый человек погиб».
Утром он пришел с учениками
Посмотреть. А Будда, покоривши
Злого Нагу, сделал Нагу кротким,
В нищенскую чашу положил.
Касиапа думал: «Гаутама
Сведущ и проник в благоговенье».
Все же про себя сказал тихонько:
«Я в познаниях тайных господин».
Случаем воспользовавшись добрым,
Будда оказал влияние духом,
Перемены вызвал в Касиапе,
Тайные в нем мысли изменил,
Сделал ум его покорно-гибким,
Для Закона правого пригодным,—
И, себя изведав, Касиапа
Собственную скудность увидал.

Он смиренно принял поученье,
С ним пятьсот ему во всем внимавших.
Жертвенные взяв свои сосуды
И добро, швырнули в реку все.
Это все поплыло по теченью.
Гада с Нади, братья, жили ниже,
Увидав плавающие предметы,
Меж собою говорили так:
«Перемена важная случилась».
И они тревожно тосковали
И пошли, вверх по теченью, к брату,
И пятьсот за каждым верных шло.
Увидав, что брат их стал отшельник,
Что Закон владеет ими дивный,
Молвили: «Коль брат наш подчинился,
В этом мы последуем за ним».
Так три брата и толпы их верных
Проповедь слышали Владыки,
Он учил о жертвоприношении,
Говорил он притчу об огне:
«Спутанные мысли — словно древо
В дереве другом — огонь буравят,
Дым густой неведения рождают,
Все живое ложной жгут мечтой.
Так огонь печали и заботы,
Загоревшись, жжет не устывая,
Все приводит к смерти и рождению,
Нет топлива — и огонь не жжет.
Так, когда у человека сердце
Ко греху воспримет отвращенье,
Отвращенье страсть уничтожает,
Гаснет хоть, и в этом выход есть.
Если только этот выход найден,
Рождено с ним зрение и знание,
Жизнь и смерть в потоках видны четко,
Долг свершишь,— и жизни больше нет.
Тысяча прислушавшихся Бхикшу
Речи Совершенного внимали,
Спали с душ их все былые пятна,
К ним освобождение пришло.
Все, что надлежало, совершилось,
В мудрости сиял высоко Будда,
Правила он дал им очищения,
Мощный Риши стал учеником.
Совершенный, с верными своими,

Путь направил ныне в царский город:
Бимбисару Раджу вспоминая,
В Раджагригу он с толпой пошел.
Выполнить хотел он обещанье,
И, прибыв, он оставался в роще;
Услыхав об этом, царь со свитой
К месту, где Владыка был, пошел.
Увидав, как Будда восседает,—
С сердцем, преисполненным смиренья,
С колесницы пышной он нисходит,
Украшенья снял, к нему пошел.
Кротко он к ногам склонился Будды,
О телесном спросил здоровья.
В свой черед, заговорил с ним Будда,
Сесть с собою рядом попросил.
Царь в уме подумал безглагольно:
«Этот Сакья, верно, власть имеет,
Коль своей он воле подчинил всех
И вокруг него — ученики».
Будда, эти мысли духом видя,
Касиапу вопрошая, молвил:
«Отказавшись от огнепоклонства,
Выгоду какую ты нашел?»
Касиапа, тот вопрос услыша,
Пред большим собранием встал неспешно,
Низко поклонился, сжав ладони,
Обратился к Будде и сказал:
«Огненного духа почитая,
Выгоду я извлекал такую:
В колесе был жизни непрерывно,
Ведал смерть, рожденье, боль, недуг.
Потому служенье это бросил.
Я в огнепоклонстве был усердным,
Я искал конца пяти желаний,
И в ответ — желаний был возврат.
Потому служенье это бросил.
В этом я служеньи ошибался,
Вечно возвращался я к рожденью,
Потому покоя возжелал.
Я был сведущ — в самоогорченьи,
Способ мой считался наилучшим,
Мудрости же высшей был я чуждым.
Потому отбросил способ свой.
Я ушел искать Нирваны высшей.
Отодвинув от себя рожденье,

Сбросив смерть, болезнь, искал я места,
Где неумирающий покой.
Потому, познавши эту правду,
Я закон огнепоклонства бросил
И оставил жертвоприношение,
Связанное с действием огня».
Чтимый миром, слыша Касиапу
И желая мир подвинуть к благу,
К Касиапе дальше обратился:
«Так! Добро пожаловать! Приди!
Ты желанен здесь, учитель мощный,
Отличил Закон ты от закона,
Высочайшей мудрости достиг ты.
Пред собранием этим я теперь
Попрошу тебя явить блестяще
Все твои высокие свершенья,
Восхвали же своего владыку
И свои сокровища открой».
Тотчас же, в присутствии собрания,
Тело погружая в бестелесность
И в восторг молевойный повергаясь,
Он в пространство вышнее взошел.
Там себя пред взорами явил он,
Ходя, стоя, сидя, засыпая,
Пар огнистый испуская телом,
Справа, слева пламень был с водой,—
Тело же его не обжигалось,
Тело же его не увлажнялось,—
Тучу дождевую испустил он,
Грянул гром, и молния зажглась,
И Земля и Небо содрогнулись,—
Так внушил он миру восхищение,
И глаза на яркий блеск смотрели,
Этим ярким блеском не слепясь.
И уста различные хвалили,
Но язык единый был в хвалении,
Зрелище чудесное пленило.
И потом переменилось все,—
Силою духовною влекомы,
Все к ногам Учителя склонились,
Воскликая: «Будда — наш учитель!
Чтимого мы все — ученики».
Так узнали все, что Совершенный
Истинно Всезнающим зовется.
К Бимбисаре Радже обратившись,

Будда слово должное сказал:
«Да внимая — все уразумеют.
Чувствами, и мыслями, и духом
Властвует закон рожденья — смерти.
Если ясно узришь то пятно,
Четкое получишь воспрятье;
Получивши четкость воспрятья,
Знание себя получишь с этим,
Воспрятье чувства победишь;
Раз себя узнаешь и узнаешь
Путь, который указуют чувства,
Места нет для «Я» тогда, ни почвы,
Чтобы это «Я» образовать;
Все нагромождения печали,
Скорби жизни, боль и скорби смерти
Видишь как неотделимость тела,
Тело же увидишь не как «Я»
И для «Я» не узришь в теле почвы:
В этом есть великое открытье,
В этом есть бессмертный ключ покоя,
В этом бесконечность тишины.
Это мысль о самости — источник,
Что несчетность более порождает,
Мир, как бы веревками, связует,
Знай, что «Я» не свяжешь, — нет и пут.
Свойства «Я» узнав, порвешь веревки,
Размыкаясь — цепи исчезают,
Это узришь — вот освобожденье,
Да погибнет ложный помысл «Я»!
Те, что «Я» поддерживают в мысли,
Или говорят, что «Я» есть вечно,
Или говорят, что погибает, —
Если взять пределы — жизнь и смерть, —
Заблужденье их весьма прискорбно.
Если «Я» не длится, — плод стремленья,
Достижение, также погибает,
Раз не будет После — плод погиб;
Если ж это «Я» не погибает, —
В средоточьи смерти и рожденья
Тождество одно лишь есть, пространство,
Что не рождено и не умрет.
Если это «Я» есть в их понятии,
Значит, все живое есть едино:
Есть во всем такая неизменность,
Самосовершенная, без дел.

Если ж так, такая если самость
Действует, так самость есть владыка:
Что ж тогда заботиться о деле,
Если все уж сделано давно?
Если это «Я» неистребимо,
Разум скажет — «Я» и неизменно,
Мы же видим радость и печали,—
Где же постоянству место тут?
Зная, что в рождении свобода,
О пятне греха я мысль отброшу,
Длится мир, и все здесь в мире длится,—
Что ж об избавлении мечтать?
Что и говорить об устрани
Самого себя, раз ложь есть правда?
Ежели не «Я» свершает дело,
Кто же, вправду, говорит о «Я»?
Но коли не «Я» свершает правду,
Нет здесь «Я», свершающего дело,—
Ежели ж отсутствуют здесь оба,
Правда в том, что вовсе нет здесь «Я».
Нет того, кто делает и знает,
Нет Владыки,— несмотря на это,
Вечно длится смерть здесь и рожденье,
Каждый день есть утро, есть и ночь.
Слушайте ж теперь меня и слыште:
Шесть есть чувств и шесть предметов чувства,
Слитые взаимно в шестеричность,
Шестеричность знания создают³⁰.
Чувства и предметы чувства, с знанием
Единясь, родят прикосновенья.
Меж собой они переплетаясь,
Сеть воспоминания родят.
Как стекло и трут чрез силу Солнца
Возжигают огненное пламя,
Так, чрез чувства и предмет, есть знание,
А чрез знание есть Владыка сам;
Стебель есть из семени стремленье,
Семя есть не то же, что есть стебель,
Не одно и все же не другое:
Вот, в рожденьи, все, что здесь живет».
Чтимый миром проповедал правду,
Первоправду дал он в равновесьи,
Так, к царю со свитой говорил он,
Бимбисара Раджа светел был.
Все с себя былые пятна стер он,

Получил моленное он зренье,
Сотня тысяч духов с ним внимала
И бессмертный слышала Закон.

17. СВИТА

Главу склонивши, Бимбисара Раджа
Учителя просил принять в подарок
Бамбуковую рощу, Будда принял,
При этом безглагольность сохранил.
Царь, смысл поняв, склонился пред Высоким
И отбыл в свой дворец, а Чтимый миром
Пошел, великим окружен собранием,
Чтоб отдохнуть в бамбуковом саду.
Здесь всех живущих обращал он к правде
И возжигал для всех лампаду мысли,
Устанавливал верховного он Брахму
И жизнемудрых точно подтверждал.
А в это время Асваджит и Вашпа,
С спокойным сердцем и храня безгласность,
Вошли в тот пышный город Раджигригу,
Настало время пищи попросить.
Достоинством и мягкостью движений
Те двое были в мире несравненны,
Владыки и владычицы, их видя,
Возрадовались в ласковых сердцах.
И те, что шли, остановились молча,
Что были впереди, те подождали,
Что были позади, те поспешили,
И каждый на двоих смотрел светло.
И меж учеников неисчислимых
Один великой славой окружен был,
Он назывался в мире Шарипутра,
На тех двоих с восторгом глянул он.
Изящество движений их увидя,
В движениях их покорственные чувства,
Достоинство размерного их шага,
Поднявши руки, он их спросил:
«В летах вы млада, в лике же достойны,
Таких, как вы, не видывал я раньше.
Какому послушаете закону?
И кто учитель ваш, что вас учил?
И в чем ученье? Что вы изучили?
Прошу, мои сомненья разрешите».

Один из Бхикшу, радуясь вопросу,
Приветственно-охотно отвечал:
«Всеведущий рожден в семье Икшваку,
Что меж людей и меж Богов есть первый,
Единый он — великий мой учитель.
Я юн, и солнце правды лишь взошло,
Смогу ли изложить его ученье?
Глубок в нем смысл, для понимания труден,
Но ныне, сколько скудость мне дозволит,
Его я мудрость вкратце изложу:
Все то, что есть, исходит из причины.
И жизнь и смерть разрушены быть могут,
Как действие причины. Путь же — в средстве,
Которое он четко возвестил».
И Упатішія, рожденный дважды,
Сердечно то воспринял, что услышал,
Всю мнимость чувства стер с себя, и оком
Увидевшим он воспринял Закон.
Причинность достоверную он понял,
Всей мудростью не-самости проникся,
Туман несчетных малых смут содвинул:
Отбросишь мысль о «Я» — нет больше «Я».
Коль Солнце встало — кто ночник засветит?
И стебель срежь — цвет лотоса с ним срезан,
Так стебель скорби словом Будды срезан,
Скорбь не возрастет, и Солнце шлет лучи.
Пред Бхикшу преклонился он смиренно,
Пошел домой. А Бхикшу, подаянья
Собравши, в сад бамбуковый вернулись.
Придя домой с сияющим лицом,
Являл вид необычный Шарипутра,
Мадгалийяна, ему содружный,
Что был равно ученостью прославлен,
Его увидя, ласково сказал:
«Я замечаю, лик твой необычен,
Как будто весь твой нрав переменялся,
Ты счастлив, ты владеешь вечной правдой,
Не без причины эти знаки все».
И тот ответил: «Совершенный молвил
Слова, каких еще не раздавалось».
И повторил он возвещенье правды,
И тот, другой, узрел душой Закон.
Когда давно посажено растение,
Оно приносит плод свой благотворный,
И если в руки дашь кому лампаду,

Был в темноте, но вдруг увидит он.
Внезапно так уверовал он в Будду,
И оба к Будде тотчас устремились,
И двести пятьдесят за ними верных.
И Будда, их увидя, возвестил:
«Отмечены те двое, что приходят,
Меж верных возноситься будут ярко,
Один своею мудростью лучистой,
Другой же чудотворностью своей».
И гласом Браммы, нежным и глубоким,
«Благословенен ваш приход», — сказал им.
«Здесь тихая и чистая обитель, —
Сказал он, — ученичеству — конец».
Тройной в руках у них явился посох,
Сосуд с водой пред ними появился ³¹,
Мгновенно каждый принял пострижение,
Их лик был словом Будды изменен.
Те два вождя и верная их свита,
Принявши заверченный облик Бхикшу,
Простертые, пред Буддою упали
И, вставши, сели около него.
В то время был мудрец, рожденный дважды,
Он Ведающий звался, Агнидатта,
Прославлен был и завершен он в лике,
Богат, имел достойную жену.
Но бросил это все, ища спасенья,
И сделался отшельником молельным.
Близ башни шел он — Башни Многодетской, —
Внезапно Сакью Муни увидал.
Блистателен был ликом Сакья Муни,
Как вышитое знамя храмовое.
Почтительно к Высокому приблизясь,
Он, приклонясь к его ногам, сказал:
«О, долго я сомненьями терзался.
Когда б ты восхотел возжечь лампаду!»
И Будда знал, что тот, рожденный дважды,
Чистосердечно правый путь искал.
Приветливым он голосом промолвил:
«Искателя приход благословенен».
Устав благой был обнят ждущим сердцем,
И Будда изъяснил ему Закон.
Мудрец был после назван Многоведец.
Он раньше говорил: «Душа и тело
Различны», говорил: «Одно и то же»,
Есть «Я», и также место есть для «Я».

Теперь свои ученья он отбросил.
И лишь узрел, что скорбь все громоздится,
И правила узнал, как скорбь исчерпать,
Дабы освобождения достичь.
Превратность лика — шаткая опора,
В хотеньи жадном — дикость смутных мыслей,
Но, если это сердцем отодвинешь,
Нет ни друзей, ни недругов ни в чем.
И если сердце жалостью согрето
И ко всему с благим идет волненьем,—
И ненависть, и гнев тогда растают,
Есть равновесье светлое в душе.
Соотношеньям доверяясь внешним,
В уме взметаешь призрачные мысли,
Но мыслью эти тучи разгоняешь,—
Болотный огонек бежит ее.
Ища освобожденья, погасил он
Неверное хотение, стремление,
Но сердце беспокойное дрожало,
Как в ветре гладь воды приемлет рябь.
Затем, войдя в глубины размышленья,
Покоем покорил он дух смущенный,
И понял он, что «Я» не существует,
Рождение и смерть — лишь тень одна.
Но выше был бессилен он подняться,
Исчезло «Я», и все с ним потонуло.
Теперь же факел мудрости зажегся,
И мрак сомненья, дрогнув, побежал.
Он явственно увидел пред собою
Конец того, что было бесконечно,
И десять разных точек совершенства ³²,
Разочаровавши тьму, он сосчитал.
Убиты десять зерен огорченья,
Еще однажды к жизни он вернулся,
Что должен был он сделать, то он сделал
И посмотрел Учителю в лицо.
Он отстранил три жгучие отравы,
Неведение, хотение и злобу,
Три восприял сокровища в замену,
То — Община, и Будда, и Закон.
И к трем ученикам пристало трое,
Как три звезды в тройном звездятся Небе,
И троезвездье, в ярком повтореньи,
Служило Будде, Солнцу между звезд ³³.

Был в то время некий благородный,
 Имя чье — Друг Бедных и Сирот,
 Был богат он свыше всякой меры
 И в щедротах был неистощим.
 С Севера пришел он, из Кошалы,
 И гостил у друга своего,
 Имя чье хранит преданье — Чула.
 Услышав, что Будда в мир пришел,
 Что живет в бамбуковой он роще,
 Что блестящи качества его,
 В ту же ночь отправился он в рощу
 И пред ликом Светлого предстал.
 Совершенный знал, кто прибыл в рощу,
 Видел сердце чистое его
 И, его по имени назвавши,
 Ласково с ним так заговорил:
 «Радуюсь правдивому Закону,
 С сердцем кротким к веденью стремясь,
 Победив желание дремоты,
 Ты пришел явить почтенье мне.
 Так как мы увиделись впервые,
 Я свое ученье изложу
 И тебя приветствую достойно,
 Видя светлый плод твоих заслуг.
 В ряде предыдущих воплощений,
 Корень блага твердо посадив,
 Ты взрастил растение ожидания,
 И оно блестяще расцвело.
 Услышавши ныне имя Будды,
 Ты душой своей возликовал,
 Ибо ты сосуд для правосудья,
 Скромный в духе, ты изящно-щедр.
 Ты в делах обильно благотвори,
 Помощь тем, кто помощи лишен,
 Именем владеешь знаменитым,
 И заслуга в нем свершенных дел.
 Ты свершаешь, повинуюсь сердцу,
 И за то, что щедро ты даешь,
 От меня, как дар, прими Нирвану,
 Щедрый дар Безветрия души.
 Мой устав исполнен благодати,
 Может он спастись от злых дорог,
 Изводить из спутанностей жизни,

Человека в Небо возводить.
Все же не желай восторгов Неба,
Их искать — великое есть зло,
Ибо в возрастании хотенья,
Как попутный призрак, скорбь растет.
Укрепись в искусстве отречения,
Не ищи, не жаждай, не хоти,
В том отрада тихого покоя,
Ясный смысл Безветрия души.
Смерть, болезнь и старость — это боли,
Троекратность скорби мировой.
Мир поняв, мы устраним рожденье,
Дряхлый возраст, и болезнь, и смерть,
Человек наследует в рожденьи
Дряхлый возраст, и болезнь, и смерть,
И когда он вновь родится в Небе,
К этому же там он приведен.
Нет ни для кого там продолженья,
Если ж нет, то в этом самом скорбь,
А когда ты преисполнен скорби,
В этом нет «доподлинного Я».
Если же восторг без продолженья
Есть не «Я», а только скорбь одна,
В этом только скорбь повторной скорби,
Накопление новое скорбей.
Истреби же эту скорбь, в том радость,
Путь к тому — спокойствие души.
Мир, по существу, всегда тревожен,
Корень пытки в этом вижу я.
Чтоб ручей не видеть в истечении,
Наложи печать на самый ключ.
Пусть ни жизнь, ни смерть тебя не тронут,
Этих двух враждебных не желай.
Загляни глубоко в мир обширный,
Ты увидишь дряхлость, смерть, недуг,
Мир объят пожаром всеохватным,
Пепелище, где ни посмотри.
Видя это вечное томленье,
Мы должны стремиться к тишине,
Слитны быть в одном великом Сердце,
В светлую Обитель отойти.
Пусто все! Нет «Я»! Для «Я» нет места!
Этот мир — создание мечты,
Мы — нагромождение осадков,
Мы — переплетение семян».

Благородный, слыша это слово,
Первой грани святости достиг,
Осушил он море жизнесмерти,
И осталась капля лишь одна.
В стороне от общества людского,
Погашая вспышки всех страстей,
Он достиг безличных состояний,
Тучи тьмы разъялись перед ним.
Так, порой, летит осенний ветер,
Разгоняет в небе облака.
И достиг он истинного зренья,
Заблужденья прочь толпой ушли.

Размышлял о мире он глубоко.
Этот мир не сотворен Творцом,
Ишвара не есть его причина,
Но не беспричинен этот мир.
Если б мир был Ишварою создан,
Если б был Творцом он сотворен,
Не было б ни старых в нем, ни юных,
Не было бы после, ни теперь.
Не было б пяти дорог рожденья,
Перевоплощения в мирах,
И когда б, однажды, кто родился,
Он бы уж разрушиться не мог.
Не было бы скорби и злосчастья,
Не было б ни зла здесь, ни добра,
Ибо то, что чисто и не чисто,
Все бы исходило от Творца.
И когда бы мир Творцом был создан,
Речь о том бы вовсе не велась,
Ибо сын отца всегда признает
И с почтеньем говорит «Отец».
Люди, угнетаемые горем,
На него б не поднимали бунт,
Самосуществующему только б
Отдавали дань любви сполна.
Если б было так, все было б ясно,
Виден был бы всем исток всего,
Одного бы Бога почитали,
И других бы не было Богов.
И когда бы Ишвара Творцом был,
Не был бы он в самобытии:
Ибо если б ныне был Творцом он,
Должен был бы быть Творцом всегда.

Самосуществующим бы не был,
Ибо в нем бы замысел дрожал.
Если же без замысла он был бы,—
Был бы он как малое дитя.
И во всем, что живо, скорбь и радость,
Если причиняет их Творец,—
Значит, любит он и ненавидит,
Самобытия здесь вовсе нет.
И когда б Творец все создал,—
Делать ли добро иль зло тогда,
Было б совершенно безразлично,
Все тогда его, и все есть в нем.
Если ж рядом с ним другой есть кто-то,
Значит, он не есть конец всего.
Помысл о Творце отбросить надо,
Сам опровергает он себя.
Если скажем мы: Само-природа
Есть Творец,— ошибочно и то:³⁴
Что не из чего не истекает,
Истечение как же даст оно?
Между тем кругом все в мире связно,
Из причин и следствий все идет,
Как растут из семени побеги:
Довод отвергает сам себя.
Не само-природой все возникло.
Если ж скажем — все через нее,
Все б она собою наполняла,
Нечего бы делать было ей.
И само-природа, как понятие,—
Ежели понятие примем мы,—
Исключает видоизмененья,
В мире ж все меняется везде.
Раз само-природа есть причина,
Что ж освобожденья нам искать?
Сами мы владеем той природой,
Жизнь и смерть претерпим без борьбы.
Ибо если кто освободится,
То само-природа, вновь и вновь,
Выстроит ему беду рожденья.
Слепота ли зрение родит?
Видим дым,— мы знаем: есть и пламень,
Действие с причиной суть одно,
И само-природа, неразумье,
Разум, не могла бы сотворить.
Если видим чашу золотую,

Вся она из золота сполна.
И само-природу, как источник,
Видя мир, должны отринуть мы.
Если время есть причина мира,
Вольности напрасно нам искать:
Постоянно время, неизменно,
Промежутки должно претерпеть.
Как в рядах Вселенной нет пределов,
В промежутках времени — в мирах —
Нет границ, и нет им остановки,
В тех морях лишь можем мы тонуть.
Если «Я» вселенское — причина,
Мировое «Я» — Творец миров,
Радостью б одно другому было,
Лишь одна б приятственность была.
В этом мире не было б злой Кармы,
Наши же деянья создают
Доброе сплетение и злое, —
Ложен довод мирового «Я».
Если скажем мы — Творца нет вовсе,
Вольность — бесполезная мечта:
Если все собою достоверно,
Что ж пытаться это изменять?
Между тем различные деянья
В мире и дают различный плод,
Значит, все исходит в этом мире
Из одной причины иль другой.
Не Ничто — причина всех явлений,
Есть и дух, и убыль духа есть;
Все — в связи причинности законной,
Неразрывна цепь, звено к звену».

Благородный, слышавший то слово,
В сердце ощутил лучистый свет.
Построенья правды он воспринял,
Мудрость в сочетаньи с простотой.
Укрепившись в истинном Законе,
Низко перед Буддой преклоняясь,
Он благоговейно сжал ладони
И его смиренно стал просить:
«В Шравастии живу я, край богатый,
Там царит покой и тишина,
Прасэнаджит — царь страны той мирной,
Род его зовется родом Льва.
Это имя всюду знаменито,

Славен он вдали, как и вблизи.
Там желаю я найти Обитель
И молю тебя ее принять.
В сердце Будды — это твердо знаю —
Предпочтений нет; не ищет он,
Где бы отдохнуть; но эту просьбу
Не отринь во имя всех живых».
Будда, зная, что владело сердцем,
Побудившим эту речь держать,
Видя помысл чистый милосердья,
Молвил благородному в ответ:
«Истинный Закон теперь ты видел,
Сердце безобманное твое
Любит щедрость, зная, что богатство
Шатко и к нему не нужно лнуть.
Если кладовая загорелась,
То, что ускользнуло от огня,
Мудрый отдает другим охотно,
Не держась за шаткое добро.
Лишь скупец хранит его тревожно,
Все его боится потерять,
Позабыв закон непостоянства,
В смертный час теряя разом все.
Время есть для щедрости и способ,
Как есть время в бой идти бойцу,
Человек, способный быть щедротным,
Сильный и способный есть боец.
Тот, кто щедр, любим везде и всеми,
В имени его широкий свет,
Дружбу с ним благие ценят сердцем,
В смертный час он полон тишины.
Он не знает боли угрызений,
Не терзает жалкий страх его,
Демоном не может он родиться,
Призраком не будет он бродить.
Из щедрот — цветок произрастает,
Милосердье — золотистый плод,
Между кем бы щедрый ни родился,
Светлый след его идет за ним.
До бессмертной доходя дороги,
Мы ведомы щедростью былой,
Восьмикратный путь воспоминанья
Озирая, радуемся мы.
Любящий и щедрый, отдавая,
Что имеет, гонит тени прочь,

Устраняет жадное желанье,
Копит мудрость зрячую в душе.
Щедрый человек нашел дорогу,
Чтоб достичь конечного пути:
Кто взрастит растение, тень имеет,
И Нирвана щедрому дана.
Отдавая платье — мы красивей,
Разлучаясь с пищей — мы сильней.
Основавши тихую обитель,
Над цветком мы видим спелый плод.
И дают не все красиво-щедро:
Так дают, чтоб радости найти,
И дают, чтоб получить сторицей,
И дают, чтоб славу приобрести,
И дают, чтоб счастье ведать в Небе,—
Но давая, ты даешь не так:
Истинная щедрость вне расчетов,
Ты, давая, просто лишь даешь.
Что задумал, сделай это быстро!
Бродит сердце, если ждет чего,
Но, когда глаза открыты благу,
Сердце возвращается домой!»
Благородный принял поученье,
Добрым сердцем просветлел еще,
Друга своего позвал в Кошалу,
Всмотрел пленительный там сад.
Князь наследный Джэта был владельцем,
В роще были чистые ключи.
К князю во дворец пришел спросить он,
Не продаст ли эту землю он.
Князь ценил тот сад необычайно,
Не хотел сперва его продать,
А потом сказал: «Коли покроешь
Золотом весь сад,— бери его».
Благородный, в сердце восторгнувшись,
Золотом стал землю покрывать.
Джэта же сказал: «К чему ты тратишь
Золото,— ведь сад я не отдам».
Щедрый отвечал: «Не дашь? К чему же
Ты сказал — все золотом покрой?»
Спорили они и препирались,
Наконец отправились к судье.
Между тем в народе говорили:
«Щедрости такой примера нет».
Джэта знал, что в щедром чисто сердце,

И спросил: «Что здесь задумал ты?»
Тот сказал: «Хочу создать Обитель.
Чтобы Совершенному отдать».
Князь, едва услышал имя Будды,
Тотчас озаренье получил.
Золота он взял лишь половину,
Чтоб в Обитель часть свою внести:
«Пусть — земля твоя, мои — деревья,
Я деревья Будде отдаю».
Так и согласились, стали строить,
Строили и день они и ночь,
Высоко хоромина взнеслася,
Как дворец, один из четырех.
Вымерены были направленья,
Правильность их Будда подтвердил.
Диво несравненное сияло,
Совершенный в свой уют вошел.
С ним вошли все верные толпою,
Не было поклонов службы там.
Лишь одно богатство в нем сияло:
Золотом горела мудрость в нем.
Щедрый же снискал свою награду,
Кончив жизнь, взошел на Небеса,
Сыновьям и внукам оставляя
Поле плодотворное заслуг.

19. СВИДАНИЕ

Будда был в стране Магадха,
Он неверных обращал,
Он Законом единичным
Соглашал различность душ.
Изменяя словом мудрым,
Души вел он к одному:
Так, когда восходит Солнце,
Звезды тонут все в заре,
И, покинув Раджагригу,
Пятигорный этот град,
Он пошел с учениками,
Верных тысяча с ним шла.
Он пошел с толпой великой
До Нигантки до горы,
Что вблизи Капилавасту,

Там к решенью он пришел.
Он замыслил благородно
Приготовить светлый дар,
Приготовить дар моленный
Для родителя-царя.
А учитель и советник
Должных выслали людей
И направо, и налево,
Чтобы Будду увидеть.
Вскоре Будда был увиден,
Точно высмотрен был путь,
Тотчас вестники вернулись
С этой вестью во дворец.
«Бывший долго так в отлучке,
Чтобы светоч обрести,—
Получивши озаренье,
К нам царевич держит путь».
Царь обрадован был вестью,
И с блестящей свитой он,
Окруженный всею знатью,
Вышел сына повстречать.
И, неспешно приближаясь,
Будду издали узрел,
Красота его сверкала,
В ней удвоенный был блеск,
В средоточии великой
Кругом сомкнутой толпы
Был он словно вышний Брама
На превышней высоте.
Царь покинул колесницу
И с достоинством пошел,
Сердцем мысля и тревожась,
Так ли делает он все.
Красоту родного видя,
В тайне сердца ликовал,
Все же слов, достойных мига,
Не нашли его уста.
И о том он также думал:
«Я в слепой еще толпе,
Сын же мой великий Риши,—
Как мне с ним заговорить?»
Также думал он, как долго,
Как давно уж он желал
Этой встречи, что случилась
Неожиданно теперь.

Сын его меж тем, приблизясь,
Сел, молчание храня,
В совершенство облеченный,
Не меняясь в лице.
Так мгновенья истекали,
И один перед другим,
Хоронили чувства оба,
И с тоской подумал царь:
«Как он делает печальным
И безрадостным меня,
Сердце ждавщее — пустыня,
Был родник — и где родник?
Я похож на человека,
Что давно искал воды,
И ручей увидел светлый,
Подошел — и нет ручья.
Так теперь я вижу сына,
Те же, прежние, черты,
Но душой как отчужден он,
В лике, весь он, как взнесен!
Сердце он явить не хочет,
Чувства спрятал он свои,
Он сидит как не сидит там,
Пред иссохшим я руслом».
Отдаленно так сидели,
Мысли билися в уме,
Их глаза вполне встречались,
В сердце ж радость не зажглась.
Так смотрели друг на друга,
Как мы смотрим на портрет,
О далеком вспоминая,
Чью лишь тень здесь видит взор.
Мыслил царь: «О ты, который
Должен был бы быть царем,
Мог бы целым царством править,
Молишь пищи тут и там!
Что за радость в этой жизни?
В ней какая ж красота?
Тверд и прям, как Златогорье,
Весь как солнечный восход,
Царь быков, в походке твердой,
И бестрепетный, как лев,—
Но лишен почета мира,
Просишь милостыню ты!»
Дух отца открыт был Будде,

Он любил его как сын,
И, чтоб дух его подвигнуть
И жалея весь народ, —
Он явил свою чудесность,
В средний воздух был взнесен,
И рукой Луны касался,
И до Солнца досягал.
И ходил он по пространству,
Изменял различно лик,
Разделял на части тело,
Вновь его соединял.
Шел по водам, как по суше,
Был в земле он как в воде,
И сквозь каменные стены
Без помехи проходил.
Справа, слева, он из бока
Огонь и воду изводил.
Царь был в радости великой
И не думал как отец.
И, воссев на лотос пышный,
Как на царственный престол,
Для отца из высей светлых
Будда выявил Закон:
«Знаю царское я сердце,
И любовь и память в нем,
Но да будут узы сердца
Вмиг разъяты у него.
Пусть не думает — о сыне,
Прибавляя к скорби скорбь.
Но услышь, что сын твой молвит
О молельности тебе.
Я молитвенную пищу
Моему принес отцу.
Царь, прими: такого яства
Сын отцу не приносил.
Путь росистый указую,
Это нежная роса,
Этот путь ведет к бессмертью,
Чрез рожденья и дела.
Дело к делу, сочетаясь,
Вырастают в долгий путь.
Как же тщательно должны мы
Делать добрые дела!
Как заботливо нам нужно
Со звеном сплестать звено!

В смерти дух один уходит,
Лишь в делах найдет друзей!
Ввихрен в омут этой жизни,
В пять больших ее дорог,
В колесе вращаясь мощном,
Три разряда дел творишь ³⁵, —
Три разряда дел приводят
К трем рождениям в мирах:
Зверь, иль призрак, или демон —
Силой страсти рождены.
Силой должного старанья
Слово с телом укроти,
День и ночь — не в смуте будут,
А в молчании ума.
Только в этом смысл конечный,
Правды жизни — нет иной.
Так! Три мира только пена,
Накипь в море в час грозы.
Хочешь ведать наслажденье?
Приближать его к себе?
Так к четвертому рожденью
Приготовься делом ты.
Человеком ты и Дэвой
Чрез рожденье воплощен,
Все же пять путей великих —
Как неверность звезд ночных.
Если даже для небесных
Путь назначен перемен, —
Как же ведать человеку
Постоянство на земле.
Самосдержанность — есть радость
Между радостей земных!
Лишь Нирвана верный отдых,
То — Безветрие души!
Пять улад, что ищем в чувствах, —
Путь опасностей и смут,
Мы живем среди восторгов
Как с отравною змеей.
Мудрый видит мир горящим,
Мир — и вокруг него пожар.
Не узнает он покоя,
Не изгнавши жизнесмерть.
В месте том, где хочет мудрый
Дом свой верный основать,
Нет оружия, нет орудий,

Нет слонов и нет коней.
Там не мчатся колесницы,
Не идут ряды солдат.
Победив свое желанье,
Все ты в мире победил.
Победивши мрак незнания,
Целый мир ты озарил.
Во вселенной, озаренной,
Нужно ль что еще искать?
Раз узнав источник скорби,
Затопчи ее исток,
И, идя дорогой верной,
От рождений волен ты».
Чудотворность сына видя,
Был обрадован отец,
Но, услышав слово правды,
Был он в радости двойной.
Стал сосуд он совершенный,
Чтоб принять в себя Закон,
И, сложив свои ладони,
Восхваленье произнес:
«Сколь поистине волшебно!
Свой обет ты завершил.
Светлый замысел исполнен,
Скорбь превзойдена тобой.
Сколь поистине волшебно!
Сердце плакало мое.
Но теперь та боль исчезла,
Лишь оставив светлый плод.
Сколь поистине волшебно!
Срезал ныне колос я,
Что посеян был рукою,
Волей сына моего.
Было правым то решение —
Сан царя с себя сложить,
Было правым то стремление —
Покаяние принять,
Было правым то желанье —
Связь семейную порвать,
Было правым то воление —
Отказаться от любви.
Риши древние напрасно
Похвалялись, не дойдя,
Ты ж дошел до светлой грани,
Все, что нужно, совершил.

И, снискав покой желанный,
Ты покой несешь другим.
Мощный силой сострадания,
Избавляешь всех живых.
Если б ты с людьми остался,
Сохраняя царский сан,—
Как могла бы избавленье
Получить моя душа?
Был бы царь ты справедливый,
Но Закон бы не явил.
Узы смерти и рожденья
Ты бы нам не разрешил.
Но, избегнув жизнесмерти,
Воплощенья победив,
Всем живым ты путь означил,
Нежной блещущий росой.
И, явивши власть над чудом,
Силу мудрости явив,
Жизнесмерть сразив, вознесся
Над Богами и людьми.
Ты царем бы правосудным
Был, свой царский сан храня,—
Но тогда б такой вселенской
Благодати не достиг».
Восхваления закончив,
Он, в молитвенной любви,
Царь, отец, пред светлым сыном
Преклонился до земли.
Весь народ, все люди царства,
Светлый тот Закон поняв,
Видя Будду-чудотворца
И почтительность царя,—
Проникаясь просветленьем
И молением руки сжав,
Совершенного почтили,
Преклоняясь до земли.
Мысли сильные в них были,
Жизнь мирская в них прешла,
Все исполнились желаньем
Бросить тесные дома.
Много знатных, много видных,
Бросив дом блестящий свой,
К верной Общине пристали,
Чтоб обнять Закон сполна.
Ананда, Тимбсила, Нанда,

Анурудха, все пришли,
Чтобы стать учениками
Будды, давшего Закон.
За одним другой и третий,
Обращенным нет числа,
Приходил отец за сыном,
Видя верные врата.
И когда настало время
Подаянья попросить,
Будда входит в пышный город,
И царевич узнан в нем.
Песнь хвалы и песнь восторга
С края к краю раздалась:
«Он вернулся к нам, Сиддартха,
Просветленный, он пришел!»
Стар и мал столпились, смотрят,
Окна, двери, всюду глаз,
Он идет, сияя светом,
Лучезарной красотой.
Лик его, в одежде скромной,
Словно Солнце в облаках,
И внутри и вне он светит
Как один священный блеск.
Все смотрели и дивились,
В сердце радость с сожаленьем,
Что как жертва он идет.
С этой бритой головою,
Темный выбравши покров,
Очи светлые потупя,
Безыскусственно идя.
«Посмотрите! Посмотрите!
Здесь бы нужен балдахин!
Он драконом мог бы править,
А во прахе он идет!
Держит чашу подаяний,
Мог бы меч держать в руке,
Мог бы он врага любого
Победить и покорить!
Мог бы женское он сердце
Красотою услаждать!
Мог бы яркою короной
Возноситься над толпой!
Красота мужская скрыта,
Сердце ведает узду,
Не подступит вожденье,

Блеск наряда брошен прочь!
Пять восторгов правят миром,
Он отбросил пять усад,
И любимую супругу,
И дитя оставил он!
Возлюбив уединенье,
Он блуждает без друзей,
И скорбит супруга горько,
Долго длится ночь вдовы!
Измененного увидев
Как отшельника его,
Плачет, любит, вспоминает,
Плачет вместе с ней дитя!
А когда он в мир родился,
Были знаменья на нем,
Должен был он приношенья
С четырех принять морей!
Он к чему ж пришел в скитаньях?
Предвещаний всех слова
Были ложны и напрасны.
Или есть величье в том?»
Так в запутанных реченьях
Говорил один с другим,
Но спокойно Совершенный
Путь бесстрастный совершал.
Ко всему с любовью равной,
Одного душой хотел —
Избавления всем людям
От несущих скорбь страстей.
Этот замысел лелея,
В город нищим он вошел,
Чтобы дать векам грядущим
Отречения пример.
Принял все он без различья,
Дал богатый, дал бедняк —
Чашу нищую наполнил
И в пустынность отошел.

20. ОБИТЕЛЬ

Властитель мира, обративши
Несчетный люд Капилавасту,
С великою толпою верных,
В Кошалу путь направил свой,—

Туда, где царь жил Прасэнаджит
И где Обитель Джэтавана
Теперь совсем была готова,
Хоромы убраны вполне.
В садах ключи и водометы,
Цветут цветы, плоды сверкают,
У влаги редкостные птицы,
И пенье птиц среди ветвей.
Во всем прекрасная Обитель,
Как райские чертоги Сивы.
И Друг Сирот идет навстречу,
Толпою слуг он окружен.
Цветы он щедро рассыпает,
Душистые зажег куренья,
И Совершенного он просит
В Обитель светлую взойти.
В его руках кувшин узорный,
На нем дракон золотой сияет,
И воду он струею светлой,
Коленопреклоненный, льет.
То добрый знак, что Братству верных,
Во все четыре края мира,
Обитель эта Джэтавана
Для тихой жизни отдана.
Владыка дар прекрасный принял,
И пожелание гласило,
Чтоб это царство укреплялось
И побеждало силу тьмы.
Царь Прасэнаджит, услышавши,
Что Совершенный возвратился,
Пришел в Обитель с светлой свитой,
Дабы к ногам его припасть.
Сев в стороне и сжав ладони,
Он к Будде речь держал такую:
«Мое ль неведомое царство
Такую заслужило честь?
Какие могут злополучья,
Какие могут здесь несчастья
Возникнуть, если здесь пребудет
Такой великий человек?
Твое лицо святое видя,
Могу и я иметь, быть может,
Свою, желанную мне, долю
Во всевежительном ручье.
Пусть много разных разделений,

Пусть город разнствует по вере,
Но как высокий, так и низкий
В широкий могут ток войти.
Так ветер, по цветущей роще
Провеяв, запахи сливает,
И лишь единым дуновеньем
Он благодатным веет нам.
И так же птицы Златогорья
Своим многоразличны видом,
И разные мерцают тени,
Сливаясь в золото одно.
Так могут быть в одном собраньи
Способностей различных люди.
И некий был пустынножитель,
Который, Риши напитав,
Звездой родился трилучистой.
Все бегло в этом мире шатком,
И человек — хоть царь — тревожен,
Простой же — в святости — велик».
Знал Будда все, что было в сердце
У Прасэнаджита, и знал он,
Что два препятствия мешают
Ему всю правду воспринять —
Чрезмерная до денег жажда
И жажда внешних развлечений,
И он, мгновению согласно,
Такую проповедь держал:
«Я изъясню Закон мой вкратце,
И царь моим словам да внемлет,
И, взвесив их в своем мышлении,
Да твердо держится он их.
И тот, кто связан злою Кармой,
Способен радоваться Будде,
Насколько ж радуется больше —
Кто в прошлых жизнях заслужил!
Свои свершенья я окончил,
Исчерпал жизнь: ни дух, ни тело
Не могут властвовать мной больше,
Свободен я от всех оков.
Не для меня — друзья, родные,
И вот я ныне возвещаю:
Деянья добрые и злые
За нами следуют как тень.
Как, значит, внесены деянья
Царя, что следует Закону!

Он в настоящей жизни славен,
Потом восходит в Небеса.
Но небрежение Законом
Приводит к горьким злополучьям.
Так в оно время было в мире,
Гласит преданье, два царя.
Один из них звался Кришáсва,
Что значит — Тощая Коняга,
Другой — Хира́ниакашйпу,
Ступень Златая ³⁰. Двое их.
Но первый был благим владыкой
И был взнесен на выси Неба,
Второй был злой,— и жил, и умер,
И вновь родился — в нищете.
Что́ нужно — любящее сердце,
В нем есть великая потреба!
Народ царя — как сын единый,
Не угнетать его — любить.
Отбросить лживые ученья,
Идти во всем прямой дорогой
И возноситься лишь собою,
А не вставая на других.
Быть другом тех, чья жизнь — страданье,
Не истязать себя, а также
Не возвышаться сердцем слишком
И знать душой, что все прейдет.
До высшей точки размышленья
Свой разум возносить глядящий,
И внутрь себя глядеть упорно,
Свет счастья находить в себе.
Из света есть во тьму дорога,
И есть из тьмы дорога к свету,
Есть мрак, что следует за тенью,
Есть свет, с собой несущий свет.
Кто мудр, тот ищет больше света.
Для злого слова — громкий отклик.
И мало тех, кто хочет видеть.
Но от свершений — не уйти.
Что́ сделал,— сделал. Путь намечен.
И след идет по всей дороге.
Так возлюби же все благое,
Иного выхода здесь нет.
Ты то пожнешь, что ты посеял.
Как сделал — сделанным так будет.
Мы замкнуты в горе скалистой,

Лишь благостью пробьешь тропу.
Рождение, старость и болезни
Нас стерегут, не выпуская.
И свет услад есть вспышка молний,
Лишь миг — ты в черной темноте.
Зачем же быть неправосудным?
Цари здесь были — словно Боги,
На Небо громоздились мыслью
И в пыль затоптаны навек.
Круговорот времен — пожаром
Растопит скаты Златогорья,
Растает вся гора Сумеру,
Иссохнет Океан до дна.
Так что же наш неверный облик,
Тень человека, что бледнеет?
Пузырь, на миг огнем горящий,
Через мгновение — нет его.
Сосуд обмана наше тело,
Неверный знак мечты бродячей.
Через страданья долгой ночи
Приходит к нам мгновенно Смерть.
Кто мудр, тот эти перемены
Спокойно видит зорким оком.
Он не приляжет на дороге,
Не будет спать в ее пыли.
Не занят он самоусладой,
Узор цепей не закрепляет,
Он разрешает постепенно
Многоразличность сложных пут.
Не ищет дружб, не льнет к занятиям,
И мудрость лишь одну блюдет он:
Он убегает ощущений,
Лишь ощущая мир — как тень.
И, зная, как непрочно тело,
Его он все ж не оскверняет.
Хотя б родился в бестелесном,
От перемен не убежать.
И потому-то так желает
Беспеременного он тела:
Где перемена не меняет,
Невозмутимый там покой.
Пока на зыбях перемены
Свою отдельность воплощаешь,
Растет измена — корень скорби,
Погаснет «Я» — и мир тебе.

Кто мудр — уходит от страдания.
Коль дерево огнем объято,
Как могут птицы собираться
Среди обугленных ветвей?
Кто мудр — лелеет это знание,
В нем свет начальный озаренья:
Жить без него, его теряя,
Ошибка целой жизни в том,
Здесь — средоточье всех учений,
Без средоточья — нет покоя.
Кто обожжен горячей болью,
В прохладный пусть войдет поток.
Равно во мраке свет лампы
Предметам разноцветным светит:
Так мудрость светит проходящим,
Кто б ни желал ее принять.
Порой отшельник погибает,
Порою мирянин спасется,
Захвачен омут маловерья,
Исходишь с верой из пучин.
Прилив хотенья прочь уносит,
Кто в вождельени — вне спасенья,
Свет мудрости — челнок послушный,
И размышление есть руль.
Молельность мысли завершенной —
Призывный рокот барабана.
Плотину мысли строй упорно,
Бессилен будет всякий вал».
Закончил проповедь Всемудрый,
И царь, душой ему внимая,
Воспринял охлаждение к миру,
К мерцанью призрачных услад.
Так возвращаются к рассудку,
Когда окончена пирушка,
И так дорогу уступают,
Коль мчится сумасшедший слон.
Все лжеучители, увидя,
Что тронут царь словами Будды,
В один его просили голос:
«Пусть Будда явит чудеса».
И царь просил Владыку мира:
«Молю, исполни их желанье!»
И Будда молча согласился
И чудотворность показал.
Он восходил в высокий воздух,

Распространял кругом сиянье,
Как ослепительное Солнце
Своим присутствием слепил.
Все лжеучители смутились,
Народ же был исполнен веры.
Потом он матери покойной
Закон поведать восхотел.
Он тотчас же взшел на Небо,
Где тридцать три сияют Бога,
И в обиталищах небесных
Три месяца он пребывал
Светло обращены им были
Все Дэвы, жившие в том Небе.
Свершивши это назначенье,
Вернулся с Неба он к Земле.
По лестнице семи сокровищ,
По семицветной шел он книзу,
Его сопровождали Духи,
И снова был он на Земле.
Спускаясь, он ступил на место,
Куда идут в возврате Будды,
Земные на него смотрели,
В смирении ладони сжав.

21. ПЬЯНЫЙ СЛОН ³⁷

Мать на Небе обративши
И толпы небесных Духов,
К людям он опять вернулся
Обращать еще других.
Джива, Сула, Чурна, Анга,
Ниагродха и другие.
Шрикунтака и Упали
Сердцем слышали его.
Царь Гандхара ³⁸ внял Закону,
Стал отшельником смиренным,
Также демон Гимапати,
Ватаджири также, бес.
Брамачарин Прайянтика,
На горе Ваджане живший,
Вникнув в тонкое значение
Полустишья, верным стал.
Светлый вождь рожденных дважды,
Сильный Браман Кутаданта,

Жил в селении Динамати,
Жертвам не было числа.
Совершенный верным средством
Обратил его к Закону,
Он с обрадованным сердцем
Шел по верному пути.
На горе высокой Веди
Обращен был Паньчасикха,
И в селении Ваннушта
Мать он Нанды обратил.
В пышном граде Аньчавари
Мощным духом овладел он.
Бханабхадра, Шронаданта
Светом правды просветлел.
Мощный Нага, с злым волеьем,
Царь страны, Закон воспринял,
Перед ним врата раскрылись,
Путь, обрызганный росой.
И в селе Ангулимале ³⁹,
Силу дивную явивши,
Совершил он обращенья,
К свету многих устремил.
Пуридживана богатый,
Услыхавши слово Будды,
Воспринял Закон немедля
И безмерно щедрым стал.
И в селении Падатти
Обращен был им Патали,
И с Патали был Патала,
Двое братьев, каждый — бес.
Два Брамина в Бхидхавали —
Мощный Век и Возраст Брамь,—
С ним вступивши в спор глубокий,
Сердцем приняли Закон.
Как пришел он в Ваисали,
Обратил бесов он Ракша,
Обращен был с ними также
Тот, чье имя было Лев.
До горы пришел он Алы,
Бес там Алава гнезвился,
И другой там был — Кумара,
Асидака третий был.
Обратил бесов он этих.
К Гайясирте путь направил,
Обращен был бес Каньджана,

И пришел он в Бенарес.
Обратил купцов богатых,
И сандаловый он терем
Принял в дар от обращенных,
Благовонный до сих пор.
И пришел он в Магивати,
Обратил молельных Риши.
И ступил ногой на камень,
До сих пор там виден след.
Колесо на нем двойное,
В колесе сияют спицы,
Десять сотен спиц блистает,
Светлый след неистребим.
Так в конце, порядком должным,
Все, что в воздухе проходят,
Все, что воду возлюбили,
Были им обращены.
Так с высот сияет Солнце,
Свет доходит в темный погреб,
Жар лучей пронзает холод,
Темный погреб озарен.
В это время Дэвадатта,
Совершенства Будды видя,
В сердце завистью ужален,
Власть мышленья потерял.
Измышлял дела он злые,
Чтоб Закон остановился.
Он взошел на Гридракуту,
Камень тяжкий покати.
Был на Будду он нацелен,
Но, с горы скатившись, камень
Разделился на две части
И прошел по сторонам.
Неуспех увидя в этом,
Он из царских загоронок
Отпустил, на путь прохожий,
Дико-пьяного слона.
Вознося могучий хобот
И стремя раскаты грома,
Этим хоботом трубил он
И дыханьем заражал.
Сумасшедшее дыханье
Поднималось чадной тучей,
Дикий бег его был ветер,
Сумасбродная гроза.

Если кто касался только
Ног, хвоста, клыков грозящих
Или хобота слоновья,
Он мгновенно умирал.
Так бежал тот слон свирепый
По дорогам Раджагриги,
Исступленно убивая
Попадавшихся людей.
Их тела лежат повсюду,
Мозг разбрызган, кровь алеет,
Это видно издалика,
Все сидят в своих домах.
В Раджагриге страх и ужас,
Слышны крики, слышны вопли,
Кто — за городом, стремится
В яме жизнь свою спасти.
Совершенный в это время
Путь держал свой в Раджагригу,
С высоты ворот просили
Будду в город не вступать.
С ним пять сотен было Бхикшу,
Все они сокрылись в страхе,
Только Ананда остался,
Верность Будде сохранил.
Но, одной лишь мыслью полон —
Укротить любовью ярость,
Шел спокойно Совершенный
К сумасшедшему слону.
Пьяный слон увидел Будду,
Диким оком быстро глянул
И, придя, пред ним склонился,—
Пала тяжкая гора.
Лотос-руку протянувши,
Приласкал его Владыка,
Как светло ласкает тучу
Устремленный луч Луны.
И пока, к земле припавши,
Слон лежал у ног Владыки,
Мерным голосом Владыка
Молвил светлые слова:
«Если я дракон могучий,
Как же слон возмoжет ранить
Быстролетного дракона,
Совершенного в бою!
Если слон того захочет,

Он счастливым не родится,
Он обманется хотеньем,
Тем, что Будда победил!
Ты, валяющийся в страсти,
Словно в темной грязной луже,
Откажись от пут неверных,
В этот самый день восстань!»
Слон, услыша слово Будды,
Вмиг возрадовался в сердце,
Пьяный ум стал трезво-ясным,
Пил небесную росу.
И народ кругом, увидя,
Что безумный слон стал мудрым,
Поднял радостные клики,
Это чудо вознося.
Кто едва был добр, стал добрым,
Кто был добрым, стал добрее,
Кто не верил, стал тот верить,
Верный — в вере твердым стал.
Мощный царь Аджатапатра,
Увидавши это чудо,
Был глубоким мыслям предан
И молельным стал вдвойне.
Стройность в мыслях воцарилась,
Семена взросли благие,
Словно в день, когда впервые
Люди в мире стали жить.
Лишь свирепый Дэвадатта,
Что чудесно был летучим,
Низко пал, и пребывает
В глубочайшем он Аду.

22. АМРА

Подвиг трудный обращения
Чтимый миром завершил
И своим глядящим сердцем
Был к Нирване наклонен.
Он покинул Раджагригу,
В Цвет Бегонии пошел,
Он пошел в Паталипутру,
Как летит к цветку пчела.
По прибытии вошел он
В знаменитейший чертог,

Дом Бегонии он звался,
Светлый замок Патали.
Этот град Паталипутра
Пограничный город был,
Защищал пределы царства
И вздымался как оплот.
Правил царством этим Браман,
Что писанья изучил,
И владел великой славой,
И приметы узнавал.
Что к покою иль к несчастью,
Восстает как тайный знак,
Он, смотрящим оком, видел
И разумно разбирал.
В это время царь Магадхи
Известил его, чтоб он
В усиление покоя
Город рвами окопал.
И, окопы эти видя,
Чтимый миром возвестил,
Что благая воля духов —
Сильный городу оплот.
Был обрадован правитель,
Будде он принес дары,
Чтоб Закон почтен был правый,
Вместе с Общиной его.
За ворота городские
Будда вышел, и пошел
Он к реке могучей Гангу,
Чтобы воду перейти.
И правитель, из почтенья
Перед Буддой, повелел,
Чтобы имя «Гаутамы»
Было имя тех ворот.
Между тем народ окрестный
Собирался у воды,
Приносил он приношенья,
Чтоб молитвенность явить.
Предлагал и тот и этот —
Разукрашенный челнок,
Чтобы, реку пересекши,
На другом быть берегу.
Чтимый миром, видя лодки,
Их несчетное число,
Не желая даже вида

Предпочтения явить,—
В миг один, духовной силой,—
Чтоб не ранить столько душ,—
И себя, и сонмы множеств
Через реку перенес.
В этом он означил притчу:
Светлой мудрости ладья
Все живое, что есть в мире,
До Нирваны донесет.
Весь народ, занявший берег,
Вскликнул голосом одним.
Дивным бродом Гаутамы
Это место нареклось.
Как Ворота Гаутамы
Всем известны чрез века,
Так до Брода Гаутамы
Каждый будет доходить.
Дальше шел Владыка мира,
К Котигаме он пришел
И держал к народу слово,
Много душ он обратил.
И до Нádiки дошел он,
Много было там смертей,
И пришли друзья умерших,
Чтобы Будду спросить:
«Где умершие родные?
Наши где теперь друзья?
За оконченную жизнью
Где родиться должно им?»
Будда, зная цепь деяний,
Каждый случай различил,
И, уделы означая,
Он согласно отвечал.
Шел он дальше к Ваисали,
И, вступивши в город тот,
Он в саду прохладном Амры
Задержался на пути.
Амра, имя чье блуждало
В восхвалениях людей,
Наклонилась сердцем к Будде
И пошла в цветущий сад.
В свите женщин проходила,
Побеждая красотой,
Зачарованно глядели
Те, что видели ее.

Самосдержанна, спокойна
И надев простой наряд,
Так по саду проходила
Амра, ведомая всем.
Бросив пышные одежды,
Благовонья и цветы,
Добродетельно ступала,
Приходя в тенистый сад.
Так разумная приходит
Долг молитвы совершить,
Так горит на Небе Дэва
Неземною красотой.
Будда издали увидел
Приближение ее,
Слово к верным обращая,
Так он проповедь держал:
«Эта женщина сияет
Несомненной красотой,
Чаровать она способна
И молитвенных людей.
Так храните ж твердо память,
Мудрость ум ваш да скует!
Это слово говорю вам,
Все запомните его:
Лучше в пасти быть у тигра
Иль на плахе палача,
Чем быть с женщиною вместе,
Вожделению служа.
Тайность чары сделать явной —
Это мысль ее всегда.
Чаровать, сидит, стоит ли,
Иль проходит, или спит.
Если даже на картине
Рисовать ее должны,
Хочет чары все означить,
Чтоб смущать сердца мужчин.
Как же вам оберегаться?
Тем, что будете всегда —
И в слезах ее, и в смехе —
Видеть собственных врагов.
Враг ваш — нежное то тело,
Наклоненное вперед,
И протянутые руки,
И волна ее волос.
Это вражеские сети,

Чтобы сердце уловить,
И распутаны те пряди,
Чтоб запутать ум мужской.
Как же более должны мы
Красоту подозревать,
Распростершую любовность,
Изучившую себя!
В миг, когда она являет
Очерк тела своего
И болтает говорливо,
Дремлет глупый ум мужской.
И тогда какая смута,
Коль раскрашенный тот лик
Скроет скорбь непостоянства,
Шаткость, тень, нечистоту!
Если будешь ведать это,
Все хотение умрет,
И тогда твой разум ясный
Девы Неба не пленят.
Все ж могуча сила хотя
В человеческих сердцах,
Лук да будет наготове
С напряженной тетивой!
Стрелы мудрости точите,
Да не будет пуст колчан,
Светлым шлемом правой мысли
Да покроется чело!
Пять врагов сражай упорно,
В пять желаний метко цель,
Чтоб не смели подступиться
И сознанием завладеть.
И железом раскаленным
Лучше вырвать вам глаза,
Чем на хитрый женский облик
С вожделением смотреть.
Сила хотя ум туманит,
Манит женская краса,
Проживешь и не увидишь
И пойдешь дорогой злой.
Между хотью и предметом
Есть неравенство границ:
Это два вола пред плугом,
Но неравно их ярмо.
Вместе тянут плуг тяжелый,
Но один его влечет,

А другой идет для вида.
Обуздайте же сердца!»
Так сложилось это слово,
Чтобы верных уберечь.
Между тем к Владыке Амра,
Не смущаясь, подошла.
В ней горело состраданье,
Сердце жалости полно,
И подумала, что 'рощу
Примет в дар он от нее.
Самосдержанно и ясно,
Перед Буддой преклонясь,
Тут, у ног Владыки мира,
Место выбрала она.
Он сказал: «Твой облик скромн,
Безыскусственн наряд,
Ты юна, и ты богата,
Ты красива и умна.
Чтоб с подобными дарами
Сердцем так принять Закон,
Это — редкостное дело,
Трудно в мире отыскать.
Коль мужчина копит мудрость
Чрез рожденья вновь и вновь,
Он Закон охотно примет,—
Это можем видеть мы.
Но чтоб женщина, чья мудрость,
Как и воля, коротка,
Столь объята любовью,
Обратилась,— трудный шаг.
На мужчине вся забота,
Сила — он, и радость — он.
Лица женщины да минем,
Сердце в правом соблюдем».
Амра слушала Владыку,
В сердце радость возросла,
Мудрость мысли в ней окрепла,
Озаренья свет горел.
Образ женщины душою
Отвергая от себя,
Гнет желанья ниспровергла,
Мыслям чистым предалась.
Все ж свой женский лик хранила,
Ибо связан был он с ней,
И молитвенно сказала,

Перед Буддой преклоняюсь:
«О Владыка, в состраданьи
Мой смиренный дар прими!
Пусть в неведеньи я темном,—
В том — обет моей души!»
И, ее сердечность зная,
Будда принял этот дар,
И душа ее сияла
В полной радости своей.

23. ПРЕДЕЛ

В это время, средь мощных Лихави,
Пролетела крылатая весть,
Что в стране их Владыка Вселенной,
Что он медлит у Амры в саду.
Поспешили они в колесницах,
Был у каждого собственный знак,
Синий, красный, и желтый, и белый,
Балдахины различных шелков.
И, прибывши к той роще тенистой,
Эти Сильные, имя чье — Львы,
Снявши пять украшений, смиренно
Преклонились пред Буддою все.
Вкруг Учителя — тесные сонмы,
И как Солнце сияет он всем.
Старший Лев, львинооко глядящий,
Без надменности львиной внимал.
Между тем Сакья-Лев начал слово:
«Я с великими здесь говорю,
Но, прошу, отложите мирское
И примите Учения свет.
Красота и богатство — желанны,
Украшенья и запах цветов,
Но нельзя их сравнить с красотой
Прохожденья прямого пути.
Ваши пажити столь плодородны,
Что великая слава вам в том,
Но, чтоб счастье в народе сияло,
Правя им, соблюдайте Закон.
Возлюбивши высокую правду,
Неуклонно ведите народ,
Как ведет многоглавое стадо
Царь быков, через реку идя.

Кто, храня достоверную память,
Все мирское в предельности зрит,
Тот великую силу находит,
Проходя по прямому пути.
Кто проходит по дикой пустыне,
Драгоценные камни найдет,
Их земля породила,— и будет
Прямодушный богат, как земля.
Кто в пустыне мирской сохраняет
Все достоинство светлой души,
Он без крыльев летит чрез пространства,
Через реки плывет без ладьи.
А без этого, как перейдет он
Чрез пороги вскипевших скорбей?
Налетят, заметут водоскаты,
Устремляется яростно скорбь.
Если дерево блещет плодами
И в душистых сияет цветах,
Но топор прорубил основание,—
Как взойти на подрубленный ствол?
Так и тот, кто своей красотою
Или силою здесь знаменит,
Но закон прямо́ты нарушает,—
Он непрочен в основе своей.
И бывали цари, что хранили
Прямоту — в многопышных дворцах,
И отшельник порой лишь ущербы
Прикрывал власяницей своей.
Тот, кто мудр, чистоту соблюдает,
Он идет чрез рождение и смерть,
И вожак ему — верное сердце,
Это всход, чтоб взойти до Небес.
Чтобы лестницы светлой достигнуть,
Самогордость в душе победы,—
Затеняет она и высоты,
Это саван вокруг сердца людей.
Кто стремится к победе над внешним,
Победить не желая себя,
Тот — безумец, что ищет опоры
Не в твердыне,— в гнилом тростнике.
Кто себя отдает вожделенью,
Тот пожару себя предает,
И пожар мы утушим водою,
А хотение — чем потушить?
По сухой травянистой пустыне

Пробегаёт проворный огонь,
Пробежит, отгорит и потухнет,—
Нет молитв, если сердце сожжешь.
От улады к уладе — оковы,
И от жизни до жизни — звено,
Нет врага человеку сильнее,
Чем хотенье, что к Карме ведет.
Вожделенье и гнев искажают
Благородный чарующий лик,
Затемняют красивые очи,
Удушают туманом слепым.
Этот чад затрудняет дыхание,
И из мира он делает то,
Что мгновенно весь мир легковесен
И мгновенно он беден и пуст.
Ни на миг да не царствует гневность,
Тот, кто гневное сердце сдержал,
В мире назван — высокий возница,
Он коня удержал на скаку.
Совершенство его колесница,
И звенит, не порвавшись, узда,
И тугие натянуты вожжи,
Он свершает намеченный путь.
Кто же дикому сердцу даст волю,
Тот сперва свое сердце сожжет,
И к пожару прибавит он ветер,
И опять он горит и горит.
И рождение, и дряхлая старость,
И болезни, и верная смерть,—
Это наши враги, а хотенье
Есть подмога для вражеских войск.
Увидавши, как скорбь многократно
Нападает на мир и теснит,
Воссияем же любящим сердцем,
И любовь будет крепость для нас».
Совершенный, столь сведущий в средствах,
Зная, в чем коренится недуг,
Врачеватель испытанный мира,
Лишь короткое слово сказал.
Услыхавши ту проповедь Будды,
Все привстали могучие Львы
И к ногам его молча припали,
Их на головы ставя свои.
И просили Учителя с Братством
Приношения утром принять.

Но ответил им Будда, что Амра
Уж назавтра его позвала.
И могучие Львы возгордились,
И печалились в сердце они,
Но, поняв беспристрастие Будды,
Ощутили веселье опять.
Совершенный же, миг завершая,
Им навеял, в сердца их, покой.
Так змея, зачарованна, дремлет,
И сверкает ее чешуя.
И теперь, как уж ночь миновала
И явились предвестья зари,
Он направился с верными к Амре,
Чтоб ее угощение принять.
И, оттуда отбывши в Белуву,
Пребывал там все время дождей
И, три месяца там отдохнувши,
В Ваисали вернулся опять.
Близ Прудка Обезьяньего был он,
Там в тенистой он роще сидел,
Изливая потоки сиянья,
Устремляя в потемки лучи.
И проснулся от этого Мара,
Где был Будда, туда он пришел,
И в смирении, сжавши ладони,
Так Учителя он увещал:
«Раньше ты, у реки Найраньджаны,
Завершивши упорную мысль,
Говорил: «Как свершу, что мне нужно,
Так в Нирвану я тотчас прейду».
И отвечивал Маре Учитель:
«Близок час завершений моих,
Вот три месяца только продлятся,
И в Нирвану я, вольный, войду».
И, узнав, что предел свой последний
Совершенный назначил себе,
Преисполнился радостью Мара
И ушел в свой небесный чертог.
Совершенный же, сидя под древом,
Был восхищен восторгом души,
И отверг добровольно свой возраст,
И назначил для жизни конец.
И едва он от лет отказался,
Задрожала в основах Земля,
Содрогнулись границы Вселенной,

Был повсюду великий огонь.
Закачались вершины Сумеру,
Златогорье, как лист, сотряслось,
С Неба падали камни и влага,
Заметелились бури кругом.
Были вырваны с корнем деревья
И, ломаясь, попадали ниц,
И небесная музыка в высях
Сокрушенно рыдала кругом.
От дремоты восторга восставши,
Будда миру спокойно изрек:
«От предела я лет отказался,
Я живу только верой одной.
Это тело — повозка — сломалось,
Приходить — уходить — нет причин,
Я свободен от дней Троемирья⁴⁰,
Я, как птица, исшел из яйца».

24. КАНУН

Чтимый Ананда, увидя
Сотрясение Земли,
Был ужаснут,— сердце в страхе,
Дыбом волосы его.
Он спросил: «Откуда это?»
Будда дал ему ответ:
«Я предел означил жизни,
Месяц трижды истечет,
Остальное отвергаю;
Оттого дрожит Земля».
Слыша это слово Будды,
Горько Ананда рыдал.
Так сандаловое древо
Сокрушает тяжкий слон;
Так текут по капле смолы,
Соскользая по стволу.
И, подумавши о том, что
Мир теряет Светоч свой,
Восскорбев глубоко, дал он
Волю сердцу своему.
«Слышу я, что мой Владыка
Хочет прочь от нас уйти!
Тело слабо, разум слепнет,
В смутном споре вся душа.

Все слова забыты правды,
Пустошь — Небо и Земля!
О, спаси меня, Владыка,
Скоро так не уходи!
Сжался, сжался! Был во тьме я,
Был озябшим, шел к огню,
Вот уж, вот уж приближался,—
Вмиг исчез он и погас.
Я бродил в пустыне дикой,
В страхе путь свой потерял,
Вдруг встает руководитель,—
Чуть увидел, нет его.
Через иссохшую трясину
В жгучей жажде проходил,
Вот мне озеро сверкнуло,
Я спешу,— иссохло все.
И росток сквозь землю бьется,
Хочет выйти, дождь впивать,
Встала туча, встал и ветер,—
Нет дождя, иссох росток.
Те фиалковые очи ⁴¹,
Что пронзали все миры,
Озарили мрак глубокий,—
Миг, и вновь сомкнулся мрак.
Светоч мудрости зажег нам
Совершенный для пути,
И лампада воссияла,—
Миг, и яркий свет погас».
Будда, Ананду услыша,
На слова его скорбел,
Кротким голосом он начал
Побеждать его печаль:
«Если б только люди знали
Точно, в чем природа их,
Скорбь свою бы не ласкали,—
Все, что живо, знает смерть.
Есть во мне освобожденье,
Всем вам путь я указал,
Кто замыслит, тот достигнет,—
Что ж мне тело сохранять?
Дан Закон вам превосходный,
Длиться будет он века.
Я решился. Взор мой смотрит.
В этом все заключено.
В бурном токе этой жизни

Средоточие избрав,
Соблюдайте твердость мысли,
Возносите остров свой.
Кости, кожа, кровь и жилы,
Не считайте это — «Я»,
В этом беглость ощущений,
Пузыри в кипеньи вод.
И, сознавши, что в рожденьи
Только скорбь, как смерть есть скорбь,
Прилепитесь лишь к Нирване,
К Безмятежию души.
Это тело, тело Будды,
Также знает свой предел,
Есть один закон всеместный,
Исключенья — никому». Слыша весть, что Совершенный
В скором времени умрет,
Был смущен народ Лихави,
Собрались в тревоге Львы.
И, обычаю согласно,
Почитание явив,
В стороне они стояли,
Мыслям слов не находя.
Зная, что у них на сердце,
Будда слово к ним сказал:
«Видно мне, что в ваших мыслях
Не мирское в этот час.
Вас смущает то, что ныне
Я решил окончить жизнь
И повторностям рождений
Положил навек конец.
Все, что в мире существует,
Вьется в вихре перемен,
И печать непостоянства
Есть печать всего, что здесь.
Жили в оно время Риши,
Были светлые Цари,
Все прошли, от них осталась
Память бледная одна.
С мест своих нисходят горы,
Отойдут богатыри,
И Луна погаснет с Солнцем,
Сами Боги отойдут.
Будды все, веков минувших,
Что несчетны, как песок,

Воссияли миру светом,
И сгорели как свеча.
Будды все веков грядущих
Так же точно отойдут.
Как же быть мне исключеньем?
Я в Нирвану ухожу.
Но они ушли из мира,
Начертив для мира путь,—
Совершайте же 'благое
В светлый свой черед и вы.
В этих безднах Троемирья
Трудно помощь отыскать,—
Восстанавливайте же плотину
Перед натиском скорбей.
Путь извилин покидая,
Вверх идите прямым,
Как свершает круг свой Солнце,
До закатных гор идя».
С сокрушенными сердцами
Львы пошли к своим домам
И, вздыхая, говорили:
«Этой скорби меры нет!
Золотой горе подобно
Тело светлое его,
И, однако, чрез мгновенье
Рухнет царственный утес.
Силы смерти и рожденья
Были слабы краткий миг,
Но уходит Совершенный,
Где ж опору нам найти?
Мир во тьме глухой был долго,
За бродячим шел огнем,
Солнце мудрости возникло
И уходит,— где наш свет?
Зыбь неведенья вскипела,
Хлещут темные валы,
Мир всецело заливают,—
Где же мост и где паром?
Врачеватель возлюбивший,
Тот, чье снадобье есть мысль,
Исцелитель беспримерный,—
Почему уходит он?
Знамя мудрости высокой,
Знамя светлое любви,
С сердцем, вышитым алмазом,

Ненаглядным для очей,
Стяг небесный, знак прекрасный,—
Для чего ж склоняться ниц?
Для чего ж в одно мгновенье
Оборваться с высоты?»
Сильный нежною любовью,
Совершенный был пронзен,
И пошел, скрепивши сердце,
Как закаливают сталь.
Столько было в нем терпенья,
Было столько в нем любви,
Как в цветке, что наклонился,
Замышляя отцвести.
Так уходят от могилы,
Где любимый схоронен,
И последнее прощанье
Отражается в глазах.

25. ПРОЩАНИЕ

Он уходил, идя к своей Нирване,
А Ваисали было словно место,
Что брошено. Так облачную ночью
На Небесах нет звезд, и нет Луны.
Тот мирный край объят теперь был скорбью:
Так плачет дочь, когда отец отходит,
Изящество ее тогда тускнеет,
И слово замирает на устах.
Когда он жил, тот любящий и мудрый,
Она умом сияла, остротою,
Духовные теперь погасли силы,
И сердце — чуть взнесется — упадет.
Теперь так точно было с Ваисали,
Погас весь блеск, что раньше был наружу:
Так без воды трава, желтея, сохнет
И так дымит затоптанный огонь.
И говорил один из Львов, их главный:
«Отходит ныне Царь людей в Нирвану,
В великое безветренное место,—
А мы опоры нашей лишены.
Мы потеряли ныне твердость воли,
Мы как огонь, лишившийся топлива,
Как жаждущий, что влаги не находит,
Как зябнувший, лишившийся огня.

Лишился мир звезды руководящей,
Болезнь, и смерть, и старость вседовольны,
Они идут пожаром всеохватным, —
Каким дождем зальем мы тот огонь?
Возлюбим же единственную мудрость,
Вспомним, что во всем непостоянство:
Кто это помнит, он, хотя б в дремоте,
Один в ночи есть бодрствующий здесь».
Так эти Львы, лелея мудрость Будды,
Свои сердца к Высокому направляя,
Вздыхали о рождении и смерти,
Грустя в сердцах о Человеке-Льве.
И ныне тот Всеведущий, Всеумудрый,
Назад всем львиным телом обернулся,
И раз еще взглянул на Ваисали,
И вымолвил прощальный этот стих:
«В последний раз, в последний раз я ныне
Навеки ухожу от Ваисали,
Из края, где рождаются герои,
Теперь я ухожу, чтоб умереть».
С неспешностью идя от места к месту,
До Бхóга-Нáгары дошел в пути он,
И отдохнул он там в тенистой роще,
Где слово верным он своим сказал:
«Теперь, свершив свой путь, войду в Нирвану,
А вы Закон великий соблюдайте,
Он ваша высочайшая твердыня,
Когда вы в нем, вы им защищены.
Того держитесь, что вам говорил я,
Что́ с этим несогласно, отвергайте
И не держитесь буквы, а глядите,
Что́ золото и что лишь примесь есть.
Исследовать, в чем истинность основы,
С такой же осмотрительностью должно,
Как драгоценщик выбирает камни,
И золото, чтоб перстень был хорош.
Не знать, что в истом сказано Писаньи,
То значит — жить и медлить в скудоумьи,
Недостодолжно говорить о мудром
Есть то, на что не нужно и смотреть.
Кто меч берет неловкою рукою,
Тот только ранит собственную руку,
И кто в ночи дорогу ищет к дому,
Тот должен в темноте острить свой взор.
Утратишь смысл — Закон в несоблюденьи,

Не соблюдешь Закон — и разум спутан,
Итак, кто мудр, тот в слово смотрит зорко,
Всегда ища — смысл истинный найти».
Сказавши так, пошел он в город Пáву,
Там жил народ, носивший имя Сильных.
Был некто там, чье имя было Чунда,
Он Будду тотчас пригласил в свой дом.
В последний раз там Будда принял пищу.
Тем, кто там был, сказав слова Закона,
Он отбыл в некий град Кушинагару
И там в тенистой роще отдохнул.
В златой реке он искупал там тело,
Что как утес сияло золотистый,
И Ананде так повелел он, выйдя:
«Вот здесь, меж этих двух плакучих ив,
Очисти место, постели циновку,
Час полночи придет, уйду в Нирвану».
У Ананды дыхание пресеклось,
Но он веленье выполнил, в слезах.
Циновку разостлал, и Совершенный,
На правый бок, лег головой на Север
И спал, как Львиный царь, скрестивши ноги,
Как на подушке, на своей руке.
Вся скорбь прешла. Изношенное тело
Последний сон в тени дерев приняло.
А верные, собравшись в круг, вздыхали:
«Погасло око Мира, умер Свет!»
Ручьи притихли, ветер притаился,
Умолкли птицы, замолчали звери,
И крупные с дерев сочились капли,
До срока листья падали с ветвей.
Цветы, склонив головки, увядали,
Меж тем как Небожители и люди,
Еще желаний полные, дрожали,
И ими овладел захватный страх.
Так путники в пустыне путь опасный
Свершают и глядят, кругом — бесплодно,
И далеко родимое селенье,
И страшно им: «Что, если не дойдут?»
От сна тут Совершенный пробудился
И Ананде сказал: «Иди и молви
Народу Сильных, что моя Нирвана
Близка, пускай придут в последний раз».
И Ананда пошел, скорбя и плача.
Весть передал: «Владыка близок к смерти».

И Сильные, слова его услыша,
Великий ощутили в сердце страх.
Толпы мужчин и женщин поспешили
В ту рошу, где был Будда меж деревьев,
Пришли они в растерзанных одеждах,
В пыли и в прахе, в скорби и в слезах.
С рыданием к ногам припали Будды.
Но Совершенный им сказал спокойно
«Не сетуйте. Час радости есть ныне,
Не призывайте скорбь сюда и страх.
К чему стремился я в веках минувших,
Я это получу через мгновенье,
Освобожден от пут, теснящих чувства,
Иду туда, где миру нет конца.
Вещественность я эту оставляю,
Огонь и Воздух, круг Земли и Воду,
Туда, где смерти нет и нет рожденья,
Я в достоверный ухожу покой.
Навек освобожденный от печали,—
Скажите мне,— зачем скорбеть я стал бы?
Близ Гайи, на горе высокой Сирше,
От тела я избавиться хотел.
Когда-то. Но дабы свершить удел мой,
Доныне пребывал с людьми я в мире,
И сохранял болезненное тело,
И жил, как с ядовитой жил змеей.
Но ныне я пришел к успокоенью,
Замкнулись ныне все истоки скорби,
Уж никогда не получу я тела,
Не надлежит скорбеть вам обо мне».
Но Сильные, услыша слово Будды,
Что он идет к великому покою,
Смутились так, что их глаза затмились,
Ослепший взор лишь видел черноту.
И, сжав ладони, так сказали Будде
«Боль смерти и рожденья оставляя,
Уходит Будда к вечному покою,
И этому мы радуемся с ним.
Пусть дом сгорел,— нам радоваться должно,
Когда друзья в пожаре не погибли,
И, может быть, ликуют сами Боги,
И вдвое люди ликовать должны.
Но если Совершенный удалился,
И больше зрим — тем, кто живет,— не будет,
И будет скрыт от нас источник светлый,

Как можем мы об этом не скорбеть?
Среди Пустынь проходят караваны,
И осторожен каждый шаг идущих,
Вожак один у них для всей толпы их,—
И вдруг он умер, как же не скорбеть?
Узнали правду люди дней текущих,
Всеведущего видели живого,
Но не достигли до победы полной,—
И мир своей насмешкой встретит их!
Смеются так над тем, кто через горы
Идет, где много скрытых есть сокровищ,
Но он об этом золоте не знает
И обнимает нищий свой удел».
Так Сильные пред Буддою искали
Своим слезам и скорби оправданье;
Так пред отцом порой ребенок плачет.
И Будда кротко к ним заговорил:
«Ища пути, старайтесь неустанно,
Меня увидеть — это не довольно,
Я указал дорогу вам — идите,
Освободитесь от силков скорбей.
Раз выбрав цель, не отступайтесь цели,
Достигнете ее не тем, что буду
Я виден вам,— кто хочет быть здоровым,
Тот может быть здоровым без врача.
Кто не свершает то, что повелел я,
Меня напрасно будет этот видеть:
Кто от меня вдали Закон свершает,
Тот постоянно около меня.
Заботливо в свое глядите сердце,
Да не находит места в нем оплошность,
Жизнь человека — что свеча под ветром,
Следи — и ночь тебя не обоймет».
Ту проповедь любовную услыша,
Сдержав рыданье, Сильные притихли
И, твердость обретя в самосознании,
Спокойные, пошли в свои дома.

26. НИРВАНА

Был Брамачарин там некий,
Чистою жизнью известный,
Все он живое лелеял,
Звался Субхадрою он.

Меж лжеучителей был он
Смолоду очень отмечен,
Ныне ж, к Владыке стремяся,
Ананде так говорил:
«Мудрость, что дал Совершенный,
Слышу я, трудно измерить.
Самый искусный, меж всеми,
Он укротитель коней.
Слышу я также, что ныне
Он достигает Нирваны,
Трудно его будет видеть,
Трудно увидеть и тех,
Кто его с трудностью видел,—
В зеркале Месяц не схватишь,
В озере мы не ухватим
И отражение Луны.
И потому я желаю,
Полный почтительным чувством,
От жизнесмерти спасаясь,
Светлого видеть Вождя.
Солнце Высокого гаснет,
Дай мне, на миг, его видеть!»
Ананда очень смущен был,
Как поступить, он не знал.
Думал он так о Субхадре:
«Верно, замыслил он спорить,
Может быть, в сердце ликует,
Будды предчувствуя смерть».
Встрече хотел помешать он,
Будда же, в сердце читая,
Молвил: «Я людям — спасенье,
Пусть лжеучитель придет».
Это услыша, Субхадра,
Радостью светлой исполнен,
В сердце вдвойне озарился,
Мудрость готов был принять.
Был он сосудом, готовым
Для восприятия Закона,
Будда смягчил его жажду,
Восемь путей указав.
Освобожденье увидя,
Пути свои порывая,
Он заблужденья отбросил,
Берег другой увидал.
Сердце его расширилось,

Кончилась эта беседа,
Молча на спящего Будду
Долго он, долго смотрел.
Думал: «Чрез малость мгновений
Будда окончит предел свой,
Мир этот первый оставлю,
Мир этот вовсе погас».
Сжавши ладони, отшел он
От совершенного лика,
Сел в стороне, самосдержан,
Лет истечение отверг.
И достигнул он Нирваны
Светлым путем отречения,—
Малый костер так погашен
Брызгами ливня с Небес.
Будда сказал своим верным:
«Вот ученик мой последний,
Он уж в Нирване! Любите
Память о нем навсегда».
Первая кончилась смена
Ночи, одетой звездами,
Все они ясно сияли,
Ярко горела Луна.
Не было в роще ни звука,
И, проникаясь великим
К ученикам состраданьем,
Будда им всем завещал:
«Вот, достигну я Нирваны,
Чтите ее,— и за мною,
Вы достигайте Нирваны,
Это светильник в Ночи.
Камень ее самоцветный —
Клад человеку, что беден.
Что повелел вам, блюдите,
Путь ваш — дорога моя.
Не избирайте другого.
Тело, и мысли, и слово
Вы в чистоте соблюдайте,
Жизнь вашу чистой храня.
От накопленья богатства
В днях вы своих воздержитесь,
Не наполняйте амбары,
Не умножайте стада.
Чара домов и поместий
Да не пленяет вас в мире:

Это колодезь горячий,
Нужно бежать от него.
Не вовлекайтесь в гаданье,
Звездочитанье уделов,
Предвосхищение судеб,
Это — запретное есть.
Лжи и притворства бегите,
Следуйте правой дорогой.
Будьте благими к живому,
Это — мой краткий завет.
Это — основа Ученья,
Путь к просветленной свободе,
Это охватная мудрость,
Путь, чтоб достигнуть конца.
Это блюдя, укротите
Токи животного чувства,
Ибо так правит стадами,
Знающий путь свой, пастух.
Если же чувства не сдержишь,
Это есть конь разъяренный,
Все он пространство измерит,
Нагромождая беду.
Мудрый обходит овраги,
И уклоняется тигра,
И не играет с змеею,
И не вбегает в пожар.
И за глоток наслажденья —
Пропasti он не желает,
Легкого сердца боится,
Этого лишь одного.
Видели вы обезьяну,
Как она в лес убегает?
Вот — это легкое сердце,
Мудрый удержит его.
Если же сердце отпустишь,
Не досягнешь до Нирваны.
Знайте же точную меру,
В тихое место уйдя.
Будьте умеренны в пище:
Если сломалась повозка,
Быстро колеса поправьте,
Без промедления — в путь.
Видели вы, над цветами
Как мотылек пролетает?
Чуть лишь коснется — и будет,

Не нарушает цветка.
Пищи прося, принимайте
Все, что дадут, благодарно,
Не истощайте щедроты,
Да не исчезнут совсем.
Утром, и в полдень, и ночью
Дело благое свершайте,
Пусть в изменениях суток
Сердце пребудет одним.
В первую смену ночную
Не отдавайтесь дремоте,
После усните спокойно,
К утру проснитесь светло.
Кто отдается дремоте,
Сонные ужасы кормит,
Смерть стережет постоянно,
Схватит — добыча в плену.
Чарой змеиною можно
Выманить из дому змея.
Рано проснешься — из сердца
Черная жаба уйдет.
Если кто тело чужое
Острым мечом рассекает, —
Гневная мысль да не встанет,
Злое не молвят уста.
Гневное слово и мысли
Ранят лишь вас, не другого,
Молча претерпишь мученье,
Это — победа побед.
Гнев красоту разрушает,
Уничтожает заслуги,
Если ж разгневался мудрый,
Это — огонь есть во льду.
Лености темной бегите.
Есть ли для лености место,
Если к живущим погибель
Всюду угрозно идет!
Льстивая речь и обманы,
Это — как бы волхованья,
Тот, в ком молитвенно сердце,
Любит прямые пути.
Тихим довольствуйтесь малым,
В малом — сокровище богатства
Если кто малым доволен,
Радость небесная с ним.

Связу семьи не скрепляйте:
Если на ветке чрезмерность
Птиц, прилетевших и севших,
Ветка склоняется ниц.
Раз многочисленны узы,
Будешь запутан ты в сети:
Старый так слон погрязает
В топи болотной, лесу.
Ночью ли, днем¹ ли, старайтесь,
Это великое дело:
Малые горные речки
Могут громаду изрыть.
Друг благодетельный — благо,
Все ж он не может сравниться
С правою мыслью, что крепко
В собственном удержишь уме.
Правильный помысл есть панцирь,
В правильной вере — оружие:
Если подступится злое,
Нет ему доступа тут.
В Море рожденья и смерти,
Мудрость — челнок есть проворный,
Мудрость — живая лампада,
Светоч над глыбами тьмы.
Мудрость — целебное средство,
Острый топор для деревьев
Тех, что колючею сетью
Путь заграждают тебе.
Вносятся зыби незнания,
Мечутся волны хотенья,
Выше их — мост лучезарный,
Мудрость, дорога умов.
Дело любви завершил я,
Светлую цель не теряйте.
Если же что вам неясно,
Вы спросите меня».
Все сохраняли молчанье,
И Анурудда промолвил:
«Может Луна раскалиться,
Солнце прохладу узнать,
Ветер проворный стать тихим,
Твердость Земли стать подвижной,—
Но не возникнет сомненье
В этих сердцах никогда.
Все ж мы скорбим, оттого что

Вот, умирает Учитель,
И вознести наши мысли
Нам невозможно сейчас.
Мы только любим, печалясь,
Знаем, как сильно мы любим,
И вопрошаем: «Зачем же
Будда так скоро уйдет?»
На говорившего глянув,
Будда увидел всю горечь,
Снова он с любящим сердцем
Так, утешая, сказал:
«Было в начале все твердым,
Но, пошатнувшись, расселось,
И сочетанья возникли,
Непостоянства, борьба.
Но согласованность встанет,
В замыслах разных взаимность,—
Что ж тогда Хаосу делать,
Где тогда творчеству быть!
Боги и люди, которым
Надо спастись,— все спасутся!
Верные, помните слово:
Будет всеобщий конец.
Час разрушенья Вселенной!
Так не скорбите же тщетно,
К дому стремитесь такому,
Где разлучения нет.
Мудрости светоч зажег я,
Этим только лучами
Можно развеять весь сумрак,
Саван, окутавший мир.
Мир закреплен не навеки.
Радуйтесь, ежели друг ваш,
Бывший в смертельной болезни,
Боли навек избежал.
Тело больное я бросил,
Ток жизнесмерти я запер,
Волен теперь я навеки,
Радуйтесь вместе со мной!
И соблюдайте сознание.
Что существует — исчезнет.
Вот я теперь умираю.
Это последний завет!»
Первой достигши дхианы,
В радость восторга вступил он,

И через девять, в порядке,
Он постепенно прошел.
После назад воротился,
В первую снова вступил он,
И, вознесенный, в четвертой
Он задержался на миг.
Тут достигнул он Нирваны.
Умер. Земля содрогнулась,
В воздухе всюду' струился
Пламенный дождь из огня.
И от земли, восьмикратный,
Пламень подъялся повсюду,
Пламени эти взметались,
Вплоть до Небесных Жилищ.
Гром прокатился по Небу,
Гром по горам и долинам,
Словно Асуры и Дэвы
Бурный затеяли бой.
От четырех отдалений
Мощной Земли поднимаясь,
Бурные ветры столкнулись,
Пепел с холмов упал.
Солнце и Месяц померкли,
Речки надулись в потоки,
Чащи лесные дрожали,
Словно осиновый лист.
Листья, сорвавшись до срока,
Мчались дождем над землею,
Слезы струили драконы
На смоляных облаках,
Чистые Дэвы, спустившись,
Медлили в воздухе среднем,
Скорби и радости чужды,
Тихо о смерти грустя.
Духи же Неба другие,
Сердцем поникнув, скорбели
И, принося приношенья,
Сверху роняли цветы.
Радостен был только Мара,
Он ликовал в отдалении,
Музыки громкие звуки
Оповещали о том.
Остров Вселенной, лишенный
Самой блистательной славы,
Был как гора без вершины,

Был словно слон без клыков,
Бык был — рога потерявший,
Темное Небо — без Солнца,
Лилия, смятая бурей.—
Умер Учитель. Ушел.

27. ВОСХВАЛЕНИЕ

В это время светлый Дэвапутра
Пролетал в блестящий свой дворец,
Вкруг него сияло в тверди синей
Десять сотен белых лебедей.
Во вниманье ко вселенским Дэвам,
Дэвапутра этот стих пропел:
«Царствует в мирах непостоянство,
Вмиг рождается все, и вмиг умрет.
Свет над током скорби — лишь Нирвана,
Верно — лишь Безветрие души.
Все нагроможденья дел и Кармы
Только пламень мудрости сожжет.
Слава дел, как дым, восходит к Небу,
В свой черед дожди потушат все,
Как в мирах огонь круговоротов
Будет смыт потоком в крайний миг».
Так же был там Брама-Риши-Дэва,
Пребывавший в синих Небесах,
Он, блаженный, воздохнул хваленья,
О Нирване стройный стих пропел:
«Кто заглянет в тайны Троемирья,
Видит гибель как удел всего.
Но провидец видит в мире дальше,
Все живое он один спасет.
Только в нем одном освобожденье,
Он непостоянство победил.
Но, увы, царит неверье в мире,
И не видит мир, как светел Свет».
В это время, сильный Анурудда,—
Тот, кого остановить нельзя,—
Воздохнул над током жизнесмерти,
И Нирване стройный стих пропел:
«Все живое — в сумраке незрячем,
Тает все, как гряды облаков,
Мудрый не уцепится за это,
Палица превратности сильна.

Сильный слон, из всех могучий Риши,
Может быть ограблен этим львом.
Только Совершенный стяг алмазный
Смог победоносно вознести.
Но, подобно той венчанной птице,
Что в прудках хватает хитрых змей,
Если же прудки совсем иссохли,
Умирает, кончив свой удел,—
И коню подобно, что бесстрашно,
Слыша бранный рог, стремится в бой,
Если же окончено сражение,
Притихает весь, домой идя,—
Совершив свой замысел, Учитель
До Нирваны держит верный путь,—
Вышел Месяц, пролил свет живому,
И ушел. И Златогорьем скрыт.
Горною Обителью Нирваны
Блеск благой Высокого сокрыт,
Семь коней искусного Возницы,
Светлого от взоров унесли.
Сурья-Дэва, лик взнесенный Солнца,
В подземельи, с яркою Луной.
Пять ворот тяжелых их замкнули,
Все живое света лишено.
Все приносят приношенья Небу,
Но от жертв лишь всходит черный дым: —
Так ушел, в сияньи, Совершенный,
И не видит мир тот вышний свет.
Долго ждал любви он настоящей,
Редко встретишь верную любовь,
Здесь любовь достигла до предела,—
И ушел любимый, нет его.
Путы скорби твердо он содвинул,
Мы нашли единый верный путь,
Но ушел в Обитель он Покоя,
И грозит запутанный узор.
Эту пыль земного тоскованья
Он смывал живой своей водой,
Но замкнулась чистая криница,
Не вернется больше он сюда.
Все ж текут лучистые потоки,
Миру завещал он тишину,
И сияет блеск нагроможденный,
Может каждый жаждущий испить.

Но Спаситель мира, бывший в мире,
Отошел, и больше нет его,
Срезана высокая надежда,
И дыханье жизни — где оно?
Кто придет, как любящий отец, к нам,
Кто утешит в нашей скорби нас?
Конь, когда владыку переменит,
Всю свою теряет красоту.
Мир без Будды точно царь без царства,
Точно сонмы войска без вождя,
Точно без врача больной, что страждет,
Точно караван без вожака!
Точно звезды без Луны блестящей,
И любовь, без силы больше жить!
Так без Будды мир осиротевший.
Умер наш Учитель. Нет его!»

Весть достигла до народа Сильных,
Что в Нирвану Будда отошел.
Плач поднялся, крики, вопли, стоны,—
Сокол пал на стаю журавлей.
Всей толпой пришли туда, где ивы,
Чтоб взглянуть, как спит он долгим сном.
Этот лик уж больше не проснется,—
И, тоскуя, били в грудь себя.
И один из Сильных молвил скорбно:
«Ради человека стяг подняв,
Он вознес Закон, сияло знамя,
Миг один — и пал блестящий стяг.
Тысячи лучей росли в сверканы,
Ведение высшее росло,
Рассеваясь, мрак бежал от света,—
Почему ж опять приходит тьма?
В миг один высокий мост разрушен.
Жизнесмерть кипит, как водопад,
Бешенство, сомнение и страсти,
Плоть объята,— больше нет пути».
Так скорбя, рыдал народ Могучих:
Кто лежал простертый на земле,
Кто стоял, потерян в размышленьях,
Кто стонал, не в силах боль сдержать.
Вышитое серебром и златом,
Ложе приготовили ему,
Тело Совершенного сложили
Между благовоний и цветов.

Балдахин над ним вознесся пышный,
В самоцветных яхонтах горя,
Вышитые веяли знамена,
Пляски похоронные вились.
Пели похоронные напевы,
Приношенья были вдоль пути.
Дэвы с Неба лили дождь цветочный,
Музыка звучала в Небесах.
Деревя сандалового взяли,
Тело Будды было на костре,
Масло благовонное излили
И костер три раза обошли.
Но, хотя огонь и прилагали,
Не хотел гореть костер его.
В это время весть до Касиапы
О кончине Будды донеслась.
И пошел он в путь из Раджагриги,
И, чтоб мог он светлый лик узреть,
Не хотел тогда костер зажечься,
Он пришел — и брызнули огни.
И горел в куреньях благовонных
Тот костер. Сгорело тело все,
Только кость алмазная осталась,—
Лишь останки правды не горят.
В золотой кувшин их положили,
И ничто алмаз не сокрушит,
И не сдвинешь Златогорье мысли,
И останки Будды век живут.
Птица златокрылая не стронет
То, что в золотой кувшин вошло.
И пока Вселенная пребудет,—
До конца останутся они.
Чудо! Человек исполнить может
Весь закон Безветрия души:
Как призыв, в просторах дальних мира
Имя лучезарное звучит.
И покуда катятся столетья,
Долгая Нирвана, через них,
Через те священные останки,
Будет миру свет свой проливать.
Будет озарять жилища жизни!
Он в единый миг свой блеск затмил,
Но сосуд златой, сияя мудро,
Может гору скорби сокрушить.
И, смирившись, тот народ Могучих,

Несравненный люд Богатырей ⁴²,
Весь любовью был горячей спаян,
И изгнал из душ своих вражду.
В город свой вошли скорбя, но тихо,
И останки светлые неся,
И останки не внесли на башню,
В почитанье Дэвам и земным.

28. БЛАГО МИРА

Так останки почитая,
Каждый день Богатыри
Приносили приношенья,
Благовонья и цветы.
Семь царей, из стран различных,
Весть кончины услышав,
Чрез послов, просили Сильных
Те останки разделить.
Но Могучие сказали,
Духом бранным возгорясь:
«Мы скорей простимся с жизнью,
Чем останки Будды дать».
Так послы ни с чем вернулись,
И во гневе семь царей
Тучу войска сгромоздили
И направились в поход.
Город Сильных окружили
Колесницы и слоны,
Все окрест — сады, деревни,
Водоемы и поля —
Было вытоптано войском,
Что пришло, как саранча,
Ничего не оставляя,
Там, где, темное, прошло.
С городских высоких башен
Вниз смотря, Богатыри
Увидали разрушенье
И готовить стали бой.
Вот наладили орудья,
Чтобы камни вдаль метать,
Чтобы факелов летучих
Во врагов стремить огни.
Семь царей, в своих окопах,
Окружили город тот.

В каждом войске дышит храбрость,
Барабан гремит, как гром.
И уж Сильные готовы
Бой убийственный начать,
В это время некий Браман,
Дрона, так царям сказал:
«Посмотрите, стены крепки,
Защитит их — и один.
Если ж многие столпились,
Как их можно покорить?
Стук мечей — кровавый подвиг,
Многим гибель тут грозит,
И каков исход ни будет,
Смерть промчится с двух сторон.
Победить сильнейший может,
Может слабый победить.
Презирай змею, но тело,
Раз в нем яд, спасешь ли как?
Место кроткого как будто
Между женщин и детей,
Но в ряды его зачисли,
Будет доблестный боец.
И врага сомнувши силой,
Увеличишь в нем вражду:
Покоришь его любовью —
Жатва скорби не взойдет.
Этот спор — лишь жажда крови,
Допустить его нельзя!
Раз почтить хотите Будду —
Знайте сдержанность, как он!»
Так, любя основы мира,
Смелый Браман говорил,
Веря в правду, он не ведал
Колебаний никаких.
Семь царей ответ держали:
«Мы насилию враги,
Но не низкое желанье
Нами властвует теперь.
Ради правого закона
Мы вступить готовы в бой.
Мы священные останки
Надлежаще чтить хотим.
Из-за женщины красивой
Был не раз смертельный бой,—
Сколь же больше нужно биться,

Чтоб Учителя почтить!
Не щадя ни сил, ни жизней,
Мы, коль нужно, в бой пойдем,—
Драгоценные останки
Мы молельно чтить хотим.
Если спора не хотите,
Разделите их меж нас.
Мы же гнев на время сдержим,
Как от чары спит змея».
Говорил к Могучим Дрона:
«Там, за городом цари,
Их доспехи словно Солнце,
Гнев разбужен в них, как лев.
Разгромить готовы город,
Но, боясь неправоты,
В бой вступая из-за веры,
Так гласят через меня:
«Мы пришли не денег ради,
И земель мы не хотим,
Не надменное в нас чувство
И не помыслы вражды.
Мы великого чтим Риши,
Наш почет есть ваш почет,
Значит, мы в моленьях братья,
Ищем мы духовных благ.
Громоздит богатства — скупость,
Непростительна вина.
Сколь же более преступно —
Благ духовных не давать!
Мы почтить хотим останки,
Разделите ж с нами их.
Если ж чести лишены вы,
Приготовьтесь в бой вступить!»
От себя же я прибавлю:
Будда, как покой узнал,
Всем, любя, желал покоя.
Разделите светлый дар!»
Дрона передал посланье
И Могучих убедил,
Имя Будды победило,
Свет, исполненный любви,
Конь, дорогу потерявший,
Стройно так идет опять,
Если видящий возница
Путь ему предначертал.

Лучезарные останки
Между всеми разделив,
Часть восьмую сохранили,
Семь же отдали царям.
Каждый царь, свой дар священный
Поместив на голове,
В край родимый воротился
И Святилище воздвиг.
Брамачарин же у Сильных
Попросил златой кувшин,
И от тех царей обломок
Он останков получил.
Это взявши, он часовню
Благодатную воздвиг,
И доднесь еще зовется
Этот храм — Златой Кувшин.
Люди все Кушинагары,
Прах сожжения собрав,
Храм воздвигли в этом месте,
Он зовется — Прах Святой.
Это первые святыни,
Что воздвиглись на земле.
Ими в первый раз молельно
Остров мира воссиял.
Много верных приходило,
Чтоб украсить храмы те,
И, как горы золотые,
Вознеслись они светло.
Слово точное Закона,
На Соборе Пятисот⁴³,
Чтобы верно сохранялось,
Было в запись внесено.
И великий царь Асока,
Что жестоким раньше был,
Свет увидев, озарился
И Закон распространял.
Как есть дерево Асока,
Что кончается цветком,
Он над островом Вселенной
Светом правды воссиял.
И, святыни созидая,
Беспримерно щедрым был:
Восемь он десятков тысяч
Башен в день один воздвиг.
Тот, кто звался Совершенный,

Он в Нирване навсегда,
Но священные останки
Светят миру до сих пор.
Кто, живя, осуществляет
Совершеннейший Закон,
Он в немеркнувшее место
За Высоким отойдет.
Потому-то, без изъятия,
Сердцем светоч увидав,
Небожители, земные
Будут чтить его всегда.
Будем чтить того, кто сердцем
Сострадательным любил
И достиг высокой правды,
Чтоб избавить всех живых.
Боль рождения и смерти
Им навек побеждена,
Он скопления страданья
Отодвинул ото всех.
Показавшего дорогу
Как не будем мы любить?
Цепи снявшего с печальных,
Как не будем чтить его?
Чтоб воспеть его деянья,
Свет единый вознести,
Опираясь на Писанья,
Духом в Летопись смотря,—
Не для личного почета,
Не ища себе наград,
Сердцем видя Благо Мира,
Эту песню я пропел.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В издании 1913 г. в качестве приложения был приведен перевод четырех глав — «Четыре главы из первичной «Жизни Будды» Асвагхоши. 1-я, 2-я, 3-я, 13-я согласно с санскритским текстом».

Можно полагать, что этот замысел был Бальмонту подсказан Сильвэном Леви. Перевод этих глав был, конечно, сделан поэтом не с санскрита, а с английского *, хотя не исключено, что переводчик мог пользоваться консультациями, советами и помощью французского ученого. Основное содержание переведенных Бальмонтом глав «первичного текста» не расходится с версией Дхармаракши; имеющиеся отличия не носят принципиального характера. Поэтому представляется целесообразным привести перевод только одной главы — второй (Бальмонт называет ее «Юность», Э. Джонстон — «Жизнь во дворце») **.

Тем, кто специально заинтересуется санскритским оригиналом, советуем обратиться к книге Э. Джонстона (текст и английский перевод) ***.

* E. B. Cowell. The Buddha-karita of Asvaghosha.— Sacred Books of the East, vol. XLIX. Oxford, 1893.

** Санскритский текст первой главы сохранился не полностью.

*** The Buddhacarita or, Acts of the Buddha. pt. I — Sanskrit edited by E. H. Johnston, pt. II — Cantos — I—XIV translated from the original Sanskrit supplemented by the Tibetan version by E. H. Johnston. 2 edition. New Delhi, 1972.

2. ЮНОСТЬ

Со времени рожденья сына,
Что, над самим собой Владыка,
Был должен, к благу всех живущих,
Смерть и рождение прекратить, —
Царь видел благ приумноженье,
Слоны и коны вдруг являлись,
Как в дни разлива вдвое шире
Течение царственной реки.
Царь находил неожиданно клады
Таких сокровищ драгоценных,
Таких богатств неисчислимых,
Каких и в мыслях не имел.
Слоны, которых не сумел бы
Никто смирить в их рьяном нраве,
Сошли с вершины гор окружающих
Явить услужливость свою.
Конями полон был весь город,
Одни в различных украшениях,
С златою сбруей, а другие
Сияли гривой одной.
И было много плодоносных
Коров, чье вымя было полно,
По нраву кротких, не свирепых,
И с превосходным молоком.
Кто был врагом, стал равнодушен,
А равнодушие стало дружбой,
Друзья особенно сплотились,
И стало вместо двух одно.
В срок должный дождик шел приятный,
Гирлянды молний были в тучах,
И ветерки дышали кротко,
И на поля не падал град.
В свой должный срок поспела жатва —
И там, где не было запашки,
Растенья старые окрепли,
В них юный был, богатый сок.
Те женщины, к которым время
Пришло, подобное сраженью,
Без всякой боли разрешились
От бремени совсем легко.
И если даже у богатых
Просить услуги неприятно,
В то время каждый, даже бедный,

Легко — просившему — давал.
Ни воровства, ни злодеяний,
Ни нарушенья договоров,
Ни жесткой сухости друг к другу,
Ни оскорблений никаких.
Желавшие заслуг почтенных
В благих деяньях отличались,
Сады и храмы созидали,
Обитатели — приют другим.
Народ, от голода свободный,
Не зная страха и болезни,
Счастливый жил, как будто в Небе,
В семействах дружно было все.
И чувственности не служили,
И прихотям не отдавались,
И ради жертвоприношенья —
Живым не причиняли вред.
Все было тихо, было мирно,
Благополучие повсюду,
И в городах дышала радость,
Как в нетревожимых лесах.
Когда родился тот царевич,
Как бы вернулось царство Ману,
Как будто благостный сын Солнца
Опять для радости царил.
Такая всюду завершенность,
Что царь царевичу дал имя
Сарвартхасиддха — Тот, Которым
Все к Завершенности пришло.
Но, видя эту славу сына,
Царица Майя, не умея
Восторга вынести, удалилась
На Небо, чтоб не умереть.
Сестра царицы, в материнстве
Подобная сестре отшедшей,
Царевича, любя, взрастила,
Как будто сына своего.
И в совершенствах возрастал он,
Как Солнце на горе Восточной,
Иль как Огонь в дыханьи ветра,
Иль двухнедельная Луна.
Сандаля ценных благовоний
Ему в подарок приносили,
И жемчугов несли гирлянды,
Коляски, а в упряжке — лань.

Игрушки, свойственные детству,
Слонов из золота, а также
Коней златых, быков, повозки
Из золота и серебра.
Так окружен всем тем, что может
Ребенку быть приятно в детстве,
Он не ребенком был по мысли,
Достоинству и чистоте.
Когда стал юношей царевич,
В немного дней он все усвоил,
Что знатным ведать полагалось,
Что узнают в теченьи лет.
Но, услышавши от провидца,
Что мудрости царевич будет
Искать,— старался царь, в тревоге,
К уладам склонить его.
Потом в семье он превосходной
Нашел царевичу невесту,
Ясодхара была красива,
Умна, изящна и скромна.
«Он может что-нибудь увидеть,
Что юный ум смутит, пожалуй»,—
Так мысля, царь ему построил
В уединении чертог.
Там проводил свое он время,
Как облако, в лучах сияя,
Средь надлежащих развлечений,
И пели женщины ему.
Звучали нежно тамбурины,
И словно пляски дев небесных
В покоях пышных проплывали,
Дворец сиял, как выси гор.
Пленяли женщины напевом,
И красотой, и жемчугами,
И шаловливым опьяненьем,
И быстрым взглядом скрытых глаз.
И раз, в безудержной забаве,
Упал он с кровли павильона,
Но наземь он не пал,— как мудрый,
В небесной колеснице был.
И так сошел от тех искусниц
Во всех путях улад любовных,
Царь между тем был успокоен,
Был самодержанно-благим,
Он в чувственность не вовлекался,

Не отдавался наслаждениям,
Конями чувств он твердо правил
И в благости превысил всех.
Не изучал он вредных знаний,
Лишь в благотворных подвизался,
И блага всем желал он людям,
Как верным подданным своим.
Служил усердно богу Агни,
Во имя долголетия сына,
Широкий пламень разгорался
От возлияний без числа.
Коров и золото давал он
Браминам; в чистых водах тело
Купал; пил Сомы сок священный,
Согласно с повеленьем Вед.
Приятное лишь говорил он
И что полезно есть для сердца:
Того, что жестко или ложно,
Он неизменно избегал.
Что́ нужно было сделать, делал,
Приятно или неприятно,
Осуществлял, что́ надлежало,
Не слишком жертву он ценил.
Коль кто с ходатайством являлся,
Он жажду утолял немедля,
Коль кто был горд и вызывающ,
Его он тотчас умерял.
Преступников, хотя бы к смерти
Он присуждал, все ж не казнил он,
Но исправлял их добрым словом
И на свободу отпускал.
Все то, что древние провидцы
Установили, исполнял он
И, добродетелью сияя,
Страстей заразу отвергал.
Такого видя самодержца,
Ему и слуги подражали,
И подданные не напрасно
Пример имели пред собой.
И у Ясодхары прелестной,
Красивогрудой, в срок законный,
Сын Рагула родился, нежный,
И солнцелик, и лунолик.
Царь, в жажде долголетия роду,
Обрадован был чрезвычайно.

«Хотел бы чувствовать — что в сердце
У сына к внуку моему!»
Так говорил он, и, свершая
Обряды, в белое оделся,
И, жертвы принося, не делал
Вреда живым он существам.
Сияя в царственности мудрой,
Он быть хотел подобен Солнцу
И был как Бог, который древле
Творить замыслил существа.
Оружье отложив, он думал
О правом бытии спокойно,
И был для всех своих владений
Он словно любящий отец.
Лелеял царство — ради сына,
А сына — для семьи, семью же —
Для славы, славу же — для Неба,
А выси Неба — для души.
Душе желал он продолженья —
Во имя долга. И себе он
Твердил: «Увидев сына, сын мой
Как может быть удержан здесь?»
Цари разумные, в заботах,
Блюдут за сыновьями твердо;
А он, молитвенный, для сына
Искал услад, а не молитв.
Но Бодгисаттвы все, узнавши
Мирских восторгов вкус и сладость,
Как только сын у них родился,
Молиться уходили в лес.
Так он, свершив предназначенье,
Свои исчерпав воплощенья,
Все ж ведал радости, покуда
Срок высшей мудрости придет.

ПРИМЕЧАНИЯ *

¹ *Царь Сикья.*— Имеется в виду правитель шакьев. См. словарь.

² *Освобождение* (мокша), то есть избавление от рождений и смертей в круговороте бытия (сансара),— центральная категория всей индийской сотериологии.

³ *Рожденный дважды.*— Так именовались представители трех высших варн: брахманы, кшатрии и вайшьи (прежде всего первые). Именование связано с тем, что, в отличие от шудр и других «низкокастовых», они проходили обряд инициации (упанаяна), основным элементом которой было надевание на шею посвящаемого священного шнура (упавита). Это открывало доступ к чтению и слушанию вед и приравнялось тем самым ко «второму рождению».

⁴ *Царевича увидев, на подошвах // Тех детских ног увидев колесо...*— По буддийским представлениям, Будда, хоть и рождается в человеческом облике, должен (даже внешне) отличаться от «обычных людей». Рождение с изображением колеса на стопах — один из наиболее известных телесных знаков (лакшана) буддийского «сверхчеловека»; буддисты обычно считали, что их всего тридцать два.

⁵ *...закончил круг рождений...*— См. примеч. 2.

⁶ *...от пяти желаний ускользнет...*— Имеются в виду желания, возбуждаемые объектами пяти чувств: слуха, осязания, зрения, вкуса, обоняния.

⁷ *...дождь Закона...*— Имеется в виду дхарма (палийское дхамма) — важнейшее многозначное понятие буддийской религиозно-философской мысли. В данном случае термин упот-

* Примечания и словарь составлены В. Шохиним. В словарь не вошли те имена и названия, однозначная идентификация которых представляется сложной ввиду отсутствия надежных параллелей в основных буддийских источниках.

ребляется в первичном значении: «закон», «религиозная истина», «доктрина», а также канон текстов, в которых изложено все «истинное учение» Будды. В китайской культуре слово «дхарма» во всех случаях передается иероглифом, означающим «закон».

⁸ *Шестиликий младенец.*— Имеется в виду сын Шивы Сканды, вскормленный, согласно мифу, шестью Криттиками — звездами Плеяды и считавшийся шестиглавым, ибо должен был одновременно брать молоко у всех шести кормилиц. Сканды, как гласит миф, был рожден, чтобы убить могучего Тараку и других демонов (на этом сюжете строится поэма Калидасы «Кумарасамбхава»). Обычно изображается с луком и копьем, верхом на павлине; другие его имена — Картикея («Происходящий от Криттик») и Субрахманья («Добрый к брахманам»).

⁹ *Четыре Великих.*— Согласно С. Билу, имеются в виду будды, предшествовавшие Шакья-муни. Не исключено, однако, что здесь содержится намек и на хранителей мира — локапалов, каждый из которых «отвечает» за одну из четырех сторон света.

¹⁰ *...пятю он чувствовал восторгов...*— Имеются в виду наслаждения, вызываемые объектами пяти органов чувств. См. примеч. 6.

¹¹ *Все четыре естества в нем // В беспорядке сплетены...*— Буддийская, как и общеиндийская физиология объясняет болезни нарушением баланса между основными компонентами тела. Можно предположить, что здесь говорится о четырех «жизненных соках» — ветер, желчь, флегма и кровь.

¹² *...изведал первичный восторг.*— Очевидно, имеется в виду первая из четырех основных дхьян, которая в буддийских сочинениях описывается как «погружение». Оно сопровождается, как полагают сторонники этого учения, чувством и устранимостью, и радости и «восторгом», о котором и идет речь в тексте.

¹³ *...ответствуя, молвил: «Шаман».*— В оригинале: «шраман» — странствующий аскет-подвижник времен Сиддхартхи.

¹⁴ *Тридесать три бога* — нормативное число богов ведийской мифологии. Согласно наиболее известной классификации, включает двенадцать адитьев (солярные божества), восемь васу (персонифицируют разнородные природные феномены), одиннадцать рудр (божества, связанные с прото-Шивой) и двух близнецов Ашвинов.

¹⁵ *Место пыток.*— Имеется в виду Уравильва. См. словарь.

¹⁶ *...владевает ими Самобытный.*— Очевидно, имеется в виду Сваямбху («Самосуший») — Брахма-Праджапати.

¹⁷ *...в пять — сочетанье великих...*— Имеются в виду пять «великих элементов» (махабхута) — пространство, ветер, огонь, вода и земля как субстраты объектов восприятия.

¹⁸ *...знающий это есть Я.*— Этим завершается изложение

основного учения древней санхьи в «редакции» Арада Каламы. В его учении различаются два основных параметра реальности — «сознательное» (субъект) и «лишенное сознания» (оно же «сущее»). Последнее представляет систематизацию начал бытия и включает: «природу» (пракрити), трансформации последней (викрити), рождение, старость и смерть. Но и «природа», и ее трансформации также включают в себя другие элементы: первая — «непроявленное» (авьякта), «интеллект» (буддхи), «чувство индивидуальности» (аханкара) и пять указанных выше «великих элементов» — начал материального бытия; вторые — пять объектов органов чувств, сами эти пять чувств и пять способностей действия (речи, «манипуляции», передвижения, испражнения и размножения), а также «ум» (манас). Особенностью санхьи, как и многих других индийских религиозно-философских систем, является исключение из «Я» всех начал познания, воли и чувства. Поэтому здесь и нельзя говорить о духовном начале в собственном смысле слова.

¹⁹ *...эти четыре постигнешь, // Можешь избежать рожденья...* — Китайская версия текста соотносит «четыре» со знанием и незнанием; на деле же речь идет о том главном различии, с которого и начинается учение Арады (см. примеч. 18) — «сознательного» и «лишенного сознания», а в пределах второго — «проявленного» и «непроявленного».

²⁰ *...в небе ты Врихата-фаля...* — В китайской версии это и другие названия соотносятся с тремя небесами, которых достигает тот, кто медитирует по правилам Арады. На самом деле эти названия следует соотносить с теми божествами, которые, по учению Арады, «населяют» эти небеса. Их природа выражена в их же обозначениях: абхасвары — «лучезарные», шубхакристны (у К. Бальмонта Субхакристны) — «всеблаженные», брихатпхалы (у К. Бальмонта Врихата-фаля) — «имеющие великие плоды».

²¹ *...мудрости нет здесь вселенской, // Лучшего должен искать.* — Здесь завершается ответ — своеобразная отповедь Сиддхартхи Араде, чье учение, будучи близким буддийскому, все же сохраняет субстанциональное «Я», что несовместимо с основами буддизма.

²² *...шесть частей круговращения жизни* — шесть модусов рождений; начиная с самых «благоприятных» (в одной из небесных сфер) и кончая самыми «неблагоприятными» (в одном из адов).

²³ *И вступил он в бодрствование третье...* — Возможно, что речь идет о третьей дхьяне. С. Бил, однако, отмечает, что имеется в виду только «глубокое понимание истины».

²⁴ *Уничтожь неведение, — и с ним // Имена и лики умира-*

ют.— Здесь завершается изложение буддийской двенадцати-членной формулы пратитья-самутпада («взаимозависимое возникновение»), классический вариант которой представлен в палийском каноне. Поток существования индивида в сансаре рассматривается через звенья цепи: старость и смерть обуславливаются рождением, рождение — «становлением»; «становление» — «привязанностью»; та, в свою очередь, — «жаждой»; «жажда» — «чувством»; оно — «соприкосновением»; «соприкосновение» — «именем и формой»; те — «незнанием», а последнее — снова «именем и формой».

²⁰ *Так усовершенствовавшись, Будда, // Духом, восьмикратный путь нашел...*— Речь идет о восьмеричном «благородном пути» поэтапного самоосвобождения от страданий, посредством обретения следующих достоинств: правильных воззрений, мышления, речи, поведения, образа жизни, усилия, внимания и сосредоточения.

²⁵ *Истин высоких — четыре...*— Четыре «благородные истины», составляющие квинтэссенцию всего буддийского учения (дхарма): о страдании в мире, о причинной обусловленности страданий, о возможности прекращения страданий и о способе прекращения страданий (см. примеч. 25).

²⁷ *...восемь открылось путей.*— См. примеч. 25.

²⁸ *Так четверичная правда...*— См. примеч. 26.

²⁹ *...Аньята — Знающий значит...*— Неточность в русском переводе: санскритское «аджнята» означает «познанный».

³⁰ *...шесть есть чувств и шесть предметов чувства, // Слитые взаимно в шестеричность, // Шестеричность знания создают.*— Один из канонических способов буддийской классификации дхарм (конечные элементы бытия) на восемнадцать классов (дхату-готра). Шесть чувств — способности органов зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и мышления (манас); шесть предметов чувств — цвет, звук, запах, вкус, осязаемое и нечувственные предметы; шестеричность знания — сознание видимого, сознание слышимого, сознание обоняемого, сознание вкушаемого, сознание осязаемого и сознание нечувственного.

³¹ *Тройной в руках у них явился посох, // Сосуд с водой пред ними появился...*— Три посоха, символизирующие контроль над мыслями, словами и действиями, и сосуд с водой — знаки мироотречного образа жизни в индийских религиях.

³² *...и десять разных точек совершенства...*— Намек на десять парамит, то есть «добродетелей» бодхисаттвы.

³³ *...и троезвездье, в ярком повтореньи, // Служило Будде, Солнцу между звезд.*— Имеются в виду три ученика Будды — Шарипутра, Маудгальяяна и Агнидатта.

³⁴ *Если скажем мы: «Само-природа // Есть Творец — оши-*

бочно и то... — Речь идет о буддийской критике учений, распространенных в эпоху Будды. В предыдущем отрывке рассматривалось учение о разумном агенте космоса — ишвара-вада; здесь — свабхада-вада — натуралистическое учение, согласно которому вещи суть то, что они есть благодаря «самим себе»; допущение же причинности в мире излишне.

³⁵ *...в колесе вращаясь мощном, // Три разряда дел твои...* — Подразумеваются действия «благоприятные», «неблагоприятные» и относительно нейтральные, совершение которых определяет кармический баланс индивида.

³⁶ *...Хирианакашину — Ступень Златая.* — Более правильная этимология этого имени: «Имеющий золотую подушку».

³⁷ *Пьяный слон.* — Речь идет о том, что Девадатта подговорил хранителей слонов выпустить на дорогу, по которой должен был идти Будда, свирепого слона по имени Налагири (Дханаपालа), напоенного вином.

³⁸ *Царь Гандхара внял Закону...* — Речь идет о царе Гандхары (государство на Северо-Западе Индии). Его собственное имя С. Бил реконструирует как Пудгала.

³⁹ *И в селе Ангулимале...* — Судя по русскому тексту и переводу С. Била, имеется в виду Ангулимала — местность, однако основные буддийские источники знают Ангулималу-разбойника, обращенного Буддой в свою веру и ставшего впоследствии «совершенным» (архатом).

⁴⁰ *...я свободен от дней Троемирья...* — Древняя общеиндийская космология исходит из представления о трехмерной структуре космоса: земля — промежуточное пространство (атмосфера) — небо, с которой соотносились и основные боги ведийского пантеона. В буддизме утвердилось и другое деление: мир чувственных форм, мир тонкоматериальных форм и мир нематериальных форм. Поскольку тремя мирами исчерпывается вселенная, то Будда хочет этим сказать, что он «свободен от всего».

⁴¹ *...фиалковые очи...* — Следует иметь в виду «лотосовые» очи.

⁴² *...несравненный люд Богатырей...* — Здесь и выше («Могучие», «Сильные») имеются в виду маллы (слово действительно означает «борец») — сильная племенная конфедерация на Северо-Западе Индии.

⁴³ *Собор Пятисот.* — Так традиционно назывался первый буддийский «собор» в Раджагрихе, который состоялся, по преданиям, вскоре после смерти Будды. Буддисты сохраняют предание о том, что Упали воспроизвел на нем всю первую часть канона, посвященную дисциплинарным правилам («Виная-питака»), в то время как другой ученик Ананда — вторую часть, фиксирующую собственно религиозно-этическое учение («Сутта-питака»).

СЛОВАРЬ *

ТОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ

А н ъ ч а в а р и — соответствует Агратави — город в Магадхе.

Б е л у в а — деревня близ Вайшали, куда Будда, по преданиям, пришел незадолго до своей кончины.

Б е н а р е с (совр. Варанаси) — один из священных городов Индии, цитадель традиционного индуизма.

Б х и д х а в а л и — согласно буддийским источникам, небольшое селение в Магадхе.

Б х о г а - Н а г а р а, или Бхогагаманагара, — деревня в стране Вриджи, где Будда, по преданиям, остановился в своем последнем путешествии.

В а и с а л и (Вайшали) — столица сильного племенного объединения личчавов, место активной проповеди Будды.

В а н н у ш т а (Вайнушта) — селение в Магадхе.

В а р а н а — небольшая речка, сведения о ней разноречивы, возможно, один из притоков Ганги.

В е д и — соответствует Ведия, Ведияка — мифическая гора в Магадхе, где Будде будто бы нанес визит Индра.

Г а й я (совр. Бодх-Гайя) — город в Магадхе, недалеко от которого произошло, как верят буддисты, прозрение Сиддхартхи.

Г а й я с и р т а, **Г а й я с и р ш а** (Гайяширша) — небольшая гора близ Гайи, известное место проповеди Будды.

Г р и д р а к у т а (Гридракута) — один из пяти холмов,

* Древнеиндийские имена и названия даются в транслитерации К. Бальмонта, принятой в его время. В скобках указано современное прочтение.

окружавших Раджагриху; по преданиям, Будда часто посещал его.

Д ж э т а в а н а — роща близ Шравасти, где Будда часто останавливался и проповедовал. Здесь был воздвигнут известный буддийский храм (вихара).

Д и н а м а т и — соответствует **Кханумата** — поселение брахманов Магадхи.

К а и л а с а (Кайласа) — сказочная обитель бога Куберы и «рай» Шивы; индуистская мифология помещала Кайласу в Гималаях.

К а п и л а в а с т у — столица рода шакьев, из которого произошел Сиддхартха; на крайнем Северо-Востоке Индии.

К о т и г а м а — деревушка на берегу Ганга близ Паталипутры.

К о ш а л а (совр. Уттар-Прадеш) — могущественное государство Северо-Восточной Индии, соперничавшее с Магадхой, в эпоху Будды управлялось знаменитым царем Прасаджитом.

К у ш и н а (г а) р а — столица племенной конфедерации маллов; город на крайнем севере Индии, у границы с современным Непалом, по традиции место кончины Будды.

Л и х а в и (личхав) — сильное племя, составлявшее основу республиканской федерации Вриджи; находилось к северу от Магадхи.

Л ю м б и н и — поселение близ Капилавасту; здесь, по преданию, находилась саловая роща, где родился Сиддхартха.

М а г а д х а (совр. Южный Бихар) — крупнейшее государство в Северо-Восточной Индии, чьи цари стали первыми инициаторами создания «всеиндийских» империй.

Н а й р а н ь д ж а н а (Найранджанья) — согласно буддийской мифологии, река в Уравильве, где Будда — «просветленный», подвергся искушению Мары.

Н а д и к а (Натика) — местность между Котигамой и Вайшали.

Н и г а н т х а — по буддийским источникам, гора близ Капилавасту.

П а в а — столица племенного объединения маллов на Северо-Западе Индии, по традиции, предпоследняя остановка Будды в его земном путешествии.

П а д а т т и — деревушка в Магадхе.

П а н д а в а — гора; иногда ее ассоциируют с горами Виндхья.

П а т а л и п у т р а (совр. Патна) — один из важнейших городов Гангской долины; с V в. до н. э. столица Магадхи.

Р а д ж а г р и г а (Раджагриха, совр. Раджгир) — древняя столица Магадхи; место активной проповеди Будды, важный центр буддизма.

С а к ь я (шакья) — аристократический род на крайнем Северо-Востоке Индии, в предгорье Гималаев, из которого происходил Сиддхартха.

С и р ш а (Ширша).— См. Гайясирта.

С у м е р у, или Меру,— по брахманистской космологии, центр вселенной (индийский Олимп), золотая гора, вокруг которой вращаются планеты, располагаются материки; на нее с неба падает Ганг, а ее вершина — обиталище главных индуистских богов.

У р а в и л ь в а (Урувела) — лес близ Гайи, где обитали, по преданию, подвижники, занимавшиеся умерщвлением плоти.

Ш р а в а с т и — столица Кошалы и один из «великих городов» Индии в эпоху Будды, важнейший центр буддизма.

ТЕРМИНЫ И РЕАЛИИ

А м р и т а («бессмертный») — напиток бессмертия, нектар, амброзия.

А с в а т т а (ашваттха — «лошадиная стоянка») — баньян, индийская смоковница, сакральное дерево, *Ficus Religiosa*, которому приписывались важные мифо-ритуальные функции, рассматривалось как символ Брахмана.

А с о к а (ашока — «беспечальное») — священное дерево с красными цветами.

А с у р ы — демоны ведийской, а затем брахманистской и индуистской мифологии, извечные противники богов — дэвов, непрестанно конкурирующие с ними за обладание миром и главенство.

Б о д г и с а т т в а (Бодхисаттва — «тот, чья природа — просветление») — в буддизме человек (или другое существо), предназначенное стать буддой; помимо сына Шуддходаны и

Майи буддизм знает множество бодхисаттв (в буддизме махаяны их число безгранично), которые перед исхождением на землю должны родиться на небе Тушита («небо блаженства»).

Б о д х и («пробуждение») — дерево в Гайе, под которым, по буддийскому преданию, произошло «просветление» Сиддхартхи.

Б р а м а н (Брахма) — Абсолют в основных течениях индийской религиозно-философской мысли, описывается в терминах мировой субстанции и мирового сознания.

Б р а м а ч а р и н (брахмачарин) — ученик, изучающий веды в доме учителя до вступления в брак; религиозный подвижник, принявший обет безбрачия.

Б у д д а («пробужденный», «просветленный») — индивид, достигший высшей ступени знания, окончательно освободившийся от действия закона кармы и передающий способ этого «освобождения» всему миру; по буддийской традиции, Будда исторический — один из неисчислимых будд бесчисленных миров и эпох. Это отсутствие уникальности и незаменимости радикально отличает его от основателя христианства.

Б х и к ш у — странствующий аскет, живущий милостыней.

Г а н д х а р в ы — полубожества, супруги небесных нимф — апсар, небесные певцы и музыканты.

Г у н а и г у н и — категории индийской религиозно-философской мысли, означающие свойство (условно «качество») и его носителя (условно «субстанцию»).

Д ж а м б у — вид розовой яблони, *Eugenia jambolana*.

Д х а т у («слой», «компонент») — многозначный термин, прежде всего обозначает свойства вещей.

Д х и а н а (дхьяна) — ступень медитации, достигается особыми психо-ментальными упражнениями, ведущими к трансформации в сознании адепта (его восприятию космоса, собственного «я» и т. д.).

Д э в а («сияющий», «небесный») — бог ведийского, а затем индуистского и буддийского пантеона.

Д э в и («сияющая», «небесная») — в индийских мифологиях супруга дэвы.

И ш в а р а («господин») — персонифицированное божество; широко известный эпитет Шивы.

К а р м а («действие») — важнейшее понятие религиозно-философской мысли Индии; означает «результатирующий» баланс дел, которые совершены индивидом в «предшествующих»

существованиях. Считалось, что он в значительной мере предопределяет факторы его «будущего» рождения.

К у м у д а — красный лотос, *Nymphaea rubra*.

К ш а т р и я — представитель военной аристократии, царь.

М у н и («молчальник») — обозначение аскета в различных религиозных традициях Индии.

Н а г а - р а д ж и — цари нагов.

Н а г и — полубожественные существа, изображались со змеиным туловищем и человеческой головой (головами).

Н и р в а н а («угасание») — одно из основных понятий буддийской религиозно-философской мысли; высшее, «неопределимое» состояние сознания и конечная цель жизни буддиста, полное прекращение действия закона кармы.

П а р а м а р т а (парамартха) — «высшая истина».

П а т а л и — красный цветок, *Bignonia suaveolens*.

Р а к ш а (ракшас — «кто охраняет» или «от кого охраняют») — устрашающие демоны индийской мифологии, выступали противниками уже не богов (как асуры), а людей.

Р и ш и — класс персонажей общеиндийской мифологии; первоначально под риши понимались поэты — патриархи ведийских кланов (отсюда семь «великих риши»), а затем наиболее почитаемые «мудрецы» и подвижники вообще; многим из них приписывается авторство основных религиозно-философских текстов.

С а м б о д х и — в буддизме «совершенное знание», «просветление».

С а с т р ы (шастры) — традиционные системы любого организованного знания в индийской культуре, включая и философские системы.

С у т р ы — основополагающие тексты традиционных индийских дисциплин знания, кодифицированные в виде прозаических афоризмов.

Ч а к р а в а р т и н («вращающий колесо») — монарх, претендовавший на владение всеми землями (дословно: «по которым могли пройти колеса его колесницы»).

А г а с т и я (Агастья) — один из семи «великих риши», считался сыном Митры и Варуны (одновременно) от апсары Урваши, известен своей страстью к супруге Сомы Рохини.

А г н и («Огонь») — важнейшее божество ведийской мифологии, персонифицирует жертвенный огонь.

А г н и д а т т а — благочестивый и богатый брахман, который пытался сам решить сложные метафизические вопросы и нашел ответы на них в учении Будды.

А д ж а («Нерожденный») — царь Солнечной династии, дед знаменитого героя Рамы.

А д ж а т а с а т р у (Аджаташатру) — сын Бимбисары (см. ниже), ведший упорные и успешные войны с соседями Магадхи; покровительствовал различным учителям-шраманам.

А и д а («Происходящий от Иды») — матроним мифического царя Пурураваса; его полная драматизма любовь к нимфе Урваши стала популярным индийским вариантом сюжета любви смертного и богини; сюжет лег в основу драмы Калидасы «Мужеством добытая Урваши».

А л а в а, или Алавака, — по буддийской мифологии, людоед-якша, обращенный в буддизм.

А м б а р и ш а («Владыка неба»), **Д р у м а** («Дерево»), **В а с и т а** (Васиштха — «Превосходнейший»), **А т р е й я** (Атрея — «Потомок Атри») — мифологические цари, практиковавшие аскезу в лесу, а затем вернувшиеся к мирской жизни.

А м р а (на яз. пали) — знаменитая куртизанка Вайшали, от которой Будда принял пищу и которая подарила свой парк буддийской общине.

А н а н д а — кузен и любимый ученик Будды, известный особой преданностью учителю; стал одним из руководителей раннебуддийской общины.

А н г а — один из аристократов, ставший буддийским монахом.

А н г и р а с — один из семи «великих риши», носитель особых жреческих функций в индийском пантеоне, посредник между богами и людьми.

А н у д ж а с а, **В а д ж р а б а г у** (Ваджрабаху — «С громовой палицей»), **Д р у м а**, **В а т а д ж а н а** — мифические цари прошлого, благополучно сочетавшие роскошь чувственной жизни с исполнением государственных и религиозных обязанностей.

А н у р у д х а, А н у р у д д а (Ануруддха) — кузен Будды; вначале не желал расставаться с удовольствиями царской жизни, но затем стал одним из первых учеников; ему приписываются оккультистские «подвиги».

А р а д а, А р а д а Р а м а — соответствует Арада Калама — знаменитый аскет, которого посетил Сиддхартха в поисках «высшего знания»; от его лица излагается одна из версий древней санкхья-йоги — важнейшего религиозно-философского направления, значительно повлиявшего на буддизм.

А с и т а («Небелый», «Темный») — знаменитый риши, которому приписывается множество деяний.

А с о к а (Ашока — «Беспечальный») — знаменитый царь (III в. до н. э.) Маурийской династии, крупнейший покровитель и миссионер буддизма.

А т р и («Едящий») — один из семи «великих риши»; его сын Дурвасас прославился особой гневливостью.

А у р в а («Потомок Уру») — по индийской мифологии, внук риши Бхригу, спасенный своей матерью, которая спрятала от врагов его зародыш в своем бедре.

Б а с у н д а р а и С у н д а р а — соответствует Сунда и Упасунда — два брата-асура, вначале чрезвычайно дружные, но затем убившие друг друга из страсти к небесной нимфе Тилоттаме, посланной к ним коварным Брахмой.

Б и м б и с а р а (VI—V вв. до н. э.) — первый из известных царей Магадхской династии; при нем началась экспансия Магадхи в Гангской долине.

Б р а м а (Брахма) — в индуистской мифологии одно из трех первоверховных божеств (наряду с Вишну и Шивой); с ним ассоциируется функция периодического мирозидания; истоки образа — персонификация абстрактного понятия Брахман. В буддизме весьма популярен Брахма-лока (мир тонкоматериальных и нематериальных форм).

Б р и г а с п а т и (Брихаспати — «Господин молитвы») — божество молитвы и жертвоприношения в ведийской мифологии (другое имя — Брахманаспати).

Б х р и г у (от глагола «пылать», «сиять») — один из семи «великих риши», пользовавшийся исключительным авторитетом в индуистском пантеоне и сделавший даже однажды Вишну верховным божеством.

В а л ь м и к и («Муравейный») — полулегендарный составитель эпической поэмы «Рамаяна», именуемый «первым из

поэтов»; ему приписывается изобретение эпического стихотворного размера шлоки.

В а с и т а (Васиштха — «Превосходнейший», «Богатейший») — один из семи «великих риши», олицетворение добродетелей брахманства; всю жизнь воевал с доблестным кшатрием Вишвамित्रой.

В и а с а (Вьяса — «Разделитель») — легендарный «великий риши», к которому относят «разделение» гимнов вед, авторство пуран и великой эпической поэмы «Махабхарата».

В и м а л а («Незапятнанный») — мифический риши, известный подвигами умерщвления плоти.

В и с в а м и т р а (Вишвамित्रа — «Друг всех») — один из семи «великих риши», которому приписывается невероятная аскетическая сила, позволившая ему достичь небывалого, по индийским понятиям, результата — стать из кшатрия брахманом; по легенде, был соблазнен, однако, небесной нимфой Менакой. Так родилась знаменитая Шакунтала.

В р и д х а (Вриддха — «старец»). — Имеется в виду «старец Парашара», известный из буддийской литературы как учитель йоги.

Г а д а и Н а д и — братья, обратившиеся в учение Будды после победы последнего над драконом на горе близ Гайи.

Г а у т а м а («Потомок Готамы») — один из семи «великих риши», проклявший похотливого громовержца Индру за соблазнение его супруги Ахальи родовое имя Сиддхартхи, часто встречаемое в литературе.

Г и м а п а т и (Химапати) и **В а т а д ж и р и** — демоны, обитавшие, по буддийской мифологии, на горе Вибхарде и обращенные в учение Будды.

Д ж а и г и с а в ъ я (Джайгишавья — «потомок Джигишу») — один из видных учителей древней санхья-йоги.

Д ж а н а к а («Порождающий») — по древнеиндийским преданиям, знаменитый царь Видехи (впоследствии территория личчавов) и великий мудрец, интересовавшийся ритуалистическими и мировоззренческими вопросами, при дворе которого собирались виднейшие мудрецы-брахманы.

Д ж и в а (к а) — знаменитый врач Магадхи, лечивший царей, а затем ставший первым целителем в буддийской общине.

Д ж э т а — один из правителей Кошалы, предоставивший Будде свое имя; стал учеником Будды.

Д р о н а — брахман из Кушинагары, почитатель Будды, выступивший посредником в споре маллов с коалицией семи государств (во главе с Магадхой) за реликвии Будды

Д р у м а — мифический царь, связанный с племенем шальвов, враждебным, согласно пуранам, роду Кришны.

Д э в а д а т т а — кузен и соперник Сиддхартхи, по преданиям, начал строить козни уже после неудачной попытки получить в жены Яшодхару, а затем смертельно враждовал с ним после вступления в буддийскую общину

И д а — персонификация жертвенного возлияния (прежде всего молочного), дочь прародителя людей Ману и мать царя Пурураваса

И к ш в а к у — в индуистской мифологии основатель Солнечной династии со столицей в древней Айодхье (совр Ауд), предок знаменитого героя Рамы

И н д р а — глава богов ведийского пантеона, бог грома и молнии, предводитель воинства дэвов в их вечной борьбе с асурами, победитель грозного асура Вритры (основной индийский вариант мирового космогонического мифа), первый воин и сластолюбец

К а к ш и в а т («Обладатель укромного места») — известный риши.

К а л я Н а г а — царь нагов, которого можно ассоциировать с тысячеглавым змеем Шешей, по индийской космогонии, поддерживает землю и служит ложем для Вишну в мировом океане в период прекращения созидания космоса.

К а н ъ д ж а н а — демон с горы Гайяширша, обращенный в учение Будды.

К а п и л а («Красноватый») — полумифический мудрец, ему приписывается основание религиозно-философской системы санкхья.

К а с н а п а (Кашьяпа) — благочестивый и влиятельный брахман, живший на горе близ Гайи и обращенный со своими многочисленными последователями в учение Будды после победы последнего над страшным драконом

К а у н д и н њ я, **Д а с а б а л а к а с и а п а** (Дашабала-кашьяпа), **В а г и п а** (Вашпа), **А с в а д ж и т** (Ашваджит), **Б х а д р а** — пять бхикшу, с которыми Сиддхартха начинал свои аскетические упражнения, позднее он обратил их в свое учение.

К а у р а в а («Потомок Куру»). — Видимо, имеется в виду Дурьодхана, старший из кауравов, персонаж «Махабхараты»,

преследовавший двоюродных братьев — пандавов (основной сюжет поэмы), пока не погиб после битвы на Курукшетре.

Кришасва (Кришашва — «Тощий конь») — мифический добродетельный царь древности.

Кришна («Темный») — самое знаменитое воплощение Вишну (аватара), герой многочисленных легенд, в которых он выступает в качестве игрового юноши, героя-воина и религиозного учителя.

Кумара и **Асидака** — два демона, друзья Алавы, обитавшие близ Вайшали и вынужденные духовной силой Будды принять его учение.

Кутадапта — образованный и влиятельный брахман в Магадхе, обращенный Буддой после того, как тот стал советовать с ним об устройстве жертвоприношения.

Мага-Кали (Махакали — «Великочерная») — в буддийской мифологии тетка Мары, ее облик напоминает супругу Шивы в образе Кали.

Магесвара (Махешвара — «Великий Господин») — один из популярнейших эпитетов Шивы.

Мадгалияйна (Маудгальяна) — один из ближайших учеников Будды, прославившийся наряду с эрудицией и своими «сверхспособностями» (силы иддхи); вместе с Шарипутрой почитался в буддийской общине образцовым учеником.

Майя или **Майядэви**, — дочь царя Супрабуддхи, супруга царя Шуддходаны, мать Сиддхартхи.

Манга, **Мандгари** — соответствует **Мандха** — один из чакравartiнов, соперничавший в могуществе с самим Индрой.

Мандхатри («Держащий ум») — мифический царь, родившийся, как и Сиддхартха, из бока, но не матери, а отца.

Ману («Человек») — мифический прародитель людей; индуистская мифология насчитывает четырнадцать Ману, живших в различные мировые периоды (манвантары); наиболее известен первый Ману — **Сваямбхува** (сын Брахмы), считающийся отцом семи «великих риши» и составителем «Законов Ману» — основного кодекса индуистского «обычного права».

Мара, **Мара Дэвараджа** («Убивающий», «Разрушающий») — в буддийской мифологии олицетворение зла, извечный противник будд и бодхисаттв, искушающий их (как и обычных людей) чувственными страстями и страхом в целях препятствовать «просветлению»; в его свите множество негативных мужских и женских полубожеств, «отвечающих» за одну из страстей.

Н а н д а («Радость») — один из кауравов, брат Дурьодханы, вместе с ним упорно преследовал пандавов.

Н а н д а — сводный брат Будды по отцу; по преданию, был обращен в монашество накануне своей коронации и свадьбы.

Н а н д а Б а л а д а — соответствует Суджата — дочь землевладельца деревни Сенани близ Урувелы; по преданию, принесла пищу истощенному аскезой Сиддхартхе.

П а н ь ч а с и к х а (Панчашикха — «Пятиглавый») — один из гандхарвов, посланный к Будде Индрой и воспевавший на вине (известнейший индийский щипковый музыкальный инструмент) совершенства Будды и его учения.

П а р а с а р а (Парашара — «Разрушитель») — сын или внук риши Васишты и отец Вьясы, предок героев «Махабхараты», полюбивший Кали, дочь рыбы.

П а т а л и и **П а т а л а** — известные демоны, обитавшие в магадхской деревушке и обращенные Буддой.

П р а д ж а п а т и **Г а у т а м и**, она же **Г а у т а м и** и **Г о т а м и** — сестра Майи, тетка и кормилица Сиддхартхи; впоследствии приняла буддизм.

П р а й я н т и к а — один из брахманов-аскетов Магадхи, принявший учение Будды.

П р а с э н а д ж и т — могущественный царь Кошалы (V в. до н. э.); вел борьбу с Магадхой за гегемонию и очень интересовался различными религиозно-философскими учениями.

П р и т х у, **П р и т х и** («Широкий») — сын мифического царя-тирана Вену; родился из руки своего отца, которой был прогневленными им риши.

П у р и д ж и в а н а — сын богатого магадхского аристократа, обращенный Буддой.

Р а г у л а (Рахула) — единственный сын Сиддахартхи, рожденный в день ухода его из дворца; впоследствии неоднократно получал наставления от отца, пока не достиг степени архата («совершенный»).

Р а м а («Темный») — герой эпической поэмы «Рамаяна», знаменитый царь Айодхьи, сын Дашаратхи, почитался в качестве одного из основных воплощений (аватар) Вишну; как свидетельствует поэма, когда отец хотел провозгласить его наследником, мачеха изгнала его в лес на четырнадцать лет, которые он провел в аскетических подвигах.

Р а т и («Наслаждение»), **П р и т и** («Удовлетворение»), **Т р и ш н а** («Жажда») — три дочери Мары; они олицетворяют три похоти, которые переданы их именами.

С а к и (Шачи — «Дающая помощь») — супруга Индры.

С а к р а (Шакра — «Могучий») — популярнейший эпитет Индры.

С а к ъ я - м у н и (Шакья-муни — «Молчальник из шакьев») — имя Сиддхартхи, отличающее его в буддийской мифологии от других будд.

С а м б х у (Шамбху — «Милостивый», «Благодетельный») — эпитет многих богов, в данном случае Шивы, супруга «Горянки» Парвати.

С а н т а н у (Шантану — «Благотельный») — мифический царь, женатый на богине Ганге и Сатьявати, отец Бхишмы — двоюродного деда кауравов и пандавов.

С а р а с в а т и («Обладающая водой», «Изящная») — в ведийской мифологии богиня одноименной реки, позднее супруга Брахмы, покровительница красноречия и мудрости, изобретательница санскрита и алфавита, патронесса наук и искусств.

С и в а (Шива — «Благой») — один из трех верховных богов индуистского пантеона, носитель одновременно созидательной и разрушительной космической энергии, плодородия и аскетической силы.

С и д д х а р т а (Сиддхартха — «Исполнивший свое назначение») — основное имя сына Шуддходаны и Майи, до того как он стал Буддой.

С о м а — ведийское божество, третье по значению после Индры и Агни, связанное с луной; название галлюциногенного напитка, который употреблялся во время торжественного ритуала.

С у б х а д р а — последний из обращенных Буддой житель Кушинагары, принадлежавший до этого к секте паривраджиков — странствующих аскетов.

С у д д х о д а н а (Шуддходана) — отец Сиддхартхи, царь шакьев и, соответственно, Капилавасту; дословно имя значит «Питающийся чистым рисом».

С у л а, **Ч у р н а**, **Н и а г р о д х а** (Ньягродха), **Ш р и к у н т а к а** — первые из обращенных жителей Магадхи на двенадцатый год проповеднической деятельности Будды.

С у н д а р и («Прекрасная») — одна из небесных нимф — апсар, соблазнительница «великих риши».

С у р а (Шура — «Герой») — один из аристократов племени ядавов, отец Васудэвы и дед Кришны.

С у р и а к а (Сурьяка).— См. Сурья-Дэва.

С у р ъ я - Д э в а («Божество-Солнце») — ведийское солярное божество, занимавшее важное место и в индуистском пантеоне.

Т и м б и л а, или Кимбила,— один из родичей Будды, обращенный им вскоре после посещения Капилавасту.

У д а й и (Удайин) — сын пурохиты (жреца) Шуддходаны, уговаривавший Сиддхартху вернуться к радостям царской жизни.

У д р а (к а) — один из древних учителей йоги, наставник особой медитативной практики.

У п а г а (Упака) — обращенный Буддой брахмачарин; по другим буддийским версиям, адживик — последователь антибрахманистского (и в еще большей мере антибуддийского) натуралистическо-фаталистического направления древнеиндийской мысли.

У п а л и — один из первых учеников основателя джайнизма Джинны Махавиры (в палийских текстах ему соответствует Нигантха Натапутта), вступивший в полемику с Буддой, но перешедший после этого в буддийскую общину.

У п а т и ш и я — собственное имя Шарипутры.

Ч а н д а к а — друг и возница Будды, родившийся с ним в один день и присоединившийся впоследствии к буддийской общине.

Ч а н д р а д э в а («Бог Луны») — эпитет Сомы, породившего Будху (олицетворение планеты Меркурий) от жены Брихаспати, когда та совершала жертвенные возлияния.

Ч и а в а н а (Чьявана) — сын риши Бхригу, замечательный по своей целеустремленности подвижник, простоявший на берегу озера до тех пор, пока наконец на нем не вырос большой муравейник.

Ч у л а — один из богатых купцов Раджагрихи.

Ч у н д а — ремесленник-кузнец, пригласивший Будду в свою рошу и из лучших чувств угостивший Будду мясом, что вызвало у последнего предсмертную дизентерию.

Ш а р и п у т р а («Сын Шари») — один из главных учеников Будды, которому приписывается особая способность к созерцательной практике. Ближайший друг Маудгальяны.

Ш у к р а («Светлый») — наставник и жрец асуров, оживлявший их в войнах с дэвами; олицетворяет планету Венера.

Я м а («Узда») — мифологический царь предков и божество, определяющее судьбу усопших, «обитает» в нижнем регионе мира.

Я с а с (Яшас) — один из первых последователей Будды, аристократ Бенареса, чья история как бы дублирует отдельные эпизоды жизненного пути самого Сиддхартхи.

Я с о д х а р а (Яшодхара) — кузина-супруга Сиддхартхи и мать Рахулы, на которой он женился, победив на состязании в силе и ловкости всех прочих претендентов из рода шакьев, в том числе своего будущего соперника Дэвадатту.

ИСТОРИЯ БАЛЬМОНТОВСКОГО ПЕРЕВОДА

В письме от 17 мая 1911 г. Бальмонт сообщал М. Сабашникову, что перевел уже треть поэмы Ашвагхоши «Жизнь Будды», с которой впервые познакомился два-три года назад ¹.

«В данное время я перевожу на Русский язык — стихами — замечательнейшую, считаемую Европейскими специалистами лучшей, среди других разночтений легенды, «Жизнь Будды». Я познакомился с ней года 2—3 назад, и много раз мне хотелось перевести оттуда хоть несколько отрывков... Около трети всего у меня уже переведено... Если ты захочешь ее издать, это будет для меня настоящая радость, для Русского же слова и мышления — думаю — истинная польза».

Следующее письмо издателю уже прямо указывает на перевод С. Била (китайской версии Дхармаракши) как основу русского перевода: оно же и свидетельство положительного ответа Сабашникова на предложение Бальмонта об издании «Жизни Будды» в России. (Письмо отправлено Бальмонтом из Сен-Бревена 23.VIII.1911):

«Дорогой Миша,

Благодарю тебя за письмо, в котором ты пишешь о своем желании издать «Жизнь Будды». Я послал тебе два дня тому назад 9 песен этой поэмы Асвагоши, переработанной Дгармаракшей. По объему это составляет ровно треть всей поэмы. Сколько мне известно, французских и немецких изданий этого сочинения нет ², — во всяком случае я их не знаю. Я запросил по этому поводу специалистов по Санскритской и Китайской литературе ³ и, как только получу ответ, сообщу его тебе. Пока же могу лишь указать на английский перевод поэмы, изданный в весьма основательной серии «Священных Книг Востока», исполненной различными ориенталистами, под издательской санкцией Макса Мюллера. Его подробное название вот: The Fo-

Sho-Hing-Tsang-King, A Life of Buddha by Āśvaghosha Bodhisattva, transl. from Sanskrit into Chinese by Dharmaraksha, A. D. 420— by Samuel Beal. Oxford. Clarendon, 1883.

Условия будь добр предложить сам. Я думаю, что для меня был бы приятен метод, принятый тобою для Словацкого ⁴. Ставлю только на вид, что перевод этой вещи — кстати, мало кому известной, кроме специалистов, — намного труднее, чем перевод Словацкого. Если, прочтя эти 9 песен (а остальные — в том же роде, немного более философские, ибо в них правильно излагается основное зерно буддизма), ты захочешь издать поэму (ее красота, мне кажется, говорит за себя сама), я попросил бы тебя начать набор теперь же. Это дало бы мне тот действенный взлет души, при каковом окончании работы становится не трудностью, а одним наслаждением. Если ты (при условии согласия) согласился бы не настаивать на Английском дорогом изяществе издания, а издать поэму совсем просто, дабы ее мог купить каждый небогатый человек, — это вполне совпало бы с моим желанием. Те песни, которые я тебе послал, я читал в Париже своим, а также Маргаре ⁵, Г. И. Чулкову ⁶, А. М. Ремизову, и нескольким другим писателям и художникам — и по их глубокому впечатлению могу предвидеть настоящий успех этой вещи у Русских читателей.

Следующие песни мною готовятся.

Буду ждать ответа от тебя. По возможности, прошу, не заставь ждать. Жму твою руку.

Твой К. Бальмонт».

Сообщение о знакомстве Ремизова с бальмонтовским переводом подтверждается также письмом и запиской Бальмонта, которые сохранились в архиве Ремизова:

Запись Бальмонта на визитной карточке 3. VII. 1911:

«Дорогой Алексей Михайлович,

Вот та поэма ⁷, о которой я говорил Вам.

Жму Вашу руку. До свидания. Ваш К. Бальмонт».

31. XII. 1911 — 4. I. 1912 (из Парижа в Петербург).

«Дорогой Алексей Михайлович!

Если я поистине и сверхъестественно был занят все эти месяцы, то да буду я прощен за неаккуратность свою и молчание... Письмо Ваше о Царевиче моем Индийском получил своевременно. Но был в гипнозе работы. И боялся послать Вам оттиск поэмы, ибо каждодневно ждал решения неких судеб, лишь теперь наконец вполне расшифровывающихся. И вот. Один оттиск поэмы у моего Московского издателя, М. В. Са-

башникова, другой у французского Санскритолога, Сильвена Леви, а третий мне нужен самому для дальнейшей работы. Поэма сия будет напечатана в Москве, в двух текстах — более простом, которого Вы еще не знаете⁸, и в более утонченном, который я Вам читал⁹. Но еще должен много работать над ней, и только через долгие месяцы она явит свой лик в печати...

Буду ждать от Вас скорого письма.

Жму руку.

Ваш К. Бальмонт».

В августовском письме поэт писал издателю, что он консультируется с французскими специалистами по санскритской и китайской литературе, но конкретного имени не упоминал. Из следующего послания к Сабашникову ясно, что главным советчиком и помощником Бальмонта в работе над переводом поэмы был С. Леви — не только санскритолог и синолог, но лучший в мире специалист по творчеству Ашвагхоши. С. Леви был одним из первых, кто занялся творчеством Ашвагхоши и перевел часть его поэмы «Жизнь Будды» на французский язык еще в 1892 г.

О сотрудничестве Бальмонта и С. Леви говорят письма французского ученого к поэту (они — на французском языке — сохранились в архиве Сабашниковых). Вот, например, письмо, отправленное С. Леви 21. X. 1911 Бальмонту:

«Милостивый государь,

Не могли ли бы Вы зайти ко мне на чашку чая совершенно запросто, без всяких церемоний, в субботу вечером, около половины десятого? Мои друзья и ученики придут непременно, все мы будем в Вашем распоряжении и постараемся дать интересующие Вас пояснения. Сам я восторженный поклонник Ашвагхоши и как-то раз, в 1908 году, воспользовавшись случаем, опубликовал в Журналь Азиатик свой труд об этом великом поэте¹⁰. Я даже перевел его Буддхачариту¹¹, первая песнь которой появилась в Журналь Азиатик в 1892 году¹². Я в восторге от того, что Вы полюбили и человека, и поэта, и его творения — все, что восхищает меня, простого филолога. Не сомневаюсь, что когда Вы лучше узнаете Ашвагхошу, Вас поразят его величие и гений.

...В надежде увидеть Вас в субботу вечером и с уверениями в моих самых сердечных к Вам чувствах». (Это письмо Бальмонтом для ознакомления было послано М. В. Сабашникову и у него так и задержалось.)

8. XII. 1911 (из Парижа):

«Дорогой Миша,

После долгих недель я наконец имею минутку, чтобы ответить тебе. Раньше физически не мог.

С полной откровенностью. Ты не захотел исполнить моего маленького каприза, или не мог, а каприз-то был не каприз — лишь творческая необходимость. Я просил тебя, раз берешь «Будду», послать мне без промедления корректуру. Если бы она была мне послана, весь «Будда» давно бы уже лежал у тебя на столе. Но я не получил определенного толчка. Был же я тогда, когда писал это, в мучительных колебаниях — отдался ли «Будде» (чего мне более хотелось), или, не отклоняясь, сдержать, любовно мною данное, свободно данное, слово перед родною тенью Эдгара По — довершить воссоздание его произведений на Русском языке. Не получив печатных страниц «Будды» — принял это за знак, и весь отдался Эдгару По. Те напряженные месяцы, которые я провел над этой работой, почти целиком меня взяли. Лишь временами я возвращался к «Будде», и только теперь, когда все, что нужно было сделать для Эдгара По, сделано и лишь остались какие-то корректуры, я волен сказать свое «Да» — и вернулся к Индусскому царевичу, отказавшемуся от царства.

Я перечитываю твоё письмо. Я рад. Спасибо. Ты отнесся достойно к этому великому произведению, даже еще не зная всей красоты дальнейших страниц. А там, в дальнейшем, именно заключается, полное художественной и канонической точности, изложение легенды о Будде и основных представлений Буддизма. Я радуюсь также и общему твоему плану издания Калевалы, Русских Былин, Гомера. Конечно, «Жизнь Будды» Асвагоши — Дгармаракши как раз подходит к такой серии...¹³

...Предисловие к «Будде» необходимо. Я предпочитаю не Русского, а француза, отличного знатока Индусских литератур и Индии, Сильвена Леви. На днях я сталкиюсь с Бойэ¹⁴, сколько он (т. е. Леви.— Г. Б.-Л.) возьмет за предисловие, и сообщу тебе, можно ли предложить ему это формально, то есть, вернее, ты сообщишь мне об этом. Не думаю, чтобы он стал запрашивать. Знаток же он превосходный и Асвагошу знает достоверно.

Условие я подписываю то, которое тебе угоднее, я не вижу в них большой разницы. Должен только вот что сказать. Я ведь уже затратил много недель и месяцев на эту работу и буду работать теперь, как только усядусь где-нибудь на три месяца,— устраняя другие соображения... Кроме того, в условие не включено то, что, конечно, ты и без условия сделаешь — именно, я получу 40 авторских экземпляров?

Я остаюсь в Париже до 20-х чисел января 1912 года. Я уез-

жаю затем в Австралию, вернусь же через Индию. И на Цейлоне, равно как в Индии, сам соберу разные интересности, касающиеся Будды, таким образом и твою мысль об украшении книги иллюстрациями можно будет осуществить любопытно. В Индии я буду не так еще скоро, окончание же рукописи * довершится, как я сказал, на первом же месте моего трехмесячного пребывания — в том или ином уголке Австралии...

Будь добр послать мне дубликат условия, тобою для меня подписанный. Прости, что так долго не отвечал. Замотался с делами и с людьми. На следующее письмо отвечу немедленно.

Буду ждать и от тебя скорого ответа. Спасибо еще раз за истинный отклик. Всего лучшего.

Твой К. Бальмонт».

Этим же числом датируется и договор, который в Париже подписал Бальмонт:

«В издательство М. и С. Сабашниковых
Михаилу Васильевичу Сабашникову

Милостивый Государь
Михаил Васильевич!

Настоящим подтверждаю состоявшееся между нами соглашение:

1) Я уступил Вам и Вашим правопреемщикам с правом Вашим на дальнейшие переуступки исключительное право выпуска в свет в неограниченном количестве экземпляров и изданий стихотворного перевода моего поэмы «Жизнь Будды» — Асвагоши Дгармаракши¹⁵.

2) В вознаграждении за уступки Вам этого права я имею получить от Вас с каждого проданного Вами экземпляра пятнадцать процентов продажной цены его (без переплета), объявленной на обложке, причем расчеты производятся раз в год по заключении Вами отчета по Вашему книгоиздательству и определении числа проданных в течение года экземпляров.

3) Вы мне гарантируете получение не менее пятнадцати копеек за каждый переведенный стих, и это минимальное гарантированное вознаграждение уплачивается лишь в счет пятнадцатипроцентного отчисления авансом следующим порядком: половина по представлении мною законченной и готовой к печати рукописи всего перевода и половина по отпечатании книги.

4) Авторская корректура производится мною без добавочного вознаграждения.

* Как я писал уже, у тебя немного меньше половины всего, ²/₅ текста. Несколько песен могу дослать до отъезда (написано Бальмонтом в низу страницы).

5) Время выпуска книги в свет, внешность ее и продажная ее цена определяется Вами.

6) Я получаю сорок экземпляров книги каждого издания бесплатно.

К. Д. Бальмонт
1911 8 декабря, Париж».

Прошло немного времени, и Бальмонт вновь сообщает издателю о своей работе над переводом «Жизни Будды» и встречах с С. Леви.

27. XII. 1911 (из Парижа):

«Дорогой Миша,

я каждый день собираюсь написать тебе подробно, но волна неотложностей каждодневно сметает благое намерение. Напишу хоть два слова. Во-первых, спасибо за посылку документа договорного... Во-вторых, твое второе письмо, сейчас полученное, напоминает мне, что я уже должен было сообщить тебе о своем посещении Леви. Прилагаю его письмо, которое, прочтя, верни ¹⁶. Я, конечно, был у него и узнал от него много интересных вещей, о коих пишу позднее, через две недели, когда пошлю и продолжение «Будды». Работа эта, теперь окончательно выяснившаяся, наполняет меня разными радостными решениями. Прежде всего, я запасаюсь добрым запасом книг по предмету и изучу их, во время моих плаваний и странствий по диким областям Океании и Австралии. Когда, насытившись впечатлениями, я приеду на остров Цейлон, где буддизм еще живет воистину, я буду подготовлен.

Я еще не говорил с Леви ничего о предисловии и не буду пока, хотя уверен, что он может написать хороший очерк. Я предварительно прочту все им рекомендованные книги, увижусь с ним еще два-три раза, выясню его взгляды на целый ряд теоретических пунктов и тогда договорюсь с ним. Разумеется, я подчеркну ему, что, при серьезности изложения (которой у него более чем достаточно), он должен иметь в виду широкую Русскую публику.

О, я рад этой работе и верую в нее.

На днях пошлю тебе книгу Леви об Асвагоше, специальную, но во многом любопытную...¹⁷

До новых строк. Жму руку.

Твой К. Бальмонт.

Р. S. Я остаюсь в Париже до 27-го января н. с.».

Работая над переводом поэмы, Бальмонт, судя по письмам, углубленно изучал буддологические труды, готовил себя к встрече с «живым» буддизмом в Индии и на Цейлоне. Чтобы понять

сущность этой религии и подобрать иллюстрации к переводу, в письме к М. Сабашникову он просил прислать книги по буддизму.

13. I. 1912 (из Парижа):

«Р. С. Молил бы тебя послать мне книги:

- 1) Пишель (или Пешель) «Жизнь Будды» (изд. Кушнерева),
- 2) Ольденберга, то же (изд. Солдатенкова),
- 3) Минаев о Буддизме (изд. Акад., Спб.), и
- 4) Васильева о Буддизме. Спб., 1857 (если мыслимо найти).

Дорогой Миша... я здесь до 27-го — 28-го, из Лондона уже уезжаю 1-го февраля н. с.

Жду ответа.

Песни «Будды» дошлю перед самым отъездом. Посылаю тебе две книжки С. Леви, чтобы ты увидел две его манеры разговора. Для нас ему придется выбрать среднее: одно слишком элементарно, другое слишком учено. Леви уже искушен мною писать. Но формально я еще не договаривался с ним.

Верно, увижу его сегодня или на днях. Напишу тотчас.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт».

В письме речь идет о книгах, которые уже были, очевидно, поэту известны:

1) Р. П и ш е л ь. Будда, его жизнь и учение. Пер. с немецкого под редакцией Д. Н. Анучина. М., 1911.

2) Г. О л ь д е н б е р г. Будда, его жизнь, учение и община. Пер. с немецкого. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1884 (книга затем несколько раз в России переиздавалась).

3) В. П. В а с и л ь е в. Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 1. Спб., 1857.

Академик В. П. Васильев — выдающийся буддолог и синолог по праву считался одним из лучших знатоков буддизма, его труды пользовались высоким научным авторитетом. Популярны были в России и книги крупных зарубежных индологов Германа Ольденберга и Ричарда Пишеля. Первое издание перевода книги Пишеля вышло с предисловием известного этнографа и антрополога Д. Н. Анучина, с которым поэт состоял в переписке

и к которому он обратился за помощью в подготовке к кругосветному путешествию (подр. см. вступительную статью).

1 февраля 1912 г. — в день отъезда — Бальмонт направил из Парижа М. Сабашникову письмо:

«Дорогой Миша, уезжаю. Не успел кончить 2-х страниц, чтобы послать продолжение «Будды». Пошлю из дальних стран. Спасибо за все.

Твой К. Бальмонт».

Ровно через месяц из Кейптауна Бальмонт сообщал издателью: «Посылаю тебе 10-ю, 11-ю, 12-ю песни «Будды». Одновременно посылаю Кате ¹⁹ песню 13-ю, которую она, по прочтении, перешлет тебе. Следующие готовятся... Собираюсь ехать в глубь страны. Если увидишь Д. Н. Анучина, передай, пожалуйста, ему мою благодарность за письмо и книги...²⁰

Во время путешествия Бальмонт продолжал упорно работать над переводом поэмы. В письме из Тасмании от 16 апреля 1912 г. он писал издателью:

«Миша, я отправил тебе, одновременно с этим письмом, в закрытом и запечатанном пакете, весь текст «Жизни Будды» Асвагоши — Дгармаракши и, в качестве приложения, 4 лучших главы из первичного текста ²¹ «Жизни Будды» Асвагоши, коего неполных 13 глав сохранилось на санскритском языке. Я вполне предпочитаю версию Асвагоши — Дгармаракши («Жизнь Будды», как она сохранилась на китайском языке). Но эти добавочные 4 главы имеют безусловный литературный интерес и, кроме того, уберегут нас от осуждения, что первичный текст обойден. Остальные главы первичного текста сухи и не пригодны для Русской публики.

В «Жизни Будды» Асвагоши — Дгармаракши есть тоже 3—4 сухие, и для европейца гротескные, главы, но они теряются в пленительной законченной новелле, отмеченной высоким благородством мысли и настроения.

Листок изъяснительный таких слов, как Риши, Муни, Сумеру, Бхикшу и т. п., дошло в одном из ближайших писем, равно как письмо к Сильвэну Леви, которое попрошу тебя переслать ему с твоим собственным дополнительным письмом (в каком-нибудь добром предложении ему твои условия, а равно указать, что именно ты желаешь иметь во вступительном очерке, — если мое письмо окажется неполным). ...Корректуры хотелось бы увидеть возможно скорее. Прочту их внимательно и не задержу.

Уезжаю послезавтра в Австралию, где пробуду недолго.

Будда сопровождал меня все время в Атлантике и в Индий-

ском Океане и в Южной Африке, и мне все кажется сказочным, что он уже окончен.

Жму руку.

Твой К. Бальмонт».

В одном из писем друзьям в Париж из Аделаиды (16.V.1912) поэт сообщал о «непомерной работе над Буддой».

Следуя договоренности с Бальмонтом, после получения текста перевода издатель написал письмо С. Леви с просьбой подготовить предисловие. В архиве Сабашниковых сохранились русский оригинал письма и французский перевод (на официальном бланке издательства — на «французском варианте», напечатанном на машинке, проставлено число — 22 августа 1912). Русский оригинал написан рукой М. В. Сабашникова:

«Милостивый Государь,

Ваш знакомый известный русский поэт К. Д. Бальмонт перевел в стихах поэму Асвагоши — Дгармаракши «Жизнь Будды». Этот перевод будет выпущен в свет нашим издательством. По соглашению с К. Д. Бальмонтом, находящимся в настоящее время в кругосветном путешествии, мы обращаемся к Вам с просьбой написать в виде вступительной статьи для издаваемой книги небольшой историко-культурный очерк, дающий характеристику эпохи возникновения поэмы, биографические и исторические данные об ее авторе, оценку художественного и исторического значения поэмы, сведения о судьбе ее текста, необходимые для понимания поэмы, а также сведения о Будде и буддизме. Одним словом, желательно, чтобы предполагаемая статья помогла читателю — неспециалисту и не обладающему эрудицией, но образованному и привыкшему к серьезному чтению понять поэму, заинтересоваться ею и оценить ее значение. Издание наше рассчитано на широкую публику. Очерк желательно вместить в 3—4 листа по 40. 000 букв примерно.

Мы очень надеемся, что Вы не откажетесь от составления указанной статьи и, будучи большим ценителем Асвагоши, как нам известно из Ваших трудов и по сообщениям К. Д. Бальмонта, Вы поделитесь с русским читателем поэмы Вашими обширными познаниями и Вашей любовью к этому памятнику литературы.

Нам очень хотелось бы иллюстрировать поэму репродукциями произведений древнебуддийского искусства, архитектуры, скульптуры, живописи и пр. близких ко времени возникновения поэмы.

Особенно было бы приятно дать репродукцию изображений

на сюжеты поэмы и лиц, и предметов, в ней упоминаемых. Мы очень просили бы Вас оказать нам и в этом Ваше компетентное содействие и дать нам возможность иллюстрировать нашу книгу, указав нам, какие именно произведения древнебуддийского искусства желательно поместить в книгу и откуда (т. е. из каких научных художественных изданий, собраний и музеев) можно заимствовать или сфотографировать их.

В случае согласия Вашего на наше предложение мы просим Вас сообщить нам, к какому времени Вы могли приготовить статью, и назначить условия Вашего вознаграждения.

Само собой разумеется, мы рассчитываем получить статью на французском языке и о переводе ее на русский озаботимся сами...»

Путешествие Бальмонта продолжалось, и продолжалась работа над переводом поэмы Ашвагхоши. В письме от 18.X.1912 с острова Ява он сообщал, что «снова перечел 8 песен «Будды» и отослал их М. Сабашникову».

После возвращения в Париж в конце декабря 1912 г. Бальмонт не расстается с Ашвагхошей, вновь консультируется с С. Леви.

«Дорогой Миша,— пишет он Сабашникову из Парижа 6. I. 1913,— привет Новогодний тебе и твоим.

Отослал тебе сегодня первые 5 листов сверстанных и песни 9—15 неверстанные. Молю убедиться, что поправки в листах, подписанных к печати, будут исправлены в точности (их очень немного). Возобновляю прошлогоднюю просьбу: пошли мне, если возможно (хоть на краткое подержание), книги: Ольденберг, «Будда», и исследования по Буддизму Минаева²² и Васильева... На днях собираюсь к Леви. Хотелось бы говорить с тобой. Очень интересуют меня твои новые серии. Жму руку.

Твой К. Бальмонт».

Через три недели поэт вновь пишет издателю.

(30. I. 1913 из Парижа):

«Я получил твоё письмо последнее. Равно я получил, в своё время, прекрасный том Овидия и радуюсь, что мой Асвагоша — Дгармаракша будет иметь столь же внушительный и изящный вид...

Я вполне согласен со всеми твоими соображениями. Да будут все технические соображения осуществлены — как ты пишешь. На левых страницах, для красоты и изящности, должно стоять, конечно, Будда,— на титульном же листке и на обложке «Жизнь Будды».

С нетерпением буду ждать последних корректур: песен

Асвагоши, согласно с Санскритским текстом. По прочтении и сверстке их пришлю тебе «Изъяснительный листок некоторых слов»²³. По отпечатании же всей книги, вместе с вводной статьей Леви, думаю, нужно будет сказать несколько слов об иллюстрациях, которые будут включены, к чему я теперь же в ближайшие недели подготовлюсь, в дополнение к тому, что уже сделано мною во время моего путешествия.

Я привез из Боро-Будура (величайший в мире Буддийский храм, в глубине Явы) превосходные фотографии различных Буддийских изваяний. Пошлю тебе наилучшие и наиболее характерные. Кроме того, с ближайшего понедельника (сегодня четверг) я буду ходить в библиотеку Гимэ²⁴ и рассмотрю решительно все сборники, посвященные Будде в искусстве. Там есть хорошие коллекции, и можно будет выбрать хорошие образцы для воспроизведения их в Русской передаче лучшего, существующего в Мировой литературе, песнопения, посвященного лику Совершенного, Миром Хвалимого.

С Леви я увижусь послезавтра и буду его торопить с введением.

Радует меня весьма твой широкий издательский замысел. Как хотелось бы, чтобы он осуществился целиком и в еще более расширенном виде...

У меня есть неиспользованные фотографические воспроизведения памятников искусства, руин, и типов туземцев, которые могли бы послужить иллюстрациями...

Итак, буду ждать от тебя скорого ответа о всех этих работах. Хочется думать, что в твоей плавильне найдется место для тех металлов, для тех обломков и слитков, которые я уже давно собираю по разным странам и хотел бы превратить их в ваяния.

В заключение повторяю просьбу послать мне Ольденберга, «Жизнь Будды», и, если можно, — хотя бы на поддержание, — исследования по Буддизму наших ученых, Васильева и Минаева.

Жму твою руку.

Всяких благ тебе и твоим.

Искренно твой
К. Бальмонт».

Переписка с Сабашниковым стала постоянной — в центре ее подготовка к печати поэмы Ашвагхоши.

10. II. 1913 (из Парижа):

«Миша, я наконец свиделся с Сильвэном Леви и с скорбием узнал о каком-то недоразумении. Оказывается, он писал тебе еще до ноября, но до сих пор никакого ответа от тебя не получил...

Во всяком случае, я подтвердил Леви о твоём действительном и серьёзном желании иметь его введение к моему переводу Асвагоши. Я сказал, что предисловие должно иметь в виду большую публику, и просил его, в общих чертах, устранив все чисто-техническое и специальное, очертить картину эпохи, выходящей в Индии явление Будды и Буддизма, и условия, выходящие поэму Асвагоши. Если, по получении от него статьи, мы увидим, что в ней не затронуты какие-либо вопросы, которые желательно было бы иметь разъяснёнными в связи с поэмой, я могу дать дополнения в Послесловии²⁵.

Леви сказал мне, что хочет дать очерк в размере 12-и — 16-и страниц формата Овидия твоего. Будь добр телеграфировать мне, сколько ты ему за это можешь и захочешь предложить. Я тогда быстро сговорюсь с ним.

...Леви сказал мне, что он может написать статью к Пасхе, но я уверен, что я смогу его упросить поторопиться. Во всяком случае, если он нас будет задерживать, задерживаться не стоит, и я нахожу твой план одновременного печатания 1-го и 2-го издания весьма желательным, во многих смыслах.

Я познакомился у Леви с Фушэ, лучшим французским знатоком Буддизма, автором «Буддийской иконографии», которую я сейчас еду купить²⁶. По ней я выберу ряд иллюстраций, а он мне даст оригиналы фотографий для воспроизведения. Надеюсь все это устроить на этих же днях. Я пошлю тебе, кроме того, фотографии, которые я сам добыл в Боро-Будуре, на Яве²⁷.

Поспеш с корректурами оставшихся 4-х песен (Асвагоша, согласно с Санскритским текстом).

Спасибо за Ольденберга²⁸. За размышления же и заботы, связанные с моим возвращением в Россию, да вознаградят тебя светлоголовые духи благополучия и удачи. Тонкое внимание и обдуманность совета так же изящны, как безукоризненное стихотворение или безупречная картина.

Жму твою руку.

Искренно твой

К. Бальмонт».

22. II. 1913 (из Парижа):

«Миша, как я писал тебе в открытке, я получил твоё письмо от 28-го января и телеграмму. Сильвэн Леви у меня был, и мы с ним договорились о предисловии... Статью, по написании, он доставит мне, я её переведу и доставлю тебе в готовом для печати виде. К сожалению, он занят своими лекциями сейчас и не может дать очерк ранее первых чисел апреля, а вернее, половины апреля. Если нас не задержат иллюстрации, конечно, не

стоит задерживаться из-за предисловия, в послесловии будут мною даны необходимые разъяснения,— и тогда я очень сочувствую твоему плану — выпустить первым изданием небольшое число экземпляров без предисловия.

Виделся я и с Фушэ. Он дал мне несколько иллюстраций, придет и еще 2—3. Все это я с ближайшей почтой высылаю тебе, равно как последние корректуры, сегодня полученные. На фотографиях будут надписи на обороте. Молю не испортить фотографий и по окончании надобности вернуть их.

Теперь перехожу к твоему плану. На титуле, как писал, нужно выгравировать лишь АСВАГОША (без Дгармаракши) ²⁹. Общий заголовок ТВОРЕНИЯ ВОСТОКА весьма одобряю ³⁰. Радуюсь, что мой Асвагоша будет первым именем этой благородной Пагоды,— он того и стоит. Его возраст,— без ста лет 2. 000,— дает ему все права на это.

Обращаю твое внимание на то обстоятельство, что перед началом поэмы, которая вся теперь у тебя, должен быть листок. **СОГЛАСНО С КИТАЙСКИМ ТЕКСТОМ** ³¹.

Приложение, как ты, вероятно, видел, имеет подобный листок —

СОГЛАСНО С САНСКРИТСКИМ ТЕКСТОМ ³².

Корректуру обложки, титула и этого листка хотел бы увидеть...

...До скорой встречи, надо думать...?

Жму твою руку. Твой *К. Бальмонт*».

Поэт ждал последних корректур поэмы, Леви готовил предисловие. В архиве Сабашниковых хранится открытка Леви к Бальмонту от 23. III. 1913 (послана из небольшого городка близ Парижа):

«Милостивый Государь! Подтачивающие здоровье моей жены приступы ревматизма вынудили нас на несколько дней уехать из Парижа. Но я помню свои обещания и выполняю в срок. Как только будет готова рукопись, передам ее Вам вечером какой-нибудь пятницы, если это в конце концов еще возможно после стольких проволочек.

Со всей сердечностью.

Сильвэн Леви» ³³.

(Из письма от 7 апреля явствует, что Бальмонт отослал открытку в Москву.)

26 марта из Парижа отправил Сабашникову письмо Бальмонт:

«Посылаю тебе, подписанными к печати, последние листки «Будды»... Благополучно ли дошли фотографии Будды? Не

благодарю тебя за все хлопоты, дружеские и юридические, ибо не имею слов для выражения искренней и сердечной моей признательности».

Вскоре поэт направил издателю иллюстрации для книги.

5. IV. 1913 (из Парижа):

«Посылаю тебе иллюстрации и радуюсь, что ты все их взял. Не нашел я лишь 1-й, «Храмы Боро-Будура»³⁴, и принимаю это за указание Судьбы. Да не будет «Храма», а на его место поставим Цейлонского Будду³⁵.

Кстати, ведь ты поместишь все иллюстрации вместе, после текста? В тексте они разбивали бы впечатление³⁶.

Осуждаю себя, что не догадался вовремя доставить тебе «Примечания»³⁷. Но ведь еще не поздно? Корректуру его мне можно не доставлять. Я надеюсь, что опечаток не будет...

Помышляю о Москве (недель через 5, верно, свидимся).

Шлю признательный привет».

И новое письмо издателю в Москву через 2 дня.

7. IV. 1913 (из Парижа):

«Я отправил тебе иллюстрации (которыми очень доволен) позавчера,— ответить немедленно на письмо твое последнее (20 марта) не мог, ибо вчера было воскресенье.

Первую иллюстрацию (Храм «Боро-Будур») будь добр не включать в коллекцию, таким образом число иллюстраций будет четное. Но, чтоб использовать ее, нельзя ли поместить ее в виде заставки или концовки, как ты найдешь благоподходящим? Это увеличило бы красоту нашего Асвагоши³⁸.

Согласен с тобой, что о Дгармаракше нужно было прибавить два-три слова. Лучше прибавить их в «Заметке», дабы не пестрить титульную страницу. Вырезать напечатанное не нужно,— из самой заметки теперь будет видно, что поэма в Русском воспроизведении согласуется с Китайским текстом³⁹.

От Сильвэна Леви я получил несколько дней назад открытку, каковую прилагаю⁴⁰ (он обещал мне доставить статью до 15-го апреля н. с.). Что статья будет доставлена, и в апреле, это несомненно. Но не знаю, можем ли мы быть уверены, что она будет доставлена именно до 15-го *. Итак, реши сам, что предпочтительнее, выпустить ли небольшое количество экземпляров «Будды», как первое издание, без предисловия Леви или же ожидать. Я бы лично думал, что все же лучше не ждать, ибо задержка с ним (хотя бы на неделю, на две), задержка с переводом статьи (хотя я переведу ее без промедлений), задержка с корректурой статьи (хотя бы на неделю) — все это сложится

* Склонен думать — нет (*приписано Бальмонтом*).

в муравьиные величины, малые, но и возрастающие до муравейника. Итак, в этом реши сам, тебе виднее.

Я счастлив мыслью, что Асвагоша предстанет в достойном лике перед **Россией** (подчеркнуто К. Бальмонтом), о которой он не мог предполагать, но которая в 20-м веке, уверен подарит ему много друзей...

Зная, сколько ты сделал, размышляя о моем возвращении в Россию, я исполнен душевного света, а в то же время мысль меня спрашивает: «Истинно ли ждет меня кто-нибудь там в России?»

Жму твою руку.

Искренно твой *К. Бальмонт*».

В мае Бальмонт вернулся в Москву и на вопрос встречавших корреспондентов о цели его кругосветного путешествия, в частности, ответил: «В Индии мне удалось сделать большую работу — перевести русскими стихами древнюю санскритскую поэму «Жизнь Будды» поэта Асвагоши»⁴¹.

Том, выпущенный М. Сабашниковым, включает перевод Бальмонта «Жизнь Будды» по китайской версии (все 28 «песен» в передаче Дхармаракши), перевод четырех глав (№ 1, 2, 3, 13 санскритского оригинала поэмы Ашвагхоши, текст сохранился не полностью), предисловие С. Леви, небольшую вводную «заметку» и краткий «Изъяснительный листок» (своего рода указатель основных имен и терминов). Послесловия, обещанного издателю, в книге нет — видимо, оно не было Бальмонтом написано либо не поступило в срок (М. Сабашников выполнил просьбы поэта о структуре и оформлении книги).

В заметке Бальмонт дал самые общие сведения об Ашвагхоше и Дхармаракше, которые «лучисто связаны», и выразил признательность А. Фуше и «превосходному французскому санскритологу Сильвэну Леви за доброе отношение к работе и многие ценные указания». Если А. Фуше помог переводчику в подборе иллюстраций, то роль С. Леви в подготовке перевода поэмы была очень велика: С. Леви, как об этом сообщают письма Бальмонта издателю и переписка французского ученого с русским поэтом, ввел переводчика в «мир Ашвагхоши и буддизма», обсуждал с ним различные теоретические проблемы, давал необходимые разъяснения, помогал в трактовке сюжетов, реалий, терминов; есть основания полагать, что именно С. Леви посоветовал Бальмонту ознакомиться с главами санскритского оригинала (по переводу Э. Коуэла) и включить некоторые из них в качестве приложения.

Предисловие, специально подготовленное С. Леви для книги, — небольшое по объему, но глубокое по содержанию и вели-

колепное по форме эссе. В нем ярко проявился и талант популяризатора, и высочайший профессионализм лучшего в мире знатока творчества Ашвагхоши. Буддийский поэт и проповедник показан на фоне общеисторического, культурного и религиозного развития древней Индии и сопредельных стран, приведены известные науке факты биографии Ашвагхоши, вкратце изложено содержание его сочинений.

«Ашвагхоша,— писал С. Леви,— величайший художник, какого породил Индусский Буддизм и самый, быть может, сложный гений Индии».

Предисловие помогло русскому читателю оценить значимость буддийской литературы и культуры в целом, глубже проникнуть в суть буддийской доктрины, отделить поздние легенды от реальных фактов жизни основателя учения (за восемь десятилетий со времени написания предисловия данные об Ашвагхоше и его сочинениях значительно обогатились, многое сейчас наукой пересмотрено. Поэтому переиздавать предисловие С. Леви не представляется целесообразным).

Издание поэмы Ашвагхоши получило высокую оценку критики. Подробную рецензию написал В. Брюсов⁴². Оценив важность издания и публикацию на русском языке памятника буддийской мысли, Брюсов высказал немало замечаний переводчику.

Традиционный интерес в России к Индии, индийской культуре, буддизму получил новое реальное воплощение.

О значимости издания говорилось и много позднее. В 1926 г., когда отмечалось 35-летие издательской деятельности братьев Сабашниковых, писатель С. В. Шервинский в своей речи отмечал: «Сколько нужно было иметь прозорливости, издательского такта, наконец, художественного вкуса и внимания, чтобы серия с такими далекими именами, как Овидий, Фукидид или Асвагоша, не отпугнула от себя читателей»⁴³. Московский литературовед И. К. Линдеман к юбилею издательства написал небольшое четверостишие:

Когда же Асвагошу
Ввели в свой книжный круг,
Соперников в калошу
Всех посадили вдруг.

В этом шуточном стихотворении содержался и глубокий серьезный смысл — публикация «Жизни Будды» стала заметным событием не только в деятельности издательства Сабашниковых, но и культурной жизни России⁴⁴.

¹ Можно предположить, что Бальмонт знал о поэме Ашвагхоши еще значительно раньше. Об этом свидетельствует один любопытный факт: в 1895 г. друг юности Бальмонта, поэт А. Курсинский писал В. Брюсову из Ясной Поляны: «Очень рад, что к тебе приехал Бальмонт... Теперь пишу «нечто» большее, а также перевожу с аглицкого евангелие Будды, где масса прекрасных стихов. Р. С. Если увидишь Бальмонта, кланяйся ему от меня». А. Курсинский в это время был учителем М. Л. Толстого в Ясной Поляне и переводил «Жизнь Будды» (по книге С. Била). В то время это издание имелось, видимо, в яснополянской библиотеке — сейчас там сохранился лишь немецкий перевод поэмы (Лейпциг, 1894), сделанный с английского С. Била. Сравнение «Жизни Будды» с евангелием мы находим затем в рецензии В. Брюсова на перевод Бальмонта.

² Действительно, в то время, кроме английского перевода, никаких европейских переводов издано не было.

³ Речь, очевидно, идет прежде всего о С. Леви.

⁴ Ю. Словацкий. Три драмы: Белладина, Лилля Венета, Гелоон-Эолион., пер. с польского стихами К. Д. Бальмонта, М., 1911.

⁵ *Margare* — Маргарита (М. В.) Сабашникова-Волошина — художница, друг Бальмонта в течение многих лет. Портрет поэта (1919 г.) был с натуры нарисован художницей, она же оформляла обложку сборника Бальмонта «Литургия красоты» (1905).

⁶ Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — русский писатель, литературовед и переводчик.

⁷ Ремизов находился в это время в Париже, и Бальмонт передал ему вместе с визиткой поэму — очевидно, $\frac{1}{3}$ часть перевода, которая была уже готова. В это время Ремизов писал о Бальмонте в Россию А. Блоку: «Сколько еще молодости в нем, порывистости и нежности» (письмо от 1. VII. 1911; хранится в ЦГАЛИ).

⁸ Речь идет о переводе сохранившихся глав по санскритской версии. Можно предполагать, что об английском переводе санскритской версии Бальмонт узнал от С. Леви.

⁹ Версия Дхармаракши по переводу С. Била.

¹⁰ S. L é v i. Āśvaghosa, le Sūtrālamkāra et ses sources.— *Journal Asiatique*, 1908, t. XII, № 1.

¹¹ «Буддхачарита» («Буддачарита») — «Жизнь Будды».

¹² S. L é v i. Le Buddhacarita d'Āśvaghosa.— *Journal Asiatique*, 1892, vol. I.

¹³ «Памятники мировой литературы».

¹⁴ П. Бойе (Буайе) — известный французский славист, ректор Школы живых восточных языков в Париже, многократно бывал в России, встречался с русскими учеными-славистами, писателями и поэтами, в частности, с А. Блоком. В Париже с ним виделся не только Бальмонт, но также А. М. Ремизов и другие русские писатели.

¹⁵ Некоторые ученые считают, что имя создателя китайской версии было Дхармакшема (например, С. Леви). Один из лучших специалистов, Э. Джонстон полагает, что обе передачи имени справедливы.

Судя по письму, подписанный поэтом договор являлся копией

первого договора, которая учитывала уже просьбы переводчика (в частности, о сорока экземплярах). Договор написан рукою М. В. Сабашникова.

¹⁶ Письмо издатель обратно в Париж не отослал, видимо, потому, что поэт собирался в кругосветное путешествие.

¹⁷ Речь шла, очевидно, об общей статье С. Леви, посвященной Ашвагхоше (1908); она имела и в виде оттисков, но была послана позднее, вместе с популярной. См. письмо поэта от 13. I. 1912.

¹⁸ О какой из книжек (статей) С. Леви идет речь, сказать трудно. Возможно, перевод 1-й главы поэмы, введение к которому дает самые общие сведения.

¹⁹ Екатерина Алексеевна Бальмонт — жена поэта, которая жила тогда в Москве.

²⁰ Бальмонт в письме из Парижа 17. I. 1912 просил Д. Н. Анучина прислать его работы по антропологии и этнографии. См. вступительную статью.

²¹ Имеется в виду санскритский оригинал.

²² Очевидно, Бальмонту был известен главный труд основателя русской индологической школы И. П. Минаева по буддизму — «Буддизм». Исследования и материалы. Т. 1. вып. 1—2. Спб., 1887.

²³ «Изъяснительный листок» был в книге напечатан.

²⁴ Библиотека Гимэ — библиотека музея Гимэ в Париже.

²⁵ Никакого послесловия не потребовалось, Бальмонт снабдил книгу лишь краткой вводной заметкой.

²⁶ Речь идет об одной из двух книг А. Фуше по буддийской иконографии: A. F o u c h e r. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'après les documents nouveaux. Paris, 1900; о н ж е. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde d'après des textes inédits. Paris, 1905.

²⁷ В вводной заметке Бальмонт писал, что ряд фотографий был ему предоставлен А. Фуше (см. письмо издателю от 22. II. 1913), а некоторые были сделаны им самим во время посещения буддийского комплекса Боробудур на Яве.

²⁸ Видимо, Бальмонт получил книгу Г. Ольденберга «Будда, его жизнь, учение и община», о которой не раз просил издателя.

²⁹ Это было сделано издателем.

³⁰ Асвагоша (Ашвагхоша) была первым изданием в этой серии.

³¹ Этого сделано не было.

³² Это пожелание было выполнено: «Четыре главы из первичной «Жизни Будды» Асвагоши, 1-я, 2-я, 3-я, 13-я согласно с Санскритским текстом».

³³ Текст на французском языке.

³⁴ Судя по последующему письму и изданию книги, поэт нашел фотографию храма в Боробудуре и отослал ее в Москву. В книге она помещена под № 1.

³⁵ «Цейлонский Будда» (Самадхи Будда из Анурадхапуры) помещен в книге под № 20.

³⁶ Издатель поместил фотографии в разных разделах книги.

³⁷ Примечания, если они даже и были составлены, не были опубликованы в книге.

³⁸ См. примечание № 34; она как бы «Заставка», о чем и просил поэт.

³⁹ В заметке Бальмонта сказано:

«Русский перевод воспроизводит поэму Асвагоши в том виде, как переработал ее Дгармаракша, который довел благоговейную повесть до законченности».

⁴⁰ См. текст открытки на с. 275.

⁴¹ «Русская мысль», кн. XI, 1913, ноябрь, с. 413.

⁴² Представляется целесообразным вновь, через три четверти века, воспроизвести эту рецензию В. Брюсова. См. ниже.

⁴³ С. В. Ш е р в и н с к и й. Памятники мировой литературы — Издательство М. и С. Сабашниковых. К 35-летию издательской деятельности, 1891—1926. М., 1926, с. 35.

⁴⁴ С. Б е л о в. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974, с. 96.

«Новым выпуском «Памятников мировой литературы» издательство М. и С. Сабашниковых вновь делает русской литературе ценный подарок. Поэзия индусов и священные письма буддистов до сих пор остаются у нас областями литературы наименее известными. Между тем знакомство с ними весьма важно и по высокой художественной ценности индусской поэзии, и по громадному историческому значению буддизма. Малая распространенность санскритского языка делает особенно желательным появление переводов с него. Новое издание М. и С. Сабашниковых сразу отвечает двум потребностям: дает перевод и одного из замечательнейших созданий санскритской литературы, и одной из «законоположительных» книг буддизма, значение которых приближается к значению наших Евангелий. Приходится, конечно, пожалеть, что поэма Асвагоши доходит до русского читателя, так сказать, из третьих рук. Предисловие к книге объясняет, что на санскритском языке сохранились лишь первые 17 песен поэмы. Но еще в V веке нашей эры она была переработана на китайском языке поэтом Дгармаракша. Эта китайская обработка и положена в основание русского перевода. Так как К. Бальмонт с китайским языком не знаком, он должен был пользоваться переводом поэмы на один из европейских языков, — на какой, переводчик не указывает *. Однако такова творческая сила индусского поэта, что даже в третьем отголоске многие части его поэмы производят впечатление неодолимое — простотою и живописностью рассказа и глубиной высказываемых мыслей. Имея в руках лишь «перевод с перевода пересказа», читатель все же чувствует, что пред ним — создание истинно великое, одно из драгоценнейших сокровищ мировой литературы. Читая поэму Асвагоши, вполне понимаешь, какое безмерное богатство творческой мысли заключает в себе буддизм. Многие из того, что, при передаче в современных философских терминах, кажется нам повторением давно известного, здесь, в поэме, будучи воплощено в художественных образах, приобретает всю яркость новизны и открывает мысли новые кругозоры.

Так как мы не знакомы с оригиналом поэмы Асвагоши и с тем переводом, которым пользовался К. Бальмонт, мы воздержимся от

* На это Бальмонт, однако, указывает в вводной заметке.

окончательного суждения о его работе. Скажем только, что в ней явно видны все обычные достоинства и недостатки его переводов. К достоинствам относится умение переводчика находить слова яркие и выразительные, говорить сжато и метко. Чутье поэта позволило ему во многих местах (хотя он и пользовался переводом китайского подражания) дать нам почувствовать чистоиндийские приемы мысли и речи. Недостатком мы считаем прежде всего крайне невыработанный словарь. К. Бальмонт словно не знает, что у каждого народа и у каждого века своя речь, а у каждого поэта свой словарь, и переводит одним и тем же языком и Шелли, и Эдгара По, и Кальдерона, и Асвагошу. При всем доверии к переводчику, мы не можем поверить, что все эти поэты писали бальмонтовским языком, с характерными бальмонтовскими оборотами речи. В переводе поэмы Асвагоши славянизмы и народные речения («во садах», «сребро», «злато», «златой», «стяг», «болесть», «хвать», «сочетанный» и т. д.) стоят рядом со словами, — вряд ли здесь уместными, — заимствованными из новых языков («жеманно», «свита», «павильон», «балдахин», «бунтовать», «вазы» и т. д.), а выражения, свойственные едва ли не одному К. Бальмонту («разлучности упрек», «внушенья чар», «влеченья телесных услад», «от вознесенности к срыву», «безглагольность» и т. д.), чередуются с преднамеренными неправильностями речи («возжаждалось выезд свершить», «был ужаснут», «был потопшим», «сокрушился вниз», «цеплянья». Недоумение возбуждают и размеры стихов, которыми переведена поэма. Если переводчик не имел возможности приблизиться к размерам подлинника, ему надлежало (при нежелании переводить прозой) избрать стих, не имеющий резких метрических особенностей, но сохраняющий всю силу ритмической речи, — например, пятистопный ямб, столь обычный в нашем эпосе. К. Бальмонт поступил иначе: отдельные песни поэмы переведены у него то ямбом, то хореем, то амфибрахием, то дактилем, то длинными, то короткими стихами (6-, 5-, 4-, 3-стопными), то с чередованием мужских и женских окончаний, то без такого чередования. Соответствие этих размеров стиху подлинника и тому, что об нем говорится в предисловии, — весьма сомнительно».

В. Брюсов

Калидаса

Драмы

Живя в этом утонченном мире, Калидаса написал три совершенные драмы, которые навсегда останутся драгоценным талисманом, игрою своих блестков живописующим породившую его Индию... Во всех трех драмах Калидаса, как мудрый драгоценщик, играет непрерывно тончайшими переплесками и пересветами человеческого сердца, и, не беря для своих чар ничего из общедоступной для всех поэтов сокровищницы волшебств черной магии, опираясь лишь на свой утонченный, вознесенный гений и завет светлого кудесничества, он достигает ощущения некончающейся звездной пляски души.

К. Бальмонт

КАЛИДАСА И ЕГО СУДЬБА В РОССИИ

В Индии и сейчас почти каждому знакомо идущее из глубины веков старинное изречение:

«Из всех видов поэзии — драма,

Из драм прекраснейшая — «Шакунтала».

Так народная мудрость подарила бессмертие великому поэту и драматургу Калидасе, который жил пятнадцать столетий назад, но навеки оставил о себе память и в Индии, и далеко за ее пределами. Его имя окутано множеством легенд и преданий. Уже в древности Калидаса считался одной из девяти «жемчужин» при дворе знаменитого царя династии Гуптов Чандрагупты II (380—413), носившего впечатляющий титул — «Солнце могущества». Талант поэта и драматурга был высоко оценен мудрецами, прославленными сказителями, авторами трактатов по поэтике и драматургии, ему приписывались различные по времени сочинения разных жанров. Имя Калидасы «присваивали» себе писатели; многочисленные города Индии спорили о праве называться родиной Калидасы. Создавался собирательный мифический образ мастера слова, учителя поэтического и драматургического искусства. От Калидасы вели отсчет своей истории индийские литературы на среднеиндийских, новоиндийских и даже древнеиндийских языках.

Но Индия знала и реального Калидасу, автора трех драм («Маявика и Агнимитра», «Шакунтала» или «Узнанная по кольцу Шакунтала» и «Урваши» или «Мужеством добытая Урваши»), трех поэм — двух эпических («Род Рагху» и «Рождение Кумары») и одной лирической — «Мегхадута» («Облаковестник»). О Калидасе и его славе говорится в ряде индийских надписей V—VII вв., строфы из его произведений цитируются во многих средневековых санскритских сочинениях, великим и самым тонченным поэтом называет Калидасу известный

индийский теоретик поэтического искусства Анандавардхана (XI в.). Уже в средние века поэмы Калидасы вышли за пределы Индии, были переведены на ряд языков Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии.

Прошло почти тринадцать столетий, прежде чем с Калидасой познакомилась Европа.

Осенью 1783 г. молодой английский юрист Уильям Джонс прибыл в Калькутту, где ему был предназначен высокий пост Верховного судьи. Но карьера чиновника Ост-Индской администрации не прельщала его. Джонс был полностью поглощен изучением Индии и ее древней культуры.

Еще в Европе, интересуясь восточной литературой, он узнал о брахманских сказаниях. Теперь бенгальские мудрецы — пандиты подробно поведали ему о старинных театральных представлениях в прозе и стихах, которые обычно исполнялись при царских дворцах в сопровождении музыки и танцев.

Когда Джонс обращался с просьбой назвать самое популярное и чтимое в Индии сказание, он неизменно слышал: «Сакунтала» поэта Калидасы. С помощью знатоков священных текстов более года изучал Джонс оригинал драмы. В 1789 г. в Калькутте был опубликован английский перевод «Сакунталы» — первое на европейском языке древнеиндийское художественное произведение. Джонс сразу оценил величие Калидасы — «индийского Шекспира или итальянского Метастазия» и высказал мысль о возникновении индийского театра независимо от античного. Прошло немало десятилетий, прежде чем эта точка зрения утвердилась в науке.

Джонс по праву считается основателем научной индологии на Западе, с его именем связано создание «Азиатского общества Бенгалии». Джонс пришел к заключению о родстве и общем происхождении санскрита, греческого и латинского языков, впервые перевел на английский ряд памятников санскритской литературы («Законы Ману», «Хидопадеша», «Гитаговинда», части эпических сказаний и т. д.), в 1792 г. издал на санскрите приписываемую Калидасе поэму «Времена года» («Ритусамбхара»).

В 1791 г. немецкий писатель и общественный деятель Г. Фостер, основываясь на переводе Джонса, опубликовал «Сакунталу» по-немецки. В предисловии он писал: «Каждая страна обладает особенностями, воздействующими на творческий дух и на организацию ее жителей. Из этих очень различных особенностей, сравнивая их и отделяя общее от местного, мы создаем правильное представление о роде человеческом... Тончайшие чувства, на которые только способно человеческое сердце, равно проявляются как у темно-коричневых людей на

Ганге, так и у белых людей на Рейне или Тибре». Эти слова участника Великой французской революции, наполненные новым гуманистическим смыслом, были направлены против распространенных в то время европоцентристских взглядов.

Познакомившись с переводами Джонса и Фостера, Европа была буквально поражена мощью таланта Калидасы и уровнем развития древнеиндийской цивилизации. Глубокое впечатление произвела «Сакунтала», как и другие сочинения Калидасы, на многих выдающихся деятелей западноевропейской культуры: Гёте, Гердера, Гейне, Шиллера, А. Гумбольдта, братьев Шлегель, позднее — Л. Фейхтвангера.

Прочитав драму в переводе Фостера, Гёте посвятил «Сакунтале» взволнованное четверостишие, которое затем многократно переводилось на разные языки мира:

Хочешь ли ранний расцвет с плодами позднего года,
Хочешь ли то, что зовет, что чарует и что утоляет,
Хочешь ли в слове одном постигнуть и Небо и Землю,
Молвлю Сакунтала я, этим все сказано вдруг.

(Перевод К. Бальмонта)

Позднее, в письме А.-Л. де Шези — крупному индологу и санскритологу, переводчику «Сакунталы» на французский язык, Гёте писал: «Впервые познакомившись с этим беспредельно глубоким творением, я был проникнут таким энтузиазмом и так им увлекся, что тогда же приступил к его изучению и стал даже носиться с неосуществимым замыслом хотя бы в известной мере привить эту пьесу на немецкой сцене... Благодаря моим, пусть бесплодным, усилиям я так близко сроднился с этим высокоценным созданием, что оно составило эпоху в моей жизни... Здесь поэт предстает перед нами в своем высшем проявлении как носитель природных сил, утонченнейшего образа жизни, чистейшего нравственного устремления, царственного достоинства... Причисляю Вашу «Сакунталу» к тем прекраснейшим звездам, которые дают моим ночам преимущество перед днями».

Восторженно встретив «Сакунталу», Г. Гейне первым обратил внимание на использование Гёте сценических приемов Калидасы при создании «Фауста» (например, «Пролог в театре» и «Пролог на небесах»).

Ф. Шиллер считал, что «Сакунтала» в передаче чистой и прекрасной любви превосходит произведения древнегреческой культуры. В письме к А. Гумбольдту Шиллер писал, что «во всей греческой античности нет поэтического изображения прекрас-

ной женственности или прекрасной любви, которое хотя бы отдаленно приближалось к Сакунтале». И Гете, и Шиллер мечтали о постановке «Сакунталы» на сцене одного из европейских театров, Бетховен и Шуберт — о создании на ее сюжет оперы и балета.

Не только «Сакунтала», но и другие драмы Калидасы, а также его поэмы вскоре завоевали всю Европу — появились их переводы на английский, немецкий, французский, голландский, датский, итальянский, на латинский языки.

Счастливая судьба ожидала «Сакунталу» в России. В 1792 г. известный писатель и историк Н. М. Карамзин в «Московском журнале» поместил перевод с немецкого I и IV актов пьесы. Во введении Карамзин писал: «Творческий дух обитает не в одной Европе, он есть гражданин вселенной. Человечек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Так я думал, читая Сакунталу, сочиненную на индийском языке, за 1900 перед сим, Азиатским поэтом Калидасом... Почти на каждой странице сей драмы находил я высочайшие красоты поэзии, тончайшие чувства, кроткую, отменную, неуюснимую нежность, подобную тихому майскому вечеру, — чистейшую, неподражаемую натуру и величайшее искусство... Калидас для меня столь же велик, как и Гомер... Перевел я некоторые сцены из Сакунталы, надеясь, что сии благовонные цветы Азиатской литературы будут приятны для многих читателей, имеющих тонкий вкус и любящих истинную Поэзию».

Сцены из «Сакунталы» в переводе Карамзина были затем опубликованы в журнале «Пантеон иностранной словесности» (за 1818 г.). С «Сакунталой», несомненно, был знаком Пушкин: в библиотеке поэта находится ее французский перевод (Париж, 1803), в книге сохранилась даже закладка (между 194 и 195 стр., VI действие). Пушкинстами было высказано предположение, что «Шакунтала» повлияла на «Русалку». Пушкин внимательно прочитал и второй том известного труда Г. Вильсона «Шедевры индийского театра» (Париж, 1828), в котором подробно освещалось творчество Калидасы.

О «Сакунтале» писали многие журналы тех лет — «Благонамеренный», «Московский телеграф», «Азиатский вестник» и т. д. В журнале «Сын Отечества» в 1838 г. был напечатан перевод с французского первых четырех действий «Сакунталы». Переводчик отмечал «прелестную простоту и чудное величие» драмы. В Театральном музее им. Бахрушина сохранилось либретто М. Петипа балета «Сакунтала» (1858 г.).

Под впечатлением гетевского четверостишия Ф. И. Тютчев создал свою «Сакунталу», которая завершается словами:

Что юный цвет дает цветам —
Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам —
Их царственный багрянец;
Что нежный взор и веселит,
Как перл, в морях цветущий,
Что греет душу и живит,
Как нектар всемогущий
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья
И, словом, небо красоты
В лучах воображенья,—
Все, все Поэзия слила
В тебе одной — Сакунтала.

Позднее Сакунтале посвятил поэму А. А. Фет.

Почти через столетие после перевода У. Джонса драма была полностью переведена с санскрита на русский лингвистом А. Путятой — перевод был напечатан в приложении к журналу «Русский вестник» за 1879 г. Переводчик специально остановился на особенностях индийской драмы и разъяснил ошибочность предположения о происхождении театра Индии под влиянием греческого. По его словам, «Сакунтала» «бесспорно принадлежит к числу лучших произведений индийской поэзии».

Переводы выходили не только в издательствах Москвы и Петербурга, но в Одессе и даже в Вологде, причем для массового читателя — в «Народной библиотеке».

В 1833 г. талантливый русский индолог Р. Х. Ленц издал текст «Урваши» вместе со своим переводом драмы на латинский язык. В 1846 г. в Петербурге был напечатан немецкий перевод «Урваши», выполненный известным ученым Ф. Боллензенем. Позднее по мотивам «Урваши» поэт Д. С. Мережковский (в 1886 г.) создал стихотворение «Орваси (Из Калидасы)». Во вступлении к своему сочинению Мережковский писал: «Калидаса, величайший из индийских драматургов, по мнению некоторых критиков, занимает такое же положение в поэзии Востока, как Шекспир — в европейских литературах».

В 1897 г. крупный историк и филолог, впоследствии академик, Всеволод Миллер перевел с санскрита на русский 1-е действие этой драмы Калидасы. Знакомя читателей с индийским драматургическим искусством, он отмечал: «Драматическое произведение, по индийскому определению, есть поэма, которую не только слушают, но и смотрят... Понятие о трагедии, в смысле классическом, совершенно чуждо Индии... В их пьесах сцены трагические и комические чередуются, как в пьесах Шекспира».

Калидаса открылся русскому читателю не только как драматург, но и как лирический поэт. В переводах с европейских языков появились поэмы «Рагхуванша» («Потомки Рагху»)

и «Мегхадута» («Облако-вестник»). В 1914 г. известный украинский санскритолог Р. П. Риттер перевел с санскрита «Облако-вестник». Он сравнил автора этой элегии с Рафаэлем, Шекспиром и Моцартом — по утонченности передачи глубины человеческих чувств и природы.

Идущее еще от Джонса сравнение Калидасы с Шекспиром объясняется не только масштабностью индийского драматурга. По самозабвению и преданности в любви Сакунтала близка Джульетте; «Любовь в разлуке» роднит ее с Пенелопой; «Мною избран, мной утерян...» — с Изольдой.

Большую роль в судьбе драм Калидасы в России сыграл, как отмечалось, Бальмонт. Ему принадлежат переводы «Сакунталы» (М., 1915) и двух других драм Калидасы (М., 1916), которого он называл индийским волшебником, занимающим «первое место среди драматических поэтов мира».

В течение многих лет поэт интересовался индийским театральным искусством, готовился написать книгу по индийскому театру. В «Сакунтале» Бальмонт увидел театр будущего, и не случайно именно эту драму он предложил молодому режиссеру А. Я. Таирову, который в начале 1914 г. создавал театр нового типа.

«Провести целую бурю к цели, не нарушая законов гармонии,— писал Бальмонт,— показать все человеческое сердце в его любви и пытке, ни разу не оскорбив чувства чрезмерностью, явить отдельный замысел, который весь окрашен цветами и цветом, землею и небом данной страны, и в то же время завоевать восторженные сердца иных стран и всех веков. Достичь высокого пронзения драмы, не прибегая к единому атому злых чар, темного колдования, сплетенного из ночи, яда и крови, превратить рыдания в музыку и боль в одно преобразование — этого никто не достиг, кроме Калидасы в «Сакунтале».

Идею о постановке индийской пьесы поддержали друзья поэта Ю. Балтрушайтис, заведующий в то время литературной частью театра, и В. Брюсов — они оба были большими поклонниками индийской культуры. После многих раздумий предложение Бальмонта было принято.

В «Сакунтале»,— говорил Таиров,— «манило прекрасное величие, сила и нежность этого замечательного творения Калидасы, нас пленяла возможность первыми прикоснуться к тайнам и образам индусского театра». И вместе с тем — возможность выйти за рамки устоявшихся традиций, «освободиться от пут современного театра».

Режиссер ознакомился, очевидно, с первоначальным вариантом перевода: окончательно Бальмонт его еще не завершил и работал над ним во Франции. Здесь он дорабатывал текст для

издания у Сабашниковых, постоянно консультируясь с французским индологом Сильвэном Леви, верил «в большой успех этой пьесы на сцене» (из письма от 12.VI. 1914).

Задуманная работа принесла Таирову трудностей не меньше, чем творческих удач.

Многие убеждали Таирова приостановить создание театра нового типа. По крайней мере вновь обратиться к античному образцу по призыву Мейерхольда. Но выбор был сделан. Как впоследствии записал режиссер, рождение Камерного «было начертано в книге театральных судеб». Таиров не терял надежды и с вдохновением работал. На выставке «Мир искусства» в это время демонстрировались бухарские и киргизские этюды Павла Кузнецова, и, увидев их, Таиров попросил художника взять на себя оформление спектакля.

Традиции сценического воплощения индийской драмы в России еще не существовало. Предстояло найти самостоятельные решения и в оформлении спектакля, и в его постановке. Таирову не удавалось отыскать в Москве необходимые материалы о театре Индии, хотя он вместе с Кузнецовым просматривал музейные коллекции, библиотеки и лавки букинистов. Тогда режиссер решил в музеях Лондона и Парижа ознакомиться с памятниками индийского искусства, в библиотеках — с научными исследованиями по истории индийского театра. В Париже он с увлечением, часто целыми днями просиживал в музее Гиме — там же, где работал с индийскими фондами и Бальмонт. В Лондоне — в Британском музее Таиров знакомился с богатейшими индийскими коллекциями, «рисую и зачеркивая возникавшие в воображении различные планы предстоящей постановки». А. Коонен впоследствии вспоминала, что Таиров из Лондона привез множество книг и «целую тетрадь зарисовок для «Сакунталы»: колесницы, кувшины, старинную индийскую утварь, орнаменты». «Все это, — говорил он, — в помощь Павлу Кузнецову».

Тетрадь, которая ныне хранится в архиве А. Я. Таирова, — своего рода иллюстрация к творческой лаборатории режиссера. Это интереснейший, к сожалению, еще не опубликованный рассказ об основных этапах подготовки спектакля. Кроме зарисовок, здесь выписки из книг, режиссерские заметки о мизансценах, действующих лицах. Таиров подробно знакомится с книгами С. Леви «Индийский театр» (этот труд, высоко ценимый русскими индологами, изучал также Бальмонт) и немецкого ученого Р. Пишеля «Родина марионеток», с работами индийских искусствоведов, общими трудами по истории костюма, приводит высказывания о «Сакунтале» Р. Тагора; судя по записям в тетради, он обращался за советами к индийцам, которых

встретил, очевидно, в Лондоне, — с их помощью он ставит ударения в именах персонажей будущего спектакля.

В Москву Таиров вернулся с твердым намерением воспользоваться «схемой индусского театра, как более близкого спектаклю, менее громоздкого и, по мне, более интересного...».

Пришлось, однако, отказаться от первоначальных эскизов Кузнецова, которые были сделаны в чисто живописном плане. Обсуждая с художником новые декорации, Таиров ознакомил его с теорией индийского театрального искусства по книге С. Леви. В целом Кузнецов выполнил замысел Таирова. Особенно ему удалось костюмы. Большие сложности в оформлении спектакля были связаны с тем, что в Индии при постановке драм декорации отсутствуют. «Мы пережили, — писал впоследствии Таиров, — миллион волнений», прежде чем 12 декабря 1914 г. открылся «Сакунталой» Камерный театр.

На премьере присутствовали многие крупные деятели русской культуры — М. Н. Ермолова, А. Н. Скрябин, Л. В. Собинов, А. В. Нежданова, М. П. Чехова. Как бы передавая общее впечатление о спектакле, Скрябин с восхищением говорил Таирову: «Каким чудом, какими волшебными средствами сумели вы передать дыхание Индии?!»

На следующий же день широко откликнулась пресса: рецензии появились во многих газетах — «Утро России», «Русские ведомости», «Раннее утро», «Русское слово», «Голос Москвы», затем в журналах — «Аполлоне», организованном известным художником С. Маковским, и мейерхольдовском «Любовь к трем апельсинам». Критики по-разному подошли к спектаклю. Некоторые дали резко отрицательную оценку. Но в целом «Сакунталу» приняли: пьесу называли шедевром театрального искусства, Калидасу — гордостью индийской литературы, подчеркивалось режиссерское мастерство Таирова, его хороший литературный вкус в выборе пьесы, отмечали превосходные декорации Кузнецова, безукоризненную игру актеров и прежде всего Алисы Коонен в роли Сакунталы. Коонен — «поэтична, грациозна и трогательна», «постановка Таирова в декорациях Павла Кузнецова — цельна, производит гармоничное впечатление». Рецензент в газете «Голос Москвы» писал: «Ты создал меня бесконечным. Такова твоя воля. Этот бренный сосуд ты опустошаешь непрестанно и опять наполняешь новой жизнью». Эта красивая строфа Рабиндраната Тагора звучала в ушах моих, когда закрылся занавес последней картины». В 1934 г. в своей книге о Камерном театре известный театровед А. Эфрос отмечал: «Декорации «Сакунталы» были прекрасны. Спустя двадцать лет моя память хранит их радужное сияние.

Они были просты и скупы, почти неловки. Но в этом «почти» была их прелесть».

«Сакунталу» Таиров называл гениальной пьесой. Обращение к Калидасе было в полном смысле революционным шагом в истории отечественного театра. Пьеса воспринималась как выступление против пошлости и мещанства, как призыв к Правде, неподдельной чистоте чувств.

Спектакль готовился задолго до состоявшейся премьеры, но открытие театра именно «Сакунталой» в условиях недавно вспыхнувшей войны и разгула шовинизма приобрело особое социальное звучание. В одной из рецензий отмечалось, что древнее мировоззрение, вечная молодость чувства как бы противостоят «изверившемуся, холодно-скептическому, потерявшему всякую наивность веку». Отшельничество Сакунталы звучало не только как уход от искусственного общества, но и как разрыв с ним. Легенда о трогательной любви,— писала «Русское слово»,— «обвеваает зрителя неожиданной и непривычной свежестью, напоминает о земных испытаниях, тревогах, зовет к подвигу в будущем».

Индийская пьеса на русской сцене напоминала о величии Индии, раздавленной колониальной зависимостью, и ее древней культуре. В программе, которую подготовили к премьере, говорилось: «Пьеса вскрывает всю сущность углубленной, созерцательно-мудрой души индуса... Индия мудрого Рамы и светлого Кришны... запечатлелась в веках творческим созданием Калидасы».

Достоинством спектакля критики считали и перевод драмы, выполненный Бальмонтом. «К чести руководителей театра должно отнести и то, что они, не удовлетвовавшись существовавшими переводами, поручили интерпретацию древнего индийского текста Бальмонту, поэту, созвучному с высокими напевами санскритской поэзии и исключительно чуткому и образованному переводчику».

На премьере спектакля Бальмонта не было. Он находился в Париже, считывал последнюю корректуру перевода. Но поэт внимательно следил за ходом подготовки спектакля: еще летом 1914 г., задолго до премьеры, он высказывал надежду на успех пьесы на сцене. «С нетерпением,— писал он в ноябре,— буду ждать впечатлений от постановки «Сакунталы». Было бы хорошо, если бы во все время представления, за сценой, в наиболее лирических местах, играла тихая струнная музыка. Это вполне совпало бы с основными положениями театральной эстетики индусов».

Вскоре после премьеры «Сакунтала» была опубликована. В январском номере журнала «Северные записки» за 1915 г. бы-

ла напечатана рецензия, в которой говорилось: «Жемчужина индийской поэзии — драма Калидасы «Сакунтала» предстала перед русским читателем в изящном поэтическом одеянии, сотканном искусной рукой К. Бальмонта. Углубляясь в красоты драмы, как-то не верится, что 12 столетий отделяют от нас эпоху, в которую создана «Сакунтала». Драматическая поэма дышит такой свежестью и наивной красотой, всё в ней так вечно-юно, что без всякого усилия сживаешься с поэтическими образами и пышной экзотикой индийского поэта. Изысканность чувств и настроений с новой силой покоряет современного читателя, только что изжившего все утонченности эстетизма в литературе Запада... Перевод К. Бальмонта облакает Сакунталу в пышный наряд, достойный стать предметом восхищенного любования. К. Бальмонт великолепно передал едва уловимые оттенки нежных любовных сцен, просветленный пафос страдания, стремительность героических порывов царя-воителя и простонародную речь шута. Бесспорные поэтические достоинства перевода позволяют надеяться, что отныне «Сакунтала» прочно завоюет внимание всех ценителей истинно-прекрасного». Узнав о высокой оценке своего труда, поэт сообщал в Москву: «После первого выпуска Шелли¹ и «Будем как Солнце»² я, кажется, еще ни разу не имел такого быстрого успеха».

«Эта драма,— писал Бальмонт,— воплощающая многое из понятия «Театра Юности и Красоты», еще не оцененная грузными нашими бытовиками, низводящими театр до убогого цепляния за скучную изжитую вещественность и не хотящими понять, что пути души и пути мечты богаче и красивее, чем упорное пребывание в низинах жизни, среди грубости и малого демонизма, эта лучезарная драма предвещает многое из театра будущего».

К годовщине постановки «Сакунтала» ставилась уже сорок раз, и каждый спектакль шел с успехом. Газета «Русское слово» писала о юбилейном спектакле: «Можно со многим не соглашаться в этой постановке, можно спорить, но спорить любовно и с большим уважением, потому что чувствуется здесь и любовь, и знание, и работа, и молодое дерзновение,— как раз те свойства, которыми движется искусство».

Задолго до издания «Сакунталы» Бальмонт приступил к переводу двух других драм Калидасы — «Малявика и Агнимитра» и «Урваши». «Драматическое творчество Калидасы,— замечал он,— трилистник... Каждая из драм — лепесток одного и того же растения. Три лика с одной душой. Три явления с единым личным тождеством».

Бальмонт старался договориться о постановке также «Малявики и Агнимитры» на русской сцене. Он писал об этом Мей-

ерхольду, а затем встречался с ним лично, читал пьесу Таирову, Кузнецову и Коонен.

«Малявику» я отсылаю — в дубликate — Мейерхольду. Прошу его поставить эту вещь в Петрограде и списаться по этому поводу, для скорости, с тобой» (жене, из Парижа, 7.I.1915).

22.II.1915 из Парижа Мейерхольду:

«Я послал Вам на днях «Малявику и Агнимитру» Калидасы. Если бы Вы могли содействовать постановке этой индусской драмы на какой-либо сцене, я был бы Вам очень признателен. Напишите мне, пожалуйста, о Ваших впечатлениях». «Я познакомился с Сакунталой — Коонен. Мила очень. Во вторник читаю ей «Малявику» (жене из Москвы, VI. 1915).

«Я читал «Малявику» Сакунтале³, которую нахожу довольно интересной, но не пленен. Читал ей, Таирову и Кузнецову. Они восхитились изяществом драмы» (18.VI. Из Москвы, жене). В тот же день в письме жене Бальмонт сообщал: «Познакомился с артистом Малого театра Максимовым⁴. Он большой мой поклонник. Между прочим, он влюблен в «Малявику», очень мечтает поставить ее в Малом театре. Завтра pošлю текст Южину⁵, в Одессу, это зависит от него».

14.XII.1915 он писал из Петрограда жене:

«Я очень счастлив этой дружбой с Мейерхольдом... Он проводит в Александрийский театр «Малявику» Калидасы, и по видимости она пройдет»⁶.

9 января 1916 г. Бальмонт выступил в Камерном театре с докладом о творчестве Калидасы перед началом спектакля «Сакунтала». На следующий день газета «Русское утро» сообщала: «Центральный доклад талантливюго поэта имел большой успех у публики, переполнившей театр».

Бальмонт продолжал поддерживать тесную дружбу с Таировым и Коонен. В одном из писем к актрисе он писал: «Дорогая Сакунтала, Ваши глаза поют в моем сердце, и я хочу Вас увидеть... Таирову кланяюсь... Ваши руки целую. Я думал о Вас эти дни. Ваш — не Душианта, но К. Бальмонт». Позднее, давая оценку спектаклю, поставленному Таировым, он писал об игре Коонен: «От сцены театра к просекам и прогалинам душ тянутся светлые лучи, от сцены к душе веет весной и сладким духом расцветающей жизни».

По его словам, «из всех драм Калидасы «Сакунтала» действует на душу индусов и европейцев с наибольшим очарованием, ибо в ней любовь любит до конца. Любовь любит до страдания, через страдание, побеждает всякую жертву, сжигая своей силой все сумраки испытания».

Бальмонту принадлежит большая заслуга в ознакомлении

широкой публики разных районов России с творчеством Калидасы, его драмами. Еще во Франции поэт начал готовить лекции о Калидасе, которые он завершил уже по возвращении на Родину. С этими лекциями Бальмонт многократно выступал в поездках по России. Архивы сохранили несколько афиш и программ его выступлений — например, в Екатеринограде он организовал вечер поэзии и 2-е отделение посвятил «Стране лотосов Индии», в Москве состоялись его лекции, такие, как «Творчество Калидасы», «Женщины Калидасы — Малявика, Сакунтала, Урваси * — и его понимание Ревности и Любви»⁷.

Весной 1916 г. увидел свет том, включавший перевод Бальмонта трех драм Калидасы и вступительный очерк академика С. Ф. Ольденбурга «Несколько слов о Калидасе и его драмах и о сущности индийской поэзии». Из писем поэта и других архивных материалов известно, что Бальмонт, знавший труды отечественных индологов, просил издателя пригласить именно Ольденбурга написать вводную статью. Это издание, где соединились талант поэта-переводчика и высочайший индологический профессионализм ученого, явилось заметным явлением не только в истории отечественной индологии и творческой биографии Бальмонта, но и важным событием в культурной жизни России.

Примерно через год после выхода книги с вводным очерком Ольденбурга познакомился А. Блок. Об этом свидетельствуют дневники поэта и его пометки на полях книги, которая сохранилась в его библиотеке. Известно, что Блок и Ольденбург впервые встретились в мае 1917 г. А 12 июня уже датируются его выписки из очерка Ольденбурга.

Большой интерес представляет составленный Блоком список пьес для Государственных театров (автограф 4 июня 1918 г.). Список начинается с «Сакунталы» (Калидасы), а лишь затем идет «Эдип — царь», «Антигона» (Софокла), Аристофан (какая-нибудь комедия), Макбет, Гамлет...» Знаменательно, что поэт, воспитанный в традициях античной и европейской классики, «Сакунталу» Калидасы поставил впереди «Царя Эдипа» и «Антигоны» Софокла.

Можно полагать, что здесь сказалось влияние Ольденбурга и, в частности, знакомство поэта со статьей ученого.

В декабре 1919 г., в связи с пятилетним юбилеем Камерного театра, Таиров возобновил «Сакунталу». Но теперь он уже обратился не к рукописному варианту перевода, а к изданию 1916 г. — с предисловием Ольденбурга. Книга сохранилась в

* На санскрите — Урваши.

архиве Таирова и содержит его многочисленные заметки на полях.

Один и тот же текст — статья Ольденбурга, — но как он по-разному читается Блоком и Таировым! Поэтом и режиссером. Для Блока главное — специфика восточной поэзии и литературы, восприятие ее человеком иной культуры. Для Таирова — мнение индолога о театральном искусстве Калидасы, проверка своего режиссерского замысла. Готовясь к новой постановке, Таиров учитывает пожелания рецензентов первого спектакля, вносит в переводы Бальмонта изменения и уточнения, заново расставляет смысловые акценты, сокращает или даже снимает монологи либо — наоборот — добавляет отдельные слова.

Спектакль прошел с незабываемым успехом, высокую оценку дал ему А. В. Луначарский. Вновь смотрел «Сакунталу» Бальмонт. И для альманаха Камерного театра написал очерк о «Сакунтале».

В 1955 г. бальмонтовский перевод был переиздан, годом позже изданы все три драмы. В 1958 г. был опубликован украинский перевод «Сакунталы», в 1966 г. — выполненный с санскрита грузинский. Народная поэтесса Узбекистана Зульфия подготовила узбекский перевод драмы для постановки в Ташкентском театре им. Хамзы; балет «Шакунтала» идет сейчас в Московском театре оперы и балета имени Станиславского...

В связи с решением Всемирного Совета Мира о чествовании в 1956 г. памяти Калидасы, дочь Бальмонта Н. К. Бруни-Бальмонт передала для издания неопубликованные лекции отца о творчестве Калидасы, а в конце 1957 г. послала рукописи лекций премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру, который был тогда и президентом Литературной Академии Индии. В январе 1958 г. Н. К. Бруни получила официальный ответ: «Президент Академии Дж. Неру просил направить Вам благодарность за рукописи работ Вашего выдающегося отца Константина Бальмонта. Рукописи будут храниться в архиве Академии, и мы организуем перевод его статей о Калидасе на английский язык. С наилучшими пожеланиями. Искренне Ваш. К. Крипалани, Секретарь Академии».

Мне посчастливилось встретиться с известным индийским писателем Кришной Крипалани, секретарем Академии при Дж. Неру. По его просьбе статьи Бальмонта в архиве разыскали. Он показал мне и копию письма, которое подписал 30 лет назад. «Калидаса, — сказал Крипалани, — был любимым поэтом Неру». «Калидаса, — писал Неру, — принадлежит к числу тех баловней судьбы, с которыми жизнь обходится как с любимыми

сыновьями». Действительно, в нашей стране, начиная с Карамзина, имя Калидасы произносилось рядом с именами Гомера, Софокла, Шекспира. И не удивительно: «Молвлю Сакунтала я, этим все сказано...»

Г. Бонгард-Левин

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шелли. Соч. Перев. с англ., вып. 1. СПб., 1893.

² К. Бальмонт. Будем как Солнце. Книга Символов. М., 1903.

³ А. Г. Коонен.

⁴ В. В. Максимов (наст. фам.— Самусь) — известный русский советский актер.

⁵ А. И. Южин-Сумбатов — выдающийся русский актер, в 1909—1918 гг. был управляющим Малым театром.

⁶ Пьеса Вс. Мейерхольдом поставлена не была.

⁷ Благодарю Н. К. Бруни-Бальмонт, ознакомившую меня с афишей вечера, который состоялся в Политехническом музее.

МАЛЯВИКА И АГНИМИТРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Агнимитра, сын Пучпамитры¹, царь Видисы.

Дгарини², царица, супруга Агнимитры.

Иравати, любимица Агнимитры.

Гаутама, браман, наперсник Агнимитры.

Каусики, буддийская отшельница, состоящая при доме царицы Дгарини.

Вагатава, правитель.

Маудгалия, царедворец.

Гарадатта, учитель плясок, состоящий при царе.

Ганадаса, учитель плясок, состоящий при царице.

Малявика

Бакулявалика

Каумудика

Нагарика

} служанки царицы.

Нипуника, служанка Иравати.

Самадгиматика, служанка Каусики.

Джайясэна, дворцовая привратница.

Мадгукарика, хранительница сада.

Сарасака, служитель царицы.

Джиотсника

Раджаника

} юные пленницы.

Театральный директор³ и заведующий постановкой (в прологе).

Действие происходит во дворце царя Агнимитры.

ПРОЛОГ

Бог Сива, царящий над миром,
Богатый висячим плодом,
Богатства посеявший всюду,
А сам только шкурой прикрыт,—
Подвижников всех превзошедший,
Отвергших игру вещества,
Но сросшийся телом единым
С любимой супругой своей,—
Чрез восемь своих ипостасей
Являясь опорой миров,
Но гордости все же не зная,
Надменности вовсе лишен,—
Да светит он сумраки с духа,
Чтоб видели явственно вы,
Чтоб, путь восходящий увидя,
Вы шли необманной тропой ⁴.

После молитвы выходит на сцену театральны й д и р е к т о р.

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р (*заглядывая за сцену*). Любезнейший, поди-ка сюда.

З а в е д у ю щ и й п о с т а н о в к о й (*входя*). Что прикажешь?

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р. Собравшиеся выражают следующее желание: «По случаю праздника Весны ⁵ да будет представлена драма Калидасы, называющаяся «Малявика и Агнимитра». Пусть же начнется музыка.

З а в е д у ю щ и й п о с т а н о в к о й. Что ты говоришь? Да разве это возможно? Чтобы зрители презрели

драмы Бгасы, Саумилы, Кавипутры⁶ и стольких других, пользующихся славой, и стали интересоваться произведением Калидасы! Современного поэта!

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р. Твое возражение бессильно. Подумай только:

Ужели нужно из доверья
Хвалить поэтов прежних дней?
И то лишь хорошо, что старо,
А если ново, так брани?
Кто вкус имеет и суждение,
Он новь и старое поймет,
И тот безумец, кто чужими
Глазами смотрит пред собой.

З а в е д у ю щ и й п о с т а н о в к о й. Да будет же так, как хочет благородная публика.

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р. Ну так поторопись.
(К публике.)

Что будет вам благоугодно,
Да будет в этом мой закон:
Спешу! Как видите — служанка
Царицы Дгарини спешит.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В х о д и т с л у ж а н к а.

С л у ж а н к а. Царица Дгарини велела мне спросить учителя плясок, благородного Ганадасу, как преуспевает Малявика в пантомиме чалита⁷, которой ее недавно начали учить. Я иду в зрительный зал. (Делает несколько шагов.)

В х о д и т д р у г а я с л у ж а н к а с перстнем в руках.

П е р в а я с л у ж а н к а (видя вторую). Каумудика, что это ты такая рассеянная? Идешь мимо меня и совсем меня не видишь?

В т о р а я с л у ж а н к а. Глянь-ка, Бакулявалика. Видишь в чем дело, подружка, главный золотых дел мастер послал меня отнести вот это кольцо царице. Посмотри, это именно перстень, изображает он змею. Я шла и смотрела на него, потому и не заметила тебя.

Ба ку ля ва ли ка (*рассматривая кольцо*). Еще бы не смотреть. Когда ты так идешь с этим кольцом на пальце, вся рука у тебя точно цветок, у которого вместо тычинок лучи.

Ка ум уд и ка. А ты куда идешь?

Ба ку ля ва ли ка. Меня царица послала к учителю плясок, достопочтенному Ганадасе, узнать, как у Малявики идет дело.

Ка ум уд и ка. А скажи, подружка, конечно, пока она занята этой пантомимой, она далеко от царя, — а ведь он все-таки уж, верно, нашел случай ее увидеть.

Ба ку ля ва ли ка. Да, он видел ее рядом с царицей, но только на картине.

Ка ум уд и ка. Как так?

Ба ку ля ва ли ка. А вот как. Царица была в покое, где находятся картины. Она смотрела на одну картину, только что написанную придворным художником. Входит царь.

Ка ум уд и ка. И потом? И потом?

Ба ку ля ва ли ка. Он приветствует царицу, садится рядом с ней, замечает Малявику среди служанок царицы, изображенных вместе с ней на картине, внимательно рассматривает ее и спрашивает у царицы...

Ка ум уд и ка. Что спрашивает?

Ба ку ля ва ли ка. «Эта молодая девушка, которой я еще не видал, вот что нарисована здесь рядом с тобой, как ее зовут?»

Ка ум уд и ка. Такая удивительная красота сразу привлекает внимание. А потом?

Ба ку ля ва ли ка. Царица не хочет ответить, царь не отступает, хочет знать, спрашивает все больше, — тут малютка Васулякшми⁸ воскликнула: «Да ведь это же, государь, Малявика!»

Ка ум уд и ка. Чего же ждать от ребенка! Но что было дальше?

Ба ку ля ва ли ка. Что дальше? А дальше стали принимать всякие меры, чтобы царь не повстречал Малявику.

Ка ум уд и ка. Ну, хорошо, иди по своему делу, а я пойду снесу царице кольцо. (*Уходит.*)

Ба ку ля ва ли ка (*делает несколько шагов и смотрит*). Вон как раз учитель плясок, достопочтенный Ганадаса. Он выходит из зрительного зала. Подойду-ка я к нему.

Г а н а д а с а (*входя*). Каждый делает из унаследованного им знания, что ему угодно. Но тот почет, которым мы окружаем ремесло актера, поистине обоснован.

Пляска, нам сказал мудрец,—
Дар пленительный богам,
В мире всюду меж сердец
Лад струится здесь и там.
Там, где звезды так горят,
Только духом глянь своим:
Вон, блюдя в качанье лад,
Пляшет бог⁹, богиня с ним.
Пляшет Сива, Ума с ним,
Нераздельная чета,
Все, что любим, в чем скользим,
Страсть, и тьма, и доброта¹⁰.
Любим разное мы здесь.
Чем же выразить дано
Ток вещей различных весь?
Пляской. Пляска есть звено¹¹.

Б а к у л я в а л и к а (*подходя к нему*). Приветствую тебя, владыка.

Г а н а д а с а. Живи долго, дитя мое.

Б а к у л я в а л и к а. Владыка, царица приказала тебя спросить, не слишком ли много хлопот доставляет тебе твоя ученица Малявика.

Г а н а д а с а. Скажи царице, что она удивительно искусная и умная. Словом:

Какую бы тайну искусства я ей ни открыл,
Черту за чертой в воссоздание являет она
И, нежная, так возвращает мне данный урок,
Что учит меня той же тайне искусства она.

Б а к у л я в а л и к а (*в сторону*). Вижу, вижу, придется Иравати уступить. (*Громко.*) Значит, владыка, у тебя превосходная ученица, если она доставляет тебе такое удовольствие.

Г а н а д а с а. Милое дитя мое, подобные существа — вещь редкостная. Где это царица нашла такое сокровище?

Б а к у л я в а л и к а. У царицы есть брат, незнатного происхождения, по имени Вирасэна¹². Царь назначил его начальником крепости, что охраняет границу на берегах Мандакини;¹³ это он послал своей сестре эту девушку, указав, что она совсем особенно одарена для ученья.

Г а н а д а с а (*в сторону*). Или все в ней, как она себя держит, обманывает меня, или она знатного происхождения. (*Громко.*) Знаешь, любезная, она меня сделает знаменитым:

Переходя от тех, кто знает,
К ребенку, светлая наука
И дар — сверкают в нем вдвойне.
Так капля с неба дождевая,
Упавши в раковину моря,
Дрожит жемчужиной на дне ¹⁴.

Б а к у л я в а л и к а. Но где же твоя ученица?
Г а н а д а с а. Она сейчас будет повторять пантомиму панчангу из пяти частей ¹⁵, и я ей предложил немножко отдохнуть, она пошла подышать у окна, что выходит на пруд.

Б а к у л я в а л и к а. Позволь, владыка, мне удалиться. Она очень ободрится, когда я передам ей твои добрые слова.

Г а н а д а с а. Именно так, поди и повидайся с своей подругой. А я воспользуюсь минутой отдыха и пройду к себе. (*Уходит.*)

Появляется ц а р ь. Он сидит. Его с в и т а держится в стороне.
Около него п р а в и т е л ь с посланием в руках.

Ц а р ь (*смотря на правителя, который только что прочел послание*). Итак, Вагатава, чего от нас хочет царь Видарбги? ¹⁶

В а г а т а в а. Своей собственной гибели, государь.

Ц а р ь. Но все-таки прочти его послание.

В а г а т а в а. Государь, вот что он пишет: «Его величество мне повелевает: «Твой племянник, юный царевич Мадгавасэна ¹⁷, с которым я заключил союз, был неожиданно задержан пограничным твоим начальником в тот самый миг, когда он направлялся ко мне. Я прошу тебя, во внимание ко мне, отпустить его — его, жену его и сестру его». Его величество не принял во внимание законную вражду царя к царевичам собственной семьи. Итак, я взываю к его беспристрастию. Сестра Мадгавасэна исчезла во время суматохи, последовавшей при задержании царевича, я приму все находящиеся в моей власти меры для ее отыскания. Что касается его самого, у его величества есть верный способ вернуть ему свободу. Вот мое последнее слово:

Заложник твой — мой зять, начальник бывший
Правленья царства моего.
Мадгавасэна будет на свободе —
Лишь только отпусти того».

Это все.

Ц а р ь. Как! Он осмеливается предлагать мне промен?
Безрассудный! Слушай, Вагатава, этот царь Видарбги —
природный мой враг и лишь хочет создать мне затрудне-
ния. Я уже обдумал его погибель. Этот вызов теперь дает
мне право осуществить ее. Нужно послать соответствен-
ные приказания войскам, что в ведении Вирасэны.

В а г а т а в а. Будет поступлено по воле твоей.

Ц а р ь. Но ты сам,— что ты об этом думаешь?

В а г а т а в а. Я полагаю, что это вполне согласуется
с истинной государственной мудростью. На самом деле:

Нам уничтожить сильного врага

Легко, когда он царствует недавно,—

И шутка — вырвать дерево, когда

Оно корней в земле не укрепило.

Ц а р ь. Именно так, это есть истинная государствен-
ная мудрость. Воспользуемся же данным случаем, и пусть
наш полководец начнет поход.

В а г а т а в а. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Представители свиты окружают царя, каждый сообразно с
своим достоинством.

Г а у т а м а (*входя*). Царь соизволил сказать мне:
«Гаутама, найди какое-нибудь средство, чтоб я мог на
досуге повидать эту Малявику, портрет которой я случай-
но видел». Средство подходящее я нашел и сообщу ему
о нем. (*Делает несколько шагов.*)

Ц а р ь (*замечая Гаутаму*). Я вижу другого прибли-
женного моего, который помогает мне в удовольствиях.

Г а у т а м а (*приближаясь*). Победа царю!

Ц а р ь (*склоняя голову*). Сядь сюда.

Гаутама садится.

Око твоей мудрости усмотрело ли какое-нибудь средство,
которое можно было бы испытать?

Г а у т а м а. Лучше скажи — верный успех и неукос-
нительный.

Ц а р ь. Как так?

Г а у т а м а (*говорит ему на ухо, потом громко*). Вот как обстоит дело.

Ц а р ь. Отлично, друг, ты начал превосходно. Предприятие требует внимания, но я уповаю, и не без основания.

Я иду ногою шаткой
И ощупываю путь,
Но лампада мне осветит
То, что кроется в тени.

К р и к и з а с ц е н о й. Довольно! Довольно! Будет разговоров! Царь решит наш спор!

Друг, твоя ловкость — красивое дерево, и я уж вижу, как на ветвях распускается цветок.

Г а у т а м а. Прекрасно, увидишь и плод.

Входит ц а р е д в о р е ц.

Ц а р е д в о р е ц. Государь, правитель передает его величеству, что повеление его исполнено. И еще:

Гарадатта с Ганадасой
В спор вступили меж собой,
Два искусника в талантах
Разрешить желают спор.
Каждый хочет в жарком чувстве
Пред царем сейчас предстать,—
Что ответить пожелает
Им величество твое?

Ц а р ь. Пусть войдут.

Ц а р е д в о р е ц. Как повелит его величество.

Выходит и возвращается с Г а н а д а с о й и Г а р а д а т т о й.

Идите, идите сюда.

Г а р а д а т т а (*смотря на царя*). Как трудно выносить вид царского величия! Вот этот царь:

Я знаю его, он ко мне благосклонен,
И все же, как в прежние дни, трепещу.
Не так ли и в цвете и в лике изменчив
Уж виденный множество раз океан?

Г а н а д а с а. Как он величествен, этот царственный блеск, воплощенный в одном человеке! Я не смею подойти.

Не возбранен к нему доступ,
К трону ведут меня слуги,
Но взор его светлый пугает
И молча велит подождать.

Ц а р е д в о р е ц. Вот государь. Приблизьтесь.

Г а н а д а с а и Г а р а д а т т а (*приближаясь*). Победа царю!

Ц а р ь. Добро пожаловать, любезные. (*Обращаясь к свите.*) Дайте им кресла.

Они садятся на принесенных креслах.

Что приводит сюда двух наших искусников пляски в тот час, когда они обычно преподают ее?

Г а н а д а с а. Государь, соизволь выслушать. Искусству театра научил меня учитель превосходный. Я завел зрелищами многими. Я снискал благоволение твое, государь, и царицы.

Ц а р ь. Все это хорошо известно.

Г а н а д а с а. Так вот, государь, такой-то учитель, как я, стал предметом издевательств со стороны этого Гарадатты: перед людьми значительными он сказал, что и праха ног его не стою я.

Г а р а д а т т а. Государь, он первый искал со мной ссоры. Но если б даже между ним и мной столь же велика была разница, как между морем и лужей, да соизволит государь подвергнуть нас обоих испытанию. Лишь государь сможет достойно оценить дар наш и быть нашим судьей.

Г а у т а м а. Сказано верно, и вызов достойный.

Г а н а д а с а. Да, это наилучший исход. Да соизволит государь выслушать нас со вниманием.

Ц а р ь. Подождите минутку. Царица могла бы обвинить меня в пристрастии. Итак, необходимо, чтобы эта тяжба разрешена была перед ней и перед советчицей ее, ученой Каусики.

Г а у т а м а. Слова твои — истинная мудрость.

Г а н а д а с а и Г а р а д а т т а. Как будет благоугодно его величеству.

Ц а р ь (*к царедворцу*). Маудгалия, поди сообщи об этом царице и попроси ее прийти с ученой Каусики.

М а у д г а л и я. Слушаю, государь!

Выходит, потом возвращается, предшествуемый царицей
Д г а р и н и, которую сопровождает буддийская
о т ш е л ь н и ц а.

Сюда, госпожа, соизволь войти.

Ц а р и ц а (*к Каусики*). Что ты думаешь, досточтимая, о предстоящем состязании между Гарадаттой и Ганадасой?

К а у с и к и. Не трепещи за исход в твою пользу: кто же в мире может состязаться с Ганадасой!

Ц а р и ц а. Пусть так. Но благоволение царя может удостоверить преимущество его сопернику.

К а у с и к и. Воспомни же, что ты носишь красивое имя царицы. Подумай, повелительница:

Блеском сияет великим
Солнце на небе дневном,
Свет окружает красивый
Гостью ночи, луну.

Г а у т а м а. А-а, вот идет царица, с нею и наша доверенная, мудрая Каусики.

Ц а р ь. Я вижу ее.

Прекрасная чета, в сиянье строгом,
Супруга и ее подруга с ней,
Подумать можно, то проходит Веда ¹⁸,
А рядом с нею хор Упанишад ¹⁹.

К а у с и к и (*приближаясь*). Победа царю!

Ц а р ь. Приветствую тебя, досточтимая.

К а у с и к и

Твои супруги — Дгарини, чье имя —
Опора, и Земля — опора жизни,—
Цари же, о владыка, на Земле,
И с Дгарини сто лет еще будь счастлив ²⁰.

Ц а р и ц а. Благородному супругу моему — победа!

Ц а р ь. Добро пожаловать, госпожа моя. (*К Каусики.*) Прощу садиться, досточтимая.

Все садятся с надлежащими поклонами.

Досточтимая, два эти искусника пляски, Гарадатта и Ганадаса, оспаривают друг у друга первенство в изящном своем искусстве. Не пожелаешь ли ты быть судьей между ними?

К а у с и к и (*улыбаясь*). Не для насмешки, государь. В деревню ли из города шлют самоцветы, дабы оценить их? ²¹

Ц а р ь. Не отрекайся. Ты ведь ученая, Каусики, а что до царицы и меня, у каждого из нас есть свое пристрастие к Ганадасе и Гарадатте.

Г а н а д а с а и Г а р а д а т т а. Государь мудро решил. Ты, госпожа, ни на той, ни на другой стороне. Вы скажись, просим, о заслугах наших и недостатках.

Ц а р ь. Итак, изложите, в чем спор.

К а у с и к и. Государь, искусство актера — все в исполнении и на деле. К чему же нам послужит здесь изложение словесное?

Ц а р ь. Что думает об этом царица?

Ц а р и ц а. Так как ты спрашиваешь мое мнение, я отвечу, что это состязанье вовсе мне не нравится.

Г а н а д а с а. Госпожа, прошу тебя, не допусти, чтоб я считался ниже моего сотоварища.

Г а у т а м а. Посмотрим же, о повелительница, как два барана сплетутся рогами. Или им платят за то, чтоб они ничего не делали?

Ц а р и ц а. Ты, значит, очень любишь ссоры?

Г а у т а м а. Не гневайся, госпожа. Когда два бешеных слона бьются, необходимо, чтобы один из них остался на поле битвы, — иначе как же кончится сражение?

Ц а р ь (к Каусики). Но, досточтимая, ты, конечно, могла уже видеть, как два наши искусника самолично являют свое искусство.

К а у с и к и. Еще бы!

Ц а р ь. В таком случае не угодно ли тебе, чтоб они показали нам какое-нибудь представление?

К а у с и к и. Такова именно моя мысль.

Иной — в себе питает пламя,

Иной — горит огнем во вне:

Соединивший два усилия,

Неложно — мастер он вдвойне.

Г а у т а м а. Вы слышали, как решила досточтимая: плоды вашего искусства покажут степень искусности.

Г а р а д а т т а. Это как раз совпадает с нашим желанием.

Г а н а д а с а. Поистине, государь, в этом мы согласны.

Ц а р и ц а. Но если неразумная ученица испортит преподанное ей, вина все-таки падает на учителя?

Ц а р ь. Это неизбежно, госпожа.

Г а н а д а с а. Учитель, берущий негодного ученика, уже этим показывает малую степень понимания.

Ц а р и ц а (*к Ганадасе, тихонько*). Брось, эта настойчивость уже достаточно надоела государю. (*Громко.*) Ганадаса, оставь эту глупую ссору.

Г а у т а м а. Царица хорошо сказала. Иди-ка, Ганадаса, подобру-поздорову, учи и поучай и поeday с миром лепешки, подносимые тебе в честь покровительницы плясок, Сарасвати²². Вся эта суматоха принесет тебе одни неприятности.

Г а н а д а с а. Таково действительно желание государыни? В таком случае не неуместно будет сказать:

Искусник, который промолвит:

«Да место свое сохраняю»,

И будет уклончиво бегать

От случая в битву вступить,

Принизит искусство молчаньем,

Считая его ремеслом,—

Он лжец, и торгует он знаньем,

И пусть он идет на базар.

Г а у т а м а. Прекрасно, но ученица твоя лишь недавно вступила под твоё руководство, и вряд ли ты сможешь являть выучку столь несовершенную.

Г а н а д а с а. Вот поэтому самому я решаюсь.

Ц а р и ц а. Хорошо, в таком случае явите себя оба перед досточтимой, а она будет судить.

К а у с и к и. Нет, это было бы неправильным: один судья, хоть бы он обладал прирожденным знанием, не способен произнести достодожный приговор.

Ц а р и ц а (*в сторону*). А, глупейшая отшельница! Ты меня заставляешь спать стоя. (*Оборачивается с неудовольствием.*)

Царь показывает ей взглядом на Каусики.

К а у с и к и

(*к царице*)

Красавица с ликом пресветлой луны,

Зачем отвращаешь ты черный твой взор?

Царицей зовет тебя нежный супруг,

А ты в бесполезный вступаешь здесь спор.

Г а у т а м а. Не такой уж бесполезный, однако. Царица защищает своих сторонников. (*К Ганадасе.*) Тебе

везет, везет: притворный гнев царицы спасает тебя от поражения. Не только твои ученицы с должным умением могут явиться искусницами.

Г а н а д а с а. Ты слышишь, повелительница? Вот как истолковывают твой отказ. Превосходно.

Мне запрещать теперь принять тот дерзкий вызов —
Нас, значит, предавать на произвол врагам.

(Встает.)

Ц а р и ц а *(в сторону)*. Делать нечего. *(Громко.)*
Учитель, ты можешь отдать приказание своим ученицам.

Г а н а д а с а. Кончилось наконец долгое мое беспокойство. *(К царю.)* Царица даровала мне свое согласие. Да соизволит государь почтить меня своими приказа-
ниями. Что должен представить я как образец моей
выучки?

Ц а р ь. Это пусть решит досточтимая.

К а у с и к и. Я боюсь, государь, сделать что-нибудь
против желания царицы.

Ц а р и ц а. Предлагай. Я властна приказывать моим
людям.

Ц а р ь. Прибавь, госпожа: «И самому царю».

Ц а р и ц а. Говори же, досточтимая.

К а у с и к и. Государь, при дворе говорят о некоторой
пантомиме чалита, в четырех частях. Посмотрим на нее
в исполнении и того и другого искусника. Таким образом
мы сможем оценить различие в их выучке.

Г а н а д а с а и Г а р а д а т т а. Мы слушаем тебя,
повелительница.

Г а у т а м а. Ну, идите же оба в театр и, как только
все будет готово, пошлите известить государя. Или, еще
лучше, звук тамбурина возвестит нам о представле-
нии.

Г а р а д а т т а. Хорошо. *(Встает.)*

Ганадаса обращается глазами к царице.

Ц а р и ц а. Желаю тебе успеха.

Оба идут к выходу.

К а у с и к и *(к Ганадасе и Гарадатте)*. Подождите
одну минутку.

Г а н а д а с а и Г а р а д а т т а (*возвращаясь*). Мы слушаем.

К а у с и к и. Чтобы легче составить верный приговор, пусть ученицы ваши дадут нам возможность лучше оценить искусность всех своих движений и предстанут без театральных одежд.

Г а н а д а с а и Г а р а д а т т а. Это было совсем лишнее говорить нам. (*Уходят.*)

Ц а р и ц а (*к царю*). Если государь сумеет внести в другие свои дела столько же искусства, как в это, он, конечно, восторжествует над всеми препятствиями.

Ц а р ь. О госпожа!

Подозревать меня в подобной ссоре
Как недостойно!
Ты знаешь, меж товарищей хороших
Не редкость — ревность.

Звук тамбурина за сценой. Все прислушиваются.

К а у с и к и. Слушайте, зрелище готово начаться.

Тревожит чувства звучный тамбурин,
Глухие вторят звукам тем литавры,
И в жажде поднял долгий крик павлин,
Подумавши, что это говор тучи ²³.

Ц а р ь. Идем, владычица, посмотрим на нее.

Ц а р и ц а (*в сторону*). Увы, как мало сдержанности в царе.

Все встают.

Г а у т а м а (*удерживая царя*). Тише, тише. Да не заподозрит тебя царица.

Ц а р ь

Напрасно я хочу сдержаться. Тамбурин
И бубны кажутся волнующим призывом,
Как будто бог любви летит, как властелин,
И должен я за ним спешить путем красивым.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

После музыки появляются сидящие на креслах царь, рядом с ним Гаутама, царица, Каусики и вся свита, расположенная соответственно достоинству.

Царь. Кого, досточтимая, заставим мы первым явиться перед нами?

Каусики. Они одинаковое число лет преподают свое искусство, но преимущество возраста, думаю я, принадлежит Ганадасе.

Царь. Итак, Маудгалия, поди возвести это решение обоим исполнителям и затем иди к своим обязанностям.

Маудгалия. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Ганадаса (*приближаясь*). Государь, поэма Сармишты состоит из четырех частей²⁴. Соизволь даровать свое внимание одной из них.

Царь. Уважение исполняет меня слухом.

Ганадаса выходит.

(*Тихонько, к Гаутаме.*) Друг,

Нетерпеливится мой взор
Увидеть Малявику
И хочет занавес порвать,
Горя от нетерпенья.

Гаутама (*удерживая его*). Вот он, мед для очей. Пчела может приблизиться. Внимание.

Входит Малявика в сопровождении своего учителя, который внимательно следит за всеми ее движениями.

(*Тихонько, к царю.*) Ты видишь, красота ее не меньше, чем на портрете.

Царь (*тихонько*). Признаюсь, друг,

Я опасался, что на картине
Она, быть может, гораздо лучше,—
Теперь я вижу, что тот художник
Был в состоянье лишь дать намек.

Ганадаса. Дитя мое, будь смелей и предстань без боязни.

Царь (*в сторону*). Какое бесконечное очарование в каждом ее движении!

Как луна осенняя — белое лицо
С длинными глазами,
Руки нежно падают от покатых плеч,
Грудь ее размерна,
Точно полированы бедра, нежный вид,
Вся она прекрасна,
Пальцы ног изогнуты, тело все — мечта,
Воплощенье пляски.

М а л я в и к а

(после музыкальной прелюдии поет четыре строфы) ²⁵

Он труден, труден, мой любимый,
Не получить
И не достичь,
Отчайся, сердце.

И все же левый глаз вдруг дрогнул ²⁶,
Затрепетал,
То добрый знак,
В нем обещанье.

Тебя я долго не видала,
Как подойти
И как привлечь,
Я не умею.

О, верь, владыка, уверенью:
Твоя раба,
Совсем твоя,
К тебе стремится.

Пение сопровождается соответственной мимикой.

Г а у т а м а (тихонько). Эге, строфы хороши. Это, можно сказать, дверца, через которую душа ее прямо в сердце к тебе шагнула.

Ц а р ь. Друг, два наши сердца говорят друг к другу.

Она проговорила пеньем:

Постигни, та, что пред тобой,
К тебе своим стремится сердцем,
Вот указую я рукой,
И если говорю к другому,
Что для него порыв мой весь,
Так это оттого лишь только,
Что близ тебя царица здесь.

Малявика, кончив пение, хочет уйти.

Гаутама. Постой, певунья. Кое-что ты тут перепутала и подзабыла, — я хочу тебя об этом порасспросить.

Ганадаса. Подожди, дитя мое. Ты явишь полное доказательство твоего воспитания и тогда можешь уйти.

Малявика задерживается и стоит неподвижно.

Царь (*в сторону*). О, в каждом движении ее очарование увеличивает ее красоту.

О бедро она тихонько
Оперлась рукою левой,
И вокруг кисти неподвижно
Золотой горит браслет,
А другой, роня жемчуг,
Возбуждает ощущение,
Будто это ветвь с цветами,
А не нежная рука,
Очи скромно опустила,
Пальцы ног цветов коснулись,
Эта стройность и неподвижность
Больше пляски говорят.

Царица. Почтенный наш учитель примет ли к сердцу дразнение Гаутамы?

Ганадаса. Владычица, не говори так легко: постоянная близость с царем делает из Гаутамы тонкого судью.

Как некий дивный плод, коснувшись до воды,
Из мутной делает хрустальность,
Так даже тяжкий ум утрачивает груз,
Касаясь доблестного духа.

(*К Гаутаме.*)

Мы тебя слушаем, господин.

Гаутама (*к Ганадасе*). Вопросы сперва решающую Каусики. Что до пробела, который я заметил, я его укажу тотчас же.

Ганадаса. Да соизволит досточтимая указать, что было доброго в исполнении и в чем были недочеты.

Каусики. Согласно с правилами искусства она безупречна.

Все тело словно говорило,
Был живописен смысл игры,
Размерность соблюдали ноги,
Был чувству найден верный путь.

Изящно было рук движение,
Для пауз должный был черед,
Вслед чувству выявлялось чувство,
Вся страсть до крайнего звена.

Г а н а д а с а. Что об этом думает государь?
Ц а р ь. Ганадаса, я, кажется, недалеко от проигрыша.
Г а н а д а с а. Так, значит, я признан владыкою пляс-
ки.

Мудрые истинным знанье считают,
Если оно не боится предстать
Пред рассмотрением осведомленных,
Золото так не боится огня.

Ц а р и ц а. Учитель, приветствую торжество твое, —
от испытания оно стало лишь более блестящим.

Г а н а д а с а. Благосклонность царицы — причина
моего успеха. (*К Гаутаме.*) А теперь, Гаутама, скажи
нам, что у тебя на уме.

Г а у т а м а. Каждый, кто выступает в театре, должен
ознаменовать свое выступление выраженьем почитания
брамана. Вот что было позабыто.

К а у с и к и. А-а! Сразу видно мастера, он до корня
доходит.

Общий смех. Малявика улыбается.

Ц а р ь (*в сторону*). Взор мой смог проникнуть в со-
кровенную тайну любимой.

Лицо длинноглазой осветилось улыбкой,
Расцветшие губы приоткрыли слегка
Ослепительно белые ровные зубы,
Словно лотос чуть-чуть приоткрыл свой
цветок.

Г а н а д а с а. Достопочтенный браман, это не было
костюмированное представление, — иначе как могли бы
мы забыть надлежащие тебе почести и дары?

Г а у т а м а. Выходит, что я их ждал совсем так же,
как птенец птицы чатаки², что смотрит на облака и про-
тягивает клюв, меж тем как гром гремит, а дождя нет.

К а у с и к и. Вот именно.

Г а у т а м а. Что делать, опрометчивые должны поло-
житься на людей сведущих. Так как эта юная певица
снискала все ваши восторги, необходимо, чтобы я дал

ей этот знак уважения. *(Он снимает браслет с руки царя.)*

Ц а р и ц а. Постой: ты ведь здесь не судья,— как же ты можешь давать ей это украшение?

Г а у т а м а. А так, заменяя кого-нибудь другого.

Ц а р и ц а *(к Ганадасе)*. Учитель, мне кажется, твоя воспитанница явила свидетельство твоего преподавания.

Г а н а д а с а. Дитя мое, идем, нам можно теперь уйти.

Малявика и Ганадаса уходят за занавес.

Г а у т а м а *(тихонько, к царю)*. Вот все, что я могу, чтобы послужить любви твоей.

Ц а р ь *(тихонько)*. Довольно этих уловок.

Этот занавес счастье мое затенил,

В сердце праздник светил — и погас.

Ах, исчезла она, и к блаженству души

Вдруг закрылась блестящая дверь.

Г а у т а м а. Очень хорошо. Но ты похож на бедняка, который вздумал у врача просить лекарства от бедности.

Г а р а д а т т а *(входя)*. Властитель, соизволь, прошу, даровать мне твое присутствие при моем представлении.

Ц а р ь *(в сторону)*. Увы, он исчез, предмет, достойный моих взглядов. *(Громко, с принужденной учтивостью.)* Гарадатта, я испытываю живейшее к тому желание.

Г а р а д а т т а. Благодарю тебя за эту милость твою.

П р и д в о р н ы й п о э т *(за сценой)* Победа царю. Солнце взошло до середины неба.

В тени листвы фламинго розовые

Стоят, полузакрыв глаза,

Под сенью крыш уселись голуби,

Их утомил дремотный зной.

Павлин, томимый жгучей жаждою,

Спешит туда, где водомет,

И ловит искры брызг мелькающих,

Свой хвост цветистый распутив.

Г а у т а м а. А! Ты слышишь? Это час купанья и час трапезы твоего величества, а врачи говорят, что часы свои нельзя менять.

Ц а р ь. Что ты скажешь на это, Гарадатта?

Г а р а д а т т а. Властитель, мне нечего сказать.

Ц а р ь (*к Гарадатте*). Ну, хорошо, так мы увидим твое представление завтра. Иди, учитель, и отдохни.

Г а р а д а т т а. Как повелит его величество. (*Уходит.*)

Ц а р и ц а. Я оставляю государя занятиям полуденного часа.

Г а у т а м а. Вот именно; пусть-ка поскорей принесут еду и питье.

К а у с и к и (*вставая*). Приветствую государя.

Царица и Каусики уходят.

Г а у т а м а. Гм, не только в красоте, но и в таланте у Малявики нет равных.

Ц а р ь

Создатель, дав ей красоту

И дав талант и чарованье,

Послал мне в сердце, как в мету,

Стрелу с отравою желанья.

Что мне сказать тебе еще? Подумай обо мне.

Г а у т а м а. А ты обо мне: мой бедный живот пуст, как суповая миска в руках горшечника,— так ей и не терпится поскорее быть проданной.

Ц а р ь. Даже так. Ну хорошо, идем есть, но только, смотри, заботься о друге своем.

Г а у т а м а. За это я ручаюсь, будь спокоен. Только, видишь ли, красавица эта — точно луна, которую скрывает облако: не от нее зависит, чтобы быть увиденной. И потом, мне, в сущности, нравится видеть тебя так: точно ты ястреб, что над лавкой мясника все вьется,— бедняжка и хочет и не смеет, томится, стонет, «помоги», говорит мне.

Ц а р ь. Друг, как же мне не томиться? Увы!

Их сонмы, прелестных, в чертогах моих,

Моя к ним не рвется любовь,

Лишь хочет и жаждет она одного,

Ее, звездоокой мечты.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРОЛОГ

Входит служанка Каусики.

Служанка. Госпожа приказала мне: «Самадгиматика, поди и сорви лимон, чтоб я предложила его царю как знак почитания». И вот я хочу найти хранильницу сада, Мадгукарику. (*Приближаясь и внимательно смотря.*) Вон она рассматривает золотистую асоку²⁸. Пойду поздороваюсь с ней.

Входит Мадгукарика.

Здравствуй, Мадгукарика. Как дела с заботами о саде?

Мадгукарика. А, да это Самадгиматика!²⁹ Милая подружка, я рада тебя видеть.

Самадгиматика. Госпожа мне сказала: «Такие люди, как мы, не должны подходить к царю с пустыми руками. Мне нужен лимон, чтобы поднести его царю в знак уважения».

Мадгукарика. Добро пожаловать. Лимон тут недалеко. Но скажи мне: после того как оба учителя плясок дали представление, споря о первенстве в искусстве музыкального обучения, кому госпожа отдала преимуущество?

Самадгиматика. Оба показали себя несравненными в своем искусстве. Но Ганадаса выиграл благодаря совершенству исполнения, выказанному его ученицей.

Мадгукарика. А что, скажи, не болтают ничего насчет Малявики?

Самадгиматика. Как не болтают! Царь влюблен в нее по уши. Только из уважения к царице Дгарини он не прибегает к своей власти и не дает своей страсти выказаться сполна. И вот уже несколько дней, как Малявика тает и бледнеет, точно гирлянда сорванных жасминов. Больше ничего не знаю. Теперь уж я пойду.

Мадгукарика. Сорви же лимон, вот он висит.

Самадгиматика (*срывая лимон*). В благодарность за эту любезность к госпоже да сорвешь ты плод более роскошный.

Мадгукарика. Милая подружка, пойдем с тобой вместе. Мне нужно доложить царице, что эта золотая асока, которая так медлила расцвести, наконец вступила

в такое состояние, что прикосновение молодой девушки побудит ее к пышному расцвету.

С а м а д г и м а т и к а. Отлично, ведь это же твоя обязанность.

Обе уходят. Входит ц а р ь, выражая всем видом влюбленность.
Его сопровождает Г а у т а м а

Ц а р ь
(к самому себе)

Тело мое да сгорает и тает,
Ибо любимой ему не обнять,
Глаз мой слезами себя да наполнит,
Ибо не встретит ее ни на миг.
Ты же, о сердце, всегда неразлучно
С нежной, что взором своим — как газель,
Значит, блаженство твое непрерывно,
Что же ты бьешься и что ты грустишь?

Г а у т а м а. Довольно жаловаться и скорбеть. Я видел Бакулявалику, сердечную подругу твоей Малявики, и надлежащим образом дал ей понять то, что ты поручил мне.

Ц а р ь. И что она сказала?

Г а у т а м а. Она мне ответила, что поручение твое — честь для нее. Что до бедняжки Малявики, царица следит за ней так же неусыпно, как змей за драгоценным камнем³⁰, и до нее добраться нелегко. Однако же она попробует, вот и все.

Ц а р ь. Могучий бог любви, ты устремляешь наши желания без помышлений о препятствиях, и порыв твой так горяч, что твой раб не может вынести и одной минуты ожидания. (С удивлением.)

Какая связь меж этой болью,
Что наполняет нам сердца,
И нежною твоей стрелой
С игрой цветочного конца?
О, как жесток и как он ласков,
Твой цветоносный меткий лук,
Ты — наше нежное терзанье
И порожденье горьких мук³¹.

Г а у т а м а. Но ведь я же сказал тебе, что о возможности удовлетворить тебя думают. Соизволь потерпеть немножко.

Ц а р ь. Но куда девать этот остаток дня? Я не в состоянии заняться ничем из того, чем занимаюсь обыкновенно.

Г а у т а м а. Прекрасно. Иравати, под предлогом возвращения весны, не послала ли тебе сегодня через Нипунику первые цветистые гроздья красного амаранта, возвещающего новые дни? Тем самым не дала ли она тебе знать, что ей хочется в твоём обществе качаться на качелях? ³² Ты обещал быть. Идем же в сад.

Ц а р ь. Увы, это невозможно.

Г а у т а м а. Как так?

Ц а р ь. Друг, женщины по природе своей проникательны. Напрасно стал бы я расточать ей ласки, она быстро заметила бы, что сердце мое полно мыслями о другой. Оставим это.

Лучше покинуть привязанность прежнюю,—

Много предлогов разрыв совершить,—

Чем ясновидящей нежность выказывать,

Большую прежней,— коль сердце мертво.

Г а у т а м а. Но не нужно сразу пренебрегать чувством твоих избранниц.

Ц а р ь (*после некоторого размышления*). Ну хорошо, указывай мне дорогу в сад.

Г а у т а м а. Сюда, государь.

Они делают несколько шагов.

Взгляни: не подумаешь ли, что эти юные ветки, движимые ветром, суть персты, которые, во имя весны, делают тебе знаки, чтобы ты вошел в сад?

Ц а р ь (*с чувством*). Да, это верно. Весна являет сочувствие моей печали. Слушай, друг:

Тем кукованием кукушки ³³,

Что так исполнено любви,

Весна мне говорит, жалея:

Терпи страдание любви.

И ветер полдня, благовонный

От духа манговых цветов,

Весенний вестник, холит тело,

Касаясь нежною рукой.

Г а у т а м а. Войди и прими успокоение.

Они входят в сад.

Друг мой, взгляни на это зрелище: это, конечно, чтобы соблазнить тебя, волшебная дева этого сада оделась веселыми цветами, что затмевают наряды красавиц.

Ц а р ь. Я смотрю, и я в восторге.

Камедью красной нежно светят
Ее румяные уста,
Но красота асоки красной
На ней горит еще сильнее.
Цвет темно-синий амаранта,
С той ало-белой полосой,
В цветочной прихоти узорней,
Чем знак узора на челе.
Узор другой, что меж бровями ³⁴,
Цветком кунжута побежден,
Где пчелы черные садятся,
Как бы подвижная сурьма.
И пусть красавицы усилят
Игрой живых прикрас лицо,
Весна, смеясь над их лукавством,
В своей хитрее красоте.

Оба поглощены созерцанием сада.

Входит М а л я в и к а, исполненная глубокой грусти.

М а л я в и к а. Царь, — я не знаю его сердца, но я его люблю. И, увы, мне поэтому стыдно. Как смогла бы я признаться в этом моей подруге, рассказать ей о моей любви? И сколько времени еще нужно будет мне таить в себе самой эту жгучую тайну? *(Она делает несколько шагов.)* Но куда я иду? *(Стоит в задумчивости.)* Ах да, царица мне сказала: «Гаутама, качнув меня слишком сильно, не ловкостью столкнул меня с качелей, и я не могу ходить. Поди и помоги золотой асоке расцвести. Если через пять дней она расцветет, я тогда... *(испускает глубокий вздох)* исполню заветное твое желание». И вот я здесь, где мне нужно исполнить свою обязанность. Бакулявалика должна через минуту принести украшение для ног моих. Подожду ее и пока пройдуся, чтобы не скучать. *(Она прогуливается.)*

Г а у т а м а. Э-э! Вот что называется лишнюю чарку дать тому, кто и без того уж пьян.

Ц а р ь. Что там такое?

Г а у т а м а. Ты не видишь Малявику? Вон она неподалеку, в одеянии весьма небрежном и с видом очень смущенным.

Царь (*радостно*). Как? Малявика?

Гаутама. Она самая.

Царь. О, я чувствую, что ожил!

Узнав, что милая моя

Совсем, совсем вблизи,

Надежду в сердце ощутив,

Свободно я дышу.

Не так ли жаждущий в пути,

Всклик слыша водных птиц,

Хоть за деревьями река,

Все ж знает — влага тут.

Но где она?

Гаутама. Вон, в той аллее, она идет прямо к нам.

Царь. Друг, я вижу ее.

Эти бедра с законченной линией,

Этот тонкий уклончивый стан,

Грудь-гроздь, глаза ее длинные,

Это жизнь моя, счастье мое.

Но мне кажется, что она изменилась с того дня, как я ее видел.

Она бледна, как снизу лист асоки ³⁰,

Она в простой укуталась убор,

Она — как ветка вешняя жасмина,

Где между листьев несколько цветков.

Гаутама. Она тоже, без сомнения, страдала любовной болью.

Царь. О, как нежен ее взгляд!

Малявика. Эта асока, которая, чтобы одеться цветами, ожидает сладко-телесной ласки, и я, умирающая от любви, как похожи мы друг на друга. Чтобы отдохнуть, я сяду здесь, на каменную эту скамью, под свежей ее тенью.

Гаутама. Ты слышал? Она сказала: «Я умираю от любви».

Царь. Что же ты заключаешь из этого? Разве это говорит в мою пользу?

Когда, в сопровождение капель,

Цветочных почек лепестки

Своим движеньем раскрывая,

Повеет свежий ветерок,

От гор Малайи долетая,

И с амаранта пыль стряхнет,

Златая пыль его расцвета
Летит неведомо куда,
И беспричинно сердцу грустно.

Малявика садится.

На этом месте, друг, лиана скрывает ее от наших глаз.
Гаутама. Но взгляни-ка, не Иравати ли это там?
Царь. Слон, созерцая дотос, не видит крокодила.
(*Пребывает поглощенным.*)

Малявика. Зачем же так мучишь меня, о сердце?
Откажись от бесплодной страсти.

Гаутама смотрит на царя.

Царь. Смотри, желанная моя, как страсть безумит.

Почему ты грустишь,— ты еще не сказала,
И о ком,— догадаться лишь только могу,
Но при звуке твоих еле явственных жалоб
Я причину страдания вижу в себе.

Гаутама. Твои сомнения и тревоги должны рассеяться: наша вестница любви, Бакулявалика, идет чаровать садовую тишь.

Царь. Лишь бы она вспомнила о том, что мы ей поручили.

Гаутама. Как бы могла забыть рабыня царственное поручение, данное ей его величеством? Я о нем помню, хорошо помню.

Входит Бакулявалика, неся украшение для ног.

Бакулявалика. Как дела, милая подружка?

Малявика. А, это ты, Бакулявалика. Добро пожаловать, подружка, присядь.

Бакулявалика. Прекрасно, на тебя возложено поручение заставить асоку расцвести. Дай сюда свою ногу, я ее разукрашу и надену запястье.

Малявика (*в сторону*). О сердце мое, не лелей сладостную мысль когда-нибудь достичь заветного своего желания. Увы, как избавиться мне от жизни? Но к чему? Смерть придет сама, и это украшение — орудие пытки для меня.

Бакулявалика. О чем ты думаешь? Торопись, царице не терпеливится увидеть наконец расцвет золотой асоки.

Ц а р ь. Как, она пришла сюда, чтобы заставить расцвести асоку?

Г а у т а м а. Без сомнения. Ты можешь понять, что недаром царица убирает ее в украшение царской супруги.

М а л я в и к а (*прогягивая ногу*). Прости, что я так рассеянна.

Б а к у л я в а л и к а. Ты мое милое сердечко обожаемое. (*Начинает украшать ее.*)

Ц а р ь

Взгляни на красную черту,
Что эту ножку украшает,
Она — как нежный лепесток,
Что самым первым распустился
На древе ласковом любви,
Что Сива сжег горящим взором ³⁶.

Г а у т а м а. Да, эта ножка вполне достойна того поручения, которое ей дано.

Ц а р ь. Ты говоришь точную правду.

Кончиком стройной ноги,
Что как нежная красная почка,
Кончиком юной ноги,
Чьи ногти блестят красотой,
Двух поразит она здесь:
Асоку, что медлит раскрыться,
Также немного меня,
Пред ней виноватого друга.

Г а у т а м а. Да, да, когда-нибудь ты сможешь быть пред ней виноватым.

Ц а р ь. Принимаю предвещание, прозорливый браман.

Входит И р а в а т и с своей служанкой.
У нее очень взволнованный вид.

И р а в а т и. Я часто слыхала, что любовь — лучшее украшение женщины. Это правда, Нипуника?

Н и п у н и к а. Все так говорят, а сегодня это в особенности справедливо.

И р а в а т и. Ты все меня улещаешь, я не этого хочу. Откуда ты это взяла, что царь первый пошел к качелям?

Н и п у н и к а. Да ведь он же никогда не переставал выказывать внимание к тебе, владычица.

И р а в а т и. Довольно лести. Говори со мной совсем открыто.

Н и п у н и к а. Гаутаме очень хотелось получить весенние подарки, и он не очень заставил себя просить, чтобы сказать, что царь туда придет. Спешу же к нему.

И р а в а т и (*походкой, соответствующей ее душевному состоянию, идет вперед*). О, сердце мое, пожираемое любовью, торопит шаги мои к моему повелителю, но ноги мои, дрожа от нетерпения, отказываются повиноваться.

Н и п у н и к а. Но вот мы и пришли к качелям.

И р а в а т и. Нипуника, тут нет царя.

Н и п у н и к а. Посмотрим хорошенько. Верно, царь спрятался за каким-нибудь кустом, чтобы сделать нам удовольствие. Пойдем к каменной скамье, что около асоки, за этими лианами. (*Идет вперед и смотрит, Иравати следует за ней.*) Ай! Посмотри-ка, владычица, за веткой жасмина, которую мы хотим сорвать, кусачие муравьи.

И р а в а т и. Что ты хочешь сказать?

Н и п у н и к а. В тени асоки Бакулявалика украшает ноги Малявики.

И р а в а т и (*опасливо*). Здесь не место Малявике. Что ты об этом думаешь?

Н и п у н и к а. Царица, когда падала с качелей, ушибла себе ногу. Я думаю, что она поручила Малявике пойти и расцветить асоку. Иначе как бы царица доверила одной из своих служанок эти запястья, никогда не покидающие ее ноги?

И р а в а т и. Да, она ей оказала большую честь.

Н и п у н и к а. Ну что же, будем искать царя?

И р а в а т и. Ах, ноги подо мной подгибаются, сердце мое смутилось, но я хочу дойти до конца в своей тревоге. (*Смотрит на Малявику. В сторону.*) Увы, не напрасно я тревожусь.

Б а к у л я в а л и к а (*указывая Малявике на ее ногу*). Нравится тебе эта прикраса?

М а л я в и к а. Мне стыдно хвалить, ведь это моя нога. Но кто научил тебя делать это так искусно?

Б а к у л я в а л и к а. Царь меня научил.

Г а у т а м а. Поторопись же засвидетельствовать твою признательность учителю.

М а л я в и к а. Но ты уж более этим не гордишься.

Б а к у л я в а л и к а. Нет, сегодня горжусь, что раскрасила ногу, достойную моего таланта. (*Рассматривает рисунок. В сторону.*) Моя работа кончена. (*Громко.*)

Подружка, вот одна нога твоя приукрашена. Нужно только мне осушить ее моим дыханием. Но, впрочем, ветра здесь довольно, и так высохнет.

Ц а р ь. Посмотри, о друг, посмотри. О!

Дыханием рта моего

Осушить эту влажную ножку,

И, высушив розовый цвет,

Показать, как стремлюсь я к любимой.

Г а у т а м а. К чему сожаления? У тебя скоро будет много таких случаев показать, к чему ты стремишься.

Б а к у л я в а л и к а. Точно розовый лотос твоя нога, стопестковый лотос. Да отдохнет однажды царь в твоих объятиях.

Иравати смотрит на Нипунику.

Ц а р ь. Как я этого хочу!

М а л я в и к а. Это безумно, то, что ты говоришь.

Б а к у л я в а л и к а. Совсем нет,— то говорю, что нужно.

М а л я в и к а. Да, я знаю, что ты меня любишь.

Б а к у л я в а л и к а. И не я одна.

М а л я в и к а. А кто же еще?

Б а к у л я в а л и к а. Царь, он любит все, что красиво.

М а л я в и к а. Ты говоришь на ветер. Такая честь не для меня.

Б а к у л я в а л и к а. Ты не знаешь, что говоришь. Ты только взгляни на царя: как он похудел и побледнел.

Н и п у н и к а. Вот плутовка,— прямо как заведенная говорит. Можно подумать, что она заучила свою роль.

Б а к у л я в а л и к а. Любовь за любовь, говорят, это правило, любовь победишь любовью.

М а л я в и к а. Ты это говоришь по собственному побуждению?

Б а к у л я в а л и к а. Да нет. Я как зеркало, в которое царь гляделся, когда произносил свои страстные признания.

М а л я в и к а. Увы! Я думаю о царице. Я никогда не могла бы располагать моим сердцем.

Б а к у л я в а л и к а. Дитя! Вот села сейчас на манговую ветку, на весеннюю, пчела,— так что же, нельзя, значит, ее сорвать?

М а л я в и к а. Миленькая-премиленькая, помогай мне тогда, пожалуйста, помоги мне.

Бакулявалика. Так разве мое имя — Бакулявалика — не значит, что я цветочная гирлянда? ³⁷ И чем бакулю ближе к себе держишь, тем сильнее она дышит ароматом.

Царь. Хорошо, Бакулявалика. Очень хорошо.

Раскрывши мысли, что были скрыты,
Дав точный вовремя ответ,
Она отказ предупредила
И завладела ее мечтой.
Усыплены ее сомненья,
И вижу ясно я сейчас,
Что счастье любящих зависит
От той, что весть сердцам несет.

Ирвати. Смотри, как легко Бакулявалика ввела Малявику в то, что задумала.

Нипуника. Владычица, ковы, как говорится, и твердое сердце оковывают.

Ирвати. Ах, не напрасно тревожилось мое сердце, и то, что я слышала, удваивает мою заботу.

Бакулявалика. Ну вот, и другая твоя нога украшена. Надену теперь тебе запястья. (*Надевает.*) Встань теперь и выполни поручение царицы относительно асоки.

Они встают.

Ирвати. Она говорит о поручении, данном царицей. Хорошо.

Бакулявалика. Вот он перед тобой, воспламененный от страсти и готовый принять твои ласки.

Малявика (*с радостью*). Кто? Царь?

Бакулявалика (*улыбаясь*). Не царь, но этот многолиственный грозд, что свисает с ветки асоки. Сделай из него серьгу.

Гаутама. Ты слышал?

Царь. Да, вот истинное счастье для влюбленного.

Если два сердца, равно устремленные,
Не имеют надежды союз заключить
Или к сердцу горячему жметя холодное,
Смерть предпочтительней, думаю я.

Малявика делает себе из грозда асоки серьгу, потом грациозно ступает ногою на ствол.

Царь. Посмотри, друг.

Взяв у асоки грозд расцветов,
Она ей ногу отдает,
Но ничего мне не досталось
При этой мене двух красот.

Б а к у л я в а л и к а. Ну, это будет не твоя вина, если асока останется бесплодной после того, как ее ласкала такая очаровательная нога.

Ц а р ь

Ножкою легкой
Девушки стройной,
Ножкою нежной,
Как лотос в цвету,
Ножкой, звенящей
Звоном запястий,
Древо асоки,
Ты почтено.
Если сейчас же
Не расцветешь ты,
Ласки влюбленных
Чужды тебе.

Друг, я очень хотел бы найти предлог, чтобы заговорить с ней.

Г а у т а м а. Так идем. Я заставлю ее смеяться.

Они показываются ей.

Н и п у н и к а. Владычица, там царь.
И р а в а т и. О, это как раз то самое, что я думала!
Г а у т а м а (*приближаясь*). Красавица, это совсем нехорошо — бить так левою ногою асоку доброго моего друга, царя.

О б е (*смущенные*). Царь!

Г а у т а м а. Бакулявалика, ты же ведь все понимаешь, — как же не помешала ты своей подруге сделать такую неподходящую вещь?

Малявика кажется очень испуганной.

Н и п у н и к а. Владычица, ты посмотри только, что делает почтенный Гаутама.

И р а в а т и. Что ж, он хлеб себе этим зарабатывает, святоша.

Б а к у л я в а л и к а. Властитель, она исполняет повеление царицы. Не по своей воле провинилась она. Соиз-

воль же простить ее. (*Простирается вместе с Малявикой у ног царя.*)

Ц а р ь. В таком случае она невиновна. Встань, милое дитя. (*Он протягивает ей руку и помогает встать.*)

Г а у т а м а. Это справедливо. Имя царицы вызывает здесь к снисходительности.

Ц а р ь

Ножкой левой, что нежна,
Как цветок полураскрытый,
Ты ударила о ствол
Непокорной той асоки,—
Ты не ранила себя,
Дева с легким стройным станом?

Малявика краснеет.

И р а в а т и (*с досадой*). А, у царя сердце нежное, точно свежее масло.

М а л я в и к а. Пойдем, Бакулявалика, нужно сказать царице, что поручение ее исполнено.

Б а к у л я в а л и к а. Так проси его величество позволить нам удалиться.

Ц а р ь. Милое дитя мое, ты можешь удалиться. Но, пожалуйста, выслушай сначала просьбу, раз случай дает мне возможность обратиться к тебе с просьбой.

Б а к у л я в а л и к а. Слушай внимательно. Да соизволит государь повелеть.

Ц а р ь

Есть некто, кто долго не может коснуться
Цветка, в чьем расцвете — восторг,
О, дай же коснуться живого расцвета,
Блаженство касаньем пролей.

И р а в а т и (*появляясь внезапно*). Вот именно, пролей, пролей. Асока уже показала свой цвет, она на этом не остановится, и плод также покажет.

При виде Иравати все смущены.

Ц а р ь (*тихонько*). Друг, как тут быть?

Г а у т а м а. Да как же быть? Бежать со всех ног.

И р а в а т и. Восхваляю твое искусство, Бакулявалика. А ты, Малявика, не оставь бесплодным пожелание его величества.

О б е. Простите нас, владычица. Что мы такое, чтобы заслужить благоволение нашего владыки? (*Уходят.*)

И р а в а т и. О, предательство мужчин! Привлеченная ложью твоею, доверчивая, как газель, бегущая на зов охотника, могла ли я думать, что ждет меня здесь?

Г а у т а м а (*тихонько*). Найдись и скажи ей что-нибудь. Если кто попался в краже со взломом, он должен говорить, что пришел ловить вора.

Ц а р ь. Красивая моя подруга, не для Малявики пришел я сюда. Я заждался тебя и развлекался, ожидая тебя, — вот и все.

И р а в а т и. Я верю тебе. Я не знала, что ты встретишь подобное развлечение, а то бы я не стала тебя беспокоить.

Г а у т а м а. Но, госпожа, зачем мешать государю выражать благоволение окружающим? Царь случайно встретил двух этих служанок царицы. Разве это преступление, что он минутку говорил с ними? Призываю тебя в судьи.

И р а в а т и. Это называется говорить! Да что мне тут время терять! (*Гневная, хочет уйти.*)

Ц а р ь (*идя за ней*). Прости меня, владычица.

Пояс Иравати падает к ее ногам. Она все-таки продолжает идти.

Это дурно, красивая моя подруга, относиться с пренебрежением к мольбе того, кто тебе так предан.

И р а в а т и. Вероломный! Как верить тебе?

Ц а р ь

Вероломный, сказала ты,

В том да будет конец.

Видишь, пояс твой собственный

Пал, прося за меня.

И р а в а т и. И пояс вероломный, он твой соучастник. (*Поднимает пояс и хочет ударить им царя.*)

Ц а р ь

Гневом объята, плача,

Пояс подняв на меня,

Ленту с округлого стана,

Туче подобна она,

Что, разражаясь гирляндой
Молний, стремящихся ниц,
Горы кругом поражает
Молнийным этим огнем.

И р а в а т и. Не заставляй меня наносить тебе еще
большие оскорбления! *(Бешено поднимает руку, в кото-
рой держит пояс.)*

Ц а р ь

Зачем же медлить с наказанием,
Красивокудрая жена?
Ты, множа гнев, лишь множишь чары,
И раб твой только восхищен.

(В сторону.) Теперь уж, конечно, она меня простит.
(Падает к ее ногам.)

И р а в а т и. Это ведь не ноги Малявики, которые
должны пролить тебе блаженство. *(Уходит в сопровож-
дении Нипуники.)*

Г а у т а м а. Ну, вставай, вставай, тебя пощадили.

Ц а р ь *(вставая и не видя более Иравати)*. Как! она
удалилась, моя возлюбленная!

Г а у т а м а. К счастью. Она устроила сцену, а про-
шенья не получила. Теперь идем-ка поскорее, прежде
чем воинственная планета ³⁸ не возвратилась с наступле-
нием.

Ц а р ь. О, непостоянное человеческое сердце!

Сердце взято любимой,
И, суровость другой
Принимая как милость,
Ухожу от нее.

Они медленно уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит ц а р ь, погруженный в печальную задумчивость, и
д в о р ц о в а я п р и в р а т н и ц а.

Ц а р ь
(в сторону)

То древо любовное,
Что при сладостном имени
Малявики взросло,

И, взлелеяно чаяньем,
Все покрылося почками
Огнестрастной любви,
И в восторге трепещущем,
От касанья руки ее,
Все кругом расцвело,—
То древо любовное
Мне да явит, тревожному,
Свой пленительный плод.

(Громко.) Друг Гаутама...

П р и в р а т н и ц а. Победа царю! Гаутамы нет здесь?

Ц а р ь (в сторону). Ах да, я же ведь послал его разузнать, что с Малявикой.

Г а у т а м а (входя). Победа царю!

Ц а р ь. Джайясэна, поди взгляни, где царица Дгарини и каким развлечением умеряет она неудовольствие своего ушиба.

П р и в р а т н и ц а. Слушаю, государь. (Уходит.)

Ц а р ь. Итак, друг мой, что скажешь ты мне о прелестной нашей подруге?

Г а у т а м а. Скажу, что кошка поймала кукушку.

Ц а р ь (смущенный). Что ты хочешь сказать этим?

Г а у т а м а. Да, да. Бедняжка Малявика! Владычица с дикими глазами замкнула ее в подвал.

Ц а р ь. Узнав о моей встрече с нею?

Г а у т а м а. Ну, конечно.

Ц а р ь. Но, Гаутама, какой враг возбудил против меня гнев царицы?

Г а у т а м а. Вот, повелитель, что сказала мне Каусики. Вчера владычица Иравати пошла навестить царицу, чтобы спросить, как поправляется она от ушиба ноги. Царица спросила ее: «Что же я не вижу здесь дорогого нашего друга?» — «О, да ведь он же нисколько о тебе не заботится», — был ответ. — Разве ты не знаешь, что он ухаживает за одной из твоих служанок?»

Ц а р ь. Ну, это такое выступление, что я должен опасаться иных последствий для Малявики, нежели краткая разлука.

Г а у т а м а. Затем она была настойчива и рассказала царице все, что она знала, как она говорит, о твоей измене.

Ц а р ь. Какая она злопамятная, благородная моя владычица. А потом? Что потом? Кончай.

Г а у т а м а. Это все. Малявика и Бакулявалика скованными ногами, как красивые дщери змеечеловеков³⁹, ввержены в преисподнюю, никогда не видевшую солнца.

Ц а р ь. Увы!

Кукушка с пчелою,
На манговом дереве,
Лучом наслаждались в цветах,
Но ветер примчался,
Суровый, безвременный,
И нужно им скрыться в дупло.

Друг, надо измыслить какое-нибудь средство и освободить их.

Г а у т а м а. Какое-нибудь средство? Царица сказала Мадгавике⁴⁰, хранительнице подвала: «До тех пор, пока тебе не предьявят перстень, который я ношу на пальце, ты не выпустишь эту злокозненную Малявику».

Ц а р ь (вздыхая). Друг мой, как обойти такую бдительность?

Г а у т а м а (размышляет, потом восклицает). Я нашел!

Ц а р ь. А именно?

Г а у т а м а (осматриваясь кругом). Нас могут слышать, хоть мы не видим. Я скажу тебе на ухо. (Говорит ему на ухо.) Вот как.

Ц а р ь. Превосходно измышлено. Итак, за дело, и желаю тебе доброго успеха.

П р и в р а т н и ц а (входя). Властитель, царица лежит на террасе и дышит свежим воздухом. Одна из служанок держит ей ногу, умащенную красным санталом, а отшельница для развлечения рассказывает ей разные истории.

Ц а р ь. Прекрасный случай для меня пойти и выказать ей мою учтивость.

Г а у т а м а. Так, иди туда. А я пойду поищу какого-нибудь дара, чтобы достойно явиться пред царицей.

Ц а р ь. Да, но сначала дай Джайясэне надлежащие указания.

Г а у т а м а (шепчет на ухо привратнице). Вот что ты сделаешь... (Уходит.)

Ц а р ь. Джайясэна, покажи мне дорогу к террасе, где отдыхает царица.

Привратница. Сюда, сюда.

Появляется царица на ложе, Каусики около нее и вся свита, расположенная как подобает.

Царица. Этот рассказ очарователен, досточтимая. Продолжай, продолжай.

Каусики (*осматриваясь кругом*). Другой раз, владычица. Вот идет к тебе его величество.

Царица. А, царь! (*Хочет встать*.)

Царь. Не нужно, владычица, не стесняй себя.

Подруга с голосом ласкающим,
Твоя красивая нога
Без украшений, надлежащих ей,
На табурете золотом,
Итак, не мучь ее, болящую,
А то ты мучаешь меня.

Каусики. Победа царю!

Царица. Победа высокому властителю!

Царь (*приветствует Каусики и садится*). Твоя боль, владычица, стала ли немного легче?

Царица. Теперь мне немного лучше...

Входит Гаутама, вид у него взволнованный, священный шнур⁴¹ обмотан вокруг пальца.

Гаутама. А! А! А! А! Змея... Укусила...

Общие выражения испуга.

Царь. Плохо дело! Где же ты был?

Гаутама. Я пошел... в сад... нарвать букет, чтобы приветствовать царицу... Помогите! Помогите!

Царица. Какое несчастье! Это из-за меня, значит, брамана постигла смертельная опасность!

Гаутама. Я видел грозд цветов асоки... протягиваю руку, чтобы сорвать... И вот смерть, в лице черной змеи, выбрасывается из норы и кусает меня... Вот, посмотрите, след двух ее зубов. (*Показывает укус*.)

Каусики. В подобном случае, как гласит правило, нужно вырезать место укуса. Торопись же.

Рану сперва окровавить,
После отрезать железом
Или прижечь на огне —
Это есть верное средство.

Ц а р ь. Теперь уж врачи решат, что тут делать. Джайясэна, пойдй сейчас же позови Дгрувасиддги ⁴².

П р и в р а т н и ц а. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Г а у т а м а. А! А! А! Злой смертью помру!

Ц а р ь. Не бойся ничего. Это какая-нибудь ничтожная царапина.

Г а у т а м а. Как же мне не бояться? У меня во всем теле озноб. *(Делает вид, что у него озноб.)*

Ц а р и ц а *(приближаясь)*. Какое несчастье! Это ядовитый укус! Поддержите его!

Служанки поспешно устремляются к нему и поддерживают его.

Г а у т а м а *(к царю)*. Увы! Я твой друг детства... Старуху мать оставляю... Соизволь оказать ей попечение свое...

Ц а р ь. Но не бойся же, врач тебя вылечит, успокойся.

Входит п р и в р а т н и ц а.

П р и в р а т н и ц а. Властитель, Дгрувасиддги говорит, чтобы Гаутаму привели к нему.

Ц а р ь. Хорошо. Пусть евнухи поддержат его. Отведи его к врачу.

П р и в р а т н и ц а. Слушаю.

Г а у т а м а *(к царице)*. Повелительница, вернись я или нет, соизволь простить оскорбление, которое моя преданность царю нанесла тебе.

Ц а р и ц а. Желаю тебе долгой жизни.

Гаутама уходит с привратницей.

Ц а р ь. Наш милый браман очень пуглив. Он сомневается, что Дгрувасиддги оправдает свое имя и вылечит его ⁴³.

П р и в р а т н и ц а *(входя)*. Победа царю! Дгрувасиддги просит прислать ему перстень с изображением змеи, чтобы приложить его к сосуду с водой и сделать надлежащие заклинания.

Ц а р и ц а. Вот мой перстень с изображением змеи. Но ты вернешь мне его в собственные руки. *(Протягивает ей перстень.)*

Ц а р ь. Спеши, Джайясэна, отнеси средство помощи, чтобы выйти из беды.

П р и в р а т н и ц а. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Каусики. Если могу верить предчувствиям, Гаутаме не грозит никакая опасность.

Царь. Да благоугодно так будет небу.

Привратница (входя). Победа царю! Судороги прекратились, Гаутама чувствует себя хорошо.

Царица. Ах, совесть моя успокоилась.

Привратница. Правитель Вагатава сообщает, что ему нужно говорить с царем о разных государственных делах, и он просит осчастливить его возможностью видеть государя.

Царица. Да идет же к делам своим высокий повелитель, желаю ему успеха.

Царь. Повелительница, здесь стало жарко, а тебе нужна прохлада. Пусть перенесут твоё ложе в другое место.

Царица. Девушки, исполните указание его величества.

Служанки. Хорошо.

Царица, Каусики и служанки удаляются.

Царь. Джайясна, проводи меня в сад крытой аллеей.

Привратница. Сюда, государь, сюда.

Царь. Джайясна, успел ли Гаутама в своем предприятии?

Привратница. Без всякого сомнения.

Царь

Лишь этот путь к осуществленью

Мое желанье приведет,

И все же полон я сомненья,

Благополучен ли исход.

Гаутама (входя). Победа царю! Дельце мое удалось на славу.

Царь. Джайясна, вернись к своим обязанностям.

Привратница. Слушаю, государь. (Уходит.)

Царь. Друг, у этой Магдавики нрав не очень удобный. Она не делала затруднений?

Гаутама. Как бы она стала делать затруднения, видя именной перстень царицы?

Царь. Я не о перстне говорю. Она могла спросить, почему освобождают узниц и почему царица поручила это тебе, а не кому-нибудь из своей свиты.

Г а у т а м а. Она и спросила это, но меня не так легко уловить. Я сказал ей, что звездочеты известили тебя о том, что звезда твоя в неблагоприятном сочетании, что благодаря этому нужно освободить всех узников, что царица Дгарини, во внимание к чувствам Иравати, сказала мне: «Иди и сам освободи узниц, но сделай вид, что это есть желание царя». Она поняла. Она даже ответила: «Все к лучшему».

Ц а р ь (*обнимая Гаутаму*). А, друг мой, как умеешь ты любить меня! Да,—

Не только силою рассудка
Окажем помощь мы друзьям,
Тропинкой узкою приязни
Прийти к успеху можно нам.

Г а у т а м а. Идем, спеши. Я оставил Малявику с подругой ее в беседке над водой, чтобы прийти за тобою.

Ц а р ь. Иду ее приветствовать. Ступай вперед.

Г а у т а м а. Иди здесь. Вот беседка.

Ц а р ь (*с беспокойством*). Но я вижу служанку столь расположенной к тебе Иравати, Чандрику. Она рвет цветы. Спрячемся за стеною.

Г а у т а м а. Чандрика значит лунный свет. Оно и понятно, что воры и влюбленные остерегаются лунного света.

Прячутся.

Ц а р ь. Гаутама, что делает, ожидая меня, очаровательная эта подруга? Глянем через окно. (*Останавливается и смотрит.*)

Появляются М а л я в и к а и Б а к у л я в а л и к а.

Б а к у л я в а л и к а. Приветствуй же царя, он за тобой.

Ц а р ь. Я думаю, что она показывает ей мой портрет.

М а л я в и к а (*радостная*). Приветствую тебя, властитель. (*Смотрит на дверь, потом с досадой говорит.*) Где царь? Ты смеешься надо мной.

Ц а р ь. Друг мой, и горе и радость преисполняют меня счастьем.

Два лика я нежные видел:
Как лотос раскрылся с зарей
И как он с закатом, печалась,
Закрыв лепестками свой блеск.

Бакулявалика. Разве же это не царь здесь... нарисованный?

Обе (*простираясь*). Победа царю!

Малывика. Увы, хотя я видела царя лицом к лицу, я не могла насытиться его присутствием, как я делаю это теперь, когда мне можно на досуге смотреть на его портрет.

Царь. Друг, женщины по природе своей любопытны, но целомудренны.

Хотя им хочется внимательно увидеть

Того, кто предстает пред ними в первый раз,

Миндалевидными газельими глазами

Чуть глянут, чуть скользнут, и взор бежит сейчас.

Малывика. Кто это — та, что немного отвернула голову, а царь жадно смотрит на нее влюбленным взглядом?

Бакулявалика. Та, что около него? Это Иравати.

Малывика. Но, милая подруга, разве это пристойно? Он поворачивается спиной ко всем царевнам, и глаз у него ни для кого нет, кроме как для нее.

Бакулявалика (*в сторону*). Превосходно. Она так принялась за портрет царя, как будто бы это был он сам. Нужно подразнить ее немножко. (*Громко.*) Иравати — любимица царя.

Малывика. Ну, так чего же мне тут томиться? (*Отвертывается с досадой.*)

Царь. Посмотри, друг мой, на лицо этой красавицы.

Она с досадой отвернулась,

Смотреть не хочет на портрет,

Гримаску делает губами,

А меж нахмуренных бровей

Черта изломная явилась,

Как будто вот она сейчас,

Урок сценический свершая,

Влюбленному являет гнев.

Гаутама. Так приготовься же успокоить ее.

Малывика. И досточтимый Гаутама тут, с учтивыми заботами. (*Хочет мельком взглянуть на портрет.*)

Бакулявалика (*удерживая ее*). Ведь ты же сердишься, не забудь.

Малывика. Если ты думаешь, что я до сих пор сердилась, так вот я перестала.

Ц а р ь
(приближаясь)

Красавица, чьи очи нежный лотос,
Тебе я на портрете был не мил?
Я здесь живой стою перед тобою,
Покорный раб и безраздельно твой.

Б а к у л я в а л и к а. Победа царю!

М а л я в и к а (в сторону). Как могла я сердиться на
портрет царя? (Она делает перед царем анджали: привет-
ствует его, приподнимая обе руки, сжатые на уровень со-
лбом.)

Царь являет лик робкого влюбленного.

Г а у т а м а. Ты, мне кажется, страшно смущен.

Ц а р ь. Меня пугает эта красавица.

Г а у т а м а. Ну, бояться тут нечего.

Ц а р ь. Нет, послушай.

Передо мною в сновиденье,
Чуть возникая лишь на миг,
Она сейчас же исчезает,
Из рук моих легко скользнув.
Так как же буду созерцать я
Очарование ее
И не испытывать боязни,
Что вмиг она опять уйдет?

Б а к у л я в а л и к а. Подружка, царь на самом деле
был уж не раз обманут в своих ожиданиях. Удостоверь
же его ты сама.

М а л я в и к а. Но, милая моя подружка, посуди,
какая я несчастная: даже и во сне не могу я помыслить о
том, что я с ним соединена.

Б а к у л я в а л и к а. Властитель, соблаговоли отве-
тить ей.

Ц а р ь

Какой могу я дать ответ?

Стрела любви меня, горя, пронзила,
Твоей подруге предан я сполна,
Не мне она, а я служить ей буду.

Б а к у л я в а л и к а. Властитель, приношу тебе свои
благодарения.

Гаутама (*приближаясь с живостью*). Бакулявалика, вон там газель хочет ощипать молодые побеги асоки. Пооди прогони ее.

Бакулявалика. Иду. (*Хочет выйти.*)

Царь. Нужно нас охранять.

Гаутама. И ты это Гаутаме говоришь?

Бакулявалика. Досточтимый Гаутама, я пойду спрячусь, чтобы лучше следить. А ты будешь стражем у двери.

Гаутама. Вот именно.

Бакулявалика уходит.

Что до меня, я прислонюсь к этой колонне из горного хрусталя. Что может быть приятнее прикосновения этого превосходного камня? (*Засыпает.*)

Царь

(*к Малявике, которая взволнованна и недвижна*)

Прогони, красивая,

Этот нежный страх.

Манговым я деревом

Стал перед тобой,

Будь лианой легкою

И прильни ко мне.

Малявика. Царица, властитель... Я боюсь ее, и чего я хочу, того я не смею.

Царь. Нет, не бойся, не бойся ничего.

Малявика. Мой властитель ничего не боится, а когда он был около царицы Иравати...

Царь

О красноустая, пойми же, что учтивость

Есть долг всех тех, кто ведает любовь,

Но, длинноглазая, поверь, что вся надежда

Моей души зависит от тебя.

Прими же того и не отвергни, кто любит тебя уже давно. (*Хочет обнять ее, она уклоняется. В сторону.*) О, как нежно оно, прикосновение пленительное девушки.

Рукой дрожащей отстраняет

Она те пальцы, что, шутя,

Стремятся развязать ей пояс,

И, руки обе сжав свои,

От всех касаний защищает

Она нетронутую грудь,

Глаза продольные сокрылись
В тени узорчатых ресниц,
От поцелуя отвернулось
Красиво-юное лицо,
И в этом ласковом притворстве
Вся полнота услад любви.

Входят И р а в а т и и Н и п у н и к а.

И р а в а т и. Это верно, Нипуника? Чандрика сказала тебе, что она видела досточтимого Гаутаму одного на террасе беседки над водой?

Н и п у н и к а. Как же бы иначе, повелительница, посмела я передать тебе это?

И р а в а т и. Так идем же туда. Превосходный друг царя подвергся большой опасности. Я хочу спросить, как его здоровье, и...

Н и п у н и к а. Ты не кончаешь, повелительница?

И р а в а т и. И выполнить мой долг перед портретом царя, чтобы заставить его забыть мою несправедливость.

Н и п у н и к а. Но тогда почему бы не пойти прямо к царю и не объяснить с ним?

И р а в а т и. А, дитя мое, царь на портрете или царь, полюбивший другую, это одно и то же в моих глазах. Я лишь хотела стереть мою неправоту по отношению к нему.

Н и п у н и к а. Сюда, повелительница.

Они приближаются.

С л у ж а н к а (входя). Царевна, приветствую тебя. Царица велела тебе сказать, что она сама по себе не ревнива и что, если она заключила в темницу Малявику и подружку ее, это лишь во внимание к тебе. Поэтому, если ты согласишься дать согласие, она доставит удовольствие царю и освободит их. Она предоставляет тебе решить.

И р а в а т и. Нагарика, передай царице мои слова: «Кто я, чтобы ее величество спрашивало моего совета? Ты соизволила явить мне свою благосклонность, покарав своих служанок. И чья иная благосклонность, кроме твоей, может меня поддержать?»

С л у ж а н к а. Слушаю, повелительница. (Уходит.)

Н и п у н и к а (приближается и смотрит). Взгляни-ка, повелительница, вон досточтимый Гаутама спит себе преспокойно, как бык на базаре. Вот он сидит на пороге беседки над водой.

И р а в а т и. Несчастье! Быть может, это есть следствие его отравления?

Н и п у н и к а. Ба, вид у него преотличный. Притом же Дгрувасиддги его вылечил, опасности нет никакой.

Г а у т а м а *(во сне)*. Малявика, чаровательница...

Н и п у н и к а. Ты слышишь, повелительница? Забьтся тут о старом этом глупце. Он только умеет объедаться и болтать. Набил себе живот разными сладостями и теперь на сытый желудок о Малявике грезит.

Г а у т а м а *(во сне)*. Если б тебе заменить Иравати!

Н и п у н и к а. А, чтоб ему с таким пожеланием! Послушай, он боится змей, этот злосчастный браман, я спрячусь за колонной и попугаю его концом моей палки, благо она как змея изогнута.

И р а в а т и. Болтун стоит того, чтобы его наказать.

Нипуника роняет на Гаутаму палку.

Г а у т а м а *(внезапно просыпаясь)*. Ай! Ай! Змея, она бросилась на меня!

Ц а р ь *(поспешно приближаясь)*. Не бойся, друг, не бойся ничего.

М а л я в и к а *(следуя за царем)*. Осторожней, государь, осторожнее. Он говорит о змее.

И р а в а т и. Фи, фи! Царь выходит из беседки!

Г а у т а м а *(разражаясь смехом)*. Превосходно, это не более как кусок дерева. А я-то боялся, что за те поранения, которые я сделал себе колючками, меня постиг настоящий укус змеи.

Б а к у л я в а л и к а *(поспешно входит, очень взволнованная)*. Где она, змея? Не приближайся, владыка. Взгляни, змея действительно развернула свои звенья.

И р а в а т и *(приближаясь к царю)*. Ну что ж, исполнились твои желанья, влюбленный, любящий средь бела дня?

При виде Иравати все выказывают смущение.

Ц а р ь. Приветствие не из обычных!

И р а в а т и. Бакулявалика, прими мои одобрения, ты прекрасная переносчица вестей.

Б а к у л я в а л и к а. Прости, повелительница, но тут мы ничего не можем поделать. Лягушки, как ни квакай, облако не разрешат дождем.

Г а у т а м а. Нет, нет, нет. Как только царь царевну увидел, он забыл, что умолял ее на коленях, а она отвергла его просьбу. Но тебе, тебе нечего ждать никакого прощения.

И р а в а т и. К чему мне послужили бы взрывы моего гнева.

Ц а р ь. Но почему этот гнев без причины?

Зачем, красивая, туманишь ты лицо,

Хоть на мгновение сердясь без основания?

Туманит ли луна лучей своих кольцо,

Когда затмение над нею без влиянья?

И р а в а т и. Ах да! Так? Я гневаюсь без основания? Я вижу, что благосклонность, которую ты мне дарил, переходит к другой, и когда я досажую на это, я делаюсь предметом насмешки.

Ц а р ь. Ты удаляешься от того, о чем мы говорим. Поистине, я не вижу здесь никакого повода для тебя, чтобы сердиться.

В день праздничный слуга не может быть под гневом,

Не может быть в тюрьме, пусть он и виноват,—

Так я освободил служанок из темницы,

И вот они пришли припасть к моим ногам.

И р а в а т и. Нипуника, поди и скажи от меня царице: «Я видела собственными глазами, куда идет сочувствие ее величества».

Н и п у н и к а. Иду. *(Уходит.)*

Г а у т а м а *(в сторону)*. Скверно дело. Чуть из клетки голубок, а уж ястреб тут как тут.

Н и п у н и к а *(возвращаясь)*. Повелительница, я встретила случайно Мадгавику, и вот как все произошло. Она сказала мне... *(Она говорит ей на ухо.)*

И р а в а т и *(в сторону)*. Прекрасно. Значит, все это подстроил тот благочестивый негодяй. *(К Гаутаме.)* Ты в происках преуспел, пособитель любви.

Г а у т а м а. О владычица, если бы хоть что-нибудь я знал о каких-нибудь происках, я бы искал напрасно в памяти все молитвы.

Ц а р ь *(в сторону)*. Как выйти из такого затруднения?

П р и в р а т н и ц а *(быстро входя)*. Повелитель, в то время как малютка Васулякшми бежала за мячиком, ее испугала желтая обезьяна. Царица качает ее у себя на руках, но она еще не оправилась и дрожит как лист.

Ц а р ь. Как пугливы дети!

И р а в а т и (*взволнованная*). Иди, государь, иди скорей и успокой ее. Пусть испуг ее не будет иметь дурных последствий, и пусть она поскорее поправится.

Ц а р ь. Да, я пойду успокою ее. (*Быстро идет.*)

Г а у т а м а (*в сторону*). Спасибо, спасибо тебе, желтая обезьяна. Помогла ты моему товарищу-шуту.

Царь уходит вместе с Гаутамой, потом уходят Иравати и Нипуника

М а л я в и к а. Увы, как подумаю я о царице, сердце у меня падает. Что из всего этого произойдет? Не знаю.

Г о л о с з а с ц е н о й. Чудо! Чудо! Еще и не прошли пять ночей по совершении обряда расцветания, а уж асока покрылась цветами. Пойду сообщу об этом царице.

Малявика и Бакулявалика выказывают свою радость.

Б а к у л я в а л и к а. Не тревожься, подружка! Царица верна своим обещаниям!

М а л я в и к а. Идем же за хранительницей сада.

Б а к у л я в а л и к а. Идем.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПРОЛОГ

Входит М а д г у к а р и к а, хранительница сада.

М а д г у к а р и к а. Лелея, как нужно, золотистую асоку, я окружила ее загородкой. Пойду сообщу царице, что я исполнила ее повеление. (*Делает несколько шагов.*) Судьба не может не сжалиться над Малявикой. Царица была на нее разгневана, но она ее простит во внимание к расцветшей асоке. Но где сейчас может быть царица? (*Осматриваясь.*) Вон один из слуг царицы, маленький хромоножка Сарасака. В руках у него кожаный ларец, припечатанный воском, и выходит он из дворца. Пойду-ка да расспрошу его.

Входит х р о м о й, как Мадгукарика его описала.

(Приближаясь к нему.) Куда идешь, Сарасака?

С а р а с а к а. А сегодня, Мадгукарика, как раз день, когда каждый месяц посылают дар ученым набожным браманам. Я несу этот дар их старшему.

М а д г у к а р и к а. По какому случаю?

С а р а с а к а. С тех пор как царица узнала, что сыну царя, Васумитре, полководец поручил попечение о жертвенном коне, она правильно посылает жрецам, молящимся о его преуспевании, приношение в восемнадцать золотых монет.

М а д г у к а р и к а. Понимаю. А где царица?

С а р а с а к а. Заседает в главной зале. Она получила послание от своего брата Вирасэны касательно дел Видарбги, и писцы читают ей его.

М а д г у к а р и к а. Что нового о царе Видарбги?

С а р а с а к а. Он пал под победоносными усилиями войска нашего царя, коим предводительствует Вирасэна. Его племянник Мадгавасэна освобожден и посылает сегодня к царю вестника, а с ним повозки, нагруженные драгоценными дарами всякого рода и многочисленными юными пленниками. Завтра он сам преподжалует поздравить его величество.

М а д г у к а р и к а. Хорошо, иди по своим делам. А я пойду к царице.

Уходят.

П р и в р а т н и ц а (входя). Царица поручила мне известить царя, что она желает идти с ним восхищаться блеском асоки в полном расцвете. Подожду царя, он заседает в суде. (Ходит взад и вперед по сцене.)

Д в а п о э т а (за сценой). О, счастье! Царь ступил ногою на главу врагов своих.

П е р в ы й п о э т

Под кукование кукушек
В садах, на берегу Видисы ⁴⁴,
Весну проводишь ты приятно,
Как огнеокий бог любви.
Когда свои войска привел ты,
Перед тобою враг склонился,
Слонов на берегу Варады ⁴⁵
К деревьям мог ты привязать.

Второй поэт

Деянья двух героев,
Что недругов сразили,
Воспеты мудрецами,
Подобными богам.
Твой бранный пыл, который
Сразил царя Видарбги,
И мощный подвиг Кришны,
Что Рукмини увлек⁴⁰.

Предшествуемый победными песнопениями, приближается царь. Отойду к сторонке и прислонюсь к входу главной террасы.

Входит царь в сопровождении Гаутамы.

Царь

Мечтая о желанной,
С которой трудно быть,
И ведая, что недруг
Видарбги побежден,
Я точно лотос в зное
Под каплями дождя,
И радости я полон
И скорби в тот же час.

Гаутама. Насколько могу судить, вскоре ты будешь ведать счастье без примеси.

Царь. Как так, друг мой?

Гаутама. Как раз сегодня царица Дгарини сказала мудрой Каусики: «Досточтимая, если ты справедливо гордишься своими талантами в искусстве одевания и украшения, дай нам увидеть Малявику в брачной одежде края Видарбги». Итак, Малявику раздели на славу, и, полагаю, царица хочет исполнить твои желания.

Царь. Друг, ты лишь строишь предположения, видя, что Дгарини, как кажется, смирила свою ревность и снова, как прежде, являет мне знаки внимания.

Привратница (*приближаясь*). Победа царю! Царица просит тебя, властитель, соблаговолить прийти и осчастливить своим вниманием ее хлопоты касательно расцвета золотой асоки.

Царь. Царица, конечно, уж там?

Привратница. Да, повелитель. Обычную учтивость соблюдая, царица простилась со всеми царев-

нами, и, окруженная своею свитой, с Малявикой во главе, она ожидает тебя, государь.

Ц а р ь (*бросая взгляд на Гаутаму, с радостью*).
Веди нас, Джайясэна.

П р и в р а т н и ц а. Сюда, государь, сюда.

Они делают несколько шагов.

Г а у т а м а (*смотря*). Друг, не кажется ли тебе, что весна потеряла в саду несколько из своей свежести?

Ц а р ь. Ты говоришь справедливо, друг мой.

Я вижу, весна достигает предельности,
И нежные гроздья плодов
Все ветви нагнули на дереве манговом, —
Смотрю, и смущается дух.

Г а у т а м а. О, золотая асока покрылась своими цветами, точно праздничный надела наряд. Посмотри.

Ц а р ь. Не напрасно она медлила с торжеством своего расцвета, ибо сегодня она являет блеск беспримерный. Взгляни:

Как будто со всех ей содружных деревьев,
Что раньше явили всю силу весны,
Цветы, просияв, собрались к ней на ветки,
Когда совершилось желание ее.

Г а у т а м а. Ну, твои добрые чаяния могут быть твердыми: при нашем приближении царица Дгарини дает соответствующие указания Малявике, которая сидит около нее.

Ц а р ь (*радостно*). Вот, друг мой,

Царица медленно встает, меня увидев,
А рядом с ней стоит желанная моя.
Как будто Мать-Земля и с ней богиня Лакшми ⁴⁷,
Нет только лотоса в руках моей любви.

Появляются Каусики, царица, Малявика и вся свита царицы, расположенная сообразно достоинству.

М а л я в и к а (*в сторону*). Я знаю, почему меня наряжали в эту роскошную одежду, и, однако же, сердце мое трепещет, как капля воды на листе лотоса. Но левый глаз мой дергается.

Г а у т а м а. О, о! В этой брачной одежде Малявика сияет, как звезда.

Ц а р ь. Она пленительна в роскошном одеянье.

В одеянье шелковым,
Нечрезмерной длины,
Мне она представляется,
Словно облик луны,
Словно ночь, окруженная
Всею звездной толпой,
Чье сиянье не спрятано
Полумглой голубой.

Ц а р и ц а (*приближаясь*). Победа благородному нашему супругу!

Г а у т а м а. Благополучие царице!

К а у с и к и. Победа высокому государю!

Ц а р ь. Повелительница, приветствую тебя!

К а у с и к и. Да снизойдет к государю всяческое преуспевание!

Ц а р и ц а (*улыбаясь*). Властитель, около этой цветущей асоки мы назначаем место свиданий твоих с юными красавицами.

Г а у т а м а. Видишь, все по твоим желаниям.

Ц а р ь

(*смущенный, обходит кругом асоку*)

Царица не могла асоке этой честь

Явить чрезмерную, затем что, расцветая,

Она не слушалась веления весны

И лишь послушалась веления царицы.

Г а у т а м а. Успокойся же и созерцай эту юную красоту.

Ц а р и ц а. Какую?

Г а у т а м а. Красоту золотой асоки, что вся расцвела.

Все садятся.

Ц а р ь (*смотря на Малявику. В сторону*). Как это грустно быть так близко друг от друга и в разлучности.

Средь птиц крылатых чакраваку⁴⁸

С подругой разлучает ночь,

Так разлучен я с Малявикой,

И Дгарини, как тень, меж нас.

М а у д г а л и я (*входя*). Победа царю! Победа царю! Первый правитель сообщает государю, что среди даров,

привозимых из Видарбги, находятся две юные пленницы, которых он еще не привел пред лицо твое, ибо они были утомлены путешествием. Теперь они в состоянии предстать пред его величеством. Он ждет твоих приказаний.

Ц а р ь. Введите их.

М а у д г а л и я. Слушаю, государь. *(Выходит и снова входит с двумя юными девушками.)* Входите, входите.

П е р в а я д е в у ш к а *(тихонько)*. О Раджаника, хотя я проникаю в первый раз в это царское жилище, я чувствую в сердце доверие и радость.

В т о р а я д е в у ш к а. Вот, Джиотсника, и у меня такое же точно предчувствие. Ты знаешь, наше сердце, как говорят, заранее оповещает нас и о счастье нашем и о несчастьи.

Д ж и о т с н и к а. Да оправдается на нас это поверье.

М а у д г а л и я. Вот царь и царица. Подойдите к ним.

Девушки подходят. При виде их Малявика и Каусики обмениваются взглядом.

О б е д е в у ш к и *(простираясь)*. Победа царю! Победа царю! Победа царице! Победа царице!

Ц а р ь. Добро пожаловать! Садитесь!

Девушки садятся.

Какому научены вы таланту?

Д е в у ш к и. Играть и петь.

Ц а р ь. Повелительница, избери одну для твоей сцены.

Ц а р и ц а. Малявика, посмотри, какая из них более подходит, чтоб отвечать тебе во время пения.

О б е д е в у ш к и *(замечая Малявику)*. О, это дочь царя! *(Они простираются перед ней со слезами.)*

Малявика плачет. Все присутствующие глядят с удивлением.

Ц а р ь. Кто вы? И кто она?

Д ж и о т с н и к а. Государь, это дочь нашего царя.

Ц а р ь. Каким образом?

О б е д е в у ш к и. Слушай же, государь. Твои победоносные войска, поразив царя Видарбги, освободили юного царевича Мадгавасэну, сестра же его, что здесь, зовется Малявикой.

Ц а р и ц а. Как! Это царевна? Так я опорочила благородный сантал своим башмачком!

Ц а р ь. Каким же образом благородная эта девушка попала в такое положение?

М а л я в и к а *(вздыхая. В сторону)*. Волей судьбы.

Р а д ж а н и к а. Слушай, государь. Когда господин наш Мадгавасэна попал во власть своего родственника, благородный Сумати, правитель его, разъединил царевну с ее свитой и тайком удалил ее.

Ц а р ь. Я слышал об этом. А потом? Потом?

О б е д е в у ш к и. Это все, государь. Мы больше ничего об этом не знаем.

К а у с и к и. Что было дальше, это расскажу тебе я, злополучная.

О б е д е в у ш к и. Царевна, нам кажется, что мы слышим голос благородной Каусики.

М а л я в и к а. Конечно, это она.

О б е д е в у ш к и. Нам было очень трудно узнать ее в этой одежде отшельницы. Досточтимая госпожа, соизволь принять наши приветствия.

К а у с и к и. Будьте благословенны, дети мои.

Ц а р ь. Как же ты знаешь этих девушек?

К а у с и к и. Я сейчас скажу тебе.

Г а у т а м а. Вот именно. Окончи рассказ о приключениях царевны.

К а у с и к и *(печально)*. Так слушайте его. Узнайте, что Сумати, правитель Мадгавасэны, был моим старшим братом.

Ц а р ь. Я слышу, продолжай.

К а у с и к и. Когда брат Малявики был задержан, Сумати, памятуя союз с тобой, взял меня и ее и отправился вместе с караваном по дороге в край Видисы.

Ц а р ь. А потом?

К а у с и к и. После некоторого времени купцы, утомленные дорогою, расположились на привал в лесу.

Ц а р ь. Продолжай. Что же дальше?

К а у с и к и. Я продолжаю.

Внезапно с колчанами, полными стрел,

Павлиньими перьями препоясаны все,

Напали разбойники, лук засверкал,

Бороться с кричащими нам было нельзя.

Малявика выказывает сильный страх.

Г а у т а м а. Не бойся, не бойся, царевна. Досточтимая рассказывает о том, что было давным-давно.

Ц а р ь. Дальше. Дальше.

К а у с и к и. В малую минутку защитники каравана были захвачены в плен, убиты или обращены разбойниками в бегство.

Ц а р ь. Я трепещу, досточтимая, при мысли о несчастьях, только что тобою рассказанных.

К а у с и к и. Тогда,

Стремясь защитить Малявику,
Что дрожала, захвачена в плен,
Царя почитающий, долг свой
Брат жизнью своей заплатил.

Д ж и о т с н и к а. Увы, скончался он, родной наш.

Р а д ж а н и к а. Разве без этого дочь нашего царя могла бы сделаться пленницей?

Малявика роняет слезы.

Ц а р ь. Это удел, общий всем людям. Не нужно оплакивать этого верного служителя, он не даром ел хлеб своего господина.

К а у с и к и. Что до меня, я лишилась чувств. Когда я пришла в себя, царевны уже не было предо мной.

Ц а р ь. Какие страдания ты должна была вынести, досточтимая!

К а у с и к и. Я отдала последние почести печальным останкам моего брата и, вторично чувствуя себя вдовой, направилась к твоему царству, где облеклась в этот отшельнический убор.

Ц а р ь. Поведение, достойное добродетельной женщины. Что же было дальше?

К а у с и к и. Позднее я вступила в дом царицы и нашла там царевну: от разбойников она досталась Вирасэне, а он отослал ее царице. Так кончается рассказ мой.

М а л я в и к а (в сторону). Что скажет теперь царь?

Ц а р ь. За несчастьем следом идет унижение.

Служанка она,
Царицей достойная быть,—
Как будто к ногам
Отброшен блестящий был шелк.

Ц а р и ц а. Ну, досточтимая, ты поступила несправедливо, не разоблачив нам тайну рождения Малявики.

К а у с и к и. Боги да видят! Боги да помогут! У меня были достаточные основания.

Ц а р и ц а. А какие, прошу сказать?

Ц а р ь. Да, скажи, если, конечно, ты можешь сказать.

К а у с и к и. Когда был жив ее отец, божественный подвижник, снизошедший на землю, провидец, чьи пророчества свершались неукоснительно, предсказал в моем присутствии Малявике, что она целый год будет невольницей и потом выйдет замуж за равного себе. Зная, что судьба эта неизбежна, я предоставила ей осуществляться, увидав, что Малявика стала твоею служанкою, служанкою в этом царском доме. Теперь время испытания кончилось, и я вижу, что поступила хорошо.

Ц а р ь. Счастливая недомолвка!

М а у д г а л и я (входя). Властитель, когда я приходил к тебе с словом правителя, нечто другое помешало мне принести тот ответ, который я приношу тебе теперь: все, что нужно было сделать касательно края Видарбги, говорит он, в данное время устроено, и он ждет лишь последних решений его величества.

Ц а р ь. Маудгалия, нам благоугодно, чтобы братья-царевичи, Яджнасэна и Мадгавасэна, царствовали оба совместно:

Пусть каждый царит на своем берегу —

Тот к теплomu югу, тот к свежему северу,

Над Вáрадой солнце взойдет и луна,

Светильник свежащий, светило горячее.

М а у д г а л и я. Я пойду возвешу это в совете.

Царь делает пальцем указующий жест согласия. Царедворец уходит.

Д ж и о т с н и к а (тихонько). Царевна, какое счастье! Царевичу досталось полцарства.

М а л я в и к а. Но что всего больше нужно ценить, это что жизнь его отныне вне опасности.

М а у д г а л и я (снова входя). Победа царю! Правитель поручил сказать: «Велика мудрость его величества. Решение его встретило одобрение всего совета:

Как два коня бегут вперед,

Одну качая колесницу,

Они согласье сохранят,

Твоею правимые волей».

Ц а р ь. Итак, скажи в совете, чтобы о решениях этих было написано полководцу Вирасэне.

Маудгалия. Слушаю. *(Уходит и возвращается, неся свиток и дар.)* Повеление его величества исполнено. А здесь послание и дар от полководца Пучпамитры. Соизволь, государь, взглянуть на них.

Царь поспешно приближается, почтительно возлагает дар себе на голову, отдает его затем одному из свиты и ломает печати, дабы прочесть послание.

Царица. Вот чего сердце мое ожидало с нетерпением: пока будут говорить вести о свекре моем, я узнаю, наконец, что с моим сыном Васумитрой, — полководец дал ему место в своем войске.

Царь *(садится и читает)*. «Приветствие! Из жертвенной ограды полководец Пучпамитра сыну своему Агнимитре в Видисе желает долгоденствия, обнимает его и шлет ему нижеследующее, да ведает. Сделав все приготовления для царского праздника жертвоприношения коня, я поставил царского сына Васумитру во главе отряда из ста царевичей для охранения жертвенного коня, которому в течение целого года я дал свободно блуждать без узды⁴⁹. В то время как конь пасся на правом берегу Синдгу⁵⁰, шайка яванавских⁵¹ всадников сделала попытку завладеть им. Произошел великий бой между двумя войсками».

Царица выказывает испуг.

Посмотрим, что там дальше. *(Продолжает чтение.)*

«Стрелок искусный, Васумитра
Рассеял недругов своих,
И в стан его, за жаркой битвой,
Вновь приведен был царь коней».

Царица. Ах, я опять дышу!

Царь *(продолжает чтение)*. «Итак, я приступаю к жертвоприношению, ибо внук мой привел ко мне коня, как некогда Солнце привело коня к Морю⁵². Прибудь же тотчас, с сердцем проясненным и с супругами твоими, дабы присутствовать при обряде жертвы». Поистине, я счастлив.

Каусики. Я поздравляю их величества с почестью, которою покрывает их победа их сына. *(К царице.)*

Твоим супругом ты помещена
Как первая среди супруг героев,
Как мать героя будешь названа
И возгоришь, чрез сына блеск удвоив.

Г а у т а м а. Я счастлив, повелительница, видя, что сын следует по стопам отца.

Ц а р ь. Что ж, Маудгалия, юный слон достоин быть вожакom стада.

М а у д г а л и я

В таких деяньях нет чудесного,
Высокий вышним порожден,
Ведь он твой сын, — огни подводные
Вскипают солнечным огнем⁵³.

Ц а р ь. Маудгалия, во имя Яджнасэнy — имя родственное — да освободят всех узников.

М а у д г а л и я. Слушаю. (*Уходит.*)

Ц а р и ц а. Джайясэнa, поди возвести о победе нашего сына Иравати и другим царским любимицам.

П р и в р а т н и ц а. Слушаю. (*Идет.*)

Ц а р и ц а. Постой, подойди-ка ко мне.

П р и в р а т н и ц а (*возвращаясь*). Вот я.

Ц а р и ц а (*тихонько*). Расскажи Иравати о том, что я обещала Малявике, давая ей поручение поторопить расцвет асоки, сообщи ей то, что стало известным о происхождении этой царевны, и склони ее сообразоваться с моими намерениями, сказав ей от меня: «Я заклинаю тебя не мешать мне исполнить данное обещание».

П р и в р а т н и ц а. Хорошо. (*Уходит и возвращается.*) Государыня, я, как ларец с драгоценностями, прихожу обремененная разными нарядами и украшениями, которые дали мне царские любимицы во свидетельство радости по причине победы царевича, твоего сына.

Ц а р и ц а. Это вполне понятно, счастливое это событие так же им дорого, как и мне самой.

П р и в р а т н и ц а (*тихонько*). Иравати же просит сообщить тебе, что слова, которые ты ей послала через меня, достойны царицы и что тебе ничего иного нельзя сделать, как исполнить обещание.

Ц а р и ц а. Досточтимая, с твоего позволения, раз такое же было намерение и благородного Сумати, я хотела бы отдать Малявику в супруги его величеству.

К а у с и к и. Она не перестала, повелительница, зависеть от тебя.

Ц а р и ц а (*беря Малявику за руку*). Государь, я должна передать тебе дар такой же драгоценный, как та добрая весть, которую мы только что узнали. Хочешь ли принять в этом смысле Малявику?

Царь смущен и безмолвствует.

(*С улыбкой.*) Или ты отвергаешь мой дар, повелитель?

Г а у т а м а. Государыня, ты знаешь пословицу: «Новобрачные склонны краснеть».

Царь смотрит на Гаутаму.

Или, быть может, его величество желает, чтобы, отдавая ему Малявику, ее величество соизволило даровать ей также наименование царицы?

Ц а р и ц а. Она дочь царя, наименование царицы принадлежит ей по праву, и это разумеется само собою.

К а у с и к и. Подожди. Это не все.

Хоть из россыпей алмазных
Порождается алмаз,
Лишь граненый он достоин
Быть в оправе золотой.

Ц а р и ц а. Прости, досточтимая, что забыла должное. От этих счастливых вестей я рассеялась. Джайясэна, поди отыщи шелковый покров, самый драгоценный, и немедленно принеси его царевне.

П р и в р а т н и ц а. Иду. (*Уходит и возвращается с шелковым покровом.*) Вот, государыня.

Ц а р и ц а (*надев покров на Малявику*). Да соизволит его величество теперь принять ее.

Ц а р ь. Повелительница, я повинуюсь твоему желанию.

К а у с и к и. А, вот и принята она с лаской!

Г а у т а м а. Какую кроткую нежность являет царица его величеству.

Царица бросает взгляд на женщин своей свиты.

Ж е н щ и н ы с в и т ы (*приближаясь к Малявике*).
Победа царице!

Царица смотрит на Каусики.

К а у с и к и. Благородство действий твоих меня не удивляет:

Это доблесть сердечная царственных жен —

Быть угодной супругу, признавая соперницу,

Как в могучий втекает река океан,

Рек других устремляя туда же течение ⁵⁴.

Н и п у н и к а (входя). Победа царю! Царевна Иравати поручила мне сказать его величеству: «Я виновна в нарушении уваженья к государю. Теперь, когда желания его величества исполнились, да соизволит государь явить и мне свое благоволение, простив мне обиду».

Ц а р и ц а. Его величество, Нипуника, не может не исполнить твою просьбу.

Н и п у н и к а. Слушаю, государыня. (Уходит.)

К а у с и к и. Государь, мой владыка Мадгавасэна вновь получил свою власть благодаря покровительственному союзнчеству твоему. Я хотела бы отправиться к нему с выражением покорности, если ты соизволишь дать мне на то позволение.

Ц а р и ц а. Досточтимая, теперь, когда выполнено то, что было тебе предназначено, ты не должна более думать о том, чтобы покинуть нас.

Ц а р ь. Досточтимая, в послании, которое я напишу ему, я напомню ему о тебе и передам ему выражение твоих покорных чувств.

К а у с и к и. Все мое — ваше, располагайте мною по воле своей.

Ц а р и ц а. Соизволь, государь, дать мне свои повеления: что могла бы я сделать еще, что было бы угодно тебе?

Ц а р ь. Невозможно более угодить мне. И все же я выскажу еще одно желание:

Супруга Сивы, Дурга ⁵⁵, да пребудет

Улыбчивой и благосклонной к нам,

И пусть народ не ведает страданья,

Пока здесь правит Агнимитра-царь ⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ *

«Малявика и Агнимитра» — по мнению большинства исследователей, первая или, во всяком случае, самая ранняя из дошедших до нас трех драм Калидасы. В этой пьесе Калидаса использовал сюжетную схему знаменитой драмы своего предшественника Бхасы (условно II—IV вв.) «Пригрезившаяся Васавадатта»: военная угроза, побуждающая царя к заключению нового брака; «любовный треугольник»; тайна происхождения героини, ее обращение из царевны в служанку своей соперницы. Калидаса, однако, решительно изменил акценты, выдвинув на первый план младшую из соперниц; близкую к трагедийному звучанию тему человеческого страдания в драме Бхасы он заменил комедийным мотивом женской ревности; поэтому главную роль в развитии действия играет шут (видушак, традиционный персонаж древнеиндийской драмы). Героем пьесы автор делает историческое лицо — царя Агнимитру из династии Шунга (II в. до н. э.). Однако говорить об историчности событий, которые описываются в пьесе, вряд ли возможно.

«Малявика и Агнимитра» формально относится к жанру натака, но именно эта пьеса дала начало новому жанру, получившему название натика; наиболее ранние из дошедших до нас натики Харши (VI в.) копируют сюжет драмы Калидасы (подроб. см.: В. Г. Эрман. Калидаса. М., 1976).

Драма издана впервые в Бонне в 1840 г. (О. Ф. Тулбергом). Переведена впервые на немецкий язык А. Вебером в 1856 г. В 1917 г. пьеса была обработана для европейской сцены Л. Фейхтвангером под заглавием «Царь и танцовщица».

* Примечания составлены Г. Бонгард-Левиным и В. Эрманом.

¹ Ольденбург просил издателя исправить Пучпамитра на Пушпамитра, но, видимо, издатель не сообщил Бальмонту об этом замечании автора предисловия к книге.

² Начиная с *Дгарини* правильное написание имен действующих лиц таково: Дхарини, Каушики, Вахатава, МAUDГалья, Харадатта, Бакулавалика, Джаясена, Мадхукарика, Джотеника.

³ *Театральный директор* (с а н с к р.: сутрадхара) — руководитель группы. Перевод, очевидно, под влиянием Гёте («Пролога в театре» в «Фаусте»), который, ознакомившись с переводом «Шакунталы», ввел пролог в свою пьесу.

⁴ Традиционное в санскритской драме вступительное благословение («нанди»), обращенное к зрителям и взывающее к покровительству божества, во всех трех пьесах Калидасы посвящается Шиве, одному из трех высших богов индуизма (Брахма, Вишну, Шива — так называемая триада). Во вступлении к «Малявике и Агнимитре» представлены основные характерные черты этого бога. *Богатый висячим плодом* — или «тот, кому приносят обильно плоды (в жертву)»; этот эпитет, возможно, обусловлен изначальной связью Шивы с культом плодородия. *А сам только шкурой прикрыт...* — Шива изображается обычно как нагой аскет, единственная одежда которого — шкура, содранная им с побежденного слона-демона. *Отвергших игру вещества...* — В подлиннике буквально: «...отвратившихся душою от предметов (внешнего мира)». *Но сросшийся телом единым...* — Шива иногда изображается как единое целое со своей женой, Великой Богиней (носящей имена: Ума, Кали, Парвати и др.). *Чрез восемь своих ипостасей...* — Представление о восьми образах, в которых Шива проявляется во вселенной, неоднократно встречается у Калидасы (см. вступительное благословение к «Шакунтале», где они перечисляются). *Надменности вовсе лишен...* — Шива считался главным йогинем, превзошедшим всех остальных искусством йогической практики.

После нанди в древнеиндийских пьесах обычно следует интерлюдия (интерлюдия бывает иногда и между актами). Различные персонажи говорят на разных языках, в зависимости от социального статуса. Высказывалось мнение, что передача текста на разных языках имела целью получить широкую аудиторию.

На санскрите говорят боги, правители, брахманы, люди высокого социального положения; женщины, как правило, говорят на пракритах (среднеиндийских «народных» языках). На пракритах передается речь людей низкого социального статуса. Обычный персонаж древнеиндийской пьесы — шут

(видушака) происходит из брахманского рода, но говорит на пракрите (народные корни этого персонажа совершенно очевидны).

⁵ *Праздник Весны* — издавна распространенное в Индии карнавальное празднество (типа римских сатурналий), к которому восходит в современной Индии известный праздник холи. О связи с этим празднеством самого сюжета и жанра пьесы «Малявика и Агнимитра» см.: Ю. М. А л и х а н о в а. Жанр натика в индийской классической драме.— Теория жанров литературы Востока. М., 1985.

⁶ *Бгаса* (правильно — Бхаса) — знаменитый древнеиндийский драматург, предшественник Калидасы (предположительно III—IV вв.). До начала XX в. был известен современным исследователям только по упоминаниям и цитатам в позднейшей санскритской литературе. В 1909—1910 гг. в Южной Индии были обнаружены рукописи тринадцати драм и драматических отрывков, с большой долей вероятия приписываемых Бхасе (см.: П. А. Г р и н ц е р. Бхаса. М., 1979). «Малявика и Агнимитра» имеет определенные сюжетные связи с самой значительной драмой Бхасы — «Пригрезившаяся Васавадатта» (русский перевод которой см. в указанной книге П. А. Гринцера, с. 213—245). Драматурги *Саумилья* (правильно — Саумилла) и *Кавипутра* известны пока только по имени.

⁷ *Чалита* (правильно — чхалита) — вид пантомимы.

⁸ *Васулякшими* — правильно — Васулакшми.

⁹ Важное место в религиозной системе шиваизма занимало представление о космическом танце Шивы.

¹⁰ В русском переводе передано понятие трех субстанций — «совокупности трех качеств (гун)». По учению философской школы санхья, пользовавшейся особенным влиянием в классический период, из трех гун складывается изначальная материя: «страсть», содержащая потенциал энергии, «тьма» — начало косности, инерции, «доброта» — светлое (высшее) начало, содержащее потенциал интеллекта.

¹¹ Передано двойное значение: «натьям» — пляска бога Шивы и «натьям» как драматическое искусство.

¹² *Вирасэна* — правильно — Вирасена.

¹³ *Мандакини* — рукав Ганги в Гималаях, в районе Кедарнатха; иногда так называют верховья Ганги; может обозначать также любую реку, которая считалась священной. В ряде рукописей говорится о Нармаде, реке в Западной Индии.

¹⁴ Древние индийцы полагали, что дождевая вода, падая в раковину, обращается в жемчуг под влиянием звезд.

¹⁵ В подлиннике: «...панчангу и другие виды преставления». Панчанга («пятичленная») — один из видов пантомимы.

¹⁶ *Видарбга* (правильно — Видарбха) — страна, занимавшая северные районы современной Махараштры, южнее реки Нармады.

¹⁷ *Мадгавасэна* — правильно — Мадхавасена.

¹⁸ *Веда* — священная мудрость, священное писание брахманизма, сохраняющее авторитет и в религии индуизма. В подлиннике: трайи — термин, обозначающий совокупность трех основных сборников (вед) — «Ригведа», «Яджурведа», «Самаведа».

¹⁹ В подлиннике: «Познание Высшего Духа», что предполагает именно содержание упанишад, заключающих в себе «конечную мудрость» вероучения.

²⁰ Имя царицы — Дхарини, буквально: «Опора» — имеет также значение «Земля»; на этом и строится игра слов. Представление о царе как о «супруге Земли» нашло отражение во многих древнеиндийских сочинениях.

²¹ Дословно: «Если город близко, захочешь ли ты владеть дорогим украшением, изготовленным в деревне?» — Этим Каушика хочет сказать, что в присутствии царя, искусного во всем, вряд ли стоит просить ее быть судьей при разрешении спора.

²² *Сарасвати* — в индуистской мифологии богиня мудрости, покровительница наук и искусств.

²³ Образ павлина, танцующего и издающего радостные клики при виде первых облаков на небе в конце засушливого лета — в начале сезона дождей, принадлежит к излюбленным мотивам индийской поэзии.

²⁴ В подлиннике: «Стих о Шармиштхе — четырехстопный». Речь идет о стихе, сопровождающем и поясняющем пантомиму чхалита; танцовщица изображает Шармиштху, героиню популярной легенды из «Махабхараты»; сюжет ее близок сюжету пьесы, и пантомима Малявики содержит намек на дальнейшее развитие событий. Шармиштха, обращенная в рабство царевна, берет верх над своей госпожой и соперницей, завоевывая любовь ее супруга, царя Яяти.

²⁵ В подлиннике: четверостишие. Некоторые комментаторы полагают, что здесь речь идет о четвертой теме поэмы (поэма состояла из 4-х четверостиший, каждая из которых была посвящена самостоятельной теме).

²⁶ Подергивание левого глаза (или левой руки) считалось счастливой приметой для женщин (говорило о скорой встрече с любимым).

²⁷ *Чатака* — птица (*Cuculus Melanoleucus*), питающаяся, согласно древнему поверью, каплями дождя. Образ бессмысленного ожидания и надежды.

²⁸ *Асока* (правильно — ашока) — небольшое по размерам, священное дерево (*Saraca Indica*) с красными или оранжевыми цветами, оно часто упоминается в индийской поэзии; по существовавшему поверью (которое восходило к очень древним обрядам плодородия), дерево расцветало только после прикосновения ноги красивой молодой женщины.

²⁹ В подлиннике: Парабхритика.

³⁰ Поверье о змеях, стерегущих сокровища или носящих драгоценные камни в голове, было широко распространено в Древней Индии.

³¹ Кама, бог любви индийской мифологии, во многом сходный с античным Эротом (Амуром), изображался вооруженным луком с цветочными стрелами, назначение которого пронзать сердца смертных и небожителей, вселяя в них любовь.

³² Качание на качелях, как и обряд дохады — касания ногой ашоки, — входило в традиционные ритуальные игры праздника весны.

³³ Индийская черная кукушка — кокила (коил), славящаяся своим сладкозвучным пением, в индийской поэзии занимает приблизительно то же место, что и соловей в европейской.

³⁴ Знаки, которые обычно наносились сандаловой пастой или цветной глиной на лбу («вишешака») и между бровями («тилака») в качестве украшения либо как знаки религиозной символики.

³⁵ В подлиннике: «...щеки ее бледны, как тростинки сары изнутри». Сара (*Saccharum Sara*) — вид тростника, употреблявшегося для изготовления стрел.

³⁶ Имеется в виду миф о Шиве, испепелившем своим взглядом бога любви Каму, направившего на него свою стрелу и тем самым отвлекшего от торжественного самосозерцания. Отсюда эпитет бога любви: Бестелесный (Ананга).

³⁷ Имя Бакулавалика буквально значит: «Гирлянда цветов дерева бакула» (*Mimosops Elengi*).

³⁸ В подлиннике: Ангара (индийское название Марса). Считалось, что планета в период обратного движения к какому-либо знаку зодиака оказывает отрицательное влияние на дела смертных.

³⁹ *Змеелюди* — наги, сверхъестественные существа в индийской мифологии, змеи в человеческом облике. Их женщины наделялись необыкновенной красотой.

⁴⁰ *Мадгавика* — правильно — Мадхавика.

⁴¹ *Священный шнур* — знак принадлежности к одному из трех высших сословий древнеиндийского общества (варн); обычно его носили брахманы.

⁴² *Друвасиддги* (правильно — Дхрувасиддхи) — буквально: «Уверенный в успехе», «Всегда добивающийся успеха».

⁴³ См. примеч. 42.

⁴⁴ *Видиса* (правильно — Видиша) — идентифицируется многими учеными с небольшой речкой Бес, притоком Бетвы (территория современного штата Мадхья-Прадеш).

⁴⁵ *Варада* — совр. Вурда, приток реки Годавари (Южная Индия).

⁴⁶ Намек на известный эпизод сказания о Кришне: Кришна похищает Рукмини — дочь царя Видарбхи и женится на ней вопреки воле ее родных.

⁴⁷ О сравнении царицы Дхарини с Землею см. выше, примеч. 20. Лакшми, с которой сравнивается Малявика, богиня счастья и красоты, супруга Вишну и мать бога любви Камы, постоянно ассоциируется в индийской мифологии с лотосом и иконографически изображается с лотосом в руке и сидящей на лотосе.

⁴⁸ *Чакравака* — красный гусь, вид казарки. Образ чакраваки, из-за проклятия вынужденной, согласно древнему поверью, каждую ночь проводить в разлуке с любимым (то есть самочки, разлученной с самцом), — один из самых популярных в индийской поэзии.

⁴⁹ *Жертвоприношение коня* — древний обряд, который мог совершаться только могущественным царем, претендующим на верховное владычество в Индии. Жертвенный конь на год отпускался на волю, и все территории, через которые он проходил, должны были покориться царю, устройтею жертвоприношения. Похищение жертвенного коня считалось крайне неблагоприятной приметой.

⁵⁰ *Синдгу* (правильно — Синдху) — река Инд.

⁵¹ *Яваны* (йонийцы). — Так в Древней Индии называли греков, а также и других пришельцев с Запада.

⁵² В подлиннике: «Как некогда Аншуман (букв.: Лучезарный) привел коня к Сагаре (букв.: Океан)». Имеется в виду сказание о нисхождении Ганги на землю. Аншуман — внук царя Сагары, вернувший ему похищенного жертвенного коня (подроб. см.: Э. Н. Т е м к и н и В. Г. Э р м а н. Мифы Древней Индии. Изд. 3-е. М., 1985, с. 176—182).

⁵³ В подлиннике сын Агнимитры сравнивается с «огнем,

сжигающим воды», сам Агнимитра — с Аурвой, героем древнего мифа, чей гнев, грозивший испепелить мир, превратился в огонь, пылающий вечно на дне океана (см.: Э. Н. Темкин и В. Г. Эрман. Указ. соч., с. 108—109).

⁵⁴ В древнеиндийской мифологии и поэзии океан именуется «супругом рек».

⁵⁵ *Дурга* — одно из имен супруги Шивы (см. примеч. 4).

⁵⁶ Обычно эти заключительные строки произносит в пьесах не царь, а актер.

ШАКУНТАЛА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Душианта¹.
Бгарата², по прозванию Всеукротитель, его сын.
Мадгавия, шут, его сотоварищ.
Возница.
Раиватака, привратник.
Бгадрасена, полководец.
Карабгака, слуга.
Парватайяна, придворный.
Сомарата, домашний жрец царя.
Канва, отец отшельник.
Сарнгарава }
Сарадвата } его ученики.
Гарита }
Дурвасас, гневный мудрец.
Начальник стражи.
Сучака }
Джанака } стражники.
Рыбак.
Сакунтала, приемная дочь Канвы.
Анасуя }
Приамвада } ее подруги.
Гаутами, мать отшельника.
Касиапа, отец богов.
Адити, мать богов.
Матали, возница небесного царя.
Гальява, послушник в небе.
Мишракеши, небесная дева.

Театральный директор и Актриса (в Прологе).
Отшельник и отшельницы.
Два придворных поэта.
Дворцовые слуги.
Невидимые волшебные существа.

Первые четыре действия происходят в Лесной пύстыни, пятое и шестое — в царском дворце, седьмое — на небесной горе.

Время, протекающее за все семь действий, лет семь.

ПРОЛОГ

НАЧАЛЬНАЯ МОЛИТВА ³

Восемь тел ⁴ высокого владыки:
Первая из созданных, Вода,
Жертву совершающее, Пламя,
Жрец, в телесном облике своем,
Солнце и Луна, что время делят,
Звука путь, объемлющий Эфир.
И Земля, где семя всякой жизни,
И дыханье тех, кто дышит, Воздух.
В этих возникающий восьми,
Да пребудет милостив владыка.

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р . Ну, довольно.
(Поворачиваясь к уборной.) Любезнейшая, как будешь
готова, прошу пожаловать сюда.

А к т р и с а входит.

А к т р и с а . Вот и я. Да скажет мне мой повелитель,
что я должна делать.

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р . Весьма разбор-
чивая у нас публика, и новую драму предложим мы вни-
манию собравшихся. Зовется она — *Сакунтала и Коль-
цо-примета*, а написал ее знаменитый Калидаса. Каждый,
кто выступит, да принесет сюда весь свой пыл.

А к т р и с а . Ты все приготовил великолепно. Помехи
не будет ни в чем.

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р
(улыбаясь)

Ну, говоря по правде,
Пока не похвалит знаток,
Игрою нельзя похвалиться.
И даже, кто сам преуспел,
Поддержки он ждет в одобренье.

А к т р и с а. Это так. Что прежде всего мне нужно сделать?

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р. Прежде всего спой что-нибудь дабы усладить слух присутствующих⁵.

А к т р и с а. Какое же время года мне воспеть?

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р. А только что лето началось — его и воспой. Ведь в это время года —

Так радостно броситься в свежие воды,
Бигнией⁶ дышит лесной ветерок,
И дремлет сладко в тени благовонной,
И в сумерках светлых кончается день.

А к т р и с а. Хорошо. (Поет.)

Сирис⁷ — красивый цветок,
Полон душистой пылью,
Девушки любят цветы
В волосы нежно вплести.
Только тихонько срывай,
Пчелы в цветке — примечай.

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р. Отлично, отлично. Весь театр прямо пленен твоим пением, — вон они все сидят, как нарисованные. Какую же мы им пьесу представим, дабы снискать их благоволение?

А к т р и с а. Но ведь ты же сам только что мне сказал, что мы представим новую драму, называющуюся — «Сакунтала и Кольцо-примета».

Т е а т р а л ь н ы й д и р е к т о р. Ах, правда. Спасибо. А я совсем было позабыл.

Так нежно ты пела, твой голос свирель.
Царя Душианту так манит газель.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В колеснице, преследуя лань, появляется ц а р ь Д у ш и а н т а,
в руках у него лук и стрела. С ним в о з н и ц а⁸.

В о з н и ц а (смотря на царя и лань). Высокий повелитель.

Когда ты мчишься за пятнистой ланью,
С натянутой на луке тетивой,
Мне чудится — в божественной охоте
То Сива⁹ лань готов сразить стрелой.

Ц а р ь. Возница, эта лань заставила нас погоняться
за собой. И даже теперь —

Как шею склоняет она,
Назад посылая свой взгляд,
И снова глядит и глядит
На эту погоню за ней.
Как жмет она тело вперед
Из страха пронзенья стрелы!
Усыпан за нею весь путь
Стеблями, что были во рту,
Она не успела их съесть,
И влажная пала трава.
Как вверх она прыгает, глantly,
Почти не бежит, а летит!

(С удивлением.) Гонись не гонись, я едва ее вижу.

В о з н и ц а. Высокий повелитель, я задержал лошадей, потому что дорога была неровная. Оттого и лани можно было так далеко убежать. А теперь мы на ровной дороге, и ты легко ее настигнешь.

Ц а р ь. Тогда пусти вожжи вольно.

В о з н и ц а. Слушаю, повелитель. *(Он изображает быстрое движение.)* Смотри, смотри, повелитель.

Едва я вожжи отпустил,
Как кони понеслись —
И точно жаждут перегнать
Уклончивую лань.
Как облако — за ними пыль
Летит, но не догнать.
Их шея вытянута впрямь,
Прижаты уши вплоть.
И на застывших головах
Не дрогнет их убор.
Они спешат, они летят,
Их словно ветер мчит.

Ц а р ь *(радостно)*. Смотри, кони догоняют.

Вперед и вперед колесница бежит.
Что малым казалось, то вдруг возросло.

Что было раздельным, слилось, как пятно,
Что было кривое, вдруг стало прямым,
Что около было, вон там уж вдали,
Что было далеким, вот здесь предо мной ¹⁰.

Теперь смотри, как застрелю ее. (*Кладет стрелу на тетиву.*)

Г о л о с з а с ц е н о й. Царь, остановись, эта лань принадлежит Пустыни, ее нельзя убивать.

В о з н и ц а (*слушает и смотрит*). Высокий повелитель, там встали два отшельника между тобой и ланью.

Ц а р ь (*поспешно*). Останови лошадей.

В о з н и ц а. Слушаю, высокий повелитель. (*Он делает это.*)

Входит отшельник с учеником своим.

О т ш е л ь н и к (*поднимая руку*). Царь, эта лань принадлежит Пустыни.

Не надо, не надо убийства ¹¹,
Стрелу в эту лань не стреми,
Ведь это как если бы в чашу
Цветочную бросить огонь.
Ужели же нежное тело
Той лани — достойная цель
Для этой пронзающей, острой,
Для этой алмазной стрелы?
В колчан положи смертоносность.
Оружие ты получил,
Чтоб быть огорченным защитой,
Не смертью невинных существ.

Ц а р ь (*опуская лук*). Вот, сделано. (*Делает это.*)

О т ш е л ь н и к (*радостно*). Деяние, достойное тебя, отпрыск рода Пуру ¹², и сияющий пример для царей. Да родится у тебя сын, дабы править Землею и Небом.

Ц а р ь (*низко склоняясь*). Благодарю за благословение, сказанное Браманом.

Д в а о т ш е л ь н и к а. Царь, мы вышли собрать топлива. Здесь, на берегу Малини ¹³, ты можешь видеть Пустынь отца Канвы, а Сакунтала охраняет ее, как некая

богиня покровительствующая. Если другие божества не против, просим, войди и будь гостем. А кроме того,

Увидишь, как свершаются спокойно
Отшельников священные обряды,
Почувствуешь, что не напрасно в шрамах
Твоя, покой дающая, рука.

Ц а р ь. А отец отшельник здесь?

Д в а о т ш е л ь н и к а. Нет, чтоб гостей приветить, он оставил дочь, а сам только что ушел в Со-матирту¹⁴, дабы предотвратить злую участь, грозящую ей.

Ц а р ь. Хорошо, я увижу ее. Она почувствует мое благоговение и расскажет об этом мудрому.

Д в а о т ш е л ь н и к а. Так мы пойдем теперь своей дорогой.

Отшельник уходит с учеником.

Ц а р ь. Возница, поезжай. Вид благочестивой Пустыни очистит нас.

В о з н и ц а. Слушаю, высокий повелитель. *(Он опять изображает движение.)*

Ц а р ь *(оглядываясь кругом)*. Если бы даже нам и не сказали, было бы легко догадаться, что это пределы благочестивой рощи.

В о з н и ц а. Почему?

Ц а р ь. Разве ты не видишь? Смотри же:

В тени деревьев рисовые зерна;
Клюя, их разбросали попугаи,
Просунув длинный клюв свой из дупла;
Миндальное целительное масло¹⁵
На камне растиральном здесь и там;
И едем мы, но, полные доверья,
Внимательные лани не бегут;
И путь к реке везде обрызган влагой,
С отшельничьих одежд она текла.

А потом еще:

Источники, под ветерком курчавясь,
К корням деревьев светлой влагой льнут,
И красный свет цветов горит сквозь синий
Благоговейно восходящий дым,

И на лужайках с нежною травой
Оленей молодых идут стада.

В о з н и ц а. Это все так.

Ц а р ь (*помедлив*). Мы не должны тревожить Пустынь. Остановись, и я сойду¹⁶.

В о з н и ц а. Я держу вожжи. Сходи, высокий повелитель.

Ц а р ь (*сходит и оглядывает себя*). В Пустынь нужно входить в скромной одежде¹⁷. Возьми эти украшения и лук. (*Отдает их вознице.*) Пока я буду у отшельника, помочи спину лошадям.

В о з н и ц а. Слушаю, высокий повелитель. (*Уходит.*)

Ц а р ь (*идет и смотрит вокруг*). Пустынь. Хорошо, я войду. (*В то время как он входит, он чувствует подергивание в руке*¹⁸.)

Место спокойное. Что б это значило,—

Трепет¹⁹. Сюда не придет же любовь.

Впрочем, к тому, что судьбой предназначено,

Двери открыты везде.

Г о л о с з а с ц е н о й. Этой дорогой, девушки.

(*Прислушиваясь.*) Мне кажется, я слышу кого-то направо от рощи. Нужно узнать. (*Идет и осматривается кругом.*) Ах, это девушки-отшельницы, с кувшинами как раз таких размеров, чтобы они могли их нести. Они идут сюда поливать деревья. Они очаровательны.

Если столько в них чары в безлюдной пустыне,

Как не встретить у девушек в царском дворце,
Достоительно признать, что лесные лианы

Превосходнее в свойствах садовых лиан²⁰.

Я отойду в тень и подожду их. (*Стоит и смотрит в сторону девушек.*)

Входит с двумя подругами С а к у н т а л а, поливая деревья.

П е р в а я п о д р у г а. Мне кажется, милая, что отец Канва более заботится о деревьях Пустыни, чем о тебе. Ты нежна, как цветок жасмина, а он велит тебе наполнять водой канавки около деревьев.

С а к у н т а л а. О, тут не столько отец велит. Мне растения — как сестры²¹. (*Поливает деревья.*)

П р и а м в а д а. Сакунтала, мы полили деревья, что цветут летом. Теперь обрызгаем водою те, что уже отцвели. Это будет более благим делом, потому что мы сделаем его бескорыстно.

С а к у н т а л а. Какая красивая мысль. (*Делает это.*)

Ц а р ь (*про себя*). Так это дочь Канвы, Сакунтала. (*С удивлением.*) Благой отец делает дурно, заставляя ее носить отшельническую одежду из коры ²².

Мудрец, что ярмом покаянья и горести
Возжелал чарованья ее укротить,
Решил лепестками лазурного лотоса
Тяжелые сучья губить.

Ну, хорошо, я отойду за дерево и посмотрю, что она будет делать с своими подругами. (*Прячется.*)

С а к у н т а л а. Ах, Анасуйя, Приамвада так затянула на мне одежду из коры, что она жмет. Прошу, распусти ее.

Анасуйя делает это.

П р и а м в а д а (*смеясь*). Ты бы лучше упрекала красоту свою расцветающую.

Ц а р ь. Она права.

Связуя на плечах узлами,
Покров из колющей коры
Скрывает девственные груди
И утесняет их расцвет.
В лесу под желтыми листьями
Так расцветает цветок весной,
И вот покров осенних листьев,
Тесня, скрывает красоту.

Но, говоря по правде, эта одежда из древесной коры не враждует с ее красотой. Она лишь добавочное украшение. Потому что:

Хоть скрыт болотную травую,
Сияет лотос красотой.
Хоть на Луне темнеют пятна,
Блится светлая Луна.
И хоть покрыт корой древесной,
Не скрыт девический тот стан,—
На теле юном, теле стройном
Какой не будет мил наряд?

С а к у н т а л а (*смотря вперед*). О девушки, это манговое дерево хочет мне что-то сказать, ветки его движутся в ветре, как пальцы. Пойду посмотрю. (*Делает это.*)

П р и а м в а д а. Постой, Сакунтала, подожди минутку и стой так прямо там, где ты стоишь.

С а к у н т а л а. Почему?

П р и а м в а д а. Когда я тебя вижу там, это точно виноградная лоза вьется вокруг мангового дерева.

С а к у н т а л а. Я вижу, почему они зовут тебя льстивой²³.

Ц а р ь. Но лесья эта — правда.

Ее руки — нежные побеги,
Ее губы — красные цветы,
Ее губы — жаркие расцветы,
Ее груди — свет цветочных чаш.

А н а с у й я. Сакунтала, вот ветка жасмина, что ты назвала Лунный Свет Лесной. Эта ветка выбрала манговое дерево в мужа²⁴.

С а к у н т а л а (*подходит и радостно смотрит*). Какая прелестная чета! Жасмин являет свою юность свежими своими цветами, а манговое дерево выказывает силу своим наливающимся плодом. (*Стоит и смотрит на эти растения.*)

П р и а м в а д а (*улыбаясь*). Анасуйя, знаешь, почему Сакунтала так пристально смотрит на Лунный Свет Лесной?

А н а с у й я. Нет. Почему?

П р и а м в а д а. Она думает, что Лунный Свет Лесной нашел себе подходящего друга, и надеется, что она тоже встретит хорошего жениха.

С а к у н т а л а. Тебе самой это не мешает. (*Зачерпывает кувшином воду.*)

А н а с у й я. Смотри, Сакунтала, вот здесь व्यюнोक, отец Канва сам выхолил это растение собственными руками — как тебя. А ты забываешь его.

С а к у н т а л а. Я скорей себя забуду. (*Она идет к व्यюнку и смотрит на него радостно.*) Удивительно. Удивительно. Приамвада, я что-то тебе радостное скажу.

П р и а м в а д а. Что, милая?

С а к у н т а л а. Это совсем не по времени года, но व्यюнोक весь покрылся цветочными почками до самого корня.

Д в е п о д р у г и (*бегут к ней*). Правда?

С а к у н т а л а. Ну конечно. Разве вы не видите?

Приамвада (*смотря радостно*). И я тебе что-то радостное скажу. Ты скоро выйдешь замуж.

Сакунтала (*сердито*). Ты знаешь, что это как раз тебе самой не мешает.

Приамвада. Я не дразню тебя. Я на самом деле слышала, как отец Канва сказал, что эта цветущая лоза будет знаком твоего будущего счастья.

Анасуя. Вот почему, Приамвада, так любовно поливает Сакунтала эту лозу.

Сакунтала. Она сестра моя. Почему бы не дала я ей воды? (*Зачерпывает воду.*)

Царь. Могу ли я надеяться, что у этой дочери отшельника мать принадлежит к другой касте? ²⁵ Так должно быть.

Супругою воителя ей, верно, можно быть,—
Иначе как бы смел мой дух томиться в возжеланье?
Когда в сомненье разум наш, не зная, где наш путь,—
Нам сердце точно говорит в нелживом указанье.

Но я должен узнать всю правду.

Сакунтала (*с волнением*). А-а! Пчела улетела с ветки жасмина и прямо в лицо мне. (*Показывает, как пчела надоедает ей.*)

Царь
(*пламенно*)

Ты, медвяная летунья,
Хлопотливая пчела,
Ты крылом звенящим реешь
Возле трепетных ресниц.
И жужжишь при этом нежно,
Точно на ухо ты ей
Хочешь ласково поведать,
Нашептать исподтишка.
Хоть она рукой своею
Отгоняет твой полет,
С юных губ ее крадешь ты
Весь восторг, что в них расцвел.
(*Ревнуя.*)
Шестиногая летунья,
Ты куда ни полетишь,
За тобой стремится следом
Этот, полный ласки, взгляд.

И хоть страхом, не любовью,
Те движенья внушены,
Все полны они играньем,
В каждом искрится любовь.
Я ж, ее лишь зная имя
И не ведая семьи,
Здесь стою, и ты — у цели,
Я же близко и вдали.

С а к у н т а л а. Девушки! Спасите меня от этой чудовищной пчелы.

Д в е п о д р у г и (*улыбаясь*). Кто мы, чтобы спасти тебя? Позови лучше Душианту. Благочестивые рощи находятся под его покровительством.

Ц а р ь. Хороший случай показаться. Не... (*Удерживается.*) Нет, они сейчас же догадятся, что я царь. Мне больше нравится появиться в качестве гостя.

С а к у н т а л а. Она не оставляет меня. Я убегу. (*Делает шаг и осматривается.*) Ай, ай! Что мне делать? Она меня преследует. Спасите меня!

Ц а р ь (*поспешно выступая вперед*). А!

Царь из мощного рода Пуру
Процветает на этой земле,
Он карает бесстыдную грубость,—
Кто тот дерзкий, который посмел
Этих девушек благоговейных
Потревожить в их Пустыни здесь?

Девушки несколько смущаются при виде царя.

А н а с у й я. Ничего особенно страшного, владыка. Вот только нашу подругу (*указывает на Сакунталу*) испугала и раздражила пчела.

Ц а р ь (*к Сакунтале*). Я думаю, благословенны дни здесь — дни благоговейные.

Сакунтала опускает глаза в замешательстве.

А н а с у й я. Да, теперь, когда такой у нас высокий гость.

П р и а м в а д а. Добро пожаловать, владыка. Сакунтала, сходи в беседку и принеси плодов²⁶. Этой водою можно омыть ноги гостю.

Ц а р ь. Слыша учтивые ваши слова, я уже вижу ваше гостеприимство.

Анасуя. Тогда прошу, владыка, присядь и отдохни на этой тенистой скамейке.

Царь. Вы тоже, я думаю, устали от благочестивых ваших работ. Прошу, присядьте на минуту.

Приамвада (*в сторону, к Сакунтале*). Милая, мы должны быть вежливы с гостем. Мы ведь присядем?

Три девушки садятся.

Сакунтала (*к самой себе*). Почему такие чувства во мне, когда я вижу его? Нейдет к Пустыни то, что в сердце моем.

Царь (*смотря на девушек*). Пленительно видеть вашу дружбу. Вы все юны и красивы.

Приамвада (*в сторону, к Анасуйе*). Кто б он был? Какой он таинственный, достойный и вежливый! Он поступает как царь и благородный.

Анасуя. Мне тоже хотелось бы это знать. Я спрошу его. (*Громко.*) Владыка, ты так вежлив и учтив, что я решаюсь что-то спросить тебя. Какой царственный род тобою украшен, властитель? Какая страна печалится о твоём отсутствии? Почему благородный человек, со столь изящным воспитанием, предпринял утомительное путешествие в благочестивую нашу рощу?

Сакунтала (*в сторону*). Смелее, сердце. Твои собственные мысли сказала вслух Анасуя.

Царь (*в сторону*). Сказать ли мне сразу, кто я, или скрыть это? (*Он размышляет.*) Вот так я сделаю. (*Громко.*) Я изучаю Священное писание²⁷. Мне поручено наблюдать справедливость в царских городах. И я пришел сюда, чтоб убедиться, что ничто не нарушает жертвоприношений²⁸.

Анасуя. У нас здесь, в Пустыни, есть кому позаботиться о нас.

Сакунтала выказывает смущение.

Две подруги (*наблюдая за ощущениями царя и Сакунталы. В сторону, к Сакунтале*). О Сакунтала. Если б только отец был сегодня здесь.

Сакунтала. Что же было бы?

Две подруги. Он сделал бы превосходного нашего гостя счастливым, хотя бы лишился при этом самого драгоценного своего сокровища.

С а к у н т а л а (*с притворным гневом*). Подите вы! Что вы там болгаете! Не хочу вас слушать.

Ц а р ь. Я тоже хотел бы что-то спросить у вас о вашей подруге.

Д в е п о д р у г и. Твой вопрос нам желанен, владыка.

Ц а р ь. Отец Канва всю жизнь живет как отшельник. А вы говорите, что ваша подруга — его дочь. Как же это так?

А н а с у й я. Слушай же, властитель. Есть тут такой великий царственный мудрец по имени Каусика...²⁹

Ц а р ь. Ах да. Знаменитый Каусика.

А н а с у й я. Знай же, это от него произошла наша подруга. Но отец Канва настоящий отец для нее, потому что он стал о ней заботиться, когда она была покинута.

Ц а р ь. Ты пробуждаешь мое любопытство этим словом — покинута. Могу узнать я весь рассказ?

А н а с у й я. Слушай, владыка. Много лет тому назад этот царственный мудрец вел жизнь, полную строгого подвижничества, и боги, возревновав, послали небесную деву³⁰ Менаку, чтоб смутить его в благоговейности.

Ц а р ь. Да, боги ревнуют, когда видят строгое подвижничество. И потом?..

А н а с у й я. И вот чарующей весной он увидел пьянящую красоту ее... (*Останавливается в замешательстве.*)

Ц а р ь. Остальное ясно. Она, конечно, дочь небесной девы.

А н а с у й я. Да.

Ц а р ь. Так и должно было быть.

Такое очарование,
Нет, не от здешней женщины.
Блистающая молния
Не из земли рождается.

Сакунтала опускает голову в смущении

(*К самому себе.*) О, желания мои превращаются в надежды.

П р и а м в а д а (*смотря с улыбкой на Сакунталу*). Владыка, мне кажется, что ты как будто хотел еще что-то спросить?

Сакунтала грозит ей пальцем.

Ц а р ь. Да, ты угадала. Хотелось бы мне знать больше о благочестивой вашей жизни, и есть у меня еще один вопрос.

П р и а м в а д а. Не колеблись же. Мы, отшельники, готовы отвечать на все вопросы.

Ц а р ь. Вопрос мой следующий:

До замужества ли только соблюдать она должна,

Как отшельница, обеты воздержанья от любви,—

Или нежными очами нужно видеть ей всегда

Только очи нежных ланей в изумрудной тишине?

П р и а м в а д а. Владыка, мы исполняем обет вести жизнь добродетельную. Но отец ее желает отдать ее достойному любящему.

Ц а р ь

(радостно, к самому себе)

О сердце, бесстрашно желай,

Сомненья ушли наконец.

Ты думало — здесь лишь огонь,

А здесь ожерелье твое.

С а к у н т а л а *(сердито)*. Анасуйя, я ухожу.

А н а с у й я. Почему так?

С а к у н т а л а. Я иду сказать матери Гаутами, что Приамвада говорит глупости. *(Встает.)*

А н а с у й я. Милая, мы, отшельницы, не можем небрежно относиться к высокому нашему гостю и уходить, когда нам вздумается.

Сакунтала хочет уйти, не отвечая.

Ц а р ь *(в сторону)*. Она уходит. *(Он быстро встает, как бы желая удержать ее, но овладевает собой.)* Кто любит, в том мысль есть действие.

Хотя я победил себя

И не пошел за ней,

Мне кажется — я встал, пошел,

И вновь пришел — во сне.

П р и а м в а д а *(подходя к Сакунтале)*. Ты, милая ворчунья, ты не должна уходить.

С а к у н т а л а *(оборачивается, нахмутив брови)*. Почему бы нет?

П р и а м в а д а. Ты должна полить еще два дерева.

Заплати долг, тогда можешь идти. (*Она заставляет ее вернуться.*)

Ц а р ь. Она уже устала поливать деревья, это видно. Смотрите.

Плечи ее поникают, ладони у ней покраснели,
Руки устали тяжелый кувшин поднимать, опускать,
Грудь так прерывисто дышит, и капельки пота
на лице,

Волосы пали без ленты, 'держит она их рукой.

Я отпускаю ей долг ее.

Дает двум подругам кольцо. Они берут его, читают вырезанное
внутри имя и смотрят одна на другую.

Да не будет здесь недоразумения. Это подарок — от
царя.

П р и а м в а д а. Тогда, владыка, тебе не нужно рас-
ставаться с ним. Слова твоего достаточно, чтобы отпу-
стить долг.

А н а с у й я. Ну, хорошо, Сакунтала, тебя освободил
этот добрый ласковый господин — или, вернее, сам царь.
Куда ты теперь пойдешь?

С а к у н т а л а (*к самой себе*). Если бы могла, ни-
когда бы от него не ушла.

П р и а м в а д а. Ну, что же ты не уходишь?

С а к у н т а л а. Я не ваша слуга больше. Когда за-
хочу, тогда и уйду.

Ц а р ь (*смотря на Сакунталу. К самому себе*). Она
чувствует ко мне то же, что я чувствую к ней? По крайней
мере на это можно надеяться.

Хотя, когда я говорю,
Она со мной не говорит,
Но только я заговорю,
Она вся слушает меня.
И хоть она своим лицом
Не обращается ко мне,
Но взгляд внимательных очей
Не отрывает от меня.

Г о л о с з а с ц е н о й. Отшельники! Отшельники! При-
готовьтесь защищать живые существа в благочестивой нашей
роще. Царь Душианта охотится по соседству.

Пыль от копыт, от коней набегающих,
Красная в солнце вечернем, летит
И на ветвях, где одежду вы сушите,
Падая, виснет, как рой саранчи.

(В сторону.) Увы! Мои воины, в поисках меня, тревожат благочестивую рощу.

Голос за сценой. Отшельники! Отшельники! Слон бежит, и в испуге бегут от него старцы, и дети, и женщины.

Он, на дерево, что было на дороге,
Натолкнувшись, клык один себе сломал.
И проходит он походкой затрудненной
От нависнувших бесчисленных лиан,
От него бегут испуганные лани,
К нам он близится как злое существо,
В страхе сам, при виде царской колесницы,
Он врывается в спокойный наш уют.

Девушки прислушиваются и с беспокойством встают.

Царь *(про себя)*. Как прискорбно потревожили из-за меня отшельников. Мне нужно уходить.

Две подруги. Властитель, мы испуганы этой тревогою из-за слона. Позволь нам вернуться в нашу беседку.

Анасуя *(к Сакунтале)*. Сакунтала, милая, мать Гаутами будет тревожиться. Пойдем скорее к ней.

Сакунтала *(притворно хромая)*. О, о! Я совсем идти не могу.

Царь. Иди тихонько. А я позабочусь о том, чтобы больше не тревожили Пустынь.

Две подруги. Властитель, у нас такое чувство, как будто мы знаем тебя очень хорошо. Прости, что недостаточно хорошо приняли тебя. Можно просить тебя, чтобы еще раз ты пожаловал к нам и дал нам возможность выказать больше гостеприимства?

Царь. Вы слишком скромны. Уже то, что я вижу вас, истинная честь для меня.

Сакунтала. Анасуя, я обрезала себе ногу об острый лист травы³¹. И одежда моя зацепилась за ветку амаранта. Подождите меня, пока я отцеплюсь. *(Бросает медлящий взгляд на царя и уходит с своими подругами.)*

Царь *(вздыхая)*. Они ушли. И мне нужно уходить.

Я видел Сакунталу и не хочу возвращаться в город. Я заставлю людей моих расположиться караваном недалеко от благочестивой рощи. Я не могу оторвать моих мыслей от Сакунталы.

Это — тело уходит мое от любви, а не я,
Это — тело уходит, а сердце осталось при ней,
И назад устремляется мысль и забота моя,
Точно зная из шелка ³², несомое против ветров.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Входит ш у т, расстроенный.

Ш у т (*вздыхая*). Проклятье! Проклятье! Проклятье! С ног я сбился, вступивши в дружбу с царем, который охотится. «Вон лань» — только и разговора. «Вон вепрь!» ³³ Подумаешь! И в летний полдень носится по лесам, где тени ищи-ищи — едва найдешь. Что мы пьем? Теплую воду вонючую из горных ручьев, с приправой из листьев — нечего сказать, вкусно. Кое-когда, в неположенное время, перехватим кусочек тепловатого мяса. А от лошадей и от слонов такая суматоха, что даже и ночью-то хорошенько не отдохнешь. А потом эти охотники и птицеловы — чтоб их, — будят меня ни свет и заря. Такую поднимут разноголосицу, когда в лес выезжают. Но это еще не все. На старом нарыве новый вырос. Он тут нас бросил, а сам ушел охотиться за ланью. Забрался, говорят, в Пустынь, и встретил там, — ахти, ахти мне! — и встретил там некую девицу отшельническую, что зовется Сакунтала. С тех пор уж и в мыслях нет, чтобы в город вернуться. Так вот и лежу целую ночь напролет, думаю об этом, да с боку на бок поворачиваюсь. Что мне делать? Ну, хорошо, посмотрю на своего приятеля, когда он пожалует сюда, разодетый и прикрашенный ³⁴. (*Ходит взад и вперед и осматривается.*) Эге! Изволят идти сюда, и лук в руке, и девица в сердце. На нем гирлянда из диких цветов ³⁵. Притворюсь, что я совсем разбит. Быть может, хоть так найду себе покой. (*Стоит, опершись на палку.*)

Входить ц а р ь, как был описан.

Ц а р ь
(к самому себе)

Хотя не так легко достичь моей любимой,
Она уж мыслями склонилася ко мне,
И хоть пред счастьем любовь лишь дразнит сердце,
В простом томлении уж сладкий есть восторг.
(Улыбаясь.) Так влюбленный обманывает себя. Он меряет чувства возлюбленной собственными своими желани-
ями.

Глядела она так любовно, —
Но взгляд ее был не ко мне;
Так медленно шла, удаляясь, —
Но в том не влюбленность, — игра;
Прерывисто так говорила, —
Но это к подруге своей;
А я, как влюбленный, все это
Применяю охотно к себе.

Ш у т (стоит как прежде). Вот, царь, не могу ни рукой, ни ногой двинуть. Могу лишь приветствовать тебя го-
лосом.

Ц а р ь (смотря и улыбаясь). Отчего это ты вдруг охромел?

Ш у т. Превосходно. Ты человеку сперва в глаз угодишь, а потом спрашиваешь, отчего у него слезы.

Ц а р ь. Я не понимаю тебя. Говори без обиняков.

Ш у т. Когда камыш сгибается, как горбун, ты камыш осуждаешь или речное течение?

Ц а р ь. Ну, конечно, речное течение.

Ш у т. Вот и за мои беспокойства нужно тебя осу-
ждать.

Ц а р ь. Как так?

Ш у т. Доброе это дело для тебя — пренебрегать твоими царскими обязанностями, и такое это выгодное дельце — жить в лесу. Да что говорить? Вот я стою здесь, Браман ³⁶, и все суставы у меня дрожат от этой вечной беготни за дикими зверями, — вот двинуться не могу. Прошу покорно, будь милостив ко мне. Дай нам вздохнуть хоть на один день.

Ц а р ь (к самому себе). Он так говорит. И я тоже, когда подумаю о дочери Канвы, не испытываю желания охотиться. Ибо:

Лук натянут, стрелы — вот,
Но стрелу я не пошлю
В ланей тех, что близ нее,
Той, которую люблю.

Ш у т (*наблюдая за царем*). Говорит он одно, а думает другое. Что же, значит, я плакал в лесу? ³⁷

Ц а р ь (*улыбаясь*). Что же еще я могу думать? Я как раз о том размышлял, что нужно мне последовать дружескому совету.

Ш у т (*весело*). Да живешь ты долгие лета! (*Выпрямляется и хочет уйти.*)

Ц а р ь. Подожди. Выслушай меня до конца.

Ш у т. Слушаю.

Ц а р ь. Когда ты отдохнешь, ты будешь мне товарищем в другом деле — очень легком.

Ш у т. Щелкать сладкие орешки?

Ц а р ь. Я тебе сейчас скажу.

Ш у т. Прошу покорно, повели мне отдыхать.

Ц а р ь. Есть там кто-нибудь?

Входит п р и в р а т н и к.

П р и в р а т н и к. Что повелишь, государь?

Ц а р ь. Раиватака, позови полководца.

П р и в р а т н и к. Слушаю, государь. (*Выходит и возвращается с полководцем.*) Иди за мной, властитель. Вот стоит высокий повелитель, он слушает наш разговор. Подойди поближе, властитель.

П о л к о в о д е ц (*наблюдая за царем, к самому себе*). Охоту считают грехом, но царю она ничего не приносит, кроме хорошего. Посмотрите на него.

Выпрямилась грудь от напряженья

При спусканье стрел от тетивы,

Весь он загорел под солнцем жгучим,

И ни капли пота на лице,

Худощав, но мускулист и строен,

Соразмерно силен и красив,

Горный слон не может с ним сравниться

Жизненностью, видимой во всем.

(*Приближается.*) Победа высокому повелителю. Лес полон следов от красного зверя, добыча совсем близко. Что может быть лучше охоты?

Ц а р ь. Бгадрасена, пыл мой прошел. Мадгавия проповедовал тут против охоты.

П о л к о в о д е ц (*в сторону, к шуту*). Настаивай, приятель, на своем. Я позабавлю царя. (*Громко.*) Высокий повелитель, Мадгавия не больше как болтун и глупец.

Повелитель сам может посудить, зло охота или благо.
Прими в соображение:

Тело охотника — в мускулах, сильное, легкое,
Он научается видеть у дикого зверя,
Как отражается страх или гневность в уме;
Знает охотник высокое счастье — метиться
В цель, что меняется быстро в проворном
движенье.
Между услад где такую другую найдешь?

Ш у т (*сердито*). Поди ты! Уходи ты, пожалуйста, и
издали превозноси подобную жизнь. К царю вернулся
его рассудок, — что до тебя, рабий сын, ты охоться,
охоться, беги из леса в лес, пока не попадешь в пасть
к какому-нибудь старому медведю, поджидающему
дичины ³⁸.

Ц а р ь. Бгадрасена, совета твоего я не могу принять,
потому что мы сейчас поблизости от Пустыни. Итак,
сегодня, —

Пусть в прудке рогатый буйвол
Мутит воду как желает,
Пусть олень в тенистом месте
Жвачку медленно жует,
Вепри пусть у трав болотных
Ищут корень, топчут ил,
Лук мой гнулся на охоте,
Пусть он ныне отдохнет.

П о л к о в о д е ц. Слушаю, высокий повелитель.

Ц а р ь. Верни стрелков, которые вышли вперед. И за-
прети воинам беспокоить Пустынь или хотя бы при-
ближаться к ней. Помни:

В отшельнике благоговейном
Всегда таится скрытый жар, —
Как в некоем камне драгоценном ³⁹,
Любимцем солнца назван он —
Чуть блеск другой к нему приближен,
Он весь пылает и горит.

П о л к о в о д е ц. Слушаю, высокий повелитель.

Ш у т. Ну, уходи ты теперь с своей лесной жизнью.

Полководец уходит.

Ц а р ь (к свите). Снимите вашу охотничью одежду.
А ты, Раиватака, вернись к своей службе.

П р и в р а т н и к. Слушаю, государь. (Уходит.)

Ш у т. Ну, теперь ты освободился от нечисти. Присядь на тот плоский камень, деревья раскинулись над ним тенистым сводом. Я не могу сесть на него, прежде чем не сядешь ты.

Ц а р ь. Иди вперед.

Ш у т. Иди за мной.

Идут и садятся.

Ц а р ь. Знаешь, Мадгавия, ты, приятель, и не ведаешь, что есть зрение. Ты не видел красивейшего, что есть на свете.

Ш у т. Я вижу тебя, прямо перед собой.

Ц а р ь. Да, я знаю, каждый считает себя красивым, но я говорю о Сакунтале, красе обители.

Ш у т (к самому себе). Подброшу ли дровец в огонь? Нет! (Громко.) Но ведь она тебе не достанется, нельзя, она отшельница. Какой толк на нее смотреть?

Ц а р ь. Глупый!

Ужель напрасное томленье
Влечет наш дух на высоту,
Когда мы смотрим неотступно,
Как всходит новая луна?

Притом же мысли Душианты ни на чем запретном не останавливаются.

Ш у т. Хорошо, так Расскажи мне про нее.

Ц а р ь

Родившись от небесной девы,
Здесь ею брошена была,
Капризница чуждалась дара
И шаловливо прочь ушла.
Благочестивый же отшельник,
Взяв девочку, усыновил,
Цветок жасмина благовонный
Возрос на темном тростнике ⁴⁰.

Ш у т (смеясь). Ты похож на человека, который, объевшись финиками, захотел кислого тамаринда. Все жемчужины дворца — твои, а тебе эта девушка понадобилась.

Ц а р ь. Ты, друг, не видал ее, иначе бы ты так не говорил.

Ш у т. Должно быть, она очаровательна, если ты ей пленился.

Ц а р ь. Друг, зачем много слов?

Замыслил ли ее творец, как образ,
И образу дал творческую жизнь?
Помыслил ли всю красоту мирскую
И создал так жемчужину любви?
Богинею любви она мне снится
И знаком всемогущества творца.

Ш у т. Значит, женщины возненавидят ее.

Ц а р ь. И я тоже думал об этом.

Она цветок, которым не дышали,
И жемчуг, что своей оправы ждет.
И ветка, до которой не касались,
И свежий мед в ячейках цельных сот.
Нет на земле такого человека,
Чтоб сметь упиться этой красотой,
И я не знаю, кто счастливец будет,
Чтоб мед тот пить и грезить той мечтой.

Ш у т. Так женись на ней поскорей, прежде чем бедняжка достанется какому-нибудь отшельнику с промасленной головой.

Ц а р ь. Она зависит от отца своего, а его здесь нет.

Ш у т. А как она к тебе?

Ц а р ь. Друг, девушки-отшельницы по самой природе своей застенчивы. И, однако же,

Когда я был близко, она на меня не смотрела,
Она улыбалась — не мне — и улыбкою скрытой,
Она не хотела — из скромности — выразить чувство,
Но чувство не очень старалась достаточно скрыть.

Ш у т. А ты чего ж хотел, — чтоб как только тебя увидела, так на колени к тебе вскарабкалась?

Ц а р ь. Но, когда она уходила с своими подругами, она почти показала, что любит меня.

Едва от меня отошла, вдруг вскричала —
«Идти не могу».

Ко мне повернулась и платьем как будто
Задела, идя, за сучок.

Ш у т. Оставила она тебе воспоминание, есть чем

попытаться. То-то тебе так нравится благочестивая эта роща.

Ц а р ь. Друг выдумай какой-нибудь предлог, чтоб нам можно было вернуться в Пустынь.

Ш у т. Какой тебе предлог нужен? Разве ты не царь?

Ц а р ь. Что же в том?

Ш у т. Собирай подать с отшельнического риса.

Ц а р ь. Глупец. Эти отшельники платят подать совсем другого рода, полноценнее, чем полные пригоршни драгоценностей⁴¹.

Когда мы берем от обычных людей,
Мы тотчас же тратим богатство свое,
Они же такую святыню дают,
Которой богатства нетленны вовек.

Г о л о с з а с ц е н о й. Вот мы нашли его.

(Прислушиваясь.) Какие важные и спокойные голоса. Это, должно быть, отшельник.

В х о д и т п р и в р а т н и к.

П р и в р а т н и к. Победа тебе, государь. Там ждут тебя два юных отшельника.

Ц а р ь. Проси их тотчас же войти.

П р и в р а т н и к. Слушаю, государь.

Выходит и возвращается с ю н о ш а м и.

Идите за мной.

П е р в ы й ю н о ш а (смотря на царя). Какой величественный вид, но он внушает доверие. Это не удивительно в царе, который полусвятой. Потому что для него —

Дворец роскошный служит как обитель,
Его правление мудро и достойно,
Его заслуги — больше с каждым днем,
Небесные его прославят хоры⁴²,
Двойною вознесен он будет песней —
Как царь и как благой⁴³, когда царит.

В т о р о й ю н о ш а. Скажи мне, это Душианта, друг верховного Индры?⁴⁴

П е р в ы й ю н о ш а. Да, это он.

Второй юноша

Своей рукою город охраняя,
Ворота городские он запрет,
И сможет он один сберечь от горя
Всю землю в темном поясе морей,

Затем, что в час, когда сражают боги
Род демонов,— его им служит лук,
И палица блистательного Индры,—
В них двух сражает Солнце вражий мрак ⁴⁵.

Двое юношей (*приближаясь*). Победа тебе, государь.

Царь (*вставая*). Приветствую вас.

Двое юношей. Да снизойдут на тебя все благословения. (*Они предлагают ему плоды.*)

Царь (*принимая плоды и низко кланяясь*). Могу я знать причину вашего прихода?

Двое юношей. Отшельники узнали, что ты здесь, и они просят...

Царь. Они повелевают, вернее.

Двое юношей. Дело в том, государь, что в отсутствие отца отшельника злые силы тревожат нашу благочестивую жизнь ⁴⁶. Мы просим тебя поэтому, чтобы ты с своим возницею провел несколько ночей в Пустыни и защитил ее своим присутствием.

Царь. Я буду счастлив сделать это.

Шут (*к царю*). Оно совсем недурно, что тебя здесь уловили?

Царь. Раиватака, скажи моему вознице, чтобы он приехал и привез мой лук и стрелы.

Привратник. Слушаю, государь. (*Выходит.*)

Двое юношей

Ты отпрыск, достойный царей,
Что правили нашим народом,
Давая защиту всем тем,
Кто в этой заботе нуждался.

Царь. Прошу, идите вперед. Я прибуду за вами следом.

Двое юношей. Победа тебе, государь. (*Уходят.*)

Царь. Скажи, Мадгавия, любопытно тебе увидеть Сакунталу?

Шут. Любопытствовал бесконечно, но эти рассказы о злых силах любопытство мое сократили вовсе.

Ц а р ь. Не бойся, ты будешь со мной.
Ш у т. Прилипну к колесу твоему.

Входит п р и в р а т н и к.

П р и в р а т н и к. Колесница готова, государь, и ждет твоего отбытия. Но некий Карабгака прибыл из города вестником от царицы-матери.

Ц а р ь (с почтительностью). От матери моей?

П р и в р а т н и к. Да.

Ц а р ь. Пусть он войдет.

Привратник выходит и возвращается с К а р а б г а к о й.

П р и в р а т н и к. Вот — государь, ты можешь подойти поближе.

К а р а б г а к а (приближаясь и низко кланяясь). Победа тебе, государь. Царица-мать повелевает...

Ц а р ь. В чем ее повеление?

К а р а б г а к а. На четвертый день от сегодня она постановляет окончить обряд поста. И по этому случаю возлюбленный ее сын да не преминет быть с нею ⁴⁷.

Ц а р ь. С одной стороны, мои обязанности по отношению к отшельникам, с другой — повеление моей матери. Ни тем, ни другим пренебречь нельзя. Как же быть?

Ш у т (смеясь). А будь на полдороге, между небом и землей ⁴⁸.

Ц а р ь. Поистине я смущен.

Два долга несовместные
Мой разделили дух,
Река так разделяется,
Ударясь о скалу.

(Он размышляет.) Друг, царица-мать всегда любила тебя, как сына. Вернись и скажи ей, что обязанности удерживают меня здесь, а сам исполни при ней обязанности сына.

Ш у т. Ведь ты же не думаешь, что я боюсь дьяволов?

Ц а р ь (улыбаясь). О могучий Браман, как мог бы я заподозрить подобное?

Ш у т. Но я желаю путешествовать, как принц.

Ц а р ь. Я пошлю с тобой всех воинов, чтобы они не тревожили благочестивую рошу.

Ш у т (*выступая с важностью*). Ага! Поглядите-ка на наследного принца.

Ц а р ь (*к самому себе*). Он порядочный болтун. Он, пожалуй, способен рассказать о моей влюбленности дворцовым женщинам. Хорошо же. (*Берет шута за руку. Громко.*) Друг Мадгавия, я отправлюсь в Пустынь из-за почтения к отшельникам. Не думай, что я действительно полюбил девушку-отшельницу. Сообрази только:

Царь — и девушка, живущая в спокойствии в лесу
Вместе с ланями, не ведая, что значит полюбить.
Так не думай же, что вправду я здесь сердце потерял.
Я шутил с тобой,— не более как шутка было все.

Ш у т. О, конечно, само собой.

Оба уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Входит у ч е н и к с священной травой для жертвоприношения.

У ч е н и к (*в задумчивом удивлении*). Как велика власть царя Душианты! Со времени его прибытия обряды наши совершаются беспрепятственно.

Ему и лука сгибать не нужно,
Ему не надо спустить стрелу,
Чуть тетивую он поиграет,
Бежит все злое, страшась его.

Прекрасно, я возьму эту священную траву для жрецов ⁴⁹, чтоб усыпать ею алтарь. (*Он ходит и осматривается, потом говорит кому-то невидимому.*) Приамвада, кому несешь ты эту кускусовую мазь и волокнистые листья лотоса? (*Слушает.*) Что ты говоришь? Что Сакунтала не на шутку занемогла от жары и что все для нее, чтоб облегчить ее страдания? Походи за ней хорошенько, Приамвада. Без нее отцу отшельнику прямо не жить. И я дам Гаутами святой воды для нее.

Входит влюбленный ц а р ь.

Ц а р ь
(*с задумчивым вздохом*)

Я знаю, что сила свершенья обетов
Имеет над этою девушкой власть,

Но все мое сердце влечется к ней прямо,
Как прямо сбегает с утеса поток.

О бог любви, могучий бог, твои стрелы сделаны из цветов.
Как же могут они быть такими острыми? (*Он что-то вспоминает.*) А, понимаю.

Хоть холоден Месяц, но пламя в нем ярое тлеет,
Огонь пожирающий Сивы пылает в тебе ⁵⁰,
Как вечный огонь, хоть незримый, горит и сверкает
Под пропастью темных морей.

Да, Месяц и ты, вы внушаете доверие только для того,
чтоб обмануть сонмы влюбленных.

Цветочные — стрелы твои,
И холоден месяц в ночи,
Об этом нам в песнях твердят,
Но это с влюбленным не так.
От холода лунных лучей
Влюбленное сердце горит,
Цветочные стрелы твои
И режут, и колют, и жгут.

И, однако же:

Если бог любви смутит ее,
Чьи глаза меня безумят,
Я его бестрепетно зову,
Им всечасно уязвленный.

О мощный бог, ты не явишь мне милосердие после таких
укоризн?

Тебя с нежностью лелеял
На утре дней,
Напрасно лук твой угрожает,
Стрела — ко мне,
За попечение мне отплата —
Я весь пронзен.

Я прогнал злые силы, жертва свершена, отшельники меня
отпустили. Куда пойду, где отдохну от усталости? (*Взды-
хает.*) Нет мне покоя ни в чем, лишь бы видеть ее, ту, кого
я люблю. (*Смотрит на солнце.*) В эти жаркие часы по-
лудня она обыкновенно бывает с своими подругами на
берегах Малины, увитых лозой. Пойду туда. (*Идет и
осматривается.*) Я думаю, что здесь как раз проходила
сейчас стройная девушка по этой аллее молодых деревь-
ев. Потому что:

Стебли, с которых срывала цветы она,
Свежею раной глядят,
Сок, где надломлены ветки зеленые,
Вот, не сгустился еще.

(Чувствует свежее дуновение ветерка.) Какое приятное
здесь место и этот ветер меж ветвей как приятен!

Все тело, объятые жаром любви,
Приветствует ласковый тот ветерок,
Которому лотос дает аромат
И пену воздушную водный поток.

(Внимательно рассматривает почву.) А Сакунтала, на-
верно, в той беседке из тростника. Я вижу:

Желтый у двери песок,
Свежие светят следы,
Пальцы нажатые едва,
Пятка же четко видна.

Я спрячусь среди ветвей и посмотрю, что будет дальше.
(Прячется. Радостно.) А, небо очей моих открылось мне.
Вон любимица мыслей моих. Она лежит на каменной
скамье, усеянной цветами. За ней ухаживают две ее
подруги. Хочу слышать, что говорят они друг другу.
(Стоит и смотрит.)

Входит С а к у н т а л а с д в у м я с в о и м и п о д р у г а м и.

Д в е п о д р у г и *(обмахивают ее листьями лотоса).*
Тебе лучше, милая, когда мы веем на тебя этими листь-
ями лотоса?

С а к у н т а л а *(устало).* О, вы веете на меня, милые
мои?

Две подруги смотрят озабоченно одна на другую.

Ц а р ь. Она серьезно больна. *(С сомнением.)* Это
жара или это то, на что я надеюсь? *(Решительно.)* Это,
должно быть, то:

Умашенная грудь ее светится,
На руке ожерелье из лотосов порвано ⁵¹,
Как неможется милой любимице,
Как красива она в этом нежном страдании.
И хоть кажется схожим по действию
То, что тело горит и любовь горячительна,

Никогда оттого лишь, что жарко ей,
Не бывает так девушка нежно-пленительна.

Приамвада (*в сторону, к Анасуйе*). Анасуйя, с тех пор как в первый раз она увидела царя, она в такой тревоге. Я не думаю, чтоб лихорадка ее была от другой причины.

Анасуйя. Подозреваю, что ты права. Я спрошу ее. Милая, мне нужно что-то тебя спросить. У тебя сильный жар.

Царь. Это похоже на правду.

Перевязь лотосов белой была,
Точно Луна их сияньем зажгла,
Лотосы вянут, темнея на ней,
Лотосы вянут от жарких огней.

Сакунтала (*полупривставая*). Хорошо, скажи, что ты хочешь сказать.

Анасуйя. Сакунтала, милая, ты не поведала нам, что у тебя на уме. Но я сказки слыхала, старинные сказки, и вот не могу отогнать одной мысли, — что все твои чувства — как чувства той, которая любит. Прошу тебя, расскажи нам, что тебя мучит. Нам нужно понять недуг, прежде чем мы сможем попытаться вылечить его.

Царь. Анасуйя выражает собственные мои мысли.

Сакунтала. Это мучает меня ужасно. Я не могу вам сказать этого сразу.

Приамвада. Милая, Анасуйя права. Почему скрываешь ты тоску свою? Ты увядаешь с каждым днем. Ты не больше как красивая тень самой себя.

Царь. Приамвада говорит правду.

Щеки ее побледнели, плечи ее упадают,
Грудь выражает истому, краски сбежали с лица,
Так истомилась любовью, как вянет,
бледнея, лиана⁵²

Под дуновеньем ветров знойно палящего дня.

Сакунтала (*вздыхая*). Никому другому не могла бы я сказать. А вас буду жалобами томить.

Две подруги. Потому мы и настаиваем, милая. Чтобы выносить скорбь, нужно делиться ею.

Ц а р ь

Подругам, что радость и горе с ней делят,
Она говорит о причине тоски,
И смотрит в себя, проверяет мгновенье,
То, первое,— страшно узнать мне ответ.

С а к у н т а л а. С тех самых пор — как увидела
я царя, что охраняет благоговейную рощу... (*Останавли-
вается в тревоге.*)

Д в е п о д р у г и. Милая, говори дальше.

С а к у н т а л а. Я томлюсь — я люблю его — оттого
я такая.

Д в е п о д р у г и. Хорошо, хорошо. Ты нашла люби-
мого, достойного любви твоей. Но куда же большой реке
и бежать, как не в море!

Ц а р ь (*радостно*). Я услышал, что жаждал слы-
шать.

Так значит, та жаркая пытка — любовь,

Ту боль от огня укрощает — любовь,

Как будто бы в жаркий удушливый день

Вдруг ливень прорвался — с ним свежесть

и тень ⁵³.

С а к у н т а л а. Так если вы любите меня немножко,
сделайте так, чтобы добрый царь пожалел меня. А если
нет, помните, что я лишь была ⁵⁴.

Ц а р ь. Ее слова — конец сомнениям.

П р и а м в а д а (*в сторону, к Анасуйе*). Анасуйя, она
далеко зашла в любви и больше не может ждать.

А н а с у й я. Приамвада, ты не можешь придумать
что-нибудь, чтобы мы выполнили ее желание быстро
и тайно ото всех?

П р и а м в а д а. Нужно придумать, как сделать тай-
но. Быстро — это не трудно.

А н а с у й я. Как так?

П р и а м в а д а. Царь любит ее,— это видно в том,
как он нежно на нее смотрит. И он совсем исхудал, точно
лишился сна.

Ц а р ь. Это совершенно верно.

Всю ночь по руке утомленной

Запястья мои золотые

Скользят ⁵⁵, задевая за шрамы,

Те знаки боев и ловить.

И льются горячие слезы,
И злато они запятнали,
И слезы мои затемнили
Огонь драгоценных камней.

П р и а м в а д а (*размышляя*). Вот что, она должна написать ему любовное письмо. А я спрячу его в пучке цветов и сделаю так, что оно попадет в руки царю, как будто это цветы, оставшиеся от жертвоприношения ⁵⁶.

А н а с у й я. Очень хорошо, милая, мне твоя мысль нравится. Что скажет Сакунтала?

С а к у н т а л а. Мне кажется, что мне нужно слушаться, когда приказывают.

П р и а м в а д а. Так сочини маленькую любовную песенку и в ней намекни на себя.

С а к у н т а л а. Я попробую. Но сердце мое трепещет,— а вдруг он презрит меня?

Ц а р ь

Он здесь, он здесь, который любит,
А ты, в сомненьях о любви,
Боишься, как бы твой любимый
Вдруг не отверг твою любовь.
Кто ищет счастья, тот находит
Иль не находит счастья он,—
Но, если счастье ищет счастья,
Как можно счастья не найти?
И как любовь твою отвергнуть,
Когда богиня ты любви?
И жемчугам искать не нужно,
Затем что ищут жемчугов.

Две подруги. Ты слишком скромного мнения о своем очаровании. Разве будет кто-нибудь заслоняться от освежительного действия осенней Луны?

С а к у н т а л а (*улыбаясь*). Мне кажется, что мне нужно слушаться, когда приказывают. (*Размышляет.*)

Ц а р ь. Это понятно мне, я глазом моргнуть не могу, когда вижу возлюбленную. Вот,

Слова ища подходящего,
Бровку одну подняла,
Точно лиана воздушная
Тянется вверх.

И на щеках горячительно
Встал еле видный пушок ⁵⁷,
Этим являя, что милая
Любит меня.

С а к у н т а л а. Нут вот, я придумала маленькую песенку. Но чем же и на чем же мне ее написать?

П р и а м в а д а. Вот лист лотоса, он лоснится, как перья на груди у попугая. Ногтями ты можешь вырезать буквы на нем ⁵⁸.

С а к у н т а л а. Слушайте же и скажите мне, есть ли тут какой смысл.

Д в е п о д р у г и. Говори.

С а к у н т а л а
(*читает*)

Сердце твое я не знаю,— знаю одно:
Лишь о тебе я помыслю, сердце мое смущено.
Так вот и думаю думать ночью и днем,
Лишь об источнике боли, только о нем.

Ц а р ь
(*выступая вперед*)

Если любовь тебя мучает, дева моя,
Испепелен я любовью, пепел и зарево я.
Солнце, с рассветом, туманит светом Луну,
Лотос ночной, закрываясь, глядит в глубину ⁵⁹.

Д в е п о д р у г и (*видя царя, встают радостно*). Благословенным да будет желание, что выполняется без промедления.

Сакунтала пытается встать.

Ц а р ь. Не вставай, не вставай, красивая Сакунтала.

Ты вся полна изнеможенья,
Обряд учтивости забудь,
Прошу, лежи, благоуханная,
На быстро вянущих цветах.

С а к у н т а л а (*с грустью, к самой себе*). Сердце мое, ты же так нетерпеливилось, а теперь не находишь, что сказать.

А н а с у й я. Государь, сделай честь скамье этой, присядь на нее.

Ц а р ь (*садится*). Приамвада, я хочу думать, что нездоровье вашей подруги не опасно.

П р и а м в а д а (*улыбаясь*). Лекарство применили, скоро будет лучше. Ясно, владыка, что ты и она, вы любите друг друга. Но я тоже люблю ее, и мне нужно что-то тебе сказать.

Ц а р ь. Прошу, говори без колебаний. Оставить несказанным то, что хочется сказать, всегда в конце концов причиняет боль.

П р и а м в а д а. Так слушай же, владыка.

Ц а р ь. Слушаю внимательно.

П р и а м в а д а. Оберегать отшельников от всяких бед — это долг царя. Не сказано ли это в Писании?

Ц а р ь. Самым достоверным образом.

П р и а м в а д а. Так вот, подруга наша в таком жалостном состоянии из-за любви к тебе. Пожалей ее и спаси ей жизнь.

Ц а р ь. Мне только этого и хочется. Я вижу в этом большую честь.

С а к у н т а л а (*с ревнивой улыбкой*). Приамвада, зачем ты удерживаешь доброго царя? Ведь он в разлуке с придворными женщинами, он только о том и думает, как бы поскорее туда вернуться.

Ц а р ь

Меня твой взор зачаровал,
Желанная,
Лишь близ тебя хочу я быть,
Любимая.
Зачем же судишь ты меня
Неверно так?
Зачем же ранишь, если я
Уж раненый?

А н а с у й я. Но, государь, у царей, как мы слышали, много любимиц. Смотри, сделай так, чтобы подруга наша не была огорчением для семьи своей.

Ц а р ь. Что еще могу сказать?

Хоть при дворе красавиц много,
Но будет править вместе с ней
Лишь опоясанная Морем.
Зеленолистая Земля⁶⁰.

Д в е п о д р у г и. Мы рады тогда.

Сакунтала выказывает свою радость.

Приамвада (*в сторону, к Анасуйе*). Посмотри, Анасуйя, как с каждой минутой жизнь возвращается к нашей милой Сакунтале. Точно пава, она оживляется летом, когда первый с дождем придет свежий ветерок.

Сакунтала. Мы должны просить у царя прощения за те гадкие слова, которые мы говорили.

Две подруги (*улыбаясь*). Кто говорит, что он гадкие слова говорил, пусть тот и просит прощения. Никто другой не чувствует себя виновным.

Сакунтала. Государь, прости нас за то, что мы говорили, не зная, что ты тут вблизи. Я боюсь, что за спиной у человека много мы всякого говорим.

Царь
(*улыбаясь*)

Твоя вина простилась,
Коль я могу сидеть
На том цветочном ложе,
Где ты сейчас лежишь.

Приамвада. Но этого для него не довольно будет.

Сакунтала (*с притворным гневом*). Замолчи. Ты гадкая девушка. Ты смеешься надо мной, когда я в таком затруднении.

Анасуйя (*выглядывая из куста*). Приамвада, тут маленькая лань, — верно, потеряла мать свою и все смотрит. Я хочу ей помочь.

Приамвада. Ишь какая попрыгунья. Не поймалась. Я пойду с тобой.

Они хотят уйти.

Сакунтала. Вы не должны уходить, не оставляйте меня одну.

Две подруги (*смеясь*). Тебя — одну, когда царь мира с тобой. (*Уходят.*)

Сакунтала. Мои подруги ушли?

Царь (*осматриваясь*). Не тревожься, красивая Сакунтала. Разве нет с тобой смиренного слуги твоего, чтобы заменить тебе твоих подруг? Так скажи мне: ~

Этим влажным листом благовонного свежего лотоса
Мне не свеять ли все утомленье с тебя и печаль?

Или ножки твои, эти малые ножки лилейные,
Положить на колени к себе и тихонько ласкать?

С а к у н т а л а. Я не хочу прегрешить против тех,
кому обязана я честью. *(Встает, выказывая слабость,
и хочет отойти.)*

Ц а р ь *(удерживая ее)*. День еще зноен, красивая
Сакунтала, а у тебя жар.

Не оставляй покойную постель,
Усеянную нежными цветами,
Не сбрасывай лилейных лепестков
С горячей груди, дышащей тревожно.
Не уходи, ты вся истомлена,
Не уходи неверною походкой.
(Удерживает ее.)

С а к у н т а л а. Не надо! Не надо! Я во власти любви,
сын Пуру. Соблуди должное. Мне некого просить о помощи.

Ц а р ь. Это упрек мне?

С а к у н т а л а. Я не о тебе говорила, властитель.
Я обвиняла судьбу.

Ц а р ь. Зачем же обвинять судьбу, дающую тебе то
самое, чего ты хочешь?

С а к у н т а л а. Как же не обвинять мне судьбу, если
она отнимает у меня самообладание и так искушает меня
достоинствами другого?

Ц а р ь
(к самому себе)

Хоть девушки и жаждут,
Но робкие они,
Хотя любви желают,
Но заставляют ждать.
И пусть любовь их жалит,
Она не мучит их,
Они скорее мучат
Отсрочкою любовь.

Сакунтала отходит.

Почему не выполню желание мое? *(Приближается и хватает ее за одежду.)*

С а к у н т а л а. О владыка. Будь, как должно быть.
Там ходят отшельники.

Ц а р ь. Не бойся семьи своей, красивая Сакунтала. Отец Канва знает священный закон. Он не будет жалеть об этом.

И разве не сказано
В преданиях истинных,
Что многие девушки
За мудрым ушли,
По выбору вольному,
Без всяких свидетелей,
И это супружество
Признали отцы ⁶¹.

(Осматривается.) Ах, я вышел в открытое место. *(Оставляет Сакунталу и возвращается туда, где был.)*

С а к у н т а л а *(делает шаг, потом поворачивается назад с живым движением руки)*. О властитель, я не могу сделать того, что ты хочешь. Ведь ты меня совсем не знаешь, мы только чуть-чуть поговорили с тобой. Но не забывай меня. О, не забудь!

Ц а р ь

Если вечер приходит, от дерева тень удаляется

И далеко уходит, но все же она не уйдет,

Так, любимая, ты,— где бы ты ни была, о желанная,

Никогда не отступит от сердца тоска по тебе.

С а к у н т а л а *(делает несколько шагов. К самой себе)*. О, о! Когда я слышу, что он так говорит, ноги мои не хотят уходить. Я спрячусь здесь, за амарантовой изгородью, и посмотрю, долго ли продлится его любовь. *(Прячется и ждет.)*

Ц а р ь. О любимая, моя любовь к тебе — вся моя жизнь, а ты оставляешь меня и уходишь и не подумаешь обо мне.

Тело твое точно сирис-цветок,

Взглянешь, и вся загорается страсть,—

Как же возможно, что сердце твое

Жестко, как стебель, где сирис цветет?

С а к у н т а л а. Когда я слышу это, нет у меня власти уйти.

Ц а р ь. Что мне делать здесь, где ее нет? *(Смотрит на землю.)* О, я не могу уйти.

Перевязь из лотосов,

Что на ней была,

Оковала сердце мне,
Сердце как в тюрьме.
(Благоговейно поднимает перевязь.)

С а к у н т а л а (смотря на свою руку). Что же это, — я была так слаба, что когда запястье из лотосов упало, я даже этого не заметила.

Ц а р ь (прижимая запястье из лотосов к сердцу). О!

Ты раньше лежало на милой руке,
Ты будешь на сердце моем,
Хоть радости дать мне не хочет она,
Я радость в игрушке нашел.

С а к у н т а л а. Я больше не могу удерживаться. Я скажу, что я потеряла мое запястье. (Приближается.)

Ц а р ь (видя ее, радостно). Царица жизни моей. Едва я начал сетовать, судьба оказалась благою ко мне.

Едва только птица пропела,
Что жарко, что хочется пить,
Как облачко в небе сгустилось
И свежий заискрился дождь.

С а к у н т а л а (стоя перед царем). Владыка, когда я уходила, я вспомнила, что с руки у меня упало запястье из лотосов, и я вернулась за ним. Сердце мое мне сказала, что, верно, ты его взял. Прошу, отдай мне его, а то ты выдашь меня, и себя также, отшельникам.

Ц а р ь. Отдам — с одним условием.

С а к у н т а л а. С каким?

Ц а р ь. Что я сам надену его туда, куда нужно.

С а к у н т а л а (к самой себе). Что мне делать? (Приближается.)

Ц а р ь. Сядем на эту каменную скамью.

Они идут к скамье и садятся на нее.

(Беря Сакунталу за руку.) А!

Когда негасимым огнем⁶²
Сжег Сива любовное древо,
Судьба не спасла ли там ветвь,
Чтоб сердце упилось расцветом?

С а к у н т а л а (чувствуя его прикосновение). Спешу, милый, спешу.

Ц а р ь (радостно, к самому себе). Теперь я доволен.

Она говорит, как жена с мужем. (*Громко.*) Красивая Сакунтала, запястье не слишком крепко сжимает. Могу я закрепить его иначе?

С а к у н т а л а (*улыбаясь*). Если хочешь.

Ц а р ь (*искусно медля, прежде чем он делает это*).
Смотри, красивая моя.

Запястье из лотосов блистательно белое,
Как Месяца серп молодой.

Быть может, то Месяц спаял заострения
И так снизошел с высоты,
Решив, что рука твоя, нежная, белая,
Усилит его красоту.

С а к у н т а л а. Я не вижу его. Душистая пыльца от лотоса, что у меня в волосах над ухом, попала мне в глаза.

Ц а р ь (*улыбаясь*). Позволишь мне сдунуть?

С а к у н т а л а. Я не хочу, чтобы меня жалели, как бедненькую. Но почему бы мне не довериться тебе?

Ц а р ь. Прогони такие мысли. Новый слуга не ослушивается приказаний.

С а к у н т а л а. Это чрезмерная учтивость, она пугает меня.

Ц а р ь (*к самому себе*). Обязательств я не нарушу сладкой этой неволи. (*Стремительно старается приподнять ее лицо к своему.*)

Сакунтала борется немного, потом уступает.

Милая девушка, ворожея моя, не бойся меня.

Сакунтала устремляет на него быстрый взгляд, потом потупляет глаза.

(*В сторону.*)

Чуть трепещут эти губы
И девически зовут,
Чтоб душа к ним прикоснулась
И блаженства испила.

С а к у н т а л а. Милый, ты медлишь исполнить обещание.

Ц а р ь. Лотос в твоих волосах так близко от твоего глаза и так похож на него, что я смешал их. (*Тихонько дует ей на глаз.*)

С а к у н т а л а. Благодарю. Теперь я могу видеть

совсем хорошо. Но мне стыдно, что я ничем не могу отплатить за твою доброту.

Ц а р ь. Что могу попросить?

Как над лотосом душистым
Вьется звонкая пчела,
Не довольно ль мне улады
Подышать твоим лицом?

С а к у н т а л а. А что делает пчела, когда она недовольна?

Ц а р ь. Вот что! Вот что! *(Притягивает ее лицо к своему.)*

Г о л о с за сценой. Невесточка, цесарочка ⁶³, скажи дружку прощай. Уж ночь идет.

С а к у н т а л а *(прислушиваясь, взволнованно)*. О милый, это мать Гаутами идет меня проведать. Молю, спрячься среди ветвей.

Царь прячется. Входит Г а у т а м и с чашей в руке.

Г а у т а м и. Вот святая вода, дитя мое. *(Смотрит на Сакунталу и помогает ей приподняться.)* Так худо тебе, и одна здесь с богами?

С а к у н т а л а. Всего с минуту, как Приамвада и Анасуйя пошли к реке.

Г а у т а м и *(окропляет Сакунталу святой водой)*. Живи долго и счастливо, дитя мое. Лихорадка спала? *(Ощупывает ее.)*

С а к у н т а л а. Мне лучше, мать.

Г а у т а м и. Солнце садится. Вставай, идем домой.

С а к у н т а л а *(привставая, со слабостью. К самой себе)*. Сердце мое, ты колебалось и медлило, когда желанье твое пришло к тебе. А теперь смотри, что ты сделало. *(Делает шаг и оборачивается. Громко.)* Прощай, тенистая беседка, ты облегчила мою боль. До новой минуты благодатной.

Сакунтала и Гаутами уходят.

Ц а р ь *(приближаясь со вздохом)*. Сколько препятствий на дороге к счастью.

Она, красивоокая, смотрела,
Ресницами полузакрыв глаза,
С полуотказом, с полупозволеньем,
Прижавши палец к розовой губе,

И голову к плечу она склоняла,
Ее лицо я мог слегка поднять,
Но сам был полон трепетным бореньем,
О, почему смелее не был я?

Куда пойду теперь? Помедлю еще минуту в этой беседке,
где лежала моя желанная. *(Осматривается.)*

Вот каменное ложе, покрытое цветами,
На лотосе увядшем любовное письмо,
Цветочное запястье, которое упало,
Пахучих водных лилий в нем стебли сплетены,
Вот здесь она лежала, и все чарует взоры,
Я не имею власти отсюда отойти,
Присутствие желанной во всем я ощущаю.
В беседке тростниковой все милою полно.
(Размышляет.)

Увы! я дурно сделал, что медлил и колебался, когда
я нашел любовь мою. И теперь уж —

Если вновь я с нею встречусь,
Колебанья прогоню,
Счастье быстро улетает,
Говорю так в сердце я,
В глупом сердце, оробевшем,
А придет, и я смущаюсь.

Г о л о с з а с ц е н о й. О ц а р ь!

Вот вечерний алтарь засветился,
Пламя жертвы идет высоко,
Но, как грозные, красные тучи,
Привиденья толпятся кругом ⁶⁴,
Исполинские тени бросая,
Что уходят до самых небес.

(Прислушиваясь. С решительностью.) Иду.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входят две подруги, собирая цветы.

А н а с у й я. Приамвада, теперь наша милая Сакун-
тала надлежащим образом вступила в вольное супру-
жество ⁶⁵, и супруг ее достоин ее. И, однако же, я беспо-
коюсь.

П р и а м в а д а. О чем?

А н а с у й я. Жертвоприношение свершено, и отшельники сегодня отпустили доброго царя. Он вернулся в город, а там он окружен сотнями придворных женщин. Я спрашиваю себя, вспомнит ли он бедную Сакунталу или нет.

П р и а м в а д а. Тебе нечего об этом беспокоиться. Люди с таким красивым ликом не могут не быть благими. Но тут есть о чем другом подумать. Я не знаю, что скажет отец, когда он вернется из паломничества и услышит об этом.

А н а с у й я. Я думаю, он будет доволен.

П р и а м в а д а. Почему?

А н а с у й я. А почему нет? Ты знаешь, ведь он хотел отдать свою дочь достойному возлюбленному. Если сама судьба это выполнила, почему бы отец не был счастлив?

П р и а м в а д а. Хочу думать, что ты права. *(Смотрит на свою цветочную корзинку.)* Милая, мы собрали достаточно цветов для жертвенника, они уже томятся по жертвоприношению.

А н а с у й я. Но мы должны сделать приношение богам, которые блюдут супружеское счастье Сакунталы ⁶⁶. Лучше нам собрать побольше цветов.

П р и а м в а д а. Хорошо, конечно.

Они собирают цветы.

Г о л о с з а с ц е н о й. Кто приветит меня, приходящего?

А н а с у й я *(прислушиваясь)*. Милая, там гость какой-то пришел.

П р и а м в а д а. Сакунтала дома. *(Размышляя.)* Да, но сегодня сердце ее далеко. Пойдем, у нас достаточно цветов.

Собираются уходить.

Г о л о с з а с ц е н о й. Ты осмеливаешься пренебрегать таким гостем, как я?

За то, что всем сердцем ослепшим
Прилипла к любимому ты,
Меня не увидев, который
Всю жизнь в покаянье провел,

Тебя да не вспомнит ушедший,
Слова да забудет свои,
Да будет — как хмелю подвластный,
А ты — как забытый рассказ.

Две подруги слушают и выказывают глубокое огорчение.

О милая! То случилось, чего и нужно было бояться. Сакунтала рассеялась и оскорбила какого-нибудь достойного человека своим невниманием.

А н а с у й я (*глядя вперед*). Милая, это не первый встречный. Это великий мудрец Дурвасас, гневный ⁶⁷. Смотри, как он шагает.

П р и а м в а д а. Ничто так не горит, как огонь ⁶⁸. Беги упави к его ногам, приведи его обратно, а я приготавливаю воды омыть ему ноги.

А н а с у й я. Бегу. (*Уходит.*)

П р и а м в а д а (*спотыкаясь*). Вот еще. Я споткнулась впопыхах, и корзинка с цветами упала у меня из рук. (*Собирает рассыпанные цветы.*)

А н а с у й я возвращается.

А н а с у й я. Милая, он весь горит от гнева. Кто сможет укротить его? Я только умягчила его немножко.

П р и а м в а д а. И это уже очень хорошо для него. Расскажи мне, как было.

А н а с у й я. Когда он не захотел вернуться, я упала к его ногам и стала умолять его. «Святой владыка,— сказала я,— вспомни прежнюю ее благоговейность и прости это прегрешение. Дочь твоя не узнала сегодня великую и святую твою власть».

П р и а м в а д а. И потом?

А н а с у й я. Тогда он сказал: «Слова мои должны исполниться. Но проклятие утратит свою силу, когда любящий увидит талисман, данный им на память» ⁶⁹. И он исчез.

П р и а м в а д а. Ну, мы можем теперь вздохнуть. Уходя, добрый царь надел Сакунтале на палец кольцо, где начертано его имя, чтобы она помнила его. Это ее спасет.

А н а с у й я. Идем, мы совершим за нее жертвоприношение.

Идут.

П р и а м в а д а (*смотря*). Вон она как раз, смотри, Анасуйя. Стоит и щекою на левую руку оперлась⁷⁰. Вся как на картине. Она думает о нем. Как могла бы заметить она гостя, когда забыла себя?

А н а с у й я. Приамвада, не будем говорить об этом, пусть между нами это останется. Нам нужно беречь ее. Ты знаешь, какая она хрупкая.

П р и а м в а д а. Придет ли кому в голову горячей водой поливать жасмин?

Обе уходят⁷¹.

Раннее утро. Входит ученик Канвы,
только что проснувшийся.

У ч е н и к. Отец Канва вернулся из паломничества и велел мне узнать, сколько сейчас времени. Выйду на открытый воздух и посмотрю, сколько еще осталось ночи. (*Уходит и осматривается.*) А! Занимается заря.

Уж Месяц, владыка целебных растений,
Ушел за вершину Закатной горы,
И солнечный круг на востоке восходит,
Восходят, заходят два ока небес⁷².

И еще:

С ушедшей Луною закрылись нимфеи,
Лишь память осталась от их красоты,
Ах, тяжело любить, если девушка любит,
А тот, кто любим ей, далеко ушел.

И еще:

Росинки на ягодах медлят, сверкая,
Павлин пробудился и с кровли ушел,
И близ алтаря поднимаются лани,
Поспали и снова приветствуют жизнь.

И еще:

Луна, что касалась вершин высочайших
И тьму разрежала в середине небес,
Ниспала, упала, лишилась сиянья.
Была в высоте и к низинам ушла.

А н а с у й я (*входит поспешно. К самой себе*). Это вот и случается с невинным. Царь обошелся с Сакунталой бесстыдно.

Ученик. Пойду скажу отцу Канве, что пришел час утренней жертвы.

Анасуя. Занялась заря. Я проснулась светлая, проснулась рано. Но что буду я делать теперь, проснувшись? Ноги меня не слушаются, и обычное дело валится из рук. Так вот бывает, когда любят⁷³. Милая девушка, с чистым сердцем, доверилась ему, изменнику. Впрочем, нет, это не вина доброго царя, это — проклятие Дурваса. А то как бы мог добрый царь говорить так красиво и потом за все это время не прислать даже весточки? *(Размышляет.)* Да, нужно будет послать ему кольцо, которое он оставил на память. Но кого мы об этом можем попросить? В отшельниках мало сочувствия⁷⁴, они не страдали. И вот хоть мне кажется, хоть я уверена, что нас осуждать здесь не за что, мы не решаемся сказать отцу Канве, что Сакунтала вступила в супружество с Душмантой и ожидает ребенка. Что же нам делать теперь?

Входит Приамада.

Приамада. Идем, Анасуя, идем. Нужно собирать Сакунталу в дорогу.

Анасуя *(удивленная)*. Что ты хочешь сказать, милая?

Приамада. Слушай. Я как раз пошла к Сакунтале спросить, хорошо ли она спала.

Анасуя. Ну?

Приамада. Она закрывала лицо руками от стыда, а отец Канва обнимал и ободрял ее. «Дитя мое, — сказал он, — я несу тебе добрую весть. Жертвенное приношение упало прямо в священный огонь, и дым благого предзнаменования поднялся к приносившему жертву. Заботы мои о тебе и тревоги были как наука, преподанная доброму ученику: они не принесли мне никакого сожаления. В этот самый день, сегодня, я дам тебе в провожатые отшельников и пошлю тебя к твоему супругу».

Анасуя. Но, милая, кто же сказал об этом отцу Канве?

Приамада. Голос с неба произнес стих, когда он вошел в святилище Огня.

Анасуя *(удивленная)*. Что он сказал?

Приамада. Слушай.

Браман, узнай, что Сакунтала — точно мимоза,
Пламенем полная тайным, что вспыхнуть должно.

Царь прикоснулся лучом к ней живого касанья,
Миру на благо означится тайный огонь ⁷⁵.

А н а с у й я (*обнимая Приамваду*). Ах, я так рада, так рада, милая. Но мне и грустно также в моей радости, когда подумаю, что сегодня же мы лишимся Сакунталы.

П р и а м в а д а. Нам нужно прятать теперь нашу грусть, как только можем. Сакунтале нужно быть счастливой сегодня.

А н а с у й я. Вот тут на манговом дереве висит на ветке корзиночка из кокосового ореха. Я цветочной пыльцы положила туда. Она свежая. Ты завернешь ее в лист лотоса, я дам тебе также для священного обряда ⁷⁶ желтого порошка и землицы со святого места и листьев от птичьего проса — все на счастье.

Приамвада делает это. Анасуйя уходит.

Г о л о с з а с ц е н о й. Гаутами, попроси достойного Сарнгараву и Сарадвату приготовиться сопровождать мою дочь Сакунталу.

П р и а м в а д а (*прислушиваясь*). Скорей, Анасуйя, скорее. Они зовут отшельников, которые идут в Гастинапуру ⁷⁷.

Входит А н а с у й я с разными вещами для священного обряда.

А н а с у й я. Идем, милая, спешим.

Идут.

П р и а м в а д а (*смотря вперед*). Вон Сакунтала. С восходом солнца она искупалась, как должно, и отшельницы дают ей в знак приветствия рисовые лепешки и желают счастья. Пойдем к ней.

Обе идут. Входит С а к у н т а л а с теми, кто окружает ее, как описано, и Г а у т а м и.

С а к у н т а л а. Святые жены, я приветствую вас.
Г а у т а м и. Дитя мое, прими счастливое поименование царицы, в нем знак, что супруг твой чтит тебя.
О т ш е л ь н и ц ы. Милая, да будешь ты матерью героя.

Две подруги (*приближаясь*). Хорошо ли искупалась, милая?

Сакунтала. Доброе утро, девушки. Присядьте.

Две подруги (*сядась*). Стой теперь прямо, мы совершим счастливый обряд.

Сакунтала. Это часто случалось, но сегодня я вдвойне благодарна. Будут ли когда еще подруги мои украшать меня? (*Плачет.*)

Две подруги. Не нужно плакать, милая, в эти счастливые мгновения. (*Вытирают слезы и украшают ее.*)

Приамвада. Ты так красива, лучших нужно было бы тебе украшений. Это прямо обидно давать тебе эти прикрасы Пустыни.

Входит Гарита, юноша с украшениями.

Гарита. Вот украшения для нашей госпожи.

Женщины смотрят на него с удивлением.

Гаутами. Гарита, сын мой ⁷⁸, откуда эти вещи?

Гарита. Священную силой отца Канвы.

Гаутами. Создание его мысли? ⁷⁹

Гарита. Не вполне. Слушайте. Отец Канва послал нас нарвать цветов с деревьев для Сакунталы, и вдруг:

На дереве одном, как лунный белый плод,
Висело шелковое свадебное платье,
С другого красная сочилась камедь,
Которой пальцы ног охотно красят девы,
И руки виделись невидимых существ,
Подобные ветвям деревьев цветущих нежно,
Все драгоценности они давали нам,
Каких бы только мы от них ни пожелали.

Приамвада (*смотря на Сакунталу*). Пчела родиться может в дупле древесном, но любит она мед, собираемый с лотоса.

Гаутами. Эта изысканная милость незримых существ есть знак, что ты царски будешь счастлива во дворце у твоего супруга.

Сакунтала выказывает смущение.

Г а р и т а. Отец Канва пошел на берег Малини совершить омовение. Пойду скажу ему о милости, оказанной нам деревьями. *(Уходит.)*

А н а с у й я. Милая, мы, бедные девушки, никогда и не видывали подобных украшений. Как нам украсить ими тебя? *(Она думает и смотрит на украшения.)* Но мы видали картины. Быть может, мы сумеем надеть их на тебя как следует.

С а к у н т а л а. Я знаю, вы умные.

Две подружки украшают ее.
Входит К а н в а, окончив омовение.

К а н в а

Сакунтала сегодня в путь уходит,
С ней расстанусь, и грусть во мне встает,
Как только я подумаю об этом,
Я вдаль смотрю, и взор мой полон слез.
Меня любовь и жалит и терзает.
Хоть я живу, не ведая жены,
Не ведая детей, отшельник мирный,—
Так как же должен чувствовать отец,
Что с дочерью своей расстаться должен?

(Ходит взад и вперед.)

Две подружки. Вот, Сакунтала, мы украсили тебя. Надень теперь это красивое шелковое платье.

Сакунтала встает и надевает его.

Г а у т а м и. Дитя мое, тут отец твой. Глазами своими он прощально обнимает тебя, и глаза его полны слез радости. Приветь его хорошенько.

Сакунтала стыдливо приветствует его, кланяясь.

К а н в а. Дитя мое,—

Как Сармишта, супруга Яйяти⁸⁰,
Добродетелью меряй любовь
И роди нам царевича-сына,
Чтобы правил он целой Землей.

Г а у т а м и. Дитя мое, это не мольба, а благословение.

К а н в а. Дочь моя, обойди теперь кругом, слева направо, Огонь, в который только что брошено жертвоприношение.

Все обходят Огонь ⁸¹.

Огонь горит на очаге,
Огонь восходит с алтаря,
Горит священная трава,
Огонь взбегает к небесам.
Как жертва съедена Огнем,
Светло пылающим Огнем,
Так тени были,— где оне?
Исчезли в пламенном Огне.
Прими, все темное гоня,
Благословение Огня.

Сакунтала обходит огонь слева направо.

Теперь можно и в путь, дочь. (*Осматривается кругом.*)
Где же Сарнгарава и Сарадвата?

Входят два ученика.

Два ученика. Мы здесь, отец.

К а н в а. Сарнгарава, сын мой, води сестру свою.

С а р н г а р а в а. Идем.

Все идут.

К а н в а. Деревья рощи благоговейной, где живут существа незримые ⁸²,

Услышьте голос мой, она уходит,
Она, что не решалась испить,
Пока не напоит вас свежей влагой,
Она, что, украшения любя,
Цветов с ветвей зеленых не срывала,
И каждой почке радовалась здесь,
И праздником ей был цветок здесь каждый,
Сакунтала идет к супругу в дом;
Благословите путь ее далекий
И ласковое молвите «прощай».

Раздается крик кукушки.

С а р н г а р а в а
(прислушиваясь)

Деревья слышали слово твое,
Как братья родные ответили,
И птица лесная, прощаясь с сестрой,
Протяжно кукует Сакунтале.

Н е з р и м ы е с у щ е с т в а

Пусть взор твой с цветами лилейными нежно встречается,
Пусть тень от деревьев смягчает полуденный зной,
Дорожная пыль пусть в цветочную пыль превращается,
И мир и веселье в пути да пребудут с тобой.

Все слушают с изумлением.

Г а у т а м и. Дитя мое, незримые существа священной рощи прощаются с тобой. Они любят родных своих. Преклонись перед священными.

С а к у н т а л а (*преклоняется. В сторону, к Приамваде*). Приамвада, мне очень хочется увидеть супруга, и все же ноги мои не хотят идти. Трудно, трудно оставить обитель.

П р и а м в а д а. Не только тебе грустно при этом расставанье, милая. Смотри, вся роща чувствует разлуку.

Лани роняют траву изо рта, не глотая,
Пляску не хочет продолжить павлин,
Желтые листья व्यюнок уронил, извиваясь,
Листья, как слезы, упали, грустя о тебе.

С а к у н т а л а (*что-то вспомнив*). Отец, я должна проститься с любимой моей сестрой среди лиан и цветов, с Лунным Светом Лесным.

К а н в а. Я знаю, как ты любишь эту лесную сестру свою. Вот она как раз направо от тебя.

С а к у н т а л а (*приближаясь к жасмину и обнимая растение*). Сестра лесная, Лунный Свет Лесной, обними меня и ты руками своими, этими ветвями. Я завтра уже буду далеко от тебя. Отец, заботься о ней, как ты заботился обо мне.

К а н в а

Еще недавно, дочь моя,
Я был в заботе о тебе,
Но вот ты милого нашла,
Вполне достойного тебя.

Так с древом манговым та ветвь
В лесной вступила нежный брак,
Я от забот освобожден,
Но буду думать я о вас.

А теперь в путь.

С а к у н т а л а (*подходя к двум подругам*). Милые девушки, и вы тоже заботьтесь об этой сестре моей.

Д в е п о д р у г и. А кто же будет заботиться о нас, бедных? (*Заливаются слезами.*)

К а н в а. Анасуйя, Приамвада! Не плачьте! Это вы должны утешать Сакунталу.

Все идут.

С а к у н т а л а. Отец, тут есть одна лань, у которой должен родиться скоро маленький. Когда она будет счастливой матерью, смотри, непременно пошли мне кого-нибудь с этой вестью. Не забудь.

К а н в а. Не забуду, дитя мое.

С а к у н т а л а (*спотыкаясь*). О! о! Кто это держит мне платье и не пускает меня? (*Оборачивается, чтобы посмотреть.*)

К а н в а

Это лань, что когда-то обрезала губы

Острой осоки листом ⁸³,

Ты ее исцелила смягчающим маслом,

Ты из рук ей давала пшена ⁸⁴,

И она, полюбивши тебя благодарно,

Уж не хочет тебя отпускать.

С а к у н т а л а. Милая, зачем ты идешь за мной, когда я ухожу из дому? Твоя мать умерла, когда ты родилась, и я тебя вырастила. Теперь я тебя оставляю, и отец Канва о тебе позаботится. Иди назад. Иди назад. (*Отходит, плача.*)

К а н в а. Не плачь, дитя мое. Смелее. Смотри на дорогу, что перед тобой.

Сдержи накопление слез,

Они затумят глаза твои,

На длинных ресницах дрожа,—

Споткнешься, дорога неровная.

С а р н г а р а в а. Святой отец, Писание ⁸⁵ учит нас, что мы должны провожать уходящего любимого только

до первой воды. Прошу, дай нам свои поручения на берегу этого прудка и потом вернись домой.

К а н в а. Так помедлим в тени этой смоковницы.

Все останавливаются.

Что поручить мне передать нашему царю Душианте?
(Размышляет.)

А н а с у й я. Милая, нет ни одного живого существа во всей нашей роще, которое не печалилось бы, прощаясь с тобой. Взгляни:

Цесарка забыла о милом дружке,

Напрасно ее он зовет.

За лотосом прячась, он грустно кричит:

«Услышь, я тоскую, услышь».

К а н в а. Сарнгарава, сын мой, когда предстанет Сакунтала перед царем, передай ему от меня следующее:

Прими во внимание, что наше богатство

Теперь в отречение одном.

Что доблестный род твой всегда был высоким,

Что эта любовь не от нас.

Прими же ее между жен, что ты любишь,

Почти, как других ты почтил,

Что больше, то будет судьбы повеленье,

Бессильны мы здесь предрешать.

С а р н г а р а в а. Я не забуду слов твоих, отец.

К а н в а (обращаясь к Сакунтале). Дитя мое, теперь я дам совет мой. Хотя я в лесу живу, я немного знаю мир.

С а р н г а р а в а. Истинная мудрость, отец, дает взглянуть во все.

К а н в а. Дитя мое, когда ты вступишь в дом твоего супруга,—

Слушайся старших своих, что душой руководят,

К женам другим благовольной и ласковой будь,

Гневной с супругом не будь и не будь с ним упрямой,

Если бы даже обидел тебя чем-нибудь,

С слугами вежливой будь, как ты только умеешь,

Не заносись в своем счастье, в свой день не гордись,

Девушка может так стать благородной супругой,

А своевольная — бремя и скорбь для семьи.

Или что об этом молвит Гаутами?

Гау та ми. Это мудрый совет для новобрачной.
(К Сакунтале.) Не забудь его, дитя мое.

Ка н в а. Подойди обними меня, дочь моя, и обними подруг своих.

Са к у н т а л а. Ах, отец! Мои подруги тоже должны вернуться домой?

Ка н в а. Дочь моя, они тоже однажды выйдут замуж. Они не могут поэтому идти с тобой к царскому двору. С тобой пойдет Гаутами.

Са к у н т а л а (охватывая руками своего отца). Оторвала меня от отцовской груди, как лозу от санталового дерева на Малабарских холмах. Как быть мне, как жить мне в чужой земле? (Плачет.)

Ка н в а. Что ты туманишься так, дочь моя?

Раз будешь ты ценимою супругой
Близ доблестного мужа своего
И, каждый миг обязанности помня,
Достоиную окажешься женой,
И вскоре чрез тебя дитя возникнет,
Как на востоке Солнце в ранний час,—
Не вспомнишь ты иль вступишь только в малость
Ту давнюю разлучную печаль.

Са к у н т а л а (падая к ногам отца). Прощай, отец!

Ка н в а. Да придет к тебе, дочь моя, все, что я тебе желаю.

Са к у н т а л а (подходя к двум подругам). Обнимите меня, подружки, обе вместе.

Д в е п о д р у г и (обнимают ее). Милая, если добрый царь вдруг да не сразу признает тебя, ты покажи ему это кольцо, на котором вырезано собственное его имя.

Са к у н т а л а. Вы говорите, и сердце у меня начинает биться.

Д в е п о д р у г и. Не бойся, милая. Любовь недоверчива.

Са р н г а р а в а (осматриваясь). Отец, Солнце уже достигло середины неба. Ей нужно спешить.

Са к у н т а л а (обнимая Канву еще раз). Отец, когда я увижу опять благоговейную рошу?

Ка н в а. Дочь моя,—

Ряд долгих лет ты в мыслях у царя
Царицей будешь наравне с Землею,
И сын-герой, твой сын и Душианты,

С избранницею вступит в светлый брак
И примет от отца тяготы власти,—
Тогда с царем придешь ты в эту рощу,
В немую Пустынь, где молчит гроза.

Гау та ми. Дитя мое, уходит время, нужно тебе отбыть. Скажи отцу, чтоб он вернулся. Но нет, она никогда этого не скажет. Прошу, владыка, вернись домой.

Ка н в а. Дитя, ты нарушаешь мои обязанности в благородственной роще.

Са к у н т а л а. Да, отец. Не томись обо мне. Ты и так истомляешься всем служением своим. Но я о тебе буду томиться.

Ка н в а. Как не томиться (*вздыхает*).

Ты риса зерна рассыпала
Пред дверью здесь ⁸⁶.
Зазеленеют приношенья,
Как стебли трав,
И вспомяну тебя, родная,
Здесь в тишине.

Иди. И светлый мир да идет с тобою.

Сакунтала уходит с Гаутами, Сарнгаравой и Сарадватой.

Д в е п о д р у г и (*смотря ей вслед. Печально*). А-а! Уж Сакунталы не видно среди деревьев.

Ка н в а. Анасуйя! Приамвада! Подруга ваша ушла. Сдержите печаль свою и идите за мной.

Д в е п о д р у г и (*начинают возвращаться*). Отец, роща кажется такой пустой без Сакунталы.

Ка н в а. Такие мысли — от любви. (*Идет, погруженный в размышления*.) Ну вот, я отослал Сакунталу в дом к супругу. И снова я стал самим собой. Так и должно быть.

Девушка — это чужое сокровище,
Нежным рукам я его отдаю,
Мужу отдав, что ему надлежало здесь,
Чувствую в сердце опять тишину,
Небо священный залог даровало мне,
Я его честно теперь возвратил.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Выходит царедворец ⁸⁷.

Царедворец (*вздыхая*). Увы! Увы! До чего дошел я!

Когда камышовой тростью
Играл и помахивал я,
Была она в женских покоях,
В дворцовых, отличьем моим,
Но ноги мои ослабели,
И ныне она как костыль.

Царь во дворце. Я должен доложить ему о неотложном деле, требующем его внимания. (*Делает несколько шагов.*) Но в чем дело? (*Припоминает.*) Да, вспомнил. Некие отшельники, ученики Канвы, желают видеть его величество. Странно, странно.

Ум сердца — как лампада,
Где масла уж немного,
Одну минуту вспыхнет,
А там совсем темно.

(*Ходит взад и вперед и осматривается.*) Вот государь.

Пока отеческой заботой
Он подданных не наградит,
Неутомим в своем вниманье,
Не ищет отдыха себе.
Так мощный слон, пока все стадо
Не приютит в густой тени,
Как бы не избегает Солнца,
Идя бестрепетно вперед.

По правде сказать, я не решаюсь сообщить царю о прибытии учеников Канвы. Он только что покинул трон правосудия. Но цари никогда не устают.

Ведь Солнце огненных коней ⁸⁸
Не отпрягает никогда,
И ветер, запах трав неся,
Он веет ночью, веет днем,

И в безднах, царь могучих сил,
Тысячеглазый Сеша-змей,
Возносит Землю к высоте,
И все не падает Земля.
(Ходит взад и вперед.)

Входят царь, шут и свита.

Царь (выказывает озабоченность). Каждый человек счастлив, когда он выполняет свое желание, — только не царь. Его затруднения возрастают с его властью.

Достигнешь владений — убьешь честолюбье,
И вместо стремленья — лишь сонмы забот,
Достоинство царское — зонтик от Солнца ⁸⁹,
Ты держишь — и лишь утомилась рука.

Два придворных поэта (за сценой). Победа властителю!

Первый поэт

Мир охраняя каждый день,
Его ты бережешь собой,
Так дерево роняет тень,
Приют скитальцу в жаркий зной,
И солнце жжет, но отдых — тут,
И люди отдыхать придут.

Второй поэт

Бежит от царского жезла
Бесчинно мыслящий порок,
Ты защищаешь всех от зла,
И бескорыстно ты высок,
Богатых друг и бедняков,
Ты всем равно помочь готов.

(Слушая.) Странно. Я был утомлен своими обязанностями, но эти слова возродили мой дух.

Шут. Разве бык забывает, что он устал, когда мы называем его предводителем стада?

Царь (улыбаясь). Ну хорошо, сядем.

Садятся, свита располагается в порядке.
За сценою слышится лютня.

Шут (слушая). Послушай-ка, приятель, что там происходит, где музыка. Кто-то играет на лютне, да и превосходно. Полагаю, что это владычица Гансавати ⁹⁰ играет.

Царь. Помолчи, я хочу слушать.

Царедворец (*смотрит на царя*). О, царь занят. Я должен подождать. (*Стоит в стороне.*)

Песня за сценой

Медолюбивая пчела,
Цветок ты целовала манго,
Ты ранним летом отдала
Тому цветку всю нежность страсти.
Так как же может для тебя
Быть искушением белый лотос?
И, этот свежий мед любя,
Ты вправду чувствуешь блаженство?

Царь. Что за песня? Она ворожит.

Шут. Ты, человеке, что ж, не понимаешь слов человеческих?

Царь (*улыбаясь*). Царице Гансавати я раньше предавался. Упрек исходит от нее. Друг Мадгавия, поди скажи от моего имени царице Гансавати, что упрек ее нежно-изящен.

Шут. Слушаю, повелитель. (*Встает.*) Но, знаешь что, человеке добрый, тебе, кажется, нравится чужими руками медведя из берлоги тащить? У меня сейчас столько же благих вероятий спастись, как у подвижника, который не забыл свои страсти.

Царь. Иди. Умягчи ее — как подобает человеку благородному.

Шут. Как видно, приходится. (*Уходит.*)

Царь (*к самому себе*). Почему так внимание мое приковалось к этой песне? Ведь я ж не разлучен с любимой. И однако:

Увидев то, что восхищает,
Услышав музыку вдали,
Мы ощущаем грусть невольно,
Припоминает смутно дух
То сладко-радостно-родное,
Что было с нами до Земли⁹¹,
Как мы любили до рожденья,
Как были счастливы не здесь.

(*Выказывает зачарованную внимательность, что исходит от вещей, вспоминаемых с трудом.*)

Царедворец (*приближаясь*). Победа тебе, государь. Здесь вот некие отшельники пришли, что живут

в лесу у подножия Гималаев. Они пришли с женщинами и принесли тебе весть от Канвы. Что будет тебе благо-
угодно решить о них?

Ц а р ь (*удивленный*). Отшельники? С женщинами?
От Канвы?

Ц а р е д в о р е ц. Да.

Ц а р ь. Попроси от моего имени жреца моего Сомарату принять этих отшельников, как предписывает нам Священное писание, и пусть он сам приведет их ко мне. Я буду ждать их в месте, надлежащем для приема.

Ц а р е д в о р е ц. Слушаю, государь. (*Уходит.*)

Ц а р ь (*вставая*). Ветравати, проводи меня к святилищу Огня.

П р и в р а т н и ц а. Иди за мною, государь. (*Она идет.*) Вот, повелитель, взойди на священный выступ, тебя ждет святилище Огня. Оно красиво, чисто, только что выметено, и корова, дающая молоко для жертвы, тут рядом. Прошу тебя.

Ц а р ь (*стоит, опершись о плечо одного из свиты*). Ветравати, с какою мыслью отец Канва прислал этих отшельников ко мне?

Препятствия для жертвоприношений,
Быть может, злая воля создала?
И, предвозвестий полные вначале,
Они не нарушаются ль опять?
Иль кто обидел тех животных мирных,
Что в этой роще набожной живут?
Или растения не дают расцвета,
Веля мне оглянуться на себя?
Сомнений я исполнен и вопросов,
Не нахожу ответа и смущен.

П р и в р а т н и ц а. Как могло бы случиться подобное в обители, что находится под сенью царской твоей длани? Нет, как я полагаю, они пришли с данью к царю своему и приходят приветствовать его в благочестивом его правлении.

Входит домашний жрец царя и царедворец, ведя двух учеников Канвы, с Гаутами и Сакунталой.

Ц а р е д в о р е ц. Прошу вас, идите за мной.
С а р н г а р а в а. Друг Сарадвата,

Здесь все горит от суетного блеска,
Но царь благой средь дней мирских
Дорогой правосудия проходит,
Не отступая от добра,—
Я все же так привык к уединенью,
Что, видя эту пышность всю,
Как будто вижу пламени пожара,
Огнем и дымом полный дом.

С а р а д в а т а. Твое чувство, Сарнгарава, при входе
в город совершенно справедливое. Что до меня,—

Уйдя от мира и мирского,
На них на всех я так смотрю,
Как тот, кто только искупался,
На тех, кто в масле и грязи,
Как чистый смотрит на нечистых,
Как умудренный на слепых,
Как тот, кто бодрствует, на сонных
И как свободный на рабов.

Ж р е ц. Потому так и велики люди, подобные нам.
С а к у н т а л а (*замечая злое предзнаменование*).
О, почему дергается правый мой глаз?⁹²

Г а у т а м и. Да отвратит небо дурной знак, дитя мое.
Счастье да будет с тобою.

Они идут вперед.

Ж р е ц (*указывая на царя*). Вот, отшельники, тот,
кто покровительствует всем из каждого состояния и
всякого возраста. Он уже встал и ждет вас. Смотрите
на него.

С а р н г а р а в а. Здесь все превосходно, но ничего
удивительного! Ибо:

Если ветви в плодах — наклоняются ветви к земле,
Облака опускаются книзу, водой наполняясь,
И смиренны благие постольку, поскольку богаты,
Первобытная сущность в том всех, кто полезен
другим.

П р и в р а т н и ц а. Высокий повелитель, отшель-
ники, кажется, вполне счастливы. Они смотрят на тебя
ласково.

Ц а р ь (*пристально смотря на Сакунталу*). А!

Кто она, кто она, скрытая тканью,
Что затемняет ее красоту?
В этой одежде она — точно скрытый
Мертвыми листьями нежный цветок.

П р и в р а т н и ц а. Она достойна того, чтобы смотреть на нее, владыка.

Ц а р ь. Довольно. Я не должен смотреть на жену другого.

С а к у н т а л а (*прижимая руку к груди. В сторону*). О сердце мое, зачем так трепещешь ты? Вспомни постоянство любви его и будь смелее.

Ж р е ц (*выступая вперед*). Привет тебе, государь. Отшельники были встречены, как повелевает нам Писание. Они приходят с вестью от своего учителя. Да благогоудно тебе будет выслушать ее.

Ц а р ь (*почтительно*). Я слушаю.

Д в а у ч е н и к а (*поднимая правую руку*). Победа тебе, о царь.

Ц а р ь (*низко кланяясь*). Приветствую вас всех.

Д в а о т ш е л ь н и к а. Всесветлый привет тебе.

Ц а р ь. Совершается ли благочестивое ваше служение беспрепятственно?

Д в а у ч е н и к а

Какие могут быть препятствия,

Когда защита ты благим?

Как может сила тьмы осмелиться,

Коль Солнце светит в высоте?

Ц а р ь (*к самому себе*). Поистине, царское мое имя не пустой звук. (*Громко.*) В добром ли здравии пребывает святой Канва?

С а р н г а р а в а. О царь, те, которые имеют молитвенную власть, могут повелевать здоровью. Он спрашивает тебя, как преуспеваешь ты, и посылает тебе весть.

Ц а р ь. В чем его повеление?

С а р н г а р а в а. Он говорит: «Так как ты встретил эту дочь мою и вступил с нею в супружество, я даю тебе радостное свое согласие. Потому что —

Из достойных людей ты достойнейший

И Сакунтала есть воплощение

Дел и мыслей благих,

Сочетались верховною волею

Муж благой с благородной супругою,

Благодатен союз.

Она ожидает рождения дитяти. Возьми ее и живи с нею в светлом благочинии».

Г а у т а м и. Да придет к тебе благословение, властитель. Хотелось бы мне что-нибудь сказать, да не спрашивают меня.

Ц а р ь. Говори, мать.

Г а у т а м и

Ни отцу ничего не сказал и ни матери,
И с родными ее ты беседы не вел,
Вы друг с другом беседу вели, как вы знаете,
Будьте ж верны друг другу теперь.

Ц а р ь *(слушая с тревожной подозрительностью)*.
Что означает эта выдумка?

С а к у н т а л а *(к самой себе)*. О, о! Какая надменность и какая клевета!

С а р н г а р а в а. «Что означает эта выдумка?» Что означает этот вопрос? Ты, конечно, хорошо знаешь, как все происходит в мире.

Так как мир заподозрит замужнюю женщину,
Если в доме родных она только живет,
В дом к супругу родные должны отослать ее,
Если даже он больше не любит ее.

Ц а р ь. И эта молодая женщина будто бы моя жена?
С а к у н т а л а *(печально, к самой себе)*. О сердце мое, ты боялось этого, и вот это пришло.

С а р н г а р а в а. О царь,—

Быть царем — и раскаться в том, что соделано,
Полюбить — и скорее бежать от любви?

Ц а р ь. Что означает это чудовищное обвинение?

С а р н г а р а в а
(яростно)

О да, такие перемены не редкость в том,
Кто, властью упиваясь дерзко, как пьян вином.

Ц а р ь. Этот жалящий упрек несправедлив.

Г а у т а м и *(к Сакунтале)*. Забудь стыд на минутку, дитя мое. Я содвину твое покрывало. Супруг твой узнает тебя тогда. *(Делает это.)*

Ц а р ь

(внимательно смотря на Сакунталу. К самому себе)

Сердце глядит и глядит на нее,
Видит ее красоту пред собой,
Мыслью стараюсь я вспомнить ее,
Мог ли, не мог ли я мужем быть ей,—
Ранняя так прилетает пчела,
Хочет к жасмину прильнуть на заре,
Влагой студеной покрыты цветы,
Вьется бессильно пчела над цветком.

П р и в р а т н и ц а (к самой себе). Какой он добродетельный, наш царь. Стал ли бы другой кто колебаться, если такая жемчужина сама приходит к нему?

С а р н г а р а в а. Тебе нечего сказать, царь?

Ц а р ь. Отшельник, я думал и продумал. Я не могу поверить, чтобы эта женщина была моей женой. Она ожидает рождения ребенка. Как могу я взять ее, признавая себя этим за прелюбодея? ⁹³

С а к у н т а л а (к самой себе). О, о, о! Он даже бросает тень подозрения на самое супружество наше. Как высоко вознеслась лоза моей надежды — и вот сломалась.

С а р н г а р а в а. Значит, нет,—

Тебе простил отшельник тот позор,
Что к дочери его ты прикоснулся,
И то, что вору честь он возвратил,
Награбленное принося в подарок,
Ты даже это обращаешь в грязь,
Позор другим позором умножая?

С а р а д в а т а. Довольно, Сарнгарава. Сакунтала, что мы посланы сказать, мы сказали. Ты слышала слова владыки. Ответь ему ты теперь.

С а к у н т а л а (к самой себе). Он так меня любил. Он так изменился. Зачем напоминать ему о себе? Ах, но мне нужно себя оправдать! Что же делать, попытаюсь. (Громко.) Дорогой супруг мой! (Останавливается.) Нет, он сомневается, чтобы я имела право так называть его. Высокий повелитель, чистая любовь раскрыла мое бедное сердце перед тобой в Пустыни. Ты был добр ко мне и дал мне свое обещание. Справедливо ли это, что ты теперь так говоришь со мной и отвергаешь меня?

Ц а р ь (затыкая уши). Довольно, довольно.

Зачем ты хочешь мой род унижить

И имя запятнать мое?

Или поток ты, что берег роет,
И воду светлую мутит,
И подрывает деревьев корни,
Что возросли на берегу?

С а к у н т а л а. Хорошо. Если ты так поступаешь, потому что действительно боишься прикоснуться к чужой жене, я устранил твои сомнения, я покажу тебе талисман, который ты сам мне дал на память.

Ц а р ь. Великолепная мысль.

С а к у н т а л а (*ощупывая свой палец*). О, о! Кольцо... Я потеряла его. (*Смотрит скорбно на Гаутами.*)

Г а у т а м и. Дитя мое, ты молилась святому Гангу в том месте, где сходил Индра. Ты там, должно быть, и потеряла кольцо.

Ц а р ь. Хорошая выдумка, прекрасная.

С а к у н т а л а. Судьба слишком жестока со мной. Я скажу тебе что-нибудь другое.

Ц а р ь. Да услышу я, что ты имеешь сказать.

С а к у н т а л а. Это было, когда лань ко мне подошла молодая, приемное детище мое⁹⁴. Ты пожалел ее и приласкал. «Дай ей испить сперва», — сказал ты. Но лань не знала тебя и не хотела пить воду из твоих рук. А когда я протянула ту же воду, она испила. Тогда ты засмеялся и сказал: «Это вот так. Каждый своему верит. Вы, обе, — лесные».

Ц а р ь. Как раз таковы женщины — своекорыстные, вкрадчивые, обманные, только чтоб глупцов заманить.

Г а у т а м и. Ты не имеешь права так говорить. Она выросла в благоговейной роще. Она не умеет обманывать.

Ц а р ь. Престарелая отшельница, —

Женщины вместе с обманом рождаются.

Это заметим мы даже в зверях,

В женщинах, полных корысти, подавно.

Так знаменита кукушка меж птиц:

Яйца подкинув другим, улетает.

С а к у н т а л а (*с гневом*). Недостойный! Ты судишь обо всем по собственному неверному своему сердцу. Посмел ли бы кто-нибудь сделать то, что ты? Прятаться под личиной добродетели, как зияющий колодец, прикрытый сверху травой.

Ц а р ь (*к самому себе*). Гнев ее искренний, она выросла в лесу. Вот:

Смотрит прямо, гнев краснеет пламенем в глазах,
Речь ее чистосердечна в резкости своей,
И дрожат от гнева губы, точно бьет озноб,
И приподнятые брови выражают скорбь.

Нет, однако, она увидела, что я колеблюсь в нерешительности, и гнев ее притворство.

Когда с тяжелым сердцем
Признать 'я отказался
Любовную ту тайну,
Взор вспыхнул у нее,
И лук ее любовный
В руках ее согнулся,
В чрезмерном напряженье
Переломился лук.

(Громко.) Поведение Душианты, достойнейшая, известно всему царству, но не это деяние.

С а к у н т а л а. Хорошо, хорошо. К чему шла, к тому и пришла. Я поверила царю, я предалась в его руки. Мед был на языке у него, сердце его было из камня. (*Закрывает лицо свое краем одежды и плачет.*)

С а р н г а р а в а

Нужно медлить с любовью, и медлить вдвойне,
Выбирая товарища тайного;
Если сердца не знаешь того, с кем вдвоем,
За любовь увидишь ты ненависть.

Ц а р ь. Почему верите вы этой девушке и обвиняете меня в воображаемом преступлении?

С а р н г а р а в а (*презрительно*). Мудрость твоя вверх ногами опрокинулась:

Девушке верить, что сроду обмана не знала,
Есть безрассудство одно,
Мудро же верить тому, кто в обманах искусен,
Истинно так.

Ц а р ь. Ага, ты пророчествуешь. Ну, допустим, что я именно такой человек, как ты воображаешь. Что должно случиться со мной, если я обманул девушку?

С а р н г а р а в а. Гибель.

Ц а р ь. И отпрыск рода Пуру захотел бы своей гибели? Как это правдоподобно!

С а р н г а р а в а. К чему извилистые слова? Мы свер-

шили то, что повелел нам отец. Теперь мы вернемся назад.

Покинь ее или возьми,—
Она твоя жена,
Неограниченная власть
У мужа над женой.

Гаутами, идем.

Идут.

Гаутами (*оглядываясь на Сакунталу*). Сарнгарав, сын мой, Сакунтала идет за нами и горько плачет. Что будет делать бедный ребенок, если муж настолько низок, что отвергает ее?

Сарнгарав (*оборачиваясь, гневно*). Ты, своевольница! Ты дерзаешь выказывать независимость?

Сакунтала, вздрогнув, отступает в испуге.

Слушай же.

Если ты заслужила весь этот позор,
Что отцу с тобой делать, преступная?
Если ж совесть чиста твоя, знай и терпи,
В доме мужа и рабство ты вынесешь.

Останься здесь. А мы должны уйти.

Царь. Ты что ж, пустынный, обманываешь эту женщину? Да, обманываешь. Припомни:

Ночные цветы раскрываются Месяцу,
Дневные на Солнце глядят,
И тот, кто страстями владеет, захочет ли
Смотреть на чужую жену?

Сарнгарав. О царь, предположи, что ты забыл о прежних поступках своих среди развлечений. Что же, ты бросишь теперь жену свою — ты, боящийся уклониться от благого?

Царь. Я тебя спрошу, в чем более греха:

Я не знаю, сошел ли с ума я,
Или эта женщина лжет,—
Так жену ли законную бросить
Или стать любовником теперь?

Жрец (*размышляя*). Если все это так...

Царь. Разъясни мне, учитель мой.

Жрец. Пусть эта женщина остается в моем доме до того, как родится ребенок.

Царь. Почему?

Жрец. Мудрые звездочеты возвестили тебе, что первому твоему ребенку суждено быть властителем мира. Если у дочери отшельника родится сын с царскими приметами, тогда приветствуй ее и введи ее в свой дворец. Если нет, она должна вернуться к своему отцу.

Царь. Учитель, это добрый совет.

Жрец (вставая). Иди за мною, дочь моя.

Сакунтала. О мать-земля, раскройся и дай мне могилу. (Уходит, плача, с жрецом, отшельниками и Гаутами.)

Царь, память которого, как облаком, окутана проклятием,
размышляет о Сакунтале.

Голоса за сценой. Чудо! Чудо!

Царь (прислушиваясь). Что там случилось?

Входит жрец.

Жрец (изумленный). Высокий повелитель, нечто чудесное свершилось.

Царь. Что именно?

Жрец. Едва ученики Канвы отбыли,

Вскинула руки она, застонала,
Горький укор возгласила судьбе...

Царь. И потом?

Жрец

Не было грома, но в пламени молний,
В свете небесном сияющий лик
Возле пруда Небожительниц⁹⁵ вспыхнул,
Поднял ее и мгновенно исчез.

Все выражают изумление.

Царь. Учитель, мы уже установили взгляд на это. К чему размышлять нам еще? Предадимся отдыху.

Жрец. Победа тебе, государь. (Уходит.)

Царь. Ветравати, у меня голова кругом идет. Проводи меня в опочивальню.

Привратница. Прошу пожаловать, властитель.

Ц а р ь
(идя, к самому себе)

Я не могу отшельницу считать
Своей супругой, в памяти нет знака,
Но сердце грустно так поражено
И убедить меня в другом желает.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Улица перед дворцом.

Входят: начальник стражи⁹⁶, два стражника и человек, с руками, связанными за спиной.

Д в а с т р а ж н и к а (нанося удары человеку). Ну, знаток чужих карманов, говори, где ты нашел это кольцо. Это царское кольцо, на нем начертаны буквы, и в нем большой драгоценный камень.

Р ы б а к (выказывая страх). Помилосердствуйте, люди добрые. Не повинен я в таком грехе.

П е р в ы й с т р а ж н и к. Ну, конечно, нет. Царь, верно, подумал, что ты почтенный Браман, и сделал тебе подарок.

Р ы б а к. Выслушайте, сделайте милость. Я рыбак, около Ганга живу. В том самом месте, где Индра сходил⁹⁷.

В т о р о й с т р а ж н и к. Ты, воровское отродье, мы тебя разве о том спрашиваем, где ты живешь да что делаешь?

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и. Не мешай ему, Сучака. Пусть он все расскажет.

Д в а с т р а ж н и к а. Точно так. Говори, приятель, говори.

Р ы б а к. Я содержу семью свою такими, значит, вещами, которые ловятся,— рыба, значит,— сетью, ну и на удочку тоже, всячески.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и (смеясь). Тонкого свойства ремесло⁹⁸.

Р ы б а к. Не говори так, господин добрый,

Кто что имеет по наследству,

Он это должен сохранить,

У мясника лихое дело,

А Браман кроток ремеслом.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и. Ну ладно, дальше.

Р ы б а к. Вот, значит, выловил я раз карпа. Начал потрошить, а в брюхе у него это самое кольцо, перстень великолепный. Вот я его и продавал, а вы, господа добрые, тут как тут и заграбастали, значит, меня. Этим самым способом только и получил кольцо. А теперь хоть убейте, я не виноват.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и (*нюхая кольцо*). Кажется, тут дело чисто, Джанака. В рыбьем брюхе было это кольцо. Такой, знаешь, запашок от него. Теперь мы разузнаем, как он его добыл. Надо прямо идти во дворец.

Д в а с т р а ж н и к а (*к рыбаку*). Двигайся, двигайся, карманник. (*Идут.*)

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и. Сучака, вы здесь подождите, у главных ворот, пока я не выйду из дворца. И смотрите в оба.

Д в а с т р а ж н и к а. Иди, господин. Царь, надо думать, будет милостив к тебе.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и. Счастливо оставаться. (*Уходит.*)

С у ч а к а. Джанака, а начальник наш не торопится там.

Д ж а н а к а. Царя-то ведь не поторопишь запросто.

С у ч а к а. Джанака, чешутся у меня руки (*указывая на рыбака*) на месте положить этого карманника⁹⁹.

Р ы б а к. Без всякой причины зачем убивать человека?

Д ж а н а к а (*смотря вперед*). Вон начальник идет, и с бумагой от царя. (*К рыбаку.*) Ну, теперь или своих увидишь, или воронам и шакалам на корм пойдешь¹⁰⁰.

Входит начальник.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и. Живо! Живо! (*Замолкает на полуслове.*)

Р ы б а к. О, о! Порешенный я человек, значит. (*Выказывает уныние.*)

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и. Развяжите его вы. Свободен рыбный человек. Все в порядке насчет кольца. Царь сам мне это сказал.

С у ч а к а. Отлично, хорошо, господин. Был мертвый человек — и жив. (*Развязывает у рыбака руки.*)

Р ы б а к (*низко кланяясь начальнику стражи*). Владыка, жизнью тебе обязан. (*Падает к его ногам.*)

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и. Хорошо, хорошо. Вот в

награду посылает тебе царь, по доброте своей. Как раз столько стоит, сколько перстень. Возьми. (*Вручает рыбаку запястье.*)

Рыбак (*радостно беря запястье*). Покорнейше благодарю.

Джанака. Покорнейше нужно благодарить царя. Ведь прямо на виселице, можно сказать, был — и вот словно на слоне едет.

Сучака. Господин начальник, царь, надо думать, очень ценил это кольцо, а то бы не дал такой награды. Верно, камень в нем большой цены.

Начальник стражи. Нет, не то, что камень тут ценный, любо было царю. Другое тут дело.

Два стражника. А что ж?

Начальник стражи. Как глянул он на кольцо, кого-то царь, верно, припомнил, кого он любит. Как увидел его, так слезами и залился. А вы знаете, это на него не похоже.

Сучака. Хорошую службу ты сослужил царю, господин.

Джанака. И все из-за этого убийцы рыб, как видится. (*С завистью смотрит на рыбака.*)

Рыбак. Берите половину, люди добрые, чтобы было на что выпить.

Джанака. Ну, рыбак, ты самый что ни на есть разлюбезный мне друг и приятель. Первое дело теперь пойдем туда, где выпить можно. Припечатаем дельце.

Все уходят.

Дворцовый сад. Появляется **Мишракеши**, пролетая в воздухе.

Мишракеши. Мой черед был служить небесным девам¹⁰¹. А теперь посмотрю, что тут делает добрый царь. Сакунтала почти такая, как и я, ведь она дочь Менаки. И это Менака просила меня о ней осведомиться. (*Осматривается.*) Что же это значит? Сегодня праздник Весны, а я не вижу здесь никаких приготовлений к нему. Я могла бы узнать причину этого силой моего прозрения. Но я сделаю так, как просила меня моя подруга. Хорошо. Сделаюсь невидимкой и стану рядом с девушками, что здесь в саду. Так все и разузнаю. (*Сходит на землю.*)

Входит **девушка**, смотрит на манговую ветвь, за нею следом идет **другая**.

Первая девушка

Первая ветка цветистого манго
Светит, как вестник весны,
Красно-зеленый расцвет благодати,
Счастье мне наколдуй.

Вторая девушка. Что ты там щебечешь про себя, кукушечка? ¹⁰²

Первая девушка. Ах, пчелка, ты знаешь ведь: если кукушка увидит, что манго цветет, у ней головка от радости кружится.

Вторая девушка (*радостно*). Ах, неужели же вправду весна пришла?

Первая девушка. Пришла, пчелка. Как раз время и тебе потерять голову и жужжать, жужжать.

Вторая девушка. Подружка, поддержи меня, а я встану на цыпочки и цветок этот в жертву любви принесу, на счастье.

Первая девушка. Хорошо, только чур, половину того счастья мне.

Вторая девушка. Что ж об этом говорить, подружка, — мы две как одно. (*Опирается на подругу и срывает цветок манго.*) Гляди, погляди, цветок еще не раскрылся, а одежка его уж порвалась, и пахнет он так душисто. (*Складывая руки.*) Я молюсь полновластной любви.

Ветку манго в дар да примет
Пятистрельный бог любви,
Меткий лук свой напрягая
В сердце, спящее вдали,
Пусть владыка нежной страсти
Сердце дальнего пронзит,
А у девушки те стрелы
Пусть ударятся о щит.
(*Бросает цветок манго вверх* ¹⁰³.)

Входит царедворец.

Царедворец (*гневно*). Стой, глупая. Царь строго-настрога запретил праздновать праздник Весны ¹⁰⁴. А вы тут смеее срывать цветы манго?

Две девушки (*испуганные*). Прости нас, владыка. Мы не знали этого.

Царедворец. Как? Вы не слышали о повелении

царя, которому даже деревья повинуются и птицы, которые на них гнезда вьют? Смотрите же:

Уж время манго расцвести,—
Цветок раскрыться не желает,
Уж амарант совсем зардел,—
Не может почка распусться,
Пора студеная прошла,—
И все ж кукушка не кукует,
И даже бог любви, колчан
Схватив, лишь стрелы полувынул.

М и ш р а к е ш и. Сомнения нет. Этот добрый царь имеет чудодейственную власть.

П е р в а я д е в у ш к а. Только несколько дней тому назад, владыка, нас послал к государю шурин его, Митравасу, чтобы работать в саду. Вот почему мы об этом и не слышали.

Ц а р е д в о р е ц. Не делайте этого другой раз.

Д в е д е в у ш к и. Владыка, нас любопытство разбивает. Если можно нам, по малости нашей, знать, просим тебя, Расскажи нам, владыка, почему высокий повелитель наш запретил праздновать весну?

М и ш р а к е ш и. Цари очень любят празднества. Тут должна быть какая-нибудь уважительная причина.

Ц а р е д в о р е ц (к самому себе). Об этом все говорят. Почему бы мне не рассказать? (Громко.) Вы, верно, слышали разные пересуды насчет того, что царь отверг Сакунталу?

Д в е д е в у ш к и. Да, владыка. Царский шурин говорил нам, он нам все рассказал до того самого, как кольцо было найдено.

Ц а р е д в о р е ц. Мало что еще остается рассказать. Когда государь увидел кольцо, он вспомнил, что действительно он вступил в тайное супружество с Сакунталой и отверг ее, подчиняясь заблуждению. Тогда на него напало раскаяние.

Все, что любил, теперь он ненавидит,
Не заседает больше он в суде,
Ни подданных к себе не допускает,
Проводит ночи целые без сна,
А иногда, желая быть учтивым,
С красавицей какой заговорит —
И, спутав имя, замолчит, смущенный.

М и ш к а р е ш и. Это слышать мне приятно.
Ц а р е д в о р е ц. Скорбь его величества возбранила
праздник.

Д в е д е в у ш к и. Это вполне справедливо.

Г о л о с з а с ц е н о й. Прошу пожаловать сюда.

Ц а р е д в о р е ц (*прислушиваясь*). А, сам государь
идет сюда. Уходите и делайте свое дело.

Две девушки уходят. Входит ц а р ь в покаянной одежде,
с ним ш у т и п р и в р а т н и ц а.

Ц а р е д в о р е ц (*наблюдая за царем*). Достойный
лик чарует во всяком состоянии. Так государь красив
даже в скорби. Вот:

С себя все снял он украшения,
И лишь запястие одно,
Руки прикраса исхудалой,
Читаешь скорбь во всем лице,
От вздохов побледнели губы,
Воспалены, без сна, глаза,
Но все такие испытанья
Величье красоты его
Не затемняют,— лишь светлеет
В шлифовке искристый алмаз.

М и ш р а к е ш и (*наблюдая за царем*). Не удивитель-
но, что Сакунтала томится по нем даже теперь, когда
он отверг ее.

Ц а р ь

(*идет медленно, погруженный в задумчивость*).

Увы, мое скорбное сердце на миг задремало,
Во сне услышало, как горестно плачет она,
Во сне увидало печальные очи газели,
Проснулось, чтоб плакать, и плакать, и горько
жалеть.

М и ш р а к е ш и. А бедная девушка как раз то же
самое испытывает.

Ш у т (*к самому себе*). У него опять приступ Сакун-
таловой лихорадки. Хотелось бы мне знать, как его
вылечить.

Ц а р е д в о р е ц (*выступая вперед*). Победа тебе,
государь. Я осмотрел сады. Высокий повелитель может
посетить их.

Ц а р ь. Ветравати, поди и скажи от моего имени
верховному судье Писуне, что я провел ночь без сна и
не могу заседать на престоле правосудия. Пусть он сам
расследует дела граждан и пошлет мне доклад.

П р и в р а т н и ц а. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Ц а р ь. И ты, Парватайяна, вернись к своим обязан-
ностям.

Ц а р е д в о р е ц. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Ш у т. От нечисти ты освободился. Позабався же
теперь в саду. Студеная пора прошла, и здесь теперь
хорошо.

Ц а р ь *(вздыхая)*. Друг, пословица правду говорит:
«Несчастье и в щель войдет». Взгляни.

Едва увидел я кольцо,
Как вспомнил я о ней,
Чтоб плакать в праздничный приход
Весенних этих дней.
Чуть с мысли помнящей моей
Упала пелена,
На манго цвет расцвел стрелой,
Ко мне летит она.

Ш у т. Подожди-ка минутку, приятель. Эту любовную
стрелу я палкой, я палкой. *(Замахивается палкой на
манговую ветвь.)*

Ц а р ь *(улыбаясь)*. Довольно. Я вижу благочестивые
твои старания, и власть твоя велика, нет сомненья. Друг,
где бы присесть мне сейчас, чтобы усладить взор видом
лозы? Это напомнило бы мне ее.

Ш у т. Ты сказал одной из девушек, так хорошо
умеющей рисовать, что ты хочешь провести этот час в
жасминной беседке. И ты велел принести туда портрет
владычицы Сакунталы, который ты сам нарисовал.

Ц а р ь. В этом единственное мое утешение. Идем в
жасминную беседку.

Ш у т. Иди за мной.

Они идут. Мишракеши идет за ними.

Вот жасмины, вот беседка, скамьи в самоцветах. Так
здесь тихо, точно все молча говорит — добро пожаловать.
Войдем и сядем.

Входят и садятся.

М и ш р а к е ш и. Спрячусь в зелени и взгляну на

портрет милой девушки. Тогда смогу сказать, насколько глубока любовь к ней ее супруга. (*Прячется.*)

Ц а р ь (*вздыхая*). Все помню теперь, друг мой. Я говорил тебе, как в первый раз встретился с Сакунталой. Это верно, что тебя не было со мной, когда я отверг ее. Но я раньше говорил тебе о ней. Почему ты молчал это время, или ты тоже забыл ее, как я?

М и ш р а к е ш и. Это значит, что царю не нужно ни на минуту разлучаться с каким-нибудь заветным другом.

Ш у т. Нет, я-то не забыл. Но ты ведь, когда рассказал мне все, сказал мне, что это лишь не более как шутка. Я был достаточно глуп, чтобы поверить тебе. Но это все дело судьбы.

М и ш р а к е ш и. Верно, так.

Ц а р ь (*после некоторого размышления*). Помогите мне, друг.

Ш у т. Но, приятель, это все не дело, знаешь. Благой человек никогда да не делает из своей души сосуд печали. На гору ветер дует, гроза несется, а гора стоит себе спокойно.

Ц а р ь. Все во мне спуталось. Я думаю о том, в каком она была горестном состоянии, когда я отверг ее.

Когда я от нее отрекся,

Она хотела за своими

Пойти назад,

Но ученик один, который

Так схож с отцом ее, вдруг крикнул:

«Останься здесь!»

И вмиг, застыв, она осталась,

Остановилась, обернулась,

О, горький взгляд!

На бессердечного смотрела,

И взгляд ее, от слез туманный,

Как яд во мне.

М и ш р а к е ш и. Как он мучается виной своей!

Ш у т. Что ж, я не сомневаюсь, что это какое-нибудь небесное существо унесло ее.

Ц а р ь. Кто бы иной посмел прикоснуться к верной супруге? Ее подруги говорили мне, что мать ее — небесная дева Менака. Сердце мое говорит мне, что это она унесла Сакунталу или ее подруги.

М и ш р а к е ш и. Его безумие было удивительно, не его пробуждающийся рассудок.

Ш у т. Но если так, ты должен ободриться. Вы встретитесь опять.

Ц а р ь. Почему?

Ш у т. А как же, отец и мать не долго терпят, чтобы дочь была разлучена с супругом.

Ц а р ь. Друг,

То было затмение ли разума,
То было ли сном, заблуждением,
Иль дел моих добрых сокровище
Окончилось именно тут,—
Но счастью нет возвращения,
И мы никогда не увидимся,
Все чаянья сердца обрушились
В крутой и бездонный обрыв.

Ш у т. Не говори так. Разве случай с кольцом не показывает, что самые неправдоподобные встречи случаются?

Ц а р ь (*смотря на кольцо*). Это кольцо пожалуй нужно. Оно упало с такого неба, которого трудно достигнуть.

Верно, кольцо, и твои все достоинства,
Как и мои, оказались малыми,—
С нежного пальца, как роза прекрасного,
Как же иначе упало бы ты?

М и ш р а к е ш и. Если бы оно было на чьей-нибудь другой руке, тогда нужно было бы о нем пожалеть. Милая девушка, ты далеко. И только я здесь слышу все эти радостные слова.

Ш у т. Расскажи мне, как ты надел ей на палец кольцо.

М и ш р а к е ш и. Он говорит так, точно это я ему нашептала их из любопытства.

Ц а р ь. Слушай, друг. Когда я уходил из благочестивой рощи в город, любимая моя плакала и говорила: «Долго ли, милый, будешь помнить меня?»

Ш у т. Ну а ты?

Ц а р ь. Тогда я надел ей на палец этот именной перстень и сказал ей...

Ш у т. Ну же, что?

Ц а р ь

День за днем читай по букве
В имени моем,
До конца не дочитаешь,
За тобой придут.

И, безумный, безумный, я забыл и никого не послал за ней.

М и ш р а к е ш и. Как это было чудесно! А судьба расстроила.

Ш у т. Но как же это кольцо угодило карпу в брюхо, словно крючок с удочкой?

Ц а р ь. Когда в Сачитирте ¹⁰⁰ она молилась Гангу, оно соскользнуло и упало.

Ш у т. Вот оно что!

М и ш р а к е ш и. Так вот почему благой царь усомнился в своем супружестве с бедняжкой Сакунталой. Но такая любовь не спрашивает талисмана и примет. Как же это могло быть?

Ц а р ь. В конце концов я лишь кольцо могу во всем упрекать.

Ш у т (*улыбаясь*). А я вот эту палку мою буду упрекать. Ты что ж, приятельница, такая кривая, когда я прямой?

Ц а р ь
(*не слушая его*)

Как только мог ты медлить,
О вероломный перстень,
На розовом том пальце
И в воду соскользнуть?
Но вещи, что бездушны,
Ведь красоты не знают,
А как же я, разумный,
Ту презрил красоту?

М и ш р а к е ш и. Он сам себе сказал, а то бы я ему ответила.

Ш у т. Тут нет, однако, ни малейшего основания, чтобы я помирал с голоду.

Ц а р ь (*не обращая никакого внимания*). О желанная, сердце мое горит раскаянием, оттого что я покинул тебя без всякого смысла. Сжался надо мной. Дай мне увидеть тебя опять.

Входит д е в у ш к а с картиной ¹⁰⁶.

Д е в у ш к а Вот, государь, я принесла портрет нашей владычицы. (*Ставит картину.*)

Ц а р ь (*смотря на нее*). Прекрасно, прекрасно. Посмотри:

Над большими глазами изящные брови приподняты,
И от белых зубов на губах отражается свет,
Улыбается свет, рот же красен, как плод
ароматнейший,
Лучезарность любви по всему разлилась лицу,
Вся картина живет и о ней говорит для глядящего,
Это образ ее, но как будто сама она здесь.

Ш у т (*смотря на портрет*). Все в картине полно нежного значения. Глаза мои точно спотыкаются то тут, то там. Что больше могу сказать? Жду, чтоб она ожила и заговорила.

М и ш р а к е ш и. Царь хороший живописец. Мне кажется, что я вижу милую девушку перед собой воочию.

Ц а р ь. Друг,

Если что в портрете некрасиво здесь,
То от неуменья моего,
Нечто из ее очарования
Все ж воссоздал я.

М и ш р а к е ш и. Это понятно, если любовь еще обострена раскаянием.

Ц а р ь
(*вздыхая*)

Ее оттолкнул я с презрением,
Признать я ее не сумел,
И вот пред картиною чар ее
Терзается сердце мое.
Я путник, что был пред течением
Живой многоводной реки,
И хочет напиться, изжаждавшись,
В пустыне увидев мираж.

Ш у т. Я вижу на картине трех, и все они красивы очень. Кто же из них владычица Сакунтала?

М и ш р а к е ш и. Этот бедняжка никогда не видал красоты ее. Глаза его бесполезны, ибо ни разу она не представляла перед ними.

Ц а р ь. Ну, как ты думаешь?

Ш у т (*смотря внимательно*). Я думаю, что вот это она, та, что касается лианы, которую она только что

обрызгала водой. Лицо у нее разгорячилось, и цветы падают из волос, потому что лента развязалась. Руки ее поникают, точно усталые ветви. Она распустила свой пояс и кажется несколько утомленной. Это, я думаю, и есть владычица Сакунтала, а две другие — ее подруги.

Ц а р ь. Ты хороший угадчик. Притом же тут рядом свидетельства моей любви.

Здесь я рукой коснулся нежно,
И краска несколько сошла,
А здесь два-три пятна остались,
Следы от горьких слез моих.

Чатурика, я еще не кончил задний фон. Поди принеси мне кисти.

Д е в у ш к а. Мадгавия, пожалуйста, поддержи пока эту картину.

Ц а р ь. Я сам поддержи ее. (*Держит.*)

Девушка уходит.

Ш у т. Что ты хочешь прибавить?

М и ш р а к е ш и. Конечно, все те места, что милая девушка так любила.

Ц а р ь. Слушай же, друг.

Поток Малини изображу я, течение вод,
Там лебедь к лебедю прижался на берегу,
Вдали святые Гималаи, теснины гор,
По склонам зримы антилопы и тут и там,
Висят отшельников одежды среди ветвей,
И трется глазом лань тихонько о рог самца.

Ш у т (*в сторону*). Послушать его, так подумаешь, что он, пожалуй, всю картину заполнит бородатыми отшельниками.

Ц а р ь. И еще одно украшение, которое Сакунтала любила, я забыл нарисовать.

Ш у т. Что именно?

М и ш р а к е ш и. Что-нибудь подходящее к девушке, живущей в лесу.

Ц а р ь

Сирис-цветок в волосах, возле уха
Тычинки цветка прикоснулись к щеке,
И лотосы, точно осенние луны,
Их нежная перевязь между грудей.

Ш у т. Но почему закрывает она лицо свое руками, этими нежными пальцами, чьи кончики как кончики розовых лотосов? Она чего-то как будто испугалась. *(Смотрит с удвоенной внимательностью.)* А, вижу. Тут злая, смелая пчела. Она ворует мед и потому летит к ее лилейному лику.

Ц а р ь. Прогони ее.

Ш у т. Это твое дело — наказывать зломыслящих.

Ц а р ь. Правда. Любезная гостя цветущей лозы, ты чего тут жужишь и даром время тратишь?

Ты вьешься тут, а твой дружок,
Твоя звенящая подруга,
Уселась рядом на цветок
И мед не хочет пить без друга.

М и ш р а к е ш и. Какой благородный способ удалять назойливых!

Ш у т. Эта порода настойчива, даже когда предостерегают.

Ц а р ь *(с гневом)*. Ты не желаешь слушаться моих приказаний? Так слушай же:

Если к нежному цветку
Ты посмеешь прикоснуться,
Если тронешь ты тот рот,
Где я пил усладу счастья,
Эту дерзость я твою
Накажу без снисхожденья,
И тебя запру в цветок,
Будешь в лотосе — в темнице.

Ш у т. Ну, этим ты ее не очень устроишь. *(Смеется. К самому себе.)* Он прямо свихнулся. И я, впрочем, хорош, что время с ним здесь коротаю.

Ц а р ь. Она не хочет улететь, несмотря на мои предостережения?

М и ш р а к е ш и. Странные перемены вызывает любовь даже в достойном и смелом человеке.

Ш у т *(громко)*. Человече добрый, ведь это же только картина.

Ц а р ь. Картина?

М и ш р а к е ш и. Я и то позабыла об этом. А он — весь в своих мыслях.

Ц а р ь. Недобрую услугу ты мне оказал.

Я грезил, будто она со мною,
К ней сердце билось горячо,
Но ты заставил меня все вспомнить,
И вот любовь моя — лишь тень.

У него выступают на глазах слезы.

М и ш р а к е ш и. Странно играет им судьба.
Ц а р ь. Друг, как же вынести мне скорбь, которая
без перерыва?

Я ночью не могу уснуть.
Чуть задремлю, она со мною,
Проснусь и плачу, нет ее,
Лишь тут — портрет, как очерк дымный.

М и ш р а к е ш и. Друг мой, ты искупил, — и это в
присутствии ее подруги — ты воистину искупил пытку,
которую доставил милой Сакунтале, оттолкнув ее.

Входит девушка Чатурика.

Д е в у ш к а. Государь, я шла сюда и несла ящик
с кистями.

Ц а р ь. Ну?

Д е в у ш к а. Мне встретилась царица Васумати с
девушкой Пингаликой. И царица выхватила у меня ящик,
сказав: «Я сама отнесу его царю».

Ш у т. Как же ты ускользнула?

Д е в у ш к а. У царицы платье зацепилось за ветку.
И пока ее девушка отцепляла ей платье, я давай бог
ноги.

Г о л о с з а с ц е н о й. Сюда, сюда, повелительница.

Ш у т (*прислушиваясь*). Человеке, дворцовая тигрица
приготовилась к прыжку и сейчас пожрет эту девушку.

Ц а р ь. Друг, царица идет сюда, ибо чувствует, что
ее честь затронута. Позаботься уж лучше об этой кар-
тине.

Ш у т. «И о самом себе», — нужно было бы добавить.
(*Берет картину и встает.*) Если выйдешь из западни
живым, заходи ко мне в Облачный чертог¹⁰⁷. А я уж там
это спрячу, так что разве голубь найдет. (*Убегает.*)

М и ш р а к е ш и. Хоть сердце его предано другой,
он учтив к прежнему своему племени. Он друг по-
стоянный.

Входит привратница, держа в руках доклад.

Привратница. Победа высокому властителю.

Царь. Ветравати, ты не повстречала царицу Васумати?

Привратница. Да, государь. Она шла сюда, но вернулась, увидав, что я несу доклад.

Царь. Царица всему знает час и время. Она не хочет мешать мне, когда я занят.

Привратница. Государь, верховный судья посылает сказать, что разные дела требуют его внимания, и он мог рассмотреть дело лишь одного гражданина. Об этом он составил для повелителя доклад.

Царь. Дай мне его.

Привратница подает доклад.

(Читает.) «Да благоугодно будет ведать его величеству. Купец-мореход по имени Дганавриддги погиб во время кораблекрушения. Он бездетен, и все его имущество, весьма большое, приходится по закону царской короне. Да благоугодно будет государю отдать соответствующее распоряжение» (С печалью.) Это ужасно — быть бездетным. Ветравати, он был очень богат. У него, наверно, несколько жен. Пусть сделают справку. Быть может, между жен есть какая-нибудь, что ожидает рождения ребенка.

Привратница. Как раз сейчас сообщили, что одна купеческая дочь из города Сакеты¹⁰⁸ его жена и скоро должна стать матерью.

Царь. Ее ребенок должен получить наследство. Иди сообщи верховному судье.

Привратница. Слушаю, государь. (Идет.)

Царь. Подожди минутку.

Привратница (возвращаясь). Слушаю, государь.

Царь. В конце концов неужели это что-нибудь значит, есть у него наследники или нет?

Да будет всем возвещено,

Что, если кто скорбит о смерти

Родного, пусть родного он

В царе имеет Душианте.

Привратница. Об этом будет тотчас возвещено. (Выходит и быстро возвращается.) Высокий повелитель, царская воля возвещена, и народ встретил эту весть,

как целебный дождь, когда он приходит своевременно.

Ц а р ь (*вздыхая глубоко*). Да, нет наследника, и богатство прахом пойдет, чужому достанется, когда помрет глава семьи. Вот и я так, помру — и окончится слава рода Пуру.

П р и в р а т н и ц а. Небо да отвратит такое предсказание.

Ц а р ь. Увы! Я презрил счастье, которое само шло ко мне.

М и ш р а к е ш и. Нет сомнения, он думает о милой Сакунтале, когда он так упрекает себя.

Ц а р ь

Как мог я оттолкнуть достойную супругу,
В чьем лоне будущая жизнь моя была,
Которую она лелеяла до часа,
Как пашня — семена, как луг — побеги трав!

М и ш р а к е ш и. Теперь уж разлука продлится недолго.

Д е в у ш к а (*к привратнице*). Доклад судьи только удвоил скорбь нашего повелителя. Поди в Облачный чертог и приведи Мадгавию, чтобы он рассеял государя.

П р и в р а т н и ц а. Добрая мысль. (*Уходит.*)

Ц а р ь. Увы! Предки Душианты пребывают в опасности.

Бездетен я, и вот они не знают,
Кто из детей, за смертью моей,
Им принесет, как должно, возлиянье,
И слезы их — приправа слез моих.

М и ш р а к е ш и. Он не видит света, он совсем во тьме.

Д е в у ш к а. Не скорби так, государь. Ты в расцвете лет своих, и рождение сына от одной или других твоих супруг сделает тебя безупречным перед твоими предками. (*К самой себе.*) Он не слушает меня. В каждом недуге свое нужно снадобье.

Ц а р ь (*выражая скорбь*). Конечно, —

Царский род был подобен реке,
Многоводной и чистой,
А с бездетным царем — он ручей,
Что в пустыне засох.
(*Лишается чувств.*)

Девушка (в тревоге). Государь, государь, приди в себя.

Мишракеши. Сделать его сейчас же счастливым? Нет, я слышала, как мать богов ¹⁰⁹ утешала Сакунталу. Она говорила, что боги, нетерпеливаясь о жертвоприношениях ¹¹⁰, скоро доставят ему радость встречи с любимой женой. Не буду больше медлить. Пойду утешу милую Сакунталу этими вестями. (Выходит и улетает в воздух.)

Голос за сценой. Помогите! Помогите!

Царь (приходит в себя и слушает). Это как будто голос Мадгавии. Что с ним?

Девушка. Я надеюсь, государь, что Пингалика и другие девушки не поймали бедного Мадгавию с картиной.

Царь. Иди, Чатурика, и скажи царице, что я упрекаю ее за то, что она не может удержать своих слуг.

Девушка. Слушаю, государь. (Уходит.)

Голос. Помогите! Помогите!

Царь. Голос Брамана, по видимости, даже изменился от страха. Кто там есть?

Входит царедворец.

Царедворец. Что повелит ваше высочество?

Царь. Посмотри там, почему бедный Мадгавия так кричит?

Царедворец. Я узнаю. (Выходит и возвращается, дрожа.)

Царь. Парватайяна, я надеюсь, что ничего страшного не случилось.

Царедворец. Я надеюсь.

Царь. Так почему же ты так дрожишь?

Зачем же трепет, что рожден

Преклонным возрастом твоим,

Твои все члены охватил?

Как листья в ветре, ты дрожишь.

Царедворец. Спаси своего друга, владыка.

Царь. В чем дело?

Царедворец. Он в великой опасности.

Царь. Говори же ясно.

Царедворец. В Облачном чертоге, открытом всем четырем ветрам небесным...

Ц а р ь. Что же там случилось?

Ц а р е д в о р е ц

Когда он медлил в высоте,
Куда павлин не долетит,
Внезапно схвачен был — но кем
Иль чем, отсюда не видать.

Ц а р ь (*быстро вставая*). Самый дворец мой во власти злых духов. Быть царём — это значит быть разочарованным.

В чем-нибудь всегда ошибка,
Здесь споткнешься каждый день, —
Как же тот, кто правит царством,
Может каждым править в нем?

Г о л о с. Спешите! Спешите!

(*Слышит голос и ускоряет шаг.*) Не бойся, друг.

Г о л о с. Не бойся, когда что-то ухватило меня за шею сзади и старается переломить мой спинной хребет, как сахарный тростник.

(*Осматривается.*) Лук. Лук сюда.

Входит гречанка с луком.

Г р е ч а н к а. Вот лук и стрела, государь.

Царь берет лук и стрелы.

Д р у г о й г о л о с за сценой

Кривляйся, сколько хочешь, я выпью кровь твою,
Как тигр, когда скотину захватит в когти он.
И пусть за лук схватился царь Душианта сам,
Как сможет царской мощью тебя он здесь спасти?

Ц а р ь (*с гневом*). Он еще смеет издеваться. В один миг ты погибнешь, презренный демон. (*Натягивает тетиву.*) Где колесница, Парватайяна?

Ц а р е д в о р е ц. Здесь, государь.

Все спешат.

Ц а р ь (*осматриваясь*). Но здесь никого нет.

Г о л о с ш у т а. Спаси меня! Спаси меня! Я вижу тебя, хоть ты меня не видишь. Я как мышь в когтях у кошки. Я погиб.

Ц а р ь. А, ты гордишься твоей невидимостью! Но стрела моя не увидит ли тебя? Стой смирно. Не надейся ускользнуть оттого, что ты уцепился за моего друга.

Лук мой согнулся, стрела полетит,
Злого убьет и не тронет невинного,—
Если с водою смешать молоко,
Выпьет фламинго лишь капли молочные ¹¹¹.
(Он целится.)

Входят М а т а л и и ш у т.

М а т а л и. О царь, как Индра, царь богов, велит,—

Ищи врагов лишь между злобных сил
И против них стреми стрелу,
Когда ж к тебе приходит добрый друг,
Ему дари лишь кроткий взгляд.

Ц а р ь (поспешно пряча стрелу в колчан). Это Матали. Привет вознице небесного царя.

Ш у т. Превосходно. Он чуть-чуть там меня не ухлопал, а ты его приветствуешь.

М а т а л и (улыбаясь). Выслушай, царь, с какой целью Индра посылает меня к тебе.

Ц а р ь. Я слушаю.

М а т а л и. Есть племя исполинских демонов, что зовутся Труднопобедимыми,— это отродья многоголового демона, сторукого Калянеми ¹¹².

Ц а р ь. Я слышал о них. Нарада мне говорил, вестник богов.

М а т а л и

Тот бог, что сотней жертв ты почитаешь ¹¹³,
Сразить чудовища не мог,
Но если ты начнешь, как витязь, битву,
Исчадья тьмы ты поразишь.
Он на семи конях, на быстроногих,
На битву выезжал с врагом,
Но выйди ты, чей праотец есть Месяц ¹¹⁴,
Мрак пред Луною побежит.

Возьми же свой лук, взойди немедленно на небесную колесницу и — к победе.

Ц а р ь. Я признателен за честь, которую оказывает мне Индра. Но почему ты так поступил с Мадгавией?

М а т а л и. Я скажу тебе. Я увидел, что ты совсем

захвачен какою-то внутренней скорбью, и поступил так, чтобы разбудить тебя. Потому что —

Змея надуется и вспрыгнет,
Коли подразнишь ты ее,
Огонь немедля разгорится,
Когда его пошевелишь,
И если храброго заденешь,
В нем вспыхнет битвенный огонь.

Ц а р ь. Друг Мадгавия, я 'должен повиноваться повелению небесного царя. Поди сообщи верховному судье Писуне обо всем происшедшем и прибавь ему эти слова мои:

За это время царством править
Твоя лишь мудрость будет здесь,
Я ж лук свой к битве приурочил,
Высокий подвиг ждет меня.

Ш у т. Превосходно. (*Уходит.*)

М а т а л и. Взойди на колесницу.

Царь всходит на колесницу. Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

В небесной колеснице, пролетая по воздуху, появляются
ц а р ь и М а т а л и.

Ц а р ь. Матали, хоть я исполнил то, что повелел мне Индра, я считаю себя недостойным слугой, когда вспоминаю, какой он оказал мне милостивый прием.

М а т а л и. О царь, узнай, что каждый из вас считает себя должником другого. Потому что...

Ты считаешь, что слишком награда чрезмерна,
Ибо дал ее бог, что проходит в громах,
Он считает, что эта награда ничтожна,
Ибо витязем был ты в победном бою.

Ц а р ь. О нет! Честь, которую он оказал мне при расставанье, превышает всякую мечту. Перед богами он посадил меня рядом с собой на престол¹¹⁵. И потом —

Он улыбнулся, потому что видел,
Что сын его, Джайянты, восхотел
Того же, и на шею мне надел он

Венок из вечно красочных цветов
С ветвей бессмертных деревьев мэндалы ¹¹⁶.
На них была санталовая пыль,
Которой грудь себе раскрасил Индра.

М а т а л и. Но чего бы ты не заслужил от царя небес?
Вспомни:

Дважды Индра-миролюбец
Демона сразил,
Первый раз пронзил когтями
Человека-льва,
А второй — твоей стрелой ¹¹⁷,
Чей полет так прям.

Ц а р ь. Это только указывает на величие Индры.
Вспомни:

Коль слуги свершают великое дело,
Величье в том воли, что слугам велит,—
Как мог бы Аруна, живой зоревестник,
Сражать темноту, если б он не имел
Своей колесницы, чье имя есть Солнце?

М а т а л и. Это чувство тебе к лицу. (*Помедлив.*)
Смотри, о царь. Славе твоей посчастливилось,— она воз-
вещена во всем пространстве небес.

Теми красками, которыми
Девы неба украшают
Красоту свою,
Боги пишут на сплетениях
Листьев древа ¹¹⁸, что собою
Украшает рай,
В этой летописи царственной,
Начертавши в песнопениях
Славный подвиг твой.

Ц а р ь. Матали, когда мы спешили сюда, я лишь ду-
мал о том, как бы поскорее сразить демонов, и не смотрел
на дорогу. Скажи мне, на какой тропинке ветров нахо-
димся мы сейчас.

М а т а л и

Дорога ветра Паривага,
Где вечно светит Семизвездье,
Сюда втекает Млечный Путь,
Небесный Ганг, с тройным потоком,

Что вьется вокруг Земли и Неба,
И преисподнюю звездит,
С тех пор, как Вишну, в битве с тьмою
Шагнул и шаг второй свой сделал,
Нет тьмы здесь черной никогда ¹¹⁹.

Ц а р ь. Вот почему ясность исполняет меня и духовно и телесно. (*Он смотрит на путь, по которому летит колесница.*) Мне кажется, что мы спустились в область облаков.

М а т а л и. Как ты заметил это?

Ц а р ь

Я вижу, колесница светлая
Летит по будущим дождям,
Через колеса, между спицами,
Летят, сверкая, птицы гроз ¹²⁰,
Сверкают кони в блеске молний,
И влажны ободки колес.

М а т а л и. Ты прав. И через минуту ты будешь в том мире, которым ты правишь.

Ц а р ь (*смотря вниз*). Матали, быстрое нисхождение придает миру людей таинственный вид. Вот —

Ложбины словно падают все ниже,
Все выше взмах взнесенных гор,
Нет в чаще леса уголков укромных,
И видны гнезда меж ветвей.
Потоки, что казались узкой лентой,
Являют многоводье рек,
Как будто кто-то Землю кверху бросил,
И вот она летит ко мне.

М а т а л и. Ты зорко видеть умеешь, о царь. (*Смотрит вниз, с благоговейным чувством.*) Какое благородное очарование в Земле!

Ц а р ь. Матали, что это за гора? Склоны ее уходят к Восточному морю и Западному морю. От нее струится текущее золото, словно от облака в час заката.

М а т а л и. О царь, это гора златоверхая, Гемакута ¹²¹, золотой утес, жилище конеглавых. Здесь подвижники достигают наибольшего обладания силою чуждодейства.

Здесь Касиапа ¹²², от древних дней,
Отец существ нечеловеческих,
С супругой строгою своей
Живет невиданным подвижником.

Царь (с благоговением). Я не могу пропустить столь благой случай. Да не проследую дальше, пока смиренно не обойду вокруг святого.

М а т а л и. Это достойная мысль, о царь.

Колесница спускается.

Мы коснулись земли.

Царь (удивленный). Матали,

Колеса крутятся безмолвно,
И пыль под ними не встает;
Земли касаясь без стука,
Мы словно в воздухе скользим.

М а т а л и. Такова чародейность колесницы, которая подчиняется Индре и тебе.

Царь. В каком направлении находится обитель сына Браморожденного Маричи?

М а т а л и. Смотри:

Вон там стоит подвижник этот строгий,
В огромной муравьиной куче он,
Змеиной кожей грудь он препоясал,
На шее цепь из высушенных лиан,
На голове — венок, то — грубый волос,
Что колетса, спускаясь до плеча,
Свершая искус, он глядит на Солнце,
Не отводя усталых глаз своих,
И, как скала, стоит так неподвижно,
Что птицы гнезда свили в волосах.

Царь (пристально смотря). Великий почет тому, кто умерщвляет плоть столь страшным способом.

М а т а л и (задерживая колесницу). Мы вступили в обитель древнего мудреца, чья супруга Адити возвращает коралловые деревья¹²³.

Царь. Здесь довольство глубже, чем в небе. Мне чудится, что я окунулся в медвяное озеро¹²⁴.

М а т а л и (останавливая колесницу). Сходи, о царь.

Царь (сходя). Но как же будешь ты?

М а т а л и. Колесница повинуется слову приказания. Я тоже сойду. (Сходит.) Перед тобой, о царь, те рощи, где самые святые отшельники ведут самоотреченную жизнь.

Царь. Я смотрю с изумлением на их простоту и на то, чем они могли бы услаждаться.

В лесу, где что ни дерево, то чудо,
Лишь ветер — пища им всегда,
Молитвенно свершают омовенья,
Смывая золото цветов,
Погружены в глубинность размышлений,
Хоть всюду яхонты горят,
И соблюдают святость воздержанья,
Хоть девы неба возле них,
Чего другие жаждут, то, имея,
Свершая подвиг, не берут.

М а т а л и. Великие умы всегда выше. *(Он идет вперед и говорит к кому-то, кого не видно.)* Старец Сакалия¹²⁵, чем занят святой сын Маричи? *(Слушает.)* Что ты говоришь? Что он изъясняет Адити в ответ на ее вопросы, обязанности верной супруги? Нужно подождать более благоприятного времени. *(Обращается к царю.)* Подожди здесь, о царь, а я возвещу о твоём прибытии родителю Индры.

Ц а р ь. Хорошо.

Матали уходит. У царя дергается рука — счастливое предзнаменование.

К чему напрасный знак счастливый?
Я не дерзаю уповать,
Кто от себя отбросил счастье,
Тот видит в нём одну печаль.

Г о л о с за сценой. Не делай этого. Не будь таким сумасбродным. А, ты всегда один и тот же.

(Слушая.) Сумасбродству здесь как будто совсем не место. Кто бы это был, кого так порицают? *(Смотрит по направлению к тому месту, где говорили. Удивленно.)* Это ребенок. И ребенок еще маленький. Две отшельницы бегут за ним.

Он тащит львенка, львенок бьется,
Ему он гриву всю взлохматил
И ручкой детскою, но властной,
Зверенка хочет укротить.

Входят маленький мальчик, как описано, и две отшельницы.

М а л ь ч и к. Открой свою пасть, зверюга. Я сосчитаю, сколько у тебя зубов.

П е р в а я ж е н щ и н а. Гадкий мальчик, зачем ты дразнишь наших любимцев? Они для нас как дети. Тебе

непременно кого-нибудь ударить нужно, сил слишком много. Недаром тебя отшельники зовут Всеукротителем.

Ц а р ь. Почему мое сердце так рвется к этому мальчику, точно он сын мой родной? *(Размышляет.)* Это, конечно, оттого, что у меня нет детей.

В т о р а я ж е н щ и н а. Смотри, львица на тебя набросится, если ты не отпустишь ее детеныша.

М а л ь ч и к *(смеясь)*. Ай, боюсь, боюсь. *(Кусает себе губы.)*

Ц а р ь
(удивленно)

В этом мальчике зерно
Подвигов блестящих,
Он, как искра, только ждет,
Чтоб костер сложили.

П е р в а я ж е н щ и н а. Отпусти львенка, милый. Я дам тебе другую игрушку.

М а л ь ч и к. Где она? Дай мне ее. *(Протягивает руку.)*

Ц а р ь *(смотря на его руку)*. У него одна из царских примет.

Между пальцами живыми, что желают что-то взять,
Тканью тонкою белеет волоконце ¹²⁶,

Вся рука его как лотос, где стеснились лепестки,
Чуть подернутые розовой зарею.

В т о р а я ж е н щ и н а. Суврата, мы его одними словами не удержим. Поди, у меня там в хижине есть разрисованный глиняный павлин, игрушка мальчика-отшельника Манканаки. Принеси его сюда.

П е р в а я ж е н щ и н а. Сейчас. *(Уходит.)*

М а л ь ч и к. А пока я с ним поиграю.

О т ш е л ь н и ц а *(смотрит и смеется)*. Отпусти его.

Ц а р ь. Мое сердце рвется к этому своевольному ребенку. *(Вздыхая.)*

Какое счастье для родителей,
Коль дети на руках у них,
Еще незримы бусы белые,
Что будут зубками во рту,
Они чему-то улыбаются,
Кто догадается — чему.
Лепечут, говорить пытаются,
И темен смысл их первых слов,

Но все так мило для родителей,
И слово каждое поет,
И если тельце вдруг запачкают,
Вот даже это мило в них.

Отшельница (*грозась пальцем*). Ты даже на меня и взглянуть не хочешь? (*Осматривается кругом.*) Никого здесь нет из отшельников-подростков? (*Видит царя.*) О владыка, пожалуйста, подойди и освободи этого львенка. Маленький негодник мучает его, и я не могу заставить его отпустить зверенка.

Царь. Хорошо. (*Приближается, улыбаясь.*) Маленький сын великого мудреца,

Не хочешь быть ты добрым мальчиком?
Не хочешь слушаться отца,
Что хочет добрым быть с животными?
Ты хочешь быть здесь в роще злым?
Ведь ты не будешь же змеенышем,
Рожденным черною змеей,
Что портит древо благовонное,
Пятнает благодный сантал?

Отшельница. Но, владыка, его отец не отшельник.

Царь. Так должно явствовать и из его взглядов, и из его поступков. Но в этом месте я ничего другого не мог предполагать. (*Он высвобождает львенка из рук мальчика и, прикоснувшись к нему, говорит себе.*)

Всем телом я чувствую нежность,
Коснувшись ребенка чужого,
Какое ж безмерное счастье
Ребенка своим называть!

Отшельница (*смотря на царя и на мальчика*). Удивительно. Удивительно.

Царь. Почему говоришь так, мать?

Отшельница. Я изумлена при виде того, как мальчик похож на тебя, владыка. Ведь вы не родственники. Притом же он своевольник и не знает тебя, а все же не выказывает к тебе никакого нерасположения.

Царь (*лаская мальчика*). Мать, если отец его не отшельник, из какой же он семьи?

Отшельница. Из рода Пуру.

Царь (*к самому себе*). Из одного рода со мной.

Тогда, быть может, мысль моя верна? (*Громко.*) Но таков обычай в роде Пуру:

Они живут в блистательных дворцах
И правят родиною мудро,
Когда ж преклонный возраст настает,
Кончают дни в уединенье.

Но как человеческие существа, собственно своею волей, могут достичь этого места?

Отшельница. Ты справедливо говоришь, владыка. Но мать ребенка была сродни небесным девам, и она родила своего сына в священной роще отца богов.

Царь (*к самому себе*). О, второе основание для надежды. (*Громко.*) Как имя доброго царя, кому она супруга?

Отшельница. Кто будет называть его имя? Он отверг свою верную жену.

Царь (*к самому себе*). Рассказ указывает на меня. Спросить мне мальчика, как зовут его мать? (*Размышляет.*) Нет, это было бы недостойно меня — говорить о той, кто может оказаться чужой женой.

Приходит первая женщина с глиняным павлином.

Первая женщина. Смотри, Всеукротитель. Вот тебе птица, сакунта. Скажи, мила сакунта? ¹²⁷

Мальчик (*осматривается кругом*). Где моя мама?

Две отшельницы разражаются смехом.

Первая женщина. Слово звучало, как ее имя, и обмануло его. Он любит свою мать.

Вторая женщина. Она сказала: «Посмотри, какой красивый павлин». Больше ничего.

Царь (*к самому себе*). Его мать зовется Сакунтала. Имена одинаковы. Хочу думать, что эта надежда не окажется в конце концов обманом, миражем.

Мальчик. Мне нравится этот маленький павлин, сестра. Он умеет летать? (*Хватает игрушку.*)

Первая женщина (*смотря на мальчика. С тревогой*). О, амулета нет у него на руке.

Царь. Не тревожься, мать. Амулет упал, когда он боролся с львенком. (*Быстро наклоняется, чтобы поднять амулет.*)

Две женщины. О, не делай, не делай этого.

(Смотрят на него.) Он прикоснулся к амулету. (Изумленные, они прижимают руки к груди и смотрят одна на другую.)

Ц а р ь. Почему вы хотели помешать мне сделать это?

П е р в а я ж е н щ и н а. Слушай, государь. Это божественный и сильнейший талисман, зовущийся Непобедимым. Святой сын Маричи дал его ребенку, когда только что был совершен обряд рождения. Если он падает на землю, никто не может прикасаться к нему, кроме родителей мальчика или его самого.

Ц а р ь. А если кто другой его тронет?

П е р в а я ж е н щ и н а. Он превращается в змею и жалит.

Ц а р ь. Вы когда-нибудь видели, чтоб это с кем-нибудь произошло?

О б е ж е н щ и ы. И не раз.

Ц а р ь (радостно). Так почему бы не стал я ликовать, что надежда моя наконец исполнится? (Обнимает мальчика.)

В т о р а я ж е н щ и н а. Идем, Суврата. Сакунтала исполняет сейчас молитвенные обязанности. Пойдем и расскажем ей обо всем.

Обе уходят.

М а л ь ч и к. Пусти меня. Я хочу к моей матери.

Ц а р ь. Сын мой, ты вместе со мной пойдешь приветствовать свою мать.

М а л ь ч и к. Мой отец Душианта, а не ты.

Ц а р ь (улыбаясь). Опровергая меня, ты мне показываешь, что я прав.

Входит С а к у н т а л а, волосы ее заплетены в одну косу ¹²⁸.

С а к у н т а л а (сомневаясь). Я слышала, что амулет Всеукротителя не изменился, когда он должен был измениться. Но я не верю моему счастью. Но, быть может, это так, как Мишракеша рассказала мне. (Идет.)

Ц а р ь (смотря на Сакунталу. С грустной радостью). Это она. Это Сакунтала.

В темном покрове она,

Лицо от поста исхудало.

Волосы в косу одну

Скромно она заплетает,

Так исполняет обет,

Грустя обо мне, бессердечном.

С а к у н т а л а (*смотря на царя, бледного от душевного волнения. С сомнением*). Это не супруг мой. Кто этот мужчина, что прикасается своими поцелуями к моему ребенку? Амулет должен был бы защитить его.

М а л ь ч и к (*бежит к матери*). Мать, этот человек принадлежит к нашему роду. И он называет меня своим сыном.

Ц а р ь. Любимая, жестокость, которую я высказал к тебе, обратилась в счастье. Или ты не узнаешь меня?

С а к у н т а л а (*к самой себе*). О сердце, уверуй. Судьба ударила жестоко, но зависть ее миновала, и жалость вернулась. Это супруг мой.

Ц а р ь

Исчезла темнота безумия,
Вернулась память, это ты,
Любовь, окончилось затмение,
И снова с Месяцем звезда ¹²⁹.

С а к у н т а л а. Победа, побе...

Рыдания пресекают ее голос.

Ц а р ь

О милая, милая, да, победил я,
Хоть клич твой победный в слезах потонул,
Но снова я вижу лицо дорогое
И милые бледные губы твои.

М а л ь ч и к. Кто он, мать?

С а к у н т а л а. Спроси судьбу, дитя мое. (*Плачет.*)

Ц а р ь

Забудь, красивая, забудь,
Скорбь отлученья да развеется,
Безумьем странным разум мой
Был облечен, как тенью дымною.
Я был как скорбный тот слепец,
Что разлучен с сияньем солнечным
И принимает за змею
Венок любви, ему дарованный.
(*Падает к ее ногам.*)

С а к у н т а л а. Встань, милый супруг мой. Наверно, наверно, это какой-нибудь давнишний грех мой прервал мое блаженство — хоть вот снова оно вернулось, счастье

мое. Иначе как мог бы ты, любимый, так поступить со мной? Ты такой добрый.

Царь встает.

Но что возвратило воспоминание о тоскующей жене твоей?

Царь. Я скажу тебе, только прежде жало скорби вырву совсем.

Это было безумье, безумье, желанная,
На глазах твоих вызвать слезу хоть одну,
Вот еще на реснице дрожит одинокая,
Я сотру ее — так — и стираю печаль.
(Смахивает слезинку с ее ресниц.)

Сакунтала (смотрит пристальнее и видит кольцо). Супруг мой, это — кольцо.

Царь. Да. И когда чудо совершилось, память моя вернулась.

Сакунтала. Так вот почему для меня было совершенно невозможно заставить тебя поверить.

Царь. Так пусть лоза с цветком соединится, как их союз соединен с весной.

Сакунтала. Я ему не доверяю. Уж лучше ты его носи.

Входит Матали.

Матали. Приветствую тебя, о царь, и радуюсь, что ты соединился с своею супругой и видишь лицо сына твоего.

Царь. Мои желанья увенчались вдвойне сладостно, ибо исполнились через друга. Матали, Индра не знает обо всем этом?

Матали (улыбаясь). Что же скрыто от богов? Идем. Святой сын Маричи, Касиапа, хочет видеть тебя.

Царь. Жена моя милая, возьми с собой нашего сына. Я не могу предстать без вас пред святым.

Сакунтала. Я стыжусь предстать с супругом пред такими родителями.

Царь. Таков обычай в праздничные дни. Идем.

Идут.

Взорам глядящих предстает Касиапа, он сидит вместе с Адити.

К а с и а п а (*смотря на царя*). Адити,

Так вот он, муж, идущий в битву первым,
Царь Душианта, властелин Земли,
Его стреле, до цели доходящей,
Обязаны мы тем, что в гуле гроз
Топор громовый Индры стал игрушкой.

А д и т и. Уж один его вид говорит о его мужестве.

М а т а л и. О царь, родители богов глядят на тебя
очами, избобличающими отеческую любовь и материн-
скую. Приблизься к ним.

Ц а р ь. Матали,

Так эта-то преславная чета,
Что лишь звеном от Мировержца Брамь
Отделена?
Чета, что есть, как говорят провидцы,
Источник Солнца, чьи двенадцать лиц ¹³⁰
Сияют?
Чета, которой сильный трех миров,
Бог Индра, порожден, богам владыка,
Чей лик в грозе?
Чета, в которой дух вселенский, Вишну,
Что больше Брамь, в самобытии,
Явился?

М а т а л и. Именно так.

Ц а р ь (*падая перед ними*). Слуга Индры, Душианта,
приносит вам свое почитание.

К а с и а п а. Царствуй над Землею в долгоденствии,
сын мой.

А д и т и. И будь непобедим.

Сакунтала с сыном падает к их ногам.

К а с и а п а. Дочь моя,

Супруг твой равен Индре Громовержцу,
Твой малый сын
Похож на сына Индры, на Джайянту,
А ты сама
Будь как супруга Индры, Пауломи ¹³¹.

А д и т и. Дитя мое, блюди благую волю твоего супру-
га. И да преуспевает этот сын прекрасный, как честь
семей обоих родителей. Придите и сядьте.

Все садятся по обе стороны праотца.

К а с и а п а

(указывая по очереди на каждого)

Счастье да будет Сакунтале,
Счастье малому мальчику,
Счастье царю,
Благословенная тройственность,
Верность, Сокровище, Доблестность,
Миру — рассвет.

Ц а р ь. Святой, твое благословение, нам явленное, беспримерно. Ты даровал нам исполнение наших желаний, прежде чем мы предстали пред тобой.

Сперва — цветок, потом и плод созреет,
Сначала — туча, после — дождь,
А ты сперва свершение даровал нам,
А после мы пришли к тебе.

М а т а л и. О царь, таково благоволение, что оказывают праотцы мира.

Ц а р ь. Святой, я сочетался с этой девственной служительницей твоей обрядом вольного супружества. Когда некоторое время спустя родные ее привели ее ко мне, память моя изменила мне, и я ее отверг. Так поступив, я прегрешил перед Канвой, пред близким ее. Но позднее, когда я увидел кольцо, я постиг, что я связан с ней браком. И все это кажется мне чудесным и непонятным.

Я был как тот, кто говорит: «Вот слон»,
Потом сомненью предается,
Хоть видел ясно, утверждает: «Нет»,
И снова знает, след увидев.

К а с и а п а. Сын мой, не обвиняй себя в грехе. Это была мечта, и она была неизбежна. Слушай.

Ц а р ь. Я слушаю.

К а с и а п а. Когда небесная дева Менака сошла на землю и взяла Сакунталу, огорченную твоим отвержением, она пришла к Адити. Тогда я воззрел на все это божеским своим прозрением. И я увидел, что несчастная девушка была отвергнута законным своим супругом благодаря проклятию, что произнес Дурвасас. И я увидел, что проклятие кончится, когда появится опять кольцо.

Ц а р ь (со вздохом облегчения. К самому себе). Так, значит, я свободен от порицания.

С а к у н т а л а (к самой себе). Благодарение небу.
Супруг мой отверг меня не по собственной своей воле.
Он действительно не помнил меня. Верно, я не слыхала
проклятия, когда была так рассеянна, и потому-то мои
подруги так убедительно предостерегали меня, чтобы
я показала супругу кольцо.

К а с и а п а. Дочь моя, ты знаешь истину. Не давай
же теперь никогда хода гневу на твоего законного су-
пруга. Помни:

Все было вызвано проклятием —
Забвение, разлука, скорбь.
Исчезла злая тьма беспамятства,
И ты его царица вновь.
Когда покрыто пылью зеркало,
Неверен в нем и дымен лик,
Но если глубь чиста зеркальная,
Все отраженья в нем живут.

Ц а р ь. О святой, это слова правды.

К а с и а п а. Сын мой, я полагаю, что ты досто-
должно приветствовал рожденного тебе Сакунталой сы-
на, над которым я сам совершил обряд рождения и все
другие священные обряды.

Ц а р ь. Святой, в нем вся моя надежда, чаянье рода
моего.

К а с и а п а. Так знай же, что мужество, которое в
нем заложено, сделает его мировым царем.

В такой колеснице, для бега которой
Не будет препятствий,
Он быстро проедет всемирное море
Победным героем.
И семь мировых островов ¹³² покорит он
Властительной волей,
Недаром с младенчества так полюбил он
Зверей укрощенье.
Он Всеукротителем назван был в детстве;
Когда ж возрастет он,
Он Бгарата ¹³³ будет, правитель, что зорек
И с мудростью правит.

Ц а р ь. Я всего благого могу ждать от него, если ты
совершил над ним начальные священные обряды.

А д и т и. Нужно известить также Канву, что жела-
ние его дочери исполнилось. Но Менака нужна мне
здесь, и я не могу ее послать.

Сакунтала (к самой себе). Святая сказала то, чего я так хотела.

Касиапа. Галява, лети немедленно по воздуху и отнеси желанные вести от меня благому Канве. Скажи ему, как проклятие Дурвасаса пришло к концу, как к Душианте вернулась память, сообщи ему, что он взял Сакунталу с ее ребенком к себе.

Ученик. Да, святой, исполню. (Уходит.)

Касиапа (к царю). Сын мой, взойди с супругою и сыном на колесницу дружественного к тебе Индры и направься в свою столицу.

Царь. Слушаю тебя, святой.

Касиапа

Индра твоим да пошлет капли свежащего ливня,

Ты же небесным отдашь жертвы свои в полноте,
Так во взаимной любви сто человеческих жизней
Будут на благо Земле и в прославление Небес.

Царь. Святой, я сделаю все, что смогу.

Касиапа. Что еще, сын мой, сделать мне для тебя?

Царь. Может ли что еще быть сделано? Но да будет услышана вот эта мольба:

Да правит царь, о благе царства помня,

И счастье подданным дает,
Богиня песни¹³⁴ светлые дороги

В искусстве слова да ведет,

И да восхочет тот, чей свет в пространстве,

Чья мысль на каждом здесь челе¹³⁵,

Что, если суждено мне возродиться,

Вновь буду жить — не на земле.

ПРИМЕЧАНИЯ *

Шакунтала (полное название «Шакунтала, узнанная по кольцу») — самая знаменитая драма Калидасы. И древняя традиция, и современная литературная критика рассматривают ее как вершину творчества поэта, как наилучшее произведение древнеиндийской драматургии в целом. Некоторые исследователи считают эту драму последним сочинением Калидасы. Сюжет ее мог быть заимствован из «Сказания о Шакунтале» «Махабхараты» (первая книга). В эпосе сюжет связан с историей царей Лунной династии (сын героя и героини сказания Бхарата появляется в финале драмы Калидасы и дает имя царскому роду (ср. название поэмы «Махабхарата»). Версия сказания встречается также в одной из пуран — «сказаний о древности» — «Падмапуране»; сходство с драмой настолько велико, что, учитывая неопределенность датировки текстов пураны, можно предполагать обратное заимствование. В эпосе рассказывается об истории Шакунталы, которую она сама поведала царю. Мать Шакунталы — небесная дева — апсара Менака бросила новорожденную в долине Гималаев, но ее охраняли от зверей ястребы. Поэтому отшельник Канва, когда увидел младенца, охраняемого ястребами, назвал девочку — «Шакунтала» (дословно — «Охраняемая ястребами»). Сюжет эпического сказания Калидаса изменил, введя мотивы проклятия и кольца-талисмана, который возвращает память о возлюбленной. Это коренным образом преобразовало содержание произведения.

«Шакунтала» — одно из первых произведений древнеиндийской литературы, переведенных на европейский язык. Английский перевод У. Джонса сыграл, как уже отмечалось, огромную роль в пробуждении на Западе интереса к творчеству Калидасы

* Примечания составлены Г. Бонгард-Левиным и В. Эрманом.

и к древнеиндийской культуре. Издана драма была впервые в Калькутте в 1761 г. На русский язык переведена впервые с оригинала А. Путятой в 1879 г. В 1884 г. в Вене был поставлен балет на тему «Шакунталы». Известна также успешная постановка драмы на русской сцене (в Московском Камерном театре в 1914 г., с А. Коонен в главной роли).

¹ Правильно — Душьянта.

² *Бгарата* и далее правильное написание имен действующих лиц таково: Бхарата, Мадхавья, Райватака, Бхадрасена, Карабхака, Парватаяна, Сомаратха, Шарнгарава, Шарадвата, Джанука, Анасуя, Приямвада, Кашьяпа, Галава. Принимая имя апсары Митракеши, Бальмонт следовал за переводчиком, который использовал одну из версий драмы. В основном тексте имя апсары — Санумати.

³ Как и в других пьесах Калидасы, благословение (нанди) обращено к Шиве.

⁴ В оригинале во вступительном благословении к «Шакунтале» все восемь «тел» Шивы (см.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 4) не названы, но даны описательно. *Жрец* (точнее: «жертвующий») рассматривается как самостоятельный космический образ, здесь отражаются древнейшие представления ритуального мировоззрения. *Эфир* считался сферой распространения звука. Согласно очень ранним воззрениям, первой была создана Вода.

⁵ Песня актрисы «Шакунталы» отличает пролог пьесы от других драм Калидасы.

⁶ В подлиннике упоминается цветок патала (*Bignonia Suaveolens*).

⁷ В подлиннике: цветы шириша (*Acacia Sirissa*).

⁸ В древнеиндийском театре декораций, как уже отмечалось, не было; упоминаемые в пьесе лань, колесница, кони и т. д. на сцене отсутствовали; все это передавалось условными жестами и стихотворными репликами. Возничие (сута) принадлежат к специальной касте, весьма высокой в социальном и политическом отношениях. Возничие были приближенными царя, воевали вместе с ним и в то же время воспевали его подвиги и могущество (условно их можно сравнить с бардами Европы).

⁹ Шива иногда изображается в образе охотника; можно полагать, что возница передает миф о Шиве: облик оленя (лани) принял бог-творец, и Шива, не зная об этом, пронзил его стрелой.

¹⁰ Стих наглядно передает погоню царя на колеснице за оленем, ее стремительный бег.

¹¹ Убийство животного, особенно священного, считалось большим грехом (ахимса — неубиение живых существ).

¹² *Пуру* — по индийской мифологии, древний царь Лунной династии, предок Душьянты; имя восходит к этнониму, названию древнего племени (пауравы, потомки Пуру).

¹³ *Малини* — река, идентифицируемая с современной Пайшуной, притоком Ганги, протекающим вблизи местности, где была расположена древняя столица царей Лунной династии — Хастинапура.

¹⁴ *Соматирта* (правильно — Соматиртха) — древнее место паломничества, находившееся, как полагают некоторые ученые, в районе Панипата, севернее современного Дели; другие считают, что это священное место было расположено на полуострове Катхиавар, около знаменитого храма Сомнатх.

¹⁵ *Миндальное целительное масло*. — В подлиннике упоминается о плодах дерева индида (*Terminalia Catappa*). Плоды обладают, как считали древние индийцы и считают сейчас сторонники народной медицины, лечебными свойствами. Из этих плодов аскеты выжимали масло, которое использовалось для врачебных целей, для растираний; его же применяли и для возжигания священного огня.

¹⁶ По традиции, даже царю не разрешалось тревожить отшельников, запрещалось со свитой и с оружием входить в их обители.

¹⁷ То есть в одежде обычного человека, а не царя или знатного вельможи.

¹⁸ *Подергивание в руке*. — Дрожь у мужчины в правой руке считалась предзнаменованием скорой встречи с любимой, знаком, указывающим на счастливую семейную жизнь.

¹⁹ В подлиннике: «...но дрожит рука». См. примеч. 18.

²⁰ Такое сравнение имело фигуральный смысл: девушки-отшельницы в лесной обители превосходили красотой красавиц царского гарема, подобно тому как лесные лианы прекраснее лиан, возвращенных в царском саду.

²¹ Образ, очень популярный в Индии.

²² В Древней Индии отшельники обычно носили одежду из коры деревьев, которая была предварительно обработана особым способом.

²³ В подлиннике: «Недаром тебя зовут Прямовада», — игра слов, имя означает буквально: «Сладкоречивая, говорящая приятное».

²⁴ На санскрите манго — мужского рода, а жасмин — женского. Представление о браке растений, распространенное в Древней Индии, коренится в очень древнем мифологическом мировоззрении.

²⁵ В подлиннике: «...к другой варне». Понятие варны, одного из четырех основных сословий древнеиндийского общества, не вполне совпадает с понятием касты (джати) — общественного института, получившего развитие позднее. Царь, принадлежащий к варне кшатриев (воинской аристократии), не мог вступить в законный брак с Шакунталой, если она принадлежала к варне своего приемного отца — брахманской (жреческой), более высокой, чем кшатрийская. Но если, как выясняется позднее, Шакунтала — дочь Вишвамитры (кшатрия по рождению), то препятствий для брака с царем уже нет.

²⁶ В тексте речь идет не о плодах, а о традиционном угощении, в которое входили прежде всего рис с молоком, особая трава и т. д. Подавалась гостю и вода в сосуде. В Древней Индии приход гостя считался счастливым знаменем, и его окружали вниманием. Индийцы верили, что вместе с гостем приходят и боги, и счастье.

²⁷ Древние тексты или древнее предание.

²⁸ Драматург не мог приписать царю ложь: заявив о своем долге защищать подданных и соблюдать справедливость, Душьянта, не называя себя пока царем, говорит об обязанностях, приписываемых царю. И когда станет ясно, что перед девушками царь, его слова не окажутся лживыми.

²⁹ *Каусика* (правильно — Каушика) — родовое имя знаменитого мудреца Вишвамитры, принадлежавшего к побочной ветви того же Лунного рода, к которому принадлежал и Душьянта — Паурава.

³⁰ *...боги, возревновав, послали небесную деву...* — На этом мотиве строятся многие сказания в эпосе. Небесных дев — апсар — посылает обычно в этих сказаниях для искушения подвижников царь богов Индра. Считалось, что великое могущество, обретаемое подвижниками благодаря умерщвлению плоти, угрожает власти Индры на небесах.

³¹ В подлиннике: «...уколола ногу о молодую траву куша». Куша, или дарбха (*Роа Cynosuroides*), — трава с острыми стеблями, которая считалась священной и широко употреблялась в ритуале.

³² В подлиннике: «...шелковая ткань из Китая». С очень раннего времени индийцы завозили шелк из Китая.

³³ У Калидасы говорится также и о тигре.

³⁴ Дословно: «Переодевшийся после омовения».

³⁵ *...лук в руке и девица в сердце. На нем гирлянда из диких цветов.* — Перевод неверен — в подлиннике: «...в сопровождении яванийек, несущих луки, надевших гирлянды из лесных цветов». Яванийками (см.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 51) называли царских служанок-оруженосиц; эту должность

при дворах индийских царей исполняли женщины греческого происхождения либо из Греко-Бактрии, либо из других областей, где проживало грекоязычное население.

³⁶ Шут (видушака) принадлежал к сословию брахманов, которым запрещалось заниматься охотой.

³⁷ ...я плакал в лесу? — буквальный перевод идиоматического выражения, соответствующего нашему «вопить в пустыне», «голос вопиющего в пустыне».

³⁸ Медведь-людоед.

³⁹ ...как в некоем камне драгоценном... — Существовало представление о «солнечном камне» (букв: «любимец солнца»), который под воздействием солнечных лучей испускал скрытый в нем жар. Сравнение указывает на способность отшельника, внешне невозмутимого, жестоко покарать того, кто его обидит.

⁴⁰ В подлиннике: «...как брошенный цветок жасмина, упавший на лист арки». Арка (*Calotropus Gigantea*) — растение, листья которого употреблялись в ритуале.

⁴¹ Сбирать налог с отшельников запрещалось. Считалось, что духовными заслугами они укрепляют царскую казну.

⁴² В подлиннике: «...чета чаранов». Чараны — мифические небесные певцы; так же называли и земных странствующих певцов.

⁴³ В подлиннике: «...носящий святое имя мудреца, коему предшествует царский титул».

⁴⁴ В подлиннике: «...друг Сокрушителя Валу». Этот эпитет Индры восходит к мифу о победе бога над Валою — Демоном пещеры. Эпические герои нередко выступают как друзья и соратники богов.

⁴⁵ В подлиннике вторая половина этой строфы означает буквально: «Ибо боги, закоренелые враги демонов, надеются на победу в битвах, полагаясь на его натянутый лук и на палицу Почитаемого Многими Жертвоприношениями». Последний эпитет также принадлежит Индре; «палица» (ваджра) — мифическое оружие бога-громовержца, воплощение грома и могущества.

⁴⁶ Защита лесных обитателей от нападений демонов — ракшасов, упоминаемых у Калидасы (мифологическое отражение набегов диких лесных племен на индо-арийские поселения), провозглашается священным долгом царей и героев в эпических сказаниях.

⁴⁷ Согласно комментатору, речь идет об одной из важнейших церемоний, совершаемой в честь сына, сходной с церемонией при рождении сына. В этот день сын обязан преподнести матери сладости, подарки (роскошные одеяния) и т. д. Нарушение этого установления считалось тяжким грехом.

⁴⁸ В подлиннике: «Останься посредине, как Тришанку». Тришанку — герой древнего сказания, царь Солнечной династии; возгордившись своим могуществом, он пожелал вознестись на небо при жизни, но, несмотря на помощь великого мудреца Вишвамитры, был остановлен в своем вознесении Индрой и навечно остался висеть между небом и землей.

⁴⁹ Просит шута (как брахмана) совершить вместо него необходимые обряды. В подлиннике — «траву дарбха» (см. примеч. 31).

⁵⁰ См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 36.

⁵¹ В подлиннике: «...на руке еле держится единственный браслет — из лотосов». Браслеты, спадающие с исхудавших рук, — знак любовного томления, постоянный образ в индийской лирической поэзии.

⁵² В подлиннике: «Лиана мадхави». Мадхави — «весенний цветок» (*Gaertnera Racemosa*), лиана с красивыми белыми цветами, считалась воплощением весны.

⁵³ В подлиннике: «Смара, бывший причиной моих мучений, стал теперь моим избавителем. Так день, померкший с приходом туч, становится утешением для всего живого на исходе знойного лета». Смара — одно из имен бога любви.

⁵⁴ В подлиннике: «...принесите мне воды с сезамом». Вода с зернами сезама приносилась в поминальном обряде душам усопших.

⁵⁵ См. примеч. 51.

⁵⁶ Подношение цветов, оставшихся после обряда, было выражением глубокого почтения.

⁵⁷ Метафора (волоски, которые поднимаются на теле от любовного томления) передает состояние любовной страсти. Образ, популярный в индийской литературе.

⁵⁸ Одно из свидетельств широкого распространения письменности в Древней Индии; индийцы писали и на пальмовых листьях.

⁵⁹ В подлиннике: «Солнце не столько угнетает лотос, сколько затмевает месяц», то есть месяц страдает от солнца больше, чем лотос, который раскрывается ночью и смыкает лепестки лишь с наступлением дня.

⁶⁰ В подлиннике: «...опоясанная Морем Земля» — царица, главная жена царя. См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 20.

⁶¹ В подлиннике: «Многие дочери царственных мудрецов вышли замуж по обычаю гандхарвов, и замужество было признано их отцами». Брак по обычаю гандхарвов — один из восьми видов брака, определенных в индуистских установлениях: он совершается без предварительного согласия родителей

и без свадебных обрядов и основан на взаимном решении жениха и невесты.

⁶² См. «Малявика и Агнимитра», примеч. 36.

⁶³ В подлиннике: «Чакравака». См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 48.

⁶⁴ В подлиннике: «Кровожадные», то есть демоны. См. примеч. 46.

⁶⁵ В подлиннике: «...по обычаю гандхарвов». См. примеч. 61.

⁶⁶ В роли богини-покровительницы супружеского счастья женщин выступала супруга Шивы (в ее милостивой ипостаси Гаури).

⁶⁷ Упоминаемый в эпосе и пуранах Дурвасас — великий подвижник, известный своей вспыльчивостью; он считался земной ипостасью бога Шивы; имя буквально означает «полуодежный». Образ сурового подвижника, обладающего магической силой и жестоко карающего за совершённый грех, встречается во многих эпических сказаниях. Невнимание (пренебрежение) к Дурвасасу отягощается еще и тем, что он как гость заслуживал особого расположения. Обычай приема гостя в Древней Индии был детально разработан, нарушение этого обычая сурово наказывалось.

⁶⁸ Клятва брахмана нередко сравнивается с огнем.

⁶⁹ Считалось, что проклятие подвижника не может быть взято обратно, но смягчение вины, как в данном случае, при определенных обстоятельствах было возможно. Дурвасас смягчил свой жестокий приговор.

⁷⁰ Традиционный образ задумавшейся женщины.

⁷¹ Здесь кончается вводный эпизод и начинается IV действии.

⁷² *...Месяц, владыка целебных растений...* — Считается, что лунный свет влияет на их рост; Сома — бог луны в индийской мифологии — почитается также как покровитель флоры, культ его связан с древнейшим культом одноименного растения. Он считается и исцелителем растений. *Закатная гора*, за которой скрывается солнце на западе, — традиционный образ в индийской поэзии. *...и солнечный круг на востоке восходит...* — В подлиннике: «С другой стороны является Солнце, предшествуемое Аруной». Аруна — бог зари, колесничий бога солнца в индийской мифологии.

⁷³ В подлиннике: «Пусть Кама теперь радуется»; считалось, что Кама, бог любви, находит особое удовольствие в совращении юных дев.

⁷⁴ В подлиннике: «но кого из отшельников, суровых по природе своей, можем мы просить (быть вестником)?»

⁷⁵ *...Сакунтала — точно мимоза...* — Шакунтала сравнивает-

ся с деревом шами (*Mimosa Suma*), в котором, по древнему поверью, таится («зачат») скрытый огонь; издревле оно употреблялось для возжигания трением священного огня.

⁷⁶ В подлиннике: «Я положила туда для этой самой цели гирлянду из долго не вянущих цветов бакулы, ты ее одень ей на руку, а я между тем приготовлю для нее...»

⁷⁷ *Гастинапура* (правильно — *Хастинапура*) — древняя столица царей Лунной династии, расположенная на правом берегу Ганги в верхнем ее течении, к северо-востоку от современного Дели. По преданию, город был основан царем Хастинном.

⁷⁸ В подлиннике: «Сын Нарады». Нарада — посланец богов, священный мудрец.

⁷⁹ *Создание его мысли?* — Мудрецам-подвижникам приписывалась способность создавать мыслью — «силою йоги» — любые предметы.

⁸⁰ ...как *Сармишта*, супруга *Ййяти*... — См.: «*Малявика и Агнимитра*», примеч. 24. В подлиннике назван сын *Шармиштки* — *Пуру*, предок *Душьянты*.

⁸¹ Следующая строфа предваряется объяснением о том, что благословение Канвы составлено «размером *Ригведы*» — древнейшего литературного памятника Индии.

⁸² В подлиннике названы «божества», лесные духи.

⁸³ В подлиннике говорится о траве куша. Просьба *Бальмонта* об исправлении *осока* на *асока* не была исполнена.

⁸⁴ В тексте говорится о просе.

⁸⁵ Священная письменная традиция — *смрити*, в отличие от священного устного предания — *шрути*.

⁸⁶ Разбрасывание зерен риса перед входом в дом — один из древнейших обычаев в Индии; смысл его в подношении риса всем живым существам, а также божественным охранителям дома.

⁸⁷ *Царедворец* — один из традиционных второстепенных персонажей санскритской драмы, человек преклонного возраста, возглавляющий дворцовых слуг («дворецкий»).

⁸⁸ Бог солнца в индийской мифологии изображается как объезжающий небо на колеснице, которая запряжена огненными конями. *Сешиа* (правильно — *Шеша*) — тысячеглавый (эпитет «тысячеглазый» в оригинале отсутствует) космический змей, поддерживающий землю.

⁸⁹ Большой зонт (балдахин) — один из знаков царского достоинства в Древней Индии.

⁹⁰ В большинстве редакций здесь названа *Хансападика* — одна из женщин царского гарема, бывшая фаворитка *Душьянты*.

⁹¹ В подлиннике: «...в прошлых рождениях» (которые могли быть и на Земле, в образе человека). Учение о перевоплощении — одно из основных положений индуизма.

⁹² Дурное предзнаменование для женщины.

⁹³ В подлиннике: «...боюсь, что окажусь в положении кшетрина» (кшетрин можно перевести условно как «отчим» или «приемный отец», то есть муж матери, не являющийся в действительности отцом).

⁹⁴ В подлиннике даже приводится имя оленя: Диргхапанга — Прекрасноокий.

⁹⁵ *Пруд Небожительниц.* — В ведийских мифах рассказывается об апсарах, в образе птиц плавающих в озере. Вознесение Шакунталы связывается с ее происхождением от небесной девы Менаки.

⁹⁶ *Начальник стражи.* — В подлиннике он назван «царским шурином». Персонаж часто присутствует в древнеиндийских пьесах.

⁹⁷ Перевод раскрывает смысл названия места паломничества — Шакраватара.

⁹⁸ В подлиннике: «Нечего сказать, благочестивое занятие!» Рыбаки принадлежали в Древней Индии к одной из низших каст; всякое занятие, связанное с умерщвлением живых существ, считалось презренным (но не воинское и не жреческое).

⁹⁹ В подлиннике: «...убрать его цветами для казни» (на тех, кто был осужден на смерть, надевали гирлянду из красных цветов как жертву богу — обычно Шиве или его супруге Дурге).

¹⁰⁰ За воровство царского имущества полагалась смертная казнь: человека убивали, затем его тело выбрасывали на съедение собакам и грифам.

¹⁰¹ В подлиннике: «Мой черед был служить на Пруды Небесных Дев в час омовений благочестивых». В обязанности апсар входила защита благочестивых паломников во время их омовений в святых местах. В некоторых редакциях имя апсары — Санумати. Эта апсара была родственницей Шакунталы по матери.

¹⁰² *Кукушечка.* — Здесь это имя собственное: Парабхритика (букв.: «кукушечка»), как и имя второй девушки далее: Мадхукарика (букв.: «пчелка»). В последующем диалоге обыгрывается значение имен.

¹⁰³ Цветок манго — один из пяти стрел бога любви Камы (см.: «Малаялика и Агнимитра», примеч. 31). Жена странника, тоскующая в разлуке, — один из излюбленных образов древнеиндийской лирики (см. знаменитую поэму Калидасы «Облако-вестник»).

¹⁰⁴ Праздник возвращения весны обычно посвящался богу Кришне и его сыну Каме.

¹⁰⁵ В подлиннике: «Когда она молилась в Шачитиртхе, оно соскользнуло с пальца в воду Ганги». Шачитиртха (у К. Бальмонта — Сачитирта) — место паломничества на берегу Ганги, посвященное богине Шачи, супруге Индры.

¹⁰⁶ В подлиннике: «Поспешно входит Чатурика с картиной в руках».

¹⁰⁷ *Облачный чертог* — очевидно, название одной из дворцовых башен.

¹⁰⁸ *Сакета* — столица государства Айодхья в Северной Индии.

¹⁰⁹ *Мать богов* — в подлиннике: «мать великого Индры» (то есть Адити; см. примеч. 122).

¹¹⁰ Жертвоприношения, сопровождающие рождение наследника.

¹¹¹ Магическая способность отделять молоко от воды в их смеси приписывалась в индийской поэзии фламинго (или дикому гуску).

¹¹² *Калянеми* (правильно — Каланеми) — сторукий и стоглавый демон, побежденный Вишну.

¹¹³ Эпитет Индры: «обладающий стократной силой» или «свершивший сто жертвоприношений (коня)».

¹¹⁴ Цари Лунной династии возводили свой род к Соме — богу Луны.

¹¹⁵ Признак особого уважения, проявленного к царю: бог Индра усаживает его рядом с собой на небесном троне.

¹¹⁶ *Мэндара* (правильно — мандара) — мифическое дерево, одно из пяти волшебных райских деревьев в небесном царстве Индры; другое дерево — сандаловое («харичандана»); сандаловой пастой Индра намазывает грудь.

¹¹⁷ В подлиннике: «Дважды небеса счастливец Индры избавлены были от демонской нечисти: некогда — когтями Человека-Льва, а ныне — твоими отточенными стрелами». Человек-Лев — одна из ипостасей бога Вишну (четвертая аватара), в образе Человека-Льва он спас богов и смертных от притеснений могучего демона Хираньякашипу; в индуистских мифах Вишну нередко приходит на помощь терпящему поражение Индре.

¹¹⁸ В подлиннике: калпа — одно из райских деревьев.

¹¹⁹ Париваха (у К. Бальмонта — *Паривага*) — один из семи ветров, каждый из которых имел свою «дорогу» в небесах. По дороге Паривахи движутся семь звезд Большой Медведицы (упоминание их, как и Млечного Пути, в оригинале отсутствует), а также протекает река Ганга, которая, по представлениям древних индийцев, берет начало на небе (небесная Ганга иногда

отождествляется с Млечным Путем). Миф о трех шагах Вишну, которыми он отвоевал вселенную у демонов, восходит еще к ведам. Под вторым шагом Вишну здесь подразумеваются небеса. Речь идет об очень ранней аватаре Вишну — в образе карлика. По традиции, царь демонов Бали (или Хираньякашипу) достиг власти над всеми тремя мирами (подземным, земным, небесным) и подчинил всех богов, в том числе Индру. Вишну пошел на хитрость, чтобы посрамить демонов и вернуть к власти богов. Он спустился на землю в виде карлика и попросил у Бали столько земли, сколько он пройдет тремя шагами. Демон согласился. Тогда Вишну вырос до гигантских размеров и сделал два шага, покрыв небо и землю. Третий шаг он делать не стал, и подземный мир остался миром демонов.

¹²⁰ *Птицы гроз* — чатаки (см.: «Маялика и Агнимитра», примеч. 27).

¹²¹ *Гемакута* (правильно — Хемакута, «Златоверхая») — мифическая гора, помещаемая к северу от Гималаев (недалеко от священной горы Кайласа). *Конеглавы* — кимпуруши, фантастические существа, обитающие на этой горе, слуги бога богатства Куберы — владыки Севера.

¹²² *Касуана* (правильно — Кашьяпа) — сын Маричи, старшего сына бога-творца Брахмы, прародитель богов, демонов и людей, а также многих существ полубожественной и полудемонической природы. Считался мужем двенадцати богинь, главная из которых — Адити.

¹²³ *Коралловые деревья* — деревья мандара (см. примеч. 116).

¹²⁴ В подлиннике: «Озеро амриты»; амрита — в индийской мифологии напиток бессмертия.

¹²⁵ *Старец Сакалия* (правильно — Шакаля) — старец, принадлежащий к ведийской школе Шакалы, в редакции которой сохранился текст «Ригведы».

¹²⁶ Пальцы с перепонками — признак отваги и высоких достоинств.

¹²⁷ *Сакунта* (правильно — Шакунта) — с а н с к р. «птица», ястреб. Игра слов. Сын «обыгрывает» имя своей матери.

¹²⁸ По древнему обычаю, жена, разлученная с мужем, оставляла волосы стянутыми в узел и не трогала их до его возвращения. Таков же был обычай в случае смерти мужа.

¹²⁹ В подлиннике: «...с Месяцем соединилась Рохини». Олицетворение созвездия, включающего Альдебаран; в индийской мифологии — любимая жена бога Луны.

¹³⁰ Подразумевается двенадцать сыновей Кашьяпы и Адити, среди которых — Индра, Сурья (бог солнца) и др.; они считались олицетворениями двенадцати знаков солнечного зодиака.

Владыка трех миров (небесного, земного и подземного) — Индра; это один из его эпитетов.

¹³¹ *Пауломи* — «дочь Пуломана», так иногда называлась супруга Индры.

¹³² По индуистской космографии, вселенная состояла из семи островов-материков, которые омывались водами мирового океана.

¹³³ *Бгарат* (правильно — Бхарат) — правитель вселенной, опора ее.

¹³⁴ В подлиннике: Сарасвати (см.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 22).

¹³⁵ Эпитеты Шивы.

МУЖЕСТВОМ ДОБЫТАЯ УРВАШИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Директор и актер (в прологе).

Пурурава с¹ царь Пратистханы, города, который был расположен на левом берегу Ганга и развалины которого виднеются против Аллагабада.

Айюс, сын Пурураваса.

Манавака, шут, наперсник царя.

Читрататта, царь гандгарв, небесных музыкантов при дворе Индры.

Нарада, небесный мудрец, сын Брамь.

Царедворец.

Горец.

Пэлява }
Гальява } ученики мудрого Бгараты.

Урваси, небесная дева с неба Индры.

Читралэха, небесная дева, подруга Урваси.

Саганджания }
Рамбга } другие небесные девы.
Мэнака }

Аусинари, царица, супруга Пурураваса, дочь царя Каси (Бенарес).

Нипуника, служанка царицы.

Индра, владыка божества, властитель Сварги (рай).

Кэси, исполин, враг богов.

Бгарата, божественный мудрец, начинатель драматического творчества.

Женщина явани.

Стража, небесные девы и другие.

В первом действии сцена представляет вершину Гималаев, во втором и в третьем — дворец Пурураваса в Пратистхане, в четвертом — лес Акалуша и в пятом — дворец царя.

ПРОЛОГ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Да будет тот, кого зовут в Ведантах
Единым мужем,—
Кто проникает небеса и землю,—
Чье имя — Властный —
Не может быть применено к другому,
К нему ж подходит,—
Кто внутренне увиден четко теми,
Что возжелали
Быть вольными, задержкою дыханья
Пройдя через искус,—
Да будет Сива, он, кого достигнуть
Возможно верой
И созерцаьем,— он навек да будет
К вам благосклонен! ²

Директор ³ (в конце благословения). Довольно этого длинного славословия. (Посмотрев за сцену.) Мариша ⁴, это благородное общество видело драматические произведения древних поэтов; я предложу ему сейчас новое сочинение, называемое *Мужеством добытая Урваси*, произведение, созданное Калидасой. Да будут же о том оповещены актеры, и каждый из вас да приложит все старания к своей роли.

Актер (входя на сцену). Как повелит их милость.

Директор. В ожидании, приветствуя поклоном чтимых и просвещенных лиц этого собрания, я обращаю к ним несколько слов:

Во имя желанья пребыть в разумении
С своими друзьями
И в знак почитанья, которым отметите

Создание искусства,
Прошу вас покорно прослушать внимательно
Рассказ Калидасы.

Г о л о с з а с ц е н о й. Владыки, помогите! Помогите!

О!.. Что это за внезапный крик тревоги, исторгнутый существами, что следуют по небу в небесных колесницах?

(Подумав.) О, я знаю, это, должно быть,
Та дева, что возникла из бедра
Отшельника святого друга Нары ⁵.
Она, от Каиласы уходя,
Захвачена была на полдороге
Врагами своевольными богов,
Вот почему толпа апсар вызывает
О помощи, дабы спасти ее.

Уходят оба.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

А п с а р ы стремительно появляются.

А п с а р ы. Владыки, помогите! Помогите! Кто-нибудь, кто летает с крыльями бога или может проходить в пространствах неба!

Ц а р ь в колеснице стремительно появляется со своим
в о з н и ц е й.

Ц а р ь. Довольно вскриков тревоги. Приблизившись ко мне, царю Пуруравасу, что возвращается от Сурьи ⁶, бога солнца, говорите. В чем защитить вас?

Р а м б г а (одна из небесных дев). Защити нас от дерзости асур ⁷.

Ц а р ь. Какое оскорбление нанесли вам дерзкие асуры?

Р а м б г а. Да выслушает великий царь: та, что есть оружие нежное Индры, когда он испуган сверхмерностью умерщвлений, та, что превзошла богиню Гаури ⁸, гордую своей красотой, краса неба, наша милая подруга, возвращаясь из жилища Куверы ⁹, была на полдороге, вместе с Читралэхой, схвачена неким данавой ¹⁰.

Ц а р ь. А известно ль, в пространства какой стороны устремился этот злосчастный?

А п с а р ы. К областям Сивы.

Ц а р ь. Так будьте бестревожны. Я постараюсь вернуть вам вашу подругу.

А п с а р ы (с радостью). Это достойно потомка бога луны.

Ц а р ь. Но где будете вы ждать меня?

А п с а р ы. На вершине горы Гемакуты ¹¹.

Ц а р ь. Возница, направь коней быстрым бегом к черте пределов Сивы.

В о з н и ц а. Как его милость повелит. (Он повинуется.)

Ц а р ь (подражая быстроте колесницы). Хорошо! Хорошо! С этой быстрой колесницы я нагнал бы полуптицу, Гаруду ¹² самого, летящего предо мной; на самом деле,

Пред колесницею моей,
Испепеленно, облака
Летят, как пыль столбом,—
И в промежутках между спиц,
В круговращенье колеса
Круг спиц встает другой,—
На голове моих коней
Султан, хвост яка, недвижим
Во всю свою длину,—
А в колеснице, посреди,
Под ветром знамя, распрямясь,
Идет за край ее.

Царь и возница исчезают.

С а г а н д ж а н и я. Ну, подружки, мудрый царь отбыл; пойдем же к условленному месту.

М э н а к а. Да, идем.

Так разговаривая, они изображают восхождение на вершину горы Гемакуты.

Р а м б г а. Мудрый царь будет же способен извлечь стрелу, что пронзает нам сердце.

М э н а к а. Дружок, не сомневайся.

Р а м б г а. Но данавы трудно победимы.

М э н а к а. Сам великий Индра, готовый объявить бой, извел из срединного мира ¹³ этого высокочтимого

вitalia и поставил его во главе воинов, чтобы удостоверить победу богам.

Р а м б г а. Да будет же он победоносен сполна.

М э н а к а (*помедлив минутку*). Мужайтесь! Мужайтесь, подруги! Видно колесницу царя, украшенную знаменем с изображением лани ¹⁴, которое даровал ему бог луны. Не достигнув своей цели, он не вернулся бы, я полагаю.

Они показывают на что-то и продолжают некоторое время смотреть. Ц а р ь, сидящий на своей колеснице, появляется с в о з н и ц е й. У р в а с и с глазами, закрытыми от страха, и опираясь на руку Ч и т р а л э х и, с ними.

Ч и т р а л э х а. Подружка, очнись, очнись! О моя робкая, миновала опасность, которую замыслили недруги богов. Три мира хранимы величием бога Молнииеносца ¹⁵. Открой же твои большие глаза, как лотосы раскрывают цветы свои на исходе ночи. Как странно! Только по ее дыханию заметишь, что она жива. Даже сейчас она не приходит в сознание.

Ц а р ь. Твоя подружка была только что очень испугана.

Сердце ее еще бьется тяжелым биением,

Видно, как меж округлостей пышных грудей

Та благовонная лента расцветов мэндары ¹⁶

То приподнимется, то, задрожав, упадет.

Ч и т р а л э х а (*с печалью*). Урваси, милая, приди в себя. Скажут еще, что ты не апсара.

Ц а р ь

Еще ее сердце, что нежно, как нежный цветок,

Не может расстаться с испугом,

Кайма ее платья трепещет меж юных грудей,

Что дышат душистым санталом ¹⁷.

Урваси приходит в себя.

(*С радостью*.) Читралэха, будь счастлива, твоя милая подружка пришла в чувство. Смотри:

Как с восходом луны

Ночь свободна от мрака,—

Как пронзается дым

От полночной лампы,—

Как от осыпи Ганг,
Возмуться, вновь спокоен,—
Успокоилась вновь
Эта нежная дева.

Ч и т р а л э х а. Милая Урваси, не бойся. Великий царь, исполненный заботливости, победил их вполне; данавы, враги богов, обмануты в своих чаяньях.

У р в а с и (*открывая глаза*). Не великий ли Индра помог мне, увидев нападение?

Ч и т р а л э х а. Нет, не великий Индра, но мудрый царь, подобный Индре в своем величии.

У р в а с и. Милая Читралэха, где могут быть воинства наших подруг?

Ч и т р а л э х а. Великий царь, дарующий нам безопасность, знает это.

Ц а р ь (*смотря на Урваси*). Все твои подруги в изнеможенье. Взгляни.

Тот, на чьем пути счастливом
Ты хоть раз один предстала,
Был бы он, тебя лишившись,
Омрачен и огорчен.
Так подумай же, как грустны,
Дева неба, чара неба,
Те, чья ласковая дружба
Заодно с тобой выросла.

У р в а с и (*в сторону*). Речь твоя есть воистину медвяный напиток,— медвяный напиток ¹⁸, излившийся с луны; говорят, что он дивен. (*Громко.*) Вот почему мое сердце летит к моим подругам.

Ц а р ь (*указывая рукой*). Твои подруги, прекрасно-небесная, смотрят на лик твой с вершины Гемакуты, куда они ушли, с тревогой, как если б была ты луна, освобожденная от затмения.

Урваси смотрит на царя со страстью.

Ч и т р а л э х а. Подружка, на что ты смотришь?

У р в а с и. Того, кто со мною делит мою радость и горесть, пью моими очами.

Ч и т р а л э х а (*улыбаясь*). Кого же?

У р в а с и. Но... рой моих подруг.

М э н а к а (*с радостью, взглянув*). Подружки, вот приближается мудрый царь, добыв нашу милую Урваси

вместе с Читралэхой, — точно блаженный Сомы, бог луны, в содружестве созвездия колеса Девы ¹⁹.

Сагаджания. Подружка, ты хорошо сказала, — данаву трудно победить.

Царь. Возница, спусти колесницу по этому горному хребту.

Возница. Как повелит его милость. *(Он повинуется.)*

Урваси, подражая движению спускающейся колесницы, застенчиво опирается на царя.

Царь *(в сторону)*. О, воистину, он мне благожелателен, неровный этот спуск.

От качанья колесницы
Я плечом плеча касаюсь,
Нежнобедренной прекрасной
Вижу длинные глаза, —
Точно бог любви коснулся
До меня, трепещет тело,
Волоски на нем привстали,
Как весенние цветки.

Урваси *(взволнованная)*. Подружка, подвинься немножко.

Читралэха. Нет, нет, я не могу.

Рамбга *(в глубине сцены)*. Пойдем навстречу царю, который свершает благое.

Апсары. Да, идем.

Они приближаются.

Царь

Возница, останови колесницу, —
Прекраснобровая да будет,
Подруг желая, с ними вместе,
Как льнет теплом своим к лианам
Им всем желанная весна.

Возница. Слушаю, государь. *(Говоря эти слова, он останавливает колесницу.)*

Апсары. Счастье и победа великому царю!

Царь. И вы будьте счастливы возвращением вашей подруги.

У р в а с и (*сойдя с колесницы, опираясь на руку, которую ей протягивает Читралэха*). О! Обнимите меня нежно, потому что правда у меня не было больше надежды увидеть моих подруг.

Подруги обнимают ее.

М э н а к а (*с восхищением*). Да будет великий царь повсюду покровителем Земли²⁰.

В о з н и ц а. Государь, великое полчище колесниц виднеется,

И некто до вершины горной,
В запястьях золота литогс,
Через небеса спешит, сверкая,
Как грозовые облака.

А п с а р ы (*с изумлением*). Читраратта!

Ч и т р а р а т т а входит.

Ч и т р а р а т т а (*приближаясь к царю*). Честь тебе, что украсил себя великим благодеяньем и величием твоего подвига!

Ц а р ь. О царь гандгарв!²¹ (*Сходя со своей колесницы.*) Добро пожаловать, милый друг!

Они пожимают друг другу руки.

Ч и т р а р а т т а. Друг, при вести, что Урваси похищена Кэси, воинства гандгарв посланы были Индрой, чтобы освободить ее. В тот же миг из уст тех, что странствуют в небесных колесницах,

Узнав твой подвиг достославный,
Я поспешил скорей сюда.
Ты, услуживши деве неба,
Достоин Индру увидеть.

Воистину, это великая услуга, которую ты ему оказал. Смотри:

Нарайяной она была когда-то
Для правящего Индры создана.
Друг бога, ныне ты ему ту деву
Дал вновь, отняв у духов злых ее.

Ц а р ь. Друг, это не так,—
Могущество Громовника ²² не так ли
Велико, что приязные его
Всегда сразят врагов его? В ущельях
Рык львиный не пугает ли слонов?

Ч и т р а р а т т а. Прекрасно. Скромность — истинное украшение отваги.

Ц а р ь. Друг, теперь не время видеть Индру. Но ты сам проводи меня к лику владыки Сварги ²³.

Ч и т р а р а т т а. Как твоей милости угодно. Девы неба, идем.

Все удаляются.

У р в а с и (*тайком, своей подруге*). Милая Читралэха, я не могу говорить с великим царем, который мне помог,—будь же моими устами.

Ч и т р а л э х а (*приблизившись к царю*). Великий государь, Урваси просит меня сказать тебе это: освобожденная великим царем, я хочу унести в мир богов славу о нем, как будто бы это была моя подруга.

Ц а р ь. Если б нам увидаться еще раз.

Все небесные девы и гандгарвы удаляются через небеса.

У р в а с и (*делает вид, что ее что-то задерживает на пути*). О! Моя подвеска из сплошного ряда жемчугов зацепилась за ветку лианы. (*Приближаясь к царю, как будто нечаянно, она смотрит на него.*) Милая Читралэха, отцепи же эту лиану.

Ч и т р а л э х а (*смотрит на нее с улыбкой*). О, правда, она крепко прицепилась. Я не могу ее отцепить.

У р в а с и. Довольно шуток, на самом деле отцепи ее.

Ч и т р а л э х а. О, мне кажется, трудно распутать ее, однако я сделаю так, чтоб ее распутать.

У р в а с и (*с улыбкой*). Милая подружка, запомни хорошенько слова, которые ты только что сказала.

Ц а р ь

Ты нежную услугу оказала,
Лиана, мне, поставивши преграду
Минутную отбытию ее:
Ту деву длинноокою однажды
Еще увидел я, свое лицо
Она как бы ко мне полусклоняла.

Читралэха освобождает Урваси, которая смотрит на царя и со вздохом глядит на своих подруг, удаляющихся в высотах воздуха.

В о з н и ц а

Отбросив в соленую бездну лукавых даитий,

Что демонски тщились владыку богов оскорбить,
В колчан твой стрела, та летунья, спокойно вернулась,
Как в горный уют свой вползает, вернувшись, змея.
Ц а р ь. Останови же колесницу, чтоб я сел в нее.

Возница повинуется. Царь делает вид, что он садится в колесницу.

У р в а с и (*смотрит на царя с нежностью*). Увижу ли еще этого благого? (*Говоря это, она удаляется с гандгарвами в сопровождении своих подруг.*)

Ц а р ь (*со взором, обращенным на дорогу, где идет Урваси*). Увы! Любовь желает того, чего трудно достичь.

К дому отца своего, меж Землею и Небом²⁴,
Дева восходит и сердце мое вырывает,
Так же как стройная лебедь, о сломанный лотос
Клювом скользнув, увлекает его волоконце.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПРОЛОГ

М а н а в а к а (*входит возбужденный*). Подальше отсюда всякий, кто помнит меня! О, этой тайной царя, что набухает во мне, как жертва из вареного риса²⁵, я не могу больше сдерживать свой язык среди толпы. Вот почему, пока царь будет в суде, я останусь в этом пустынном храме богов, куда я войду, чтобы освободиться от прикосновений толпы. (*Он делает несколько шагов и садится, закрывая лицо руками.*)

Входит Н и п у н и к а, служанка царицы.

Н и п у н и к а. Вот что сказала мне царица, дочь царя Каси: «О Нипуника, с тех пор как великий царь вернулся

из своего посещения бога солнца, кажется, будто сердце его пусто. Разведай же от досточтимого Манаваки, что за причина его печали». Как же по этому поводу браман этот должен быть вопрошаем? Впрочем, думаю я, как белый иней, расстелившийся на траве, тайна царя не останется долго при нем. Пойду, однако, искать его. *(Замечая его, делает несколько шагов.)* Необыкновенно неподвижный, как обезьяна на картине, размышляя о каком-то деле, досточтимый Манавака держится в стороне. Пойду к нему. *(Приближается.)* Сударь Манавака, приветствую.

М а н а в а к а. Привет тебе. *(В сторону.)* При виде этой проклятой служанки тайна царя, кажется, готова ускользнуть, как будто бы она мне сердце вскрывает. *(Громко, несколько прикрывая себе рот.)* Куда идешь, добрейшая Нипуника, пренебрегая твоим призваньем музыкантши?

Н и п у н и к а. По повелению царицы тебя самого пришла повидать.

М а н а в а к а. Что повелевает ее величество?

Н и п у н и к а. Царица сказала: «У царя отсутствует внимание ко мне,— он не замечает, что дух мой смущен и что я скорблю».

М а н а в а к а. Нипуника, разве поведение моего дорогого друга погрешило в учтивости?

Н и п у н и к а. Супруг царицы назвал ее именем женщины, из-за которой он опечален.

М а н а в а к а *(в сторону)*. Как! Самим же верховным другом моим, им самим, тайна была предана? Почему же теперь я, браман, должен сдерживать мой язык? *(Громко.)* Да неужели? Царица названа была именем Урваси?

Н и п у н и к а. Кто такая эта Урваси?

М а н а в а к а. Это небесная дева Урваси. Сведенный с ума виденьем этой небесной девы, он сокрушает не только царицу, но он жестоко утесняет меня также, меня, брамана,— поворачивается ко мне спиной за обедом.

Н и п у н и к а *(в сторону)*. Разоблачение тайны царя, трудно распознаваемой, получено мной, и я пойду сообщить ее царице. *(Она собирается уйти.)*

М а н а в а к а. Нипуника, скажи от меня дочери царя Каси: «Я устал отвращать моего друга от обманчивого призрака; если б он только увидел лилейный лик ее величества, он вернулся бы к ней».

Н и п у н и к а. Что сударь просит, будет исполнено.

В е с т н и к ^{2b} (за сценой). Победа! Победа тебе, о государь!

Правление твое до граней мира
Меж подданных мрак мыслей прогоняет,
Подобно солнцу,— в свете вы равны.
И так же как на полупутье неба
Миг медлит солнце, светлый царь созвездий,
В шестом часу ты знаешь отдых свой ^{2c}.

М а н а в а к а (прислушиваясь). Мой досточтимый друг, восстав от своего места судьи, направляется в эту сторону, потому я иду к нему. (Он выходит.)

Ц а р ь с озабоченным видом входит в сопровождении
М а н а в а к и.

Ц а р ь

С первого взгляда
Небеснорожденная
В сердце вошла ко мне,
Путь был проложен ей:
Сердце пронзивши стрелой,
Путь ей пробила любовь.

М а н а в а к а. А ласковая дочь царя Каси стала совсем печальной.

Ц а р ь (внимательно смотря на него). Тайна тобой соблюдена?

М а н а в а к а (в сторону). Я был обманут Нипуникой, дочерью прислужницы,— иначе отчего бы мой друг так вопрошал меня?

Ц а р ь. Почему остаешься ты безмолвным?

М а н а в а к а. О, язык мой так связан был тобой, что нет у него ответа даже для тебя.

Ц а р ь. Хорошо, но теперь как мне развлечься?

М а н а в а к а. Ну, пойдем в кухню.

Ц а р ь. Почему в кухню?

М а н а в а к а. А потому, что там, видя блюда, наполненные яствами пяти родов, возможно забыть и жестокое горе.

Ц а р ь. Ты обретишь там усладу, отведывая будешь кушанья, которые ты любишь, но мне, чье желанье трудно достижимо, как мне развлечься?

М а н а в а к а. Скажу тебе,— разве не был ты на пути лицезрения прекрасной Урваси?

Ц а р ь. Ну, и потом?

М а н а в а к а. Так, думаю, воистину нетрудно тебе найти ее опять.

Ц а р ь. Жаждающий ее красоты должен быть не от мира сего.

М а н а в а к а. Любопытство мое растет. Что говоришь ты о красоте владычицы Урваси? Так я, значит, буду смещен на второе место?

Ц а р ь. Я не описал тебе, кажется, подробно ее очарования. Услышь в кратком слове.

М а н а в а к а. Я весь внимание.

Ц а р ь. Друг,

Ее красота украшает ее украшения,
Ее чарованьем приубран весь пышный убор,
Она без сравнения сразила собой все сравнения,
Хотя б все поэты друг с другом вступили здесь
в спор ²⁸.

М а н а в а к а. И все же эта восхищающая красота не более достигнута тобой, который сгорает по ее божественной сущности, чем чатакой-птицей ²⁹ — марево вод, которого она жаждет пламенно.

Ц а р ь. Друг, лишь одно мне исцеленье,— почаше бывать в затонах свежих и пустынных. Покажи же мне дорогу в сад услад.

М а н а в а к а (*в сторону*). Где же дорога? (*Громко.*)
Здесь, здесь, государь!

Они делают несколько шагов.

Вот ограда сада услад. И благовонный южный ветер, приветствуя гостя, идет навстречу его величеству.

Ц а р ь. Нрав этого ветра приятен, идет к нему название южный, ибо,

Тихонько шевеля жасмины
И прикасаясь до лиан,
Он, как внимательный влюбленный,
В воздушной нежности учив.

М а н а в а к а. Да будет его постоянство подобным же. Да войдет его величество в сад.

Ц а р ь. Друг, входи первый.

Оба как бы входят.

(*Выказывая тревогу.*) Друг, я внушил себе, что мое посе-

шение сада будет верным исцелением моего недуга, но это не так:

Мне, восхотевшему войти,
Вступать напрасно было в сад,
Я с торопливостью вошел,
Но не нашел здесь тишины,
Так тот, кто бросился в поток,
Лишь спутан встречною волной.

М а н а в а к а. Это как же?

Ц а р ь

Бог пятистрельный ³⁰ уж взял
Сердце мое, что, упорное,
Образ искало, любя
Трудное, недостижимое.
Как же теперь мне, когда
Ветры Малайи ³¹ дыханием
Свежие почки зовут
Искриться в рощицах манговых!

М а н а в а к а. Довольно тебе сетовать. Скорее, чем думаешь, любовь, которая есть причина успеха в том, что желанно, сама станет твоей пособницей.

Ц а р ь. Приемлю вещанье, реченное браманом.

Они делают несколько шагов.

М а н а в а к а. Взгляни, взгляни, повелитель, на великолепие сада усад, где все возвещает пришествие весны.

Ц а р ь. Она возникает предо мной на каждом шагу.

Вон нежный цветок амаранта,
Он розоват, как ноготь женский,
Его испод голубоват.

А там асоки цвет расцветший
Пылает алой красотою.
Кто хочет взять, сорви его,
И, позлащенный на верхушке,
С пыльцою нежно-желтоватой,
Весь свежий манговый побег.

Весна в своем очарованье
На грани медлит между детством
И блеском юной красоты.

М а н а в а к а. Итак, эта роща лиан, где есть скамья из драгоценного черного камня, предстает пред госуда-

рем,— со своими цветами, что пчелы, роясь, колышут лапками. Пользуйся.

Ц а р ь. Как тебе угодно.

Они входят в рошу.

М а н а в а к а. Теперь же присядь здесь и, глядя на причудливые извивы лиан, развлекись от твоих печальных мыслей, которые гонятся за небесной Урваси.

Ц а р ь (*вздыхая*). Друг,

Я видел ее красоту,
И взор мой теперь прихотлив:
Лианы ли нужны ему,
Хотя бы и были в цвету!

Надо, однако, найти способ для исполнения моей надежды!

М а н а в а к а (*смеясь*). Советчик Индры, влюбленного в Агалию, был Гром³². Его величеству советчик я. Оба равно безумны.

Ц а р ь. Так ты не размышляешь?

М а н а в а к а (*размышляя*). Я размышляю; но сначала ты не прерывай моего созерцания твоими причитаниями. (*Делая выразительное движение в сторону.*) О, воистину, я знаю, что надо сделать.

Ц а р ь

Небесной этой девы луноликой

Достигнуть очень нелегко.

Что ж значит предвещание блаженства?

Как будто счастье уж тут.

(*Говоря так, он застывает, погруженный в любовную грезу.*)

В это время появляется в воздушной колеснице У р в а с и, сопровождаемая Ч и т р а л э х о й.

Ч и т р а л э х а. Милая Урваси, куда же стремимся мы к неведомой цели?

У р в а с и (*с выраженьем влюбленно-печальным, в замешательстве*). Подружка, на вершине горы Гемакуты, когда я сказала тебе: «Высвободи мою перевязь, что запуталась в ветке лианы», ты ответила мне, улыбаясь: «Крепко она прицепилась, правда, я не могу ее распутать», а теперь ты спрашиваешь меня о неведомой цели, к которой мы стремимся.

Ч и т р а л э х а. Как! Так это к мудрому царю Пуруравасу ты направляешься?

У р в а с и. Таково мое намеренье. Я не считаюсь со скромностью.

Ч и т р а л э х а. Но кого же вперед послала туда моя подружка?

У р в а с и. Сердце мое, воистину!

Ч и т р а л э х а. И, однако, надо было бы подумать.

У р в а с и. Любовь мной повелевает. К чему же думать?

Ч и т р а л э х а. На это мне нечего ответить.

У р в а с и. Подружка милая, укажи же мне дорогу, где не встретится никакого препятствия на нашем пути.

Ч и т р а л э х а. Будь спокойна: не посвятил ли меня божественный владыка богов в непобедимую чару перевязи волос? Ею мы ограждены от всяких нападений со стороны недругов богов.

У р в а с и *(в замешательстве)*. Ты хорошо помнишь, как ее применять?

Ч и т р а л э х а. Сердцу ведомо все.

У р в а с и. Милая подружка, и моему сердцу ведомо все, и, однако, я в неуверенности от приступа боязни.

Обе делают несколько шагов.

Ч и т р а л э х а. Смотри, смотри, милая, мы уже были к жилищу мудрого царя, что расположено, как головной убор, над градом Пратистханы. Точно оно глядится в чистые и прозрачные воды Бгаджиратхи ³³, в том месте, где она встречается с рекой Ямуной ³⁴.

У р в а с и *(смотрит с любопытством)*. Не скажешь ли, что рай переместился? Но где может он быть, царь, исполненный благоволения?

Ч и т р а л э х а. Мы узнаем это вместе, когда сойдем в этот усладительный сад, подобный роще Нанданы ³⁵, где пребывают боги.

Они входят туда обе.

(Заметив царя, с радостью.) Подружка, как блаженный бог луны, восстав, первый ждет ее лучей, царь так же ждет тебя.

У р в а с и. Подружка, в этот миг великий царь кажется мне еще более чарующим на вид, чем при первой встрече.

Ч и т р а л э х а. Это понятно. Иди же, приблизимся.

У р в а с и. Нет, я еще не приближусь, но, незримая под покровом, я стану около него и послушаю так, о чем он разговаривает с другом, который его сопровождает.

Ч и т р а л э х а. Как тебе угодно.

М а н а в а к а. Да, я нашел способ сочетания с любимым существом, которое трудно встретить.

У р в а с и. Кто могла бы быть счастливая женщина, которую он ищет и которая умеет зачаровать его?

Ч и т р а л э х а. Зачем медлишь, подружка, узнать это своим божественным проникновением?

У р в а с и. Подружка, я боюсь узнать это слишком рано таким путем.

М а н а в а к а. Повторяю, я нашел способ соединения с возлюбленной, которую трудно встретить.

Ц а р ь. Друг, скажи.

М а н а в а к а. Да вызовет в себе его величество сон, в котором приснилась бы желанная встреча, или, сделав на картине набросок образа прекрасной Урваси, да смотрит на него его величество и да утешается.

У р в а с и. Сердце мое ободряется.

Ц а р ь. Оба эти способа ничего не стоят. Взгляни:

Это сердце ранено внутри
Стрелами любви. Как обрету я
Сон такой, чтобы она во сне
Близкой мне и ласковой приснилась?
И источник грустных слез моих
Не иссяк бы, если б на картине
Предо мною виделись черты
Этой нежноликой и любимой.

Ч и т р а л э х а. Подружка, ты слышала эти слова?

У р в а с и. Да, но этого еще не довольно моему сердцу.

М а н а в а к а. Такова сила моего изобретения.

Ц а р ь
(вздыхая)

Не ведает она жестокого страданья,
Которым тайно я горю,
А если ведает, узнав через прозренье,
То отвергает страсть мою.

О, да придет же к нам бог страсти пятистрельный
И, взяв цветочную стрелу,
Заставит вспыхнуть в ней желание слиянья,
И плод желанный да сорву.

У р в а с и (*смотрит на свою подругу*). О, мне стыдно, стыдно! Догадывается ли обо мне великий царь? О! Я не способна показаться ему. И потому я вызову моей чудесной силой буквый листок³⁶, напишу на нем и брошу его царю.

Ч и т р а л э х а. Одобряю эту мысль.

Урваси делает вид, что пишет, и бросает листок.

М а н а в а к а. Ой! Ой! Что это такое? Змеиная кожа, упавшая сюда, чтоб пожрать меня?

Ц а р ь (*взглянув*). Не змеиная это кожа, это сочетание знаков, начертанных на буквом листе.

М а н а в а к а. Не Урваси ли это, услышав твои сетования, начертала эти значки на буквом листе и свела их тебе.

Ц а р ь. Ничто не невозможно для судьбы. (*Берет лист и читает его. С радостью.*) Друг, твоя догадка была справедлива.

М а н а в а к а. Хотел бы очень я услышать, что тут написано, на этом листе.

У р в а с и. Хорошо! Хорошо! Ты, любезнейший, лукав.

Ц а р ь. Слушай. (*Он читает.*) «Государь, подобно тому, как ты думал, что я равнодушна к твоим чувствам, то же самое и я, возлюбленный государь, подумала о тебе, любящем меня. И теперь нет больше мне отдыха, даже на мягком ложе Параджаты³⁷, и сами веянья лесов Нанданы — как уголь для моего тела».

У р в а с и. Что он скажет теперь?

Ч и т р а л э х а. Что может сказать он еще, когда все существо его подобно увядшему стеблю лотоса?

М а н а в а к а. Какое счастье! Поелику некий повод утешения тобой получен, это все равно, что, изголодавшись, я приглашен на жертвоприношение риса.

Ц а р ь. Ты называешь это лишь утешением? Гляди:

Признание женщины любимой на листе,

Являющем для глаз горенье равной страсти,

Есть изъяснение того, чего в мечте

Моя желанная тревожно ожидает.

Так в сердце у меня, как будто бы лицо
С ее безумными мысль мою глазами
Соприкоснулось легко с моим лицом,
И вижу, как вот тут дрожат ее ресницы.

У р в а с и. В этом наши два сердца мыслят едино.

Ц а р ь. Друг, начертания стираются от влажности
моих пальцев³⁸. Сохрани же в твоей руке это послание
возлюбленной.

М а н а в а к а. А потом? Теперь, когда владычица
Урваси показала тебе цвет на древе желанья, тебе не
хватает слова относительно плода.

У р в а с и. Пока я не оправлюсь от волненья, оттого
что я так близко от него, покажись ты и скажи ему,
где моя мысль.

Ч и т р а л э х а. Хорошо. *(Приближается к царю и
откидывает покров)*. Победа! Победа великому царю!

Ц а р ь *(взволнованно, с почительностью)*. Добро
пожаловать! *(Смотрит по сторонам.)* Блаженная,

Не так тебя усладно видеть,
Когда ты без подруги здесь:
Ямуну с Гангою я видел,
Ямуна светится одна.

Ч и т р а л э х а. Разве не видим сперва ряд облаков
и после молнию?

М а н а в а к а *(поодаль)*. Как, это не Урваси пришла?
Так это, верно, ее подруга.

Ц а р ь. Присядь сюда.

Ч и т р а л э х а *(садится)*. Урваси приветствует вели-
кого царя и говорит ему...

Ц а р ь. Что повелевает она?

Ч и т р а л э х а. Вот: «В том поругании, что совер-
шили враги богов, сам великий государь был моей защи-
той. Сейчас через волнение, возникшее во мне, когда
я увидела его, я остро ранена любовью, и более чем
когда-либо должен милостиво обойтись со мной великий
царь».

Ц а р ь. Но, друг мой,

Ты говоришь, что эта дева
Вся преисполнена любви,
Не видишь разве, — Пуруравас
Изнемогает чрез нее.

Равно стремление в обоих,
Соедини же нежных нас,
Как слит металл с металлом ковким,
Как слит с луною лунный луч.

Ч и т р а л э х а (*приближаясь к Урваси*). Подружка, иди сюда. Увидя, что страшная любовь стала довольно покорной, я пришла к тебе вестницей того, кто тебе всех милее.

У р в а с и (*смущенная досадой и испугом*). О вестница, как легко я была покинута тобой!

Ч и т р а л э х а (*улыбаясь*). Узнаем сейчас, кто из нас кого покинет. А до того сделайся зримой.

У р в а с и (*приближается с боязнью и нерешительностью*). Победа! Победа великому царю!

Ц а р ь (*с радостью*). О, прекрасная,

Победа истинно со мною,
И как светло я победил.

Сам Индра молвил звук победы,
До человека говоря ³⁹.

(Он берет ее за руку и усаживает.)

М а н а в а к а. Что это, владычица, за обычай так являться? Брамана, лучшего друга царя, ты не приветствуешь?

У р в а с и (*приветствует его, улыбаясь*). Привет тебе!

Г о л о с в е с т н и к а б о г о в. Читралэха, торопя Урваси,

Владыка ветров ⁴⁰ вместе с стражами мира ⁴¹

Желает ту пышную драму узреть,

Где восемь рисуются обликов чувства ⁴²,

Чему вас тот Бгарата зоркий учил.

Все прислушиваются. Урваси кажется встревоженной.

Ч и т р а л э х а. Ты слышала слова вестника богов? Простись же с великим царем.

У р в а с и (*вздыхая*). У меня нет сил говорить.

Ч и т р а л э х а. Великий царь, вот что велит сказать Урваси: «Я подчинена другому. Если отлучусь я от великого царя, это только потому, что я не хочу быть неисправной по отношению к богу богов».

Ц а р ь (*говорит с усилием*). Не я заставлю тебя преступить повеленья Индры, но помни того, кого ты покидаешь.

Урваси выражает свое горе от разлуки и удаляется вместе со своей подругой, глядя на царя.

(Вздыхая.) Мне кажется, что глаза мои бесполезны теперь!

М а н а в а к а (отыскивая лист бука, чтобы показать его царю). А этот лист... (Он останавливается посреди фразы и говорит сам с собою, взволнованный.) От изумленья, испытанного при виде Урваси, этот лист выскользнул из моей руки, так что я даже не заметил этого.

Ц а р ь. Друг, что ты хочешь сказать?

М а н а в а к а. Хочу лишь сказать, чтобы ты не допускал себя до уныния. Существование Урваси тесно сплетено с твоим, и, хотя бы далекая отсюда, она не ослабит эти узы, ее связующие.

Ц а р ь. Именно это и у меня в мыслях, ибо, когда она отбыла,

Я видел ясно, как у милой
От вздохов колебалась грудь.
Она как будто говорила
Своей прощальною тоской:
Я над собой сама не властна,
Но сердце отдаю тебе.

М а н а в а к а (в сторону). Сердце мое бьется, пытаюсь угадать длительность времени, которое пройдет, прежде чем мой друг заговорит об этом буковом листе.

Ц а р ь. Друг, чем развлечь теперь мое печальное сердце? (Вспоминая.) Дай мне буковый лист.

М а н а в а к а (смотрит по всем сторонам, с тревогой). О, как же это я не вижу его? Должно быть, этот божественный лист отправился той же дорогой, что Урваси.

Ц а р ь (с упреком). Во всем глупец и ветреник!

М а н а в а к а. Надо поискать. (Встает.) Он должен быть здесь или там. (Он делает несколько прыжков.)

Входят царица Аусинари со своей служанкой и, в обычном порядке, придворные.

Ц а р и ц а. Милая Нипуника, правда ли, что ты видела, как царь вошел в лиановую рощу вместе с досточтимым Манавакой?

Н и п у н и к а. Разве когда-нибудь госпожа получала от меня ложные сведения?

Ц а р и ц а. Ну, хорошо, я спрячусь под этой люлькой из лиан и послушаю достоверных вестей — так я узнаю, правда ли то, что ты сказала, или нет.

Н и п у н и к а. Как будет угодно царице.

Ц а р и ц а (*делает несколько шагов и смотрит перед собой*). Нипуника, что это за лист, похожий на свежую кору, занесенную сюда южным ветром?

Н и п у н и к а (*рассмотрев его*). Госпожа, это лист бука, на котором есть начертания. Но так как он свертывается под ветром, начертания неясны. Вот он притаился на кольцо ее величества. (*Берет его.*) Прочесть?

Ц а р и ц а. Посмотри сначала, — если нет ничего непристойного, я выслушаю.

Н и п у н и к а (*прочтя*). Госпожа! Вот молва выясняется. Это, думаю я, письмо в стихах Урваси к великому царю, которое попало в наши руки благодаря ветрености досточтимого Манаваки.

Ц а р и ц а. Так прочитай.

Нипуника читает.

Милая, с таким подарком пойдем к этому возлюбленнику небесных.

Н и п у н и к а. Я к услугам царицы.

Ц а р ь. Божественное веянье горы Малайи, подружки весны,

Для умищенья ты уносишь

С лиан цветочную пыльцу, —
Зачем любовное посланье

Моей желанной похищать?
Ведь ты же знаешь, слишком знаешь,
О тепловейный нежный дух,
Что только эти утешенья
В тоске баюкают любовь.

Н и п у н и к а. Госпожа, смотри, смотри! Вон как раз они заняты отысканьем этого листа.

Ц а р и ц а. А! Понаблюдаем-ка, — ни слова!

М а н а в а к а. О! Что это? Я был обманут хвостом павлина, что окрашен, как расцветший голубой лотос.

Ц а р ь. Отовсюду удары, злосчастный я!

Ц а р и ц а (*вдруг приближаясь*). Государь, довольно терзанья, вот этот букочный лист.

Ц а р ь (*взволнованный, в сторону*). О! Царица! (*В замешательстве.*) Прошу покорно, госпожа.

Ц а р и ц а. Непрошенная в эту минуту, ты хочешь сказать.

Ц а р ь (*на ухо своему другу*). Как быть с такой помехой?

М а н а в а к а (*в сторону, царю*). Вору, захваченному с поличным, некуда укрыться.

Ц а р ь (*в сторону, Манавак*). Не время для шуток. (*Громко.*) Не этот лист я ищу, но лист, содержащий божественное откровение, мантру⁴³. Это он заставил меня начать эти поиски.

Ц а р и ц а. Это кстати, чтоб утаить твоё приключение.

М а н а в а к а. Госпожа, поторопи его обед. Успокоится желчь, и он станет спокойнее.

Ц а р и ц а. Ни пуника, вот, правда, браман хорошо утешает своего милого друга. Чего же может ожидать огорченный друг, как не пищи?

М а н а в а к а. Но взгляни, не все ли утешены различными яствами?

Ц а р ь. Безумный! Ты поневоле делаешь из меня оскорбителя.

Ц а р и ц а. Вовсе не ты оскорбитель, я здесь повинна в этом, явившись некстати пред тобой. Ни пуника, идем отсюда. (*Говоря так, она удаляется в гнев.*)

Ц а р ь

Прости, прекрасная царица,

Свою досаду успокой.

Виновен я. О, раб виновен,

Коль дышит гневом госпожа.

(*Падает к ее ногам.*)

Ц а р и ц а. Обманщик! Воистину, сердце мое не так уж бессильно, чтобы принять примирение. Наоборот, я пренебрегаю тобой, что стал столь смиренным и столь раскаянным.

Царица покидает царя и удаляется вместе с своими придворными.

М а н а в а к а. Точно река, вздутая дождями и бурлящая, ушла царица. Встань, встань же.

Ц а р ь (*вставая*). Друг, ничего не вышло. Видишь,

И сто медвяных слов и умолений
Не тронут сердца женщины. Оно
Лишь может быть побеждено любовью.
Кто любит камни, знает самоцвет.

М а н а в а к а. Ты говоришь совершенно справедливо.
Больному глазу невыносимо яркое пламя.

Ц а р ь. Это не так. Хотя мысль моя всецело принадлежит Урваси, тем не менее я высоко чту царицу. Но так как она отвергла меня, когда я пал к ее ногам, я являю твердость в отношении к ней.

М а н а в а к а. Итак, не будем больше говорить о царице, и милость твоя да соизволит мне дать чем подкрепиться, я помираю с голоду: как раз время заняться омовением и едой.

Ц а р ь (*взглянув на небо*). Как! Уже полдня прошло? Потому-то

Павлин, изнуренный томительным зноем,
Прилег в водоеме под тенью ветвей,
И пчелы, проникши в цветы карникары⁴⁴,
Дремотой объаты в ее лепестках,
И гусь, покидая согретую воду,
Меж лотосов ищет уюта в тени,
И в клетке кричит попугай, задыхаясь,
Забыв о забавах, он просит воды.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРОЛОГ

Пустынь. Хижина мудрого Бгараты.
Входят два ученика Бгараты.

П е р в ы й у ч е н и к. Друг Поплава, выходя из чертога Священного Огня, чтобы отправиться к жилищу великого Индры, учитель повелел тебе занять место рядом с ним, мне же поручено было блюсти Священный Огонь. Вот почему я спрашиваю, понравилось ли собранию богов или нет драматическое произведение нашего учителя.

В т о р о й у ч е н и к. Я не знаю, довольно ли было собрание богов, но в этом поэтическом произведении, которое называется «Как Лакшми⁴⁵ избрала супруга», Урваси то там, то здесь, где дело шло о чувстве, совершенно бывала смущена.

Первый ученик. Были явные погрешности, ты хочешь сказать?

Второй ученик. Да, ее исполнение было сбивчиво.

Первый ученик. Как так?

Второй ученик. Урваси, которая предстает в лике Лакшми, спрашивает Мэнака, она изображала небесную Варуни: ⁴⁶ «Достойные трех миров собрались, и также стражи мира с Кришной. Кто тот, к кому склоняется твое сердце?»

Первый ученик. А потом?

Второй ученик. Когда она должна была сказать: «К Пурушоттаме» ⁴⁷, — у нее вырвалось «К Пуруравасу».

Первый ученик. Восприятия разума находятся в зависимости от судьбы. И мудрый Бгарата не разгневался на нее?

Второй ученик. Она была проклята нашим наставником, но ее защитил великий Индра.

Первый ученик. Каким образом?

Второй ученик. «Поелику ты забыла мои уроки, больше не будет тебе божественного ведения». Таково было немедленное проклятие учителя. Пурурандара ⁴⁸, наоборот, видя Урваси, устыженную, с опущенной головой, сказал ей: «Нужно сделать что-нибудь приятное для того, с чьей жизнью сплетена твоя, — для этого великого царя, который сражался рядом со мной. Поэтому пребудь близ Пурураваса, согласно твоему желанию, пока не возникнет от тебя потомство».

Первый ученик. Это достойно великого Индры, которому ведомы сокровенные помыслы людей.

Второй ученик (*взглянув на солнце*). За разговором мы упустили час омовения, идем же к учителю.

Оба уходят.

Часть сада, примыкающая к дворцу Пратистханы.

Входит царедворец ⁴⁹.

Царедворец

Отец семейства каждый, в дни, когда
Рачителен и молод, прилагает
Усилия, дабы приобрести
Богатства, — а в преклонный вступит возраст,
Избавлен сыновьями от тягот,
Он предается отдыху спокойно.

Со мной наоборот. Года идут,
Слабеет голос, гаснет уважение.
О, трудный долг — владычице служить.

Дочь царя Бенареса, преданная молитвенным обрядам,
повелела мне так:

«Иди предупредить от меня царя о том, о чем его
уже просили устами Нипуники: «Для выполнения обета,
устранив гордость, да увижу я великого царя, когда он
завершит обряды предвечерья». (*Делает несколько шагов
и смотрит кругом.*) Воистину, желанно зрелище, что
являет на склоне дня дворец царя:

Павлины, как изваяны, сидят
На жердочках, отяжелев дремотой,
Дым благовоний синий из окон
Неотличим от голубей на башнях,
В покоях женских, долг свершая свой,
Служанки, что уж много лет служили,
Спешат на предназначенных местах
Среди цветов светильники поставить,
Да завершится догоревший день
В свершении обрядов предвечерья.

(*Поглядев.*)

А вот и царь, он свитой окружен
Придворных женщин, в их руках лампы,
И он — как бы подвижная гора,
Чьи крылья-тучи светятся огнями,
А по краям раскинулись цветы.

Входит царь, как сказано, окруженный своей свитой, в
сопровождении Манавики.

Царь
(*в сторону*)

День полон службы, в этом отвлеченье
От грусти, он прошел не слишком скучно, —
Но как пройдет мучительная ночь?
В ней, долгой, никакого развлечения.

Царедворец (*приближаясь*). Победа, победа ца-
рю! Государь, царица повелела сказать тебе, что за Двор-
цом Жемчужины⁵⁰ красиво созерцать луну. Она просит
тебя пойти туда и ждать ее, когда светило войдет в
созвездие Рогини⁵¹.

Ц а р ь. Скажи царице, что ее желание будет исполнено.

Ц а р е д в о р е ц. Как повелит государь. (*Он выходит.*)

Ц а р ь. Друг, правда ли, что эта попытка царицы есть следствие обета?

М а н а в а к а. Я думаю, что царица хочет под предлогом обета заставить забыть пренебрежение, которое она выказала к твоей покорности.

Ц а р ь. То, что ты говоришь, правдоподобно:

Ибо нежные женщины,
Оттолкнув приникающих,
Сожалеют об этом в душе
И, стыдясь примирения,
Все ж хотят приближением
Возвратить к себе милых своих.

Укажи же мне дорогу к Дворцу Жемчужины.

М а н а в а к а. Здесь, здесь. Да поднимется его величество по этой хрустальной лестнице, освеженной водами Ганга. Дворец Жемчужины исполнен разных усад.

Царь всходит по лестнице. Все делают как он.

(*Делая указующее движение.*) Луна, должно быть, сейчас взойдет, потому что восточный край неба, освобожденный от мрака, выявляется в красноватом отсвете.

Ц а р ь. Ты прав,

Тьма отодвинута сияньем
Луны, чей лик еще таится
За той восточною горой,
И край восточный восхищает
Мои глаза, как лик прекрасной,
Встряхнувшей локоны свои.

М а н а в а к а. О! О! Вот царь целебных трав, месяц, выходит, подобный леденцу.

Ц а р ь (*улыбаясь*). Для лакомки кажется, что всякая вещь создана, чтобы быть съеденной. (*Простирается, сложив ладони.*)

Владыка звезд, что свет даруешь
Святым обрядам всех благих,
Ты, что питаешь тонким медом⁵²
Людей отшедших и богов,

Ты, что растущий сумрак ночи
Пронзаешь ласковым лучом,
Ты, яркий в самоцветах Сивы⁵³,
Гори! Привет тебе, привет!

М а н а в а к а. Знаменьем, понятным для брамана, каков есмь, ты отпущен твоим лунным предком⁵⁴. Присядь же, и я усядусь поудобней.

Ц а р ь (*сидит, следуя совету Манаваки, взглянув на сопровождающую его свиту*). Факелы бесполезны при лунном свете — можете пойти отдохнуть.

С в и т а. Как повелит его величество. (*Они уходят.*)

Ц а р ь (*взглянув на луну и обращаясь к Манаваке*). Друг, еще минута, и царица придет. Покуда мы одни, я поведаю тебе состояние моей души.

М а н а в а к а. Итак, хотя небесная Урваси и незрима, с тех пор как она убедилась, что ее страсть равносильна твоей, вполне позволительно уповать.

Ц а р ь. Да, это так, велика пытка моего духа,

Но как стремительный поток
В теснинах гор бурлит сильнее,
Моя любовь среди преград
Стократной возгорелась силой.

М а н а в а к а. Поистине, ты столь красив, даже с твоим исхудавшим телом, что предвижу твое слияние с апсарами.

Ц а р ь
(*делая движение*)

Как утешеньем добрых слов
Мою печаль ты умеряешь,
Так эта правая рука,
Подергиваясь, заверяет.

М а н а в а к а. Слово брамана не обманет никогда.

Царь исполнен надежды. Появляется в воздушной колеснице празднично разубранная, как для свиданья, У р в а с и в сопровождении Ч и т р а л э х и.

У р в а с и (*оглядев себя*). Подружка, этот наряд, что предназначен для свиданий, украшенный жемчугами и сапфирами, радует мое сердце.

Ч и т р а л э х а. Нет слов достойно ярких, чтоб вос-

хвалить его. Могу лишь сказать, что хотела б я быть Пуруравасом.

У р в а с и. Подружка, я обессиlena, — но ты приведи его скорее или сведи меня к жилищу милого властителя.

Ч и т р а л э х а. Но мы уже достигли великолепного дворца того, кто возлюблен тобой. Дворец отражается в водной ночи реки Ямуны, точно утес Каиласы.

У р в а с и. Так взгляни же силой твоего проникновения, где находится похититель моего сердца и кем он занят в эту минуту.

Ч и т р а л э х а (в сторону). Я позабавлюсь немножко на ее счет. (Вслух.) Милая подружка, я вижу его в отъединенном месте, благодатном для удовольствий; он услаждается, по прихоти желанья, обществом одной особы, которую он любит.

У р в а с и. Замолчи, мое сердце не верит этому. Милая Читралэха, у тебя что-то на уме, когда ты так говоришь. Он с тем, в присутствии которого похитил мое сердце.

Ч и т р а л э х а (посмотрев). Мудрый царь лишь в обществе друга, пошел во Дворец Жемчужины. Приблизимся.

Обе опускаются на землю.

Ц а р ь. Друг, пытки любви возрастают ночью.

У р в а с и. Эти смутные слова волнуют мое сердце. Незримые обе, послушаем, что они говорят, чтобы наши сомнения развеялись.

Ч и т р а л э х а. Как хочешь.

М а н а в а к а. Усладись этими лунными лучами, исполненными медвяности.

Ц а р ь. Друг, страдание, что я испытываю, не может быть успокоено ни этим, ни иным способом:

Ни ложе из свежих цветов,
Ни дух благовонный сантала,
Ни лунные с неба лучи,
Ни нить жемчугов драгоценных
Не смогут меня исцелить, —
Одна лишь небесная эту
Боль сердца могла бы смягчить
Да разве беседа о милой.

У р в а с и. О сердце мое! Покинув сегодня меня и вселившись в него, такой ты собираешь плод.

М а н а в а к а. Что до меня, если нет мне сладких сливок, подумаю только о них — удовольствие испытываю.

Ц а р ь. Так, ты всегда удовлетворен.

М а н а в а к а. Что до тебя, повременив немного, получишь ты небесную.

Ц а р ь. Друг, я тоже это думаю.

Ч и т р а л э х а. Слышишь, ты, которая ничем не довольна?

М а н а в а к а. Что это?

Ц а р ь

Лишь то из тела моего,

Что к ней случайно прижималось,

Во мне живет,— другое ж все

Лишь землю бременит как тяжесть.

У р в а с и. Зачем я буду медлить теперь? (*Быстро приближаясь.*) Милая Читралэха, великий царь не обращает на меня ни малейшего внимания, хоть я перед ним!

Ч и т р а л э х а (*улыбаясь*). Ветреница! Ты не сняла божественного покроя, который мешает тебе быть зримой.

Г о л о с з а с ц е н о й. Сюда, сюда, о царица!

Все прислушиваются. Урваси и ее подруга выражают досаду.

М а н а в а к а (*изумленно*). О! О! Вот царица. Да будет твой рот хорошенько припечатан!

Ц а р ь. И ты сам имей спокойный вид.

У р в а с и. Подружка, что теперь делать?

Ч и т р а л э х а. Не бойся, ты незрима сейчас. Царица является, верная выполнению своего обета. Она пробудет недолго.

Входит ц а р и ц а в сопровождении с в и т ы, которая несет дары.

Ц а р и ц а (*взглянув на луну*). Милая, божественный месяц через слиянье свое с блестящей Рогини еще блистательней.

Н и п у н и к а. И равно, сочетавшись с царицей, царь обретет великолепие необычное.

М а н а в а к а. Я понимаю теперь. Она идет свершить свастиватчану ⁵⁵. Сегодня, когда она, под предлогом лунного обета, подавила всякую досаду на тебя, она в моих глазах красивее.

Ц а р ь (*улыбаясь*). Оба твои предположения справедливы. Последнее в особенности кажется мне достоверным, ибо царица,

В белые окутана одежды,
Убрана лишь мангала цветами ⁵⁶,
В волосы вплетя травинки дурбы,
С этою осанкой, где исчезла
Гордость перед силою обета,
Кажется ко мне благоволящей.

Ц а р и ц а (*приблизившись*). Победа, победа благородному властителю.

С в и т а. Победа, победа божественному.

М а н а в а к а. Привет царице.

Ц а р ь. Ты желанна, божественная. (*Он берет ее за руки и усаживает.*)

У р в а с и. Воистину справедливо величают ее божественной,— и сама супруга Индры, Сатчи ⁵⁷, не превзойдет ее красотой.

Ч и т р а л э х а. Как можешь ты так говорить о другой!

Ц а р и ц а. Почтив моего властителя, я должна еще исполнить некий обет. Потерпите же минутку беспокойства.

Ц а р ь. Манавака, воистину, это милостиво — быть так обеспокоенным!

М а н а в а к а. Если б почаще меня так беспокоили словами благого предвещанья!

Ц а р ь. А в чем обет царицы?

Царица смотрит на Нипунику.

Н и п у н и к а. Он зовется — примирение с милым супругом.

Ц а р ь
(*глядя на царицу*)

Владычица, чье имя добродетель,
И дни и ночи, без нужды, обетом
Томишь ты тело нежное свое,

Что лотосу цветущему подобно,
Когда твой раб желает благосклонность
Твою снискать, его ли ты должна
О милости просить и снисхожденье?

У р в а с и (*с насильственной улыбкой*). Истинно велико его почитание царицы.

Ч и т р а л э х а. Безумная ты. Когда мысль льстецов занята другим, тут-то они и удвояют свою учтивость.

Ц а р и ц а. Это сила обета делает моего владыку растроганным.

М а н а в а к а. Да не беспокоится ее величество: не подобает ей отклонять хваления.

Ц а р и ц а. Девушки, принесите дары, чтобы я могла вознести почитание лучам луны, покуда они озаряют дворец.

С в и т а. Как повелит царица. Вот приношения.

Ц а р и ц а (*воздав почитание лунным лучам приношением цветов и другими дарами*). Милая, поднеси эти пирожки досточтимому Манаваке и царедворцу.

С в и т а. Как повелит царица. Досточтимый Манавака, вот пирожки, которые тебе предлагаются.

М а н а в а к а (*взяв блюдо с пирожками*). Счастье царице. Да будет ее обет плодообильным!

С л у ж а н к а. Досточтимый царедворец, это тебе.

Ц а р е д в о р е ц (*берет, что ему предлагают*). Счастье царице!

Ц а р и ц а (*царю*). Властитель, соблаговоли приблизиться.

Ц а р ь. Я здесь.

Ц а р и ц а (*воздает почитание царю и приветствует его приложением ладоней ко лбу*). Призывая во свидетели божественную чету в образе божественной Рогини и бога месяца, я хочу, чтоб царь стал благосклонным ко мне. Отныне, кто бы ни была женщина, возлюбленная моим властителем или приблизившаяся к нему и сопутствующая его, да пребудет он с ней беспрепятственно.

У р в а с и. Это необычайно! Не знаю, что должно следовать из этих слов царицы, но сердце мое преисполнилось доверием.

Ч и т р а л э х а. Подружка, скрепленное царицей, преданной своему супругу и полной благородства, твоё слияние с тем, кого ты любишь, не встретит препятствий.

М а н а в а к а (*в сторону*). Когда виновный ускользает в присутствии человека, у которого отсечены руки,

последний поневоле говорит: «Ладно, ступай себе!» *(Громко, царице.)* Государыня, отныне является ли царь безразличным для царицы?

Ц а р и ц а. Безумный! Даже ценою моего счастья хочу я счастья моего властителя. Суди же по этому, дорог ли он мне или нет?

Ц а р ь. Ревнивица, ты вольна отдать меня другой или сделать из меня раба, и все же не тот я, кем мнишь меня, о робкая супруга!

Ц а р и ц а. Да будет. Обет примиренья с любимым исполнен как подобает. Девушки, идем.

Ц а р ь. Нет, воистину, так не уходят, покидая того, с кем примирились.

Ц а р и ц а. Властитель, святость обета теперь нерушима. *(Она уходит со своей свитой.)*

У р в а с и. Мудрый царь любит свою супругу. И, однако, я не могу отнять у него мое сердце.

Ч и т р а л э х а. Столь твердая надежда увянет ли?

Ц а р ь *(возвращается к своему месту)*. Друг, удалась ли царица?

М а н а в а к а. Говори спокойно, что хочешь сказать. Быстро покинула тебя царица, как больного лекарь, что, помыслив, сказал себе: «Он неизлечим».

Ц а р ь. О! Если б хотя Урваси...

У р в а с и *(в сторону)*. Сегодня могла бы быть утolenа!

Ц а р ь. Если б только нежный звон запястий донесся до слуха моего, хоть я бы и не увидел ее! Если б потом, приблизясь украдкой, она закрыла мне глаза своими лилейными руками. Если б, спустившись в этот дворец, колеблясь, боязливая, она бы силою, шаг за шагом, приведена была ко мне искусною своею подругой.

Ч и т р а л э х а. Милая Урваси, исполни же тотчас желание, что он выразил.

У р в а с и *(боязливо)*. Я пошучу с ним. *(Она приближается к царю сзади и закрывает ему глаза своими руками.)*

Читралэха дает понять Манаваке происходящее.

Ц а р ь *(вздрагивая от прикосновения)*. Друг, это небесная, созданная Нарайяной, да?

М а н а в а к а. Как распознал это его величество?

Ц а р ь. Возможно ль было не узнать?

Разве же так от другого касания
Тело мое, от любви опаленное,
Вострепетало бы все?
Так не раскроется водная лилия
От зажигающих пламеней солнечных,
Как от сиянья луны.

У р в а с и. Так странно, мои обе руки прикованы, точно замурованы они известью, крепкой, как алмаз. Я не могу их оторвать. *(Говоря так, она стоит с опущенными глазами, с тревогой отдергивает руки, закрывавшие глаза царя. Несколько приблизясь.)* Победа великому царю!

Ч и т р а л э х а *(царю)*. Друг, счастье да сопутствует тебе.

Ц а р ь. Оно уже пришло!

У р в а с и. Милая подружка, великий царь был мне дарован царицей, потому я и прильнула к нему; не подумай же, что я беру то, что принадлежит другой.

М а н а в а к а. Как! Ужель вы обе были здесь, когда солнце заходило?

Ц а р ь
(глядя на Урваси)

Если, говоря: «Он дан мне был царицей»,
Обладаешь тотчас мной,
Раньше ты с чьего, скажи мне, позволения
Сердце ранила мое?

Ч и т р а л э х а. Друг, ей нечего сказать. Теперь послушай, что я тебе скажу.

Ц а р ь. Я весь вниманье.

Ч и т р а л э х а. Тотчас вслед за весной я должна, на время лета, быть во служении божественному солнцу. Сделай же так, чтоб эта родная подружка не пожалела о небе.

М а н а в а к а. Есть о чем жалеть, о небе! Там не едят и не пьют, обретаются там лишь существа, чьи глаза не мигают, точно рыбы⁵⁸.

Ц а р ь. Друг, как забыть ей о небе, где блаженства неопишуемы? Но у раба ее Пурураваса не будет другой супруги.

Ч и т р а л э х а. Я довольна. Милая Урваси, будь без боязни и прости со мной.

У р в а с и *(нежно обнимает Читралэху)*. Милая подружка, ты не забудешь меня?

Ч и т р а л э х а (улыбаясь). К тебе, что сочеталась с возлюбленным, должна бы скорее я обратиться с этой просьбой. *(Она уходит, приветствуя царя.)*

М а н а в а к а. Будьте же счастливы! Вот, ваши желанья исполнились.

Ц а р ь. Взгляни, в какой мере мое желание восполнено:

Достигнув царства с зонтиком единым ⁵³,
Заняв престол, где яхонты горят,
Венцов царей соседних самоцветы,
Так счастлив не был я, как счастлив здесь,
У ног ее, слуга ее любимый.

У р в а с и. У меня нет слов, чтобы ответить тебе!

Ц а р ь (взяв Урваси за руку). О! Теперь ничего не нарушает счастья обладанья предметом моих желаний.

Тело мое веселится от лунного света,
Стрелы любви усладительны в сердце моем,
Все, о прекрасная, что омрачалось гневом,
Милым мне стало чрез это слиянье с тобой.

У р в а с и. Я была виновата перед великим царем, так медля прийти.

Ц а р ь. Нет, нет, не говори так,

Что ныне печаль, может радостью стать через год,
Кто солнцем спален, тот блаженствует в темной тени.

М а н а в а к а. Госпожа, ты усладила лучами луны. Великолепный вечер. Время войти тебе во дворец.

Ц а р ь. Так укажи дорогу нашей подруге.

М а н а в а к а. Сюда, сюда, госпожа. *(Он делает несколько шагов.)*

Ц а р ь. Прекрасная Урваси, у меня еще одно желание теперь.

У р в а с и. Какое?

Ц а р ь

Прежде, как был я далек от желанного,
Ночь, что имеет три долгие бдения ⁶⁰,
Триста, мне мнилось, имеет их всех.
Если б теперь, о прекрасно-небесная,
Триста их счел я, с тобою в слиянии,
Все бы свершились желанья мои.

Они уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПРОЛОГ

Лес Акалуша ⁶¹.

За сценой, представляющей лес Акалушу, напевные строки ⁶² возвещают о прибытии Саганджании и Читралэхи.

Напевные строки за сценой
Опечалена грустью разлуки с подругой
И тоскуя с подругой другой,
Там над озером светлым, меж лотосов лотос,
Затомилась под солнцем она.

Входят Саганджания с Читралэхой. Читралэха,
входя, оглядывается во все стороны.

Напевные строки за сценой
Исполнены грусти, две стройные лебеди,
Скорбя о подруге своей,
Плывут между лотосов по светлому озеру,
А слезы текут и текут.

Саганджания (*печально*). Милая Читралэха, тень лица твоего, сумрачная, как столепестковый лотос, когда он увядает, изобличает тоску твоего сердца. Скажи же мне причину твоего горя, чтобы я разделила его с тобой.

Читралэха (*печально*). Подружка, видя себя разлученной с милою моею подругой, которая теперь, с наступлением весны, должна была бы быть близ солнца и служить ему, в чем долг небесных дев, я горько скорблю.

Саганджания. Я знаю нежную вашу дружбу. Но что же дальше?

Читралэха. На днях, когда я себя спросила: «Что нового?» — силой божественного проникновения я узнала, что случилось великое несчастье.

Саганджания. Что же это?

Читралэха (*печально*). Уведя с собою святого царя, которому покровительствует богиня удачи, — после того как он предал бремя правления своим правителям, — Урваси ушла с ним на вершину горы Каиласы, чтобы отдаться усладам в лесу Гандгамаданы ⁶³.

Саганджания (*одобрительно*). Как раз именно там предаются удовольствиям. Что же дальше?

Читралэха. Ну и там, когда на берегу Мандакини ⁶⁴ дочь некоего полубога ⁶⁵ по имени Удаковати играла в кучки из песку и была некоторое время предметом внимания великого царя, моя милая Урваси рассердилась на это.

Саганджания. У нее, конечно, не хватило терпеливости, и ее чувство зашло слишком далеко. И судьба явила здесь также свое могущество. А потом?

Читралэха. Урваси не вняла извинениям своего супруга, с сердцем, смятенным проклятиями своего наставника, позабыв о божественном запрете, вступила в лес Кумары ⁶⁶, бога-воителя, которого каждая женщина должна убегать. Чуть она вошла туда, как была превращена в лиану, что находится на лесной опушке.

Саганджания (*скорбно*). Судьбы никогда не избежнешь. Так совершилось это превращение лика. Что же потом?

Читралэха. С этой минуты царь ищет свою подругу в лесной глуши. Став безумным, он проводит дни и ночи, говоря: «Урваси здесь! Урваси там!» (*Взглянув на небо.*) Приближение облаков, что часто даже и для счастливых людей есть источник нежной печали, боюсь, не принесет ему облегчения ⁶⁷.

Напевные строки за сценой

Исполнены грусти, две стройные лебеди,
Скорбя о подруге своей,
Плывут между лотосов по светлому озеру,
А слезы текут и текут.

Саганджания. Подружка, есть ли какой способ воссоединения их?

Читралэха. Кроме талисмана соединения, того самоцвета, что создан блеском ног богини Гаури ⁶⁸, где найти иной способ воссоединения ее с ним?

Саганджания. Избранные существа, подобные им, не могут долго иметь уделом несчастье. И уж, конечно, какой-нибудь способ воссоединения со всеми знаменьями примиренья представится, думаю я. (*Взглянув к востоку.*) Идем же исполним вместе наш долг пред божественным владыкой восхода.

Напевные строки за сценой

Духом, от мыслей мятущимся,
Нежная лебедь на озере
В жажде увидеть любимого
Плавает, бьется меж лотосов.

Обе они уходят.

За сценой, навстречу Пуруравасу, раздаются напевные строки.

Напевные строки за сценой

Властитель царственных слонов
Приходит, скорбный, в чашу леса,
С возлюбленной в разлуке он,
И дух его о ней тоскует,
Он весь, как будто холм, увит
Ветвями, травами, цветами.

Царь входит растерянный, с глазами, обращенными к небу.

Царь *(гневно)*. А! Ракшас⁶⁹, злокозненный демон, стой, стой! Куда ты идешь, куда ты уносишь ту, что мила мне? *(Осмотревшись.)* Как, с вершины горы он поднялся на небо и уронил на меня дождь стрел! *(Говоря так, он хватает комок земли и старается попасть в своего врага. В то время как он смотрит во все стороны, раздается музыка⁷⁰.)*

Напевные строки за сценой

С душою, от скорби мятущейся,
В разлуке с подругой любимой,
На озере лебедь печалится,
А слезы текут и текут.

(Поняв свою ошибку. Печально.)

Но нет, это новое облако,
С ним стрелы дождя,
Не дух своевольный, блуждающий
В мирах по ночам.
Вдали протянулась лишь радуга,
Не лук, чтоб стрелять,
Лишь ливень промчался стремительный,
Не полчище стрел.
Вдали промелькнула лишь молния,
Как след золотой,
То искра, огнем зажженная,
А не Урваси.

*(Он падает изнеможенный.
Меж тем как он встает, вздыхая, звучит музыка.)*

Я знаю, я знаю, дух ночи уносит
Ее, что очами — газель,
Далеко, далеко, настолько ж далеко,
Как молнию облако мчит.

(Печально, после размышления.) Куда она могла уйти?

Где она? Спрятана, может быть,
Силой своей сверхъестественной,
Сердится все на меня.

Долго сердиться нельзя же ей,
Или на небо ушла она?

Где ж ее нежность ко мне?

(С гневом.)

Враги богов, они бы не смогли
Ее похитить, если бы со мною
Она была. О! Как же так ушла
Она далеко, что ее не вижу?

*(Меж тем как он смотрит по всем сторонам и, вздыхая,
проливает слезы, звучит музыка.)* Горе тем, против кого
судьба. Несчастье звеном соединяется с несчастьем.
Как —

Эта разлука с любимой,
Тяжкое бремя такое,
Так бессердечно приходит
В эти красивые дни,
В дни, когда новые тучки,
Зной умеряя палящий,
Реют свежащею тенью,
Сеют свежительный дождь.

Музыка.

Облако, гнев свой сдержи здесь,
Облако, я повелел.
Всем горизонтам ты кажешь
Лик свой, кропя их дождем,
Если, по миру блуждая,
С милой я встречусь опять,
Сделай, что только захочешь,
Молча я вынесу все.

Музыка.

Поистине, напрасно подчиняюсь я тоске моей, которая растет. Если даже мудрые говорят, что царь создает время, почему бы не отодвинуть мне это время облаков и дождей?

На певные строки за сценой
В жужжанье пчел, хмельных от аромата,
Качая в ветре сгнтыми ветвей,
Под кукованье долгое кукушек,
Танцует древо божье ⁷¹ в светлый час.

(Царь танцует.) Прекрасно, я не отодвину это время облаков и дождей, если через знамения, даваемые дождевыми облаками, в это самое мгновение выражается почитание великому царю. *(Улыбается.)*

Туча в молнийных узорах —
Мой парадный балдахин,
Ветки длинные, качаясь,
Служат мне как веера,
С шеей синею павлины,
Что от свежести дождей
Звучным криком тешат воздух,
То поэты при дворе,
А нагорные вершины,
Препоясавшись дождем,
В караван слагая тучи,—
Это данники мои.

Музыка.

Пусть так. Но что мне в почитании двора, пока я в этом лесу ишу мою милую?

На певные строки за сценой
Лишенный подруги, исполненный скорби,
Могучий владыка слонов,
С тоскующим видом проходит среди леса,
А холм весь горит от цветов.

(В то время как слышится музыка, он делает несколько шагов и смотрит с радостным видом.) Хорошо, хорошо. Я упорствую в поисках, и вот мне навстречу удача.

Своими нежными расцветами,
Где венчик черен, красен край,
Вон то банановое дерево
Мне говорит об Урваси,
Ее глаза мне вспоминаются,
В которых гневная слеза.

Она удалилась отсюда. Как смогу я найти ее следы? А!

Если б эта небесная праха коснулась здесь,
На песчаной тропинке лесной,
На земле, увлажненной дождем освежительным,
Был бы явен пленительный след,
То нажатие ножки, раскрашенной розовым,
Полнобедренность видел бы я.

(Музыка звучит, он делает несколько шагов и смотрит.)
Хорошо, хорошо. Я нашел нечто, что указывает мне, к
великой моей радости, по какой дороге пошла эта гневная
красавица.

Из глаз ее падали слезы
И с губ ее смыли весь цвет,
Упали к зеленой вуали,
Где пряталась пышная грудь,
Вуаль, изумрудная, точно
Зеленый в ветвях попугай,
Мешала бежавшей поспешно,
Она ее бросила тут.

Прекрасно, вот я ее и подниму. *(Приближается и видит
свою ошибку. Плачет.)* Увы, это лишь прогалинка, зеле-
ная трава и на ней кошениль. Как же смогу в этом лесу
узнать какую-нибудь весть о возлюбленной подруге моей?
(Осмотревшись.) Вон павлин. Он сидит на камне, что на
верхушке холма, освеженного ливнем.

Смотрит он на облако тяжелое,
Хвост его под ветром содрогається,
Вытянул он шею синецветную,
Голову он поднял и кричит.

Хорошо. Пойду расспрошу его.

На певные строки за сценой

Тоскует лучший из слонов,
Он, что врагов своих сражает,
Спешит, и дух его смущен,
Он жаждет увидаться с милой.

Скажи мне, лучший из павлинов,
Молю тебя, прведай мне,
Ты здесь в лесу всегда блуждаешь,
Моей ты милой не видал?
Ее приметы знать ты хочешь?
Услышь и сможешь распознать:
Походка лебеди плывущей,
Лицо, подобное луне.

Музыка.

(Он садится и складывает руки.)

О птица с шеей голубою,
Ты длинноокой не видала
Красавицы, чей образ нежный
Приятно видеть? Расскажи.

Звучит музыка.

(Он смотрит.) Как! Не дав мне никакого ответа, он начинает танцевать!

Музыка.

Но что за причина этой радости? А! Я знаю.

Он веселится, потому что
С исчезновением прекрасной
Уж без соперника — блестящий,
Как тучка в ветре, хвост его.
Когда ж волос ее роскошных
Волна, с огнистыми цветами,
Распущена в минуту страсти,
Кого собой пленит павлин?

Хорошо же, я больше не буду спрашивать того, кто радуется несчастью других. *(Он осматривается во все стороны.)*

Музыка.

Вон кукушка, совсем опьяневшая от конца горячих дней,
сидит на ветке розовой яблони. Среди птиц это наиболее
осведомленная. Порасспрошу-ка я ее.

На певные строки за сценой
Царь слонов, живущий в чаще,
С сердцем, радости лишенным,
Заполняя телом воздух,
Грустно бродит, грустно плачет.

Кукушка с голосом пленительным,
Коль в этом сладостном лесу
Ты где-нибудь мою желанную
Встречала, молви мне о ней.

*(Танцует, приближается, следуя ритму музыки, и стано-
вится на колени.)*

Ты, которую прозвали
Нежной вестницей любви,
Ты, которая умеешь
В сердце чувство пробудить,
Птица с голосом красивым,
Я молю тебя сейчас —
Приведи меня к любимой
Иль ко мне зови ее.

(Повернувшись немного влево и обращаясь к отсутствующей). Что ты скажешь, подруга? Почему ушла ты, оставив друга такого преданного? *(Смотря перед собой.)* Госпожа моя!

Она рассердилась. Но я не припомню,
Чтоб к этому дал я ей повод какой.
Но женщины столь своенравны, что разве
Обида от милых им вправду нужна.

(Садится, совершенно смущенный. Становится на колени. Повторяет «Она рассердилась!» и смотрит по всем сторонам.) Как! Прерывая своим голосом речь мою, эта птица лишь думает о том, что ее занимает.

Поистине, сказали правду:
Всегда несчастье чужое,
Хотя б серьезное, большое,
Вещь безразличная другим.

И эта птица, не тревожась
Тоской любви моей печальной,
Лишь яблок розовый целует,
Как губы в страсти льнут к губам.

Певунья исчезла, как моя возлюбленная. Я не буду поэтому на нее сердиться. Пусть уходит с миром. Но поиски свои я буду продолжать. *(Он встает, делает несколько шагов сообразно с звуком музыки и смотрит.)* А с этой стороны, справа, звук запястий, что украшают ее ногу, ногу моей возлюбленной, слышался на лесной опушке. Иду за ним.

Музыка.

На певные строки за сценой

Отуманенный разлукою с любимой,
Изливая токи слез из глаз,
Чуть ступая с этим бременем страдания,
В теле скорбном дух смятенный пронося,
Царь слонов, идя к пещере одинокой,
В безутешности блуждает по лесам.

(Повинуясь звукам музыки, он смотрит по всем сторонам.)

На певные строки за сценой

Отуманенный разлукою с любимой,
Весь снедаемый огнем своей тоски,
Изливая токи слезные печально,
В чаще леса бродит лучший из слонов.

О, несчастье, несчастье!

Увидя тучу небосклона,
Желая влаги озерной ⁷²,
Кричит, тоскуя, стройный лебедь.
И звук, что здесь я услышал,
То не был звук ее запястий,
То не был звон ее ноги.

(Встает.) Хорошо. Пока эти птицы, тоскуя о родном озере Манасе, не улетают отсюда, я смогу получить от них вести о любимой.

Музыка.

(Он приближается и становится на колени.) О царь
водных птиц!

О лебедь, лебедь, ты поздней
Полет направишь к родному озеру,
Теперь из клюва отложи
Ту мягкость лотоса, которою
Питаться будешь ты в пути,
Утешь, скажи мне, где любимая.
Ведь те, что добрые душой,
Всегда считают, что важнее им
То, чем взволнованы друзья,
Не то, что их самих касается.

(Смотрит в сторону.) Увы, он поднял голову, лебедь, и
как будто говорит мне с сочувствием: «Я ее не видал».
(Садится и слушает музыку.) Лебедь, зачем же скрывать
это от меня? *(Встает и танцует.)*

О лебедь, если ты не видал
Моей подруги, чьи брови изогнуты,
Скажи, как можешь ты подражать
Ее движениям, когда она в страстности?
Я вижу, вижу, как ты плывешь,
В твоих движениях ее движения.
(Он приближается по звукам музыки и складывает руки.)
Отдай мне ту, которую люблю,
О лебедь, по одной примете этой
Я вижу, что смотрел ты на нее,—
Что должно отдавать, отдать должны мы.

Музыка.

Где научился тонко ты дрожать
И выражать всю зыблемость желанья?
Где научился вдруг встряхнуть крылом,
Не говоря, сказать: «Хочу! Любимый!»
Отдай мне ту, которую люблю,—
О лебедь, по одной примете этой
Я вижу, что смотрел ты на нее,—
Что должно отдавать, отдать должны мы.

Музыка меняется.

Он улетел, улетел, задрожав,
Он прокричал мне, испуганный:
«Царь наказует лукавых воров!»
В месте ином мне прибежище.

(Слушает музыку, делает несколько шагов и смотрит.)
А, вон там чакравака в сопровождении любимой своей;
пойду туда, к нерасстанным расстающимся. *(Танцует.)*

В лесу, где листья шепчут многозвонно,
(танцует)

Где на ветвях красивы так цветы,
(танцует)

О птица чакра, ты, что золотишься,
Как самый нежный¹ искристый шафран,
Скажи, ты не видала той красивой,
Той юной, что играет в день весны?

Музыка.

(Он приближается и становится на колени.)

О ты, кого зовут Ратханга,
Ты, с пышногрудой подругой,
Тебя воитель умоляет,
Что ста желаньями пронзен⁷³.

«Кто это такой?» — говорит он. Так он меня не знает!
(Встает.)

Я, чьи предки Солнце и Луна⁷⁴,
Я, кого две любят нареченные,
Их зовут Земля и Урваси⁷⁵.

Как! Он остается безмолвствующим. А! Я стану его упрекать. *(Становится на колени.)* Нужно его заинтересовать тем, что имеет отношение к нему. Послушай.

Когда на озере вдруг скроется
Среди листов цветущих лотосов
Твоя подруга, ты кричишь.
Тогда ты думаешь с тревогою,
Что разлучился ты с любимой,
В пугливо-нежной ты тоске.
Откуда ж это безучастие
Ко мне, тоскующе-несчастному?
Зачем мне вести не давать?

(Садится.) Во всем выявляется сила враждебной мне доли. Пойду в другое место куда-нибудь. *(Он делает несколько шагов под звуки музыки и смотрит.)*

Ах, этот лотос
Меня приманивает,
С пчелой жужжащей
Меня удерживает.

Ее он губы
Напомнил нежные,
Я их целую,
Они же шепчут мне.

Если я скажу: «Ты не будь врагиней тому, кто пришел сюда», она будет мне подругой, эта пчела, что живет здесь в свежем лотосе. *(Садится. Складывает руки.)*

Музыка.

Пчела медвяная, скажи,
Где та, чьи очи так пьянительны?
Но нет, не знаешь ты ее,
Чье тело так очаровательно,
Когда б ты встретила ее,
Чье благовонно так дыхание,
У рта ее была бы ты,
Не здесь, на этом нежном лотосе.

(Делает под звуки музыки несколько шагов и смотрит.)
А в сопровождении подруги своей верховный вождь слонов, вон там, опирается о ствол кадамбы ⁷⁶. Пойду-ка я к нему.

Музыка.

На певные строки за сценой
Смущенный потерей подруги своей,
(Напев меняется.)
В лесу он,
Он в чаще,
Вокруг него пчелы,
Пьянясь ароматом, жужжат.

Музыка.

Сейчас не время приближаться,
А нужно подождать, пока
Не схватит молодой он ветки,
Сорвавши с дерева саллаки ⁷⁷,
Той нежно-сочной, благовонной,
Похожей на душистый сок,
Что хоботом своим подруга
Ему, ласкаясь, подает.

(Посмотрев внимательно.) А, вот он кончил услаждаться своими яствами. Хорошо, теперь я подойду к нему и расспрошу его.

Музыка.

Скажи мне, лучший из слонов,
Что, лишь играя, без усилия,
Деревья клонишь до земли,
Ты видел ту, чей блеск волшебный
Сильней, чем яркий свет луны,
Мою желанную встречал ты?
(Приближается на два шага.)
Владыка стада всех слонов,
Ты видел ту, что между женщин,
Чье сердце пьяно от любви,
Серпом сияет новолунным?
Приметил ты издалика
Ту, в чьем лице навеки юность,
В чьих волосах жасминный цвет,
Кого пленительно увидеть?

(Слушая с радостью.) О, я уверен, что глухой вскрик, изошедший из его горла, оповещает меня о возвращении моей возлюбленной. По причине единообразия наших обязанностей велика моя дружба к тебе. Почему?

Меня зовут среди людей владыкой,
А ты — ты царь среди слонов.
Твои дары бессменно изобильны,
Как я в дарах неистощим.
Средь женщин, средь жемчужин чарованья,
Моя всех лучше Урваси,—
Как из всего слонов могучих стада
Твоя подруга лучше всех.
Все то, что я как царь здесь совершаю,
Ты совершаешь наравне,—
Пусть только той ты боли не узнаешь,
Что при разлуке с милой жжет.

Будь счастлив.

Музыка.

(Он делает несколько шагов и смотрит.) А! Вот приятнейшая из гор. Зовется она Сурабхи-кандгара⁷⁸, и любят ее небесные девы. Быть может, моя желанная здесь в долине, у подножья горы. *(Делает несколько шагов и*

смотрит.) Как, темно? Что ж, пусть. Я увижу все при свете молний. Но, по грехам моим, в растущих тучах нет молний. Я не вернусь, однако, прежде, чем не посетую эту груду скал.

Музыка.

На певные строки за сценой

Открывая землю острыми копытами,
Не смотря назад,
Поглощенный тем, что совершить задумал он,
Вепрь идет в лесу.

Гора с широкими боками,
Скажи, среди твоих теснин
Красивобедрая идет ли,
Чья мысль любви подчинена?

Как? Она тоже остается безмолвной! Я понимаю. По причине расстояния она меня не слышит. Да будет. Я подойду поближе и расспрошу ее.

Музыка.

Ты, чьи ручьи — хрусталь прозрачный,
Чья высь — в различнейших цветах,
Чьи склоны — в музыке небесной,
Скажи, где та, кого люблю?
(Приближается, сложив руки, под звуки музыки.)
Гора, царица гор высоких,
С желанною в разлуке я,
Здесь, на лесной опушке нежной,
Скажи, ты видела ее?

(Он слышит эхо. Прислушивается, радостно.) Как, она отвечает разумно: «Видела ее». Так я пойду ее искать. *(Осмотревшись кругом, с унынием.)* Ах, это только эхо моего голоса, отзвуки скользят по извилинам гор. *(Впадает в изнеможение. Привстает и садится с усилием.)* О, как устал я! Подышу немножко этим воздухом, что освежен струями горной реки. *(Под звуки музыки он делает несколько шагов и смотрит.)* Видя эту реку, возмущенную новым притоком, я снова охвачен страстью. Почему?

Ее течение изломно,
Как гнев нахмуренных бровей,
Пресечена она для глаза
Той перевязью водных птиц,
Стряхает пену, как одежду,
И вкось рассерженно идет,
Конечно, это превратилась
Моя ревнивица в реку.

Что ж, пойду склоню ее к благоволению.

Успокойся, успокойся,
О любимая река,
Много грустных над красивой
И веселых много птиц.
Ты течешь, о Ганге грезя.
Над тобой пчелиный рой,
Успокойся, успокойся,
Светловодная река.

Музыка.

На певные строки за сценой

С руками, взмытыми потоком бурных волн,
Что буйно хлещет ветер восточный,
Как будто весь сплетен из дымных облаков,
Владыка океана пляшет.
Весь разукрашен он стадами лебедей,
Шафраном раковин златистых,
Морские чудища — придворные его
И стебли водорослей черных.
Рукой, приподнятой приливною волной,
Он мерно бьет размер для пляски,
Но тучи новые на десяти углах
В пространстве мощному преграда.

*(Приблизившись под звуки музыки, он становится
на колени.)*

Ты, чей голос сладкозвучен,
В чем, скажи, моя вина,
В чем малейшая погрешность,
Если бросила меня?

Почему раба, который
Приникает весь к тебе
И не хочет расставаться,
Ты разлуке обрекла?

И что ж? Она остается безответной. Так, значит, это действительно река, а не Урваси. Если бы это было не так, почему бы, покинув Пурураваса, устремилась она к океану? Счастья добьешься — если не отчаешься. Так вернусь же я к тому самому месту, где небесная, чей взор пленителен, скрылась из моих глаз. (*Делает несколько шагов и смотрит.*) Я пойду спрошу у этого молодого оленя, что лег наземь, где моя подруга.

Музыка.

(*Он становится на колени.*)

На певные строки за сценой

Вблизи дерев, покрытых свежими
Ветвями, полными цветов,
Взволнован нежными кукушками,
Что сладко пьяны от любви,
Идет, тоскою пожираемый,
Аиравати, царь слонов ⁷⁹,
В лесной глуши недоуменен он,
Подруги нет, подруга где?

(*Танцует. Становится на колени.*)

Этот, самый красивый из черных оленей
Предстает, словно косвенный взгляд
Из глубоких очей божества глухолесья,
Захотевшего новых плодов.
Он глядит неотступно, свой взор не меняя,
На подругу, красивую лань,
Что подходит походкой к нему замедленной,
Ибо вымя детеныш сосет.

Ту, которая божественного рода,
Ту, чьи бедра пышны в тяжести своей,
Чьи округлы твердо-правильные груди,
Чей удел быть нежно-юною всегда,
Ту, чье тело все утонченно-прекрасно,
Кто идет, как лебедь стройная плывет,

Ты видал ли ту, чей взор есть взор газели,
Проходила ли она в лесной глуши?
Извлеки меня из темных вод незнания,
От морей разлуки трудной отведи.
(Подходит ближе, сложив руки.)
Ну, что же, царь ланей.
Ты в лесу мою желанную приметил?
Я скажу ее примету, чтоб узнать:
Длинноглазая с тобою здесь подруга,
Вот такая же подруга и моя.

(Посмотрев.) Как! Не обращая внимания на мои слова, обернулся он к своей подруге и так остается. Повсюду превратность судьбы порождает пренебрежение. Прибегну к другому средству. Ах! Я вижу след того, что она здесь проходила.

Эта красная кадамба,
Чей расцвет есть знак, что кончен
Лютый зной,
Украшение давала
Волосам моей любимой,
Подойду.

(Делает несколько шагов и смотрит.) Но что это за необычайно красный предмет вон там в расщелине скалы?

Здесь был ли слон растерзан львом
И то кусок блестящей плоти?
Иль искра малой головни,
Костер же весь дождем загашен?
А, это алый самоцвет,
Как свежий цвет асоки красной,
И солнце хочет выпить цвет,
Прильнув здесь жадными лучами.

Хорошо же, я возьму этот драгоценный камень. (Приближается, чтобы взять его.)

Музыка.

Напевные строки за сценой
Своей подруги не находя,
С глазами, мутными от слез,
С печальным видом, весь тоска,
В лесу блуждает царь слонов.

(Он приближается под звуки музыки и берет самоцвет.)

Та, чьи волосы в живых цветах мандары,

Этот камень драгоценный взять должна,

Но желанную найти мне слишком трудно,

Не хочу слезами портить самоцвет.

(Бросает драгоценный камень далеко от себя.)

Г о л о с з а с ц е н о й. Возьми его, возьми его, о сын мой!

Это талисман соединения,

Алый в нем огонь зажжен ногой

Дочери царя всех гор, Гималы ⁸¹,

Он разлучных сразу единит.

(Поднимая глаза.) Кто повелевает мне? *(Посмотрев.)*

Как, это мудрец, принявший лик царя животных? Благодарю тебя, о мудрый, за это указание. *(Берет драгоценный самоцвет.)* Самоцвет соединения,

Благословенен твой приход ко мне,

Коль ты меня соединишь с желанной,

Тобой украшу царский мой венец,

Как Сива в свой венец взял новый месяц ⁸¹.

(Делает несколько шагов и смотрит.) Но почему испытал я радость, увидев эту лиану, лишенную цветов своих? И все же не без основания сердце мое радуется, ибо —

Это хрупкое растение,

Что омочено дождем,

Точно губы грустной женщины,

На которых брызги слез.

Без цветов лиана стройная,

Для цветов прошла пора,

И похожа на красавицу,

Что сняла с себя убор.

В молчаливом размышлении,

Без жужжания цепких пчел,

Мне она сейчас является

Схожей с милой Урваси,

В час, когда она рассержена

И, припавшего к ногам

Оттолкнув меня, молящего,

Гнева слушаясь, ушла.

Я счастлив обнять эту лиану, что похожа на желанную мою.

О, смотри, смотри, лиана,
Сердце отняли мое.
Если рок в своих сцепленьях
Даст мне вновь ее найти,
Уж не в этот лес направлю
Я блуждания мои,
Не взойду я с нею в место,
Где была погибель ей.

(Он приближается к лиане и обнимает ее.)

Там, где была лиана, мгновенно появляется У р в а с и.

(С закрытыми глазами делает движения человека, которого кто-то коснулся.) А, сердце мое счастливо, как будто бы его коснулось нежное тело Урваси. Но сердце мое беспокойно. Почему?

То, что я мыслю о желанной моей,
Через мгновенье изменится вновь,
И если вдруг я открою глаза,
Увижу вдруг, что не она здесь со мной.

(Медленно открывает глаза.) Как, это она! Урваси! *(Падает без чувств.)*

У р в а с и. Очнись! Очнись, великий царь!

Ц а р ь *(очнувшись)*. Милая, ныне я вновь живу.

Пока я был с тобой в разлуке,
Меж тем как в гневе ты была,
Я погружен был в мрак глубокий,
Но найдена ты снова мной,
И ты — как жизнь, что вновь приходит
К тому, кто жизни был лишен.

У р в а с и. Да простит мне великий царь те огорчения, которые я причинила ему, когда была под властью гнева.

Ц а р ь. Тебе не надо успокаивать меня: увидев тебя, я вдруг получил успокоение. Но скажи: как оставалась ты так долго разлученной со мной?

Музыка.

Павлин, кукушка, лебедь и пчела,
Гора и слон, река, олень, — и кто же
Мной не был спрошен в странствии моем,
Пока я здесь искал тебя, тоскуя?

У р в а с и. Я знала, что с тобою,— весть мне давало о том мое внутреннее чувство.

Ц а р ь. Милая, то, что ты называешь внутренним чувством, что это такое, я не понимаю.

У р в а с и. Да услышит же великий царь. Некогда блаженный Магасэна⁸², произнеся обет вечного безбрачия, жил здесь в лесу, что зовется Сакалакалуша и соприкасается с лесом Гандгамаданой, и было речено им некое решение.

Ц а р ь. В чем то было решение?

У р в а с и. Каждая женщина, что войдет в это место, будет превращена в лиану, и, кроме самоцвета, что возник от прикосновенья ноги богини Гаури, ноги, украшенной алостью лавзонии, ничто не освободит ее от этого лика лианы. Я же, имея сердце, возмущенное проклятием моего наставника, забыв решение Магасэны, взошла в лес, ему посвященный, входа куда должна избегать каждая женщина. Едва я коснулась лесной опушки, как мгновенно приняла лик лианы.

Ц а р ь. Урваси, любимая, теперь все стало ясно.

Но ты, что считала меня далеко удалившимся,

Меж тем как на ложе любви

На нашем заснул я, минутным объят утомлением,

Как вынести разлуку могла?

Вот, как было сказано, этот знак соединения, который один имел власть вернуть нас друг к другу. *(Он показывает ей самоцвет.)*

У р в а с и. Какое чудо! Какое чудо! Это талисман соединения. Так вот почему вернулся ко мне мой природный лик, когда меня обнял великий царь!

Ц а р ь

(возлагая самоцвет ей на лоб)

Твой лик, на котором горит отражение

Самоцвета, что алым сверкает огнем,

Походит на лотос, что светится розовым,

Восходящего солнца прижав поцелуй.

У р в а с и. Властитель с нежными словами, долгое время прошло с тех пор, как мы покинули город Пратистхану. В народе, быть может, уж ропот. Вернемся же туда.

Ц а р ь. Подруга моя права.

Оба встают.

У р в а с и. Но как хочет отправиться туда великий царь?

Ц а р ь

На новом облаке, вмененном в колесницу,
Горящем радугой во всех ее тонах,
С игрою молнийной, как знаменем огнистым,
В мой дом веда меня, небесная краса.

Музыка.

На певные строки за сценой
Единения с желанной в час исполненный достигнув,
Юный лебедь, на котором перья встали от любви,
В колеснице уплывает, в неземной, что вмиг возникла
Чарой сильного желанья, лишь хотением его.

Они оба удаляются из леса Гандгамаданы.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ПРОЛОГ

М а н а в а к а входит с веселым видом.

М а н а в а к а. О, какое счастье! После долгих услад в пленительных рощах, в лесу Нанданы, вместе с Урваси царь вернулся в город. Теперь согласно долгу он правит и снискивает преданность многочисленных своих подданных. Если б не отсутствие наследника, ничто не тревожило бы его счастья. Сегодня один из великих дней луны⁸³, и царь совершал омовение вместе с царицей в водах Ганга и Ямуны. Сейчас он вернулся во дворец. Я пойду к нему, буду с ним, пока он украшает и умащает свое тело.

Г о л о с з а с ц е н о й. Горе! Горе! Этот самоцвет горящий, что царь предназначил, когда он был отлучен от небесной, быть главным украшением своего венца, утащил, поглотил коршун, что, приподняв пальмовый лист, покрывавший его, схватил его, как съедобу.

(Услыхав эти слова.) Вот действительно несчастье, ибо этот бесценный самоцвет, именуемый самоцветом соединения, мой друг высоко чтит. Поэтому, конечно, он встал

с своего места, не окончив своего облачения. Пойду к нему. (*Он выходит.*)

Входит царь, Манавака, царедворец, горец⁸⁴
Рэчака и придворные.

Царь. Рэчака, Рэчака,

Где этот крылатый
Грабитель, который,
Похитивши гибель свою
В том доме, где стража,
Схватив драгоценность,
Свой первый грабеж совершил?

Горец. Он исчезает, как бы расцветая небо этим самоцветом, что на золотой нити подвешен к концу его клюва.

Царь. Я вижу его,

В быстром полете
Кружит, удаляется,
В клюве несет самоцвет,
В лете его
Полоса разгорается,
Точно кружит головня.

Скажи, что делать?

Манавака. Здесь не место жалости. Виновный должен быть наказан.

Царь. Хорошо сказано. Лук, лук!

Придворные. Повинуемся его величеству. (*Они выходят.*)

Царь. Уж не видно злосчастной птицы?

Манавака. Сюда, сюда, в сторону юга, устремил свой полет виновный.

Царь (*увидев птицу*). Эта птица с самоцветом, светящимся, точно расцвет огненной асоки, как бы свешивает серьгу в окружающий воздух.

Женщина явани⁸⁵ (*входит с луком в руке*). Государь, вот лук и стрелы.

Царь. Зачем теперь лук, когда уж не нагонит коршуна стрела. Когда —

Вознесенный птицей самоцвет
Горит, излучиной сверкая,
Как ночью алая звезда,
Боец, чей луч пронзает тучи.

Благородный Талавия!⁸⁶

Царедворец. Что повелит его величество?

Царь. Да скажут от меня жителям города, что несчастная птица должна быть отыскана на дереве, где она ночует.

Царедворец. Повинуюсь его величеству. *(Он выходит.)*

Манавака. Да отдохнет теперь его величество душой. Куда бы ни устремился он, этот похититель самоцветов, не миновать ему твоего суда.

Они садятся.

Царь

Не за достоинство его
Ищу я самоцвет бесценный,
А потому, что талисман
Соединенья в нем с желанной.

Царедворец *(входя)*. Победа, победа царю!

Преступная птица,
В чье тело вонзился
Твой гнев, превратившись в стрелу,
С воздушного верха
Низринулась книзу,
Бесценный держа самоцвет.

Все выражают свое изумленье.

Самоцвет омыт, кому его вручить?

Царь. Рэчака, иди и вели положить его в сокровищницу.

Горец. Повинуюсь царю. *(Он берет самоцвет и выходит.)*

Царь *(Талавию)*. Его милость осведомлена, кому принадлежит стрела?

Царедворец. На стреле, кажется, означено имя, но мое зренье не способно разобрать начертания.

Царь. Приблизь эту стрелу, чтоб я мог рассмотреть ее.

Манавака. Что это рассматривает его величество?

Царь. Услышь же имя того, кто сразил птицу.

Манавака. Я весь вниманье.

Ц а р ь
(читает)

Стрела сия — стрела того, чье имя Айюс,
Царевич юный он, и меткий он стрелок,
Чьи стрелы быстрые врагов лишают жизни,
Сын Пурураваса⁸⁷, рожденный Урваси.

М а н а в а к а. Какое счастье! У его величества есть наследник.

Ц а р ь. Как это могло случиться, друг! Исключая жертвоприношения Анимичии⁸⁸, я никогда не отлучался от Урваси, и никогда она не являла знамений, возвещающих, что женщина станет матерью. Откуда это дитя?

Знаменье было, однако, в течение нескольких дней:
Кончики нежных грудей потемнели,
Лик у нее побледнел, как бледнеет цветок лявали,
И на руке соскользали запястья.

М а н а в а к а. Да не помышляет его величество, что Урваси по природе своей обыкновенная женщина. Деянья богов сокрыты их всемогуществом.

Ц а р ь. Пусть так, как ты сказал, — зачем же ей нужно было облекаться тайной?

М а н а в а к а. Она говорила себе: «Не покинет ли меня царь, когда я состареюсь?»

Ц а р ь. Довольно шуток. Помысли.

М а н а в а к а. Кто же проникнет в тайны богов?

Ц а р е д в о р е ц (входя). Победа, победа царю! Здесь отшельница из рода Бхригу⁸⁹, она привела юношу из отшельничества Чиаваны⁹⁰ и хочет видеть царя.

Ц а р ь. Введите тотчас их обоих.

Царедворец выходит, потом возвращается и вводит ю н о ш у
в сопровождении о т ш е л ь н и ц ы.

М а н а в а к а. Это действительно юный кшатрия, чья стрела с его именем сразила коршуна, избрав его как цель. Он являет во многом сходство с тобой.

Ц а р ь. Да, это так,

Слезы мой взор застилают,
Глаза приковались к нему,
К сердцу ласкается нежность,

Дух успокоился мой.
Долго его я хотел бы,
Сан свой высокий забыв,
Долго рукою дрожащей
Сына к себе прижимать.

Женщина приближается.

Святая мать, привет тебе. ,

О т ш е л ь н и ц а. Великий царь! Будь стражем лун-
норожденных. (*В сторону.*) Без извещения святой царь
узнал собственного своего сына законного. (*Громко.*)
Сын мой, приветствуй твоего властителя.

Юноша, сложив ладони, приветствует своего отца,
глаза которого полны слез.

Ц а р ь. Сыну моему долгая жизнь!

Ю н о ш а

(*вздрагивая от прикосновения отца, в сторону*)

Если только услышать — «Отец мой»,
«Это я его сын» — столько неги,
Как же любят родителей дети,
Что на лоне у них возросли!

Ц а р ь. Святая мать, какая причина твоего прихода?

О т ш е л ь н и ц а. Да выслушает великий царь. Этот
юноша, долгой ему жизни, был тотчас после рождения
передан Урваси, которая имела для этого некоторое осно-
вание, моему попечению. По обычаю высокородных
кшатриев, обряды при рождении и другие свершены были
над ним Чиаваной. Теперь, когда умудрен он знанием,
его обучают стрельбе из лука.

Ц а р ь. О да, он уже искусен!

О т ш е л ь н и ц а. Сегодня он нарушил правило
отшельничества, когда пошел с сыновьями отшельников
сбирать цветы, плоды, топливо и траву куса⁹¹.

М а н а в а к а. Как это?

О т ш е л ь н и ц а. Коршун, который с куском съедо-
бы сел на вершину одного дерева в пύстыни, избран был
целью для его стрелы.

Ц а р ь. И потом?

О т ш е л ь н и ц а. Едва блаженный Чиавана узнал об
этой новости, я получила от него следующее повеление

«Верни то, что у тебя на хранении, Урваси». Вот почему я хочу увидеть Урваси.

Ц а р ь. Да воссядет святая мать сюда.

Оба садятся на принесенные слугами кресла.

Властительный Талавия, да известят Урваси.

Царедворец склоняется и уходит.

Подойди, подойди, милое дитя.

Прикосновение дитяти —

Улада существу всему.

Коснись, обрадуй,— лунный камень

Лучом обрадован луны.

О т ш е л ь н и ц а. Дитя мое, приветствуй твоего отца.

Юноша приближается к царю.

Ц а р ь (*обнимая его*). Милое дитя, приветствуй, не колеблясь, моего лучшего друга, брамана.

М а н а в а к а. Почему он так боится меня? Ведь вокруг пúстыни он видел же немало сборищ обезьян.

Ю н о ш а (*улыбаясь*). Властитель, приветствую тебя.

М а н а в а к а. Будь счастлив и преуспевай во всем!

Входят Урваси и царедворец.

Ц а р е д в о р е ц. Сюда, сюда, владычица.

У р в а с и (*входя и всматриваясь*). Кто этот юноша, что сидит на золотой скамейке и чьи волосы ласкает царь? (*Видя отшельницу.*) Какое диво! Это мой сын Айюс в сопровождении Сативати⁹². Как он вырос!

Ц а р ь (*взглянув*). Милое дитя,

Вот мать твоя пришла, она поглощена

Виденьем лика твоего,

И на груди ее, где меры нет любви,

Порвалась перевязь, дрожа.

О т ш е л ь н и ц а. Дитя мое, иди, приблизься к твоей матери. (*Говоря так, она приближается к Урваси с юношей.*)

У р в а с и. Благородная, к стопам твоим припадаю.

О т ш е л ь н и ц а. Дочь моя, будь счастлива вовек и чтима супругом твоим.

У р в а с и. Милое дитя, да будешь ты всегда счастьем
твоего отца. (*Обращаясь к царю.*) Великому царю победа
да будет всегда!

Ц а р ь. Сына имеющая, ты желанна. Присядь здесь.

У р в а с и. Владыки, сядьте.

Все садятся.

О т ш е л ь н и ц а. Милая моя дочь, ныне, когда
умудрен он наукой, может носить оружие и броню, я
возвращаю в твои руки и в присутствии царя сокровище,
что ты доверила мне. Мое желание теперь, — да позволят
мне удалиться, ибо правило отшельничества не соблю-
дено мной.

У р в а с и. Как тебе будет угодно. Но я огорчена та-
кой быстрой разлукой, когда так долго я тебя не видела.
Чтобы не причинить нарушения правила, иди, владычица,
но до свидания.

Ц а р ь. Святая мать, передай мой привет Чиаване.

О т ш е л ь н и ц а. Так да будет.

Ю н о ш а. Матушка, так это правда, что ты уходишь?
Ты меня уведешь отсюда?

Ц а р ь. Обязанности первого жизненного возраста за-
вершены тобой. Время вступить во второй ⁹³.

О т ш е л ь н и ц а. Дитя мое, сообразуйся с желаньем
твоего отца.

Ю н о ш а. Если это так,

Пошли мне юного павлина,
Что шеей голубой мерцал,
И на моих дремал коленях,
И распускал цветистый хвост.

О т ш е л ь н и ц а. Так и сделаю.

У р в а с и. Святая мать, к стопам твоим припадаю.

Ц а р ь. Достойная, склоняюсь пред тобой.

О т ш е л ь н и ц а. Счастья всем вам. (*Она выходит.*)

Ц а р ь. Красивая Урваси,

Сегодня я — счастливейший отец,
Чрез сына, мне рожденного тобою,
Как Индра чрез Джайанту ⁹⁴ счастлив был,
Рожденного супругой Пауломи.

Урваси плачет.

М а н а в а к а. Как? И при этом лик владычицы
орошен слезами?

Ц а р ь

Зачем, красивая, ты плачешь, Урваси,
Когда я радуюсь, узнав, что род мой длится?
Зачем к жемчужинам на ласковой груди
Слезами нижешь ты двойное ожерелье?

У р в а с и. Да выслушает великий царь. Сначала я
преисполнилась радостью при виде моего сына. Но только
что, услышав имя великого Индры, мое сердце вспомнило
о сроке, что он означил.

Ц а р ь. Говори.

У р в а с и. Да выслушает великий царь. Когда-то,
когда мое сердце пленилось великим царем и я была
помрачена проклятьем моего наставника, великий Индра
послал меня на землю и означил некий срок...

Ц а р ь. Какой же, скажи?

У р в а с и. «Когда мой друг, возлюбленный, святой
царь, увидит лик сына, что родится от тебя, ты должна
вернуться ко мне». Таковы были его слова. Испуганная
разлукой с великим царем и чтобы дольше остаться
слиянной с ним, я сама отдала моего сына на попечение
досточтимой Сативвати, в пúстынь блаженного Чиаваны.
Ныне, когда царевич, одаренный долгой жизнью, стал
способен полезным быть своему отцу, зачем мне оста-
ваться дольше с великим царем?

Царь впадает в изнеможение.

В с е. О, да ободрится, да ободрится великий
царь.

Ц а р е д в о р е ц. Да ободрится великий царь.

М а н а в а к а. Помогите, помогите!

Ц а р ь (*приходя в себя*). Увы! Здесь препятствие
счастью, ниспосланное самой судьбой.

Едва обрадованный тем,
Что в жизни получил я сына,
Вдруг узнаю, что мне грозит
С прекрасной Урваси разлука.
Так древо, зноем спалено,
Чуть освежилось первым ливнем,
Вдруг преломившись, сражено,
На землю падает от молний.

М а н а в а к а. Событие это, думается мне, таит в себе следствия непостижимые. Но и самого царя богов можно умилоствовать.

У р в а с и. О, меня сразили, несчастная я! Ибо вот, когда обрела я моего сына, чье воспитание завершено, я должна восходить на небо, и великий царь еще поверит, что мне хочется покинуть его, теперь, когда все разрешилось.

Ц а р ь. Нет, нет, не говори мне так, о прекрасная!

Разлука тяжела воистину, но наша
Зависимость препятствует свершенью
Желаний наших. Что тебе велел
Верховный, соверши и повинуйся.
А я, вручивши сыну твоему
Власть царскую, укроюсь в лес дремучий,
Что ланями возлюблен навсегда.

Ю н ы й ц а р е в и ч. Отец мой ведь не захочет возложить тяжкое бремя великого быка на плечи юного быка, неопытного?

Ц а р ь. Дитя мое, не говори так,

Породистый слон подчиняет других,
Ежели даже он юн.
И силы верховной утонченный яд
Есть у змеи молодой,
Так царь, пусть и юный, достоин царить,
Ибо не возраст царит,
Но кровь благородная силу дает
Достойному долг совершить.

Досточтимый Талавия!

Ц а р е д в о р е ц. Да повелевает государь.

Ц а р ь. Скажи от меня правителю Паравате, да принесут все нужное для венчания на царство юного царевича.

Царедворец удаляется, опечаленный.
Все делают движение, точно взор их ослеплен.

(Глядя на небо.) Откуда эта внезапная молния? (Замечает мудреца.) О! Это блаженный Нарада!⁹⁵

Вот волосы его приубраны в косички
И выкрашены в желтый цвет,
Как красит золото, цветисто оставляя
На пробном камне желтый прах.

На нем священный шнур, знак брамана
продольный,

Скорее достодожные дары!

Н а р а д а (входя). Победа ему, победа ему, покровителю царства Средоточья! ⁹⁶

У р в а с и. Поклоняюсь тебе.

Царь (в сторону Урваси). Если б могло быть так!
(Громко.) Сын Урваси тебя приветствует.

Ц а р ь. Присядь сюда.

Все садятся.

Н а р а д а. О царь, услышь повеленье великого
Индры!

Н а р а д а. Индра, что видит силой прозрения своего, шлет велье тебе, возымевшему намеренье удалиться в лес.

Н а р а д а. Возвещено было теми, кем зримы три мира, что произойдет состязание между богами и исполинами. Ты, ратный пособник богов, не должен слагать оружия. И Урваси, пока ты жив, пребудет верной твоей подругой.

Ц а р ь. Я удостоен высшей милости владыкой верхов-
ным.

Да, для тебя свершает он, что должно,

И волю ты его свершай.

Жар солнца разжигает огонь горящий,

Сильнее солнце от огня.

(Взглянув на небо) Рамбга, да принесут для венчания юного царя воду, над которой произнесено священное заклинание.

Р а м б г а (входя). Вот освященная вода для венчания юного царевича.

Н а р а д а. Юный царевич, одаренный долгой жизнью, да воссядет на престол.

Рамбга усаживает юношу на престол

(Сделав возлияние воды на голову юноши) Рамбга, скажи ему, что еще надлежит сделать согласно обрядам.

Р а м б г а (научив его сделать должное) Милое дитя, приветствуй блаженного, также твоего отца и твою мать

Юноша приветствует всех троих

Н а р а д а. Счастье тебе!

Ц а р ь. Возвеличь твой род.

У р в а с и. Да свершатся эти слова твоего отца!

Д в а в е с т н и к а за сценой

П е р в ы й в е с т н и к

Как меж бессмертных есть отшельник Атри,
Подобный Бrame вышнему,— и как
Подобен Атри бог луны блестящей,
Как сын его, что Будгою зовут,
Звезде подобен с хладными лучами,—
Как Вайдгаве наш подобен царь,—
Подобен ты отцу в блестящих свойствах,
Возлюбленных людьми Твой чтимый род
Отмечен меж других благословеньем⁹

В т о р о й в е с т н и к

Тот царский блеск, что над твоим отцом лишь
Сиял сначала, ныне разделен
Тобою, правым, стойким вне сравненья,
Еще сильнее искрится, как Ганг,
Чья влага сразу — в высях Гималаев
И здесь внизу — впадает в океан

Р а м б г а. Счастливая подруга! Ты, узрев преуспеянье юного царя, все ж не разлучена с супругом своим
У р в а с и. Это счастье наше обоюдно. (Взяв за руку)

юного царевича.) Сын мой, приветствуй Рамбгу, которая была тебе первой матерью.

Ц а р ь. Подожди, мы приблизимся к ней вместе.

Н а р а д а

Достойный Айюс, юный царь
В сиянии, как Магасэна,
Как бог-воитель, что взнесен
Над воинствами вышним Индрой.

Ц а р ь. Индра покровительствует мне.

Н а р а д а. О царь, что может еще свершить для тебя покоритель злых духов, Индра?

Ц а р ь. Еще есть желание одно!

Блаженный Индра да пребудет
К нам благосклонным и для счастья
Благих да пожелает слить
Соперниц трудно единимых,—
Удачею и красноречьем
Один да воссияет кров⁹⁸.

И еще:

Каждый да свершает трудный путь
Счастливо! Да узрит счастье каждый!
Каждый, что желанно, да найдет!
Все, повсюду, счастливы да будут!⁹⁹

Все уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ *

Драма «Мужеством добытая Урваши» — «Викраморваши» (иногда переводят: «Герой и Урваши») — написана на сюжет древнего сказания, известного уже авторам «Ригведы». В его основе — миф о любви смертного к неземному существу, многократно отраженный в мировой литературе. Версии сказания о Пуруравасе и Урваши содержатся в «Шатапатха-брахмане» — одном из древнейших памятников повествовательной литературы Индии и в некоторых пуранах. Завязка драмы строится на мотиве, лежащем в основе традиционных театральных представлений жанра — ихамрига: герой спасает деву от демонического антагониста. Однако дальнейшего развития этот конфликт в драме не получает, и произведение Калидасы, уже значительно отделившееся от этой ранней формы, относится к ведущему жанру санскритской классической драматургии — натака. Эта драма Калидасы, сюжет которой повторяет (хотя и на ином уровне) некоторые мотивы «Малявики», особенно насыщена мифологическим содержанием. Счастливую развязку автор основывает на эпической легенде об участии земного героя в войне богов и демонов.

Драма издана впервые в Калькутте в 1830 г. Первое критическое издание (Ф. Боллензена) с немецким переводом вышло в Петербурге в 1846 г.

¹ Правильное написание имен действующих лиц таково: Пуруравас, царь Пратишханы, и далее — Аюс, Читраратха — царь гандхарвов, Нарада — сын Брахмы, Паллава, Галава — ученики Бхараты, Урваши, Читралекха, Сахаджання, Рамбха, Менака, Аушинари — дочь царя Каши, Кешин.

* Примечания составлены Г. Бонгард-Левиным и В. Эрманом.

² *Веданты* — здесь то же, что упанишады (см.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 19). Веданта букв.— конец вед. Они завершают четырехчленную структуру ведийской литературы: самхиты (ранневедийские собрания), брахманы, араньяки, упанишады. ...зовут... // *Единым мужем...*— В этом контексте Пуруша (букв.— мужчина) лучше перевести: «дух», то есть «духом, который, единый, пронизывает небо и землю». ...*чье имя — Властный...*— (в подлиннике: «Ишвара — Владыка» — эпитет Шивы). ...*что возжелали // Быть вольными...*— В подлиннике: «Стремящимися к избавлению» — см.: А ш в а г х о ш а. Жизнь Будды, примеч. 2. ...*задержкою дыханья...*— Подразумеваются йогические упражнения, способствующие отрешению от мира и приближению к высшей цели. Шива считался йогиним и предводителем йогингов. ...*созерцаньем* — в подлиннике: «йогой».

³ *Директор*.— См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 3.

⁴ *Мариша* — главный актер.

⁵ *Друг Нары* — Нараяна; Нара и Нараяна — мифические мудрецы божественной природы; Урваши, прекраснейшая из небесных дев, произошла, согласно легенде, из бедра Нараяны. *Каиласа* (правильно — Кайласа) — мифическая гора в Гималаях, обитель богов Шивы и Куберы.

⁶ В индийской мифологии отец Пурураваса был сыном бога Сурьи (то есть Солнца). Иногда Пуруравас — сын Сомы, бога Луны.

⁷ *Асуры* — могущественные демоны, враги богов.

⁸ *Гаури*.— См.: «Шакунтала», примеч. 66.

⁹ *Кувера* — правильно — Кубера.

¹⁰ *Данавы* — вместе с дайтьями в индуистской мифологии составляют группу асуров. В подлиннике: «демоном Кешиним». Украд Урваши, он оскорбил тем самым Индру.

¹¹ *Гемакута*.— См.: «Шакунтала», примеч. 121.

¹² *Гаруда* — мифическая птица; сидя на ней, бог Шива передвигается по небу.

¹³ *Срединный мир* — земля, мир смертных.

¹⁴ *Лань* — эмблема бога Луны.

¹⁵ *Бог Молниеносец* — Индра.

¹⁶ *Мэндара*.— См.: «Шакунтала», примеч. 116.

¹⁷ В подлиннике: цветы мандары.

¹⁸ По представлениям древних индийцев, луна была хранилищем напитка бессмертия амриты. В русском переводе Бальмонт везде дал «медвяный напиток».

¹⁹ В подлиннике: «Созвездия Вишакха», которое идентифицируют с частью созвездия Весов. Пуруравас, сопровождаемый Урваши и Читралекхой, сравнивается с Луной и двумя звездами из созвездия Вишакха.

²⁰ В подлиннике: «Да будет царь охранять Землю в течение ста калп». В индийской мифологии калпа — громадный по времени мировой период.

²¹ *Гандгарвы* (правильно — гандхарвы) — в индуистской мифологии существа полубожественной природы, супруги апсар.

²² *Громовник* — эпитет Индры; в подлиннике: тот же эпитет, который выше был переведен как «Молниеносец».

²³ *Сварга* — небо, небесное царство Индры.

²⁴ Имеется в виду Нараяна, обитель которого помещалась в воздушных сферах.

²⁵ .. жертва из вареного риса... — Рис, варенный в молоке, приносился в жертву богам или предкам, а также теньям усопших.

²⁶ *Вестник* — придворный певец, в обязанности которого входило песней оповещать о наступлении того или иного срока. В первых двух драмах было переведено: «придворный поэт» или просто «поэт».

²⁷ День царя в Древней Индии был разбит на восемь частей — по полтора часа, для каждой из которых был определен род занятий; шестая часть посвящалась отдыху от государственных дел. О наступлении каждой части царю объявлял придворный глашатай.

²⁸ Последняя строка этой строфы добавлена переводчиком.

²⁹ *Чатака*. — См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 27.

³⁰ *Бог пятистрельный* — Кама, бог любви (см.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 31).

³¹ *Малайя* — горная гряда в Западном Малабаре. В индийской лирике часто упоминается о ветрах, веющих с нее.

³² Миф об Индре, соблазнившем супругу могущественного мудреца Гаутамы Ахалью (у К. Бальмонта *Агалия*) и понесшему за это жестокую кару, излагается в «Махабхарате». За измену Ахалья была проклята своим мужем и обратилась в камень. Только через девять тысяч лет счастливый случай вернул ее к жизни. *Гром* (в подлиннике: ваджра) — палица Индры. См.: «Шакунтала», примеч. 45; возможно, имеется в виду связь мифического оружия Индры с фаллическим культом плодородия. — Сказания об Индре и Пуруравасе. См.: Э. Н. Темкин, В. Г. Эрман, Указ. соч., с. 79—80.

³³ *Бгаджиратхи* (правильно — Бхагиратхи) — одно из названий Ганги.

³⁴ *Ямуна* — древнее название реки Джамны.

³⁵ *Нандана* — в индийской мифологии сад в царстве Индры.

³⁶ *Буковый листок* (в подлиннике: береста). — Специально

обработанная березовая кора служила в Древней Индии материалом для письма.

³⁷ *Параджата* (правильно — париджата) — то же, что мандара (см.: «Шакунтала», примеч. 116).

³⁸ Выступление пота, как и поднятие волосков на теле, — признак любовного томления.

³⁹ Пожелание победы (традиционное обращение к царю в Древней Индии) из уст небожительницы Пуруравас воспринимает как обращение к нему самого Индры.

⁴⁰ В подлиннике: «Владыка Марутов» — эпитет Индры, предводителя дружины Марутов, в индийской мифологии воинственных богов буйных ветров.

⁴¹ *Стражи мира* — в индуистском пантеоне группа из восьми (первоначально четырех) второстепенных богов во главе с Индрой, выступающих хранителями четырех стран света и четырех промежуточных направлений.

⁴² *Восемь обликов чувства* — восемь так называемых «раса», видов эстетического переживания; теория раса излагается в «Натьяшастре» — древнейшем из дошедших до нас сочинений по искусству драматического театра, авторство которого приписывается легендарному мудрецу Бхарате; она составляет основу эстетики драматического искусства в Древней Индии. Согласно легенде, первые драматические представления были показаны на небесах для богов по инициативе Индры, и Бхарата был их постановщиком, апсары исполняли женские роли, сыновья Бхараты — мужские (подробнее см.: П. А. Г р и н ц е р. Основные категории классической индийской поэтики. М., 1987).

⁴³ *Мантра* — молитва или заклинание, текст из Священного писания. Древние индийцы верили, что произнесение мантр дает магическую силу.

⁴⁴ *Карникара* — цветок *Pterospermum Acerifolium*.

⁴⁵ *Лакшми*. — См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 47.

⁴⁶ *Варуни* — супруга (по другим версиям — дочь) бога моря Варуны, богиня вина; как и Лакшми, возникла из океана во время пахтания его богами и демонами.

⁴⁷ *Пурушоттама* (дословно: «Высший Дух») — эпитет Вишну или Кришны. Урваши, играющая роль Лакшми, супруги Вишну, должна была назвать один из эпитетов Вишну.

⁴⁸ *Пурурандара* (правильно — Пурандара) — «Сокрушитель крепостей» — эпитет Индры.

⁴⁹ *Царедворец*. — См.: «Шакунтала», примеч. 87.

⁵⁰ В подлиннике: «С бриллиантовой террасы»; предполагается, что пол террасы выложен драгоценными камнями.

⁵¹ *Рогини* (правильно — Рохини). — См.: «Шакунтала», примеч. 129.

⁵² В подлиннике: «Нектаром».

⁵³ В подлиннике: «Блισταющий на челе Шивы» (Шива обычно изображался с луною на лбу).

⁵⁴ В подлиннике: «Твой дед прислал мне (букв: брахману) сообщение, что он тебя отпускает».

⁵⁵ *Свастиватчана* (правильно — свастивачана) — обряд перед совершением жертвоприношения, связанный с угощением брахманов.

⁵⁶ В подлиннике: «Священные¹ (культовые) цветы и травы».

⁵⁷ *Сатчи* (правильно Шачи — дословно: «Обладающая особой грациозностью») — супруга Индры.

⁵⁸ Немигающие глаза — отличительная черта небожителей.

⁵⁹ То есть единоподданного (см.: «Шакунтала», примеч. 89).

⁶⁰ Имеются в виду три ночные стражи, по три часа в каждой.

⁶¹ *Акалуша* (букв.: «Лишенный нечистоты») — название мифического леса и мифического пика, примыкающего к священной горе Кайласа.

⁶² *Напевные строки*. — Эти строфы, как и некоторые слова царя в четвертом акте, произносятся на пракрите апабхранише (поздняя форма среднеиндийского языка). Свойство языка позволяло передать особую мелодичность речи.

⁶³ *Лес Гандгамадана* (правильно — Гандхамадана, «Пьянящий благоуханием») — мифический лес в Гималаях, рядом с Кайласой.

⁶⁴ *Мандакини* — Небесная Ганга. См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 13.

⁶⁵ В подлиннике: «Дочь видьядхара»; видьядхары (букв.: «ведуны») — разряд мифических существ.

⁶⁶ *Кумара* (он же Сканда, Картикея) — бог войны, сын Шивы и Умы; вечно юный девственник, чуждающийся женщин.

⁶⁷ Имеется в виду наступление сезона дождей, прерывающего движение по дорогам; в древнеиндийской поэзии часто описывается как время разлук, печали о тех, кто вдали и лишен возможности вернуться.

⁶⁸ Индийцы верили, что талисман возник из краски на ноге супруги Шивы — Парвати-Гаури. Гаури. — См.: «Шакунтала», примеч. 66.

⁶⁹ *Ракиас*. — См.: «Шакунтала», примеч. 46.

⁷⁰ В оригинале в ремарках, перемежающих строфы, перечислены различные типы исполнения песен: двипадика, чарчари и т. д.

⁷¹ В подлиннике: «Древо желания», одно из пяти райских деревьев (см.: «Шакунтала», примеч. 116), «исполняющее все желания».

⁷² В подлиннике: «Томящийся по озеру Манаса». Манаса —

священное озеро в Гималаях (современное название: Манасаровар), в начале сезона дождей на берегах озера собираются огромные стаи птиц; считается, что фламинго (в переводе: «лебеди») в это время стремятся к озеру Манаса, чтобы воссоединиться со своими подругами, тоскующими в разлуке; образ нередко встречается в индийской лирической поэзии.

⁷³ В подлиннике — игра слов, основанная на значении названия птицы чакравака (букв.: «колесогласная», то есть чей голос подобен скрипу колеса): «О ты, названная по колесу (ратханга, то же, что чакра), тебя умоляет воитель (букв.: «владыка колесницы»), спрашивая о покинувшей его возлюбленной круглобедрой (букв.: «чи бедра округлы, как колесо»), одолеваемый сотней страстей (букв.: «колесниц души»).

⁷⁴ *Я, чьи предки Солнце и Луна...* — Матерью Пурураваса была Ида, дочь Ману — родоначальника Солнечной династии и внука бога солнца.

⁷⁵ *...их зовут Земля и Урваси.* — См.: «Малявика и Агнимитра», примеч. 20.

⁷⁶ *Кадамба* (Nauclea Cadamba) — дерево с благоухающими цветами оранжевого цвета.

⁷⁷ *Саллаки* — дерево.

⁷⁸ *Сурабхи-кандгара* (правильно Сурабхи-кандара) — букв.: «Гора благоухающих пещер».

⁷⁹ *Аиравати* — в индийской мифологии главный из четырех мировых слонов, поддерживающих землю; слон Индры.

⁸⁰ В подлиннике: «Дочери гор» — эпитет Парвати, супруги Шивы, которая считается дочерью Химавата, царя гор (олицетворяющего Гималаи).

⁸¹ *...как Сива в свой венец...* — См. примеч. 53.

⁸² *Магасэна* (правильно — Махасэна) — одно из имен Кумары (см. примеч. 66).

⁸³ В индийском ритуальном календаре особо выделялись «благоприятные» дни лунного месяца; в это время совершались специальные обряды.

⁸⁴ *Горец.* — В комментарии, поясняющем имя персонажа — кирата, общее наименование горных племен Гималаев. Кираты служили лесниками и егерями при царском дворе.

⁸⁵ *Женщина явани.* — См.: «Шакунтала», примеч. 35.

⁸⁶ В подлиннике — Латавья.

⁸⁷ В подлиннике: «Сына Иды» (см. примеч. 74).

⁸⁸ *Жертвоприношение Анимичии* (правильно — Анимишия, букв.: «Бдительное») — не поясняется в других текстах.

⁸⁹ *Бхригу* — мифический мудрец, сын Брахмы.

⁹⁰ *Чиавана* (правильно — Чьявана) — великий подвижник,

сын Бхригу, герой известного ведийского сказания, превзошедший могуществом Индру.

⁹¹ *Трава куса* (правильно — куша).— См.: «Шакунтала», примеч. 31.

⁹² *Сативати* — правильно — Сатьявати.

⁹³ Древние индийцы подразделяли жизнь свободного человека на четыре этапа (ашрамы): 1) ученик, 2) семьянин, домохозяин, 3) лесной отшельник, 4) аскет.

⁹⁴ *Джайянта* (правильно — Джаянта) — сын Индры; *Пауломи*.— См.: «Шакунтала», примеч. 131.

⁹⁵ *Нарада*.— См.: «Шакунтала», примеч. 78.

⁹⁶ *Царство Средоточья*.— Имеется в виду Срединный мир (см. примеч. 13).

⁹⁷ В этой строфе прослеживается генеалогия Аюса: *Атри*, божественный мудрец — сын Брахмы и отец Сомы, бога Луны, названного здесь «*звездой с холодными лучами*»; *Будга* (правильно — Будха), сын Сомы, отец Пурураваса,— олицетворение планеты Меркурий, он же *Вайдгава* (правильно — Вайдхава, «Сын Одинокого», то есть Месяца).

⁹⁸ *Удача и красноречье*.— В подлиннике имена богинь: *Шри* (Лакшми) — богини красоты, богатства и счастья и *Сарасвати*, богини мудрости и красноречия. Считалось, что они находились во враждебных отношениях одна к другой. Столкновение Удачи и Мудрости стало одной из тем индийских пословиц.

⁹⁹ Эпilog драмы назывался *бхаратавакья* в честь Бхарата, который считался основателем индийской драматургии.

БАЛЬМОНТ — ПЕРЕВОДЧИК КАЛИДАСЫ

Интерес Бальмонта к индийской культуре, литературе и театру Индии естественно привел поэта к творчеству Калидасы. Когда это знакомство произошло впервые, сказать трудно, но о Калидасе и его драмах Бальмонт узнал довольно рано. Еще в 1898 г. в книге «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» были опубликованы переводы и стихи поэта и перевод с санскрита Вс. Миллера (ираниста, осетиноведа, индолога, впоследствии академика) первой главы драмы Калидасы «Викраморваши» («Урваши» или «Мужеством добытая Урваши»). В. Брюсов в лекции 1907 г. «Театр будущего» назвал имя Калидасы среди истинных драматургов прошлого. Бальмонт вместе с Брюсовым серьезно увлекался театром. В 1907 г. он даже издал свою драму «Три расцвета» в задуманной им серии «Театр Юности и Красоты» — к этой идее создания театра нового типа поэт вновь вернулся в 1913—1914 гг. В сборнике «Морское свечение» (СПб., 1910) Бальмонт сравнивал с автором «Шакунталы» — Калидасой великого испанского драматурга Кальдерона.

Работа над «Жизнью Будды» Ашвагхоши привела Бальмонта к встрече с С. Леви, автором известного труда «Индийский театр», блестящего знатока индийской драматургии и творчества Калидасы. Это знакомство сыграло немалую роль в творческой биографии Бальмонта и, возможно, определило особый интерес русского поэта к драмам Калидасы.

Письма К. Д. Бальмонта к жене¹ (Екатерине Алексеевне Бальмонт) и к М. В. Сабашникову² позволяют в общих чертах

восстановить ход работы над переводом драм Калидасы. Много интересных свидетельств содержит и переписка академика С. Ф. Ольденбурга с М. В. Сабашниковым (она также не была до сих пор опубликована. Письма хранятся в архивах)³.

По признанию Бальмонта, его интерес к индийской культуре, словесности, религии, мифологии особенно возрос после посещения Индии, Цейлона и Явы. В июле 1913 г. он предлагает Сабашникову свой перевод «образцовой Индусской Драмы — Калидасы».

А вот его письмо к М. Сабашникову от 24.XII.1913: «Я перечитываю «Сакунталу» Калидасы, и если она мне всегда нравилась, теперь, после более близкого прикосновения к Индии, я от нее в восторге. С истинным увлечением займусь воспроизведением ее по-Русски. Я вернулся также к занятию Санскритским языком и намерен прочесть, с Леви или с другим санскритологом, как «Сакунталу», так и другие Индусские произведения, в подлиннике, прежде чем переводить их. Мне казалось бы поэтому, — и по другим соображениям, что предпочтительнее, для начала, ограничиться одною лучшей жемчужиной, а то, собирая их все (их много!), потонем. Явим одну, а потом — еще и еще! Впрочем, просто начнем, а там увидим.

На днях буду у Сильвэна Леви...⁴ В свободную минуту отзовись. Жму руку. Буду признателен за сообщение каких-либо литературных новостей».

Позднее в лекциях о Калидасе Бальмонт писал, что благодаря помощи лучшего французского санскритолога С. Леви он «имел высокое счастье прикоснуться к «Сакунтале» в подлиннике»⁵. Под влиянием работы Леви «Индийский театр» Бальмонт принял его периодизацию драматургического наследия Калидасы⁶.

Задолго до выхода «Сакунталы» отдельным изданием Бальмонт приступил к переводу «Малявики и Агнимитры» и «Урваши». Он регулярно посылал издателю просмотренные корректуры «Сакунталы», списки исправлений и опечаток, с волнением ждал постановки драм Калидасы на русской сцене, обсуждал вопрос об издании трех драм в одном томе и об авторе предисловия к нему.

Вот некоторые строки из писем 1914 г. к жене.

8.VI (из Парижа):

«Был с «Сакунталой» и надеюсь завтра окончить 2-ое действие».

12.VI (из Парижа):

«Я в большой увлеченности «Сакунталой»... Это такое совершенство. Мне эта драма представляется волшебством

звуков, красок, светов, цветов, телодвижений, пляски душ, нежного танца, утонченных ощущений. Я верю в большой успех этой пьесы на сцене».

15.VI (из Парижа):

«Наконец доперевел и допереписал 2-е действие «Сакунталы», но нужно сверить оттиски, хочу немедля отослать их М. Сабашникову и Юргису»⁷.

21.VI (из Сен-Бревена):

«Только что окончил 3-е действие «Сакунталы» и совершенно упоен Калидасой и индусами».

28.VI (из Сен-Бревена):

«Отлично существуем с «Сакунталой» (уже кончено 4-е действие)».

29.VI (из Сен-Бревена):

«Я приступил уже к 6-му действию «Сакунталы», их всех — 7. Для меня теперь ясно, что я без промедления приготовлю для М. Сабашникова целый том Калидасы, т. е. переведу также и «Урваси» и «Агнимитру». Редко с кем, после Шелли⁸ и Словацкого⁹, я чувствовал такое душевное сродство, как с Калидасой».

1.VII (из Сен-Бревена):

«Кончаю «Сакунталу» через четыре дня. Какая радость!»

4.VII (из Сен-Бревена):

«Послезавтра я ставлю точку. «Сакунтала» окончена, осталось лишь несколько страниц. Это большая радость для меня. Собираюсь серьезно приступить к Санскритскому».

6.VII (из Сен-Бревена):

«Я только что окончил и перечел последнее, 7-е действие «Сакунталы». Как быстро промелькнули передо мной все эти изящные, легкие фигуры индийской мысли. Точно сказка. Верю, что на сцене это будет торжество. Найди мне, пожалуйста, если сможешь, что говорят о Калидасе Гёте и Гердер. Нет ли еще у кого чего? Ее первый перевод (Джонса) в конце 18-го в. вызвал фурор...»

10.VII (из Сулака):

«Отдыхаю от работы и читаю другую драму Калидасы «Малявика и Агнимитра». Мне очень нравится тонкий узор. Но не знаю, примусь ли за работу над ней теперь же. Во всяком случае до Святков я выпущу у М. Сабашникова том «Индийского театра»...¹⁰»

12.VII (из Сулака):

«Красивая Сакунтала не более как первая ласточка. Кстати, только что принесли мне открытку от М. Сабашникова. Он отправил первые действия (теперь, верно, уже все) в набор».

5.VIII (из Сулака):

«Занят совсем не воинственным делом: читаю индусские книги и перевожу очаровательную любовную драму Калидасы «Малявика и Агнимитра».

16.XI (из Парижа):

«...Если ты выдаешься с Мишей Сабашниковым, спроси его, пожалуйста, думает ли он печатать теперь же «Сакунталу», или это неосуществимо. Если да, прошу прислать мне корректуру. Ограничусь одной. Скажи ему также, что я кончаю другую драму Калидасы «Малявика и Агнимитра». Посылать ли ему рукопись или пока подождать»...

19.XI (из Парижа):

«...«Я очень обрадовался твоим письмам и вестям о «Сакунтале». Трепещу только, чтобы не было опечаток. «Лиф» (чудовищно!) отвергаю. Поставьте хоть «безрукавку», но не «лиф» и не «корсаж». Лучше просто «одежда» или иное безразличное слово».

20.XI (телеграмма по-французски из Парижа):

«Лиф невозможно поставьте перехват. Бальмонт» (на телеграмме пометка рукой Екатерины Алексеевны Бальмонт — «В «Сакунтале» Б. просит заменить «лиф» «перехватом» в описании костюма. Ек. Б.»).

21.XI (из Парижа):

«...«Я просматриваю «Сакунталу» и еще не посылаю тебе закрытого письма, где подробно напишу тебе о своих желаниях и планах... Шлю тебе листок поправок для «Сакунталы». Самую важную вчера телеграфировал: «Лиф невозможно. Поставьте — перехват». Дошла депеша? У меня сперва не хотели ее принимать. Настоял».

22.XI (из Парижа):

«...«Посылаю также список поправок к «Сакунтале» — если не поздно. Знаменитая «баска», конечно, уже заменена «перехватом» (крестьянская безрукавка)? Я писал тебе об этом и телеграфировал¹¹. Еще забыл, замени в росписи действующих лиц и в 1-ой сцене 6-го действия «начальника полиции» — «начальником стражи» и «полицейских» — «стражниками»¹².

С нетерпением буду ждать твоих впечатлений от «Сакунталы».

Поправки:

Стран.	—	Строка	написано	—	надо
8	—	16 св.	съ своими	—	со своими ¹³
16	—	6 св.	превосходному	—	высокому ¹⁴
16	—	5 сн.	выгравирован-	—	вырезанное ¹⁵
			ное		

- 50 — 18 св. такие красивые — так красиво¹⁶
вещи
- 52 — 4 св. достоудолжным — так надлежит¹⁷
образом
- 52 — 9 св. титул — наименование¹⁸
- 53 — 8 св. изящная — изысканная¹⁹
- 100 — 3 св. доволствие — доволство²⁰

26.XI (из Парижа):

...«Я получил и письмо от тебя, открытку и корректуру «Сакунталы», уже исправленную мною и отосланную тебе...»

3.XII (из Парижа):

«Вчера вернул тебе корректуру «Сакунталы». В конце 2-го действия перед появлением юношей-отшельников набрано — «Голос за сценой», нужно же — «Голоса за сценой»²¹. Забыл исправить. В начале 5-го действия было «тысячеглавый Сеша-Змей». Я исправил — «тысячеглазый», было же правильно. Восстанови, если не поздно...²² Конечно, я хочу издать том Калидасы: «Малявика и Агнимитра; Сакунтала; Урваси». Приготовлю без промедлений».

5.XII (из Парижа):

«Вчера только что я раскрыл крылья, чтоб мыслью лететь в Россию, как мне принесли корректуру — 6-е и 7-е действия «Сакунталы». Принялся за них тотчас же и вчера после завтрака отправил их тебе исправленными. В предыдущей корректуре я опустил две ошибки, о чем писал в открытке: в конце 2-го действия, пред появлением юношей-отшельников, «Голос за сценой», а нужно «Голоса за сценой»²³, и в начале 5-го, в стихах Царедворца, было «Тысячеглавый Сеша-Змей», я исправил «Тысячеглазый», а нужно «Тысячеглавый», как и было набрано»²⁴.

Я надеюсь, что опечаток не будет, но, во всяком случае, при печатании Калидасы томом, я непременно хочу глянуть самостоятельно на последнюю корректуру, с которой будут печатать текст. «Сакунтала» же да идет с моим благословением и с твоим утверждением.

...Сабашникову дважды я писал, — или он забыл, или не получил писем, — что я весьма хочу напечатать том Калидасы, и если б я имел отклик и твердое обещание присылать корректуры, этот том был бы уже почти цельностию готов. «Малявика и Агнимитра» переведена более чем наполовину, не кончал из-за ощущения ненужности работы. Теперь примусь за нее вплоть и в одну неделю кончу. Без промедления примусь и за «Урваси». Статью о Калидасе я просил бы исходатайствовать у Сергея Федоровича Ольденбурга, академика, он большой знаток Индии,

человек достойный, и ко мне, кстати, по видимости, относится хорошо. Попроси Мишу Сабашникова об этом от меня. Если тот откажется, пусть Миша сперва мне сообщит имя того, к кому он думает обратиться, ибо я не приму к своему тому статью любого, хотя бы и знаменитого. Сам же писать статью о Калидасе считаю неуместным, ибо я не сведущ в Санскрите. Примечания изготавлю сам».

16.XII (из Парижа):

«Я телеграфировал Мише Сабашникову, чтобы вы ждали моих первых корректур, ибо во второй оказалась куча погрешностей, повергших меня в уныние. Надеюсь, что все-таки Сакунтала увидит Русские святки...²⁵ Я занимаюсь Калидасой...»

25.XII (из Парижа):

«Я все это последнее время был всецело поглощен окончанием «Малявики и Агнимитры». Я писал о «Малявике», что она мне очень нравится своей тонкостью и живостью. «Урваси» перевожу. Сабашникову о Калидасе писал».

31.XII (из Парижа):

«Я только что дописал последние строки «Малявики». Она стала моим недугом. Всегда конец труден. Пошлю тебе дня через два. Прочтешь — передай М. Сабашникову, которому пишу».

4.I.1915 (из Парижа):

«Бегу сейчас на почту отправить «Малявику и Агнимитру». Посылаю рукопись на имя М. Сабашникова, во избежание осложнений. Возьми у него и прочти. «Урваси» перевожу... Я радуюсь работе...»

В архиве Сабашниковых сохранилось письмо, которое Бальмонт 5 января 1915 г. отправил из Парижа издателю. В нем он рассказывает о подготовке тома, посвященного Калидасе, и просит официально обратиться к С. Ф. Ольденбургу с предложением написать вводную статью к этому тому. (Ровно месяц назад в письме к жене поэт также писал о С. Ф. Ольденбурге, как лучшем авторе предисловия.)

«Я послал тебе вчера перевод драмы Калидасы «Малявика и Агнимитра»²⁶. Так как это юношеская драма Калидасы, в том она должна стоять на первом месте, если различать произведения хронологически, на втором — «Сакунтала», на третьем — «Урваси», или, в полности воспроизведения заглавия, «Мужеством добытая Урваси»². Эту последнюю вещь я уже почти наполовину перевел. Окончу до отъезда, уезжать же

отсюда собираюсь в начале здешнего марта. К тому Калидасы я сделаю, в виде словарика, некоторые изъяснительные примечания (как к Асвагоше)²⁸. Хорошо, если бы вступительную статью о Калидасе и особенностях Индусского театра (подчеркнуто Бальмонтом) написал Академик С. Ф. Ольденбург. Пошли ему, пожалуйста, мой перевод «Сакунталы». Если он его одобрит, верно, он не откажется написать соответствующий очерк. Пусть со временем кто-н[иб]удь более сведущий, чем я, в Индии и Санскрите, переведет Калидасу. Его перевод будет иметь научное значение. Но уповаю, что художественное значение мой перевод имеет, и работа не пропадет...

Буду признателен за своевременную посылку корректуры...

Шлю искренний привет и наилучшие пожелания

твой К. Бальмонт.

Р. С. Я думаю, что «Сакунтала» уже вышла. Если еще нет, прошу запустить, сверив с моей корректурой первой и не дожидаясь второй, которая, конечно, могла бы прийти мне слишком поздно».

Архивные материалы позволяют «по дням» проследить, как претворялись в жизнь пожелания Бальмонта.

Следуя просьбе Бальмонта и, конечно, зная С. Ф. Ольденбурга как одного из лучших знатоков древнеиндийской словесности, издатель сразу же обратился к ученому с предложением написать вступительный очерк.

В архиве Ольденбурга сохранилось письмо М. В. Сабашникова, в котором выражается просьба подготовить предисловие к переводам Бальмонта драм Калидасы (на бланке «М. В. Сабашников. Тверской бульвар, 6»; проставлена дата 10.I.1915, однако на письме рукой Ольденбурга написано — «Отправлено 27 апреля, получено 6 мая 1915»). Задержка с отправкой письма объясняется тем, что адресат был вне России — Ольденбург возглавлял Вторую Туркестанскую экспедицию в Восточном Туркестане и вернулся в Петроград в апреле 1915 г.

Приведем текст письма полностью.

Его превосходительству Академику
Сергею Федоровичу Ольденбургу
Петроград В[асильевский] О[стров].
Университетская Л[иния] 1.

«Ваше превосходительство
Сергей Федорович!

Издательство М. и С. Сабашниковых предприняло издание под названием «Памятники мировой литературы», задачи которого изложены в прилагаемом проспекте и с характером которого Вы можете ознакомиться по высылаемым Вам одновременно бандеролью выпускам. Поэт Константин Дмитриевич Бальмонт готовит для нашего собрания стихотворные переводы Калидасы — «Сакунтала», «Малявика и Агнимитра» и «Урваси». Мы предполагаем выпустить эти вещи в одном томе, посвященном Калидасе, и нам очень хотелось бы иллюстрировать этот том подобно вышедшей у нас же книге Асвагоши «Жизнь Будды» и дать в нем кроме указанных переводов еще и историко-литературный очерк о Калидасе. По соглашению с К. Д. Бальмонтом (находящимся сейчас в Париже) мы обращаемся к Вам с просьбой не отказать нам в содействии в нашем начинании и составить для нашего издания очерк о Калидасе.

Как Вы усмотрите из посылаемых Вам книг наших, все наше издание рассчитано на интеллигентного читателя, не сделавшего, однако, своею специальностью изучение литературы и истории. Для такой публики вводный очерк о таком совершенно неизвестном ей писателе, относящемся к таким отдаленным временам, как Калидаса, совершенно необходим. Очерк этот не должен носить характера ученого исследования, может не преследовать полноты в исчерпании предмета, а скорее желательно, чтобы он был составлен доступно. Вероятно, двух листов окажется достаточным для того, чтобы дать читателю ориентировку, но в случае надобности можно было бы пойти и на некоторое расширение рамок. Усердно прошу Вас взять на себя составление этого очерка и помочь нам таким образом ознакомить читающие круги русские с автором и эпохой, доселе им совершенно неизвестными. В случае согласия Вашего, не откажите сообщить лишь условия Вашего вознаграждения и указать, к какому примерно времени можно было бы ожидать от Вас статью.

Как видите, невзирая на войну, и переводчик, и издатель стараются не нарушать своей работы, хотя, конечно, печатание книги при условии присылки корректур в Париж и обратно при

теперешних обстоятельствах требует в пять раз больше времени и в десять раз больше внимания. При этих условиях мы, однако, смогли уже дать публике в отдельном выпуске «Сакунталу», которая затем должна будет войти в общий том, посвященный Калидасе.

В надежде на Вашу поддержку и на согласие Ваше прошу принять уверения в глубоком моем уважении

М. Сабашников».

Теперь мы знаем, что издатель не сразу получил ответ от Ольденбурга, который находился в экспедиции. Но М. В. Сабашников одобрил общий замысел Бальмонта об издании специального тома Калидасы и отправил поэту в Париж договор.

В архиве Сабашникова сохранился оригинал договора, подписанного Бальмонтом 18 февраля и посланного вместе с письмом в Москву издателю:

Издательству Михаила Васильевича Сабашникова
под фирмой М. и С. Сабашниковых в Москве.

«Милостивые Государи

Подтверждаю состоявшееся между нами соглашение:

1) Я уступаю Вам и Вашим правопреемникам с правом Вашим на дальнейшие переуступки исключительное право выпуска в свет в неограниченном количестве экземпляров и изданий стихотворный перевод мой произведений Калидасы: 1) Малявика и Агнимитра 2) Сакунтала и 3) Урваси.— Две первые драмы уже сданы Вам, а поэма Урваси будет представлена Вам в рукописи, законченной к печати, к 1 половине марта с. г. стар[ого] ст[илия].

2) В вознаграждение за уступку Вам означенного права я имею получать от Вас по пятнадцать процентов с продажной, объявленной на обложке книги, цены ее (без переплета), по окончательной распродаже каждого издания.

3) Вы мне гарантируете, однако, получение не менее пятидесяти копеек за каждый переведенный мною стих, и это минимальное, гарантированное мне вознаграждение уплачивается мне единовременно при выпуске первого издания в свет.

4) Авторская корректура производится мною без особого за то вознаграждения.

5) Я получаю бесплатно по двадцать пять экземпляров каждого издания.

6) Вам предоставляется право выпускать означенные переводы отдельно или общим сборником, с присовокуплением статей историко-литературного содержания известных специалистов санскритского языка и древнеиндусской литературы по Вашему выбору. Вообще внешность изданий, цена и порядок выпуска определяется издательством.

Соглашение это прошу подтвердить

К. Бальмонт.

Париж 1915 18 февр. н. с.».

Шестой пункт договора показывает, что в феврале 1915 г. вопрос об авторе предисловия еще не был решен, и потому издательство оставляло за собой право пригласить «известных специалистов санскритского языка и древнеиндусской литературы». Однако через несколько месяцев издатель получил ответ Ольденбурга с согласием написать вводный очерк к тому переводов драм Калидасы.

6.V.915

Академия наук
Петроград

«Милостивый государь
Михаил Васильевич!

Письмо Ваше от 10 января по вопросу о переводах Калидасы и предисловия к ним я получил только теперь, по возвращении из экспедиции в Китай²⁹. Не знаю поэтому, не изменились ли Ваши намерения. Чрезвычайно сочувствую Вашему намерению познакомить русских читателей с памятниками индийской литературы.

Я мог бы дать предисловие к Калидасе, но не ранее осени, т. к. в настоящую минуту и значительную часть лета должен посвятить свое время приведению в порядок больших материалов моей последней экспедиции.

Двух печатных листов было бы по-моему вполне довольно, т. к., конечно, всякие специальные подробности излишни для неспециалиста.

Что касается до вознаграждения, то я вполне предоставляю его Вашему усмотрению и от себя никаких условий не ставлю. Считаю только необходимым иметь две³⁰ корректуры: в гранках и сверстанную.

Примите уверение в совершенном моем почтении

Сергей Ольденбург».

Ольденбург писал предисловие, Бальмонт готовил новые переводы, занимался изучением санскрита, читал специальные индологические труды; он предпринимал попытки выпустить отдельным изданием «Малявику и Агнимитру». Об этом поэт сообщает в письмах, которые хранятся в архивах. Вот некоторые выдержки из них.

14.I.1915 (жене, из Парижа):

«Я уже серьезно начал думать об отъезде в Россию, но хочется предварительно закончить намеченные чтения³¹ и подготовить разные рукописи, чтоб не с пустыми руками приехать... Надеюсь к отъезду, в марте, кончить «Урваси» Калидасы... Пошли мне, пожалуйста, какую-нибудь грамматику Санскритского языка на Русском Языке...»

28.I.1915 (из Парижа, жене):

«После поэтического прилива отлив и серые сумерки. Пойду сейчас и засажу себя за «Урваси».

3.II.1915 (из Парижа, жене):

«...Отъезд в Россию, однако, стал как будто дальше, а не ближе. Пути еще не изначаются. Буду пока весь в книгах по-прежнему, ...работаю над «Урваси». О «Малявике» еще не имел отклика».

9.II.1915 (из Парижа, жене):

«Получил твою радостную открытку, от 10 января, с сообщением об успехе «Сакунталы», как книги (я ее еще не видел). Как это приятно!.. Прочла ли ты «Малявику»? Это как бы юношеское предчувствие «Сакунталы». А «Урваси» гаснущее воспоминание о ней. Весь том будет очень цельным».

11.II.1915 (из Парижа, жене):

«Мише Сабашникову пишу через день и посылаю ему договор относительно Калидасы. Буду ждать с нетерпением корректур «Малявики». Принимаюсь до обеда за «Урваси»...

16.II.1915 (из Парижа, жене):

«Я получил также корректуру «Малявики» от Сабашникова».

18.II.1915 (из Парижа, жене):

«Я продолжаю писать стихи, хотя эти последние два дня меня отвлекла «Урваси». И корректура «Малявики» тоже, которую я посылаю Сабашникову, с надписью, что для утверждения, т. е. вторичного прочтения, корректура должна быть доставлена тебе. Если обстоятельства не изменятся, я думаю, что можно будет выехать отсюда в Россию 15-го апреля н. с. До этого срока я успею кончить «Урваси».

18.II.1915 (из Парижа, М. В. Сабашникову):

«Дорогой Миша, благодарю тебя за посылку книги Уолле-

са³², стихов Алкея и Сафо³³ и двух экземпляров «Сакунталы», весть об успехе которой весьма мне была радостна. Я получил также корректуру «Малявики», которую возвращаю тебе, а равно договор о Калидасе, здесь прилагаемый.

Я его подписал, но обращаю твое внимание на то, что перевод Калидасы состоит из стихов и прозы (как в подлиннике), а в договоре говорится лишь о стихах. Не будешь ли добр внести дополнения³⁴. Я просил бы также не по 25-и авторских экземпляров, а по 40.

Мне очень любя мысль о соединении трех драм Калидасы в один том, снабженный примечаниями и изъяснительными очерками. Но найдешь ли ты интересным, кроме того, издать каждую драму отдельно, как издана «Сакунтала»? Мне казалось бы, что это изящно и удобно. О возможности иллюстраций буду говорить с санскритологами и дам тебе тотчас знать о результатах поисков.

Мечтаю вернуться ранней весной в Москву и остаться в России надолго... Жму руку, твой К. Бальмонт».

20.II.1915 (из Парижа, жене):

...«2-ю корректуру «Малявики» прочти, прошу,— мне ее посылать нет смысла. Но смотри не пропусти: там нет осоки, но много *асоки* (индийское цветущее дерево), также *яванавский* (греческий) правильно и не есть яванский. В «Сакунтале» опечаток не нашел.

Р. С. Еще: В начале 2-го действия у меня *предстает* Царь, а нужно *появляется* (подчеркнуто Бальмонтом). Я забыл исправить³⁵. Работаю над «Урваси».

3.III.1915 (из Парижа, жене):

...«Я эти дни впрочем не в своих стихах, а поглощен «Урваси». Вчера отослал М. Сабашникову 1-е действие. 2-е и 3-е переписываются. 4-е перевожу и уже вижу конец. Пора кончать работу».

9.III.1915 (из Парижа, жене):

...«От Сабашникова получил половину «Малявики» во вторичной корректуре. Отошлю ее «исправленной», но надеюсь, что ты уже утвердила для печати вторую корректуру, которую я просил доставить тебе. Еще не поздно, обрати внимание на то, что в «Малявике» все время говорят об *асоке* (Индусское цветущее дерево) и нигде об осоке (нашей болотной траве). Я подчеркнул это в корректуре. Итак, цветущая Асока не сливается с моей детской Осокой.

...Приближаю к концу «Урваси». Завтра высылаю Сабашникову 2-е действие. Кончаю 4-е. Радуюсь, что опять пишу свои стихи. Думаю, что с окончанием работы с Калидасой буду писать их много».

10.III.1915 (из Парижа, Сабашникову):

«Посылаю тебе 2-е действие «Урваси». Теперь уже можно сдать в набор имеющийся материал, если ничего против этого не имеешь. 3-е и 4-е действия переписываются, вышлю на этой неделе. 5-е действие кончаю. Жму руку, твой К. Бальмонт».

13.III.1915 (из Парижа, жене):

...«Я отправил М. Сабашникову вторичную корректуру «Малыки» с указанием, чтоб для утверждения к печати доставили тебе...»

18.III.1915 (из Парижа, Сабашникову):

«Посылаю тебе 3-е и 4-е действия «Урваси». 5-е, и последнее, высылаю завтра. Я не знаю, не ошибся ли я в нумерации страниц. Отправив 2-е действие, восстановил цифру последней его страницы по памяти. Полагаю, что недоразумений быть не может».

18.III.1915 (из Парижа, Сабашникову):

«Я послал тебе сегодня 3-е и 4-е действия «Урваси». Посылаю и 5-е, последнее. Буду ждать корректуру».

18.III.1915 (из Парижа, жене):

...«Я только что кончил «Урваси». Отсылаю рукопись М. Сабашникову. Радуюсь своему освобождению. Буду теперь опять читать, писать стихи и понемногу готовиться к отъезду... Очень, очень хочется в Россию».

29.III.1915 (из Парижа, жене):

«На днях я получил от тебя «Языческую Русь» Аничкова ³⁶ и «Санскритскую грамматику» Кнауэра ³⁷, а сейчас 2-й том Забелина ³⁸ и русский перевод «Облака» Калидасы ³⁹. Большое спасибо. Я русским книгам очень радуюсь, особенно же если это связано с любимыми предметами».

5.IV.1915 (из Парижа, жене):

...«Собираю материал для примечаний к тому Калидасы».

Вернувшись в Россию в самом начале июня 1915 г., Бальмонт продолжил свою работу над Калидасой. Он сверял корректуру «Урваси» ⁴⁰, закончил начатые еще в Париже лекции о творчестве индийского поэта и драматурга, обсуждал с известными режиссерами возможную постановку на сцене «Малыки и Агнимитры...»

В конце декабря, завершив вступительный очерк к переводам драм Калидасы, Ольденбург отправил М. Сабашникову рукопись и письмо, напечатанное на специальном бланке.

Непременный секретарь
Императорской Академии наук
29.XII.1915

«Милостивый государь
Михаил Васильевич!

Посылаю «Несколько слов о Калидасе и его драмах и о сущности индийской поэзии». Постарался уложить свои мысли в краткий очерк, который, надеюсь, будет немногим больше листа. Я просил бы прислать мне корректуры в гранках, хотя никаких существенных изменений не внесу, только может быть заменить несколько слов другими. Так что если неудобно послать гранки, то могу вполне удовлетвориться и сверстанным. Корректуру задержу на один только день.

Я не согласен во многом с транскрипцией Константина Дмитриевича⁴¹, но, конечно, принимаю ее. Одно только совершенно необходимо исправить в опечатках: надо читать не Пучпамитра, а Пушпамитра; ч. (Мал. и Агним) * — просто недоразумение⁴².

Извиняюсь, что задержал Вас, но кроме моих текущих работ по Академии, как Непременного секретаря, я занят еще и Совещанием по обороне, в котором участвую как член Государственного Совета. Надеюсь, что последнее обстоятельство послужит извинением мне перед Вами и Константином Дмитриевичем.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности
Сергей Ольденбург.

Рукопись послана сегодня же заказной бандеролью».

Третье письмо было отправлено Ольденбургом после получения корректуры предисловия. Оно датируется 16 января 1916 г.

«Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Получил корректуру 14 вечером, возвращаю 16 утром. Если возможно, попрошу сверстанную, так как в первой корректуре было довольно много ошибок **. Извиняюсь, что долго не отвечал насчет иллюстраций, старых туземных светских нет, а новое, хотя и изящно иногда, но представляет досадную с моей точки зрения смесь Востока и Запада, именно смесь, а не соеди-

* В скобках Мал[явика] и Агним[итра] было написано Ольденбургом. Он же подчеркнул ч.

** «Если неудобно, конечно, отказываюсь, но прошу проверить мои исправления» (Примечание рукой Ольденбурга на той же странице).

нение: пока еще не найдены, по-моему, истинные пути к этому единению.

Выученики английских школ молодые живописцы утратили непосредственность своих предков, и потому пока в современной индийской живописи чувствуется та «манерность», которая не может быть в истинном искусстве.

Извиняюсь за эти несколько длинные объяснения, но мне хотелось указать, почему я не могу указать на иллюстрации к Калидасе. Ярким образчиком может служить иллюстрация (я оставляю, конечно, в стороне технические несовершенства воспроизведения) к «Облаку-вестнику» Риттера: ⁴³ это ни Восток, ни Запад, а плохая смесь.

Большое спасибо за Фукидида ⁴⁴, какая великолепная вещь Ваши памятники мировой литературы и какое спасибо мы должны Вам сказать за них!

И это отрадно, что это *свое, свои* переводы ⁴⁵.

Примите уверения в искреннем моем уважении,

Сергей Ольденбург».

Сообщение о выходе в свет тома Калидасы застало Бальмонта уже в Хабаровске (на пути в Японию) — он совершал новое длительное путешествие. 18.IV.1916 он писал жене из Хабаровска в Москву:

«Давно не было от тебя никакой весточки, кроме посланного тобой тома Калидасы. Он меня очень обрадовал. Я уже беспокоился и хотел телеграфировать Сабашникову. Жаль все-таки, что он так замедлил выход книги. Вряд ли она поспела к тому времени, когда в театральных кругах выбирают драмы для новых постановок».

Получив экземпляр книги, Бальмонт писал Сабашникову: «Радуюсь Калидасе» (25.IV.1916 из Владивостока).

Ольденбург с редким тактом отнесся к работе Бальмонта и изданию в целом. Важность перевода он видел в ознакомлении русской публики с индийской классикой. В этом была главная задача.

Литературовед, фольклорист, знаток не только восточной, но и русской литературы и поэзии, Ольденбург, без сомнения, придерживался своих принципов перевода индийской классики. Однако, уважая в Бальмонте поэта, он старался найти привлекательность в попытке «русского поэта дать нам чужие образы в словах и звуках родной нам речи». Ольденбург не был столь строг к языку («словарю») Бальмонта, как это сделал после выхода в свет «Жизни Будды» друг поэта В. Брюсов. Но он не мог не написать: «Творения индийского поэта вызовут скорее

недоумение, чем наслаждение и радость». Причину этого ученый видел не столько в характере перевода, сколько в особом восприятии человеком Запада творений литературы Востока — и, в частности, Индии. Этим объясняется обращение Ольденбурга к русскому читателю со словами доброго пожелания: «Не читайте быстро и не скользите по тому, что написано, ибо его надо перечувствовать, его надо пережить». Ольденбург призывал читателя стать сотворцом прочитанного, «вступить в таинственную ограду Прекрасного», в самом себе растить красоту. «От вас же зависит увидеть настоящего Калидасы, творца «Сакунталы», которого понимает и любит Индия и которого поймете и оцените и вы, если захотите и сможете приложить к нему настоящее внимание и любовь к прекрасному».

Том драм Калидасы был издан без иллюстраций, хотя Бальмонт консультировался со специалистами и уже начал подбирать фотографии. Причина их отсутствия объяснена в письме Ольденбурга. Доводы академика выглядели убедительными, и М. В. Сабашников последовал его совету.

Вступительный очерк Ольденбурга по замыслу издателя не должен был носить характера научного исследования, но он был написан с присущим Сергею Федоровичу блеском, доступно и на самом высоком научном уровне; он вводил в круг основных вопросов изучения жизни и творчества Калидасы и одновременно касался общих проблем истории древнеиндийской поэтики и драматургии, равно как специфики древнеиндийских литературных традиций.

В заключении своего очерка Ольденбург обращал внимание читателя на неподдельную искренность и глубину в передаче человеческих чувств поэтами Индии. Он сравнивал Калидасы с Ф. Тютчевым, отдавая при этом предпочтение древнеиндийскому поэту. Он писал:

«Ведь в этой поэзии и особенно в Калидасе мы находим ответ на вопрос, столь мучительно поставленный Тютчевым:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Вопрос, на который Тютчев сумел ответить только уничтожающим всякое человеческое общение словами:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои.

Индийская поэзия отнеслась глубже к этому жгучему вопросу, пережила его ярче и сильнее и дала ответ, символом которого был колокольный звон. Индийские поэты почувствовали, что если только они сумеют заставить зазвучать призывный колокол красоты, отзвук его найдет себе путь в сердце тех, кто действительно хочет слышать. И потому мы не боимся передать в руки истинному читателю драмы Калидасы, поэта, решившего выразить

И чувства и мечты свои».

Ольденбург являлся в то время крупнейшим в России специалистом по индийской литературе, блестящим санскритологом. Имя его было широко известно не только среди ученых, но и писателей, он был одним из организаторов Союза писателей и членом Комитета литературного фонда России, был связан со многими крупными поэтами и писателями — А. М. Горьким, В. Г. Короленко, А. Белым, Вяч. Ивановым, позднее с А. Блоком.

Непременный секретарь Российской АН был и автором популярных работ, переводчиком западной и восточной классики. Он часто печатался в журналах для широкого круга читателей. Вся Россия следила за Русской Туркестанской экспедицией, которую дважды — в 1909—1910 и 1914—1915 гг. — возглавлял Ольденбург.

Бальмонт не случайно решил обратиться именно к Ольденбургу с просьбой написать вступительный очерк к своим переводам драм Калидасы. Судя по письмам, он знал работы академика и высоко ценил талант этого «достойного человека», «большого знатока Индии».

Работая над переводами поэмы Ашвагхоши «Жизнь Будды» и драм Калидасы, Бальмонт часто встречался с С. Леви — близким другом Ольденбурга. Возможно, что, когда перед Бальмонтом встал вопрос об авторе предисловия к драмам Калидасы, идею о приглашении Ольденбурга мог поддержать и С. Леви, который по просьбе Бальмонта сам уже написал введение к переводу поэмы Ашвагхоши и прекрасно знал индологические труды своего русского коллеги⁴⁶. Леви и Ольденбург часто встречались во Франции и России. Так, в марте 1913 г. Ольденбург приезжал в Париж на Международную выставку по буддийскому искусству и виделся с С. Леви, летом того же года С. Леви гостил в Петербурге у Ольденбурга.

Когда Бальмонт и Ольденбург встретились впервые, неизвестно⁴⁷. К сожалению, личная библиотека Ольденбурга, которую он завещал Таджикской базе Академии наук СССР, сохрани-

лась далеко не полностью, но даже и сейчас в ней имеются пять сборников стихов Бальмонта ⁴⁸. Первоначально их, несомненно, было больше. Можно предполагать, что после выхода тома с предисловием Ольденбурга Бальмонт также подарил ему книгу. Произошло это, очевидно, в октябре или ноябре 1916 г., когда поэт посетил Азиатский музей Академии в Петрограде и преподнес — 20 ноября — экземпляр книги В. М. Алексееву ⁴⁹, тогда младшему ученому хранителю Азиатского музея (впоследствии академик, крупный синолог).

Бальмонт без колебаний назвал издателю имя Ольденбурга как возможного автора предисловия, и это был лучший выбор, который мог сделать поэт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хранятся в ЦГАЛИ.

² Хранятся в фонде М. и С. Сабашниковых в РО ГБЛ.

³ Прежде всего РО ГБЛ.

⁴ Возможно, что вопрос о переводе сочинений Калидасы поэт обсуждал с С. Леви еще до своего путешествия. Не случайно, узнав об отъезде Бальмонта, Леви направил ему открытку, в которой словами Калидасы напутствовал русского поэта.

⁵ К. Д. Б а л ь м о н т. Слово о Калидасе.— Б а л ь м о н т. Избранное, ук. изд., с. 572. Но в целом Бальмонт основывался на английском переводе (A. W. R y d e r. Kalidasa. Translation of Sakuntala and other works. L.— N. Y., 1912).

⁶ Самая ранняя — «Малявика и Агнимитра» и самая поздняя — «Урваши». Эту же точку зрения разделял и С. Ф. Ольденбург.

⁷ Юргис Балтрушайтис.

⁸ Бальмонт, как известно, переводил Шелли и Словацкого: Ш е л л и. Соч. Пер. с англ., вып. 1. СПб., 1893.

⁹ Ю. С л о в а ц к и й. Три драмы. Пер. с польск., Стихами К. Д. Бальмонта. М., 1911.

¹⁰ Для написания этой работы Бальмонт, очевидно, широко пользовался трудом С. Леви «Индийский театр».

¹¹ Было исправлено (перевязь).

¹² Было исправлено.

¹³ Было исправлено.

¹⁴ Было исправлено.

¹⁵ Было исправлено.

¹⁶ Было исправлено.

¹⁷ Исправлено на «как должно».

¹⁸ Исправлено на «поименование».

¹⁹ Было исправлено.

²⁰ Было исправлено.

²¹ Было исправлено.

²² Исправлено не было; осталось так, как ошибочно написал в верстке сам Бальмонт,— «тысячеглазый».

²³ См. примеч. 21.

²⁴ См. примеч. 22.

²⁵ Бальмонт, очевидно, надеялся, что «Сакунтала» выйдет в свет

в январе 1915 г. Судя по письму М. В. Сабашникова к С. Ф. Ольденбургу, «Сакунтала» в начале января была уже выпущена.

²⁶ Ср. письмо поэта к Е. А. Бальмонт от 4.I.1915: «Бегу сейчас на почту отправлять «Малявику и Агнимитру». Посылаю рукопись на имя М. Сабашникова...»

²⁷ Этот хронологический порядок в расположении драм Бальмонт, как уже отмечалось, заимствовал из книги С. Леви «Индийский театр». В лекции «Любовь и ревность в творчестве Калидасы» он расположил драмы в таком же порядке, первую называя «юношеской». Ср. письмо к жене от 9.II.1915.

²⁸ Ср. письмо поэта к жене от 5.II.1914 («Примечания изготавлю сам»). Однако том был издан без примечаний.

²⁹ Экспедиция работала в Восточном, или, как тогда называли, в Китайском Туркестане. Подробнее см.: С. Ф. О л ь д е н б у р г. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914; Г. М. Б о н г а р д - Л е в и н. Индологическое и буддологическое наследие С. Ф. Ольденбурга.— Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.

³⁰ Подчеркнуто Ольденбургом.

³¹ Бальмонт готовил лекции, в том числе и о Калидасе, с которыми затем он выступал в различных городах России.

³² М. У о л л е с. Дарвинизм. М., 1911.

³³ А л к е й и С а ф о. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова, со вступительным очерком. М., 1914.

³⁴ Рукой Бальмонта добавлено: «В оставленной строке. По своему усмотрению».

³⁵ Эти исправления Бальмонта были учтены при издании тома.

³⁶ Е. В. А н и ч к о в. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

³⁷ Просьба прислать санскритскую грамматику на русском языке была выражена в письме жене от 14.I.1915. Поэт получил учебник Ф. И. Кнауэра — Учебник санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Лейпциг, 1908.

³⁸ И. Е. З а б е л и н. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I—II. М., 1886—1889; второе издание: М., 1908—1912 (какое издание было послано Бальмонту, мы не знаем).

³⁹ Речь идет о переводе П. Г. Риттера поэмы Калидасы «Облако-вестник». См.: «Облако-вестник» (Medha-dūta). Древнеиндийская элегия Калидасы. Пер. с санскрита, предисл. и примеч. П. Риттера, Харьков, 1914. Не зная о планах Бальмонта, Риттер предлагал Сабашникову свои переводы драм Калидасы (его письма сохранились в архиве издательства).

⁴⁰ В письме к жене (9.IV.1915 из Москвы) он писал: «Кончаю корректуру «Урваси», где ты пропустила много маленьких ошибок».

⁴¹ В это время Ольденбург уже ознакомился с переводами Бальмонта всех трех драм. Сабашников, видимо, направил ему эти переводы после получения согласия написать вводный очерк.

⁴² Это пожелание Ольденбурга не было, к сожалению, учтено, и при издании осталась неправильная транскрипция.

⁴³ В издании перевода П. Г. Риттера было помещено черно-белое

фото одной из картин известного индийского художника Абаниндратха Тагора — его иллюстрация к тексту «Облако-вестник».

⁴⁴ Ф у к и д и д. История. Пер. Ф. Мишенко в переработке, с примечаниями и вступительным очерком С. Жебелева. I—II. М., 1915.

⁴⁵ Подчеркнуто Ольденбургом.

⁴⁶ Бальмонт или Ольденбург подарили книгу С. Леви (экземпляр хранился в библиотеке С. Леви в Париже, он передан после смерти французского ученого Институту Индийской цивилизации, директором которого Леви был в течение многих лет).

⁴⁷ В письмах к сыну (1903—1904 гг.) Ольденбург, высоко оценивая поэзию Бальмонта (прежде всего сборник «Горящие здания»), признается, что знает его «сравнительно мало». Об этом мне любезно сообщил М. А. Сидоров. Возможно, что в это время поэт и ученый переписывались. В Национальной библиотеке Франции хранится записная книжка Бальмонта за декабрь 1904 г. В ней записан адрес Ольденбурга.

⁴⁸ Этим сообщением я обязан проф. А. Л. Хромову, которому приношу признательность.

⁴⁹ Книга с дарственной надписью Бальмонта — «На память благуу В. М. Алексееву — да встретимся в час свой в Индии и Китае» хранится у его дочери, М. В. Баньковской.

В апреле 1916 г. Бальмонт направился в Китай, увлекся и заинтересовался его культурой; в том же году В. М. Алексеев выпустил свою книгу (Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун-ту (837—908). Пер. и исслед. с приложением китайских текстов). Петроград, 1916.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Бонгард-Левин. Введение</i>	3
<i>Г. Бонгард-Левин. Индийская культура в творчестве</i>	
<i>К. Д. Бальмонта</i>	6
<i>Примечания</i>	28

Ашвагхоша

ЖИЗНЬ БУДДЫ

<i>Г. Бонгард-Левин. Проповедник, поэт, драматург . . .</i>	33
<i>ЖИЗНЬ БУДДЫ. Поэма</i>	42
<i>Приложение</i>	238
<i>Примечания</i>	244
<i>Словарь</i>	249
<i>Г. Бонгард-Левин. История бальмонтовского пере- вода</i>	263
<i>Примечания</i>	279

Калидаса

ДРАМЫ

<i>Г. Бонгард-Левин. Калидаса и его судьба в России . .</i>	285
<i>Примечания</i>	298
<i>МАЛЯВИКА И АГНИМИТРА</i>	299
<i>Примечания</i>	358

ШАКУНТАЛА	365
Примечания	465
МУЖЕСТВОМ ДОБЫТАЯ УРВАШИ	477
Примечания	544
<i>Г. Бонгард-Левин.</i> Бальмонт — переводчик Кали- дасы	551
Примечания	569

Ашвагхоша

А98 Жизнь Будды / Ашвагхоша. Драммы / Калидаса; Пер. К. Бальмонта; Введение, вступ. статья, очерки, науч. ред. Г. Бонгард-Левина. — М.: Худож. лит., 1990. — 573 с.

ISBN 5-280-01241-6

Книга содержит поэму древнеиндийского поэта Ашвагхоши (I—II вв.) «Жизнь Будды» и драмы великого писателя V в. Калидасы в переводах русского поэта-символиста К. Д. Бальмонта. Известный востоковед Г. Бонгард-Левин в статьях и очерках, основанных на новых архивных материалах, воссоздал историю этих переводов и показал увлеченность русского поэта Индией и ее культурой.

А 4703020600-227 171-90
028(01)-90

ББК 84.5Ид

**Ашвагхоша
Жизнь Будды**

**Калидаса
Драмы**

Редактор
С. П р о к у н и н а

Художественные редакторы
А. О р л о в, А. М о и с е е в

Технический редактор
Н. К о ш е л е в а

Корректоры
Г. А с л а н я н ц, О. Д о б р о м ы с л о в а

ИБ № 5918

Сдано в набор 27.12.89. Подписано в печать 13.09.90. Бумага кн.-журн. имп. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24+альбом=31,92. Усл. кр.-отт. 37,8. Уч.-изд. л. 32,86+альбом=34,74. Изд. № VIII-3240. Заказ 485. Тираж 100 000 экз. Цена 5 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

К. Бальмонт. Перед заморским путешествием.

Дом в Париже — «улица Башни». Здесь поэт работал над переводом Ашвагхоши и Калидасы.

АСВАГОША

ЖИЗНЬ БУДДЫ

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

КАЛИДАСА

ДРАМЫ

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

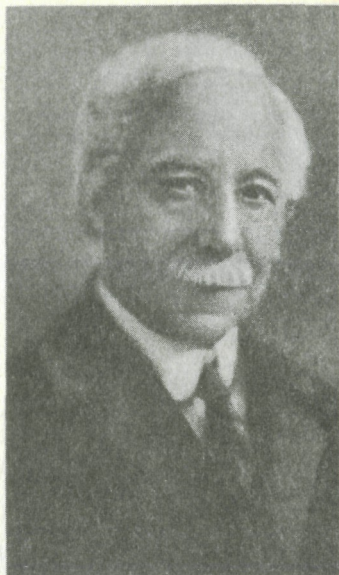
Обложка книги «Жизнь Будды», выпущенной издательством М. и С. Сабашниковых (1913 г.).

Обложка книги «Калидаса. Драмы», выпущенной издательством М. и С. Сабашниковых (1916 г.).

Академик С. Ф. Ольденбург (Русская
Туркестанская экспедиция 1914—
1915 гг.).

Академик Франции С. Леви.

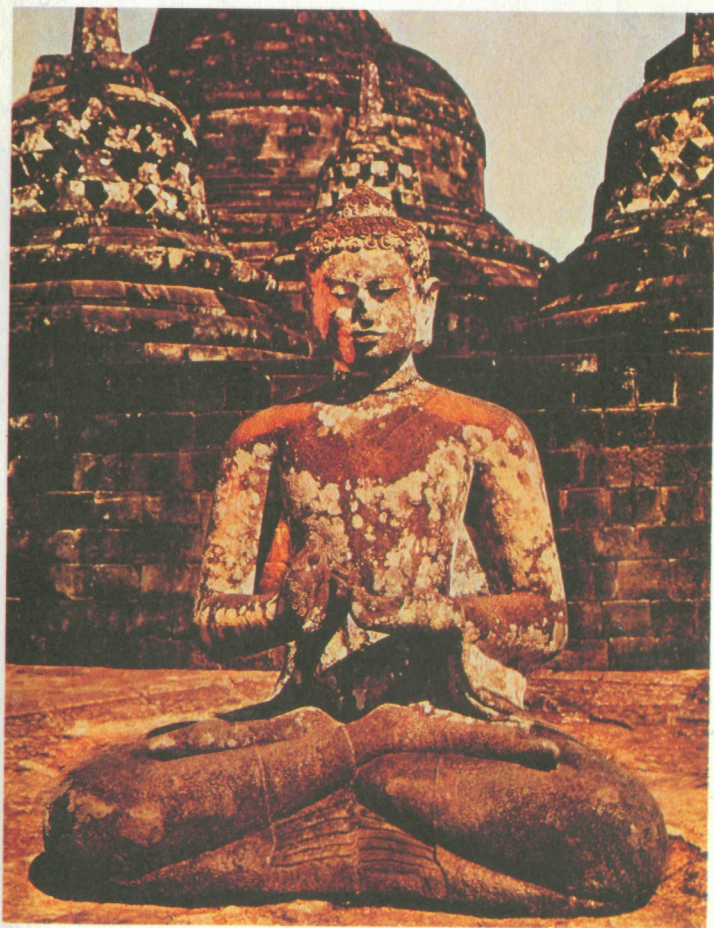
К. Бальмонт. Последние годы. Фран-
ция.

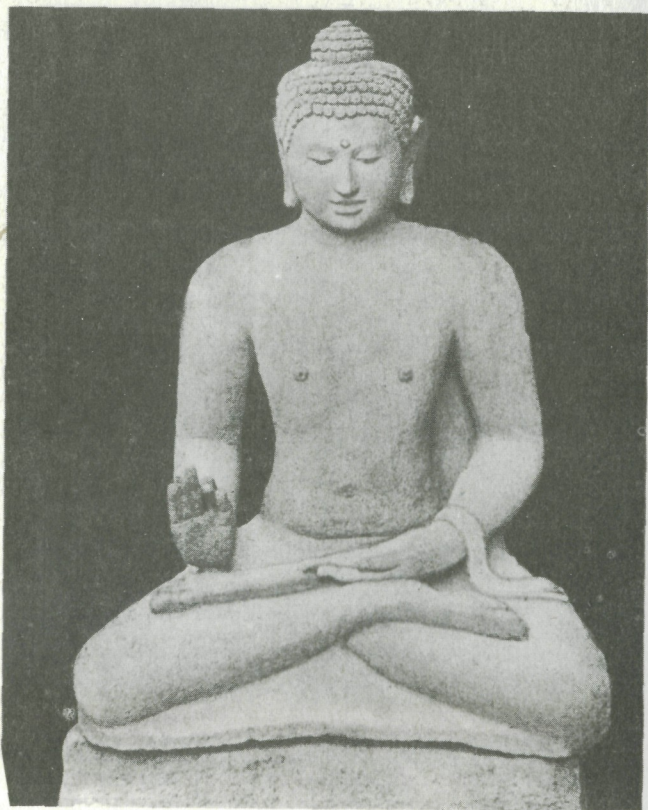
«Мой внешний лик все тот же,
Но в сердце много грусти».

Будда соприкоснулся к нам все время в
Мьянмист и в Индийском океане и в Южной
Африке, — и мы кажутся естественными, но
они уже окончили.

Милу руску.

Милой К. Баймист.

Статуя Будды. Боробудур. Фото К. Бальмонта.

Улица в Коломбо. Фото 1914 г. известного русского индолога и этнографа А. М. Мерварта.

Из Коломбо в глубь страны. Художник А. Д. Салтыков. Цейлон, 1841.